СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

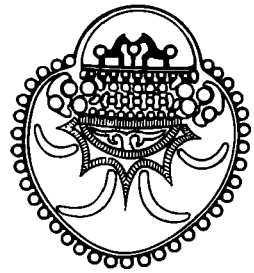
1

1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год

№ 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА — 1970

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),
С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, М. К. Каргер,
Е. И. Крупнов, Б. Б. Пиотровский, Б. А. Рыбаков,
А. П. Смирнов (зам. главного редактора)

Ответственный секретарь *И. С. Каменецкий*

Адрес редакции:
Москва, Ж-127, ул. Осипенко, д. 52

БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ ФАРМАКОВСКИЙ

Статьи

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ БОРИСА ВЛАДИМИРОВИЧА ФАРМАКОВСКОГО

31 января 1970 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Бориса Владимировича Фармаковского — крупнейшего специалиста в области античной археологии и античного искусства. Б. В. Фармаковский родился в г. Вятке (совр. г. Киров) в семье педагога [1]. Вскоре семья Фармаковского переезжает в Симбирск. Там отец Бориса Владимировича — Владимир Игнатьевич Фармаковский стал инспектором народных училищ. Его непосредственным начальником был Илья Николаевич Ульянов — директор народных училищ Симбирской губернии. Семья Фармаковских жила недалеко от семьи Ульяновых. Родители поддерживали знакомство, дети вместе играли. В гимназические годы Борис Фармаковский часто встречался с Володей Ульяновым. В архиве документов В. И. Ленина под № 1 хранится письмо 12-летнего Володи Ульянова, написанное тотемами на коре березы в марте 1882 г. Оно адресовано Борису Фармаковскому, товарищу Володи Ульянова по Симбирской гимназии [2]. В архиве Б. В. Фармаковского имеются другие документы того далекого времени, сохранившие некоторые сведения о взаимоотношениях семьи Фармаковских с семьей Ульяновых. Студенческие годы Б. В. Фармаковский провел в Одессе. Там он успешно закончил в 1892 г. историко-филологический факультет Новороссийского университета (ныне Одесского) и получил диплом Первой степени.

Период, когда начали формироваться научные интересы Бориса Владимировича, характерен выдающимися открытиями в области античной археологии и античного искусства. В последней трети XIX в. было сделано особенно много для изучения культуры античной Греции. Раскопки в Олимпии, начатые в 1875 г., дали миру остатки величественных сооружений святилища Зевса Олимпийского и ряд прекрасных скульптур V—IV вв. до н. э. В 1878 г. были начаты раскопки в Пергаме и открыты великолепные скульптуры эллинистического времени, украшавшие алтарь Зевса. Работы в Эпидавре и в Элевсине ознакомили мир с новыми скульптурами и памятниками греческого зодчества. Раскопки на о. Делос дали прекрасные образцы архаической скульптуры. Открытия в Трое, Микенах и Тиринфе обогатили науку совсем новым кругом памятников, расширив представления о культуре и искусстве Греции. Важное значение для истории греческого искусства эпохи архаики имели открытия, сделанные в 1885—1891 гг. на Афинском акрополе. Интересные материалы по истории эллинистического города дали раскопки Милета, начатые в 1889 г.

Памятники античного времени широко исследовались в это время и в России. Созданная в 1859 г. Императорская Археологическая Комиссия проводила раскопки в Керчи и ее окрестностях, были начаты раскопки Ольвии и Херсонеса. Несколько ранее пробовали копать Танаис. Проводились большие раскопки многочисленных курганов. В музеи поступило большое количество греческих ваз, ювелирных изделий, греческих надписей и

[1] А. Н. Карасев. Борис Владимирович Фармаковский. КСИИМК, XXII, 1948, стр. 5—7.

[2] См. «Правду» от 21 апреля 1965.

образцов греческой торевтики, находимых при раскопках или купленных у кладоискателей.

Новые открытия пробудили интерес к изучению античной культуры. Борис Владимирович начал заниматься античным искусством [3]. Богатые коллекции античных древностей, собранные в Одесском музее Императорского общества истории и древностей, привлекли внимание способного студента. Его первая научная работа, посвященная анализу трех фрагментов краснофигурных ваз из Одесского музея, была опубликована в 1893 г. в Записках Императорского Одесского общества истории и древностей (т. XVI). Лингвистический анализ надписей, сохранившихся на этих фрагментах, их толкование с привлечением многочисленных свидетельств древних авторов показывают хорошую лингвистическую подготовку молодого ученого. Способности Б. В. Фармаковского и его склонность к научной работе были замечены, и он был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре истории искусств.

В 1894 г. Б. В. Фармаковский по ходатайству Одесского университета получает трехгодичную командировку за границу. Он посетил Грецию, Италию, Турцию, Англию, Францию, Германию и Австрию. Он смог познакомиться с местами важнейших археологических раскопок, увидеть величественные памятники античной архитектуры. Он изучал оригинальные произведения античных скульпторов и живописцев в лучших музейных собраниях, работал в различных библиотеках мира. Он интересуется разнообразными школами древнегреческой скульптуры. Его доклад «Голова эфеба школы Микона афинского в Афинском Национальном Музее», зачитанный в его отсутствие в 1895 г. на заседании отдела древнеклассической, византийской и западноевропейской археологии Русского археологического общества, был опубликован на греческом [4] и русском языках [5]. Его внимание привлекают вопросы крито-микенской культуры [6]. Позднее, в 1906—1907 гг. он прочтет в Санкт-Петербургском университете курс лекций, посвященный истории эгейской и крито-микенской культур. Для Б. В. Фармаковского, как для исследователя, характерно уменье связать частное с общим. Он рассматривал вещь или фрагмент не изолированно, а на фоне больших общих вопросов развития культуры. Так, в статье «Стенная живопись микенской эпохи» он публикует небольшой обломок фрески из мегарона дворца на Микенском акрополе. Но здесь же он дискутирует с учеными, отрицавшими единство микенского искусства, ставит вопрос о неодинаковом характере связей микенской живописи с Египтом в различные хронологические периоды.

После возвращения в Россию Борис Владимирович некоторое время преподавал древние языки в одной из гимназий Петербурга, а с 1898 по 1901 г. работал ученым секретарем Русского археологического института в Константинополе (Стамбул). В этот период он участвовал в раскопках, которые проводил этот институт в Македонии близ с. Пателя [7], и совершил археологическую поездку по Малой Азии [8]. В Константинополе еще более расширяется круг его научных интересов. Он по-прежнему работает над вопросами, связанными с историей античного искусства [9]. При этом он

---

[3] М. М. Кобылина. Б. В. Фармаковский — историк античного искусства. КСИИМК, XXII, стр. 14—16.

[4] 'Αρχαιολογικη' Εφημερις, 1897.

[5] ЗРАО, VIII, СПб., 1896, 3—4, стр. 438.

[6] Б. В. Фармаковский. Микены и Финикия. «Филологическое обозрение», XI, М., 1896; его же. Стенная живопись Микенской эпохи. ЗРАО, IX, 3—4, СПб., 1897, стр. 265 сл.

[7] Раскопки Русского археологического института близ Пателя (Македония) в 1898 г. ИРАИК, IV, София, 1899, 3, стр. 122 сл.

[8] Экскурсия в Малую Азию в 1899 г. ИРАИК, VI, София, 1901, стр. 418 сл.

[9] Вакхилид и аттическое искусство V в. ЖМНП, СПб., 1898; Лесха Книдян в Дельфах. ИРАИК, IV, 1, стр. 152 сл.; О терракотовых саркофагах из Клазомен в Оттоманском музее в Константинополе. ИРАИК, IV, стр. 111.

широко привлекает в своих работах не только археологические, но и письменные источники. Так, пытаясь реконструировать по данным раскопок Французской археологической школы здание лесхи книдян в Дельфах, Б. В. Фармаковский анализирует тексты греческих авторов и устанавливает, что в них упоминаются различные типы лесх в греческих городах. Его интересует греческое искусство архаического и классического периодов, и в то же время он готовит к печати византийский пергаментный свиток XII в. Борис Владимирович дает сюжетный и художественный анализ его прекрасных миниатюр, определяет содержание текста [10]. Тогда же его внимание привлекают византийские мозаики Кахриэ-Джами [11].

В начале 1901 г. Б. В. Фармаковский возвращается на родину. Его назначают членом Императорской археологической комиссии, и он становится во главе Ольвийской археологической экспедиции. В 1902 г. он получил ученую степень магистра теории и истории искусств, защитив в Новороссийском университете диссертацию на тему: «Аттическая вазовая живопись и ее отношение к искусству монументальному в эпоху непосредственно после греко-персидских войн» (СПб., 1902). Это большое исследование, работая над которым, автор изучил огромное количество расписных ваз, хранящихся в различных музеях, использовал все доступные нам письменные источники. Он показал свое уменье исследовать памятники искусства в связи с социально-политическими условиями эпохи, в которую они создавались. Особый интерес представляет яркий и убедительный анализ творчества Полигнота, который сумел здесь дать Б. В. Фармаковский.

С 1901 г. начинается важнейший период в деятельности Бориса Владимировича, связанный с его раскопками Ольвии. Свою полевую археологическую деятельность он начал в 1896 г. раскопками некрополя Ольвии. Тогда же он производил работы на Березани. Позднее, летом 1901 г. он возобновил раскопки ольвийского некрополя, раскопал курган с монументальным склепом, построенным Евриспвием и Аретой, и установил северную границу города. С 1902 г. Борис Владимирович приступает к систематическим исследованиям городской территории, не прекращая работ на некрополе. Впервые в истории русской археологической науки раскопки античного города были подчинены задаче изучения его истории [12]. До Б. В. Фармаковского раскопки Ольвии велись спорадически, только он стал проводить систематические исследования и по хорошо продуманному плану. План был им выработан в 1902 г. Первой задачей своих раскопок он считал определение точных границ древнего города и установление значения отдельных частей территории города, в определении главных городских магистралей [13]. Лишь выполнив эту задачу, с 1910 г. он приступил к систематическим раскопкам отдельных частей города, стратиграфия которых и роль их в истории города были ему уже известны.

В результате раскопок Б. В. Фармаковского, осуществлявшихся без перерывов с 1901 по 1915 г. и затем с 1924 по 1926 г. [14], было установле-

---

[10] Византийский пергаменный рукописный свиток с миниатюрами, принадлежащий Русскому археологическому институту в Константинополе. ИРАИК, VI, София, 1901, стр. 233 сл.

[11] Новые воспроизведения мозаик Кахриэ-Джами в Константинополе. ИРАИК, VI, стр. 417 сл.

[12] В. Д. Блаватский. Б. В. Фармаковский — исследователь античного мира. КСИИМК, XXII, стр. 8.

[13] Б. В. Фармаковский. Ольвия. М., 1915, стр. 9.

[14] ОАК за 1896; ОАК за 1901 по 1915 гг.; ИАК, 8, СПб., 1903; ИАК, 13, СПб., 1906; Olbia. Fouilles et trouvailles 1901—1903. ИАК, 33, СПб., 1909, стр. 103 сл.; СТРАИМК, 1, 1926, стр. 143 сл. и стр. 171 сл.; Б. В. Фармаковский. Ольвия.; его же. Розкопування Ольбії, р. 1926. Одеса, 1929.

но, что границы Ольвии в IV—III вв. до н. э. не совпадали с границами города в римскую эпоху. Раскопки подтвердили свидетельство Диона Хризостома о небольших размерах Ольвии после ее разгрома гетами. На территории нижнего города был раскрыт один из кварталов города эллинистического времени, выявлены типы домов и особенности городского благоустройства, открыт пританей II в. до н. э. На территории верхнего города исследовалась цитадель римского времени, ее оборонительные стены и остатки храма. Кроме того, большое значение имели раскопки некрополя и особенно некрополя архаического времени. Множество могил и склепов, открытых экспедицией, дали огромное количество материалов. Погребения были тщательно зафиксированы, описаны, датированы и опубликованы [15].

С именем Б. В. Фармаковского связана разработка методики полевых исследований античных городов Северного Причерноморья. Им впервые в России применен метод расчленения всей толщи культурных напластований городища на отдельные культурные слои, связанные с различными хронологическими периодами существования города. Строгое планирование работ, тщательное проведение раскопок, хорошо поставленная фиксация на находках, их научная обработка и образцовые для того времени публикации способствовали тому, что Ольвия оказалась изученной лучше, чем другие античные города Северного Причерноморья.

Параллельно с отчетами о раскопках Б. В. Фармаковский публикует отдельные выдающиеся находки из Ольвии [16], давая блестящий искусствоведческий анализ произведениям античного искусства. Кроме исследований Ольвии Борис Владимирович проводил раскопки в окрестностях г. Алешки и в с. Збурьевке бывшей Таврической губернии в 1903 г., участвовал в раскопках Десятинной церкви в Киеве в 1908 и 1909 гг., а в 1916—1917 гг. работал в Евпатории [17]. Свою полевую работу он сочетает с преподавательской деятельностью. В 1905 г. он был избран приват-доцентом Петербургского университета, а в 1910 г. — профессором Петербургских высших женских курсов. Прочитанные им в университете курсы лекций: «Культуры эгейская, критская и микенская» (1906—1907 гг.), «Греческое архаическое искусство в связи с искусством Востока» (1908—1909 гг.), и др. — были опубликованы литографическим способом.

С 1906 по 1919 г. Борис Владимирович был ученым секретарем Русского археологического общества. Он выступал с докладами на трех международных конгрессах: в Афинах (1905 г.), в Каире (1909 г.) и в Лондоне (1913 г.). Большая и многосторонняя деятельность не мешала ему продолжать плодотворную научную работу. Большая эрудиция Б. В. Фармаковского позволяет ему успешно заниматься широким кругом вопросов. Основной темой его работ остается греческое искусство [18]. Его по-прежнему интересуют античные древности, найденные на территории России: художественная керамика [19], терракотовые статуэтки [20], торевтика [21]. Вместе

---

[15] ИАК, 13.

[16] Серия статей под названием «Памятники античной культуры, найденные в России». ИАК, 2, СПб., 1902, стр. 73—80; 3, СПб., 1902, стр. 1—20; 17, СПб., 1905, стр. 109—114; 42, СПб., 1911, стр. 134—143; 51, СПб., 1914, стр. 140—144; 58, Пг., 1915, стр. 82—133; СГАИМК, 1, 1926, стр. 164—170 и 193—199.

[17] СГАИМК, 1, стр. 200 сл.

[18] Колонна Фидия. Сб. К 40-летию профессорской деятельности Н. П. Кареева. СПб., 1914.

[19] Милетские вазы из России. «Древности», XXV, М., 1914; Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории. ИРАИМК, 1, Пг., 1921; Терракотовый сосуд в форме головы Геракла из Пантикапея (Керчи). «Сб. в честь гр. П. С. Уваровой». М., 1916, стр. 311 сл.

[20] Обломки статуэтки Сатира из Керчи. ЗООИД, XXX, Одесса, 1912.

[21] Золотые обивки налучий из Ильинецкого и Чертомлыцкого курганов. «Сб. в честь гр. А. А. Бобринского». СПб., 1910, стр. 45—118; Новейшая датировка Карагo-

с тем он успешно занимался египетскими древностями [22] и совместно с Б. А. Тураевым работал над коллекцией египетских вещей [23]. Наряду с материалами античного времени [24] он изучает вещи фараоновского Египта. Египетским искусством Б. В. Фармаковский интересовался давно в связи с общими вопросами истории искусств. Анализируя предметы крито-микенского, греческого и особенно малоазийского происхождения, он обращается к памятникам египетской и хеттской культур. Интересен в этом отношении его доклад «Архаический период на юге России», прочитанный в Лондоне на международном конгрессе историков в 1913 г. [25]. В этой оригинальной работе Б. В. Фармаковский затрагивает широкий круг вопросов. Он устанавливает черты сходства майкопских сосудов с раннеегипетскими, обращается к памятникам хеттского, ассирийского, скифо-сарматского искусства, прослеживает хеттские корни религиозных представлений у ионийцев и устанавливает связь их со скифским звериным стилем. Колоссальная специальная литература, использованная автором, широта затрагиваемых им проблем, оригинальность мысли характеризуют эту работу. Некоторые ее положения, бывшие дискуссионными в то время, остаются таковыми и сейчас, некоторые из поставленных в ней проблем не могут быть окончательно решены даже в настоящее время, когда количество археологических источников неизмеримо возросло. Надо отметить, что и в тех случаях, когда впоследствии с развитием науки и с появлением новых материалов некоторые из датировок Б. В. Фармаковского были изменены, его мастерски сделанный стилистический анализ памятников, будь то египетская скульптура или изделия греческих торевтов, найденные на юге России, сохраняет свое значение и поныне.

Вскоре после Великой Октябрьской революции выходит из печати популярная книга Б. В. Фармаковского «Художественный идеал демократических Афин» (Пг., 1918). Первая глава ее — «Древние Афины и современность» — отражает взгляд автора на только что произошедшую революцию, которая, по его мнению, должна в корне перестроить жизнь, изменить облик всего мира и перестроить весь мир по-новому [26]. Влюбленный в художественные памятники эпохи Перикла, Б. В. Фармаковский идеализировал афинскую демократию V в. до н. э. Он писал, что переживания России того времени «находят поразительные аналогии в переживаниях античного мира в середине V в. до н. э.», что наступил момент, когда «на место старого порядка должны водворить новый, более совершенный». Именно поэтому он считал, что «художественный идеал демократических Афин» являлся для того времени чисто современной проблемой [27]. Несмотря на то, что Б. В. Фармаковский принадлежал к передовой прогрессивной группе русских ученых, он не сразу понял сущность Великой Октябрьской революции. Лишь через несколько лет он сумеет оценить социальное содержание произошедших перемен. Это найдет отражение в его толковании событий в Ольвии во время ее осады полководцем Алек-

---

деуашхского кургана. ИТУАК, 50, Симферополь, 1913; Аканфовая ветвь на серебряном сосуде, найденном на Таманском полуострове. «Сб. статей в честь проф. В. П. Бузескула». XXI. Харьков, 1914.

[22] См. В. В. Павлов. Высказывания Б. В. Фармаковского о египетском искусстве. КСИИМК, XXII, стр. 17—20.

[23] Б. А. Тураев и Б. В. Фармаковский. Опись коллекций древностей, привезенных из Египта весной 1909 г. ЗРАО, VI.

[24] Портрет из Фаюма. Из собр. В. С. Голенищева № 4290. Памятники Моск. музея изящных искусств. 1, М., 1912.

[25] Опубликован с дополнениями. «Архаический период в России. Памятники греческого архаического и древневосточного искусства, найденные в греческих колониях по северному берегу Черного моря, в курганах Скифии и на Кавказе». МАР, 34, II, Пг., 1914.

[26] Б. В. Фармаковский. Художественный идеал демократических Афин. Пг., 1918, стр. 3 и 5.

[27] Там же, стр. 7, 8 и 16.

сандра Македонского Зопирионом. Действия ольвио-политов в этот критический момент: освобождение рабов, погашение долговых обязательств и дарование гражданства иностранцам — он рассматривал как «форменную революцию» [28].

Еще в ноябре 1914 г. Борис Владимирович был избран членом-корреспондентом Академии наук по историко-филологическому отделению. После того как 17 ноября 1918 г. Народный комиссар по просвещению А. В. Луначарский утвердил устав вновь образованной «Российской Государственной Археологической Комиссии» [29], Б. В. Фармаковский вошел в ее состав. Затем, когда 18 апреля 1919 г. В. И. Ленин подписал декрет Совета Народных Комиссаров об учреждении Российской Академии истории материальной культуры, он был включен в число ее членов и с момента ее организации временно исполнял обязанности ее ученого секретаря. В 1919 г. он последовательно избирался преподавателем Художественно-исторического отделения, заведующим разрядом греко-римского искусства и разрядом археологии Скифии и Сарматии; с сентября 1920 г. — товарищем председателя ГАИМК; в марте 1921 г. он был избран ученым секретарем ГАИМК и нес эти обязанности до конца своей жизни.

Кроме того, Б. В. Фармаковский был председателем ряда комиссий ГАИМК и заведовал складом древностей. Одновременно он вел большую преподавательскую работу. С 1917 г. он работает доцентом Петроградского университета и профессором Петроградского археологического института, а с 1919 г. — профессором Петроградского университета, профессором Педагогического института и Института истории искусств. Он руководит работой студентов-практикантов, прикомандированных к Академии. Вместе с тем он не прекращает активной научной работы. Вместе с Б. А. Тураевым и И. Н. Бороздиным он участвует в публикациях источников [30], связанных с историей скифов и античных государств юга России. Он публикует отдельные памятники искусств, найденные на территории нашей страны [31]. Как и прежде, его исследования отличаются умением не ограничиваться определением сюжета, стиля и даты, а связывать произведение искусства с проблемой того или иного стиля или мастера. Так, курос из Ольвии он рассматривал в связи с генезисом типа греческого «куроса», полихромовые вазы из Фанагории в связи с хризоэлефантинной скульптурой Фидия, новороссийскую чашу в связи с ионийским искусством.

Раскопки Ольвии, возобновленные в 1924 г., имели значение не только благодаря своим важным научным результатам: открытие оборонительных стен храма Аполлона Простата, слоев могильника архаического времени, факта наличия в Ольвии VI в. до н. э. так называемой «гипподамовой» системы планировки, но и потому, что они стали школой, где учились молодые советские археологи. Позднее, после смерти Б. В. Фармаковского, в июле 1928 г. раскопки в Ольвии стали осуществлять его ученики, прошедшие большую полевую практику под его руководством. Методику полевых раскопок, разработанную Б. В. Фармаковским, они еще более усовершенствовали и в свою очередь передали ее своим ученикам. Традиции Б. В. Фармаковского живут в античной археологии и сейчас, параллельно с ее развитием множатся ряды его последователей.

И. Т. Кругликова

---

[28] Б. В. Фармаковский. Отчет о раскопках в Ольвии в 1925 г. СГАИМК, 1, 1926, стр. 199.

[29] Б. В. Фармаковский. К истории учреждения Российской Академии истории материальной культуры. М., 1921, стр. 8.

[30] Древний мир на юге России. М., 1918.

[31] Серебряная, украшенная рельефами чаша Новороссийского музея. ИРАИМК, 1. Пг., 1921, стр. 193 сл.; Мраморная головка Диониса из Ольвии, ГАИМК, 1, Л., 1926, стр. 193 сл.; Архаический «курос» из Ольвии. Там же, стр. 164 сл.

А. П. ЧЕРНЫШ

ХРОНОЛОГИЯ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПОДНЕСТРОВЬЯ

Несмотря на то что мезолитический период один из интереснейших периодов истории развития хозяйства и культуры человека каменного века, степень изученности этой эпохи оставляет желать лучшего. Это неоднократно отмечалось в литературе как советскими, так и иностранными исследователями. Достаточно сказать, что до настоящего времени по вопросу терминологического обозначения этого этапа нет единого мнения. Одни исследователи применяют термин «мезолит», другие же предпочитают применять понятие «эпипалеолит», что отражает разницу в понимании сущности этого периода: или как самостоятельного этапа в развитии общества, или же, во втором случае, лишь как заключительной фазы палеолитической эпохи, не имеющей самостоятельного значения. Существует и третья точка зрения по данному вопросу. Так, А. П. Окладников считает, что термин «мезолит» обозначает переходное время между палеолитом и неолитом, а термин «эпипалеолит» следует применять для обозначения сосуществующих в эту пору реликтовых палеолитических памятников [1].

Большинство памятников мезолитического времени известно преимущественно на основании подъемных материалов, лишь небольшое число исследовано путем раскопок. Во многих районах стационарные исследования мезолитических памятников вообще не производились. Поэтому для ряда территорий вопросы общего порядка вообще пока не могут быть поставлены.

Большое значение придается вопросу геологической датировки мезолитического периода, который с необходимой ясностью еще не разработан. Важна также проблема определения археологической разницы между палеолитом и мезолитом, с одной стороны, и мезолитом и неолитом — с другой. Эта проблема в археологической литературе наиболее сложна и запутана, так как многие мезолитические памятники относятся рядом исследователей к палеолиту. Однако многие позднемезолитические памятники без достаточных оснований датируются неолитическим периодом или же относятся к так называемому докерамическому неолиту. Базируются такие взгляды преимущественно на своеобразной трактовке так называемых геологических условий залегания культурных остатков мезолитического времени. Анализу археологических материалов при этом придается второстепенное значение. Примером подобных взглядов может быть широко распространенная среди современных польских исследователей концепция о палеолитическом времени памятников позднесвидерского облика.

Территория Поднестровья, как и вообще Украина, до последнего времени была в мезолитическом отношении весьма слабо изучена. Первые сведения о наличии здесь находок этого времени появились в результате полевых работ довоенного времени. Мы имеем в виду указания Ч. Амброжевича, Н. Морошана, Е. Кричевского о мезолитических находках на таких

[1] А. П. Окладников. К вопросу о мезолите и эпипалеолите в азиатской части СССР. МИА, 126, 1966, стр. 212.

пунктах, как Дарабаны[2], Наславча, Волошковое, Рестев-Атаки, Комарово[3], Марковка[4]. В Дарабанах было найдено ромбовидное орудие, а в Марковке — трапеция. Кроме того, в работах М. Рудинского было опубликовано несколько карандашевидных нуклеусов из окрестностей Старой Ушицы[5]. Очевидно, сюда же следует отнести находку С. Н. Бибиковым трапеции в Негинской пещере и трапеции на Белой горе в Студенице[6]. После войны в Поднестровье развернулись широкие разведочные работы с целью обследования разновременных археологических памятников. В ходе этих работ был открыт ряд местонахождений, которые на основании типологического анализа были отнесены к мезолитическому времени. С. Н. Бибиков в 1945 г. открыл стоянку Марьяновка II и стоянку против с. Дымшин, которые им датировались поздним мадленом — началом азиля[7]. Серия мезолитических местонахождений на Среднем Днестре была открыта в 40-х годах автором: Сокол II, Бабин VI, Бабин VII, Бабин IV, Молодова V, Вермитка II, Нагоряне II, Раковец, Бабин III, Макаровка III, Атаки VI и др.[8] Следующая группа местонахождений была обследована автором в начале 50-х годов: Рашков VI, Санатовка II и др. Любопытно отметить, что на стоянке Рашков VI была обнаружена трапеция[9]. Несколько позже, в середине 50-х и начале 60-х годов, серия мезолитических местонахождений в Поднестровье была открыта П. И. Борисковским, Н. А. Кетрару, В. И. Маркевичем, В. Н. Станко, Г. В. Григорьевой и др. Среди памятников, открытых в эти годы, наибольшую известность получили Гребеники, Гиржево, Фрумушика I, Александровка I, Познанка, Должанка[10]. Ряд мезолитических памятников был открыт в Причерноморье.

Открытие на Днестре нескольких десятков мезолитических стоянок и местонахождений позволило поставить вопрос о возможности раскопок тех из них, где можно было предположить наличие культурного слоя. Первым исследовавшимся в Поднестровье мезолитическим памятником была многослойная стоянка Молодова V. Верхние слои этой стоянки, раскопки которой производились автором в 1951, 1953—1958, 1960—1962, 1964 гг., были изучены на площади больше 970 $м^2$[11]. Во время исследований этой стоянки, производившихся на протяжении 11 лет, был получен огромный разнообразный материал для характеристики различных этапов развития культуры человека каменного века, и в том числе периода ранней поры мезолита.

---

[2] C. Ambrozewicz. Câteva cuvinte despre presenta epipaleoliticului in regiunea Nistrului din Basarabia de Nord. «Buletinul Facultatii de Ştiinte din Cernauţi», VI, Cernauţi, 1932.

[3] N. Moroşan. Novi contributiuni preistorice asupra Basarabiei de Nord. Acad. Rom. Mem. Sect. Ştiint., серия III, VI. Bucureşti, 1929.

[4] С. Ю. Кричевський. Ранній неоліт і походження трипільської культури. «Палеоліт і неоліт УРСР», I, Київ, 1947.

[5] М. Рудинський. Деякі підсумки та ближчі завдання палеоетнологічних вивчень у межах УРСР. «Антропологія», IV, 1931.

[6] Т. Бібіков. Верхньопалеолітичні знаходища на Середньому Подністрів'ї. АП, II, 1949.

[7] С. М. Бібіков. Ук. соч., стр. 297.

[8] А. П. Черныш. Новые палеолитические местонахождения на территории Молдавской ССР. КСИИМК, XXVI, 1949; его же. Новые данные о палеолите и мезолите Днестра. КСИИМК, XXXII, 1950.

[9] А. П. Черныш. Разведки палеолитических памятников на Днестре в 1952 г. Изв. Молд. ФАН СССР, 4, 1956; его же. Некоторые итоги исследований палеолита Поднестровья, МИА, Ю-З СССР и РНР, Москва — Киев, 1960; его же. Поздний палеолит среднего Поднестровья. Тр. КИЧПЕ, XV, М., 1959.

[10] П. И. Борисковский. Разведки памятников каменного века между Тирасполем и Раздельной. МАСП, I, Одесса, 1957; Г. Ф. Коробкова. Тарденуазская стоянка Гребеники в нижнем Приднестровье. КСИИМК, 67, 1957; Г. В. Григорьева. Новые данные о тарденуазской стоянке Гребеники в нижнем Поднестровье. ЗОАО, I, Одесса, 1960; П. И. Борисковский. Разведки памятников каменного века в Одесской области в 1962 г. КСОГАМ, Одесса, 1964; В. И. Маркевич. Неолитическая стоянка Сороки — Трифауцкий лес. Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР, Киев, 1964.

[11] О. П. Черныш. Палеолітична стоянка Молодовве V. Київ, 1961.

Кратко остановимся на результатах исследований двух верхних слоев Молодовы V — 1а и 1. В первую очередь укажем, что слои 1а и 1 на стоянке были обнаружены в верхней части светло-желтых лёссовидных суглинков, перекрывающихся бурыми суглинками — подпочвой Б. Слой 1а находился на глубине 0,9—1,1, а слой 1 — на глубине 0,5—0,8 *м* от поверхности.

В слое 1а было встречено несколько скоплений культурных остатков, концентрировавшихся вокруг кострищ. Скопления можно рассматривать в качестве остатков жилищ. Среди многочисленных кремневых изделий плоские, ладьевидные, округлые, неправильно-призматические, призматические нуклеусы, предназначенные для скалывания отщепов и пластин; отщепы, пластины, орудия труда. Среди последних разнообразные резцы, небольшие скребки, пластинки с притупленным краем, пластины и отщепы со следами боковой ретуши, острия со скошенным ретушью краем, проколки, острия типа Граветт, пластины и отщепы с отретушированными выемками, пластины и отщепы с чередующейся ретушью, пластины и отщепы с усеченными ретушью краями или концами. Интересна находка удлиненной архаической трапеции на пластине, аналогичной изделиям из Таш-Аир I, Фатьма-Коба, Шан-Коба, Замиль-Коба I, а также из чехословацкой стоянки Тишнов и румынских мезолитических стоянок Бэиле Геркулане и Пештера Хоцирол [12]. В этом же слое был встречен короткий скребок из горного хрусталя. Около 50% орудий слоя 1а изготовлено на отщепах и обломках, что не наблюдалось в предшествующих позднепалеолитических слоях этой стоянки, для которых характерны орудия на пластинах. Среди орудий в этом слое преобладают изделия небольших размеров (30—40 *мм*).

Особо следует отметить изделия из рога. Так, в этом слое был обнаружен плоский гарпун из рога благородного оленя, с отверстием на нижнем конце, двумя рядами зубьев и следами одного шипа на поверхности. Этот гарпун азильского типа имеет следы гравировки. Кроме того, в этом слое были встречены роговой топор с коленчатой рукояткой и следами гравировки, рога оленей со следами распиливания и разрезывания. Среди других материалов отметим серии терок и отбойников из камня, остатки краски, смолу сосны.

Среди фауны преобладают остатки костей северного оленя и лошади. Кроме того, были найдены кости зубра, лося, благородного оленя, носорога, волка (?), птицы.

Произведенный анализ по C^{14} дал абсолютную дату этого слоя в 10 590±230, что дает основание отнести этот слой ко времени позднего дриаса. Археологический материал слоя 1а дает основание отнести его к раннему мезолиту, что подтверждается сходством материалов этого слоя с таким, например, памятником, как Сцекзард-Паланк (Венгрия), имеющим датировку 10 350±500, с витовским слоем дюны у Витова, имеющим датировку 10 815±160 [13], а также с такими памятниками раннего мезолита, как Тишнов, Густопеч, Пештера Хоцилор, Бэиле Геркулане, Кобылянка, Михайловка, Кантемир. Малые хатки, Приймово, Раковец I, Нагоряна II, Бабин III и др. [14] Многие из этих памятников были открыты недавно.

---

[12] Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа для периодизации послепалеолитических культур Крыма. МИА, 91, 1960, табл. VI, *4*; его же. Пещерная стоянка Замиль-Коба I. Тр. ГИМ, VIII, М., 1938, табл. III, *1*, *16*. Материалы 6-го слоя Шан-Кобы хранятся в Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде; S. Vencl. Ostroměrská skupina. «Archeologické rozhledy», XVIII, 3, Praha, 1966, рис. 130, *79*; C. S. Nicolăescu-Plopşor şi Eugen Comsa. Microlitele de la Băile Herculane. SCIV, VIII, 1—4, 1957, рис. 6, *2*.

[13] Анализы H 408c и Gro = 828.

[14] А. М. Кремер. Материалы разведок памятников каменного века на р. Сарате. ЗОАО, I, Одесса, 1960, стр. 224—225; В. Красковский, А. Кремер. Михайлівська епіпалеолітична стоянка. Матеріали з археології Північного Причорномор'я. 2, Одесса, 1959; Г. В. Григорьева. Новые данные о тарденуазской стоянке Гребеники в нижнем Поднестровье. ЗОАО, I, стр. 226—230; В. И. Красковский. Памятники позднего палеолита и эпипалеолита в Одесской области. ЗОАО, стр. 219—

В самом верхнем (1) слое стоянки Молодова V также были обнаружены скопления культурных остатков, очажные пятна, многочисленные изделия, остатки фауны. Среди кремневых изделий этого слоя — неправильно-призматические, призматические, круглые, дискообразные, ладьеобразные, плоские, примитивно-конические и примитивно-карандашевидные нуклеусы. Средние размеры изделий 30—40 *мм*. Среди орудий преобладают изделия на отщепах и обломках, меньше на пластинах. Орудия состоят из резцов, скребков, пластин и отщепов со следами ретуши по краю, пластин и отщепов с чередующейся ретушью, пластинок с притупленным краем, пластинок с усеченным ретушью основанием, пластинок и отщепов с боковыми выемками, проколок, орудий типа лезвий перочинного ножа, мелких острий, сегментообразного изделия, архаической удлиненной трапеции, топорообразного орудия, пластинок со скошенным краем, пластинок с усеченными ретушью концами, отбойников. Здесь был встречен резец из горного хрусталя. В слое 1 были обнаружены специфичные только для этого слоя кремневые орудия типа скребков. Это узкие массивные скребки с притупленными ретушью краями. Такие скребки можно назвать скребками молодовского типа. Кроме этих изделий здесь появились скребки со скошенным рабочим краем.

Кроме кремневых в слое 1 паблюдались и роговые изделия: роговые топоры с коленчатыми рукоятками, «жезл начальника», обломок наконечника с прорезью, рог с кольцевыми выгравированными линиями. Среди фауны преобладают остатки северного оленя, были встречены также остатки костей благородного оленя, зайца, корсака или лисицы, лося и оленя неуточненного вида.

Радиоуглеродная датировка этого слоя дала 10 940 ± 150 [15], что позволяет отнести этот слой также к позднему дриасу. Материалы этого слоя имеют сходство с инвентарем таких памятников, как Сцекзард-Паланк, Витов (тарновский комплекс), Густопеч, Поливанов Яр, Бабин VI, Владимировка (верхние слои), Осокоровка (3-й слой) и др.[16] Слой 1 также относится к раннему мезолиту.

Более поздние памятники мезолитического времени были на Днестре встречены в подпочве Б (бурые суглинки), перекрывающейся черноземом.

223; И. Т. Черняков. Итоги полевых исследований 1961 года Одесского археологического музея. КСОГАМ, Одесса, 1963, стр. 3—7; Г. В. Григорьева. Новые памятники каменного века в нижнем Поднестровье. КСОГАМ, Одесса, 1965, стр. 17—24; П. И. Борисковский. Разведки памятников каменного века в Одесской области в 1962 г. КСОГАМ, Одесса, 1964, стр. 12—17; В. Н. Станко. Некоторые вопросы позднего мезолита Северо-Западного Причерноморья. ЗОАО, II, Одесса, 1967, стр. 155—168; А. П. Черныш. Новые данные о палеолите и мезолите Днестра. КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 26—39; его же. Разведки палеолитических памятников на Днестре в 1952 г. Изв. Молд. ФАН СССР, 4, Москва — Кишинев, 1956, стр. 119—128; его же. Некоторые итоги исследований палеолита Поднестровья (1946—1957 гг.). МИА Ю-З СССР и РНР. Кишинев, 1960, стр. 3—22; его же. Поздний палеолит среднего Поднестровья. Тр. КИЧПЕ, XV, М., 1959, стр. 5—215; L. Vértes. Die ausgrabungen in Scekszárd — Palánk und die archälogischen funde. «Swiatowit», XXIV, Warszawa, 1962, стр. 159—202; B. Klima. Nově epipaleolitické stanoviště u Hustopeči na Jižni Moravě. Sbornik pracî filosofické fakulty Brnenske University. E 9, Brno, 1964, стр. 7—17; C. S. Nicolăescu-Plopşor şi Al. Păunęsku. Azilianul de Báile Herculane în lumina noilor cercetări. SCIV, 2, Bucureşti, 1961, стр. 203—213; J. Kozlowski, R. Schild. Über den Stand Erforschung des späten und ausgehenden Paläolithikums in Polen. «Archaeologia Austriaca», 36/1964, Wien, стр. 83—105.

[15] В. А. Алексеев. Сцинтилляционный вариант радиоуглеродного метода и его применение для датирования. Автореф. канд. дис., М., 1966, стр. 4; А. П. Черныш. Об абсолютном возрасте палеолитических памятников Приднестровья. Стратиграфия и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы. М., 1965, стр. 117—122. Определение абсолютного времени этого слоя было произведено сцинтилляционным методом на основе бензола, что дало более высокие числовые показатели.

[16] См. указанные работы Л. Вертеша, Я. Козловского, Р. Шильда; О. П. Черниш. Володимирівська палеолітична стоянка. Київ, 1953, стр. 38—58; W. Chmielewski. Civilizations épipaléolithiques en Pologne centrale. Bulletin de la Societe des sciences et des lettres de Lodz. XII, 8, Lodz, 1961, стр. 1—13.

Бурые суглинки плащеобразно перекрывают лёссовидные отложения на различных участках рельефа.

В 1955—1961, 1963 гг. в Поднестровье исследовалась многослойная стоянка Молодова I. Самым верхним слоем этой стоянки является слой, прослеженный в бурых суглинках, которые залегали ниже чернозема и щебня, перекрывая лессовидные суглинки. Слой в бурых суглинках был зафиксирован во время раскопок 1960 г. на участке около 90 $м^3$. Культурные остатки находились в нижней части бурых суглинков на глубине 1,2—1,4 *м* от поверхности. Культурные остатки в этом слое наблюдались преимущественно в виде отдельных предметов, распространявшихся к внешнему краю второй террасы в неисследованную часть стоянки. Среди найденных здесь материалов небольшие неправильно-призматические, подтреугольные и аморфные нуклеусы, предназначенные для скалывания отщепов и пластин, часть нуклеусов с двумя ударными площадками, у некоторых добавочные ударные площадки расположены сбоку. Из орудий найдены отщеп и пластинка со следами ретуши, две пластинки с прямо отретушированными верхними концами и шесть небольших резцов на отщепах и пластинках. По форме рабочего края резцы относятся к тройным, угловым, срединным. Здесь же были встречены плитка девонского песчаника и отбойник из гальки. Среди фауны — остатки костей северного оленя и лошади.

В 1966 г. Днестровской палеолитической экспедицией Института общественных наук, работавшей под руководством автора возле с. Оселивка Кельменецкого района Черновицкой области УССР, на площади 216 $м^2$ была исследована знаменитая стоянка Оселивка (Кишла Неджимова), расположенная на участке склона правого берега Днестра на высоте 50—55 *м* над уровнем Днестра. Раскопки дали возможность определить, что стоянка — это многослойный памятник и что верхний слой относится к мезолитическому времени. Этот слой был обнаружен в нижней половине бурых суглинков — подпочве Б — на глубине 0,8—0,9 *м* от поверхности. Среди кремневых изделий (больше 3000 экз.), изготовлявшихся преимущественно из галечного кремня, были встречены нуклеусы (273 экз.), пластины, отщепы, орудия (200 экз.). Нуклеусы относятся к призматическим и неправильно-призматическим с одной или двумя ударными площадками, некоторые имеют добавочную боковую площадку. Среди нуклеусов есть плоские, ладьевидные. Незначительно преобладают орудия на отщепах и обломках (больше 50%). Они состоят из 61 резца, 54 скребков, 46 ножевидных орудий, 6 пластинок с притупленным краем, 6 пластинок со следами подтески, 5 пластин со скошенным краем, 4 пластинок и отщепов со следами выемок. Любопытны находки небольших орудий типа асимметричных треугольников, острий Граветт, пластинок с отретушированным боковым выступом, нескольких небольших наконечников с черешком, миниатюрных проколок, сегментообразных изделий и нескольких типичных сегментов и орудий типа архаических удлиненных трапеций. Фауна верхнего слоя Оселивки состоит из обломков костей лошади, северного оленя, носорога и бизона (определение К. А. Татаринова).

Значительное количество культурных остатков мезолитического времени было встречено в средней части бурых суглинков (подпочва Б) во время раскопок стоянки Атаки VI, расположенной в отложениях первой надпойменной террасы возле с. Атаки Кельменецкого района Черновицкой области. Стоянка была нами открыта в 1949 г., разведочные обследования производились в 1950, 1953, 1962 гг. В 1965 г. раскопки этой стоянки были включены в план стационарных исследований Днестровской палеолитической экспедиции Института общественных наук. Общая площадь исследованного в 1965 г. участка — 150 $м^2$. Культурный слой находился в бурых суглинках на глубине 0,85—1,1 *м* от поверхности. Среди многочисленных кремневых изделий 193 нуклеуса (неправильно-призматические, призматические, клинообразные, косоплощадочные, двуплощадочные, ладьевид-

ные, клинообразные, округлые, плоские, дискообразные, аморфные), предназначенные для скалывания отщепов и пластин, 179 орудий, отщепы, пластины, отбросы. Любопытно отметить, что среди орудий в отличие от ранее описанных поселений преобладают скребки, что не случайно.

Орудия труда состоят из 59 скребков, 47 ножевидных орудий, 31 резца, серии пластинок и отщепов с боковыми выемками (на одном или двух краях), пластинок и отщепов со следами ретуши по брюшку, пластинок и отщепов со скошенными ретушью краями, скобелей и орудий отдельных форм. Среди скребков преобладают орудия на отщепах. По форме они делятся на концевые, короткие, ногтеобразные, боковые, со скошенным краем, с выступающим рабочим краем, с прямым рабочим краем, округлые. Среди резцов прабладают орудия палеолитических типов. Орудия отдельных форм представлены треугольным острием на короткой пластинке с боковыми выемками, равнобедренным треугольником с отретушированными основанием и краем (аналогичен изделиям из Поливанова Яра, Сокола II, Рашичены-Извор, Бэиле Геркулане), сверлообразным орудием, тремя наконечниками (один с черешком, аналогичный наконечникам из Скауне, Станкович III, Витова, Тарнова и других памятников, предшествующих слоями с тарденуазским инвентарем [17], а два других с выемками), треугольной пластиной со следами подтески по брюшку, трапециевидным вкладышем (аналогичен вкладышам кукрекского типа), миниатюрным рубильцем, орудием типа ретушера, резцом-пластиной со скошенным краем, массивным выемчатым скреблом, ребристым сколом с обработкой краев.

Найдены также каменные терки и отбойники, плитки, остатки краски. Фауна состоит из обломков костей северного оленя, оленя неуточненного вида, лошади, зубра (определение Л. И. Алексеевой и К. А. Татаринова).

Следующим исследовавшимся автором в Поднестровье памятником была стоянка Фрумушика I, открытая в 1955 г. В. И. Маркевичем. Стоянка расположена на правом берегу р. Кайнар у с. Фрумушика Флорештского района Молдавской ССР, на второй надпойменной террасе.

Во время раскопок стоянки в 1957 г. на площади около 70 *м*^{2} в верхней части бурых суглинков, непосредственно ниже гумусированного слоя, на глубине 0,4—0,7 *м* от поверхности были изучены остатки мезолитического поселения. Среди кремневого инвентаря встречены конические, ладьевидные, карандашевидные, неправильно-призматические нуклеусы, скребки на отщепах, скребки с округлым или скошенным рабочим краем, концевые скребки, тонкие микропластинки, серия пластинок с боковыми выемками, острия со скошенным краем, трапеция. Здесь же были найдены остатки костей лошади, быка, ракушки *Helix* [18].

Материалы стоянки Фрумушика I аналогичны материалам таких тарденуазских памятников, как Гребеники, Познанка, Довжанка, Орловка, Гиржево, Рашков VI и др. Кстати отметим, что большинство указанных пунктов Поднестровья близки территориально к Фрумушике I: Познанка расположена в 75 *км* от Фрумушики, Гиржево — в 150 *км*, Должанка и Орловка находятся в 100 *км*, а Гребеники — на расстоянии 170 *км*. Примерно на таком расстоянии от Фрумушики находятся и ближайшие тарденуазские стоянки Румынии. В Фрумушике I среди орудий преобладают скребки.

Определенные стратиграфические наблюдения были нами сделаны также и в обрыве первой надпойменной террасы возле с. Молодова, в окрестностях стоянки Молодова V. Здесь во время разведочных работ 1964 г. были собраны кремневые изделия, состоящие из конического нуклеуса, скребка со скошенным рабочим краем, небольших пластинок, пластинки с

[17] C. S. Nicolaescu-Plopşor. Sur le présence du swidérien en Roumanie. «Dacia», нов. сер., II, 1958, Bucureşti, табл. VIII, *2*, *4*; J. Kozlowski, R. Schild, Ук. соч., табл. V, *1*, *4*; табл. VIII, *2*; W. Chmielewski. Ук. соч., рис. *3*, *2*.

[18] А. П. Черныш. Некоторые итоги исследований...

боковой выемкой и двух трапеций высокой формы. Произведенная здесь зачистка показала, что данные культурные остатки связаны с верхней частью бурых суглинков — подпочвой Б.

Наконец, нельзя не отметить еще один памятник, исследованый в последние годы в Поднестровье. Речь идет о стоянке Гиржево, открытой в 1961 г. В. Н. Станко и им же исследованной в 1962—1964 гг.[19] Стоянка находится на высоком берегу р. Кучурган (приток Днестра) у с. Гиржево Велико-Михайловского района Одесской области. Во время раскопок была изучена площадь в 220 $м^2$. Основной комплекс культурных остатков был прослежен в зеленоватом делювиальном суглинке на глубине 30—80 *см* от поверхности, но тарденуазские находки встречались также и выше, так как верхняя часть этого суглинка подвергалась распашке.

Здесь было собрано значительное количество культурных остатков. Кремневые изделия состоят из призматических, неправильно-призматических (преобладают), карандашевидных и конических нуклеусов, трапеций, небольших скребков на отщепах (почти половина орудий), концевых скребков, боковых скребков, скребков с вытянутым жальцем и со скошенным краем, пластинок с ретушью, пластинок с выемками, острий со скошенным краем, нескольких резцов, сечений пластинок. Фауна стоянки — бык, лошадь.

Этот слой стоянки Гиржево датируется тарденуазским временем, материалы аналогичны Фрумушике I, Гребеникам, Должанке, Орловке, Позданке и другим памятникам тарденуазского облика.

На основании приведенных данных о ряде мезолитических памятников Поднестровья можно заключить, что в комплексах материалов этих памятников наблюдаются определенные закономерности как в составе кремневого инвентаря и технике обработки кремня, так и в составе фауны и что эти особенности связаны с определенными стратиграфическими условиями залегания соответствующих комплексов культурных остатков. Последнее позволяет провести сопоставление памятников между собой с целью выделения хронологических фаз, отражающих развитие мезолитической культуры этого района. Учитывая приведенные сведения об условиях залегания культурных слоев по отношению к лёссовидным суглинкам, подпочве Б и гумусированному слою, можно выделить *четыре* разновременные хронологические фазы, характеризующие последовательное развитие мезолитической культуры Поднестровья.

Сравнение геологических условий залегания раннемезолитических верхних слоев стоянки Молодова V (верх лёссовидных суглинков, перекрываемых подпочвой Б), стоянки Молодова I (нижняя часть подпочвы Б), верхнего слоя стоянки Оселивка I (нижняя половина подпочвы Б), стоянки Атаки VI (средняя часть бурых суглинков) и стоянки Фрумушика I (верхняя часть бурых суглинков, непосредственно ниже гумусированного слоя) дает основание для выделения первой — раннемезолитической молодовской фазы развития мезолитической культуры Поднестровья, второй — оселивской, третьей — атакской фазы и четвертой — фрумушикской позднемезолитической фазы. Эти фазы, наименования которых даны по названиям сел, где впервые в Поднестровье были произведены стационарные раскопки памятников соответствующего времени, выделены на основании сопоставления геологических условий залегания культурных остатков, на основании учета разницы в их стратиграфическом залегании; они отражают последовательное развитие Днестровской мезолитической культуры, охватывающей период времени от конца аллерода — начала позднего дриаса до середины атлантического периода. Учитывая комплексы материалов указанных памятников, можно определить особенности четырех фаз мезолита этого района. Для молодовской, начальной фазы мезолита Поднестровья характерно сохранение мно-

[19] В. Н. Станко. Мезолитическая стоянка Гиржево в Одесской области (1962—1964 гг.). СА, 1966, 2.

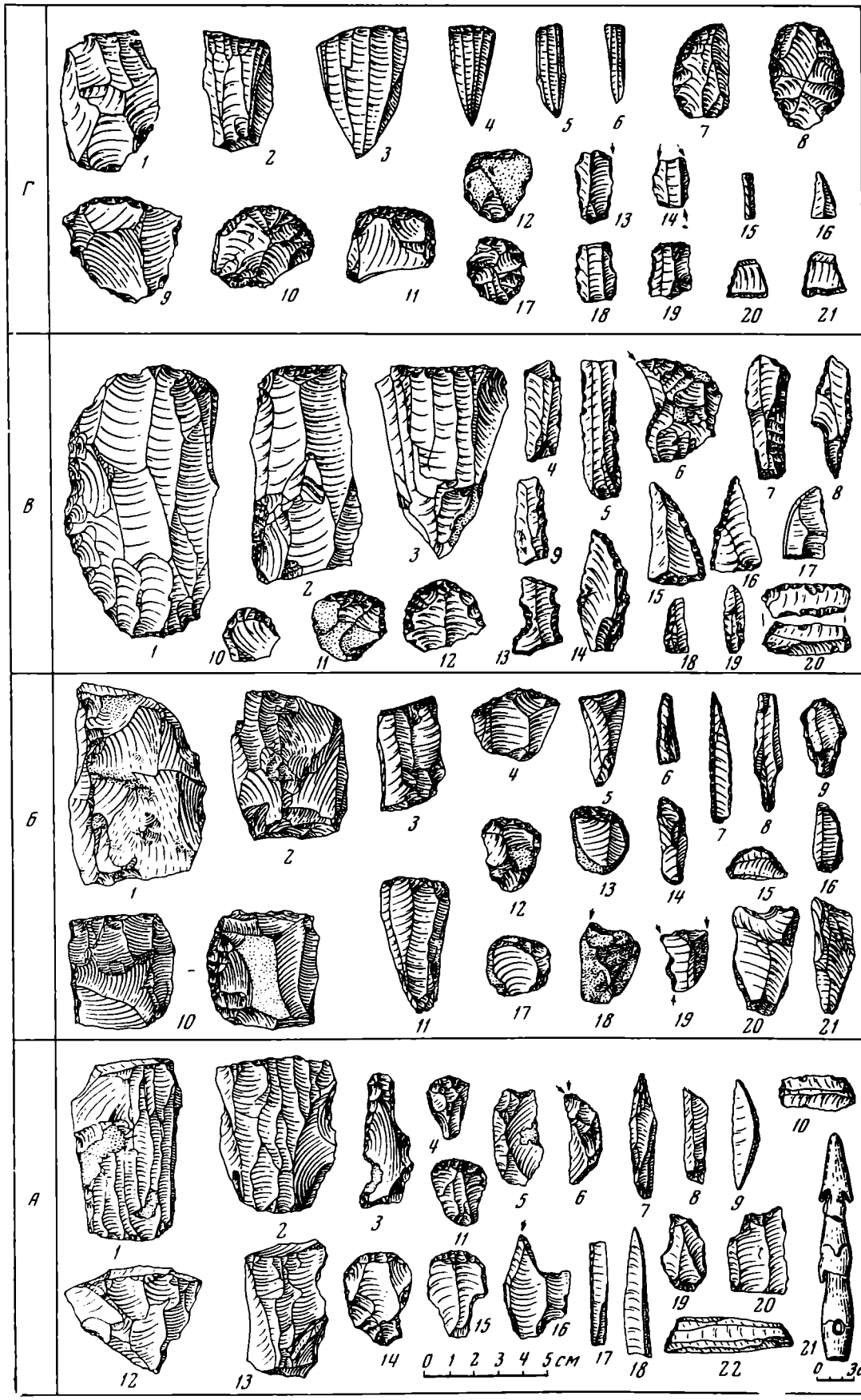


Рис. 1. Характерные изделия молодовской (*А*), оселивской (*Б*), атакской (*В*) и фрумушикской (*Г*) фаз мезолита Поднестровья

гих черт позднепалеолитической техники: среди орудий наблюдается значительное количество резцов, среди резцов преобладают позднепалеолитические типы, встречаются скребки позднепалеолитических типов на пластинах, пластинки с притупленным краем. Но в это же время появились и новые черты: увеличилось количество орудий на отщепах и обломках, появились боковые скребки и скребки со скошенным краем, удлиненные архаические трапеции и сегментовидные изделия, резцы на сегментовидных изделиях, мелкие скребки на отщепах, пластины и отщепы с чередующейся ретушью, пластинки с выемками, пластины и отщепы с усеченными ретушью концами и краями, мелкие острия и т. д. Для техники обработки кости и рога характерно появление древнейших в Европе роговых топоров с коленчатыми рукоятками и плоских гарпунов с отверстием (рис. 1, *А*). На памятниках много костей северного оленя, встречаются остатки носорога. К этой фазе мезолита Поднестровья относятся такие памятники, как два верхних слоя стоянки Молодова V, Лисичники (верхний слой), Бабин VI (2-й комплекс), Нагоряне II, Зозуляне, Грушевцы III, Грушевцы II, Раковец I и др.

Для оселивской фазы характерно наличие неправильно-призматических и призматических небольших нуклеусов, нуклеусов с добавочной боковой площадкой плоских, примитивно-конических, ладьевидных нуклеусов, примерно одинакового количества резцов и скребков среди орудий, присутствие округлых и полуокруглых скребков на отщепах и коротких пластинах, боковых скребков, скребков со скошенным краем, пластин с боковыми выступами, острий Граветт, небольших асимметричных треугольников, небольших наконечников с черешком, пластинок с усеченными концами, пластинок с концевыми и боковыми выемками, сегментовидных орудий, сегментов (рис. 1, *Б*). Для фауны этой фазы характерен северный олень наряду с другими видами (лошадь, бизон, носорог). Встречаются, как и в других фазах, ракушки *Helix*. К этой фазе относятся верхний слой стоянки Оселивка I, слой из бурых суглинков стоянки Молодова I и др.

Третья, атакская фаза характеризуется, как и две первые, наличием плоских и ладьевидных нуклеусов, сохранением резцов позднепалеолитических типов. Но в этой фазе среди орудий преобладают скребки, наблюдается значительное количество пластин с боковыми выемками, появляются равнобедренные треугольники, наконечники позднесвидерского типа с черешком, а также с боковой выемкой и следами плоской ретуши; встречаются скребки с округлым и полуокруглым рабочим краем на отщепах, скребки со скошенным краем, пластинки и отщепы с чередующейся ретушью, пластинки и отщепы со скошенным краем, в значительном количестве — сечения пластин, преобладают орудия на отщепах и пластинах (рис. 1, *В*). Для фауны характерно наличие северного оленя наряду с другими видами. К памятникам этой фазы относятся Сокол II, Поливанов Яр, Раковец I, Макаровка III, Вермитка II, Бабин III (второй комплекс), Рашков V и др.

Для последней, фрумушикской фазы мезолита Поднестровья характерен микролитический облик инвентаря, наличие мелких призматических, конусовидных, карандашевидных нуклеусов, тонких пластинок, преобладание среди орудий скребков, наличие округлых и полуокруглых мелких скребков на отщепах, скребков со скошенным краем, с выступами на рабочем крае, боковых скребков, пластинок с боковыми выемками, со скошенным ретушью краем, трапеций (рис. 1, *Г*). Фауна этой фазы представлена современными видами, что свидетельствует об изменении климата в направлении потепления; это показатель начала геологической современности. К памятникам этой фазы относятся Фрумушика I, Гребеники, Гиржево, Довжанка, Орловка, Рашков VI, Сенатовка II, Подойма IV, Барабой I, Понора, Варваровка IX, Гура-Каменка VI.

Прилагаемая таблица (рис. 1) иллюстрирует особенности инвентаря этих фаз, она свидетельствует о процессе развития техники, о развитии

микролитизации кремневого инвентаря, о постепенном исчезновении позднепалеолитических пережитков в обработке камня, о появлении новых черт, что свидетельствует о дальнейшем развитии производительных сил и охотничье-собирательского хозяйства мезолитических племен этого района.

Любопытно отметить, что дальнейшую линию исторического развития хозяйства и культуры древнего населения этого района можно проследить среди материалов памятников последующего за мезолитом времени. Замечательные неолитические стоянки района Сорок, открытые и исследованные в последние годы В. И. Маркевичем [20], позволяют говорить о развитии неолитической культуры на основании местного мезолита. Эта преемственность наблюдается как в типах нуклеусов, так и в сохранении ряда типов орудий (скребки на отщепах, трапеции, пластины с боковыми выемками и т. д.). Ряд неолитических памятников Буга (Мельничная круча, Гард) свидетельствует о том же [21].

Необходимо осветить еще один вопрос. При изложении материалов мы неоднократно упоминали ряд памятников мезолита других районов, окружающих территорию Поднестровья. Памятников с аналогичными материалами можно было бы указать еще больше, если учесть все известные в настоящее время памятники Волыни, Поднепровья, Румынии, Польши, Венгрии, Чехословакии, а также Крыма. Ряд сходных черт (например, наличие карандашевидных нуклеусов, изделий типа трапеций или же наконечников свидерского облика и т. д.) говорит о том, что мезолитическая культура Поднестровья не была изолированным в пространстве и времени явлением, что памятники мезолита Поднестровья отражают общие для этого периода закономерности, хотя определенные локальные черты все же имеются.

В данной статье мы обратили главное внимание на проблему хронологии мезолита Поднестровья. Другие не менее важные вопросы истории мезолитического населения этой территории пока еще остаются мало освещенными, так как состояние источников не дает возможности их разработать с необходимой полнотой.

A. P. Tchernych

LA CHRONOLOGIE DES MONUMENTS MESOLITHIQUES DU BASSIN DE DNIESTR

Résumé

On connaît dans le bassin de Dniestr plusieurs dizaines de stations et d'emplacements se rapportant à l'époque mésolithique. Des investigations stationnaires, exécutées au cours de ces dernières années sur une série de monuments mésolithiques (Molodova V, Molodova I, Ataki VI, Froumouchika I, Ossiélivka I, Ghirjévo), ont donné la possibilité de suivre la présence d'une certaine régularité dans les conditions déologiques du gisement des villages mésolithiques et de découvrir en même temös des matériaux multiples et variés (articles en silex, restes des anciens bûchers, charbon, couleurs, restes des coquilles, débris des os d'animaux, pierres, carreaux etc.). Prenant en considération les particularités des conditions géologiques du gisement des monuments mésolithiques, les types caractéristiques des articles fabriqués, les particularités dans la composition de la faune, l'auteur révèle quatre phases successives, appartenant à des époques différentes, dans le développement de la civilisation mésolithique de cette région: la phase primitive de Molodova, la phase d'Ossiélivka, celle d'Ataki et enfin celle de Froumouchika; ces phases correspondent à l'époque asilienne-tardenoise et, au point de vue géologique, elles embrassent l'intervalle à commencer par le drias tardif jusqu'au milieu de la période atlantique.

---

[20] В. И. Маркевич. Исследования неолита на среднем Днестре. КСИА АН СССР, 105, 1966.

[21] В. М. Даниленко. Дослідження неолітичних пам'яток на Південному Бузі. «Археологія», X, Київ, 1957.

С. В. СТУДЗИЦКАЯ

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ИСКУССТВЕ ПРИБАЙКАЛЬЯ В ЭПОХУ НЕОЛИТА И РАННЕЙ БРОНЗЫ (МЕЛКАЯ ПЛАСТИКА)

Духовный мир древнего человека все больше привлекает внимание исследователей. Раскрытию его во многом помогают памятники искусства. Умение человека воспринимать и создавать образы окружающего мира уходит своими корнями в седую древность. Свидетельство тому — блестящие образцы творчества палеолитических охотников. Искусству эпохи верхнего палеолита вообще и изображению человека в частности посвящена очень большая литература [1].

Не меньший интерес представляют памятники искусства, оставленные лесными племенами охотников-рыболовов эпохи неолита и ранней бронзы. Продолжая и развивая традиции палеолитического искусства, эти племена обогащали свое творчество новыми сюжетами, совершенствовали технику исполнения. Благодаря большим археологическим работам, проведенным за последние годы, появилось много новых изобразительных материалов, изучение которых позволяет полнее представить духовную жизнь наших далеких предков.

Эта статья посвящена образу человека в изобразительном творчестве лесных племен Сибири. В ней рассматриваются памятники Прибайкалья — одной из шести больших хозяйственно-культурных областей, выделенных А. П. Окладниковым в лесной зоне и лесотундре Северной Азии для конца III—II тысячелетия до н. э. [2]. В эпоху неолита и ранней бронзы здесь обитали родственные племена, основой хозяйства которых были охота на таежных животных и рыболовство.

Прибайкальские скульптурные изображения человека вырезаны из кости, рога и камня. Их можно условно разделить на две группы: в первую входят полные, в рост, изображения человека в фас, с тщательной моделировкой лица. Вторую составляют костяные и роговые стерженьки, заканчивающиеся схематически трактованными человеческими лицами.

Большинство изображений 1-й группы встречено при раскопках могильника у с. Усть-Уда [3]. Раскопками А. П. Окладникова в 1936 г. в погр. № 4 были найдены два изображения, отличающиеся своими размерами и тщательностью оформления [4] (рис. 1, *1*, *2*). Вырезаны они из толстой пластины бивня мамонта.

[1] См. библиографию: З. А. Абрамова. Палеолитическое искусство на территории СССР. САИ, А4—3, М. — Л., 1962; ее же. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.— Л., 1960.

[2] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. III, МИА, 43, 1955, стр. 8; его же. К изучению начальных этапов формирования народов Сибири. СЭ, 1950, 2, стр. 37.

[3] Могильник Усть-Уда находится в 318 *км* ниже г. Иркутска, на правом берегу р. Ангары, при впадении в нее р. Уды.

[4] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, III, стр. 286—290, рис. 139, 140. Изображения находились в области грудной клетки.

Первая фигурка — полное, в рост, изображение человека в фас, длиной 25,6 *см* (рис. 1, *1*). Голова, в виде яйцевидного овала, составляет треть длины всего изображения. Лицо тщательно детализировано. Узкий, выпуклый лоб отделен от лица короткими дугами бровей. Глаза имеют форму узких, симметрично расположенных овальных выпуклостей с глубокими миндалевидными углублениями. Длинный рельефный нос занимает бо́льшую часть лица и, расширяясь книзу, заканчивается прямым поперечным срезом. Рот обозначен тем же приемом, что и глаза. Отчетливо моделированы крупные скулы. Шея выделена узким неглубоким желобком, отделяющим острый подбородок от плеч. Прямоугольное туловище сужено в середине и постепенно расширяется в бедрах. Плечи фигуры широкие. Руки в нижней своей части отделены от туловища. Суживающиеся книзу плоские ноги фигуры отделены друг от друга узкой параболоидной выемкой. Нижняя часть изображения сильно попорчена. На его поверхности, в той части, где сохранилась полировка, видны следы дополнительной обработки изделия резьбой, предназначавшейся, как предполагает А. П. Окладников, для передачи некоторых существенных деталей костюма.

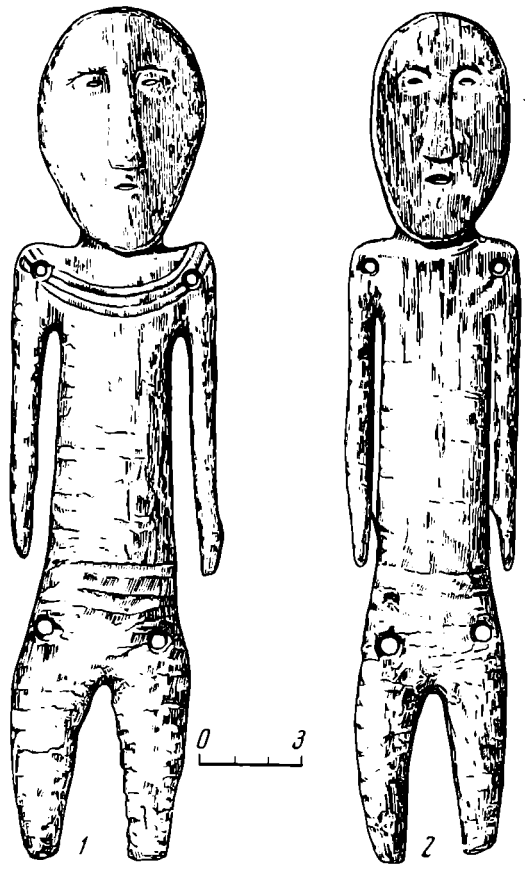


Рис. 1. Изображения человека из мамонтовой кости. Усть-Уда (погр. № 4)

Фигура снабжена четырьмя круглыми сквозными отверстиями. Через отверстия, расположенные на плечах фигурки, проходят верхние желобки. По краям бедер находится другая пара отверстий.

Вторая фигурка также вырезана из мамонтовой кости и почти во всех деталях сходна с описанной выше (рис. 1, *2*). Длина ее 25 *см*. Руки, в отличие от рук первого изображения, отделены от туловища лишь узкими желобками. А. П. Окладников предполагает из-за меньшей величины и подчеркнуто тонких черт второй фигуры, что она изображает женщину [5].

Еще одна пара изображений, очень близких по стилю первым двум, была обнаружена в погр. № 6 того же могильника [6] (рис. 2, *1*, *2*). Сходство этих фигурок с двумя первыми поразительно. Те же контуры и пропорции, только они вдвое меньше: длина первой фигурки — 12,5, длина второй — 13 *см*. Здесь также голова первого изображения несколько крупнее, более резко обозначены скулы. Дуги бровей отделяют лоб от остальной части лица и затем переходят в линию носа. Глаза, нос и рот выполнены в той же манере, что и в предыдущих изображениях. Лицо второй фигурки у́же, более вытянуто книзу. Подбородок не выделен, в результате чего лицо не отделено от груди. Туловище — узкое, прямоугольное. Ноги разделены, но несколько сближены по сравнению с первыми двумя фигурками. Узкие

---

[5] Там же, стр. 290.

[6] З. А. Абрамова, А. П. Окладников и Е. Ф. Седякина. Археологические исследования в долине р. Ангары в 1956 г. КСИИМК, 76, 1959, рис. 14; Архив ИА АН СССР, Ф-1 (1310/2), стр. 31—34. Изображения находятся в экспозиции Иркутского художественного музея, инв. № С-381 и С-382. Фигуры лежали справа от поясничных позвонков.

руки отделены от тела неглубокими желобками. Данные фигурки имеют только по два биконических отверстия, расположенных в подмышечных впадинах. Никаких дополнительных деталей нет.

Плоское изображение человека в фас, вырезанное из рога (Усть-Уда, погр. № 2) [7] (рис. 2, *3*). Длина фигурки 27 *см*, треть ее занимает большая яйцевидная голова. В верхней части лица — круглое отверстие. Модели-

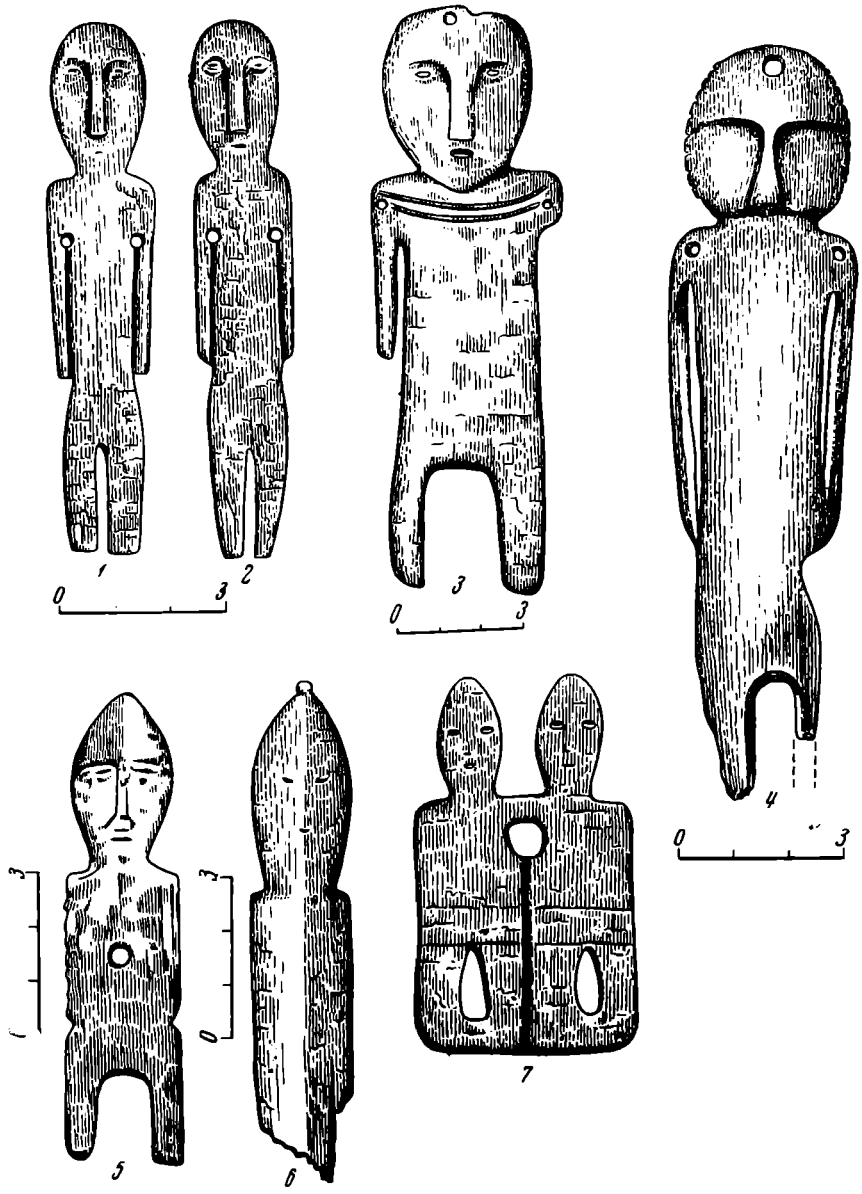


Рис. 2. Изображения человека из мамонтовой кости и рога

1, 2 — Усть-Уда (погр. № 6); *3* — Усть-Уда (погр. № 2); *2* — Усть-Уда (погр. № 5); *5* — Братский камень (погр. № 1); *6* — р. Куллаты (погр. № 1); *7* — Верхоленск (погр. № 18)

ровка лица аналогична предыдущим скульптурам. Острый подбородок образован двумя сходящимися под углом, неглубокими желобками. Лицо отделено от груди. Широкие плечи мягко округлены при переходе в линии, оконтуривающие руки. Прямоугольное туловище слабо расширяется у бедер. Ноги-колышки отделены друг от друга прямоугольной выемкой. Сохранилась только одна рука, вытянутая вдоль тела. На плечах — два круглых отверстия. На груди фигуры так же, как и на первом изображении из погр. № 4, проходят два параллельных углубленных желобка.

---

[7] Фигурка находилась у левой бедренной кости, Архив ИА АН СССР, Ф-1 1310 (2). Хранится в экспозиции Иркутского художественного музея, инв. № С-380.

В погр. № 5 была найдена фигурка из рога, детали лица которой выполнены в несколько иной манере, чем у предыдущих [8] (рис. 2, *4*). Общая длина ее — 21,5 *см*. Широкая круглая голова по внешнему краю окаймлена мелкими и глубокими вырезами. Моделировка лица слабая, но крутые уступы надбровных дуг и массивный, расширяющийся книзу нос выступают отчетливо. Плоскости щек слегка западают в местах предполагаемых глаз. Голова отделена от туловища узким желобом, срезающим нос. Прямоугольное туловище непропорционально вытянуто и при переходе к бедрам слегка расширяется. Ноги разделены выемкой и обломаны. Длинные тонкие руки в средней части отделены от туловища выемками, а в нижней — плотно прижаты к выступающим бедрам. Так как рог покоробило, то в профиль изображение выпукло. Фигура зашлифована только с лицевой стороны. В плечах имеются круглые отверстия.

А. П. Окладников вполне обоснованно выделяет эту фигурку из других, найденных в Усть-Уде. Действительно, по трактовке деталей лица она напоминает идолов Горбуновского торфяника и янтарные фигурки Прибалтики.

Очень близко к усть-удинской группе скульптур примыкает полное изображение человека в фас с остроконечной головой из погр. № 1 у с. Братский камень [9] (рис. 2, *5*). Фигурка изготовлена из бивня мамонта. Общая длина 9 *см*. Скульптурной обработке и шлифовке подвергнута только внешняя, выпуклая сторона. Голова, так же как и у усть-удинских изображений, занимает треть общей длины предмета. Дугообразные резные линии отделяют коническую верхушку от лица. Длинный рельефный нос расширяется внизу. Глаза даны в виде щелевидных углублений, окаймленных припухлостями век. Рот обозначен так же, как и глаза. Подбородок отсутствует. Круто скошенные узкие плечи переходят в прямоугольное туловище. Рук на этой фигурке нет. Правый бок оформлен мелкими вырезами, образующими зубцы. Вырезами же отделено туловище от ног, разделенных прямоугольной выемкой. Посредине туловища — отверстие. Строго фронтальная поза, плоскостность и односторонность изображения, тщательная моделировка лица, оформление ног — все эти стилистические приемы позволяют включить данную фигурку в одну группу с усть-удинскими изображениями.

Фигурки, найденные у дер. Семеновка в погр. № 1, также можно отнести к рассматриваемой группе изображений [10]. Вырезанные на пластинах из бивня мамонта, они представляют собой полное, в рост, изображение человека в фас.

Первая фигурка сохранилась полностью (рис. 3, *1*). Длина ее 17,5 *см*. Глаза и рот отсутствуют. Лоб отделен от остальной части лица дугами бровей. Суженная внизу голова плавно переходит в узкие, сильно покатые плечи. Туловище непропорционально вытянуто. Своеобразно оформление рук: в средней части они отделены от туловища очень узкими врезами, а в нижней — сливаются с телом, образуя выступы. В подмышечных впадинах — сквозные миндалевидные отверстия. Ноги разделены в средней части узкой прямоугольной выемкой.

---

[8] Изображение находилось рядом с нижним эпифизом левой бедренной кости. Там же лежала скульптурная головка лося. Архив ИА АН СССР, Ф-1, 1310/2. Хранится в Новосибирске, в археологической лаборатории ИИФФ. См. А. П. Окладников. Археологические работы в зоне строительства ангарских гидроэлектростанций. Зап. ИОКМ. Иркутск, 1958, стр. 22. Приношу благодарность А. П. Окладникову за любезное разрешение опубликовать это изображение.

[9] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, стр. 290, рис. 141. Изображение было найдено под правой височной костью черепа. Хранится в Иркутском областном краеведческом музее, инв. № 544-2.

[10] Хранятся: Новосибирск, археол. лаборатория ИИФФ, $\frac{\text{С-57}}{1148}$, $\frac{\text{С-57}}{1147}$. Найдены, по словам В. Е. Ларичева, на груди скелета. Приношу благодарность В. Е. Ларичеву за разрешение опубликовать эти изображения.

Вторая фигурка сильно испорчена (рис. 3, *2*). От головы сохранилась только половина лицевой части. Судя по тому, что все остальные детали фигуры трактованы совершенно аналогично первому изображению, можно предполагать, что и лицо было моделировано так же. Желобы, отделяющие руки от туловища, только слегка намечены в верхней части, но не сделаны.

Рассмотренные выше антропоморфные изображения были найдены в погребениях и сопровождались богатым инвентарем, отличительной чертой которого служили белые нефритовые кольца, диски и полукольца. Все погребения относятся к глазковской культуре Прибайкалья, которую А. П. Окладников датирует XVIII—XIII вв. до н. э., делая, однако, упор на вторую половину II тысячелетия до н. э.[11].

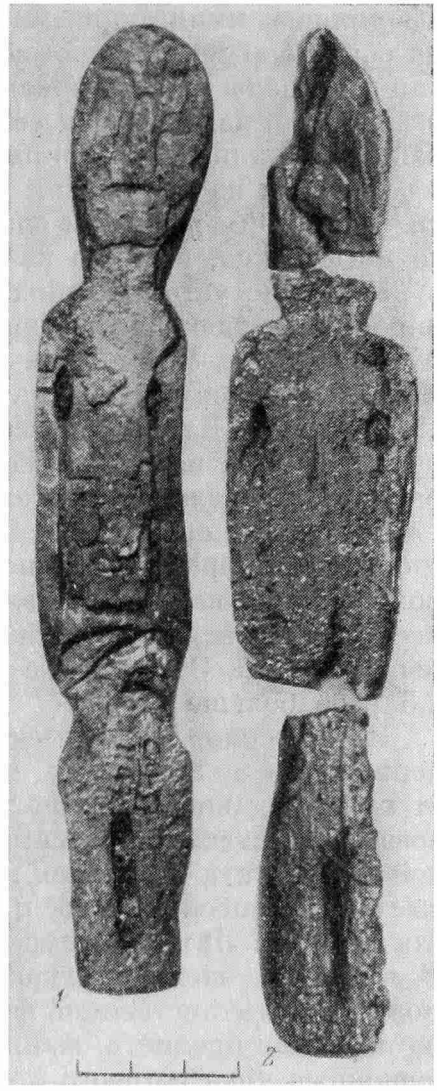


Рис. 3. Фигурки человека из мамонтовой кости (дер. Семеновка погр. № 1)

В трактовке образа человека прослеживается определенный канон, вызванный, вероятно, утверждением обязательного, общепринятого в ту пору характера изображения. Все скульптуры вырезаны из пластин, сделанных из бивня мамонта или рога, что частично обуславливало форму данных изображений. Схематический характер изображений проявляется как в общей трактовке образа, так и в отдельных его деталях. Скульптурами эти фигуры можно считать только с оговоркой, так как изображения носят ярко выраженный плоскостной характер. Некоторую объемность им придает лишь выпуклая, лицевая поверхность предмета. Обратная сторона не обработана. Прямые руки всегда вытянуты вдоль туловища и отделены от него совсем или же неглубокими желобками. В моделировке лица также все подчинено выработанному канону. Голова всегда занимает треть общей длины изображения. Лицо передает специфические черты определенного физического типа (монголоидного). Об этом свидетельствуют, как указывает А. П. Окладников[12], узкие, щелевидные отверстия глаз, окруженные мягкими, как бы припухлыми веками, и большие выпуклые скулы. Лоб и нос выступают над остальной частью лица.

С берегов Лены известны три антропоморфных изображения, которые по внешнему оформлению в какой-то степени примыкают к только что рассмотренной группе памятников.

Фигурка человека из погр. № 1 у с. Куллаты сделана из рога лося (рис. 2, *б*)[13]. Голова, плавно суживаясь, отделена от туловища неширокими плечами, которые переходят в удлиненное, схематично трактованное туло-

---

[11] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, стр. 5; его же. Субарктические области Европы и Азии. Уч. зап. ЛГУ, 157, сер. фак-та народов Севера. 2, 1955, стр. 160.

[12] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, стр. 294.

[13] Фигурка лежала на груди костяка. А. П. Окладников. Ленские древности, 3, Якутск, 1950 стр. 80—81, рис. 9, 10; его же. История Якутии. М. — Л., 1955, стр. 144, рис. 44, *1*.

вище, оканчивающееся, вероятно, ногами-колышками. Общая длина уцелевшей части фигуры равна 12 *см*.

Изображения двух человечков из погр. № 18 у Верхоленска [14] (рис. 2, 7), вырезанные на пластине из оленьего рога, соединены вместе и точно повторяют друг друга. Они близки фигурке из Куллаты: у них удлиненно-овальные головы, прямые плечи, плавно переходящие в прямоугольные туловища. Ноги переданы условно — миндалевидными отверстиями и в нижней части сливаются в одно целое. У обоих изображений рот и глаза оформлены миниатюрными углублениями, нос не обозначен. Посредине на обеих фигурках имеются поперечные выпуклые полоски. Между собой они разделены глубоким желобком, соединенным с просверленным круглым отверстием, над которым сохраняется узкая полоска кости. Размеры изображения: длина — 6,2, ширина — 3,7 *см*.

Фигурка из погребения у Нового Качуга вырезана из мамонтовой кости [15]. По своим размерам она близка находкам из погр. № 4 Усть-Удинского могильника, но лицо не детализировано.

К группе усть-удинских фигурок, судя по тщательности моделировки лица, примыкают две костяные антропоморфные подвески. Одна — из погр. № 9 у с. Усть-Уда [16] (рис. 4, *1*), представляет собой головку яйцевидной формы, сужающуюся внизу. Острый конец увенчан ромбовидным выступом с отверстием. Длина подвески 4 *см*. Детали лица выполнены в той же манере, как и на полных изображениях. Обратная сторона пластинки не обработана, лицевая — тщательно зашлифована.

Миндалевидная антропоморфная головка из Усть-Илги (Верхняя Лена) сделана из широкой костяной пластины [17] (рис. 4, *2*). Вверху — небольшой ромбовидный выступ. Детали лица моделированы тщательно: прямой нос несколько расплывчат, глаза — в виде небольших углублений — окружены валиками. Эта головка аналогична предыдущему изображению, но в 2,5 раза больше его.

Изображение человеческого лица на длинном изогнутом стержне, найденном в погр. № 2 у дер. Аносово, по манере передачи деталей примыкает к усть-удинской группе [18] (рис. 4, *3*). Для оформления головы использовано естественное расширение головки грифельной кости лося. С лицевой части снята покровная корка. Лицо тщательно детализировано. На нем выступают массивный нос и скулы, миндалевидными ямочками обозначены глаза и рот. Лицо расширяется в верхней части и резко сужено внизу. В трактовке «тела» фигурки мастер, так же как и в передаче лица, воспользовался естественной формой кости: он усилил обычное выпуклое ребро на спине предмета, выпрямил грани и срезал широкой плоскостью уплощенные края рогового стержня. В нижней части изделие суживается и заканчивается острием. Оборотная сторона покрыта косыми широкими крестиками. Такой же орнамент, но с несколько иным расположением элементов, покрывает и противоположную сторону предмета. Общая трактовка этого антропоморфного изображения напоминает фигурки из погребений, которые А. П. Окладников и П. П. Хороших датируют китойским этапом прибайкальского неолита [19].

Характеристику второй группы антропоморфных изображений, извест-

[14] Изображение найдено на груди костяка, в ее левой части. А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, стр. 292—293, рис. 144; его же. Археологические раскопки на Ангаре и за Байкалом. КСИИМК, 51, 1953, стр. 19.

[15] Фигурка лежала на груди костяка с правой стороны. А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, стр. 290.

[16] Архив ИА Ф-1 1310 (2). Хранится в экспозиции Иркутского художественного музея, инв. № С-384.

[17] А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 291, рис. 142.

[18] Фигурка находилась за спиной костяка, в скоплении вещей. А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 295, рис. 148, *1*, *2*.

[19] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, I и II, МИА, 18, 1950, стр. 382.

ных из Прибайкалья, можно начинать с двух костяных фигурок из Глазковского предместья (под Иркутском)[20] (рис. 5, *5*). Одна из них имеет вид сужающегося книзу стержня. Длина сохранившейся части 7,3 *см*. На плоской стороне схематично вырезано человеческое лицо. Глаза и рот обозначены точками, нос — вертикальной насечкой. Голова непропорционально мала по отношению ко всему остальному изделию. От туловища она отделена двумя боковыми выемками. Верхняя часть предмета орнаментирована с обеих сторон тонкими линиями, образующими орнаментальный мотив из ритмично повторяющихся ромбов и треугольников. На затылке — орнамент из вписанных друг в друга ромбов.

Вторая фигурка сходна с первой (рис. 5, *4*). Длина сохранившейся части 4,7 *см*. Голова ее вырезана в виде прямоугольника с округленными углами и также отделена от туловища боковыми выемками. Схематично моделированное лицо находится на выпуклой стороне изделия. Изображение имеет орнаментальные нарезки, расположенные вдоль обеих боковых граней, образующих посредине предмета продольное ребро. Обе фигурки были густо окрашены кровавиком.

Антропоморфное изображение из погребения, найденного у р. Кай, сделано из кости в виде прямоугольного стержня, длиной 6 *см*[21] (рис. 6, *1*). На тщательно заполированной поверхности схематично передано лицо человека: глаза — неглубокие ямочки, рот и нос обозначены насечками. Голова занимает треть общей длины изделия и отделена от прямоугольного туловища неглубокими врезами. Нижний конец стержня обрублен. На лицевой стороне — орнамент из насечек и двух резных крестов.

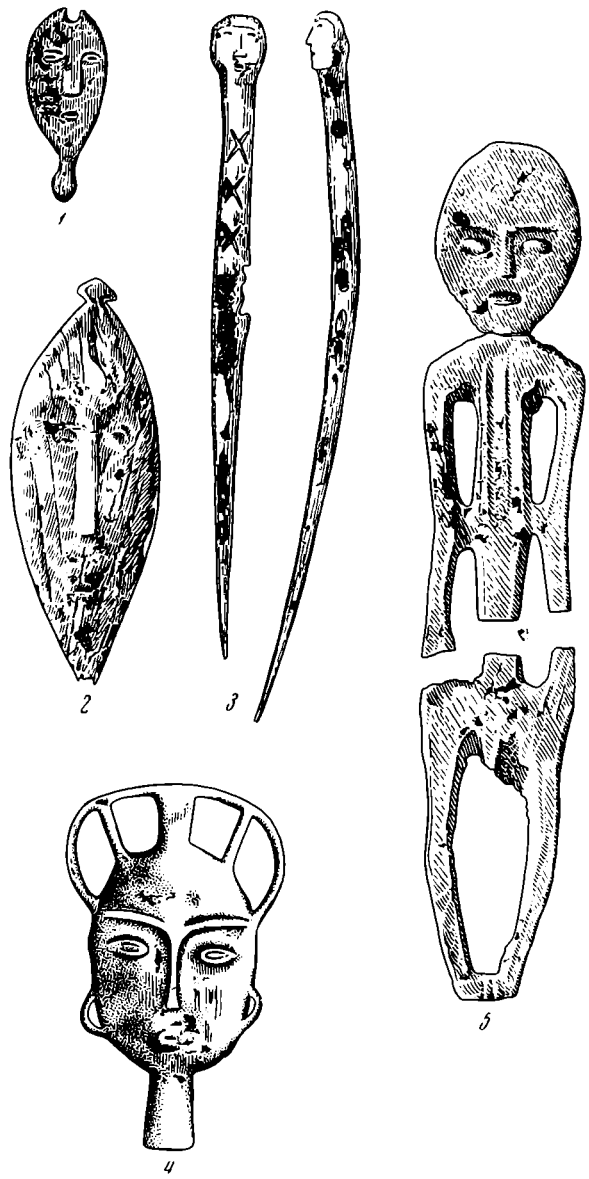


Рис. 4. Изображения человека из кости и бронзы

1 — костяная подвеска, Усть-Уда (погр. № 9); *2* — костяная подвеска, Есть-Илга (погр. № 2); *3* — костяной стержень, Аносово (погр. № 2); *4* — шаманское изображение, бронза, р. Илим; *5* — фигурка человека, бронза, р. Рогалиха

В Иркутском музее хранится антропоморфное изображение из рога (к сожалению, место его находки неизвестно). По своим стилистическим особенностям и орнаменту оно близко всей этой группе изображений (рис. 6, *2*).

Фигурка в виде стержня длиной 5,1 *см* сужается книзу и заканчивается острием. Голова, прямоугольной формы со скругленными углами, зани-

[20] Хранятся в Иркутском областном музее, инв. № 6479-8, 6479-27. А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 392, рис. 123.

[21] Хранится в Иркутском областном музее, инв. № 2567-41. Изображение было найдено справа от таза. П. П. Хороших. Неолитическое погребение на р. Кае, КСИИМК, 54, 1954, рис. 33.

мает треть изделия. На лбу четыре короткие резные линии (может быть, изображение волос). Лоб и плоскости щек выступают над остальной частью лица. Рот обозначен углублением. Голова отделена неглубоким желобком от узкого прямоугольного туловища с покатыми плечами, которое у бедер сужается посредством боковых срезов. Орнамент из разных крестов и насечек покрывает все изделие.

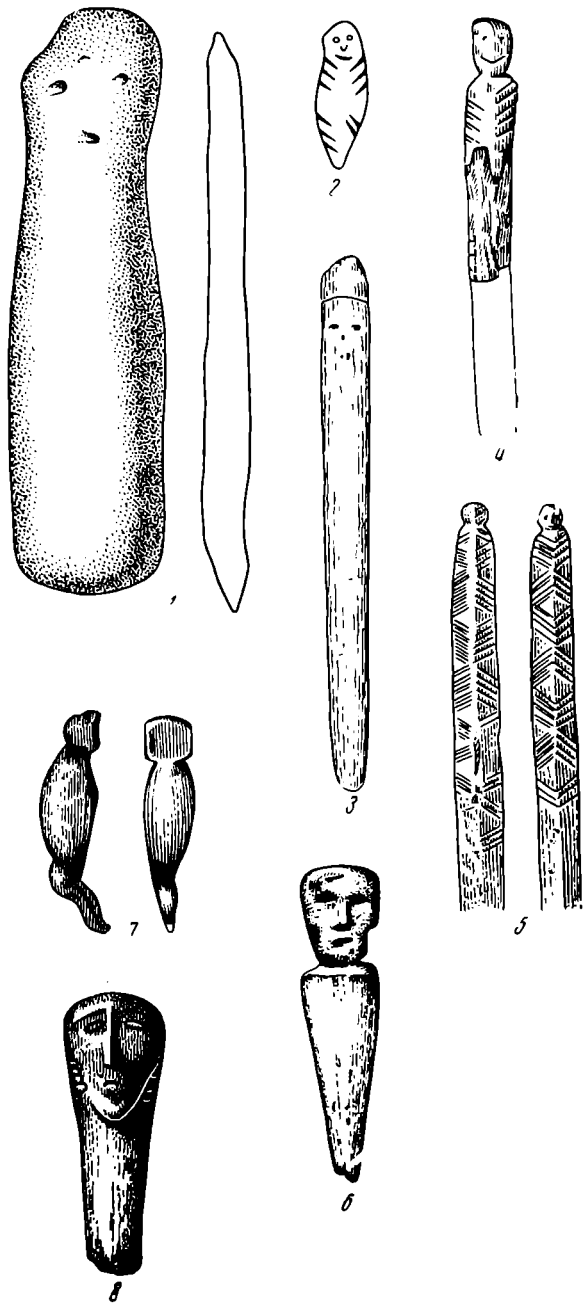


Рис. 5. Антропоморфные изображения

1 — фигурка из песчаника, Локомотив; *2, 3* — костяные фигурки, Локомотив; *4, 5* — костяные фигурки, Глазковское предместье; *6* — костяная фигурка, Афонтова Гора; *7* — каменная фигурка, р. Базаиха; *8* — каменная фигурка, р. Черновая

Из раскопок П. П. Хороших на стадионе «Локомотив» (г. Иркутск) известно несколько схематических антропоморфных предметов, сделанных из рога или кости[22].

Миниатюрное, сильно стилизованное антропоморфное изображение из погр. № 4 вырезано из овальной пластины, суживающейся книзу (рис. 5, *2*). Глаза показаны точечными углублениями, нос — маленькой ямкой, рот — горизонтальной насечкой. Орнамент состоит из тонких косых линий, нанесенных резьбой вдоль вертикальной оси предмета с обеих сторон.

Второе антропоморфное изображение (из погр. № 5) в виде плоского костяного стержня длиной 10 *см* округлено с обоих концов. Верхняя часть стержня отделена от условно трактованного лица узким желобком. Глаза, нос и рот переданы углубленными точками (рис. 5, *3*).

Роговая фигурка из погр. № 13 изображает половину лица человека. Длина ее 4 *см*. Другая половина лица и нижняя часть изделия отсутствует. Глаза и рот переданы тонкими горизонтальными насечками. Нос не обозначен.

Из этого же могильника известна стилизованная антропоморфная фигурка, сделанная из прямоугольной пластины красноватого мелкозернистого песчаника. П. П. Хороших считает это изделие изображением нерпы[23] (рис. 5, *1*). Черты лица едва намечены неглубокими ямками. Схематичность данного одностороннего изображения не позволяет, на наш взгляд, определить его как нерпу.

Ко второй группе изображений можно отнести и роговой стержень со

[22] Материал хранится в Иркутском областном музее, инв. № 2565-103; 2565-108. П. П. Хороших. Неолитический могильник на стадионе «Локомотив» в г. Иркутске. Сибирский археологический сборник, 2, Новосибирск, 1966, стр. 91, рис. 4, *8*.

[23] Там же, стр. 91, рис. 10. К сожалению, П. П. Хороших не указывает местоположение фигурок в погребениях.

схематически моделированным лицом человека из погребения у с. Идан, в 39 *км* от Иркутска[24] (рис. 6, *3*). Длина предмета 6 *см*. Прямоугольная голова занимает треть длины изделия и отделена от остальной части неглубокими врезами. Лицо от груди отделено узким желобком. Глаза обозначены ямками, нос и рот — резными линиями. На нижнем конце стержня имеется желобок. Погребение, из которого происходит фигурка, хорошо датируется восьмеркообразной бляшкой карасукского типа.

Выше уже были определены хронологические рамки изображений первой группы. Что касается изображений второй группы, то все они, за исключением фигурки из местности Идан, встречены в погребениях, относящихся к китойской культуре. До 1957 г. с территории Прибайкалья не было известно изображений человека, относящихся ко времени, предшествовавшему китойскому этапу. Раскопками А. П. Окладникова в 1957 г. в Серовском могильнике в комплексах серовского этапа прибайкальского неолита были обнаружены и антропоморфные изображения[25]. Это — стилизованная костяная фигурка с едва намеченными деталями лица и изображение какого-то фантастического животного с двумя головами: человека и зверя с открытым ртом. На длинном хвосте животного показано еще одно человеческое лицо.

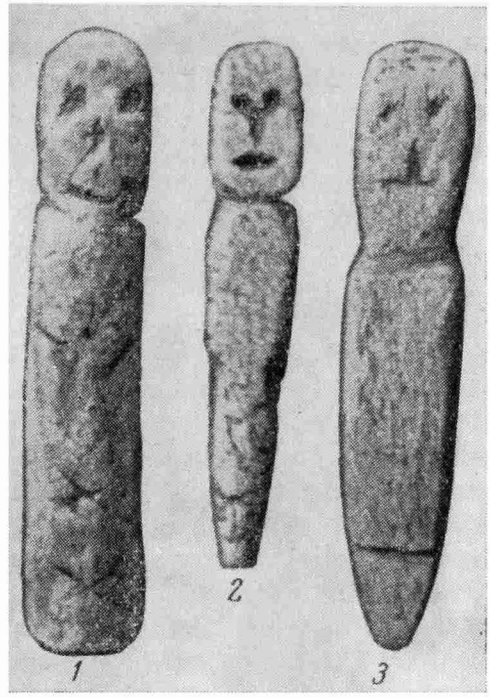


Рис. 6. Изображения человека

1 — костяная фигурка, р. Кай; *2* — костяная фигурка из Иркутского музея; *3* — костяное изображение, с. Идан

В памятниках китойской культуры количество антропоморфных изображений весьма значительно, хотя зооморфные мотивы по-прежнему преобладают. А. П. Окладников считает, что в антропоморфных фигурках китойского времени могут быть прослежены первые признаки условной трактовки человеческих фигур, унаследованной позднее глазковцами[26]. К китойской же культуре относятся две антропоморфные фигурки, изготовленные из белого мрамора и глины, которые стоят несколько особо.

Скульптурное изображение головы человека из погребения у с. Распутино по тщательности проработки лица приближается к усть-удинским скульптурам[27]. Горбатый, рельефный нос круто срезан, низкий лоб чуть нависает над запавшими глазами. Рот обозначен маленьким углублением. На затылке — обломанный выступ со следами отверстия. Длина головы 13,9 *см* (рис. 7).

Фигурка человека из обожженой глины была найдена Б. Э. Петри на неолитической стоянке в бухте Песчаной на Байкале[28]. Изображение не

[24] Фигурка хранится в Иркутском областном краеведческом музее. Э. Г. Рыгдылон и П. П. Хороших. Погребения в местности Идан (Восточная Сибирь). СА, 1958, 3, рис. 1, *4*.

[25] А. П. Окладников. Археологические работы в зоне строительства ангарских гидроэлектростанций, ЗИОКМ, Иркутск, 1958, стр. 23.

[26] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, III, стр. 298.

[27] Хранится в Иркутском областном музее, инв. № 7422-19; Г. П. Сосновский. Остатки доисторического прошлого у с. Распутина на р. Ангаре. Иркутск, 1924, стр. 2, табл. 1; А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. I, стр. 330, рис. 122.

[28] Б. Э. Петри. Неолитическая колония Песчаная на Байкале. Сб. трудов профессоров и преподавателей ГИУ, отд. 1, вып. 2. Иркутск, 1921, стр. 65.

сохранилось. По словам Б. Э. Петри, это была грубо сделанная скульптурка, от которой остались лишь голова и подставка в виде расширенного к основанию конуса. Это узколицый человек, с низким лбом, со слабо выраженными скулами и острым подбородком. Глаза и рот обозначены коническими дырочками. Б. Э. Петри сближает данное изображение по физическому типу с головкой человека из с. Распутино.

Рассматривая глазковскую культуру как генетически связанную с китойской, А. П. Окладников считает условно-геометрическую манеру

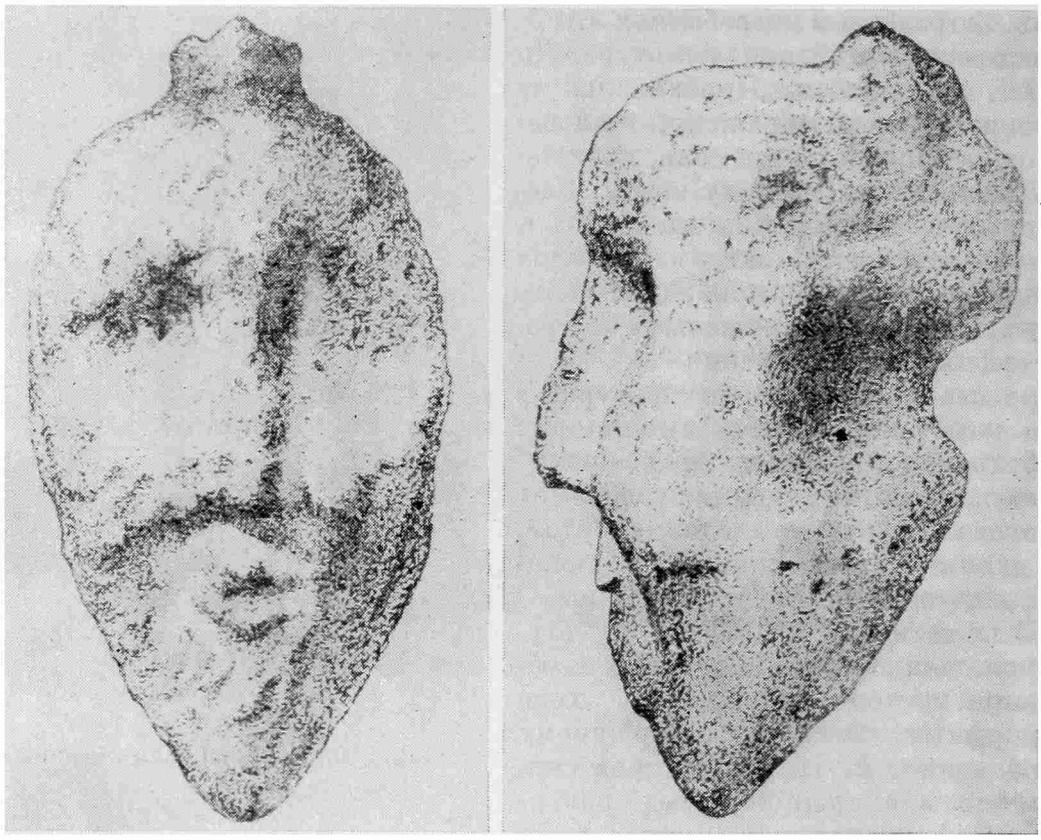


Рис. 7. Скульптурное изображение головы человека. Мрамор. Из Распутина

трактовки человеческой фигуры результатом дальнейшего развития схематических тенденций, появившихся в изобразительном творчестве китойцев. Однако, несмотря на общую для обеих групп условность в передаче образа человека, первая группа резко отлична от второй. Это проявляется как в тщательности проработки деталей лица, так и в оформлении всей фигуры в целом. Вероятно, скорее можно говорить о параллельном существовании двух стилистически различных направлений в изображении человека. Самобытность и своеобразие памятников китойской культуры, отличие ее от серовской и глазковской культур столь велико, что позволило ряду исследователей высказать точку зрения, отличную от схемы, предложенной А. П. Окладниковым [29]. Новые материалы позволяют рассматривать китойскую культуру как пришлую, локальную [30]. Генетическая же связь серовской и глазковской культур признается всеми исследователями Си-

[29] М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу. Тр. ИЭ, Нов. сер., XXVIII, М., 1955. стр. 449—450.

[30] Л. И. Хлобыстин. Древние культуры побережья озера Байкал (каменный и бронзовый века). Автореф. канд. дисс. Л., 1964, стр. 13; В. И. Чернецов. Доклад на заседании Сибирской секции в Ин-те археологии АН СССР, 13. I, 1969 г.

бири. (Интересно, что передача человеческого лица на «янусовидном» изображении из Серовского могильника во многих деталях сходна с усть-удинскими фигурками.)

Появившись в Прибайкалье где-то в конце существования серовской культуры, китойцы приняли участие в сложении глазковской культуры вместе с серовцами.

Сложившиеся традиции в изображении человека продолжают существовать длительное время. Об этом говорят антропоморфная фигурка из местности Идан и так называемые «шаманские» изображения, выполненные в бронзе, где древние художники для передачи деталей лица используют приемы, характерные для первой группы.

А. П. Окладников намечает узколокальную ангаро-ленскую группу этих изображений, в которой отразилось своеобразное искусство местных племен [31]. Ряд стилистических черт, объединяющих эту группу, обнаруживает приемы, выработанные резчиками на этой территории в более раннее время и в другом материале. Изделия литые, плоскостные, обратная сторона не обработана. Таково, например, изображение, найденное на р. Илим [32] (см. рис. 4, *4*).

Следует упомянуть и случайную находку, сделанную у р. Рогалиха близ дер. Беркульской под Тобольском [33] (см. рис. 4, *5*). В. Н. Чернецов относит ее к группе «древовидных» идолов Истяцкого клада (усть-полуйское время, IV—III вв. до н. э.). Однако она несколько выпадает из этого круга памятников и по своим стилистическим особенностям близка первой группе изображений (например, фигуркам из дер. Семеновки). Это литое бронзовое фронтальное изображение человека в полный рост (длина 29,5 *см*). Овальная голова суживается книзу, лоб отделен от остальной части лица надбровными дугами, нос — прямой и длинный. Плечи широкие, покатые. Руки двумя неправильно овальными выемками отделены от узкого прямоугольного туловища. В бедрах они прижаты, образуя выступы. Ноги разделены посредине выемкой, а в нижней части слиты.

Уникальный характер находки не позволяет сказать что-либо определенное. Но не исключена возможность, что она попала в эти места откуда-то с Востока, так как выполнена в иной манере, чем «древовидные» идолы.

Известны антропоморфные изображения и из районов, тесно связанных с Прибайкальем. А. П. Окладников показал, что начиная с серовского времени между прибайкальскими племенами и населением Средне-Енисейского района существовала тесная связь [34]. В свою очередь эта территория была своеобразным мостом между таежными областями Сибири и ее южными степными районами. Антропоморфное изображение, найденное в погребении у Афонтовой горы, по тщательности моделировки лица и общему облику очень сходно с фигуркой из Аносова, датированной А. П. Окладниковым раннеглазковским временем [35] (см. рис. 5, *6*). Это — шиловидный стержень, один конец которого оформлен в виде головы человека. Длина изделия 6 *см*.

Из района г. Красноярска известны два антропоморфных изображения. Миниатюрная фигурка, вырезанная из агальматита, имеющая в профиль характерный плавный изгиб, который придает ей сходство с сидящей фи-

---

[31] А. П. Окладников. Шаманские изображения. СА, X, 1948, стр. 208.

[32] Хранится в Иркутском областном краеведческом музее, инв. № 610-17-1; А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 201, рис. 2.

[33] В. Н. Чернецов. Бронза усть-полуйского времени. МИА, 35, 1953, стр. 172, табл. XXIV, *2*.

[34] А. П. Окладников. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея. СА, 1957, 1, стр. 37.

[35] А. П. Окладников. Неолитическое погребение. КСИИМК, 25, 1949, стр. 9—10, рис. 1, *3*.

гурой[36] (см. рис. 5, 7). Вторая скульптурка — вырезанное из рога изображение человека-птицы в той же «сидячей» позе — была найдена в погребении в урочище «Бор» вместе с фигурками лосей[37]. По стилистической манере они отличны как от первой, так и от второй группы рассматриваемых изображений и обнаруживают тесную связь с определенной традицией в трактовке образа человека, характерной для неолитического искусства Зауралья, Севера Европейской части РСФСР и Финляндии[38].

В памятниках окуневской культуры (начало II тысячелетия до н. э.) известны миниатюрные пестикообразные агальматалитовые фигурки со скульптурно оформленными женскими головками на одном конце, которые по трактовке лица и своему монголоидному физическому типу близки усть-удинским фигуркам[39]. Размер их колеблется от 1,7 до 5,2 *см* (рис. 5, *8*). Скульптурки из камня единообразны в передаче продолговатого лица, расширенного в верхней части и суженного книзу, с тщательно моделированными широкими скулами, низким крутым лбом, рельефным носом, выступающим вперед острым подбородком. Углубленными прочерченными линиями показаны брови и очерчены миндалевидные глаза. На некоторых головках видны прямые длинные волосы и серьги в виде нескольких колечек.

Так же, как и костяные пластины с выгравированными на них лицами, каменные фигурки были найдены в могилах девочек-подростков или в детских погребениях. Э. Б. Вадецкая на основании этнографических данных высказывает предположение, что эти изображения служили вместилищами душ умерших, ожидавших своего возрождения в новорожденных, амулетами, охраняющими и обеспечивающими плодовидость их владельцам[40]. Анализ скульптурных изображений человека позволяет говорить об их значительной роли в мировоззрении лесных племен II тысячелетия до н. э. Часть костяных и роговых изделий сделана при помощи металлических орудий. Схематический характер изображений, единообразная трактовка образа, лишенного индивидуальности, объясняется, вероятно, культовым назначением этих предметов (амулеты, духи-«покровители», шаманские духи и т. д.). В этих фигурках обнаруживаются истоки того специфического культового искусства населения лесной зоны, которое доживает до XVIII—XIX вв. Антропоморфные изображения широко известны в искусстве народов Сибири, и, как правило, они крайне схематичны. Вырезались они из кости и дерева, изготовлялись из кожи и металла[41],

---

[36] Хранится в Красноярском областном краеведческом музее, коллекция № 211—610. А. П. Окладников. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея. СА, 1957, 1, стр. 44—45.

[37] Хранятся в МАЭ, инв. № 1959-7. T. Savenkov. Sur les restes de l'Epoque néolithique, trouvés dans Gony, d'Eniseisk (Siberie Orientale) sur la rive de l'Enissei prés embouchures de la Bazaikha et Tchadobets. Congress internat. d'Archéol. et d'Anthropol. préhistoriques II eme session á Moscou 1892, II, 1893, стр. 230; С. В. Студзицкая. К вопросу о появлении шаманства у племен Среднего Енисея по археологическим данным. Ежегодник Гос. Исторического музея 1963—1964 гг., М., 1966.

[38] А. П. Окладников. Шишкинские писаницы. Иркутск, 1959, стр. 71.

[39] Г. А. Максименков. Окуневская культура в Южной Сибири. Сб. «Новое в советской археологии». МИА, 150, 1965; Э. Б. Вадецкая. Музей под открытым небом «Искусство», 1964, 12; е е ж е. Древние названия эпохи бронзы на Енисее. Автореф. канд. дис., Л., 1965, стр. 19; е е ж е. О сходстве самусьских и окуневских антропоморфных изображений. СА, 1969, 1; А. М. Дэвлет. Каменная фигурка андроновского времени. СА, 1962, 2, рис. 1; М. П. Грязнов, М. Н. Комарова. Раскопки могильников в Западной Сибири. Сб. «Археологические открытия 1965 года». М., 1966, стр. 13.

[40] Э. Б. Вадецкая. Древние изваяния..., стр. 19.

[41] С. В. Иванов. Изобразительное искусство народов Сибири XVIII—XIV вв. Тр. ИЭ, Нов. сер. XXII, М., 1954.

причем, как указывает С. В. Иванов, скульптурные памятники сохранили еще свою семантику, большей частью утраченную в рисунках [42].

Большинство усть-удинских фигурок выполнено на пластинах из кости мамонта. Этнографические материалы показывают роль мамонта в культовом искусстве (например, на шаманском костюме всегда имелись привески, изображающие мамонта)[43]. Может быть, и в данном случае сам материал, из которого были сделаны эти фигурки, должен был подчеркнуть их особое назначение. Остроголовость некоторых изображений (из погребений Братского камня, Куллаты) А. П. Окладников объясняет тем, что резчики по кости использовали примитивный прием изготовления деревянных идолов [44]. Самое большое внимание у изображений первой группы уделено моделировке лица, передающего определенный физический тип.

Наличие у этих изображений специальных отверстий свидетельствует, очевидно, о прикреплении их на одежду или на головной убор. Известно, что именно в этот период складывается определенный покрой одежды, близкой к тунгусско-юкагирской одежде XVIII—XIX вв.[45].

Выделяя территорию Прибайкалья в отдельную культурно-хозяйственную область, А. П. Окладников указывал, что основные черты этнографического комплекса, характерного для тунгусских племен Прибайкалья, были представлены в пределах этой территории уже в глазковское время[46], в частности встречающиеся на черепах кружки из белого нефрита (деталь головного убора) исследователи рассматривают как прототипы серебряных бляшек, украшавших тунгусские шапки еще в XVII—XVIII вв.[47].

Наличие богатых погребений наряду с погребениями без вещей свидетельствуют о начавшейся имущественной дифференциации. Археологические данные позволяют говорить о том, что во II тысячелетии до н. э. в Прибайкалье начинается становление патриархально-родового строя.

Раскрыть назначение изображений помогают материалы по этнографии народов, населявших эту территорию в более позднее время, но в верованиях и искусстве которых прослеживаются очень древние традиции (эвенки, буряты, якуты). Известно, что бóльшая часть ритуальных изображений служит «вместилищами» для духов. Возможно, что подобными вместилищами антропоморфных духов и должны были служить эти костяные фигурки людей. Буряты называют эти изображения «онгонами». Они рисуют их краской на материи, шьют из тряпок, вырезают из войлока, дерева, шерсти. Изображения эти довольно однообразны, и трактовка их крайне упрощена. Но круг идей, связанный с ними, был очень широк и охватывал представления о вселенной, о небе, огне, различных духах и т. д.[48]. Начало становления патриархально-родового строя знаменуется выделением особых родовых старейшин, предводителей, служителей культа, шаманов. А. П. Окладников, вероятно, прав, говоря о зарождении шаманизма в Прибайкалье во II тысячелетии до н. э.[49]. Выделяющиеся по набору и богатству инвентаря погр. № 4 и 6 из Усть-Уды и погр. № 2 из Аносово подтверждают это мнение. В это время происходят

---

[42] Его же. О значении двух уникальных женских статуэток американских эскимосов. СМАЭ, XI, М.— Л., 1949, стр. 162.

[43] К. М. Рычков. Енисейские тунгусы. «Землеведение», 1—2, М., 1917, стр. 93.

[44] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, III, стр. 294.

[45] Там же, стр. 299.

[46] А. П. Окладников. Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока. СЭ, 1950, 2, стр. 44.

[47] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, III, стр. 306.

[48] С. В. Иванов. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — нач. XX вв. М., 1954, стр. 697—714.

[49] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, III, стр. 352.

большие изменения во всех областях жизни племен Прибайкалья. Для родовой организации С. А. Токарев отмечает две формы культа: культ семейно-родовых святынь и «охранителей» и культ родовых предков. Обе формы отражают две стадии развития родового строя и очень близки между собой, поэтому их обычно смешивают под общим названием «культ предков» [50]. С. А. Токарев считает, что у народов Сибири настоящий культ предков не сложился, а был лишь в зародышевой форме у эвенков, ненцев и бурят: у юкагиров был культ умерших родовых шаманов. У эвенков также предками-охранителями были только предки-шаманы [51].

Можно предположить, что если не все, то часть усть-удинских изображений, особенно парные, олицетворяют собой духов-предков шаманов, поскольку есть все основания рассматривать погребения, где они были найдены, как шаманские.

На костюмах якутских шаманов мы встречаем изображение духа «амагат» — знак шаманского достоинства. Некоторые шаманы, умирая, уносят с собой и своего «амагата» и становятся небесными духами[52]. Среди других подвесок на шаманских плащах у эвенков имеются идолы, олицетворяющие души их предков-шаманов[53].

По данным А. Ф. Анисимова, у эвенков существовали антропоморфные изображения, связываемые с представлениями о семейных духах-охранителях[54].

То, что некоторые фигурки встречены в женских погребениях, вероятно, может служить подтверждением тому, что первыми шаманами были женщины. К. М. Рычков указывает, что для женщины-шамана существует особый термин — «удухан», и он является общим для шаманок у монголов, бурят, якутов, алтайцев, киргизов, торгоутов, татар. Шаманы же мужчины по своим названиям отличаются [55]. К. М. Рычков связывает это с тем, что женщины в возникновении шаманства играли, вероятно, бóльшую роль.

Что касается парного характера изображений, то достаточно вспомнить многочисленные антропоморфные изображения у народов Сибири, связанные с шаманскими верованиями и культом. Например, у гольдов существовал идол «аджеха» с остроконечной головой. Он помогал при всех промыслах. И гольды, отправляясь на промысел, всегда имели его с собой привязанным к поясу. Шаманы же обычно носят на груди пару идолов-супругов «аджеха» во время камлания [56].

Прослеживаемая закономерность в расположении антропоморфных фигурок первой группы на груди костяка или у пояса позволяет предположить, что их роль была аналогична роли «аджеха», и лишний раз свидетельствует, на наш взгляд, в пользу точки зрения А. П. Окладникова о времени появления шаманских верований. Антропоморфные костяные стерженьки второй группы, как правило, сопровождались большим количеством различных подвесок из зубов и челюстей животных и, возможно, служили амулетами, способствовавшими удаче на промысле (вроде эвенкийского Бэллой или Бараляк — маленького человечка без рук) [57].

---

[50] С. А. Токарев. Ранние формы религии. М., 1964, стр. 352.
[51] Там же, стр. 258.
[52] В. М. Михайловский. Шаманство. 1, М., 1892, стр. 7.
[53] К. М. Рычков. Енисейские тунгусы. «Землеведение», 3—4, М., 1922, стр. 103.
[54] А. Ф. Анисимов. Семейные «охранители» у эвенков и проблема генезиса культа предков. СЭ, 1950, 3, стр. 30—31.
[55] К. М. Рычков. Енисейские тунгусы, стр. 114.
[56] И. А. Лопатин. Гольды. Амурские, уссурийские и сунгарские. Владивосток, 1922, стр. 224, табл. XVII—XVIII, *46*.
[57] А. Ф. Анисимов. Представления эвенков о «шингкэнах» и проблема происхождения первобытной религии. Сб. МАЭ, XII, М.— Л., 1949, стр. 165.

Различия в стилистических особенностях трактовки образа человека могут найти свое объяснение, с одной стороны, как стражение каких-то местных этнических племенных черт, а с другой — свидетельствовать о различном назначении этих фигурок. Многообразие форм изображений человека и их семантический анализ говорят о существовании в Прибайкалье уже в начале II тысячелетия до н. э. сложного культа, связанного прежде всего с анимистическими представлениями, которые составляют характерную особенность шаманизма [58].

S. V. Stoudzitskaïa

L'IMACE DE L'HOMME DANS L'ART DE LA RÉGION DU BAIKAL À L'EPOQUE NÉOLITHIQUE ET PENDANT LA PREMIÈRE PÉRIODE DU BRONZE

Résumé

Les images anthropomorphes examinées dans cet article viennent de la région du Baïkal où elles ont été découvertes dans des nécropoles se rapportant aux civilisations de Kitoï et de Glazkovo (fin du III millénaire — II millénaire avant notre ère).

On peut repartir approximativement toutes les figurines, sculptées dans l'os, la corne ou la pierre, en deux groupes. Le premier présente l'image de l'homme en pied, en face, au visage soigneusement molele, dans lequel on saisit des traits mongoloïdes. Le deuxième groupe est composé de petits pivots en os ou en corne terminés par des visages humains ébauchés d'une façon schématique.

Les différences des particularités stylistiques dans l'image de l'homme peuvent trouver leur explication, d'un côté, dans le reflet de certains traits ethniques locaux, de l'autre, ces particularités témoignent des diverses destinations des figurines. La variété des formes observées dans ces images anthropomorphes et leur analyse sémantique prouvent l'existence dans la région du Baïkal, déjà au II millénaire avant notre ère, d'un culte compliqué, lié avant tout aux idées animistes.

[58] С. А. Токарев. Ук. соч., стр. 304.

А. А. КУРАТОВ

О КАМЕННЫХ ЛАБИРИНТАХ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

(Опыт классификации)

Прошло 125 лет с момента выхода в свет первых серьезных работ, посвященных лабиринтам Северной Европы[1]. С тех пор вопрос о происхождении, назначении и датировке этих таинственных древних памятников всегда находился в центре внимания исследователей.

В зарубежной и отечественной литературе уже были высказаны десятки различных мнений по этому вопросу.

Не имея возможности подробно осветить историографию вопроса, мы, тем не менее, можем констатировать, что единого мнения нет и не могло быть при общем неудовлетворительном состоянии наших знаний о каменных лабиринтах.

Кроме того, эту проблему нельзя решить, исходя только из узко локальных групп памятников, как это делалось, например, для скандинавских лабиринтов (теория Л. И. Рингбума о культово-развлекательном характере построек)[2] или для беломорских (гипотеза Н. Н. Гуриной о культово-рыболовном назначении памятников[3]). Составленные до сих пор описания памятников в большинстве своем носят выборочный и настолько поверхностный характер, что мы не можем с полной уверенностью не только точно картографировать имеющийся материал, но даже определить общее число памятников в каждом из известных ареалов.

По самым приблизительным подсчетам, общее число зарубежных каменных лабиринтов не превышает 70—80. Они распределяются следующим образом: в Швеции — не менее 12 лабиринтов, в Норвегии — около 4, в Финляндии — более 50, в Англии — не менее 3; имеются также косвенные указания на недавнее существование лабиринтов в Дании и Исландии.

В границах Севера Европейской части СССР лабиринты распространены в Мурманской области (около 10), в Карельской АССР (около 6) и в Архангельской области (около 29 лабиринтов). Всего — около 45.

Таким образом, исследователи имеют в своем распоряжении не менее 120 памятников, разбросанных от островов Сплли на западе до Соловецкого архипелага на востоке, от юго-западной Англии до советского Беломорья.

---

[1] E. Baer. Über labyrinthförmige Steinsetzungen im Russischen Norden. Bullet. de l'Acad. de St.-Petersb., I, 1844; H. F. Maßmann. Wunderkreis und Irrgarten. Dueblinburg und Leipzig, 1844.

[2] L. J. Ringbom. Trojalek och tranedans. «Finskt Museum», XLV, Helsingfors, 1938, стр. 68—106.

[3] Н. Н. Гурина. Каменные лабиринты Беломорья. СА, X, 1948; ее же. О датировке каменных лабиринтов Белого и Баренцева морей, МИА, 39, 1953.

Следует отметить, что большинство исследователей неправомерно выделяют лабиринты из числа других каменных сооружений, часто сопровождающих спиралевидные выкладки. Мы имеем в виду каменные выкладки самых причудливых очертаний, груды камней, менгиры, дольмены и т. д. Выясняется, например, что в ряде случаев такие сооружения не сохранились вблизи лабиринтов. Тем больший интерес вызывают пункты, где имеются и лабиринты, и сопровождающие их разнообразные конструкции из камней.

В 1902 г. финский исследователь Л. Пяккенен описал лабиринты и 32 каменные кучи в устье р. Торнео[4]. Интереснейшее сообщение Л. Пяккенена является чуть ли не единственным научным наблюдением подобного рода для всей Финляндии. Других данных о совместном нахождении лабиринтов и каменных сооружений в современной зарубежной литературе не встречается.

Более повезло памятникам на территории СССР. Описывая лапландские лабиринты, А. В. Елисеев обратил внимание на каменные насыпи, названные из «лопарскими могилами»[5]. Автор находок, к сожалению, не приводит точных статистических данных о памятниках и не дает их описания. Карельские лабиринты иногда сопровождаются каменными кучами, точное число которых неизвестно. По мнению А. Я. Брюсова, некоторые из них несомненно являлись «надмогильными насыпями»[6].

На островах Соловецкого архипелага, по самым приблизительным подсчетам А. Я. Брюсова, находится около 500 различных сооружений из камня[7]. Их подробное описание дал Н. Н. Виноградов в 1926—1927 годах. Каменные сооружения Соловецких островов разделяются, по Н. Н. Виноградову, на следующие группы: «груды камней», «продолговатые каменные гряды», «загадочная фигура (вентерь)», «каменные перемычки», «курганы», «остатки землянки», «дольмены», «менгиры и пр.[8]. Все эти сооружения и каменные лабиринты, расположенные здесь же, по мнению исследователя, не составляют самодовлеющих комплексов, они связаны какой-то внутренней целесообразностью и образуют оригинальный архитектурный ансамбль. Эту особенность соловецких лабиринтов чутко уловил А. Я. Брюсов. «...Лабиринты, по-видимому, не являются самостоятельными памятниками, — писал в одной из своих работ А. Я. Брюсов.— На Б. Заяцком острове Соловецкго архипелага лабиринты, расположенные по полукругу, все без исключения направлены так, что при входе в них лицо обращено к цепи каменных насыпей на каменистом берегу; во многих случаях исследователи, упоминающие о лабиринтах в других местах, указывают на находящиеся около них каменные насыпи, так что отсутствие подобных указаний, быть может, следует объяснить только *недостаточным вниманием* (курсив наш. — *А. К.*) к каменным кучам, этим нередко очень невзрачным погребальным сооружениям»[9].

Некоторые из каменных сооружений Соловецкого архипелага были раскопаны. Так, несколько каменных груд исследовалось в 1907 г. К. П. Ревой[10]. Курган, расположенный к северу от лабиринтов первой группы

---

[4] Г. К. Гейкель. Из финляндской археологической литературы. ИАК, 38, СПб., 1911, стр. 181.

[5] А. В. Елисеев. По белу свету. Очерки и картины из путешествий по трем частям Старого Света. СПб., 1894, стр. 59, 114.

[6] А. Я. Брюсов. Каменные насыпи Карелии. ПИДО, 1934, 5, стр. 118.

[7] Его же. История древней Карелии. М., 1940, стр. 149.

[8] Н. Н. Виноградов. Соловецкие лабиринты. Их происхождение и место в ряду однородных доисторических памятников. Материалы СОК, 4, Соловки, 1927, стр. 46—56.

[9] А. Я. Брюсов. История древней Карелии, стр. 150.

[10] К. Рева. О раскопках в 1907 г. ОАК за 1907 г., стр. 107.

Соловецкого острова, в 1926 г. частично вскрыт А. Ивановым [11]. В 1930 г. обследование ряда археологических памятников Соловецкого архипелага было произведено А. Я. Брюсовым, А. М. Линевским, Н. Н. Гуриной и Е. П. Кузнецовой. На Анзерском острове, в частности, установлено наличие каменных куч, лабиринтов, менгиров и погребений [12].

Однако все эти исследования носили эпизодический и незавершенный характер. Изучение каменных лабиринтов и других сооружений из камня по существу начинается только сейчас.

Накопленный фактический материал настолько фрагментарен и несовершенен в описании, что он пока еще не может служить для каких-либо теоретических обобщений. К такому неутешительному выводу приходится придти после беглого анализа проведенных исследований.

Между тем опасность непродуманных и поспешных выводов вполне очевидна. Приведем один характерный пример.

В 1966 г. советский ученый И. М. Мулло опубликовал статью, в которой, увлекшись оригинальной гипотезой Н. Н. Гуриной, развил идею о промыслово-рыболовном характере беломорских лабиринтов до абсолютного отрицания культово-религиозного назначения памятников [13]. Отвергая в принципе наивный рационализм И. М. Мулло, я хочу сделать несколько критических замечаний в адрес автора статьи.

Во-первых, обращает на себя внимание несколько примитивная классификация беломорских лабиринтов,— разделение их на «несложные» и «сложные». К первым отнесены лабиринты «типа соловецких», расположенные в «местах лова мелкой рыбы — сельди и наваги», ко вторым — лабиринты «типа Кандалакшского», встречаемые лишь «близ семужьих тоней» [14]. Совершенно очевидно, что такого приблизительного разделения беломорских лабиринтов на «сложные» и «несложные» произвести нельзя. Достаточно указать на большое сходство друг с другом «семужьего» Кандалакшского и «сельдяного» Большого Соловецкого лабиринтов. Описывая далее лабиринт в Красной Луде, И. М. Мулло даже не попытался искать аналогий ему среди финских (на западе) и соловецких (на востоке) лабиринтов. Определение места памятника среди подобных ему по типу сооружений не дало бы автору права противопоставить места «семужьего лова» местам «лова соловецкой сельди и наваги».

Во-вторых, мнение о том, что каменные лабиринты могли служить древнему рыболову в качестве «модели» при изготовлении рыболовных ловушек, вряд ли состоятельно. Принимая как аксиому точку зрения Н. Н. Гуриной о безусловной близости конструкции каменных лабиринтов с планами рыболовных снарядов поморского Севера, автор не приводит нового фактического материала, а сама статья не снабжена необходимыми иллюстрациями, позволившими бы зрительно сопоставить те и другие сооружения. Вполне естественно напрашивается вопрос: почему каменные лабиринты — «модели рыболовных ловушек», по И. М. Мулло,— не только не сохранились у современных рыболовов, но и память о их «рыболовном» назначении совершенно стерлась у поморов, хотя на Севере, по свидетельству автора, продолжают пользоваться рыболовными ловушками — «копиями лабиринтов»? Было бы логичнее предположить, что и рыболовные снаряды, и их «модели» могли в равной степени существовать и в новейшие времена.

В-третьих, предположение автора о том, что лабиринты, кроме всего

---

[11] А. Иванов. О раскопках кургана на Большом Соловецком острове. «Исследовательская работа историко-археологической секции. Отчет СО АОК за 1924—1926 гг.». Соловки, 1927, стр. 65.

[12] А. Я. Брюсов. История древней Карелии, стр. 207.

[13] И. М. Мулло. К вопросу о каменных лабиринтах Беломорья. Сб. «Новые памятники истории древней Карелии». М.— Л., 1966, стр. 185—193.

[14] И. М. Мулло. Ук. соч., стр. 191.

прочего, «обозначали принадлежность лова определенному роду», выглядит более интересным. Однако эта мысль в статье не получила развития и осталась простой догадкой.

Таким образом, гипотеза И. М. Мулло об утилитарно-хозяйственном назначении лабиринтов Беломорья носит явно схематичный и упрощенный характер. Поверхностность и предвзятость в наблюдениях приводят исследователя к заведомо неверным теоретическим обобщениям.

Нам остается присоединиться к мнению Н. Н. Гуриной об особом значении северных лабиринтов, являющихся «продуктом деятельности людей, живших задолго до нас», и связанных «с их религиозными представлениями»[15]. С этой верной посылки следует продолжить поиски новых путей к решению поставленной проблемы.

Где-то на подступах к решению главной задачи стоит проблема типологического описания каменных лабиринтов, их классификации.

Ниже мы предлагаем свой опыт классификации, в основу которого взято два критерия: внешняя форма каменных лабиринтов и технологический принцип конструирования схемы лабиринтов. Отдельные попытки предложить проект номенклатуры и классификации соловецких лабиринтов по их внешней форме делались и раньше. Н. Н. Виноградов выделил среди них следующие типы построек: 1) лабиринты спиральные, или улиткообразные; 2) лабиринты круглые или кругловатые; 3) лабиринты подковообразные; 4) смешанные типы[16]. Классификационная схема Н. Н. Виноградова, сыгравшая в свое время большую роль в разработке систематики лабиринтов, имела два недостатка: 1) она охватывала главным образом соловецкие памятники; 2) единственным критерием для классификации либаринтов избиралась их внешняя форма

Первый из отмеченных недостатков приводил к узколокальной характеристике лабиринтов, не пригодной для общей классификации каменных лабиринтов Северной Европы.

Внешняя форма лабиринтов является одним из главных, но не единственных признаков формально-типологического ряда. Важным критерием в определении того или иного типа лабиринта служит принцип его конструирования, предваряющий окончательное оформление лабиринта в камне (или в дерне).

Исследователи неоднократно задавали вопрос: каким же образом сооружались лабиринты? Можно ли, исходя из формы лабиринта, сделать определенные выводы о конкретных строительных приемах при его строительстве? Какое количество труда затрачивалось при этом?

Подобные вопросы вполне закономерны. При удовлетворительном их решении появляется возможность сформулировать строительно-технологический принцип, лежащий в основе классификации лабиринтов по типологическим признакам.

В зарубежной литературе имеется на этот счет несколько взглядов.

Наиболее распространенным типом лабиринтов Западной Европы является так называемый «классический тип», представленный довольно сложным спиральным узором в виде взаимно вписанных друг в друга подков. Исследователей давно занимает вопрос, каким образом этот «классический тип» подковообразного лабиринта удивительным образом повторяется на огромной территории. Так, например, каменный лабиринт одного из островов архипелага Силли юго-западной Англии (рис. 1) почти не отличается от шведского лабиринта в Висбу на о. Готланде (рис. 2). Естественнее всего сделать вывод о конвергентно возникшем приеме сооружения лабиринтов. Какой же прием применялся в каждом конкретном случае?

---

[15] Н. Н. Гурина. Каменные лабиринты Беломорья, стр. 131.
[16] Н. Н. Виноградов. Ук. соч., стр. 85—128.

Рис. 1. Каменный лабиринт одного из островов архипелага Силли. Англия (репродукция с открытки)

Вильгельм Мейер предложил рассматривать лабиринты как некую модификацию сдвоенного меандра[17]. Действительно, если мы соответствующим образом развернем лабиринт в его классическом варианте, а его спирально-овальные линии выстроим в прямоугольную конструкцию, то получим меандровую форму. Своеобразной иллюстрацией интересного предположения В. Мейера может служить северорусское скально, вывезенное в 1968 г. этнографом Ю. П. Прокопьевым из Пинежского района Архангельской области[18]. На боковых стенках скальна вырезаны лабиринтообразные фигуры, удивительно напоминающие по форме их каменные аналогии (рис. 3). Тем не менее В. Мейер так и не дает объяснения техническим приемам постройки каменных лабиринтов.

Эрнст Краузе дал другое решение вопроса. В одной из своих работ он предположил, что в основе каждого лабиринта «классического типа» лежит группа концентрических кругов, расчлененных радиальной линией. Остается только, по мнению Э. Краузе, соответствующим образом соединить ряд линий, чтобы получить подковообразную форму лабиринта[19].

Точка зрения Э. Краузе, несмотря на оригинальность и простоту решения сущности принципа конструирования, критиковалась финским ученым Л. И. Рингбумом. Рингбум указал на вкравшуюся неточность в реконструкции Краузе: крестообразное перенесение радиальной линии и линии круга должно быть всегда перпендикулярным, а у Краузе оно происходит под значительным косым углом[20].

Сам Рингбум предлагает принципиально иной прием конструирования. Исследователь приходит к выводу, что при строительстве каменных лабиринтов мог быть использован так называемый шнуровой циркуль. В качестве образца для своих априорных построений он выбирает лабиринт на о. Уте в финском проходе Корпо (рис. 4, *2*). «Можно себе представить чело-

---

[17] W. Meyer. Ein Labyrinth mit Versen. Sitz. ber. d. Akademie zu München, сер. фил. München, 1882.

[18] Скально хранится в фондохранилище АКМ. Инв. номер 13 446.

[19] E. Krause. Die nordische Herkunft der Trojasage. Glogau, 1893.

[20] L. J. Ringbom. Ук. соч., стр. 70.

века, — пишет Рингбум, — который укрепляет 8—10-метровую веревку в центре будущего „троянского замка" в поле или на горе. Другой конец веревки он держит в поднятой руке; затем он идет одиннадцать кругов вокруг центра, причем веревка наматывается на руку, а радиус все время укорачивается. По следам идущего человека проводится спиральная линия, которая может быть легко изменена в «троянский замок» [21].

Безусловно, мысль об использовании шнурового циркуля представляет известный интерес. Однако внимательное изучение всех известных лабиринтов показывает, что значительная часть спиралевидных каменных сооружений построена без использования геометрических приспособлений (например, целый ряд соловецких лабиринтов, имеющих асимметрично-овальную конфигурацию, выстроен вручную и «на глазок»).

Рис. 2. Лабиринт «Троеборг» около Висбу, о. Готланд. Швеция (по Рингбуму)

Совершенно иначе восстанавливала предполагаемую картину постройки лабиринта Н. Н. Гурина. Свою реконструкцию она дает применительно к знаменитому Кандалакшскому лабиринту (рис. 4, *11*). «Очевидно вначале,— пишет Н. Н. Гурина,— был выложен дугообразный ряд, который затем был обложен таким же рядом камней, концы которых соединены между собой. Получалась замкнутая дуга с двумя ходами внутри, по которым никогда не ступала нога человека. Затем началось строительство двух новых рядов... Линия ведется вдоль края дуги. Прокладывая две линии, одну параллельно другой, строители закончили ее внутри центра лабиринта небольшой грудой камней» [22].

Расшифровка Кандалакшского лабиринта, предложенная исследователем, нам кажется спорной и маловероятной. Всматриваясь в схему лабиринта, мы обнаруживаем в ней почти точное воспроизведение Большого Соловецкого лабиринта (рис. 4, *10*). На их близкое сходство указывала сама Н. Н. Гурина [23]. Скорее всего Кандалакшский лабиринт был частично разрушен и позднее неумело перестроен. Аргументировать свое предположение мы можем лишь ссылкой на все известные схемы целых лабиринтов, в которых нет случая, чтобы внутри лабиринтного хода оставалась хотя бы одна незамкнутая круговая линия, кроме концевых завершений.

Большой Соловецкий лабиринт, подробно описанный Н. Н. Виноградовым имел своеобразную структуру, характерную для какой-то одной группы северных лабиринтов. Он состоял из двух спиральных линий, раскрученных по принципу «шнурового циркуля» Рингбума, но без применения геометрических инструментов.

Первоначально строители, по-видимому, вычерчивали на земле две взаимно вписанные спирали, раскручивая их из центра. Затем они разомкнули внешние круговые линии (пять слева и семь справа), соединив четыре с одной стороны и шесть с другой. Обрисовался подковообразный лабиринт с широким устьевым входом. Заключительным этапом работы являлась выкладка камней по очерченному контуру.

Несколько иначе строились, вероятно, круглые подковообразные лабиринты Большого Заяцкого острова Соловецкого архипелага (рис. 4, *5*, *6*). Здесь прослеживается та же операция «раскручивания» спирали, только прочерчивалась одна линия. На земле сначала намечался некий центр, от которого прочерчивали непрерывную спиральную линию с постепенным расширением от центра к периферии. При этом строитель старался соблюдать примерно равные расстояния между соседними параллельными линиями. Много зависело от того, в какую сторону раскручивалась спираль:

---

[21] Там же, стр. 72—73.
[22] Н. Н. Гурина. Ук. соч., стр. 128—129.
[23] Там же, стр. 129.

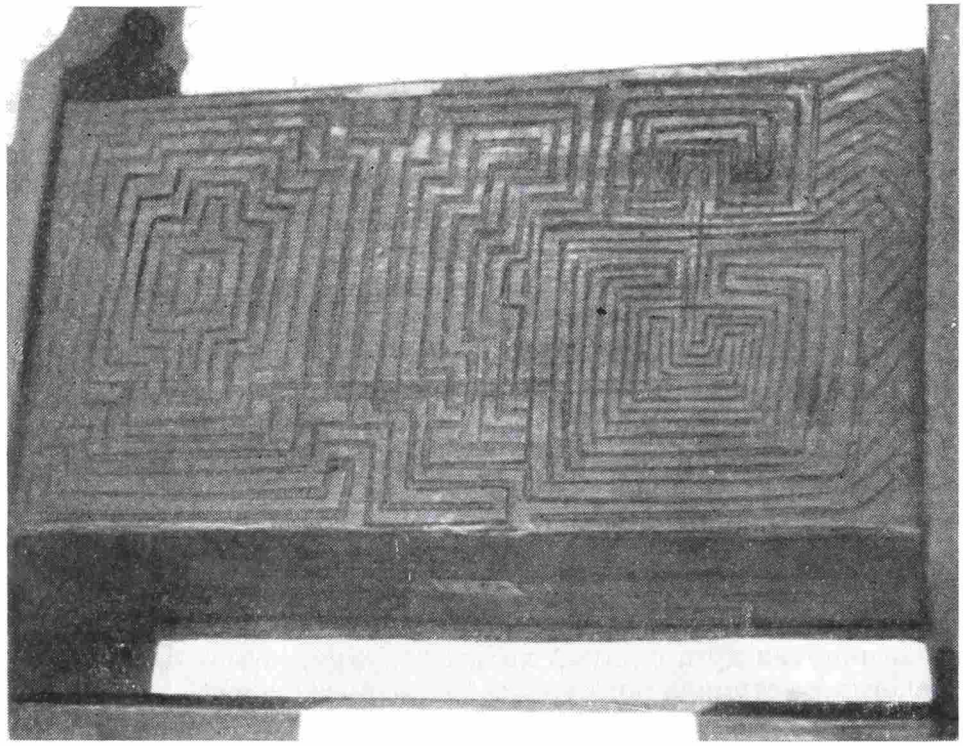


Рис. 3. Северорусское скально с изображением лабиринтов. Фонды АКМ. № 13 446

если прочерчивание осуществлялось по часовой стрелке (слева направо), то при дальнейшем «проектировании» получался один вид лабиринта (рис. 4, *5*), если это делалось против часовой стрелки (справа налево) — — зеркальное отражение первого вида (рис. 4, *6*).

Начертив на земле спиральную линию, строитель выбирал во внешнем круге то место, где должен быть вход в будущий лабиринт. Здесь происходило радиальное расчленение спиральных линий от внешнего круга до центра. Теперь оставалось соединить линии кругов так, чтобы получились две подковообразные фигуры, одна в другой. Оставалось «одеть» лабиринт в камень.

Спирально-прочерченный прием конструирования лабиринта использован, вероятно, и при строительстве одного из лабиринтов Анзерского острова. Лабиринт хорошо сохранился. Он расположен на высоком мысу около Петровской губы. Впервые описанный Н. Н. Виноградовым (лабиринт № 1)[24], лабиринт повторно обследован нами в 1967 г. Схема лабиринта публикуется нами впервые (рис. 4, *7*; 5). Стены его сложены в один ряд из мелких и средних валунов. Промежутки между извилистыми стенками довольно широкие (15—20 *см*). Вход в лабиринт расположен с юга, со стороны моря. Лабиринт имеет 11 кругов. Внешний круг равняется 44 *м*, большой диаметр (с востока на запад) — 14, маленький диаметр (с юга на север) — 13 *м*. Центральное сооружение явно перестроено.

В непосредственной близости от описанного памятника, к северу от него, видны еще три лабиринтные кладки, сильно задернованные и заросшие можжевельником. Но и здесь улавливаются основные признаки подковообразно-спиральной формы.

Тот же строительный прием был использован при сооружении лабиринта на Красной Луде, около Керети (описан в 1966 г. И. М. Мулло)[25]. И. М. Мулло, к сожалению, не затрагивает вопроса о способе постройки

[24] Н. Н. Виноградов. Ук. соч., стр. 77.
[25] И. М. Мулло. Ук. соч., 190.

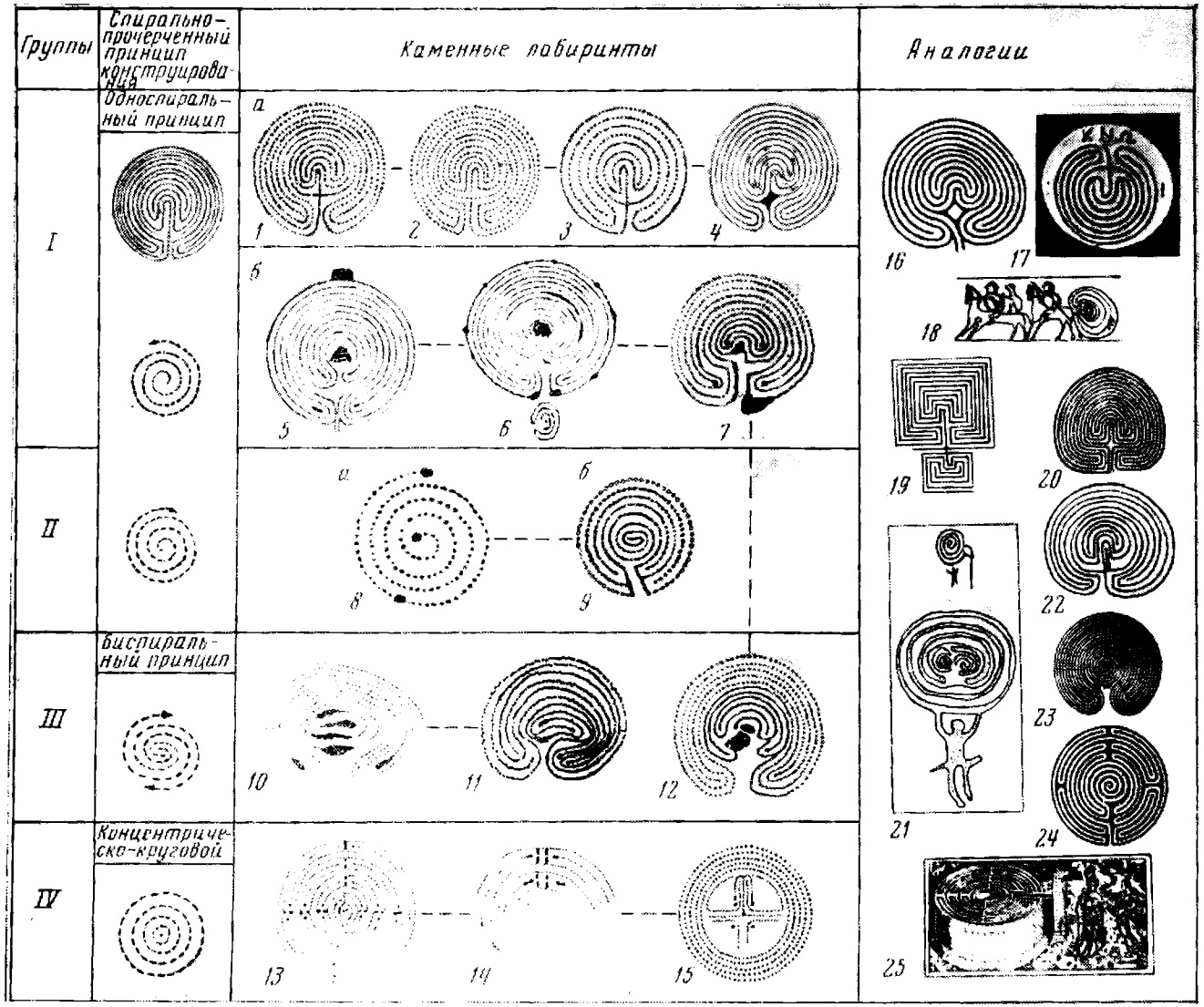


Рис. 4. Классификация каменных лабиринтов севера Европы

1—15 — каменные лабиринты; *16, 23* — дерново-растительные лабиринты Зап. Европы («вундеркрайсы»); *17* — изображение лабиринта на кносской серебряной монете; *18* — изображение лабиринта на этрусской вазе; *19* — изображение лабиринтов на северо-русском скальне; *20, 24* — английские мазы; *21* — наскальные рисунки; *22* — изображение лабиринта в средневековой церкви; *25* — иллюстрация к мифу о Тезее и критском лабиринте

Каменные лабиринты: *1* — Висбу, Швеция (по Яну де Вризу), *2* — Уте, Финляндия (по Рингбуму), *3* — Силли, Англия (по Шустеру), *4* — Красная Луда, СССР (по Мулло), *5—6* — Б. Заяцкий остров, СССР, *7* — Анзерский остров, СССР, *8* — Соловецкий остров, СССР (по Виноградову), *9* — о. Вир, Финляндия (по Спицыну), *10* — Соловецкий остров, СССР (по Виноградову), *11* — Кандалакша, СССР (по Гуриной), *12* — Б. Заяцкий остров, СССР, *13* — Поной, СССР (по Спицыну), *14* — Соловецкий остров СССР (по Виноградову), *15* — Б. Заяцкий остров, СССР (по Михайлову)

Аналогии: *16* — Штайгр (по Рингбуму), *17* — о. Крит, Греция, III—I вв. до н. э. (по Мэтьюзу), *18* — Траглиателла, Италия, V в. до н. э. (по Гиглиоли и Гаджиано де Азенедо), *19* — дер. Занюхча Пинежского района Архангельской области, СССР, *20* — Самертон, Англия (по Мэтьюзу), *21* — Южная Швеция, эпоха бронзы (по Яну де Вризу), *22* — Сиббо, Финляндия (по Рингбуму), *23* — Южная Прибалтика (по Массману), *24* — Нортхэмптоншир, Англия (по Мэтьюзу), *25* — Италия, 1450 г. (по Мэтьюзу)

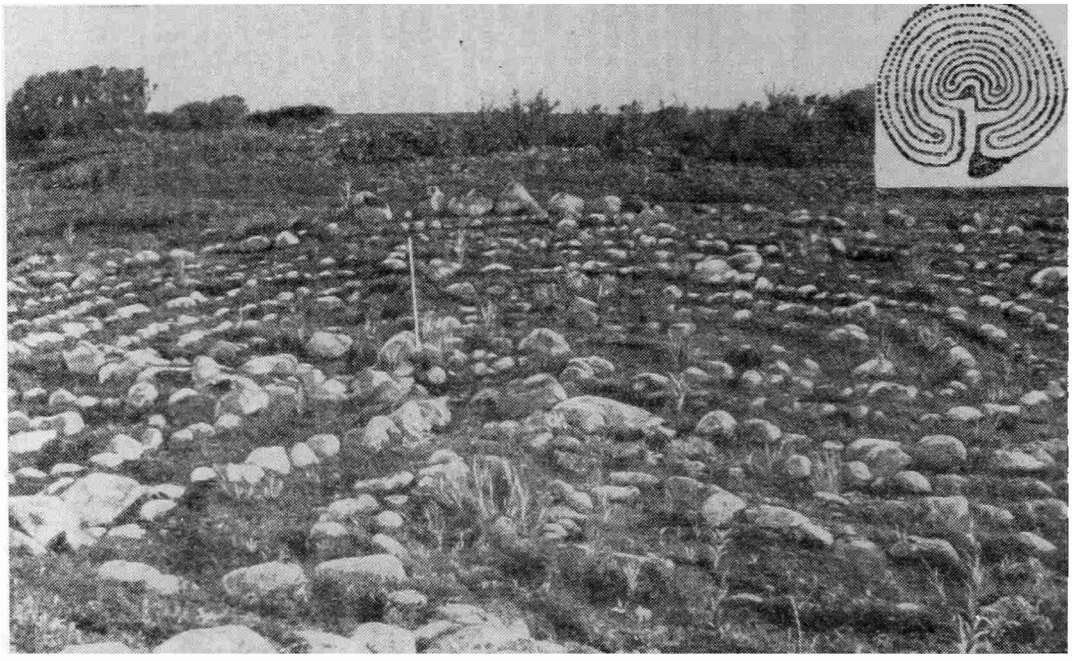


Рис. 5. Каменный лабиринт на мысу около Петровской губы. Анзерский остров Соловецкого архипелага

лабиринта. Интересна одна существенная деталь, отличающая Краснолудский лабиринт от подковообразных лабиринтов Соловецкого архипелага, а именно присутствие вблизи центральной части лабиринта «крестообразного пересечения» радиальной и круговой линий, что делает его близким «классическому типу» каменных лабиринтов (рис. 4, *4*).

Сформулировав спирально-прочерченный метод конструирования лабиринтов, мы решили проверить его экспериментальным путем. Первый эксперимент был осуществлен в 1967 г. в пос. Орлецы. В опыте принимал участие один человек (автор статьи). Была поставлена следующая задача — построить подковообразный лабиринт диаметром 6 *м*.

Второй эксперимент имел несколько усложненную задачу. Эксперимент проводился в дер. Нижняя Золотица в 1968 г. В опыте принимали участие 24 человека. Задание предполагало постройку подковообразного лабиринта диаметром 20 *м*.

В том и другом случае за образец принимались круглые подковообразные лабиринты Большого Заяцкого острова Соловецкого архипелага.

Ниже приводятся хронометражные результаты опытов.

1. Подготовительный этап: а) заготовка строительного материала (валунных камней): 1-й эксперимент — 60 мин.; 2-й — 30 мин.; б) конструирование лабиринтов спирально-прочерченным методом: 1-й эксперимент — 20 мин.; 2-й — 30 мин.; в) выверка схемы, в обоих опытах — 5 мин.

2. Строительный этап: а) выкладка камнями внешней линии лабиринта: 1-й эксперимент — 25 мин.; 2-й — 12 мин.; б) выкладка камнями внутренних линий лабиринтов: 1-й эксперимент — 90 мин.; 2-й — 40 мин.; в) выкладка камнями центрального сооружения: 1-й эксперимент — 25 мин.; 2-й — 8 мин.; г) корректировка конструкции, дополнительное сооружение каменных куч на внешнем круге и на линейных завершениях лабиринтов: 1-й эксперимент — 20 мин.; 2-й — 30 мин.

Итого затрачено чистого времени: 4 часа в 1-м эксперименте и 2,5 часа во втором.

Наиболее ответственным моментом в опыте был первый, подготовительный этап. Сравнительно большое время заняла заготовка камней для ла-

биринта. В первом опыте было заготовлено около 360 булыжных камней разного размера (10—35 *см* в диаметре), во втором — свыше 2 тысяч камней. Оставшееся время подготовительного этапа (25% в первом опыте и 50% во втором) было потрачено на предварительное проектирование лабиринта спирально-прочерченным способом, описанным выше. В том и другом случае был использован односпиральный принцип конструирования.

Собственно строительный этап носил характер механического исполнения поставленной задачи. В 1-м эксперименте на долю этого этапа пришлось 2 часа 40 мин. (66,6% всего рабочего времени), во 2-м — 1 час. 30 мин. (60%). В результате мы получили полные аналоги заяцким лабиринтам [26].

Проведенные опыты позволяют сделать некоторые выводы.

По-видимому, следует отказаться от широко распространенного представления о сравнительно большой затрате рабочей силы и времени при строительстве лабиринтов. Каменные лабиринты сооружались, по всей вероятности, небольшим коллективом строителей в относительно короткое время.

Эксперимент подтвердил также вероятность применения спирально-прочерченного метода конструирования лабиринтов. В таком случае лабиринтный мотив, имеющий в своей основе раскрученную от центра спираль, является главным признаком лабиринтов подковообразной формы. Этот признак характеризует, таким образом, отдельную типологическую группу лабиринтов.

Внутри этой первой группы выделяется два подтипа.

Первый подтип состоит из лабиринтов так называемого «классического типа». К нему относятся некоторые лабиринты Финляндии (Утё), Швеции (Висбу), Англии (острова Силли) и СССР (Красная Луда) (рис. 4, *1—4*).

Основные признаки лабиринтов «классического типа»: 1) наличие двух подковообразных фигур, образованных извилистыми линиями внутренних стенок; 2) между входным устьем и центральной частью лабиринта имеется крестообразное пересечение радиальной линии и линии круга. Иногда место крестообразного пересечения линий занимает подчетырехугольное сооружение из камней (Красная Луда); 3) центральное сооружение из камней, как правило, отсутствует; 4) лабиринты имеют очертания правильного круга.

Интересные аналогии каменным лабиринтам «классического типа» обнаруживаются среди древних изображений античного времени.

Наиболее ранним рисунком лабиринта является изображение на стеле в Пилосе, описанное в 1958 г. Блогеном и Лангом [27].

Мэтьюз опубликовал фотографии кносских серебряных монет, связывая помещенное на них изображение круглого подковообразного лабиринта с каменными лабиринтами Северной Европы [28]. Монеты относятся к III—I вв. до н. э. (рис. 4, *17*).

На известной этрусской вазе из Траглиателлы приемом граффити нанесен уникальный рисунок, изображающий двух всадников рядом с подковообразным лабиринтом (рис. 4, *18*). Ваза датируется VI—V вв. до н. э.[29].

Один из германских дерновых лабиринтов около Штайгра, в Тюрингии, имеет ту же конструкцию, что и столь удаленный от него каменный лабиринт в Красной Луде. Штайгрский лабиринт, по мнению исследовате-

---

[26] А. А. Куратов. Археологический отчет за 1968 год. Научный архив АКМ. Рукопись, стр. 57—68.

[27] C. W. Blogen and M. Lang. The Palace of Nestor. AJA, 62, 1958, стр. 181.

[28] W. H. Matthews. Mazes and Labyrinths. London, 1922, стр. 177.

[29] G. Q. Giglioli. L'oinochoe di Tragliatella. «Studi Etruschi». III, Firenze, 1929; M. Cagiano de Azenedo. Saggio sul Labirinto. Milano, 1958.

лей[30], довольно позднего происхождения (рис. 5, *16*). Возможно, он синхронен дерновым мазам Англии; один из них, «троя таун» из Самертона, по форме наиболее близок «классическому типу» каменных лабиринтов (рис. 4, *29*).

Церковные лабиринты средневековой Франции и ряда других европейских стран повторяют древний подковообразный мотив каменных лабиринтов. В Финляндии, в частности, изображения лабиринта встречаются на стенах некоторых церквей XV в.[31]. Так, например, на стене церкви в Спбо изображен лабиринт, в центре которого помещена женская фигура (рис. 4, *22*).

Второй подтип группы каменных круглых подковообразных лабиринтов характеризуется теми же чертами, что и первый подтип, но, в отличие от «классического типа», лабиринты второго подтипа имеют ряд особенностей: 1) отсутствует крестообразное пересечение радиальной линии и линии круга в центре лабиринта, 2) в центре лабиринта всегда имеется сооружение из камней в виде овальной в плане (иногда подтреугольной, подчетырехугольной) пирамиды.

Примером такого типа сооружений служат многие из соловецких лабиринтов, в частности лабиринты Большого Заяцкого и Анзерского островов (рис. 4, *5* — *7*).

С известной осторожностью можно проследить восточный ареал распространения лабиринтов второго подтипа, в то время как лабиринты «классического типа» преобладают на западе. Однако провести более четкую границу между намечающимися ареалами невозможно из-за отсутствия исчерпывающего типологического описания большинства лабиринтов.

Описанный нами прием прочерчивания одной спиральной линии от центра к периферии ярко выражен в конструктивной схеме лабиринтов второй группы. Они также разбиваются на два подтипа.

Первый подтип представлен спиральным лабиринтом Соловецкого острова (рис. 4, *8*). Линия камней, выложенных по спирали, подтверждает нашу догадку о способе сооружения каменных лабиринтов. Спиральный лабиринт Соловецкого острова представляет собой определенный, возможно древнейший этап в развитии лабиринтного узора. В этом смысле лабиринты первой группы (лабиринты «классического типа» и подковообразные) являются более поздней и усложненной модификацией спирального лабиринта.

Ко второму подтипу относится лабиринт на о. Вир (Финляндия), обнаруженный в 1837 г. Эрнстом Бэром (рис. 4, *9*). Лабиринт сочетает в себе черты спирального и подковообразного типов: 1) внешняя подкова выстроена из четырех (слева) и пяти (справа) круговых линий (признак подковообразных лабиринтов); 2) внутренняя конструкция из камней состоит из одной спиральной линии, соединенной с внешней подковой (признак спирального лабиринта).

Типологическое сравнение двух выделенных подтипов приводит к выводу о переходном характере лабиринта на о. Вир от простейшей формы Соловецкого спирального лабиринта к более сложным подковообразным очертаниям лабиринтов первой группы.

Наше предположение об относительно древнем происхождении спирального лабиринта подтверждается наскальными рисунками бронзового века Южной Швеции. Среди них имеются два любопытных изображения лабиринтов (рис. 4, *21*). Ян де Вриз в одной из своих работ связывает шведские наскальные рисунки с солнечным культом[32]. Верхний рисунок,

---

[30] L.-J. Ringbom. Ук. соч., стр. 75—76, рис. 7 (K. F. Leonhardt).

[31] Там же, стр. 79—80, рис. 8.

[32] Jan de Vries. Untersuchung über das Hüpfspiel Kinderspiel-Kultanz. II. Das Labyrinth und das Labyrinthspiel. F. F. Communications. LXX, 173, Helsingfors, 1957, стр. 61—62.

передающий картину несомненно культово-религиозного «действа», когда человек-жрец совершает определенный ритуал у спирально выстроенного жертвенного или культового места, дает прекрасный аналог каменным спиральным лабиринтам.

Мы описали две группы лабиринтов, основанные на схеме одной спиральной линии, прочерченной от центра к периферии.

Другой способ предполагает тот же принцип конструирования, но отличие его от односпирального заключается в том, что прочерчивается две спирали, взаимно вписанные друг в друга. Техническое исполнение выкладки камней по существу не отличается от исполнения односпиральных лабиринтов.

Биспиральный принцип конструирования объединяет лабиринты третьей группы. К ним относятся Большой Соловецкий лабиринт, лабиринт в Кандалакше и, возможно, один из лабиринтов Большого Заяцкого острова (рис. 4, *10 — 12*).

Характерные признаки лабиринтов третьей группы: 1) присутствие внутри лабиринтов рисунка двух, взаимно вписанных друг в друга спиралей; 2) подковообразное оформление внешних круговых линий; 3) роль центрального сооружения играют груды камней в начальном отрезке спиральных линий: 4) форма лабиринтов овально-вытянутая в плане; вход в лабиринт расположен с удлиненной стороны овала.

Ближайшей аналогией каменным лабиринтам третьей группы является один из немецких «вундеркрайсов» (рис. 4, *23*), опубликованный в 1844 г. Х. Ф. Массманом [33]. Исследователь описал его как сооружение в «форме почки с неправильными дорожками». Воспользовавшись удачным сравнением, мы предлагаем назвать лабиринты третьей группы «почкообразными».

Совершенно особую, четвертую группу каменных лабиринтов Северной Европы составляют памятники типа Большого Понойского лабиринта, раскопанного в 1900 г. К. П. Ревой [34].

Своеобразие лабиринтов четвертой группы заключается в принципиально новом приеме их конструирования. Автором этого метода является Э. Краузе, предложивший теорию концентрических кругов для лабиринтов «классического типа». Мы экспериментально показали, что эта теория не имеет отношения к подковообразным лабиринтам, но она вполне применима при практическом исполнении конструирования каменных лабиринтов типа Большого Понойского лабиринта.

Перед выкладкой камней выполнялась предельно простая операция вычерчивания рабочей схемы на земле. Вокруг выбранной точки вычерчивались концентрические круги. Затем производилась укладка камней по намеченным линиям. В процессе работы строители внесли незначительные, казалось бы, изменения в концентрическо-круговой конструкции кладки: соответствующим образом оформлялась центральная часть, строились перемычки во внутренних ходах и соединялись некоторые круговые линии у входа.

Так нам представляется процесс постройки Понойского лабиринта (рис. 4, *13*).

Большой Понойский лабиринт не составляет единичного явления. Один из лабиринтов Соловецкого острова (№ 2, по Н. Н. Виноградову [35]), исследованный уже в разрушенном состоянии, является почти точным повторением Понойского лабиринта (рис. 4, *14*).

Среди соловецких лабиринтов имеются и вариации описанного типа.

---

[33] H. F. Maßmann. Ук. соч., стр. 11—13.

[34] К. Рева. О раскопках жилища неизвестного времени у села Поной на реке Поне и об исследовании там же пяти лабиринтов. ОАК, за 1900 г., стр. 86.

[35] Н. Н. Виноградов. Ук. соч., стр. 43—45.

Так, один из лабиринтов северной группы памятников на Большом Заяцком острове сконструирован, без сомнения, на основе концентрическо-круговой схемы. Впрочем, лабиринт разрушен и не поддается удовлетворительной реконструкции[36] (рис. 4,*15*).

Концентрическо-круговые лабиринты типа Большого Понойского имеют довольно близкие аналогии среди дерновых мазов Англии. Один из них, известный под названием «пастушеская гонка» («Shepherd's Rase») опубликован Мэтьюзом[37]. Это дерновое сооружение конструктивно очень напоминает схему Большого Понойского лабиринта, правда, его центральная часть несколько видоизменена (рис. 4, *24*).

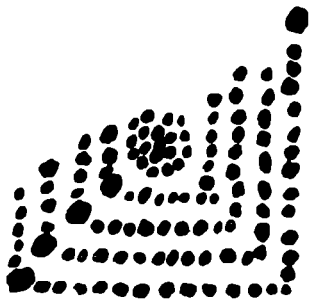


Рис. 6. Остатки прямоугольного лабиринта. Б. Заяцкий остров Соловецкого архипелага

Мэтьюз, обращаясь к легенде о критском лабиринте, приводит в качестве иллюстрации итальянскую гравюру 1450 г.[38]. На рисунке изображен момент, когда Ариадна вручает в руки Тезея чудодейственный клубок. Обращает на себя внимание изображенный тут же лабиринт, схема извилистых ходов которого аналогична плану Понойского лабиринта (рис. 4, *25*).

Приведенные аналогии заставляют отнести лабиринты четвертой группы к более позднему времени. Однако этот вывод нуждается еще в дополнительной аргументации.

К пятой группе лабиринтов относятся все постройки, которые из-за разрушенного состояния не могут быть отнесены ни к одной из вышеописанных групп.

Среди них, возможно, обнаружатся и принципиально новые конструктивные схемы. Сюда следует отнести единственный на Соловецких островах прямоугольный лабиринт (по Н. Н. Виноградову, «комбинация концентрических прямоугольников»[39]). Расположенный в группе круглых подковообразных лабиринтов, он резко выделяется на их фоне (рис. 6). Однако типологическое описание лабиринта абсолютно исключается из-за его плохой сохранности.

Классификация каменных лабиринтов Северной Европы, предложенная нами, носит предварительный характер.

Систематика памятников будет завершена лишь при условии комплексного их изучения. Методологическая ошибка многих исследователей заключалась прежде всего в том, что они делали свои обобщения на базе неполного фактического материала. Перед учеными, таким образом, стоят сейчас две задачи — методологическая и практическая. Во-первых, необходимо выработать единую методологию исследования, предполагающую создание общей терминологии и номенклатуры названий лабиринтов, а также определения каких-то единых принципов описания, единого метода исследования. Во-вторых, практическое осуществление методологических принципов означает реализацию целого комплекса мероприятий:

1. Свести воедино все ранее сделанные описания памятников. С этой целью было бы целесообразно подготовить специальный выпуск «Свода археологических памятников СССР» с полным описанием лабиринтов Белого и Баренцева морей. Кроме того, необходимо составить хотя бы краткую справку о зарубежных лабиринтах с аннотациями, библиографией и с

---

[36] Лабиринт открыт студентами МГУ в 1967 г. Схема составлена С. В. Михайловым. Научный архив Соловецкого филиала АКМ.

[37] W. H. Matthews. Ук. соч., стр. 92.

[38] Там же, стр. 46.

[39] Н. Н. Виноградов. Новые лабиринты Соловецкого архипелага. Материалы СОК, XII, 1927, стр. 33.

обязательным иллюстративным материалом. Такая справка могла бы стать хорошим дополнением (в виде приложения) к выпуску «Свода археологических памятников».

2. Шире развернуть полевые исследования лабиринтов. Полевые работы должны отвечать на следующие вопросы: а) природное окружение и демографическая среда, география и топография памятников; б) ориентировка лабиринтов по странам света и по отношению к материку; высотная отметка к зеркалу воды в приливной момент; в) точный обмер памятника по следующим параметрам: длина в метрах по радиальным линиям (минимум; максимум), окружность лабиринта в метрах, величина центрального сооружения и других дополнительных построек из камней внутри лабиринта; составление масштабного чертежа; г) словесное описание основных элементов лабиринта: каменных стенок, центрального сооружения, входного устья, перемычек внутри ходов, проходов, тупиков и пр.; характеристика каменной кладки; петрографический анализ строительного материала; четкое определение типа лабиринта по внешней форме; внимательное обследование дневной поверхности без раскопочных вскрытий; закладка разведочных шурфов и траншей рядом с лабиринтом с целью изучения стратиграфии подпочвенных напластований; взятие проб на споро-пыльцевой анализ; в случае обнаружения культурного слоя расширить раскоп, не распространяя его на лабиринт; тщательно изучить культурные остатки в рамках обычной методики; д) комплексное изучение групповых лабиринтов; составление карт и схем, проведение нивелировки, подробное словесное описание памятников, присвоение лабиринтам внутри группы определенного шифра (номера); е) внимательное обследование прилегающей территории и обязательное описание других сооружений из камней и земли вблизи лабиринтов — курганов, каменных груд, каменных гряд, сооружений типа дольментов, менгиров и кромлехов, отдельных крупных камней, землянок, ям и т. д.; раскопочное обследование указанных памятников производить только в исключительных случаях, в частности тогда, когда памятникам угрожает разрушение; фиксировать все случаи видимой связи каменных и земляных построек с лабиринтами, проведение петрографического анализа и взятие проб на споро-пыльцевой анализ; в случае обнаружения культурного слоя провести необходимые исследования раскопочным путем; установить для описанных памятников определенную номенклатуру и присвоить им шифры (номера); особо обратить внимание на ориентировку сооружений по странам света и по отношению к лабиринтам; ж) проведение широких археологических исследований на стоянках северного неолита; осуществить эти работы параллельно с изучением лабиринтов и других сооружений из камней.

3. Обобщить материал полевых исследований: а) определить место памятников среди подобных им сооружений на более широкой территории; б) оформить окончательную классификацию лабиринтов и каменных построек по типам и систематику по условиям нахождения памятников; в) решить вопрос о соотношении лабиринтов и других сооружений из камней (имеется ли генетическая связь между ними?); г) найти нужные аналогии среди исторических и этнографических материалов; д) установить связь с известными и новыми археологическими памятниками; е) на основе датирующих моментов дать абсолютную датировку лабиринтов, а внутри типов и групп упорядочить относительную хронологию; ж) вписать лабиринты в определенную этнокультурную общность на основе солидного вещественного археологического материала; з) решить вопрос о назначении лабиринтов.

Так нам представляется программа действий исследователя на ближайшие годы. Только при этом условии можно надеяться на удовлетворительное решение проблемы каменных лабиринтов Северной Европы.

A. Kouratov

A PROPOS DES LABYRINTHES EN PIERRE DE L'EUROPE NORD

Résumé

Les labyrinthes en pierre de l'Europe Nord posent une série de problèmes qui ne sont pas encore résolus.

Nous devons considérer comme un de ces problèmes la description des monuments exécutée dans des périodes différentes et par des explorateurs différents sur une base méthodologique insuffisante. La statistique, la description géographique et topographique des monuments, les mesures de leurs principaux paramètres portent presque toujours un caractère approximatif. Selon les données qui sont loin d'être exactes, les pays de l'Europe Nord ont près de 120 labyrinthes dont 45 se trouvent en URSS. Des constructions supplémentaires en pierre telles que des amas de pierres, des dolmens, des champs de menhirs, qui parfois accompagnent les labyrinthes, ne sont pas mentionnées.

Un autre problème concerne les procédés techniques de la construction des labyrinthes en pierre et donne, sur la base de ces procédés, la classification des types des monuments selon leur forme extérieure. Nous proposons la typologie suivante des labyrinthes:

1. Les labyrinthes ayant la forme d'un fer à cheval:

a) «le type classique» (Outeu, Visbou, Krasnaia Louda etc.)

b) le type ayant la forme d'un fer à cheval à proprement parler et qui n'a pas d'intersection en forme de croix des lignes radiale et circulaire entre l'embouchure et le centre du labyrinthe (les îles de l'archipel Solovetsky: Bolchoï Zaïatsky et Anzersky).

2. Les labyrinthes arrondis ayant la forme d'une spirale:

a) le type spiral pur (l'île de Solovki)

b) la combinaison des formes en spirale et en fer à cheval: (l'île de Vir).

3. Les labyrinthes ayant la forme des reins: (Kandalakcha, l'île de Solovki).

4. Les labyrinthes circulaires ayant une base linéaire concentrique: (Ponoï, l'île de Solovki).

5. Les labyrinthes aux formes indéfinies.

Le problème de l'origine et de la destination des labyrinthes, de même que leur datation sont encore dans leur stade du devenir. Les hypothèses existantes ne donnent pas de réponse suffisante à ces questions posées devant nous.

Л. С. КЛЕЙН

К ПРОВЕРКЕ ОСНОВАНИЙ ГИПОТЕЗЫ О ГЕНЕТИЧЕСКОЙ СВЯЗИ ЯМНОЙ И КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУР

Когда в науке наталкиваешься на взгляд, столь широко признанный и прочно укоренившийся, что принимается почти всеми уже без доказательств, полезно вернуться к его истокам и посмотреть, каковы те доказательства, которые когда-то ввели его в научный обиход и придали вес. Способны ли они выдержать критическую проверку, оправдано ли доверие, которым данная концепция пользуется? Итоги такой проверки могут оказаться неожиданными.

Гипотеза о местном происхождении катакомбной культуры (или, как мы сейчас сказали бы, катакомбных культур), о самостоятельной трансформации ямной культуры в катакомбную высказывалась и аргументировалась неоднократно в первые десятилетия существования советской археологической науки[1], однако широкое признание не только в нашей стране, но и за рубежом она получила лишь после появления небольшой статьи О. А. Кривцовой-Граковой[2]. Во всяком случае, сейчас обычно ссылаются как на первоисточник концепции именно на эту статью, а не на более ранние работы. К этой же статье непрестанно апеллирует в своей книге ученица О. А. Кривцовой-Граковой Т. Б. Попова[3], повторяя и расширяя все ту же аргументацию.

В этой аргументации главное место занимают так называемые памятники переходного типа. Однако если у первых сторонников этой гипотезы под такими памятниками имелись в виду в основном комплексы с сочетанием черт обеих культур, в частности так называемые ямные погребения катакомбного типа на Донце (проверены и оказались недостоверными[4]), то начиная со статьи О. А. Кривцовой-Граковой, на первый план в системе аргументов выдвинулись другие «памятники переходного типа», расположенные на юге Левобережной Украины (Нижнее Поднепровье и Северное Приазовье) и выделяемые по наличию в них элементов промежуточного характера, так сказать, «средних» между ямными и катакомбными, например: ниш или подбоев в могилах (ни яма, ни катакомба, а нечто среднее), яйцевидных сосудов с уплощенным донцем (уже не округлое, еще не плоское).

Элементы эти используются для построения эволюционных цепей, типологических рядов, связующих две культуры: яма — ниша — подбой —

[1] См. Л. С. Клейн. О так называемых ямных погребениях катакомбного типа. СА, 1961, 2, стр. 50—52; его же. Краткое обоснование миграционной гипотезы о происхождении катакомбной культуры. Вестник ЛГУ, 1962, 2, стр. 74, сн. 3, 4.

[2] О. А. Кривцова-Гракова. Генетическая связь ямной и катакомбной культуры. Тр. ГИМ, 8, 1938, стр. 33—38.

[3] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. Тр. ГИМ, 24, М., 1955, стр. 50—67.

[4] Л. С. Клейн. О так называемых ямных погребениях катакомбного типа. СА, 1961, 2, стр. 49—65.

катакомба; яйцевидный сосуд с округлым дном — такой же сосуд с уплощенным дном — такой же сосуд с плоским дном — сосуд с плоским дном и четко выделенной высокой шейкой... Иными словами, имеется в виду применение типологического метода. Действительно, построение типологических рядов — это начало типологического метода. Но у типологического метода есть не только начало. Ряды могут быть случайными, могут просто расставлять «по ранжиру» одновременные вариации. В любой аудитории можно выстроить типологический ряд от блондинов через шатенов к брюнетам. Значит ли это, что выявлена эволюция окраски волос? Для Монтелиуса только те типологические ряды приобретали реальное историческое значение и утрачивали характер простой рабочей гипотезы, которые удавалось поставить в параллель с другими рядами посредством многих замкнутых комплексов вещей либо детально подтвердить стратиграфически (или другим способом). Только те! Метод строг и в своем правильном виде не оставляет места для субъективизма и произвола. Недаром основные типологические ряды и периодизации Монтелиуса сохранили значение до наших дней: более полувека! Концепций же, построенных на игре в типологический метод, на вольном манипулировании голыми типологическими рядами, было с тех пор много, но все они держались недолго — до первой детальной проверки.

Всякий, кто захочет разобраться в доказательствах трансформации ямной культуры в катакомбную и обратится к названным типологическим рядам и «промежуточным» формам, будет вынужден с самого начала констатировать один непреложный факт: для выделения «промежуточных» форм у исследователей нет никаких других оснований, кроме самой идеи трансформации, т. е. как раз той идеи, которую и требуется доказать. Построение типологических рядов с этими «промежуточными» формами ни на что другое не опирается, ничем другим не подтверждается. То-есть они произвольны.

Возьмем предполагаемое развитие катакомбного устройства могилы из ямного. «В Северном Причерноморье, — пишет Т. Б. Попова, сформулировавшая эту идею наиболее четко, — по-видимому, в конце III тысячелетия появляются сначала ямы с небольшими нишами, потом с подбойчиками, а к самому концу ямной культуры появляются катакомбы развитого типа: с входной ямой, с двумя-тремя ступеньками и с погребальными камерами со сводчатыми стенками»[5]. Возможна ли такая линия эволюции? Абстрактно говоря, конечно, возможна. Но нас не интересуют абстрактные возможности, которые, кстати, почти беспредельны. Нас интересует: на чем основано предпочтение этой линии эволюции, чем она доказана?

Т. Б. Попова ссылается на «курганные могильники, исследованные за последние годы в Северном Приазовье, как у с. Константиновка Запорожской области, у хутора Шевченко на р. Молочной а также работы А. И. Тереножкина под Мелитополем, работы Б. Н. Гракова на р. Обиточной»[6]. Допустим, что в этих материалах действительно есть все названные формы погребений. Но ведь одного их наличия мало. Нас-то интересуют их хронологические и генетические соотношения друг с другом. Никаких доказательств своей гипотезы в этом плане Т. Б. Попова не предъявляет, и не только потому, что их нет (а их и в самом деле нет), но и потому, что даже не подозревает, что они необходимы. Ограничившись простым перечислением курганных могильников с такими памятниками, Т. Б. Попова заключает, что эти материалы позволяют утверждать «... что... погребальный обряд захоронения в катакомбах, по-видимому, самостоятельно развился именно на этой территории путем постепенной эволюции простых ям; следовательно, отпадает гипотеза о заимствовании

---

[5] Т. Б. Попова. Ук. соч., стр. 142.
[6] Там же, стр. 142

катакомб из средиземноморского бассейна»[7]. Все просто: с одной стороны, решительное «утверждать», с другой — осторожное «по-видимому», но в заключение все-таки наотрез: «следовательно, отпадает»!

Строгих доказательств мы не найдем и в исходной для Т. Б. Поповой работе — в упомянутой выше статье О. А. Кривцовой-Граковой. Основным материалом для этой работы послужили два приднепровских кургана, раскопанных еще в конце прошлого века Ф. А. Брауном — III у Серогоз и V у Белозерки. В первом из них Ф. А. Браун восстановил такую последовательность захоронений бронзового века: до возведения насыпи было устроено три ямные могилы (№ 2, 9 и 11) и одна подбойная (№ 13); затем, уже после возведения кургана, в него были впущены и прошли сквозь насыпь в материковый грунт еще четыре ямные могилы (№ 3, 4, 15 и 16) и две подбойных (№ 7 и 14), да еще одна подбойная (№ 8) не определена стратиграфически. В стратиграфически более ранней подбойной могиле (№ 13) подбой невелик, а покойник лежит на спине со слегка подогнутыми ногами, т. е. в позиции, близкой, по мнению О. А. Кривцовой-Граковой, к древнеямной. Во впущенных могилах подбои просторнее, глубже, в профиле уже весьма напоминают настоящие катакомбы, а покойники погребены либо в скорченном положении на правом боку (№ 14), либо в сильно скорченном — коленями к груди (№ 7). О докатакомбном возрасте всей этой группы могил свидетельствует, по мнению О. А. Кривцовой-Граковой, тот факт, что по крайней мере одна из подбойных могил стратиграфически вклинивается между ямными, а также то, что горшки из докурганной ямной (№ 11) и впускной подбойной (№ 14) могил одинаковы и типичны для развитой ямной культуры — яйцевидные с уплощенным донцем[8].

Но можно ли доверять стратиграфии Ф. А. Брауна? Действительно ли там было сразу несколько погребений, «сооруженных до насыпки кургана», т. е. основных? Все они, как показывает план, расположены по периферии насыпи, а весь центр, т. е. место, где обычно бывает основное погребение, был занят современной ямой для павшего скота и потому оставлен нераскопанным. «Пришлось ограничиться исследованием боков»,— сетует Ф. А. Браун[9]. Раскопки проводились траншеями, а «светлого выкида», как специально отмечает Ф. Браун, не нашли[10]. Но по каким же тогда признакам «основные» погребения отличались от впускных? Это нигде не отмечено, и остается полагать, что все впускные погребения, которые, как это часто бывает, не удалось проследить в насыпи и которые были обнаружены только по достижении материка, исследователь и зачислил в «основные», а подлинно основное погребение осталось нераскопанным в центральной части этого недоследованного кургана. С отказом от стратиграфии Ф. А. Брауна повисает в воздухе эволюция могильного устройства и ритуала. Остается лишь вероятная близость между собой во времени всех могил этого кургана (ямных и подбойных), но какое это время — раннее (протокатакомбное) или позднее? Сами материалы III кургана об этом ничего не говорят.

Но кое-чем могут здесь помочь материалы из другого кургана — V у Белозерки. Здесь также реконструирована подобная стратиграфия, даже на первый взгляд более четкая — два конуса в насыпи: ядро и подсыпка, восемь ямных могил, сооруженных до возведения первоначального кургана, еще пять ямных и пять подбойных — впускные[11]. Кстати, стратиграфия могил реконструирована здесь скорее О. А. Кривцовой-Гракo-

---

[7] Там же, стр. 142, 143.

[8] О. А. Кривцова-Гракова. Генетическая связь...; Ф. А. Браун. Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1898 г. ИАК, 19, СПб., 1906, стр. 81—96.

[9] Там же, стр. 83 и рис. 4.

[10] Там же.

[11] О. А. Кривцова-Гракова. Генетическая связь..., стр. 35.

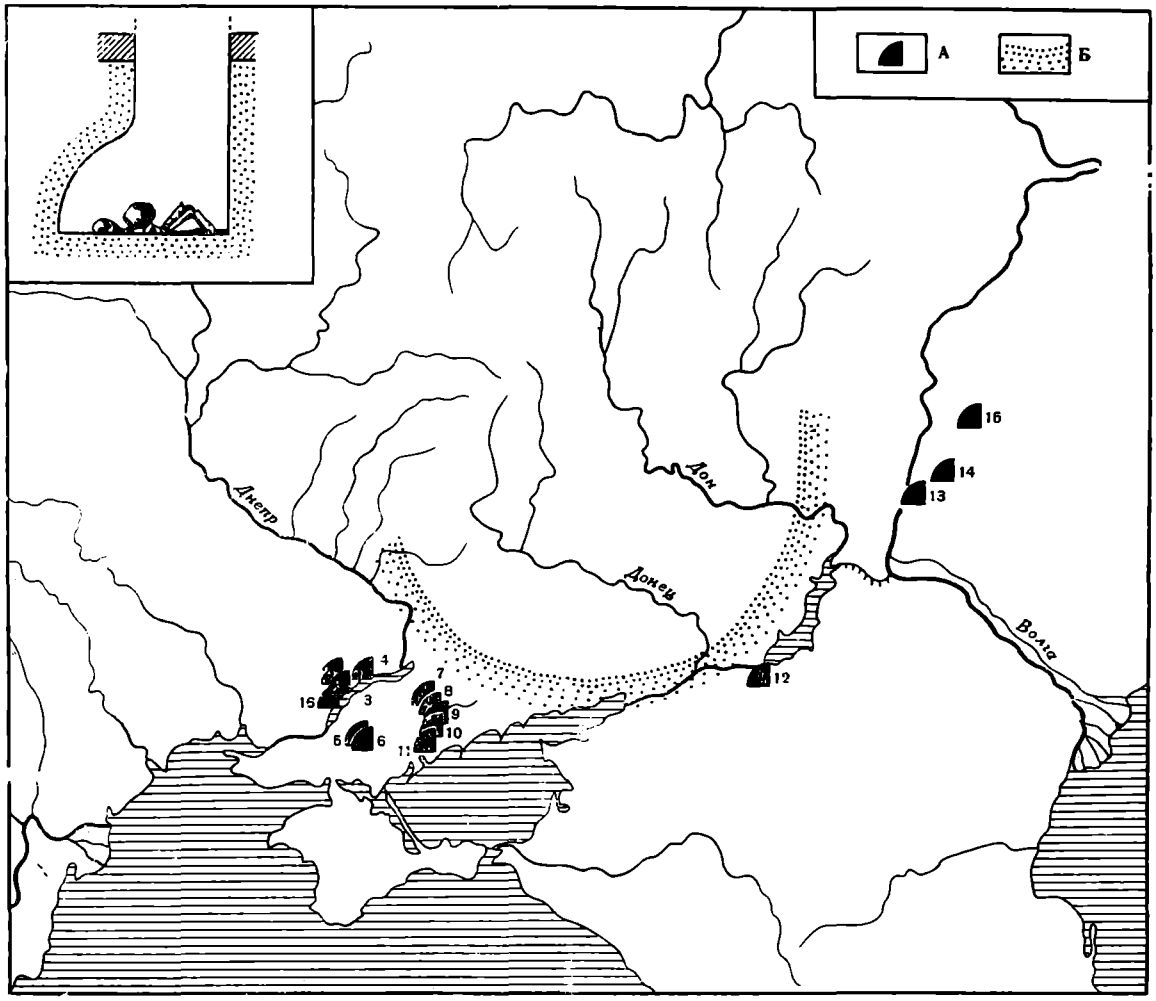


Рис. 1. Карта распространения могил с нишами и подбоями

А — могильник, содержащий погребения с нишами или подбоями; *Б* — примерная граница «негативной врезки» в ареал могил с нишами и подбоями (внутри «врезки» размещается важный центр катакомбного способа погребения — донецкая катакомбная культура). Местонахождения: *1* — Леонтьевка; *2* — хутор Хмельницкого; *3* — Кут; *4* — Никополь; *5*, *6* — Большая Белозерка и Нижние Серогозы; *7* — Шевченко; *8* — Долина; *9* — Аккермень; *10* — Ново-Филипповка; *11* — Константиновская; *12* — Соленый; *13* — Быково; *14* — Бережновка; *15* — Харьковка; *16* — Леонтьевка II

вой, чем Ф. А. Брауном: у того в данном случае нет деления на основные и впускные, а есть только деление на те, что расположены вне древнейшей насыпи (за границами нижнего конуса), и те, что оказались внутри, т. е. у него не стратиграфия, а просто данные о размещении могил на плане[12]. Превратить первые во впускные, а вторые в основные, конечно, недолго, но какова ценность подобной реконструкции?

В чем О. А. Кривцова-Гракова безусловно права — это в констатации однотипности инвентаря ямных и подбойных могил также и этого кургана. Они схожи между собой и с могилами предыдущего кургана, хотя здесь и зафиксировано шесть ям с уступом (заплечиками), которых нет там. Те же сосуды — яйцевидные с уплощенным донцем, которые там были в ямной и подбойной могилах, оказались здесь в яме с уступом (№ 11) и подбое (№ 15). С одним из сосудов в том кургане была найдена (в яме) молоточковидная булавка, здесь булавок найдено две, обе в ямах с уступом, причем одна — вместе с костяными пронизками и бронзовыми ножом и шилом (№ 1), другая — вместе с такими же бронзовыми предметами и круглодонным сосудом (№ 6). Еще один бронзовый нож найден в ямном погребении (№ 16) [13]. Все эти бронзовые предметы, как верно

[12] Ф. А. Браун. Ук. соч., стр. 91—96.
[13] Там же, стр. 96.

подметил Е. Озольс [14], свидетельствуют о позднем возрасте всей рассмотренной группы могил, об их синхронности развитой катакомбной культуре других районов. Тезис об эволюции от ям к катакомбам лишается главной опоры: «промежуточные» комплексы получаются совсем не промежуточными.

Не более убедительным оказывается и другое выступление О. А. Кривцовой-Граковой в поддержку того же тезиса. Анализируя никопольские катакомбы, она отмечает, что только пять из девяти «вполне отвечают конструктивным требованиям катакомб изюмского и бахмутского типов. Другие 4 — в том или ином виде сохранили типичные черты обыкновенных ямных могил». Это погребение 5 кургана 3 1946 г. (прямоугольная яма с небольшим подбоем; вытянутый покойник — головой в подбое), погребение 18 кургана 3 1937 г. (вытянутый покойник на границе входной ямы и полукруглого подбоя; в подбое — детское погребение), погребение 22 того же кургана («резче входная яма отделена от катакомбы», подбой глубже, а размеры его значительно превосходят всю площадь входной ямы, вытянутый покойник находится полностью в катакомбе»), погребение 4 кургана 2 1945 г. (входная яма с одной стороны ступеньки, с другой — подбой, в который входит часть туловища покойника)[15]. О. А. Кривцова-Гракова рассматривает эти «промежуточные», «средние» формы могил как переходные от ям к катакомбам. Об одной из них (погр. 22) она, например, пишет так: «Несмотря на то, что общими очертаниями подбоя и входной ямы могила напоминает ямные погребения, в разрезе она уже представляет собой типичную катакомбу: ее входная яма короче катакомбы, погребенный в вытянутом положении находится полностью в катакомбе»[16]. О последней из этого ряда могил (погр. 4) исследовательница прямо говорит: «Еще одна катакомба является примером поисков форм погребальных сооружений этого типа»[17]. Но чем, кроме самой формы этих могил, подтверждается их право занимать среднее положение в эволюционном ряду? Опять же ничем. А завершается анализ этих погребений у О. А. Кривцовой-Граковой совершенно неожиданно: «Независимо от того, каким образом проник в Причерноморье обычай хоронить покойников в катакомбах, возник ли он на месте или, что значительно правдоподобнее (! — Л. К.) пришел из Средиземноморья, на примере никопольских погребений катакомбной культуры мы видим, как медленно входили в быт новые приемы сооружения могил и как долго они не могли вытеснить старых обычаев» [18]. Стало быть, никак не «отпадает» гипотеза о проникновении катакомбы из Средиземноморья! Но если обычай хоронить покойников в катакомбах пришел из Средиземноморья, что действительно гораздо правдоподобнее, то подбои — не «поиски форм», а подражания готовым формам, пришедшим извне!

Трактуя эти могилы как переходные, О. А. Кривцова-Гракова не замечает, что противоречит сама себе еще в одном. Эволюция ямного ритуала, по ее заключениям, шла по линии усиления скорченности покойников — от положения на спине с поднятыми коленями в ранних могилах к сильно скорченному положению на боку — в поздних. В катакомбной культуре Донца господствует скорченное положение на правом боку. Что же касается «переходных» никопольских могил, то в них, как и вообще в никопольских катакомбах, покойники обычно вытянуты или «почти вытянуты»

[14] J. Ozols. Zur Herkunft der Katakombenkultur. Berliner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte, 2, Berlin, 1962, стр. 97 (однако молоточковидные булавки включены им в этот ряд напрасно: их нет на Донце).

[15] О. А. Кривцова-Гракова. Погребения бронзового века и предскифского времени на Никопольском курганном поле. МИА, 115, 1962, стр. 15, 16.

[16] Там же, стр. 16.

[17] Там же.

[18] Там же.

на спине. Где же преемственность от ямной культуры? О. А. Кривцова-Гракова замечает по этому поводу: «В эти ранние времена катакомбной культуры в силу каких-то пока еще непонятных причин, по-видимому, на относительно короткий срок, нарушился общепринятый и стойкий ритуал хоронить покойника в скорченном положении» [19]. Но ведь в числе этих «непонятных причин» может оказаться и чужеродность этих погребений местному эволюционному развитию, и вторжение извне, и принадлежность этих могил не к «ранним временам катакомбной культуры», а к поздним ее временам! В пользу последнего предположения говорит, например, чрезвычайная близость структуры погребения 4 кургана 2 (1946 г.), включенного О. А. Кривцовой-Граковой в число «переходных», структуре скифской могилы 5 в том же кургане: похожи широкие ступеньки, похож уходящий вниз просторный подбой — катакомба [20]. О. А. Кривцова-Гракова добавляет: «Вполне вероятно, что обычай хоронить умерших в скорченном положении на боку в период преобладания вытянутых катакомбных погребений все же продолжал существовать. Так, в некоторых ямно-катакомбных могилах (погребения 11—12 кургана 1 (1938 г.)... и погребение 9 кургана 3 (1946 г.)) покойники в парных погребениях в катакомбах вытянуты на спине, в то время как сопровождавшие их в обоих случаях лежали в скорченном положении на боку, на дне входной ямы» [21]. Но ведь эти «сопровождавшие» другие скелеты, скорченные во входных ямах, могли принадлежать зависимым людям, может быть рабам, т. е. не одноплеменникам покойников, вытянутых в катакомбах (о существовании рабства у катакомбных племен уже высказывались предположения, основанные на обнаружении скелетов, положенных в ногах у других или во входной шахте) [22]. Тогда налицо столкновение двух народностей, из которых местная, с традицией скорченных погребений, оказывается побежденной стороной, а победители-то и хоронят своих покойников в вытянутом положении в катакомбах. Это не единственно возможная трактовка, но она возможна!

Относительно стратиграфического положения рассмотренных четырех подбойных могил из никопольских курганов известно лишь, что они позже ямных основных и некоторых впускных; их соотношение с типичными катакомбами не установлено.

Как обстоит дело с подобными комплексами из других упомянутых Т. Б. Поповой курганных могильников?

В отчете Б. Н. Гракова о раскопках у Преслава я подобных погребений не нашел [23]. В раскопках П. Д. Либерова у с. Константиновки курган 1 (группа I) дал четыре ямных могилы и одну катакомбную. В двух ямных могилах — основной (погр. 6) и впускной (погр. 4) и в катакомбе (погр. 1) в западных стенках устроены ниши, похожие на маленькие катакомбочки [24]. Это, конечно, говорит о связи между теми, кто хоронил своих покойников в этих могилах, но, вопреки мнению самого П. Д. Либерова, отнюдь не свидетельствует в пользу отнесения этой связи и самих ниш «к началу катакомбной культуры» и «переходным» памятникам. Ведь если бы ниши были зародышами катакомб, то с какой стати ниша оказалась бы в стенке «готовой», вполне развитой катакомбы? А так как ниши в ямах по своему положению (в западной стенке) идентичны нише в катакомбе, то и в ямах они не могут рассматриваться как

[19] Там же, стр. 16.

[20] Там же, стр. 35, рис. 13, *1, 2*; Б. Н. Граков. Скифские погребения на Никопольском курганном поле. МИА, 115, стр. 80.

[21] О. А. Кривцова-Гракова. Погребения бронзового века..., стр. 16.

[22] Т. Б. Попова. Ук. соч., стр. 160. Ср. L. S. Klejn. Reiche Katakombengräber. EAZ, 1967, 4, стр. 210—234.

[23] Отчет Скифской экспедиции 1951 г. Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. № 641.

[24] П. Д. Либеров. Курганы у села Константиновки. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 137—143.

зародыши катакомбы, а лишь как аналогичные той нише помещения. Это в «лучшем» случае: ведь использование их различно. В катакомбной могиле ниша была использована для погребения младенца, т. е. действительно как маленькая катакомбочка. В ямных могилах же, где как раз и надо было бы ожидать «зародышей катакомб», ниши (они здесь парные) пусты, видимо, это были просто тайники для вещей. Таким образом, ниши в погребениях из раскопок П. Д. Либерова говорят не в пользу идеи эволюции ямы в катакомбу, а скорее против нее.

В материалах Молочанской экспедиции могил с подбоями несколько. Погребение 11 в кургане 3 у Ново-Филипповки представляет собой катакомбную могилу, входная шахта которой имеет в западной стенке подбой [25]. Очевидно, что значение этого факта такое же, как аналогичных фактов из раскопок П. Д. Либерова. Погребение 3 из кургана 5 в могильнике Аккермень I (скелет был вытянут на спине головою на северовосток) имело овальную яму, расширяющуюся книзу, и сильно разрушено [26]. Очень возможно, что это нижняя часть невыявленной катакомбы. С еще большей вероятностью это можно предположить в отношении погребения 4 из кургана 1 того же могильника, где вытянутый на спине, головой на восток покойник лежал в овальной яме с небольшими подбоями в юго-восточной и северо-восточной частях, а с севера в стенке ямы был заметный вырез [27], скорее всего, остаток спускающегося из входной шахты устья. В кургане у с. Долины погребение 9 (основное) дало скорченный скелет в широтной, перекрытой накатником яме, расширяющейся книзу в западную сторону и имеющей в юго-восточном углу большой подбой со ступенчатым спуском. В том же кургане есть и впускная катакомбная могила (погр. 5), что как будто дает стратиграфическое подтверждение тезису о переходном характере подбоя. Однако кроме катакомбной, в числе впускных могил есть четыре ямных могилы с уступами (погр. 2, 3, 7 и 8), в одной из которых найден и типичный ямный сосудик — яйцевидный, с тремя рядами ямочек под венчиком [28]. Таким образом, подбой оказывается в погребении, казалось бы относящемся к ранней ступени ямной культуры, а в более поздних подбоя нет. С концепцией о переходном характере это не очень вяжется.

В кургане у хут. Шевченко К. Ф. Смирнов открыл три могилы в ямах с подбоями (погр. 10, 13 и 21), где покойники расположены частично в подбое. Две из этих ям (погр. 10 и 13) имеют уступы. Одна из них (погр. 13) трактуется как основная, поскольку расположена рядом с выкидом, лежащим на погребенной почве, но возле нее есть еще одна могила (погр. 12), пожалуй более пригодная для этой роли (самый центр кургана, обычные для основной ямной могилы очертания). Стратиграфические взаимоотношения впускных могил, среди которых есть одна катакомбная (погр. 5), неизвестны [29].

Таковы материалы, на которые ссылается Т. Б. Попова. Подтверждают ли они ее тезис? Очевидно, нет.

Некоторые дополнительные материалы позволяют более четко определить истинное место подбойных погребений в ряду других степных могил бронзового века. Подбойные могилы из Нижнего Поднепровья дали типичную катакомбную керамику (Кут, курган 3, погр. 15; курган 28,

---

[25] М. І. Вязьмітіна, В. А. Іллінська, Е. Ф. Покровська, О. І. Тереножкін, Г. Т. Ковпаненко. Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу «Аккермень». АП УРСР, VIII, Київ, 1960, стр. 33 и рис. 10 на стр. 31.

[26] Там же, стр. 48.

[27] Там же, стр. 94 и рис. 70 на стр. 91.

[28] А. І. Фурманська. Курган біля с. Долині. АП УРСР, VIII, стр. 136—140, рис. 99 и 101, *1*.

[29] К. Ф. Смирнов. Кургани біля м. Великого Токмака. АП УРСР, VIII, стр. 169—175.

погр. 15) [30] и даже срубную (Хмельницкий, курган 5, погр. 12 [31], 2-й Леонтьевский могильник, погр. 6) [32], а из Нижнего Поволжья — позднеполтавкинскую (Бережновка I, курган 5, погр. 26; Бережновка II, курган 12, погр. 2) и срубную (Бережновка I, курган 4, погр. 3) [33]. Следовательно, могилы с подбоями и нишами одновременны с развитой катакомбной культурой и скорее всего являются мутациями или имитациями катакомб, свидетельствуя о контактах катакомбного населения с ямным, причем контакты эти осуществлялись достаточно поздно — близко к срубному времени. Примечательно и географическое распространение ям с нишами и подбоями — дуговидной полосой от Днепра через Приазовье к Дону [34] и Волге, т. е. по южной периферии донецкой катакомбной культуры, в зоне ее возможных контактов с ямной (рис. 1).

Но оставим устройство могилы, обратимся к керамике — и здесь найдем ту же упрощенность доказательств ямно-катакомбной гипотезы.

В первой работе О. А. Кривцовой-Граковой «постепенный переход от остродонного ямного к плоскодонному катакомбному горшку» был выявлен следующим образом: были сопоставлены два яйцевидных горшка из Бесчастной Могилы, похожих друг на друга по форме, но один был с округлым дном, другой — с плоским [35]. Ни культурные комплексы, с ними связанные, ни стратиграфические соотношения этих комплексов друг с другом и прочими ямными и катакомбными комплексами ничего не дают для подтверждения выдвинутого тезиса, и О. А. Кривцова-Гракова их не рассматривает, очевидно полагая, что одного лишь сходства форм двух сосудов, случайно вырванных из материала, достаточно для доказательства ее генерального тезиса. Но самое поразительное, что подобные доказательства действительно многих археологов убеждают!

Между тем какое есть основание считать, что плоскодонный яйцевидный сосуд — действительно переходное звено к катакомбным сосудам, а не, скажем, простой перенос идеи плоскодонности на ямную керамику в подражание катакомбным сосудам? Откуда уверенность, что прочие катакомбные сосуды действительно происходят из этого типа и даже вообще генетически с ним связаны или хотя бы по возрасту моложе его? В подтверждение того, что пример двух сосудов не случаен, дается ссылка на «почти совпадающий с ним по форме» сосуд из Селимовки (курган 3, погр. 3—5), т. е. на сосуд из классических, весьма поздних, по мнению О. А. Кривцовой-Граковой, катакомб В. А. Городцова. Но ведь это совпадение не подтверждает ее тезис, а скорее противоречит ему: «переходная» форма оказывается в «позднем», «развитом» комплексе!

Что добавляет к этому керамика из никопольских катакомб? О. А. Кривцова-Гракова считает, что эти сосуды — еще одно доказательство ее идеи: «о том, что эти катакомбные погребения относятся к очень раннему времени, близкому к ямной культуре, говорит и немногочисленная сопровождающая их посуда» [36]. И исследовательница встраивает эти сосуды звеньями в типологические ряды от ямной керамики к катакомбной.

---

[30] Л. Т. Березовець. Розкопки курганного могильника епохи бронзи та скіфського часу в с. Кут АП УРСР, IX, 1960, стр. 42—46, 76, 77

[31] І. П. Костюченко. Могильник епохи бронзи поблизу хут. Хмельницького. АП УРСР, IX, стр. 99, 100.

[32] О. Г. Шапошникова. Могильники епохи ранньої бронзи на Нижньому Дніпрі. АП УРСР, X, 1961, стр. 5, 6.

[33] И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, 60, 1959, стр. 190; Н. К. Качалова. К вопросу о памятниках полтавкинского типа. «Археологический сборник» ГЭ, 5, 1962, стр. 36, 37, 44 (номера погребений в статье Н. К. Качаловой не соответствуют нумерации И. В. Синицына).

[34] На Дону такое погребение см. А. А. Иессен. Раскопки курганов на Дону в 1951 году. КСИИМК, 53, 1954, стр. 70.

[35] О. А. Кривцова-Гракова. Генетическая связь.... стр. 35, 36.

[36] О. А. Кривцова-Гракова. Погребения бронзового века..., стр. 17.

Вот как она рассматривает плоскодонный горшок из катакомбного погребения 5 кургана 3(1937 г.). «Слаборазвитая шейка этого горшка плавно переходит в еще недостаточно выпуклые плечи... Орнаментация сосуда тоже еще не характерна для поздней стадии катакомбной керамики». Затем следует сосуд из погребения 25 того же кургана: «Несмотря на то, что он имеет уже хорошо выраженную прямую шейку, достаточно отделенную от выпуклых плечей, дно его сформовано по типу ямной керамики — оно острое и лишь только слегка уплощено, хотя в процессе лепки оно было примазано отдельно, а не сформировано в виде конуса. Узор сосуда уже полностью относится к раннекатакомбной орнаментовке...». Далее, «горшок, стоящий около погребенной в могиле 13 кургана 1(1938 г.) ... имел уже совершенно плоское и достаточно большое дно, однако заштрихованное зубчатым штампом, как и стенки сосуда. Его прямая шейка и недостаточно выпуклые бока сформованы так же, как у сосуда ямной культуры. Орнаментация елочная, т. е. наиболее древняя, существовавшая еще в эпоху ямной культуры» (разрядка везде моя.— *Л. К.*)[37]. Но из чего видно, что горшки действительно могли послужить «переходными» звеньями? Если убрать все эти гипнотизирующие «еще — уже», «недостаточно — достаточно», то останется только одно: смесь ямных и катакомбных признаков, смесь совершенно хаотическая. Здесь нет ни малейшей возможности выстроить сосуды (хотя бы сугубо гипотетически) в ряд с последовательной сменой форм, с последовательной заменой ямных (ранних) признаков катакомбными (поздними), с последовательным появлением — один за другим — все новых и новых катакомбных признаков на смену ямным, что говорило бы о развитии. Полный хаос: у одних сосудов шейка ямная, зато дно катакомбное; у других — наоборот: дно ямное, шейка катакомбная. Так же беспорядочно распределен и орнамент. Типичная картина взаимовлияния, контакта двух культур. А ведь даже если бы была возможность построить типологический ряд сосудов, он оставался бы гипотетическим.

Т. Б. Попова не добавила в этом вопросе новых аргументов. Она считает, что «существование генетической связи ямной и катакомбной культур было доказано О. А. Кривцовой-Граковой и на материале керамики...»[38]. «Наблюдается,— продолжает Т. Б. Попова,— постепенный переход от остродонного горшка ямной культуры к плоскодонному сосуду катакомбной культуры»[39]. Нет, не наблюдается.

L. S. Klejn

CONCERNANT LA VÉRIFICATION DES RAISONS DE L'HYPOTHESE SUR LA LIAISON GÉNÉTIQUE ENTRE LA CIVILISATION DE CATACOMBES ET CELLES DES FOSESS EN PLEINE TERRE

Résumé

Pour argumenter l'hypothèse sur la transformation de la civilisation des fosses en pleine terre en cellede catacombes. O. A. Krivtsova — Grakova et T. B. Popova ont utilisé «les monuments du type transitoire» situés dans le bassin du Dniéper Inférieur et sur le littoral nord de la mer d'Asev. Dans ces monuments il y a des éléments à caractére intermédiaire entre les fosses et les catacombes (niches), de même qu'entre la poterie à fond arrondi des fosses et les vases à fond aplati des catacombes. Cependant, dans les monuments étudiés (tumulus), cités par les deux investigatrices, ces complexes «intermédiaires» n'occupent pas la position moyenne stratigraphique entre ceux des fosses et ceux de catacombes; et dans plusieurs cas ils se trouvent être bien tardifs synchrones aux catacombes développées. En formant un arc autour du territoire de la civilisation de catacombes dans le bassin du Donetz, ces complexes «intermédiaires» présentent évidemment le résultat de la confusion de deux civilisations.

[37] Там же.
[38] Т. Б. Попова. Ук. соч., стр. 50.
[39] Там же.

В. А. ФИСЕНКО

ПОГРЕБЕНИЯ ЯМНО-КАТАКОМБНОГО ТИПА КАЛМЫКИИ И ИХ МЕСТО СРЕДИ ПАМЯТНИКОВ БРОНЗОВОЙ ЭПОХИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ

Среди памятников палеометаллической эпохи Калмыкии несомненный интерес представляют погребения ямно-катакомбного типа. Их характернейшая особенность состоит в том, что они сочетают в себе признаки погребального обряда и ритуала как ямной, так и катакомбной культуры. До недавнего времени такие погребения исчислялись единицами. Теперь же их известно уже несколько десятков. Это дает основание выделить их в самостоятельную группу и сделать некоторые обобщения.

На территории Калмыцкой АССР захоронения этого типа впервые были обнаружены П. С. Рыковым близ хурула Ханота, у города Элиста, а также в урочище Бичкин Булук. Покойники здесь были похоронены в могилах с катакомбами, но с учетом важнейших особенностей обряда и ритуала племен ямной культуры: они лежали на спине с согнутыми вверх коленями и вытянутыми вдоль туловища руками. Кисти при этом находились у тазовых костей. Во всех случаях отмечались следы окрашивания. В первых двух могилах погребальные вещи отсутствовали, а в последней покойник сопровождался костяной молоточковидной булавкой [1].

Перечисленные погребения не получили должной оценки ни со стороны автора раскопок, ни со стороны других исследователей, использовавших в своих работах эти материалы. Подобное отношение объясняется, видимо, малочисленностью данных памятников. В настоящее время положение изменилось. Раскопки последних лет в Калмыкии (1960—1966 гг.), произведенные под руководством И. В. Синицына, позволили выявить еще целую серию таких погребений. Они были зафиксированы у пос. Лола, в урочищах Архара и Энчин Толга. У города Элисты интересующие нас погребения отмечались 6, а в долине Восточного Маныча (зона затопления Чограйского водохранилища) — 22 раза [2]. Таким образом, в настоящее время нами учтено 39 погребений ямно-катакомбного типа. Однако, надо полагать, что приведенная цифра несколько занижена. Дело в том, что материалы, собранные в зоне затопления летом 1965 г. (за сезон раскопано 135 курганов), в предлагаемой статье не учитываются полностью. Что касается данных, полученных в этой же местности в 1966 г. (раскопано 165 курганов), то они учтены нами только частично — всего лишь 60 курганов [3].

[1] П. С. Рыков. Отчет об археологических работах, произведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 года. ИНВИК, IV, Саратов, 1931, стр. 75; его же. Раскопки курганного могильника в районе города Элисты. ИНВИК, VII, Саратов, 1936, стр. 60. Материалы раскопок в урочище Бичкин Булук не опубликованы.

[2] И. В. Синицын, У. Э. Эрдниев. Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 году. Тр. ККМ, 1, Элиста, 1963; их же. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962—1963 гг.). Тр. ККМ и НИИИЯЛ, 2, Элиста, 1966. Материалы раскопок за 1964—1966 гг. не опубликованы.

[3] По словам И. В. Синицына, в неучтенных нами курганах из раскопок 1965 и 1966 гг. вскрыто больше 10 погребений рассматриваемого типа. Таким образом, об-

Тем не менее те сведения, которыми мы располагаем сейчас, не позволяют рассматривать эти погребения как случайное отклонение от «нормы» — для этого они слишком многочисленны. Такое заключение подтверждается еще и тем, что памятники ямно-катакомбного типа зафиксированы не только в Калмыкии, но и в смежных с нею районах Волго-Донского Междуречья. Они обнаружены А. А. Иессеном на Дону [4], В. П. Шиловым — в Астраханском Поволжье и на Медведице [5], а нами — на р. Иловле у станции Петров Вал [6]. Все это убедительно показывает, что погребения данного типа — не случайное и не изолированное явление. Они составляют лишь часть самостоятельной группы памятников, которые документируют вполне определенные исторические сдвиги, имевшие место в степях северо-западного Прикаспия, в том числе и на территории Калмыкии, в эпоху освоения металла. Однако причины таких сдвигов во многих отношениях пока остаются неясными. Привлечение калмыцких материалов даст возможность выявить культурную принадлежность таких погребений. Кроме того, это позволит уточнить время появления в Предкавказье обычая хоронить покойников в могилах с катакомбами, а также определить роль и значение ямной культуры в становлении данного способа захоронения. А это уже не частный вопрос, он вплотную подводит нас к большой и сложной теме, связанной с генезисом катакомбной культуры.

Одной из характернейших особенностей обряда погребений ямно-катакомбного типа является обычай устраивать в могилах катакомбы. Размеры входных ям различны, но независимо от этого им придавалась форма удлиненного четырехугольника с отвесными стенками и прямыми или слегка закругленными углами. В подавляющем большинстве случаев (26 из 39) могилы ориентированы с востока на запад. Иногда они прекрывались деревянным настилом, но кромлехи и каменные наброски над накатником не отмечались пока ни разу. Все катакомбы отличаются совершенством форм и значительными размерами. Их расположение строгой выдержанностью не отличается, они устраивались как под длинными, так и под короткими стенками. Однако тенденция выводить камеру в торец могилы, т. е. под короткую стенку, явно преобладала: в 26 случаях катакомбы располагались именно так. При этом сразу же бросается в глаза следующая диспропорция: подавляющее большинство камер (21 из 26) уходило под восточную или северо-восточную стенку, по две под южную и северную и только одна — под западную. В отношении племен катакомбной культуры следует сказать, что и у них строгой выдержанности в расположении катакомб нет, но обычай устраивать их вдоль длинных стенок с северной или восточной стороны входной шахты решительно доминировал. Приемы сооружения боковых камер у населения, которое оставило интересующие нас могилы, в целом сближается с традициями племен катакомбной культуры. Что касается расположения камер относительно стенок ямы, то здесь действует мало типичный принцип для «катакомбного» населения. Для определения культурной принадлежности погребений ямно-катакомбного типа одной только формы и даже типа могилы вовсе недостаточно. Нужен целый комплекс дополнительных факторов, и прежде всего таких, как положение и ориентировка костяка по странам света, заупокойный инвентарь и другие дополнительные признаки.

Ритуал захоронения покойников в могилах ямно-катакомбного типа в общем характеризуется большим сходством и однообразием, но полного

щее количество изучаемых погребений Калмыкии превышает 50. Пользуемся случаем, чтобы выразить признательность И. В. Синицыну за разрешение использовать в нашей статье неопубликованные материалы.

[4] А. А. Иессен. Раскопки курганов на Дону в 1951 г. КСИИМК, 53, 1954, стр. 61.

[5] Раскопки В. П. Шилова. Материалы неопубликованы. Хранятся в архиве ИА АН СССР (дд. 1976, 2155, 2380).

[6] В. А. Фисенко. Памятники катакомбной культуры у станции Петров Вал. СА, 1964, 4, стр. 181 сл.

единства в таких деталях, как положение и ориентировка костяка, не наблюдается. В зависимости от положения умерших в могилах погребения рассматриваемого типа можно разделить на две группы.

В первую группу мы включаем 15 захоронений. Все покойники этой группы были положены на спине с согнутыми вверх коленями. Руки при этом вытянуты «по швам» или же слегка согнуты в локтях, а кистями положены на тазовые кости или рядом. Известны также случаи, когда одна рука согнута в локте, а кистью лежит на животе, тогда как другая вытянута вдоль туловища. Нередко ноги сохраняют первоначальное положение, но чаще всего они падают в ту или другую сторону или же образуют фигуру в виде ромба.

Вторая группа представлена 24 погребениями. Здесь также костяки покоились в могилах с катакомбами, но лежали они вытянуто на спине. Других отличий от погребений первой группы нет.

Для представителей катакомбной культуры, насколько можно судить по имеющимся материалам, подобный способ захоронения покойников не типичен. Положение умерших, будь то в могилах с катакомбами или же без них, совсем иное: скорченно на правом, а чаще — на левом боку. Руки обычно вытянуты перед грудью, а кистями положены между бедренными костями или у коленного сгиба. Если покойник похоронен в могиле с катакомбой, то он всегда лежит лицом к выходу из нее. Люди же, оставившие погребения ямно-катакомбного типа, хоронили своих соплеменников всегда лицом вверх. Отклонений от этого правила не отмечалось пока ни разу. С другой стороны, для погребений ямной культурной среды положение на спине с согнутыми или же с выпрямленными коленями является обычным. Так, из учтенных нами 130 погребений докатакомбного времени, исследованных к 1966 г. на территории Калмыкии, в 92 случаях покойники были положены на спине коленями вверх, а в 38 — вытянуто на спине. Следовательно, погребения ямной культуры Калмыкии в зависимости от положения умерших в могилах делятся на те же самые группы, что и погребения ямно-катакомбного типа.

Разнообразие в способах положения покойников обычно увязывают с хронологическим несоответствием памятников или с их культурной разнородностью, или же, наконец, с принадлежностью к разному полу. Однако применительно к памятникам ямно-катакомбного типа ни одно из этих предположений, как будто бы, не пригодно. В настоящее время мы располагаем прямым доказательством, что оба способа захоронения покойников существовали одновременно. Так, в 1966 г. в зоне затопления Чограйского водохранилища в одном из курганов (курган № 40) вскрыто погребение ямно-катакомбного типа. В боковой камере оказалось два костяка взрослых людей видимо, мужчины и женщины. Один из них был похоронен на спине коленями вверх, головою на северо-запад, тогда как второй положен по правилу антитезы: вытянуто на спине, головою на юго-восток. Руки как в том, так и в другом случае свободно простерты вдоль туловища. Вещей в могиле не оказалось[7]. Об одновременности обеих групп погребений свидетельствует и то обстоятельство, что они встречаются в одном стратиграфическом горизонте, такие примеры далеко не единичны.

Нет у нас пока достаточных оснований и для того, чтобы связывать наличие выделенных нами групп захоронений ямно-катакомбного типа с принадлежностью их к различным археологическим культурам. Сходство важнейших особенностей обряда и ритуала говорит в пользу того, что памятники, о которых идет речь, следует относить к единому культурному массиву. Не противоречит такому заключению и тот немногочисленный материал, который встречается в данных могилах.

Не удалось нам найти подтверждения и тому, что мужчин и женщин хоронили по-разному: по обряду, ритуалу и инвентарю костяки обеих

[7] Раскопки И. В. Синицына в 1966 г. Материалы не опубликованы.

групп ничем существенным друг от друга не отличаются. Мы не ставим сейчас перед собою задачу выяснить причины, лежащие в основе этого обычая, для нас важно то, что положение покойников в могилах ямно-катакомбного типа в точности соответствует тем «нормам», которые присущи погребениям ямной культуры.

В отношении ориентировки умерших следует сказать, что в целом она не устойчива. Однако найти зависимость ориентации покойника по странам света от их положения в могилах, возраста и пола, а также от расположения катакомб, пока не удалось. Тот материал, которым мы располагаем, довольно определенно показывает, что преобладала тенденция хоронить покойников на восток и северо-восток, а затем уже на юг, юго-восток, юго-запад и даже на запад. Так, в 25 могилах костяки покоились головами на восток и северо-восток, а в 14 — в южную половину круга. Произвольная, но преимущественно южная ориентация умерших — черта, присущая носителям катакомбных традиций. Напротив, для представителей ямной культурной среды обычай класть покойников в определенную сторону выражен более отчетливо — чаще всего их хоронили головой на восток и северо-восток. Вместе с тем не лишне будет отметить, что около 25% костяков из учтенных нами ямных погребений Калмыкии имели не «стандартную» для этой культуры ориентировку. Они были похоронены головой на юго-восток, юг, юго-запад, запад и даже на северо-запад. Видимо, стабильность ориентировки костяков в могилах ямной культуры Калмыкии носит относительный характер.

Подавляющее большинство интересующих нас погребений индивидуальны, но изредка встречаются и парные захоронения. В данный момент мы можем привести только три подобных примера. Любопытно отметить следующее обстоятельство: в тех случаях, где были зафиксированы костяки подростков и детей (9 примеров), они неизменно лежали в вытянутом виде на спине. Объясняются ли эти факты случайностью совпадения и малочисленностью собранных материалов, или же они связаны с определенной закономерностью, сказать пока трудно.

В погребальном обряде большое значение придавалось окрашиванию покойников красной краской. При этом особенно густо посыпались ступни ног, череп и таз. В отдельных случаях краски бывает так много, что она толстым слоем покрывает дно могилы вокруг костяка. Наличие красящего вещества в отрыве от других факторов не может служить абсолютным доказательством принадлежности того или иного памятника к какой-нибудь одной археологической культуре — в эпоху меди и бронзы этот обычай был распространен повсеместно. Однако упомянутые погребения, вне зависимости от положения и ориентировки костяков, по характеру окрашивания больше всего напоминают погребения ямной культуры.

И, наконец, одной из наиболее выразительных особенностей обряда и ритуала памятников ямно-катакомбного типа является исключительная бедность или полное отсутствие заупокойного инвентаря. Он представлен маловыразительными фрагментами глиняной посуды, по которым очень трудно, а подчас и вовсе невозможно восстановить форму и размеры изделия, костяными кольцами, нарезанными из трубчатых костей мелкого рогатого скота или бесформенными обломками камня. Иногда покойники сопровождаются костяными молоточковидными булавками, которые встречаются в погребениях как первой, так и второй группы (Бичкин Булук, Архара 17/3, Элиста 1964 г., 34/6. Восточный Маныч 21/4, 27/1, 42/3 и др.). Рассматриваемая деталь обряда и ритуала совершенно чужда для памятников раннего и развитого этапов катакомбной культуры Калмыкии. «Катакомбники» степей северо-западного Прикаспия снабжали своих покойников многочисленным и разнообразным инвентарем. Обилие посуды, орудий труда и утвари из металла, кости, камня и дерева — обычное явление для погребений этой культуры. Совсем другое дело «ямники»: в их могилах вещи также или отсутствуют, или же весьма немногочисленны.

Это те же фрагменты стенок сосудов, обломки камня, костяные кольца и молоточковидные булавки [8]. Таким образом, погребения ямно-катакомбного типа в этом отношении ничем от погребений ямной культуры не отличаются.

Итак, мы рассмотрели наиболее выразительные особенности погребального обряда и ритуала захоронений ямно-катакомбного типа. Наличие в могилах катакомб, а в известной мере и ориентировка костяков по странам света дают основание для отождествления их с памятниками катакомбной культуры. Вместе с тем целый ряд важных признаков — положение покойников в могилах, бедность или полное отсутствие заупокойного инвентаря, характер окрашивания костяков, количество красящего вещества — резко контрастирует с похоронными традициями катакомбного населения. В этом направлении интересующие нас погребения весьма и весьма близко смыкаются с погребальными обычаями племен ямной культуры. Это обстоятельство позволяет нам относить погребения ямно-катакомбного типа не к катакомбной, а к ямной культуре.

Не противоречит такому заключению и состав заупокойного инвентаря, в том числе и молоточковидные булавки. Нам представляется, что в настоящее время имеется больше оснований связывать эти изделия именно с ямной культурой. Дело в том, что в пределах Калмыцкой АССР в погребениях с инвентарем катакомбной культуры и покойниками, похороненными по «катакомбным» обычаям, ни одна такая булавка, насколько нам известно, до сих пор найдена не была. А ведь таких погребений известно сейчас несколько сотен! Вместе с тем, до настоящего времени молоточкообразные булавки сопутствовали только тем захоронениям, которые были совершены с учетом всех важнейших атрибутов обряда и ритуала племен ямной, а не катакомбной культуры. В данный момент мы в состоянии привести больше сотни примеров, когда в могилах на территории Калмыкии обнаруживались молоточкообразные булавки. Важно при этом то, что все они сопровождали покойников, похороненных с учетом требований обряда и ритуала носителей ямных культурных традиций. В этом отношении исключения не составляют даже те булавки, которые были найдены в могилах с катакомбами. Все это вместе взятое заставляет нас считать, что костяные молоточковидные булавки Калмыкии являются предметами, типичными скорее для ямной, чем для катакомбной культуры [9]. Что касается костяных колец, то они получили широкое распространение как во времени, так и в пространстве. В связи с этим их нельзя считать характерными только для одной культуры. Более определенные выводы о культурной принадлежности рассматриваемых памятников могла бы дать керамика, но, к сожалению, до сих пор ни в одной могиле рассматриваемого круга целых экземпляров не попадалось ни разу. Тем не менее фрагменты посуды в погребениях ямно-катакомбного типа по структуре теста и способу обработки поверхности весьма сходны с теми обломками керамики, которые встречаются иногда в могилах ямной культуры.

Катакомбы Калмыцкой АССР отличаются большими размерами, выдержанностью, совершенством и законченностью форм. Могилы так называемого «переходного типа» здесь пока неизвестны. Этот факт свидетельствует о том, что «ямники» заимствовали катакомбу как форму могильного сооружения уже в готовом виде. В настоящее время можно с уверенностью говорить, что ко времени появления погребений интересующего нас типа способ захоронения покойников в могилах с катакомбами в калмыцких степях существовал уже более или менее длительный промежуток времени. Об этом красноречиво говорят и стратиграфические соотношения в курганах могил катакомбной культуры и погребений ямно-катакомбного типа. Интересующие нас памятники бывают как впускными, так и основными. Важно при этом подчеркнуть, что если первоначальная насыпь возведена

[8] И. В. Синицын, У. Э. Эрдниев. Новые археологические памятники.... стр. 7.
[9] Там же, стр. 9.

над погребением ямно-катакомбного типа, то захоронения ямной культуры в таких курганах уже отсутствуют. При наличии под одной насыпью захоронений различных археологических культур наиболее ранними, как правило, оказываются «ямники». И хотя они не одновременны, суммарно их можно объединить в единый стратиграфический пласт, верхний ярус которого представлен молоточковидными булавками. Второй слой составляют грунтовые погребения катакомбной культуры или погребения ямно-катакомбного типа, которые нередко сопровождаются такими же булавками. Особенно отчетливая последовательность захоронений была прослежена в кург. № 8, раскопанном у г. Элисты в 1964 г. Древнейший слой здесь представлен погребениями ямной культуры. Захоронения ямно-катакомбного типа (погр. № 8) вместе с погребениями катакомбной культуры (погр. № 6, 11 и 12) составляют второй горизонт — все они впущены в готовый курган. Наблюдения за напластованием насыпи позволяют относить их к одному отрезку времени. Во всяком случае, хронологический разрыв между ними не должен быть значительным. Остальные погребения катакомбной культуры располагались в насыпи, составляя, таким образом, третий пласт [10]. Иногда отмечается и иное соотношение погребений в курганах. В качестве примера можно привести кург. № 17 в урочище Архара. Основным захоронением (погр. № 2) здесь является ярко выраженный кетотаф катакомбной культуры. Суглинистый выкид из этой могилы толстым слоем покрывал древний горизонт. Первым погребением, впущенным в курган, оказалось погребение ямно-катакомбного типа (погр. № 3). Входной колодец катакомбной могилы прорезал готовую насыпь и вошел в грунт. На дне камеры покоился костяк взрослого человека (женщина?), положенного головою на юг, на спине с согнутыми вверх коленями. Руки слегка согнуты в локтях, кисти — у тазовых костей. Возле кисти левой руки найдено пять молоточковидных булавок. Других вещей в могиле не было. Второе впускное погребение относится к более поздним этапам катакомбной культуры [11]. Что касается курганов, вскрытых у пос. Лола (5/5), в урочище Энчин Толга (16/5), у города Элисты (12/5, 29/4, 34/6), основными оказались здесь захоронения ямно-катакомбного типа, а катакомбные — впускные [12]. Все это вместе взятое показывает, что изучаемые погребения не предшествовали самым ранним памятникам катакомбной культуры. Их нельзя рассматривать в качестве древнейших звеньев этой культуры и уж тем более видеть в них генетическое родство ямной и катакомбной культур. Можно говорить только о хронологическом и территориальном контакте двух самостоятельных в этническом отношении групп населения. Дальнейшее накопление фактов позволит полнее и глубже выяснить характер таких контактов.

При решении вопроса об абсолютном возрасте изучаемых памятников ведущая роль должна отводиться вещевым комплексам. Однако в этом отношении мы сталкиваемся с целым рядом трудностей, важнейшая из которых заключается в крайней бедности и маловыразительности инвентаря, который к тому же далеко не всегда может служить датирующим материалом. Таковы, например, фрагменты керамики и костяные кольца. Более надежным хронологическим ориентиром могут служить костяные молоточковидные булавки, а также некоторые металлические изделия, встречающиеся в комплексе с ними. Отправным моментом может служить то обстоятельство, что в Калмыкии такие булавки приурочены к памятникам ямной культуры верхнего яруса, что говорит об относительно позднем их возрасте. Абсолютно идентичные булавки попадаются и в погребениях ямно-катакомбного типа. Это обстоятельство дает основание для их син-

---

[10] Раскопки И. В. Синицына в 1964 г. Материалы не опубликованы.

[11] И. В. Синицын, У. Э. Эрдниев. Новые археологические памятники..., стр. 77—79.

[12] Раскопки И. В. Синицына в 1964 г. у города Элисты. Материалы не опубликованы.

хронизации с ямной культурой позднего этапа. В настоящее время по вопросу о датировке молоточкообразных булавок среди исследователей единого мнения нет. Так, Г. Чайлд относил их к самому началу II тысячелетия до н. э.— к 1950 г. до н. э.[13]. Т. Б. Попова, И. В. Синицын и другие исследователи считают возможным говорить о рубеже III и II тысячелетий до н. э. или же о начале II тысячелетия до н. э.[14]. Владимир Милойчич сопоставил костяные булавки южнорусских степей с серебряными образцами Аладжа Гейюк в Анатолии (могила Н) и датировал их 2400 г. до н. э.[15]. К этому же периоду относил их и С. В. Киселев[16]. Однако нам представляется, что предлагаемая этими исследователями дата — начало второй половины II тысячелетия до н. э. — несколько завышена. Во всяком случае это предположение справедливо для тех костяных булавок, которые встречаются в комплексе с бронзовыми образцами, отлитыми по восковой модели. Таковы, например, булавки из курганов у с. Летницкого, Благодарного, Ремонтного и хут. Кру на р. Ульке. Они полностью воспроизводят форму костяных экземпляров[17]. По мнению В. И. Марковина, булавки из перечисленных пунктов следует относить к раннему периоду северокавказской культуры, что в абсолютных цифрах должно соответствовать времени от начала II тысячелетия до н. э. и приблизительно до 1700 г. до н. э.[18]. Такие же хронологические рамки для раннего периода эпохи бронзы Северного Кавказа отводит и К. Шеффер[19]. На втором этапе северокавказской культуры количество «шишечек» вырастает до двух (станица Андрюковская, кург. № 7, Восточный Маныч) и даже до трех пар (ст. Андрюковская, кург. № 8)[20].

Такая датировка может быть подтверждена и круглыми бронзовыми бляхами-умбонами с шишечным или пунсонным орнаментом, которые неоднократно обнаруживались вместе с костяными булавками (урочище Архара, 38/1, Энчин Толга, 8/8, а также в долине Восточного Маныча)[21]. Еще раньше такие же бляхи были зафиксированы у с. Ремонтного на Ставропольщине, а также в Бесчасной Могиле близ с. Новогригорьевки на Украине и в некоторых других местах. Все они находят себе прямые и непосредственные аналогии в памятниках эпохи бронзы Северного Кавказа. В качестве примера можно назвать бляхи из курганных погребений в Кабардинском парке г. Нальчика и у ст. Кисловодской на правом берегу Подкумка[22]. Важно подчеркнуть, что наши бляхи по своим размерам, форме, орнаментальному рисунку и технике его исполнения полностью соответствуют северокавказским образцам. Следовательно, в импортном происхождении калмыцких блях сомневаться не приходится. Абсолютное сходство изделий одного и того же типа, встречающихся в памятниках двух смежных территорий, свидетельствует о том, что эти памятники приурочены к одному и тому же периоду. Время бытования таких памятников можно уточнить. Так, узор в виде выпуклин, нанесен-

---

[13] Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, стр. 223.

[14] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. М., 1955, стр. 26, 120, 121 и др.; И. В. Синицын, У. Э. Эрдниев. Новые археологические памятники..., стр. 9.

[15] V. Milojčič. Zur Zeitstellung der Hammerkopfnadeln. «Germania», 3, Berlin. 1955, стр. 240—242.

[16] С. В. Киселев. Бронзовый век в СССР. Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 32.

[17] ОАК за 1908 г., стр. 56—57; В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тысячелетие до н. э.). МИА, 93. 1960, стр. 32, рис. 3, *2*, стр. 40, рис. 10, *1* и *3* и др.

[18] Там же, стр. 48, 146 и др.

[19] Claude F. A. Schaeffer. Stratigrafhie. Comparee et Chronologie de l'Asie Occidentale (III et II millenaires). London, 1948, стр. 533. См. также § 217—218.

[20] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры, стр. 121, рис. 28, *7*, стр. 123, рис. 29, *4*; В. И. Марковин. Ук. соч., стр. 95.

[21] И. В. Синицын, У. Э. Эрдниев. Новые археологические памятники..., стр. 107. Материалы раскопок 1965 и 1966 гг. не опубликованы.

[22] Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке города Нальчика. МИА, 3, 1941, табл. XI, *9*, табл. XV, *1—5*.

ных с внутренней стороны чеканом, как считает Т. Б. Попова, восходит на Кавказе к рубежу III и II тысячелетий до н. э. Эта же техника орнаментации бытовала на раннем этапе северокавказской культуры, дожив, видимо, до ее развитого этапа [23]. С другой стороны, погребения ямной культуры, в которых встречаются такие бляхи, М. Гимбутас относит ко второй стадии (hut grave) и датирует их временем между 2000 и 1700 гг. до н. э. [24]. Следовательно, погребения ямно-катакомбного типа Калмыкии в целом должны датироваться первыми веками II тысячелетия до н. э. (2000—1800 или же 1700 гг. до н. э.). Близкий возраст показывают и древнейшие погребения катакомбной культуры. Весьма ранними нам представляются те из них, которые сопровождаются керамикой со спирально-очковидным орнаментом и ручками куро-аракского типа, короткими ножками майкопского облика с неотчлененным черенком, подвесками из оленьих зубов и некоторыми другими изделиями. Подвески из зубов оленя или из костей, иммитирующие зубы оленя, находят себе ближайшие аналогии в дольменах станицы Новосвободной — они буквально неотличимы [25]. Древности Новосвободной, по новой датировке А. А. Иессена, восходят к 2300—200 гг. до н. э. [26]. С такой датой соглашаются К. Шеффер, Т. Б. Попова и целый ряд других исследователей [27]. Несомненное сходство некоторых вещей, найденных в катакомбных погребениях Понтокаспийских степей и в памятниках эпохи раннего металла Северного Кавказа, позволяет говорить об их хронологической близости. Если исходить из этой посылки, то начальный этап катакомбной культуры Калмыкии должен быть близким конечному этапу дольменной культуры Прикубанья. Последние века III и первые века II тысячелетия до н. э. (2100—1900 гг. до н. э.) нам представляется вполне вероятным.

В заключение отметим, что изучение памятников ямно-катакомбного типа показывает, что в конце III и начале II тысячелетия до н. э. на территории Калмыцкой АССР обитали две группы племен с различной материальной и духовной культурой. Эти группы соответствуют двум археологическим культурам — ямной и катакомбной. Их хронологический и территориальный контакт и вызвал к жизни погребения ямно-катакомбного типа. О сосуществовании на одной территории «ямного» и «катакомбного» населения свидетельствует тот факт, что в процессе работ в зоне Чограйского водохранилища неоднократно отмечались случаи, когда погребения катакомбной культуры оказывались в курганах основными, а ямные — впускными, и наоборот [28]. Имея, видимо, лучше организованные производительные силы, общественные и социальные отношения, носители катакомбных традиций оказали сильнейшее ассимилирующее воздействие на коренное население края. Изучаемые памятники, как нам представляется, и отражают тот период в истории развития племен ямной культуры, когда ломка погребальных традиций, не говоря уже о материальной культуре, хотя и зашла довольно далеко, но окончательно еще не завершилась: «ямники восприняли новую форму могильного сооружения (катакомбу), однако полностью от своих погребальных обычаев пока еще не отказались. Они продолжали хоронить своих соплеменников в соответствии с древними требованиями ритуала. Материал, которым мы располагаем сейчас, не дает оснований для того, чтобы рассматривать ямно-катакомбные погребения в качестве переходных звеньев от ямной культуры к катакомбной. Анализ

---

[23] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры, стр. 106, рис. 24; ее же. Дольмены станицы Новосвободной. Тр. ГИМ, XXXIV, М., 1963, стр. 25, 47; В. И. Маркович. Ук. соч., стр. 96.

[24] Marija Gimbutas. The Prehistorj of Eastern Europe. Cambridge, 1956, стр. 91.

[25] Раскопки И. В. Синицына в 1966 г. Материалы неопубликованы.

[26] А. А. Иессен. Майкопская культура и ее датировка. Тезисы докладов, посвященных итогам полевых исследований в 1961 г. М., 1962, стр. 21.

[27] Т. Б. Попова. Долмены станицы Новосвободной, стр. 47; Claude F. A. Schaeffer. Ук. соч., стр. 533, см. также § 218.

[28] Раскопки И. В. Синицына в 1966 г. Материалы неопубликованы.

этих памятников показывает, что они представляют собой явление вторичного порядка. Нельзя их относить также и к памятникам катакомбной культуры древнейшей фазы — стратиграфические наблюдения совместно с вещевыми комплексами эту точку зрения не подтверждают. Раскопки послевоенных лет в Калмыкии и предкавказских степях показали, что ямная культура не являлась той основой, на которой выросла и оформилась культура катакомбная. Особенно наглядные подтверждения этому положению дают калмыцкие материалы. Вместе с тем нельзя отрицать также и тот факт, что определенная часть «ямного» населения, будучи ассимилированной пришельцами, в свою очередь оказала на них определенное воздействие, которое, однако, не было настолько сильным, чтобы заметным образом изменить облик их духовной и материальной культуры. Напротив, в степях Предкавказья культура аборигенов к середине II тысячелетия до н. э. уже окончательно утратила отличительные особенности и прекратила свое существование. Что касается северных районов Нижнего Поволжья, то здесь естественный ход развития ямной культуры не был прерван вторжением «катакомбного» населения: проникшие сюда немногочисленные группы пришельцев с юга вскоре растворились в местной среде. Эта ассимиляция и породила ту группу памятников, которая впоследствии была выделена в самостоятельную полтавкинскую культуру.

Дальнейшее накопление фактического материала позволит в деталях воссоздать те сложные исторические процессы, которые протекали в степях между Волгой и Доном на заре века металлов.

V. A. Fissenko

LES SÉPULTURES EN FOSSES ET CATACOMBES DES KALMOUKS ET LEUR PLACE PARMI LES MONUMENTS DE L'ÉPOQUE DU BRONZE SUR LE LITTORAL NORD-OUES DE LA MER CASPIENNE

Résumé

L'article est consacré à l'étude des sépultures en fosses et catacombes des Kalmouks. Il n'y a pas longtemps, on en comptait ici des unités, mais maintenant nous en connaissons environ soixante. Cela nous permet d'en parler comme d'un groupe de monuments indépendant et non comme d'un phénomène accidental. Leur particularité caractéristique consiste en ce que ces sépultures réunissent les indices des traditions funéraires de deux civilisations archéologiques: celle des fosses et celle des catacombes. De là leur nom. L'analyse des cérémonies du rite funéraire et du mobilier montre que, malgré la présence des catacombes, ces monuments sont laissés par les représentants de la civilisation des sépultures en fosses pendant les derniers siècles du III millènaire et les premiers siècles du II millénaire avant notre ère (ans 2100—1900/1800 avant notre ère). Les sépultures en fosses et catacombes des Kalmouks ne présentent pas un argument pour affirmer la parenté entre la civilisation des sépultures en fosses et celle des catacombes. Elles ne témoignent pas non plus de la transformation d'une civilisation dans une autre; elles ne parlent que du contact territoirial et chronologique entre les tribus de différentes appartenances ethno-culturelles. L'apparition chez la population «de fosses» du nouvel usage, qui consiste en inhumation de leurs morts dans les tombes aux catacombes de formes tout à fait développées, confirme non seulement la présence de pareils contacts, mais parle aussi de ce que la catacombe, comme forme de la construction sépulcrale a été empruntée par eux aux nouveaux venus qui appartenaient à la civilisation des catacombes.

Н. Е. УРУШАДЗЕ

ОПЫТ ХУДОЖЕСТВЕННО-ОБРАЗНОГО АНАЛИЗА И РЕКОНСТРУКЦИИ БРОНЗОВОГО ПОЯСА ИЗ САМТАВРО

В истории декоративно-прикладного искусства Грузии и Кавказа в целом переход от эпохи поздней бронзы к железу ознаменовался появлением новых художественных решений и форм. Показательны в этом отношении сюжетные бронзовые пояса с их выразительной гравировкой и орнаментальными мотивами. Широкое распространение таких поясов в Грузии, возможность группировать их по определенным стилистическим признакам и технике исполнения позволяют видеть в них существенные признаки единой в общих чертах архаической культуры конца II и начала I тысячелетий до н. э. Изучение этой культуры представляет тем больший интерес, что подобная художественная практика бытовала одновременно и в других смежных с Грузией районах, не только Армении и Азербайджана, но и Северного Кавказа, обнаруживая много сходных черт и вероятные генетические связи. Можно привести много и ближневосточных параллелей.

Став сравнительно недавно, всего несколько десятилетий назад, объектом научного исследования, бронзовые пояса кавказского круга ставят перед нами вопросы, разрешение которых сопряжено с целым рядом трудностей. И самая главная состоит, пожалуй, в поиске ключа к прочтению поясных изображений.

Все эти изображения являются всего лишь своеобразной формой воплощения определенной системы представлений, точнее говоря, художественной обработкой этих представлений. Но каких именно? А не есть ли это пиктографическая запись былых событий, имевших по каким-то причинам важное значение в жизни племени или той личности, которой принадлежал пояс? А может здесь воспроизводятся целые мифологические циклы? Б. А. Куфтин в свое время утверждал, что мы имеем дело с «представлением животного круговорота, когда жанровые сцены охоты играют роль частей иной по содержанию композиции» [1].

Итак, перед нами задача со многими неизвестными. Совершенно очевидно, что ее решение обязательно требует правильного учета всех особенностей исследуемого материала, его всестороннего охвата.

Одна из таких особенностей состоит в том, что на поясных изображениях встречаются как бытовые, так и сказочные сюжеты, реалистические и фантастические образы, а вместе с ними и самые различные знаки-символы. Примечательно, однако, что в каждом отдельном случае все это передается в определенной комбинации и порядке, что уже само по себе служит достаточным указанием на наличие четко разработанных изобразительных принципов и приемов.

---

[1] Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1950, стр. 94.

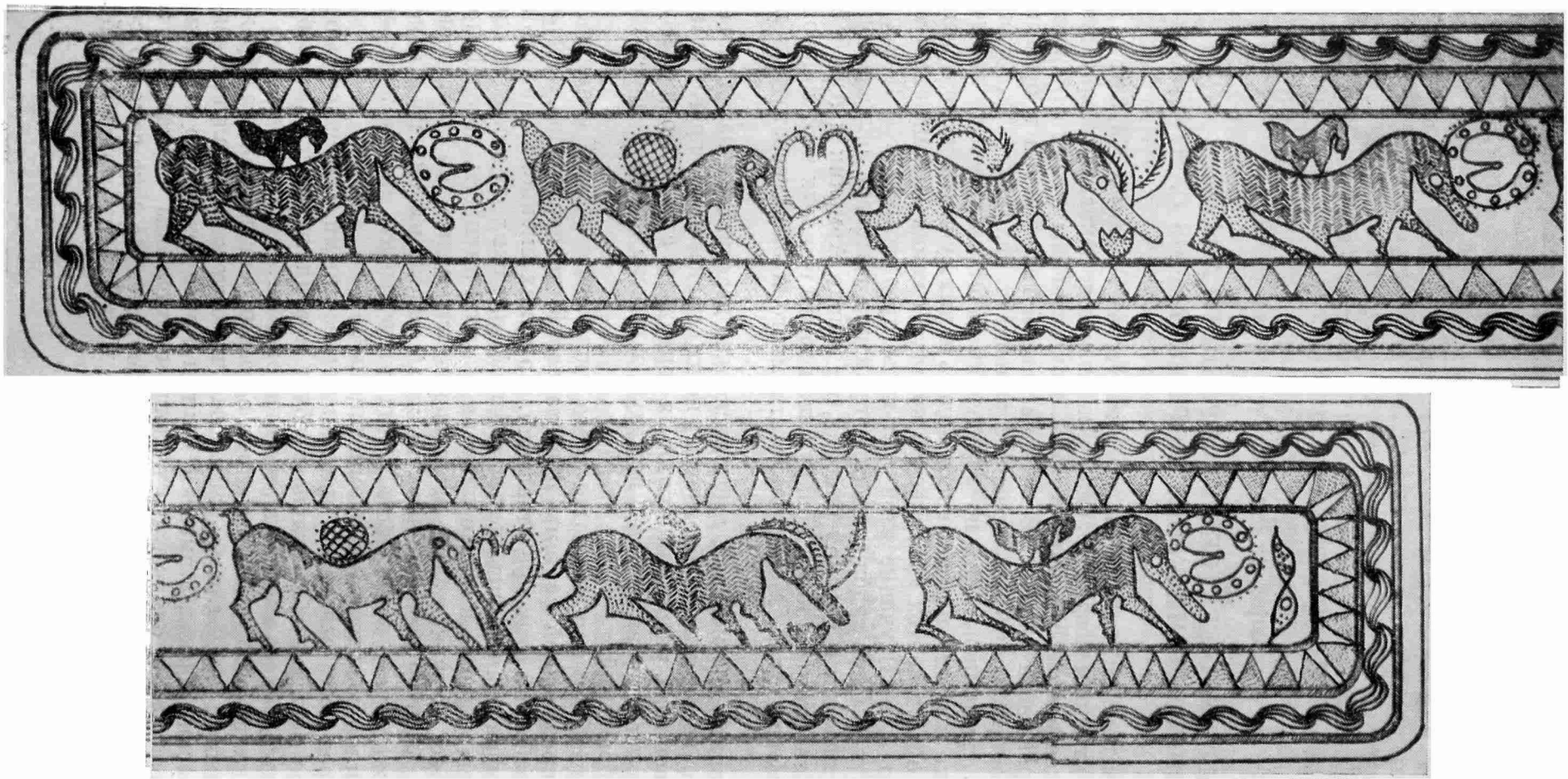


Рис. 1. Общий вид пояса из погребения № 121 в Самтавро (после реконструкции)

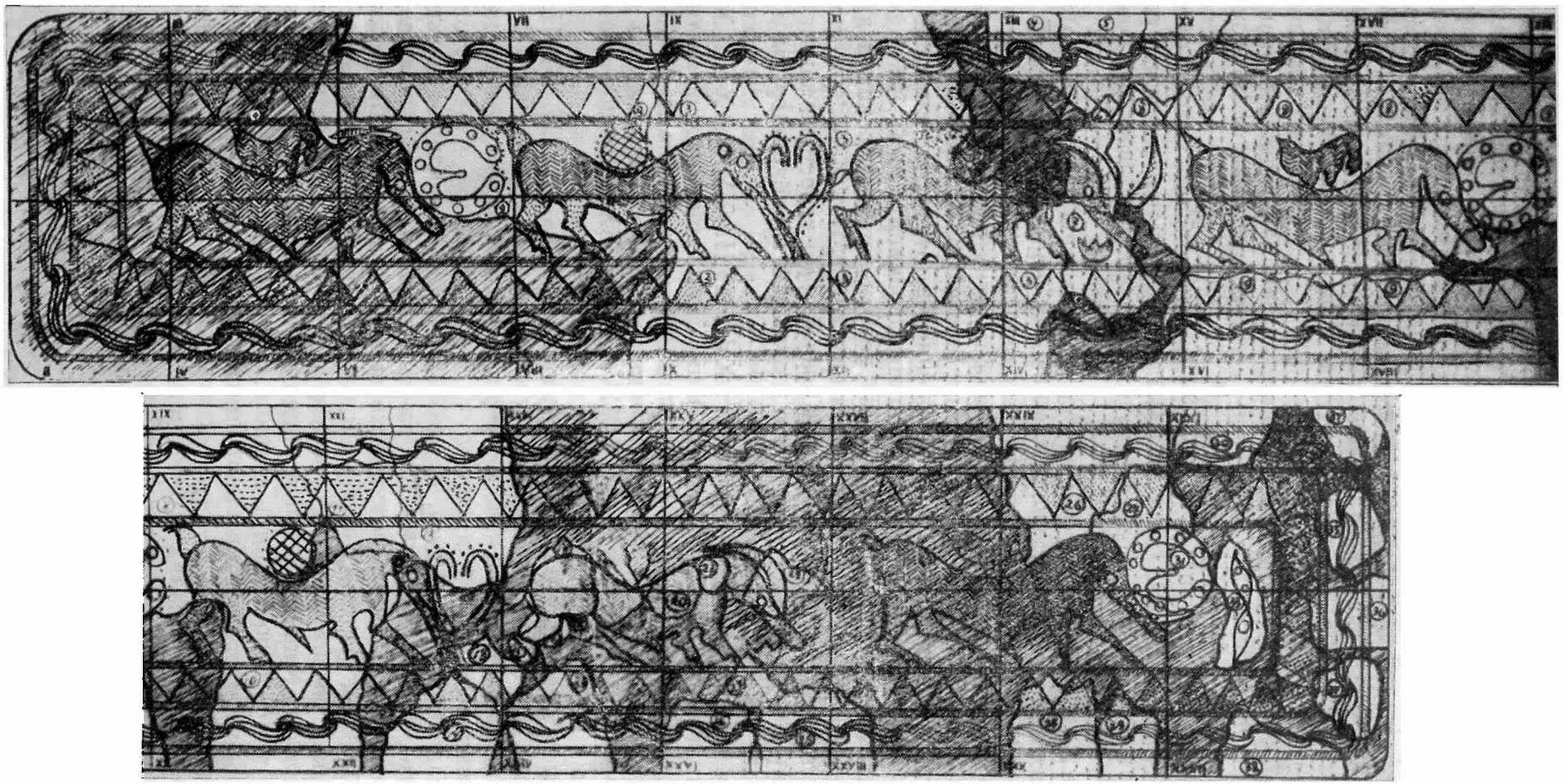


Рис. 2. Реконструкция пояса из погребения № 121 в Самтавро (заштрихованы недостающие участки)

К сожалению, именно эти изобразительные характеристики поясных изображений часто преподносятся лишь в плане описательных констатаций. Нет нужды доказывать, что исследовать образный строй указанных изображений — это значит восстановить весь ход творческой мысли их создателей, в конечном счете, найти побудительные причины и скрытые мотивы их изобразительных действий.

Какие возможности таит в себе подобный подход, можно судить по предлагаемому здесь примеру художественно-образного анализа и реконструкции одного из бронзовых поясов самтаврской коллекции, во многих отношениях типичного для всей культуры древнегрузинских бронзовых поясов в целом.

Предмет, о котором пойдет речь ниже, был найден видным грузинским археологом А. Н. Каландадзе в 1939 г. в Самтавро в грунтовом захоронении № 121 и датируется IX—VIII вв. до н. э.[2].

В собранном и восстановленном виде (рис. 1) общая длина пояса составляет 98 *см*, а ширина — 13 *см*. Найден он, однако, в сильно разрушенном состоянии, о чем свидетельствует предлагаемая здесь реконструкция (рис. 2).

Районы I, II, III и IV обнаружить не удалось, тем не менее утерянные изображения можно было установить по связям фрагментов 2, 3, 6, 7 и 12. Таким путем выявилась структура всего пояса и наметилась соответствующая последовательность в чередовании идущих друг за другом животных. Что же касается первого животного (слева), от которого сохранился только рисунок «рогов», то его изображение было восстановлено по аналогии с идущим животным (справа) восьмого фрагмента.

Фрагменты 4, 5, 6 и 7 в районе XIII непосредственно совпали друг с другом. Недостающая часть шеи животного была восстановлена по общему характеру и стилю изображений, поскольку в их основе лежит одна общая схема. То же нужно сказать и о перерывах в рисунке груди и шеи животного из района XIV.

Легче обстояло дело с районами XV, XVI, XVII, XVIII, XIX, XX и XXI, сохранившихся в виде крупных и не столь ущербных фрагментов.

В районе XXII сохранились небольшие кусочки (фрагменты 13-й и 14-й). Однако ущербная часть головы животного восстановилась по сравнительным данным районов XXIII, XXIV, XXV и XXVI, точнее по представленным в них фрагментам 15—25.

Полностью ущербными оказались районы XXVII, XXVIII, I и II.

Пояс покрыт черно-бархатной патиной с просветами бронзы. По его краям пробиты маленькие круглые отверстия, возможно использовавшиеся для крепления подкладки и пряжки.

Пояс разделен на три яруса. Верхний и нижний заполнены вязью орнамента, средний — фигурными изображениями. Орнаменты даны в двух видах. По всему краю пояса ритмически чередуются захваты полукруглых концов S-образной формы. На первый взгляд может показаться, что это один из вариантов спирального орнамента. На самом же деле здесь представлен последовательный ряд серповидных сегментов, а не характерное соединение непрерывной линии спирали. Внутренняя полоса орнаментов состоит из заштрихованных косыми линиями треугольников, направленных вершинами вниз.

Реконструкция показала, что на поясе изображено семь животных, определенным образом сгруппированных и связанных друг с другом. Делятся они на три типа, повторяющиеся один (первый по счету) трижды, второй и третий — дважды. Все животные итифаличны.

---

[2] Р. Абрамишвили. К вопросу датировки памятников Самтаврского некрополя эпохи поздней бронзы и широкого расцвета железа. ВГМГ, XIX-А; XXI-Б, Тбилиси, 1957 (на груз. яз.).

Каковы же общий характер и «идейная нагрузка» всех этих изображений в целом и каждого в отдельности?

Обратимся к выяснению образной основы первого из них (рис. 3).

Эти изображения, как и все остальные, создаются четким и нигде не прерывающимся линейным рисунком, выявляющим характерные формы крупнорогого тяглового животного.

Но какого именно?

Наблюдательность древнего мастера помогает нам ответить на этот вопрос. Метко подмеченные им особенности туловища животного, стоящего на коротких, но сильных ногах, его прогнутая спина, переходящая в мощную шею, наконец, рогообразный атрибут, помещенный на уровне глаз,— все это, равно как и манера ходьбы, не оставляет никаких сомнений в том, что перед нами изображение быка.

Рис. 3. Первый тип животного из самтаврской композиции

Но древний мастер не во всем сохраняет верность натуре.

Если взять, к примеру, изображения быков на поясах из Триалети, Ахталы, Тли или же Азербайджана, то они, будучи явно стилизованными, все-таки не отделяются от своего реального прообраза (рис. 4). Автор же пояса из Самтавро, правда нисколько не противореча принятой художественно-декоративной традиции в передаче контура тела (рис. 5), привносит в свое изображение и такие детали, которые вынуждают совершенно иначе осмысливать созданный им образ.

Так, обращает на себя внимание неестественное, как бы нарочитое удлинение морды. Прямых аналогий такому решению нет, если не считать довольно отдаленного сходства с Ахталинским поясом, где удлиненную морду имеет не бык, а олень, но этим отнюдь не нарушается цельность изображения; оно не теряет своих характерных черт. На нашем же поясе происходит обратное. Сошлемся и на другой пример. Как уже указывалось, морда самтаврского быка имеет рогообразный атрибут. По своему очертанию и местоположению он, безусловно, ассоциируется с рогами. Но в то же время он напоминает округлую раму с отверстиями. Настораживает еще и то, что у ее основания выступает какой-то стержень, что совсем не вяжется с образом быка. И если мы, прикрыв все изображение, оставим видимой одну только эту раму со стержнем, она покажется нам другой — ярмом-хомутом наподобие тех, которые бытовали в Грузии еще в прошлом веке (рис. 6), но известны, по меньшей мере, с VII в. до н. э. Вполне допустимо, что такая упряжь была и раньше. Упомянутый же выше стержень слишком уж сильно напоминает ручку архаического плуга, что подтверждается и многими другими изображениями (рис. 7). Кстати сказать, треугольник, помещенный на месте хвоста быка, напоминает резак плуга.

Подобное сочетание в одном изображении реалистических и стилизованных черт, а также совершенно определенных атрибутов наталкивает на мысль, что перед нами не просто бык, а образ быка-пахаря.

На чем же основан этот вывод?

В своем интересном труде, посвященном обрядовому графическому искусству грузинских племен, В. В. Бардавелидзе сообщает об одном из посвятительных рисунков, воспроизводящем в схематическом виде архаический плуг, но который самой исполнительницей был квалифицирован как изображение быка (рис. 8). В связи с этим В. В. Бардавелидзе пишет: «... воспроизведенный на нем (рисунке. — *Н. У.*) бык не мыслится абстрактно, он ассоциирован с определенным действием или предметом,

в данном случае с пахотным орудием, поскольку рисунок воспроизводит не быка вообще, а вола-пахаря, неразрывно связанного с пахотным орудием» [3].

Бык самтаврского пояса тесно связан с тем миром представлений, к которым восходят истоки указанного обрядового графического искусства, уже утерявшего свои первоначальные черты, но продолжавшего действовать по традиции в застывших древнейших формах. Являясь носителем

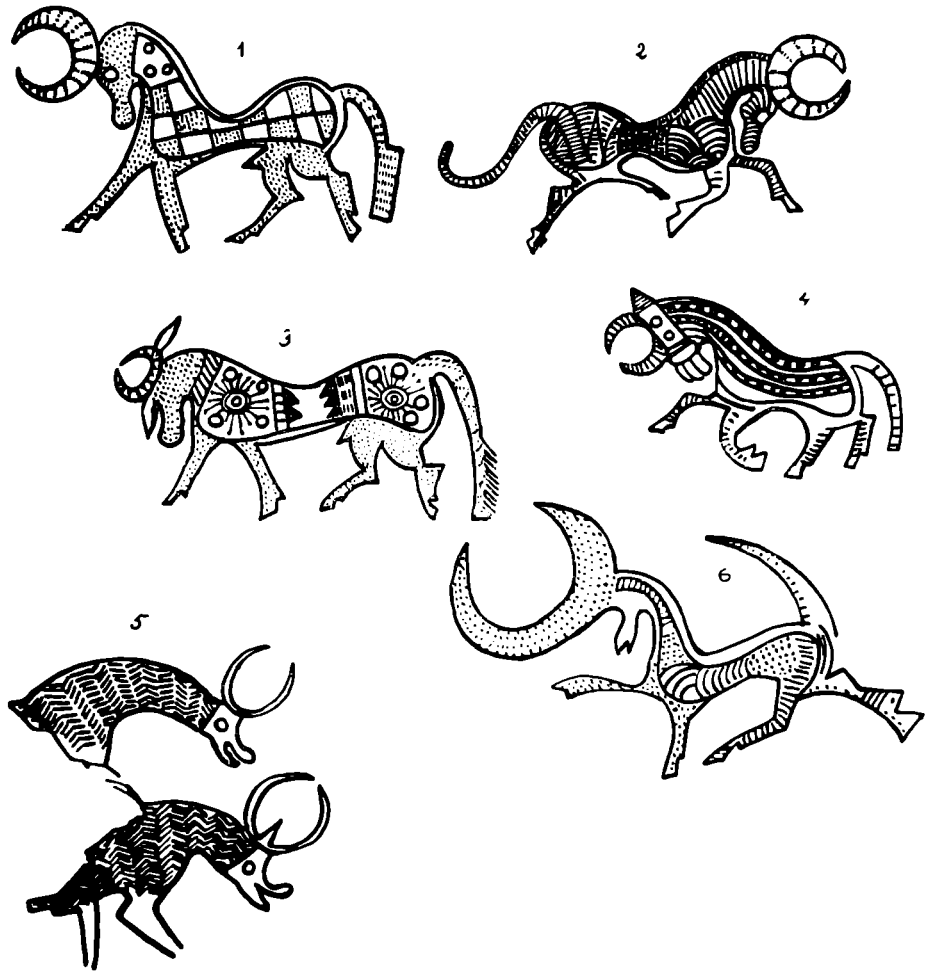


Рис. 4. Изображение быков на бронзовых поясах

1 — из Триалети; *2, 4, 6* — из Азербайджана; *3* — из Тли; *5* — из Ахталы

идеи силы и плодородия, он выражает эту идею всем своим обликом, но не статично, а в действии, характерном для соответствующего земледельческого процесса, закладывающего основу будущего обильного урожая. Это и подчеркивается характерным приседанием на задние ноги, усилием двинуться вперед, всем комплексом реалистически воспроизведенных орудий пахоты.

Теперь о втором животном (рис. 9). Размер, пропорции, стиль исполнения, общий характер движения в основном тождественны первому. Но в последнем появляются новые черты: если в рассмотренном выше случае это была подготовка к рывку вперед, то здесь как бы преодолевается какая-то тяжесть: спина прогнута сильнее, задняя нога несколько отставлена назад, удерживая тело в равновесии.

Обращают на себя внимание «рога», а тем более морда, которая непомерно удлинилась, уткнулась в землю в виде короба, сквозь щель которого как бы сыпятся зерна, обозначенные точками. Весьма своеобразно передано и очертание «рогов»: из одного корня вырастают два разветвле-

[3] В. В. Бардавелидзе. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957, стр. 223.

ния, образуя сердцевидный рисунок, но потом как бы обрываются концами вниз.

Мы вновь попадаем в мир условностей. Но ясно, что для древнего мастера в этом был какой-то важный смысл.

Едва ли мы ошибемся, если выскажем предположение, что вслед за быком-пахарем, воплощающим первый земледельческий цикл, должен обязательно появиться образ «сеятеля». Так оно как будто и есть на самом деле. Чем же иначе объяснить непосредственное касание мордой земли, как бы имитирующее процесс сеяния? И разве не напоминают очертания «рогов», их своеобразная штриховка упряжь бороны, какой она зафиксирована в сванском празднике «Лилашуни», а именно в фигурных хлебцах — «быки боронящие» (рис. 10)? Со всем этим полностью согласуется изображение диска над спиной животного: заштрихованный в косую клетку и отмеченный в местах встречи линий точками, он может быть и ситом, и солярным знаком, но в обоих случаях снова подчеркивается специфический характер этого цикла, начинающегося сеянием и заканчивающегося боронованием. В целом же эту функцию несет образ «быка-сеятеля», являющегося одновременно и «боронящим быком».

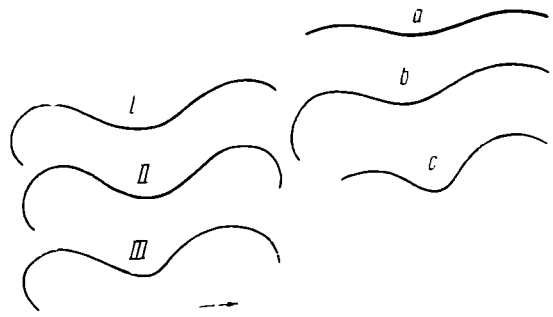


Рис. 5. Характер рисунка контура изображений быков

I—III — из Самтавро; *a* — из Азербайджана; *b* — из Триалети; *c* — из Тли

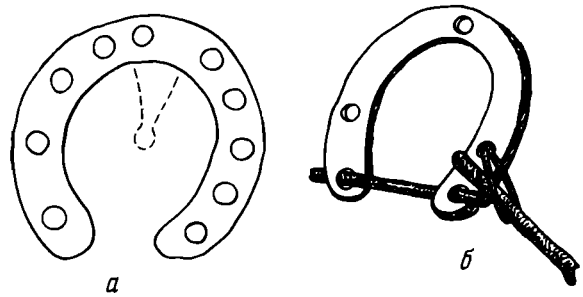


Рис. 6. Изображение хомута для лошади (*а*) и «рога» первого животного самтаврского пояса (*б*)

Правильность такого предположения как будто подтверждается рядом этнографических фактов. Здесь уместно вспомнить сванский праздник «Лилашуни» во время подготовки к пахоте и севу. «Повсюду в Сванетии в этот праздник пекли обрядовые фигурные хлебцы, изображающие

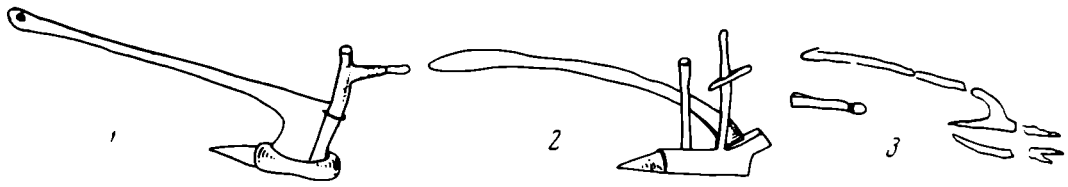


Рис. 7. Грузинские архаические плуги (*1*, *2*) и деревянный плуг из раскопок (*3*)

скот и соответствующие инструменты, которые посвящали божеству — покровителю хлебных злаков, и испрашивали у него обилие урожая.

В Нижней Сванетии в этот день выпекали круглую плоскую лепешку, называемую „гумном", и хлебцы, изображающие быков, лемех, мотыгу и другие сельскохозяйственные орудия, их укладывали на лепешку-„гумно"» [4].

Нетрудно заметить, что те же образы передаются и на самтаврских поясных изображениях. Только здесь использована бронзовая пластина: она является основой, на которую наносятся изображения, выполняемые

[4] Там же, стр. 192.

в технике гравировки. В сванском же ритуале ее заменяет лепешка-«гумно», на которую укладывались хлебцы, воспроизводящие вола и земледельческие орудия (рис. 10).

Как мы уже убедились, те же определяющие образы и их компоненты — орудия земледельческого труда обоих календарных циклов — пахоты и боронования — представлены и на самтаврских композициях. Это сходство станет еще более разительным, если учесть, что в сванском ритуале «все хлебцы укладывались на лоток „табаг" в определенном порядке: сначала ставили „пашущих волов" и запрягали их в „пахотные орудия", а позади последнего ставили „боронящих волов" и запрягали их в „борону" ... помещали „корыто с ситом" и „просяной колос"» [5].

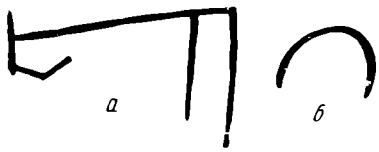


Рис. 8. Изображение быка в сванском обрядовом искусстве

а — бык-плуг; *б* — бык-дуга

Нужно обратить внимание еще на одно важное обстоятельство: праздник «Лилашуни» заканчивался обрядовым поеданием хлебцев, но только лицами мужского пола; на нашем же поясном изображении мужское начало подчеркивается итифаличностью быков.

Нам осталось выяснить, кого изображает третье животное (рис. 11). По многим признакам оно обнаруживает большое сходство с первыми двумя, хотя по характеру движения больше сближается со вторым животным. Ниже его глаз помещены рога серповидной формы. Хвост заменен листком. Изображение, которое помещено над спиной животного, было весьма ущербным: от него сохранилась часть хвоста в виде снопика. По предположению проф. Ш. Я. Амиранашвили и проф. Б. Б. Пиотровского, в первоначальном виде это было изображение рыбы — символа, часто встречающегося на бронзовых поясах кавказского круга. Между передней ногой и мордой животного помещен распустившийся цветок.

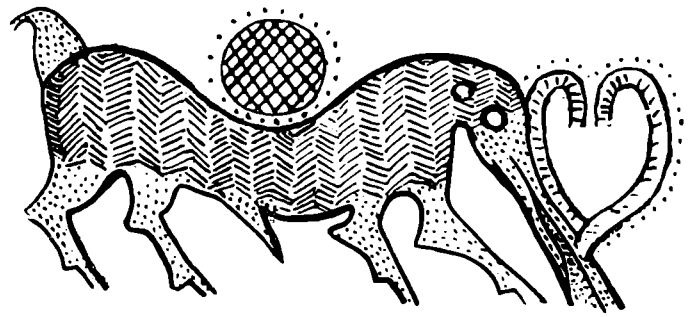


Рис. 9. Второй тип животного на самтаврской композиции

Как следует из всего сказанного выше, магические силы этих животных были направлены на подготовку условий для обеспечения обильного урожая. Естественно, что в изображении третьего животного следует искать выражение желательного исхода.

Легко заметить, что рога животного, вернее то, что помещено на их месте, имеет форму серпов с подчеркнутой штриховкой рабочей части. Интересно, что показаны они в динамичном состоянии: траектория их движения зафиксирована между двумя положениями — взмаха и среза. Можно ли проще выразить идею жатвы? Этому служит и изображение рыбьего хвоста в виде снопа спелых колосьев, равно как и цветок — символ времени полного расцвета природы. Не говорит ли о том же листок, распустившийся на месте хвоста животного? Всеми этими штрихами дописывается образ «быка — собирателя урожая». В этом образе как бы подводится итог магическому ритуалу, воплощенному в интересующем нас поясном изображении. Его смысл тот же, что и у сванского праздника «Лилашуни» — это упование на будущий обильный урожай. Как не вспомнить здесь и дагестанский праздник «Выход плуга в поле», который

[5] Там же, стр. 193.

в дословном переводе звучит так: «сделать обряд, чтобы урожай был хорошим» [6].

Итак, в образной ткани бронзового пояса из погр. № 121 в Самтавро воплотилась целая система представлений, сохранившихся у современных грузин от далеких предков о главных факторах, обеспечивающих успех земледельческого труда на всех его основных этапах и связанных с соответствующими календарными циклами.

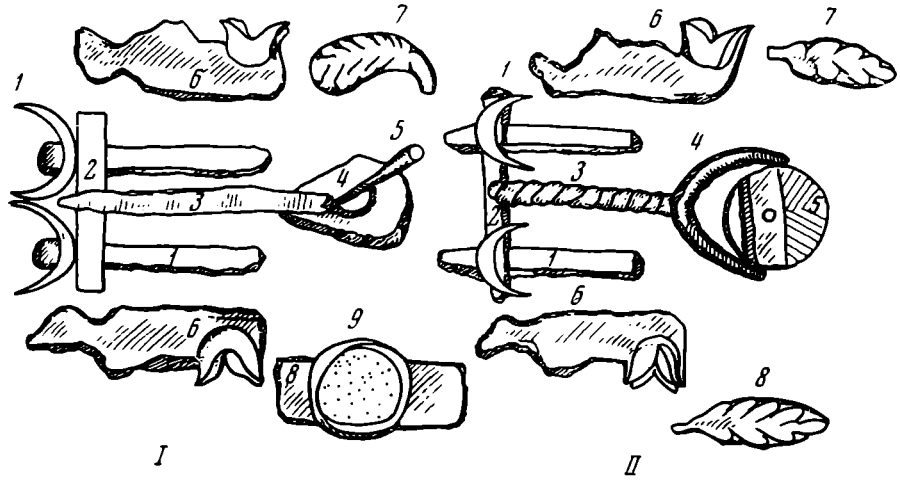


Рис. 10. Фигурные хлебцы

I — «быки пашущие»: *1* — быки; *2, 3* — упряжь; *4* — плуг; *5* — рукоять плуга; *6* — коровы; *7* — хлебный колос; *8* — ларь; *9* — сито
II — «быки боронящие»: *1* — быки; *2, 3* — упряжь; *4* — ремни упряжи; *5* — борона; *6* — коровы; *7, 8* — хлебные колосья

Что же касается каждого из этих изображений в отдельности («быка-пахаря», «быка боронящего» и «быка — собирателя урожая»), то, думается, что в них следует видеть ипостаси одного и того же собирательного образа.

Что же это за образ, кого он олицетворяет?

О том, что в Грузии издревле бытовал культ быка, имеется много свидетельств. Этот культ нашел свое выражение в самых различных формах, будучи зафиксированным как в изображениях, так и в обрядах. Его божественное происхождение подчеркивалось сидящей птицей на «быке-пахаре». В этой связи достоен специального упоминания тот факт, что одним из наиболее популярных представителей пантеона грузинских языческих божеств являлся Босели (известны и другие его наименования), уделом которого была забота о размножении домашнего скота. Под влиянием христианства Босели был отождествлен со св. Василием — покровителем животных. При этом Босели утерял свои первоначальные зооморфные черты, воплощаемые обычно в образе быка [7].

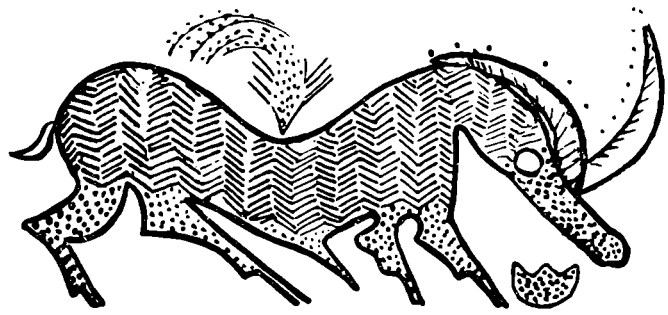


Рис. 11. Третий тип животного самтаврской композиции

Едва ли нужно сомневаться в том, что рассматриваемые нами изображения на самтаврском поясе представляют собой древнейшие пласты

[6] Г. Ф. Чурсин. Праздник «выхода плуга» у горских народов Дагестана. Тифлис, 1927.

[7] Уже в феодальную эпоху в виде соответствующих пережитков народных представлений это нашло свое выражение на рельефах, украсивших ряд грузинских церквей (Болнисский сион и др.).

представлений о трех неразрывных и обязательных качествах земледельческого божества, персонифицированного впоследствии в образе Боспилы с его более узкими функциями покровителя домашнего скота.

Остается ответить на вопрос: почему все-таки эти и другие аналогичные изображения помещены именно на поясах?

В своем рабочем состоянии пояс замыкается по кругу. Известно, что у многих народов, в том числе и у грузин, с кругом были связаны многие обрядовые действия: круговое опоясывание, вожденпе по кругу, очерчивание круга и т. д.,— которые служили, с одной стороны, прегражденню доступа злым силам, а с другой — выражали идею повторяемости тех или иных действий и их благих последствий.

Думается, что в нашем случае круговая композиция, ритмический повтор определенных групп изображений, их цикличность должны были служить своеобразным залогом успеха магических действий, направленных, как уже говорилось, на обеспечение богатого урожая, а в более широком смысле — благосостояния племени.

N. E. Ourouchadzé

L'ESSAI DE LA RECONSTRUCTION ET DE L'ANALYSE ARTISTIQUE DES IMAGES SUR UNE CEINTURE EN BRONZE DE SAMTAVRO

Résumé

L'article est consacré à l'analyse sémantique et artistique des images sur la ceinture on bronze de la sépulture N 121 à Samtavro (Mtskhéta). Reconstruite par l'auteur, cette ceinture a sur son endroit un encadrement en forme de spiral tandis qu'à l'envers on voit le dessin gravé représentant sept figures à l'image de boeuf marchant à la file. Dans les traits de ces figures dont on peut distinguer trois types déterminés coéxistent les détails réalistes et conventionnels. L'attention de l'auteur a été attiré par le fait que ceux-ci laissent entrevoir les contours caractéristiques des outils aratoires de l'ancienne Géorgie. Dans un cas la place des cornes est tenue par le dessin d'un joug avec une manche de charrue au milieu; dans un autre cas on y trouve le dessin d'un attelage de herse tandis que le mufle est devenu huche dont le blé se répand par terre; dans le troisième cas les cornes sont remplacés par les faucilles. Les recherches ultérieures ont démontré que les trois types d'images incarnant tout un cycle du calendrier agraire représentent consécutivement «boeuf le labouleur», «boeuf le semeur», «boeuf le moissonneur». Il est à noter que de pareilles représentations tenaient une grande part dans la vie cotidienne du peuple. Par exemple, elles étaient fixées dans la fête des Svanes «Lilachouni» mais dans ce cas-là on préparait de petits pains rituels.

Н. Г. ГОРБУНОВА

О ЛОКАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ В КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕЙ ФЕРГАНЫ

Исследователи Ферганы, анализируя памятники первой половины I тысячелетия н. э., уже обращали внимание на некоторые особенности керамики из районов долины. Однако обычно это делалось попутно с исследованием других вопросов. Так, С. С. Сорокин, рассматривая могильники Ферганы первых веков нашей эры, отметил близость некоторых форм керамики из могильников северо-западного района долины к формам керамики Ташкентского оазиса [1]. Б. А. Литвинский, сравнивая керамику из Исфаринских могильников и погребальных сооружений Муг-Хона, подчеркнул большое сходство керамики из Муг-Хона с керамикой Ташкентского оазиса [2]. Локальные группы могильников с подбойно-катакомбными погребениями рассматривал Ю. А. Заднепровский, выделяя при этом пять районов, но только для территории южной Киргизии [3]. В частности, он подчеркивал близость материалов могильника Кайрагач и Каунчинской культуры и отмечал особенности керамики междуречья Сох-Ляйляк. Последнее отмечала и я [4].

Таким образом, вопрос о локальных особенностях в культуре Ферганы назрел давно. Накопленный за последние годы в Ферганской долине археологический материал позволяет сравнивать между собой памятники разных районов долины и намечать некоторые локальные особенности. Не претендуя на полноту исследования (многие материалы еще не опубликованы или опубликованы частично), остановлюсь на некоторых выводах, к которым приводит изучение керамического материала. В основу данной работы положены керамические изделия поселений и могильников первой половины I тысячелетия н. э. [5].

Восточный район. Географически он локализуется в верховьях Карадарьи, в восточном углу долины, образованном Ферганским и Алайским хребтами, и отделенном от остальной части долины адырными поднятиями, так называемой «Куршабской дугой» [6]. В этом районе имеется огромное число густо расположенных поселений, из которых раскопано 12 (Шурабашат, Дунбулак, Карадарьинское и др.) [7]. Что касается могильни-

[1] С. С. Сорокин. Культура древних скотоводов в предгорьях Ферганы. Канд. дис., Л., 1958, стр. 250.

[2] Б. А. Литвинский. Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской области в 1957 г. Тр. АН ТаджССР, СПИ, 1959, стр. 126; Э. Гулямова и др. Археологические и нумизматические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. Сталинабад, 1956, стр. 21.

[3] Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960, стр. 116—128.

[4] Н. Г. Горбунова. Рецензия на книгу Ю. Д. Баруздина и Г. А. Брыкиной «Археологические памятники Баткена и Лайляка». АС, Гос. Эрмитаж, 1967, стр. 119.

[5] Статья о хронологии керамики подготавливается мною к печати.

[6] Д. И. Мушкетов. Восточная Фергана. Изв. геол. комитета, 30, 10, 1911, стр. 820—821.

[7] Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники..., стр. 10—56; его же. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, 118, 1962, стр. 116—153; П. П.

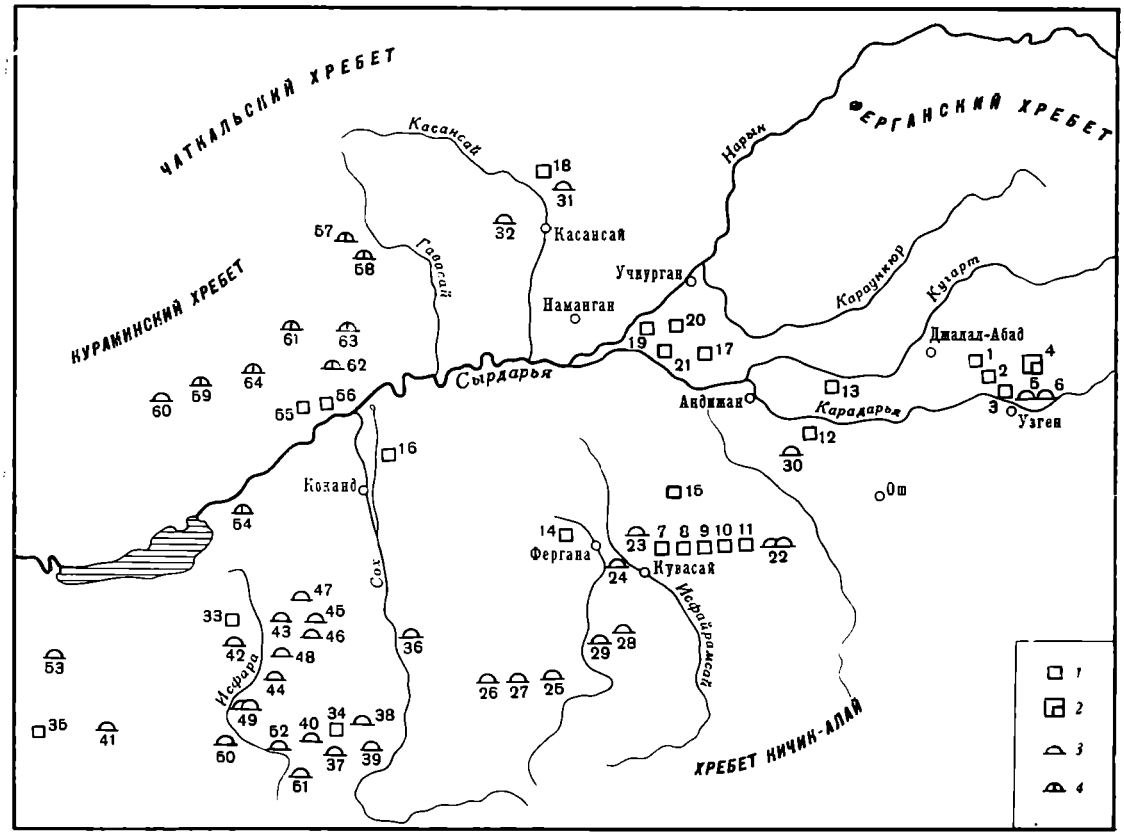


Рис. 1. Исследованные памятники первых веков нашей эры в Фергане
1 — поселения; *2* — группа поселений; *3* — могильники; *4* — каменные склепы;

1 — Шурабашат; *2* — Дун-Булак, *3* — Карадарьинское, *4* — поселения в зоне затопления Андижанского водохранилища, *5* — Кара-Джар, *6* — Каракульджа, *7* — Мыкты-Курган, *8* — Чун-Тепе, *9* — поселение 5, *10* — поселение 5а, *11* — Майда-Тепе, *12* — Мархамат, *13* — Гайрат-Тепе, *14* — Сым-Тепе, *15* — Такьян-Тепе, *16* — Тешик-Тепе, *17* — Кугай, *18* — Кассан, *19* — Кыз-Мазар-Тепе, *20* — Арал-Тепе, *21* — Куюк-Тепе, *22* — Керкидон, I—II, *23* — Суфан, *24* — Актам, *25* — Вуадиль, *26* — Хангиз, *27* — Джангаил, *28* — Таш-Курган, *29* — Янгиабад II, *30* — Мархаматский могильник, *31* — Гур-Мирон, *32* — Куюк-Мазар, *33* — Кала-и-боло, *34* — Ак-Тепе, *35* — Карабулак, *36* — Боркорбаз, *37* — Карабулак, *38* — Карабель, *39* — Тура-Таш, *40* — Кок-Таш, *41* — Кара-Мойнок, *42* — Хозина-Хона, *43* — Исфара, I, *44* — Галанг (Сурх II), *45* — Калантар-Хона, *46* — Усто-Мулла, *47* — Чильгазы, *48* — Карабаг, *49* — Чорку I и II, *50* — могильник у Ворухского ущелья, *51* — Ворухский могильник, *52* — Кех, *53* — Кайрагач, *54* — Ниязбек, *55* — Тудаи-Хурд, *56* — Тудаи-Калон, *57* — Багджой, *58* — Чаркасар, *59* —Кара-Мазар, *60* — Куруксай, *61* — Даштибодомак, *62* — Даштиашт, *63* — Чарчанак, *64* — Бобоидархон

ков, то, судя по опубликованным материалам к археологической карте [8], их около 35, причем все они небольшие. К сожалению, число курганов в списке указано далеко не всегда. Могильников, где число курганов свыше 20 (но не более 70), насчитывается всего 10. До сих пор в разных могильниках раскопано только 15 курганов. Погребения открыты только в трех курганах: в подбоях (2) и катакомбе (1) [9]. К какому времени относятся другие курганы — неясно.

На всех исследованных памятниках найдена однотипная керамика, подробная харктеристика которой дана в указанных работах. Особенно характерно здесь преобладание лепной посуды многообразных развитых форм: миски с перегибом по центру тулова или с загнутыми внутрь краями, горшки баночных форм или небольшие с округлыми стенками, кувшины с высоким горлом, большей частью с ручками, вазы, сосуды на небольшом поддоне и пр. Особенностью этой группы посуды является ее карминно-фиолетовая окраска, покрывающая большей частью верхние $^2/_3$

Гаврюшенко, О. З. Заурова, П. Н. Кожемяко, И. К. Кожомбердыев. Археологические исследования Института истории АН Киргизской ССР. АО 1966 г. М., 1967, стр. 337—341; Д. Ф. Винник. Пятьдесят лет советской археологии в Киргизии. СА, 1967, 4, стр. 79—93.

[8] Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники..., стр. 142—152.

[9] Там же, стр. 112—113.

сосуда снаружи, или роспись той же краской по светлому фону. Геометрический и растительный орнамент образует сложные и разнообразные композиции.

Небольшая часть керамики (3—5%) изготовлена на круге. Ее основные формы — миски с перегибом по центру тулова, горшки с округлыми стенками, кувшины с низким горлом, слегка вытянутым туловом, фляги, кубки-вазочки. Вся она покрыта красным ангобом, большей частью блестящим, изредка на горшках процарапан после подсушки ангоба геометрический орнамент.

Этот комплекс впервые открыт на городище Шурабашат и является специфическим именно для данного района. Отдельные находки расписной керамики шурабашатского типа изредка встречаются за пределами этого района [10], но они единичны и скорее, на мой взгляд, свидетельствуют о торговых связях, а не о распространении ее на всю долину.

Поэтому, на мой взгляд, шурабашатский комплекс не может рассматриваться в качестве этапа развития культуры Ферганы в целом, как полагает Ю. А. Заднепровский [11].

Центральная часть долины. Географически этот район простирается от «Куршабской дуги» на востоке до реки Сох на западе. На юге и севере он ограничен горными хребтами, являющимися естественными границами долины. От западной части на юге отделен галечниковыми пустынями Сохского веера, между северной и южной частями лежат пески Центральной Ферганы. Южная часть района изучена лучше, чем северная (к северу от Сырдарьи). Из большого числа расположенных в центральном районе поселений раскопки проводились на 15. На юге района: Мыкты-Курган, Чун-Тепе, поселения 5 и 5а [12], Майда-Тепе [13], Мархмат [14], Гайрат-Тепе [15], Сым-Тепе [16], Такъян-Тепе [17], Тешик-Тепе [18]. На севере: Кугай [19], Кассан [20], Кыз-Мазар-Тепе, Арал-Тепе, Куюк-Тепе [21].

В центральном районе открыто довольно много могильников интересующего нас периода. По примерным подсчетам, их свыше 30, некоторые из них достаточно крупные, состоящие из 200 курганов. Общее число курганов в них в пределах 900—1000. Раскопки проводились на 11 могильниках. На юге района: Керкидон [22], Суфан [23], Ак-Там, Вуадиль [24], Хангиз [25],

---

[10] В. И. Козенкова. Гайрат-Тепе. СА, 1964, 3, стр. 218—236.

[11] Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники..., стр. 47; его же. Древнеземледельческая культура..., стр. 170

[12] Н. Г. Горбунова. Раскопки поселений в Фергане. СГЭ, XXVI, 1966, стр. 59—60; Н. Г. Горбунова и Т. Г. Оболдуева. Раскопки поселений в ЮЗ Фергане. АО 1966 г. М., 1967, стр. 309—311; Н. Г. Горбунова. Работы Ферганской экспедиции в 1964—1966 годах. Тез. докл. научн. сессии, посвященной итогам работы Гос. Эрмитажа за 1966 год. Л., 1967, стр. 15.

[13] Г. А. Брыкина. Раскопки на городище Майда-Тепе и Карабулак. АО 1965 г. М., 1966, стр. 185.

[14] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26, 1952, стр. 222—230.

[15] В. И. Козенкова. Гайрат-Тепе.

[16] Раскопки автора и Б. З. Гамбурга в 1957—1958 гг. Материал не опубликован.

[17] Д. П. Вархотова. Такъян-Тепе. ИМКУ, 5, Ташкент, 1964, стр. 67—69.

[18] Н. Г. Горбунова и Т. Г. Оболдуева. Археологические работы на трассе Центрального Ферганского канала. АО, 1967.

[19] Б. А. Латынин. Некоторые итоги работ Ферганской экспедиции 1934 г. АС, 3, Гос. Эрмитаж, 1961, стр. 134—137.

[20] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 232—240.

[21] Н. Г. Горбунова и Т. Г. Оболдуева. Археологические работы...

[22] П. Н. Кожемяко, Д. Ф. Винник. Новые исследования археологов Киргизии. АН СССР, 1965, 2, стр. 133.

[23] Н. Г. Горбунова. Суфанский могильник. АС, II, Гос. Эрмитаж.

[24] Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Археологические работы Ферганского областного краеведческого музея в 1953—1954 гг. ИМКУ, 1, Ташкент, 1959, стр. 5—21.

[25] Н. Г. Горбунова, Б. З. Гамбург. Могильник Хангиз. ИООН АН ТаджССР, 14, 1957, стр. 33—44.

Джангаил[26], Янгиабадский II, Мархаматский[27]. На севере: Гур-Мирон[28], Куюк-Мазар[29]. В большинстве курганов раскопаны захоронения в подбоях и катакомбах с ориентацией погребенных на север, юг и восток. Погребения в подбоях и катакомбах встречаются в могильниках вместе. В обособленных могильниках[30] (их пока известно меньше) открыты погребения в неглубоких грунтовых могилах нечетких очертаний с положением умершего головой на запад. Кроме того, для центрального района большие материалы были получены в результате работ на трассе Большого, Северного и Южного Ферганских каналов[31].

Для всех памятников центрального района характерной чертой является значительное преобладание посуды, изготовленной на гончарном круге. Формы ее разнообразны: миски с перегибом к центру тулова и различные их варианты, баночные прямые или с «гофрами» горшки, несколько разновидностей горшков с круглыми стенками, несколько типов кувшинов, как правило, без ручек, фляги с раздутым одним боком и плоским другим, незначительное число кубков-вазочек и пр. Вся она покрыта красным блестящим или тусклым ангобом разных оттенков, часто украшена (горшки) процарапанным после подсушки ангоба геометрическим, реже растительным орнаментом. Необходимо подчеркнуть, что все формы станковой посуды восточного района идентичны формам посуды центрального, но в последнем ассортимент ее значительно шире. Однако недостающие формы ассортимента в восточном районе восполняются лепной керамикой, среди которой есть формы, аналогичные станковой как восточного, так и центрального районов. Керамика могильников в центральном районе при полной идентичности форм отличается в ассортименте. В этих могильниках находят меньшее число мисок[32], что, на мой взгляд, является спецификой погребального обряда.

В целом инвентарь могильников, как правило, в подбойно-катакомбных богаче и разнообразнее, включает предметы вооружения, тогда как в грунтовых неглубоких могилах он крайне беден.

В пределах центрального района весьма возможно в дальнейшем выделение отдельных микрорайонов. Одним из них будет, вероятно, район междуречья Карадарьи — Сырдарьи (около Учкургана), в керамических комплексах которого содержится сравнительно больше посуды с процарапанным орнаментом и большое число крупных горшков с раздутым туловом.

Западные районы Ферганы исследовались, пожалуй, наиболее полно. Характеристику их стоит давать отдельно для юго-запада и северо-запада, хотя на крайнем западе, у узкого прохода Ходжентских ворот, оба района сливаются.

Юго-запад. Географически этот район от реки Сох на востоке до долины реки Исфана (включая последнюю) на западе; на севере до Сырдарьи, на юге частично включает северные склоны Туркестанского хребта. Бо́ль-

---

[26] Раскопки А. Н. Бернштама в 1951 г., Н. Г. Горбуновой, Б. З. Гамбурга — в 1957 г. Материал не опубликован.

[27] В. И. Козенкова. Погребальные памятники Ферганы первых веков н. э. СА, 1966, 1, стр. 211—225; ее же. Археологические работы в Андижанской области в 1956 г. КСИИМК, 76, 1959, стр. 60.

[28] Материал не опубликован. Раскопки А. Н. Бернштама в 1951 г.

[29] Н. Г. Горбунова. Суфанский могильник.

[30] В. И. Козенкова. Погребальные памятники..., стр. 223; Н. Г. Горбунова. Суфанский могильник.

[31] М. Е. Массон. Экспедиция археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала. КСИИМК, 4, 1940, стр. 52—54; Материалы археологической экспедиции на строительстве БФК. Тр. Ин-та истории и археологии. IV, Ташкент, 1951; Т. Г. Оболдуева. Археологические наблюдения на Северном Ферганском канале. Изв. УзФАН СССР, 10, 1940, стр. 7—40; В. Д. Жуков. Археологические объекты на трассе Южного Ферганского канала. Там же, стр. 21—28.

[32] Б. А. Латынин, Т. Г. Оболдуева. Исфаринские курганы. КСИИМК, 76, 1959, стр. 25.

шая часть этого района занята галечниковыми пустынями, памятники сосредоточены по берегам горных рек.

Поселений интересующего нас времени здесь сравнительно с центральным и восточным районами меньше. Из них раскапывались три: Калаи-Боло (нижний слой) [33], Ак-Тепе [34] и Карабулак [35]. Зато могильников больше, чем в перечисленных предыдущих районах, их, примерно, около 40, и в большинстве случаев они крупные, свыше 200—300 курганов (Карабулак около 1000 насыпей).

Общее число курганов более 3000. Раскопки велись на 20 могильниках: Боркорбаз [36] — в долине р. Сох; Карабулак [37], Туры-Таш, Кок-Таш, Карабель [38], Хазина-Хона и Исфара I [39], Галанг (Сурх II), Калантар-Хона, Усто-Мулла, Чильгазы, Карабаг, Чорку I и II, два ворухских, Кех [40] — в долине р. Исфара; Кара-Мойнок [41] — западнее р. Исфара, Кайрагач — в долине р. Ходжа-Бакырган [42] и Ниязбек [43].

В раскопанных курганах погребения совершены в подбоях, реже в катакомбах. Грунтовые могилы встречены в тех же могильниках, но они обычно очень глубокие, с четкими границами, нередко перекрыты накатом из дерева и отличаются от грунтовых могил в центральном районе. Ориентация в них такая же, как в подбоях и катакомбах. В одном могильнике — Ниязбек — открыты погребения в каменных склепах — муг-хона.

В керамических комплексах поселений и могильников мы видим, как и в центральном районе, значительное преобладание станковой посуды, причем многие ее формы идентичны формам керамики центрального района, но это не распространяется на весь ассортимент керамики. Здесь нет характерных для центрального района баночных сосудов с «гофрами», крупных горшков с раздутым туловом, редки тонкостенные миски с перегибом и их варианты (следует сказать, что в юго-западном районе поселений исследовано значительно меньше, чем могильников; это, возможно, и объясняет меньшее число мисок, но среди тех, которые найдены, упомянутых мисок мало). Зато здесь значительно чаще встречаются сосуды на высоких кольцевых поддонах без ручек и с ручками, кружки, своеобразные кувшины, похожие на «центральноферганские», но с утолщенным или резко отогнутым венчиком, боченковидные фляги. Как и керамика центрального района, посуда часто покрыта красным ангобом, но качество его хуже, часто это грубые мазки ангоба, потеки, блестящее лощение редко. Наряду с характерным процарапанным орнаментом часто встречаются прочерченные по сырой глине волнообразные линии. Причем, чем запад-

---

[33] Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Тр. АН ТаджССР, XXXV, 1955, стр. 119—120, 133—134.

[34] Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962, стр. 93—100.

[35] Г. А. Брыкина. Раскопки замка в Карабулаке в 1964 г. КСИА АН СССР 108, стр. 116—112.

[36] С. С. Сорокин. Могильник Боркорбаз. Тр. ГЭ, V, 1961, стр. 117—161.

[37] Ю. Д. Баруздин. Карабулакский могильник. Тр. ИИ АН КиргССР, II, 1956, стр. 57—70; его же. Карабулакский могильник. Тр. ИИ АН КиргССР, IV, 1957, стр. 17—32; его же. Карабулакский могильник. ИАН КиргССР, СОН, III, 3, стр. 43—82.

[38] Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Археологические памятники..., стр. 3—35.

[39] Б. А. Латынин. Некоторые итоги..., стр. 156—163; Б. А. Латынин, Т. Г. Оболдуева. Исфаринские курганы, стр. 17—27.

[40] Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский, Археологический очерк..., стр. 22—70; их же. Предварительный отчет о раскопках курганов в Ворухе в 1954 г. Тр. АН ТаджССР, XXXVII, 1956, стр. 61—68; Б. А. Литвинский. Исследование могильников Исфаринского района в 1958 г. Тр.ИИ им. А. Дониша, XXVII, 1961, стр. 59—80.

[41] Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники..., стр. 103—112.

[42] Там же, стр. 90—103.

[43] Е. Д. Салтовская. Вал и могильник у кишлака Ниязбек ИООН АН Тадж. ССР. 1(22), 1960, стр. 89—93.

нее расположены памятники, тем больше наблюдается в керамике отличий от изделий центрального района.

Северо-запад. Географически расположен от реки Гавасай на востоке до г. Ленинабада на западе, от Сырдарьи на юге до предгорий Кураминского хребта на севере. Бо́льшая часть района занята Кайраккумскими песками. Поселения встречаются редко, число же могильников значительно. В печати названо свыше 30, но упоминается и еще «большое количество». Число курганов в них подсчитать трудно, но свыше 500.

Здесь раскопаны два поселения: Тудаи-Хурд (Ялпок-Тепе) и Тудаи-Калон (Кзыл-Тепе) [44]. Раскопано много курганов (свыше 200) в могильниках Богджой, Чаркасар [45], Карамазар-Сай Курук-Сай [46], Дашти-Бодомак, Дашти-Ашт, Чарчанак-Сай [47] и др.

Почти во всех курганах открыты погребения в каменных склепах мугхона или в каменных ящиках, только в одном могильнике (Курук-Сай) раскопаны погребения в катакомбе.

В керамических комплексах также преобладает станковая посуда, формы которой идентичны формам керамики центрального и юго-западного районов, особенно среди горшков и кувшинов. Правда, здесь эти сосуды несколько крупнее, менее тщательно выполнены, особенно по сравнению с центральным районом. В ассортименте также нет полного сходства ни с центральным, ни с юго-западным районом. Отсутствуют баночные сосуды с «гофрами», редки тонкостенные миски с перегибом и их варианты, являющиеся характерной чертой центрального района. Здесь мало сосудов на поддонах, кувшинов с утолщенным венчиком и боченковидных фляг, как в юго-западном районе. Зато здесь встречено значительное количество кружек, в том числе с ручками в виде животных, кувшинов с ручками, с ручкой и носиком-сливом, бокалов вытянутой формы. Керамика тоже покрыта красным ангобом, как тусклым, так и (реже) блестящим. Характерен способ покрытия сосудов не целиком, а верхней части снаружи (напомню, что подобный прием известен в шурабашатской крашеной керамике). Процарапанный орнамент используется широко, но наряду с ним встречен прочерченный по сырой глине не только волнистый, но и геометрический, роспись ангобом и пр.

Таковы некоторые локальные особенности в культуре Ферганы первой половины I тысячелетия н. э. Естественно, что это только краткое перечисление особенностей, бросающихся в глаза при попытке сопоставить материал из разных районов долины. Вероятно, в дальнейшем можно будет более детально рассмотреть намечающиеся различия. Чтобы попытаться объяснить причины локальных особенностей, следует обратиться к культуре Ферганы предшествующих периодов.

Наиболее ранними памятниками с керамическими комплексами, известными сейчас в Фергане, являются поселения и могильники эпохи поздней бронзы, относящиеся к чустской и кайраккумской культурам. Первая — культура древних ферганских земледельцев, представленная поселениями и погребениями на них, для нее характерна расписная керамика [48]. Вторая относится к кругу степных культур эпохи бронзы, родственной андронов-

---

[44] Е. Д. Салтовская. О раскопках античных поселений в районе Ашта. Тр. ИИ АН ТаджССР, XXXI, 1961, стр. 163—166; ее же. Раскопки на Кзыл-Тепе в 1960 г. Тр. ИИ им. А. Дониша, XXXIV, 1962, стр. 48—54; ее же. Раскопки на Тудаи-Калон в 1961 г. Тр. ИИ, XII, 1964, стр. 45—53.

[45] М. Э. Воронец. Археологические исследования Института истории и археологии музея истории АН УзССР, 2, 1954, стр. 58—84; В. И. Спришевский. Некоторые находки из Мут-Хона в собрании музея. Тр. МИ УзССР, 3, 1956, стр. 53—74.

[46] Э. Гулямова, Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский, В. А. Ранов. Археологические и нумизматические коллекции..., стр. 19—20. Б. А. Литвинский. Об изучении в 1955 г. погребальных памятников в Кара-Мазарских горах. Тр.ИИ, XIII, Сталинабад, 1956, стр. 37—46.

[47] Б. А. Литвинский. Изучение курумов..., стр. 109—129.

[48] Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура..., стр. 11—49.

ской, и представлена стоянками и могильниками [49]. Первая распространена на востоке и в центральной части, вторая — на северо-западе и встречена на юге центральной части, т. е. на востоке мы знаем только чустскую культуру, на северо-западе — только степную, в центре же они встречены обе, на юго-западе памятников эпохи поздней бронзы не отмечено. О том, что обе эти культуры находились во взаимодействии, свидетельствуют в ряде случаев сходство металлических изделий [50] и отдельные случаи нахождения вместе керамики обеих культур [51].

На следующем этапе, в эпоху раннего железа, распространена культура, которую можно назвать «эйлатанской» [52]. Она представлена поселениями и могильниками с погребениями в грунтовых могилах с ориентацией погребенных головой на запад. Для нее характерны иные керамические комплексы, чем для предшествующих чустской и кайраккумской культур. Лепная керамика представлена мисками и горшками полусферических форм и покрашена или расписана. Окраска и роспись посуды продолжают традицию чустской культуры, хотя стиль и гамма росписи несколько меняются [53]. Одновременно, а может быть, и чуть позднее получает широкое распространение станковая светлофонная керамика, встречаемая вместе с лепной и повторяющая ее формы. Эта культура распространена на востоке и в центральной части. На северо-западе, как отмечает Б. А. Литвинский, продолжалось развитие кайраккумской культуры, на основе которой возникла культура «саков, которые за Согдом» [54]. Однако она выделяется не очень четко. Керамика эйлатанской культуры в этом районе встречается, ее следует рассматривать, скорее, как привозную. На юго-западе памятников этого времени не найдено.

Таким образом, в эпоху раннего железа на востоке и в центральной части продолжалось развитие культуры ферганских земледельцев, подвергшейся, однако, влиянию скотоводческих племен сако-усуньского круга [55]. На северо-западе сохраняется традиция степной бронзы. Можно предположить, что локализация степной бронзы на северо-западе связана с проникновением сюда с запада носителей кайраккумской культуры по Сырдарье, через Ходжентские ворота Ферганы. Отсюда она распространилась и в центральную часть. Видимо, и в следующий период какие-то племена сако-усуньского круга использовали этот путь, хотя не исключено проникновение их сюда с востока, через горные перевалы. В более или менее «чистом» виде культуру саков мы можем видеть только пока на северо-западе.

Вопрос о дальнейшем развитии культуры Ферганы наиболее сложный. На востоке несомненным продолжением культуры ферганских земледельцев служит шурабашатский комплекс (он настолько самобытен, ярок, что его вполне можно именовать шурабашатской культурой). Только в этом районе, по-видимому, максимально изолированном от остальной части долины, сохраняется непрерывность развития культуры. Именно здесь в дальнейшем можно будет детально проследить эволюцию расписной кера-

---

[49] Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайрак-Кумов. Тр.ИИ им. А. Дониша, XXXIII, 1962; Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины. СА, 1957, 3, стр. 130—135.

[50] Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии. САИ, Д 4—9, М., 1966, стр. 93—94.

[51] Н. Г. Горбунова. Культура Ферганы в эпоху раннего железа. АС, 1962, 5, стр. 114.

[52] Н. Г. Горбунова. Ук. соч., Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура..., стр. 108—116.

[53] Н. Г. Горбунова. К вопросу о расписной керамике в Ферганской долине. СГЭ, XXI, стр. 41—44.

[54] Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайрак-Кумов, стр. 295—300.

[55] Н. Г. Горбунова. Культура Ферганы...

мики от эпохи бронзы до средневековья. Интересно, что замкнутость этого района подчеркивалась и другими специалистами. В частности, Д. И. Мушкетов писал о своеобразии этого района в географическом отношении и отмечал, что здесь «...могла возникнуть и долго просуществовать крошечная независимая монархия, державшая в повиновении горных кочевников» [56]. Необходимо отметить, что этот район выделяется и природными условиями. Здесь выпадает за год наибольшее в Ферганской долине количество осадков, что, видимо, способствовало раннему развитию здесь земледельческой культуры, а его обособленность была причиной длительного сохранения традиций, в первую очередь в керамическом производстве.

Иная картина в остальной части долины. Если в эпоху бронзы и раннего железа мы все время подчеркивали распространение одних и тех же культур на востоке и в центре Ферганы и обособленность северо-запада, то теперь становится обособленным восток, а остальные районы заняты сходной культурой с некоторыми особенностями в каждом из них. Кроме того, в юго-западном районе мы видим памятники только с этого периода.

Б. А. Литвинский для северо-запада отмечает дальнейшее развитие кайраккумской культуры, в первую очередь касающееся собственно погребального обряда. Он полагает, что здесь обитает какое-то сакское племя, оставшееся в стороне от движения на Греко-Бактрию и сохранившее свою индивидуальность [57]. Л. М. Левина, не касаясь вопроса развития ферганской культуры, но отмечая несомненное сходство ее в ряде черт с культурой Каунчи, полагает, что такое сходство есть результат проникновения сюда, в присырдарьинский район носителей каунчинской культуры [58]. Я склонна присоединиться к последней точке зрения. Особенности северо-западного района Ферганы объясняются, с одной стороны, постоянным притоком сюда скотоводческих племен по Сырьдарье, с другой — постоянным контактом с Ферганской долиной. Но это еще не объясняет появление в Фергане культуры с красноангобированной керамикой [59].

Истоков ее мы в предшествующей культуре почти не видим. Как продолжение традиций может быть отмечена лепная керамика, покрытая красным ангобом, постоянно сопутствующая станковой красноангобированной на поселениях, а иногда в могильниках. Необходимо отметить также, что на станковой эйлатанской керамике встречаются следы красной краски, которые были попытками использования старых традиций при новой технологии. Наконец, процарапанный орнамент, на мой взгляд, также продолжение традиций. Станковая посуда обычно не расписывалась, орнамент наносился в новой технике, сохраняя элементы эйлатанского и воспринимая в какой-то мере шурабашатский стиль росписи [60]. Сохранилась традиция и в погребальном обряде — это грунтовые могилы главным образом с западной ориентировкой погребенных.

И все же «кугайская» культура сильно отличается от предшествующих и не только керамическими комплексами. Думаю, что способ погребения в подбоях и катакомбах (ее характерная черта) появляется и распространяется в Фергане одновременно с появлением и распространением красноангобированной керамики. Мы не знаем случая, когда в подобных погребениях была бы обнаружена эйлатанская керамика. Видимо, эти два явления надо рассматривать вместе. К сожалению, пока нельзя сказать определенно, в каких районах долины встречены наиболее ранние памятники этой культуры. Насколько сейчас можно судить, к числу относитель-

---

[56] Д. И. Мушкетов. Восточная Фергана, стр. 820—821.

[57] Б. А. Литвинский. Изучение курумов..., стр. 126; его же. Даханинский могильник эпохи бронзы в западной Фергане. КСИИМК, 80, 1960, стр. 52.

[58] Л. М. Левина. Керамика нижней и средней Сырдарьи в первом тысячелетии н. э. Автореф. канд. дис. М., 1967, стр. 18—19.

[59] Вероятно, эту культуру можно было бы именовать «кугайской» по первому памятнику, раскопанному еще в 30-е годы.

[60] Н. Г. Горбунова. Культура Ферганы..., стр. 111.

но более ранних могут быть отнесены Ялпок-Тепе на северо-западе, Сым-Тепе в центре, в дальнейшем, возможно, будут выделены и какие-то комплексы на юго-западе и даже в Карадарьинском оазисе. Хронологическое соотношение их между собой пока неясно.

Мне кажется, что очень важным моментом является изменение ареалов культуры на этом этапе. Весьма вероятно распространение новой технологии от западных соседей Ферганы, где способ покрытия керамики красным ангобом был известен давно. Близость красного ангоба эллинистическим лакам уже отмечалась [61]. Подчеркивалось, что для Ферганы эта новая технология в силу традиций окраски посуды могла быть быстро принята и освоена (но как и ранее, Фергана сохраняет свою самобытность в формах керамики). Естественно, что влияние эллинистических традиций должно было идти с запада.

С запада же распространяются, видимо, и подбойно-катакомбные погребения. Как показывает количественное распределение могильников и число курганов в них, огромное большинство их сосредоточено на юго-западе долины, меньше в центральном и еще меньше в восточном районе. Могильники на востоке почти не исследованы, и в настоящее время можно только высказать предположение, что погребения в подбоях и катакомбах там будут немногочисленны. Сейчас мы можем только констатировать сосредоточение на юго-западе большого количества какой-то группы населения, часть которого, но в меньшей степени отмечена в центре. И наряду с ними именно здесь в центре отмечены грунтовые погребения. Таким образом, оба интересующих нас момента заставляют обратить внимание на возможность западных истоков сложения «кугайской» культуры.

Подбойно-катакомбные погребения известны в различных районах Средней Азии, и всюду керамика их соответствует тем оазисам, в которых они находятся. В вопросе о происхождении этих племен нет единства. Однако многие исследователи все же связывают их в той или иной мере с племенами, участвовавшими в разгроме Греко-Бактрии, отмечая близость их как с сако-усуньскими, так и сарматскими племенами [62].

Углубляться в этот вопрос не считаю сейчас для себя возможным, так как необходим тщательный анализ всего накопленного материала. Я склонна присоединиться к точке зрения тех, кто связывает их с племенами, неоднократно, как это зафиксировано и письменными источниками, вторгавшимися в земледельческие районы Средней Азии [63]. Вполне правомочно предположение о проникновении какой-то части их, прохо-

---

[61] Г. В. Григорьев. Тали-Барзу. СОНАТ, 1938, 2, стр. 84—85; А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 230; Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники..., стр. 62; В. И. Козенкова. Гайрат-Тепе, стр. 235.

[62] А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Л., 1951, стр. 328—329; его же. Историко-археологические очерки..., стр. 328—329; С. С. Сорокин. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы. СА, XX, 1954, стр. 147; его же. Культура древних скотоводов в предгорьях Ферганы; Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк..., стр. 67—70; О. В. Обельченко. Кую-Мазарский и Лявандакский могильники — памятники древней культуры Бухарского оазиса. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1954, стр. 15—16; Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники..., стр. 128—139; там же, сводка литературы по этому вопросу; А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию. МИА, 136, 1966, стр. 161—162; его же. К вопросу об особенностях расположения памятников кочевого населения Северной Бактрии. Сообщ. Гос. Республиканского объединенного музея историко-краеведческого и изобразительных искусств. IV, Душанбе, 1966, стр. 22—29.

[63] С какой именно волной кочевников следует связывать ферганские могильники — пока сказать трудно, так как для этого необходима точная их хронология, которая пока еще не разработана. Вероятно, речь должна идти о неоднократном вторжении их в Фергану на протяжении длительного периода. Неясность этого вопроса сказалась и в последнем издании истории таджикского народа, где указанные могильники западной Ферганы фигурируют в трех главах для времени от III в. до н. э. до VI в. См. «История таджикского народа», 1, М., 1963, стр. 339—340; 392—396; 429—430.

дивших вблизи Ферганы через Ходжентские ворота в долину и освоивших, видимо, в первую очередь относительно свободные земли на юго-западе. Продвижение их на восток долины могло быть затруднено значительно более густой ее заселенностью и освоенностью там большей части земель под пахоту.

Весьма вероятно, что пришельцы привнесли сюда ремесленные навыки соседних областей, быстро распространившиеся в Фергане. Однако на юго-западе это же и придало некоторые особенности культуре.

Это не исключает, на мой взгляд, точки зрения С. С. Сорокина, рассматривающего эти племена как скотоводов, выделившихся из среды местного населения в период большого подъема производительных сил и освоения в связи с этим новых районов, предгорий. Думаю, что здесь надо учитывать оба момента. По-видимому, пришельцы быстро ассимилировались, вступили в тесный контакт с ферганскими земледельцами, принимая на себя роль «пастухов», обеспечивающих в первую очередь скотоводческое хозяйство долины.

Изложенная выше гипотеза появления в Фергане двух основных моментов: новой технологии изготовления керамики и нового типа погребального обряда — объясняет и отмеченные различия в культуре отдельных районов долины. Естественно, что на западе сильнее сохраняется влияние западных районов, в то время как далее на восток это влияние ослабевает и сильнее проявляются местные традиции.

Несомненно, что до полного анализа всего накопленного материала и создания твердой хронологии высказанные соображения остаются гипотезой, которая в какой-то степени все же объясняет некоторые моменты в сложении «кугайской» культуры и существование в Фергане в первой половине I тысячелетия н. э. локальных особенностей в разных районах.

N. G. Gorbounova

SUR LES PARTICULARITÉS LOCALES DANS LA CIVILISATION DE FERGANA

Résumé

Dans la civilisation de Fergana lors des premiers siècles de notre ère on peut noter des variantes locales à l'est, au centre, au nord-ouest et au sud-ouest de la vallée. C'est la civilisation de la région orientale où longtemps se conservent les traditions de la céramique peinte façonnée à la main qui est marquée par la plus grande particularité. Dans la période précédente au contraire, on constate une grande similitude de la civilisation des régions orientale et centrale à l'apposé de la civilisation du nord-ouest de la vallée (le sud-ouest probablement n'étant pas peuplé). Il est probable que la modification du territoire de la propagation des variantes locales témoigne du renforcement des rapports de Fergana avec ses voisins de sud-ouest et de l'afflux de population de ces régions-là.

Публикации

С. Н. ОРЛОВ

МАСТЕРСКАЯ КАМЕННОГО ВЕКА В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ РЕКИ МСТЫ

Русло р. Мсты на отрезке от Опеченского посада до города Боровичей на протяжении 31 *км* прорезает отложения известняков, имеет обрывистые берега и сильный уклон. На этом отрезке насчитывается до 30 крупных порогов. В отложениях известняка встречаются прослойки серого кремня. Такие прослойки или отдельные кремнистые конкреции достигают толщины 0,1—0,2 *м*.

Мастерская каменного века находится на правом берегу р. Мсты, в южном конце с. Еглы, в 9—10 *км* южнее г. Боровичей [1]. Она расположена на площадке первой надпойменной террасы, которая поднимается на 8,5 *м* над меженным уровнем реки (рис. 1). Плотный грязно-серый известняк сплошной стеной выступает здесь непосредственно из русла р. Мсты. В монолите известняка ясно прослеживаются три, а местами четыре прослойки кремня. Толщина прослоек кремня достигает 0,1—0,15 *м* (рис. 2). Цвет кремня серый, серо-желтоватый или грязно-серый. Часто прослойки кремня включают конкреции известняка.

Местонахождение мастерской было обнаружено боровичским краеведом П. Г. Николаевым в 1964 г. Летом 1965 г. Г. И. Ивановский и В. В. Гарновский вновь собрали здесь на поверхности вспаханного поля и на бичевнике массивные отщепы серого кремня и передали их в Боровичский музей. Весной 1966 г. в период весеннего паводка прибойный правый берег реки Мсты на месте мастерской оказался сильно размытым. Большие куски культурного слоя, покрытые дерном, сползли и повисли над обрывом берега. Склоны обрыва берега были усеяны отщепами и осколками кремня. Г. И. Ивановский сообщил об этом в Новгородский музей.

При осмотре памятника установлено, что отщепы и осколки серого известнякового кремня встречаются вдоль берега на протяжении всей ровной площади надпойменной террасы, которая имеет здесь форму полукруга. Концы дуги полукруга упираются в мысообразные выступы коренного высокого берега. Длина полукруга вдоль берега реки достигает 340 *м* и наибольшая ширина площадки — 35 *м*. Коренной берег поднимается здесь еще на 10 *м* над первой надпойменной террасой. Памятник интенсивно уничтожается не только паводками, но и карьером по разработке бутовой плиты и распашкой площадки.

[1] В Боровичском районе Новгородской обл. в 1966 г. работала совместная археологическая экспедиция Новгородского пединститута и Новгородского историко-архитектурного музея-заповедника. В экспедиции принимали участие научный сотрудник Новгородского музея Пахомов Н. П., краеведы города Боровичей Ивановский Г. И., Гарновский В. В. и 25 студентов-историков Новгородского пединститута.

Для исследования был выбран южный конец площадки, больше всего подвергавшийся разрушению. Раскоп I (длиной 60 *м*, шириной 4 *м*), ориентированный по линии север-юг, примыкал непосредственно к кручё обрыва подмываемого берега. В раскопе I, на склоне обырва и на бичевнике было собрано свыше 5000 осколков, отщепов серого кремня и обнаружены заготовки орудий.

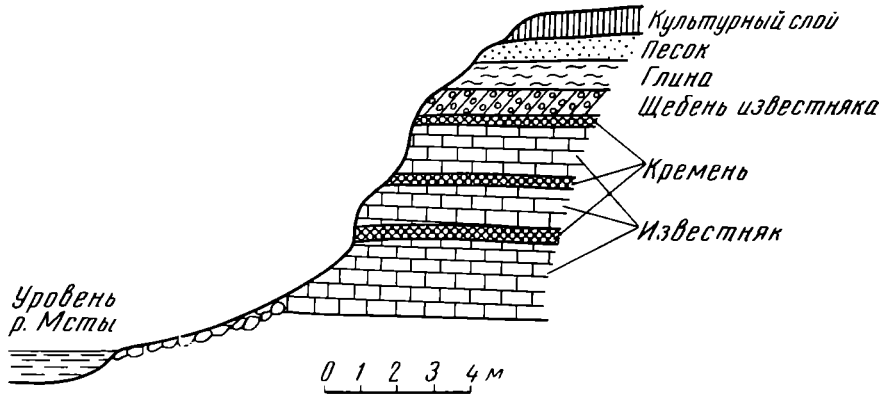


Рис. 1. Разрез отложений первой надпойменной террасы правого берега р. Мсты на месте мастерской каменного века

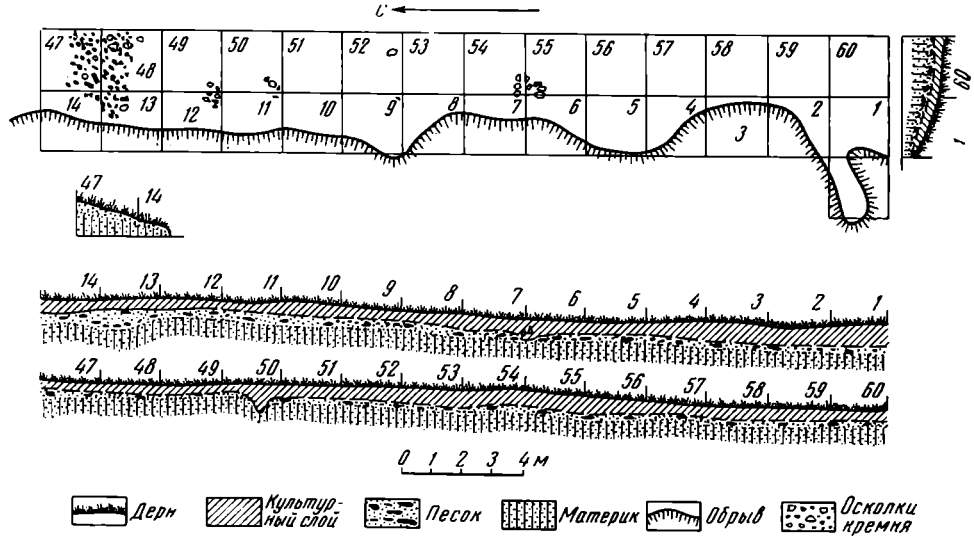


Рис. 2. План и разрезы южной части раскопа I

Мощность культурных отложений вдоль обреза берега была выявлена при его зачистке. Под дерном здесь залегает темно-серый мелкий песок, окрашенный перегноем. Толщина этого слоя около береговой линии достигает 0,5—0,7 *м* и к западу уменьшается до 0,2 *м*, а на месте современной пашни этот слой совсем исчезает. Под темным перегноем прослеживается предматериковый слой толщиною 0,2—0,3 *м* из светло-желтоватого мелкого песка с вкраплениями перегноя и угольков. Ниже залегает материковый светло-желтый песок, который на глубине 1 *м* от поверхности переходит в красную глину с валунами (рис. 3).

Верхний темный песок с перегноем образовался в результате культурных отложений позднего славянского поселения, которое было расположено вдоль берега р. Мсты на этой площадке. Здесь найдены обломки гончарной керамики с волнистым и линейным орнаментом XI—XII вв.[2], гвозди железные кованые с широкой шляпкой, кольцо железное (диаметр

[2] Коллекция хранится в Новгородском музее.

6 *см*), железная лопатка от «кляпцов» (капкана). В этом слое часто встречались кости животных; прослежена также одна небольшая яма.

В этом же слое, начиная с поверхности и до его основания, встречалось значительное количество кремневых отщепов и осколков, по своему виду ничем не отличавшихся от всего инвентаря, собранного на площади раскопа I. Следовательно, верхний горизонт позднего поселения был на-

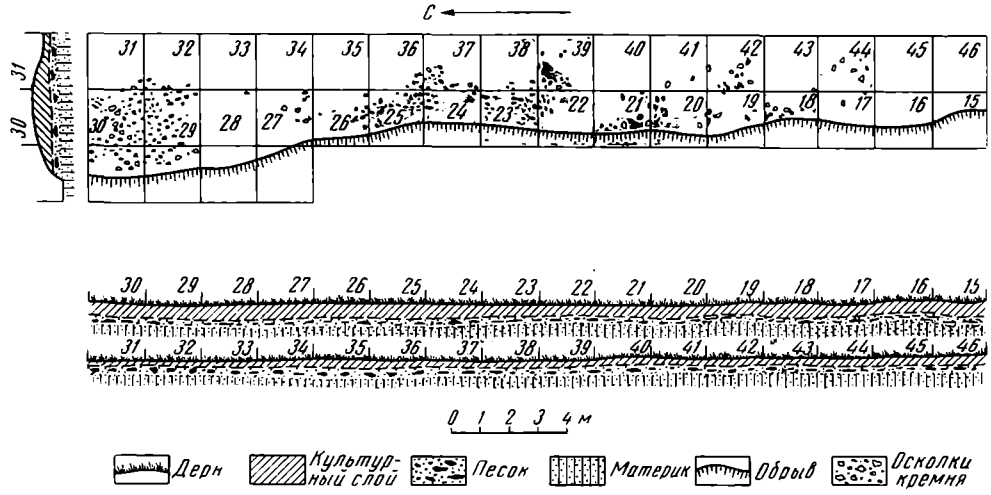


Рис. 3. План и разрезы северной части раскопа I

рушен, очевидно, пашней. При пахоте разрушался и верхний горизонт нижележащих культурных отложений мастерской каменного века, откуда и попал в верхний слой кремневый инвентарь.

Основные культурные отложения мастерской каменного века залегают в слое предматерикового песка ниже верхнего темного слоя. Этот слой имеет вид светло-желтого песка с примесью перегноя и пятен золы. Ме-

Находки по квадратам на площади раскопа I

№ квадратов	Число находок	№ квадратов	Число находок	№ квадратов	Число находок	№ квадратов	Число находок
1	32	16	286	45	131	60	38
2	4	17	107	44	213	59	22
3	90	18	246	43	147	58	48
4	44	19	624	42	120	57	74
5	57	20	327	41	116	56	300
6	84	21	151	40	100	55	--
7	50	22	210	39	150	54	340
8	--	23	336	38	117	53	
9	--	24	304	37	--	52	250
10	--	25	1800	36	140	51	
11	--	26	270	35	230	50	600
12	120	27	760	34	134	49	560
13	380	28	310	33	207	48	3926
14	390	29	1650	32	1740	47	8780
15	--	30	151	31		46	1476

стами встречались перегоревшие камни. Этот слой толщиной 0,15—0,22 *м* залегает на материковом, ненарушенном светло-желтом песке делювиального происхождения. Культурные отложения мастерской в предматериковом слое не были нарушены, что подтверждается расположением находок. Основные находки встречались в виде скоплений, даже в виде кучек. Основная масса находок обнаружена в восьми скоплениях (рис. 4). Скопления в кв. 13, 14, 47, 48, в кв. 29—32 (рис. 3) представляют собою целые

кучи кремневых осколков, отщепов и испорченных заготовок орудий. В скоплении в кв. 29—32 собрано свыше 3500 находок из кремня. В скоплении в кв. 13, 14, 47, 48 найдено 13 476 предметов. В большинстве своем находки на площади мастерской состоят из кусков кремня различной величины осколков, отщепов. Среди них имеется много прекрасных отщепов, пластинок, из которых могли быть изготовлены скребки, наконечники стрел и другие мелкие орудия.

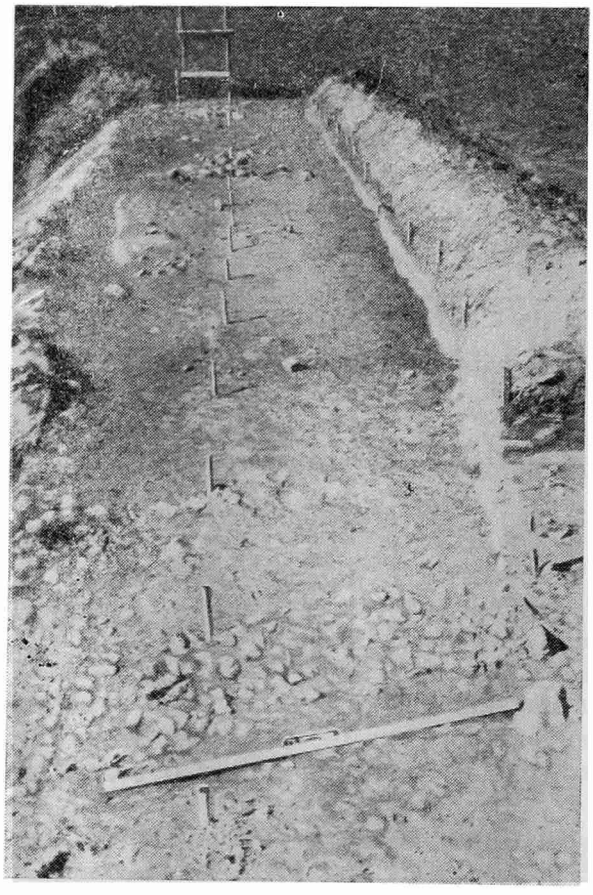


Рис. 4. Общий вид раскопа I

Распределение находок по квадратам приведено в сводной таблице.

Только при разборке культурного слоя в раскопе I на площади около 200 *м*^{2} найдено свыше 29 тысяч кремневых изделий и отходов от обработки кремня. При исследовании осыпи склонов берега на участке напротив раскопа их собрано еще свыше 5 тыс.

Из общей массы находок взято в музей 6205 предметов, которые дают полное представление о характере памятника. Ниже дается описание находок по группам.

Нуклеусов и их остатков найдено 133, из них целых только два, они имеют дисковидную призматическую форму. Нуклеус (инв. № 17657—20) имеет овальную площадку размером 15,5×12,5 *см* и общую высоту 5,5 *см*. С краев нуклеуса, по периметру его сбито не менее 15 отщепов, но в одном месте сохранилась еще естественная корка кремня (рис. 5, *1*), нуклеус (инв. № 1 7657—356) так же дисковидный, призматический, площадка овальная размером 7×4,7 *см*. Высота нуклеуса 5 *см*. Со всех сторон нуклеуса сбиты отщепы. Нуклеусы были выброшены, так как в них имеются включения известняка и сколы в этих местах не получились. Среди остатков нуклеусов имеются еще два подобных, дисковидных (инв. № 17657—306б, 306г). Все остальные обломки и остатки нуклеусов имеют цилиндрическую форму. Например, обломок нуклеуса (инв. № 17657—223) имеет размеры верхней площадки 7,5×5,5 *см* и нижней — 6,5×4,5 *см*. Высота — 8—8,5 *см*. С боковых частей нуклеусов сбито восемь широких отщепов (рис. 6). Обломок нуклеуса цилиндрической формы имеет с обеих сторон равные одинаковые площадки размером 11× ×10 *см*. Высота — 5—6,7 *см*. Все нуклеусы и их обломки были изготовлены из серого местного кремня, часто с характерной естественной коркой, которая имеет следы окиси железа.

Отбойников обнаружено семь. Два из них найдены в осыпи склона берега, остальные пять — в культурном слое. Два отбойника изготовлены из нуклеусов (инв. № 17657—345а и 254) и один — из обломка заготовки для топора (инв. № 17657—230). Все три орудия имеют массу выщербинок на концах от ударов. Отбойник из куска светло-серого кремнистого известняка имеет длину 8, наибольшую ширину 4,5 и толщину 2,5 *см*. Оба конца закруглены и испещрены множеством выщербинок от ударов. В серe-

дине орудия с одной боковой стороны имеется неглубокая выемка, которая образовалась также от множества выщербинок. Очевидно, орудие выполняло роль небольшой наковальни. Отбойник из серого кремня имеет округлую яйцевидную форму, размером 10,5×6,5 *см*. Он изготовлен из естественного желвака цилиндрической формы и покрыт густой темной патиной. Концы орудия имеют многочисленные выщербинки от ударов. Отбойник найден не в раскопе, а при расчистке откоса берега, против кв. 2—3

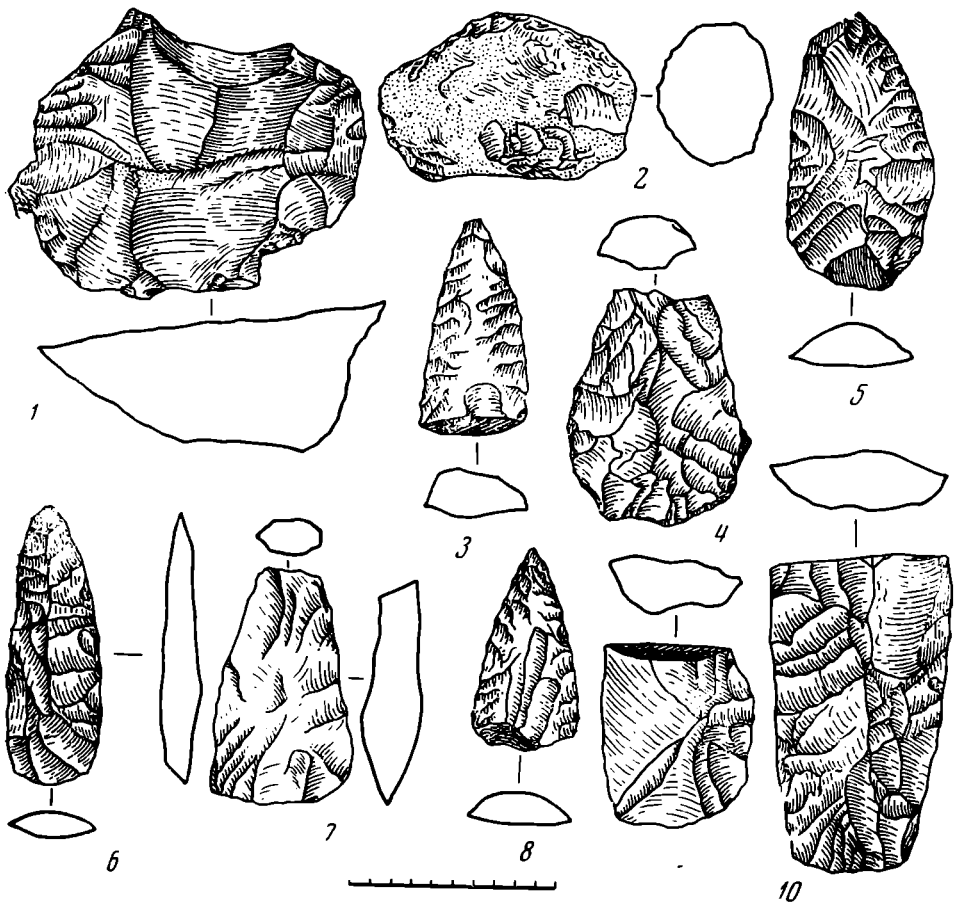


Рис. 5. Кремневые находки из раскопа I

1 — нуклеус; *2* — отбойник; *3* — верхняя часть топора; *4* — нижняя часть топора; *5* — заготовка топора; *6* — заготовка тесловидного орудия; *7* — обломок нижней части топора; *8* — верхняя часть топора; *9* — обломок нижней части топора; *10* — нижняя часть тесла

(рис. 5, *2*, рис. 7). Отбойник (инв. № 17657—348) также представляет собою обломок кремневой конкреции цилиндрической формы диаметром 4,2 *см* и длиною 6,5 *см*. Края имеют характерную сбитость от многочисленных ударов.

Два кремневых орудия служили, очевидно, наковальнями-подставками. Одна из них (инв. № 17657—320а) представляет собою кремневую пластину размером 18×11 *см* и толщиною 3—3,5 *см*. Бока пластины ровные, на них сохранилась естественная корка местного известнякового кремня. Оба длинных ребра пластины предварительно обработаны, что видно по сколам, которые обнажают серый цвет кремня. На одном из ребер (нижняя грань) сделана сколами искусственная выемка длиной 8,5 и глубиной 1,5 *см*. Выемку с боков ограничивают закраины, которые препятствовали скольжению орудия в стороны. Второе ребро пластины (верхняя грань) отработана боковыми сколами так, что ей придана ровная поверхность с четкими боковыми гранями. По всему периметру площадки верхней грани имеются многочисленные выщербинки, сплошная сбитость от многочисленных ударов (рис. 8). По-видимому, выемка на одной из граней позволяла закреплять орудие так, чтобы верхняя грань была неподвижной и

могла служить наковальней-подставкой при обработке кремневых орудий.

Вторая наковальня (инв. № 17657—552) представляет собой естественную кремневую конкрецию 7,5 *см* цилиндрической формы (диаметр 7 × 6,5 и 5,5 × 6,0 *см*). Оба конца имеют ровные площадки. Более широкая площадка не имеет следов работы, а на противоположной по всему периметру имеются многочисленные сбитости от мелких ударов.

Рис. 6. Остаток нуклеуса

Рис. 7. Кремневый отбойник

Заготовок или обломков крупных рубящих орудий найдено 79. Из них топоровидных — 70 и теслообразных — 9. Целых заготовок топоровидных рубящих орудий всего шесть. Заготовка крупного рубящего орудия (инв. № 17657—227) имеет длину 23 *см*, ширина рабочего края 10 *см* и наибольшая толщина 5 *см*. Изготовлена она из обломка кремневой пластины и на боках видны еще следы корки. Рабочий край орудия имеет полукруглую форму, а противоположный, верхний — клиновидную (рис. 9).

Заготовка рубящего орудия длиной 15,5 *см* имеет ширину рабочего конца 9,5 *см* и противоположного — 5,7 *см*. Изготовлено орудие из кремневой пластины путем грубой двусторонней обивки (инв. № 17657—40). Наибольшая толщина орудия 3,5 *см*.

Заготовка топора (инв. № 17657—37) имеет хорошо отработанное мелкими чешуйчатыми сколами лезвие. Длина орудия 11,4, наибольшая ширина 5,5 и толщина 2,5 *см* (рис. 5, *5*). Среди обломков заготовок топоровидных орудий часто встречаются уже почти полностью обработанные орудия, но испорченные и потому выброшенные. Таких находок имеется свыше семидесяти. Ниже приводим описания нескольких.

Обломок нижней части топора. Хорошо выражен рабочий край, имеющий округлую форму шириной 6,7 *см*. Длина обломка орудия 10,2 *см*, наибольшая ширина 7 и толщина 3 *см* (рис. 5, *7*).

Обломок нижней части заготовки топора (инв. № 17657—4) имеет хорошо выраженное лезвие шириной 6 *см*. Длина обломка 7,5 и толщина 3 *см* (рис. 5, *9*). Найдены два топора, изготовленные полностью с хорошо сработанным острым лезвием, но с обломанными обушками. Первый топор имеет размеры в длину 10 *см* и наибольшую ширину 5 *см* при толщине 2,2 *см*. Второй примерно таких же размеров (рис. 5, *4*). Шесть находок

представляют собою обломки верхних частей кремневых топоров, обработанных отжимной ретушью. Форма обушной части у всех одинакова — в виде треугольника (рис. 10, *1* и 5, *3, 8*).

Заготовок и обломков тесловидных крупных орудий найдено девять находок. Обломок хорошо обработанного отжимной ретушью кремневого тесла с желобчатым рабочим краем (инв. № 17657—3) имеет длину 13, наибольшую ширину 7 и толщину 2 *см*. Ширина желобчатого рабочего

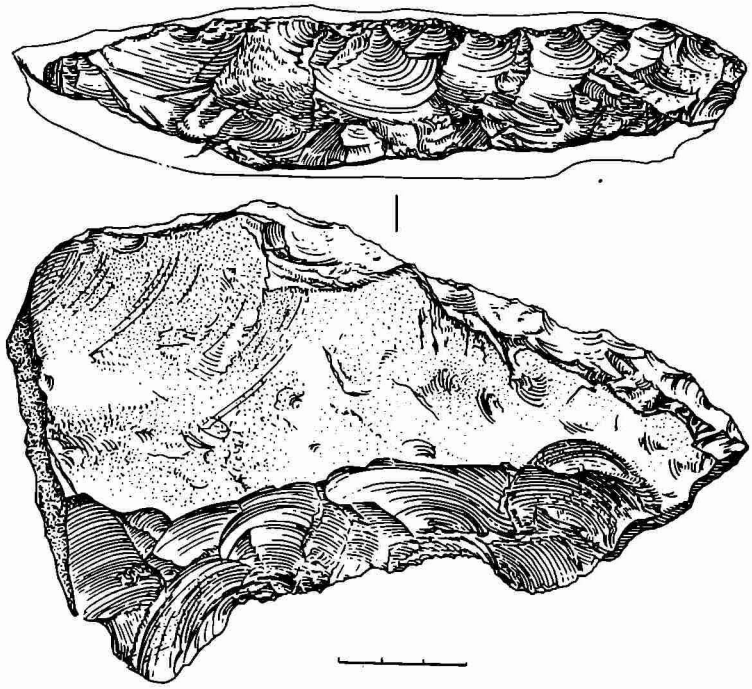


Рис. 8. Наковальня из кремневой пластины

края 4,5 *см* (рис. 5, *10* и 11, *2*). Две находки (инв. № 17657—15 и 363) представляют собой обломки нижних частей кремневых тесел, хорошо обработанных отжимной ретушью, с желобчатым рабочим краем. Размеры орудий соответственно: длина 6,2 *см* при наибольшей ширине 5,6 и толщине 1,5 и 6,7×4×1,2 *см*.

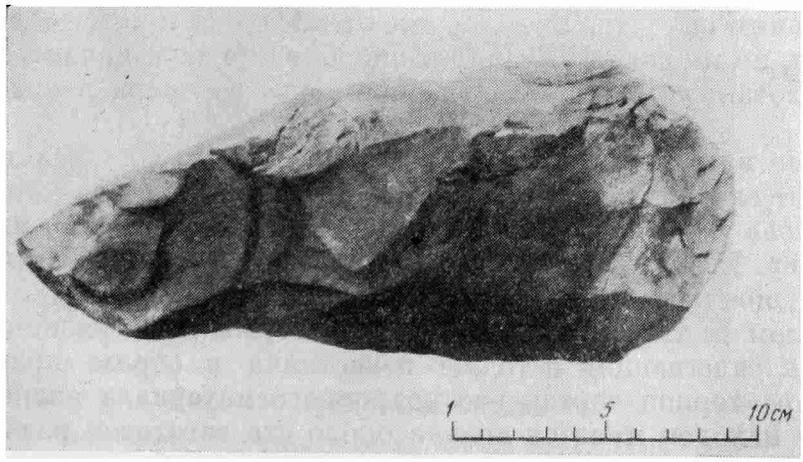


Рис. 9. Заготовка топора

Имеется шесть целых заготовок тесловидных орудий с первичной обработкой. Некоторые заготовки частично обработаны отжимной ретушью. Рабочий край у всех орудий полукруглый и лезвие сдвинуто к одной стороне, верхние обушные части, как и у топоров имеют подтреугольную форму.

Размеры заготовок колеблются в длину от 6 до 12 *см*, в ширину от 3,7 до 6,7 и в толщину от 1,5 до 3 *см* (рис. 5, *б*).

Скребков найдено шесть. Пять из них являются законченными орудиями, но без следов сработанности. Все скребки изготовлены на широких кремневых отщепах, имеют полукруглый рабочий край, обработанный крутой ретушью со спинки. Скребки крупные, длина их от 3,5 до 7 *см*, при ширине от 4 до 6,5 *см* и толщине от 1 до 2,5 *см* (рис. 11, *1*).

Собрана большая коллекция орудий, которые, очевидно, использовались как скобели (всего 47 шт.). Это кремневые отщепы или пластины с выемкой на боковых частях, обработанной крутой ретушью. Например, скобель (инв. № 17657—27) изготовлен на боковой части кремневого отщепа, размеры которого 4×2 *см* при толщине 0,9 *см*, выемка шириной 0,7 и глубиной 0,5 *см*. Скобель (инв. № 17657—6) изготовлен на кремневом отщепе размером 7,5×6,00 *см* при толщине 0,5—1 *см*. Полукруглая выемка имеет ширину 1,5 *см* и глубину 0,5 *см* (рис. 11, *2*). Скобель на удлиненной кремневой пластинке размером 6,5×3,7 *см* при толщине 0,6 *см* имеет две боковых выемки шириной 0,6 и 0,7 *см* (инв. № 17657—22). Выемки часто имеют выщербины от употребления их в работе. Такими орудиями с успехом могли обрабатывать деревянные и костяные стержни.

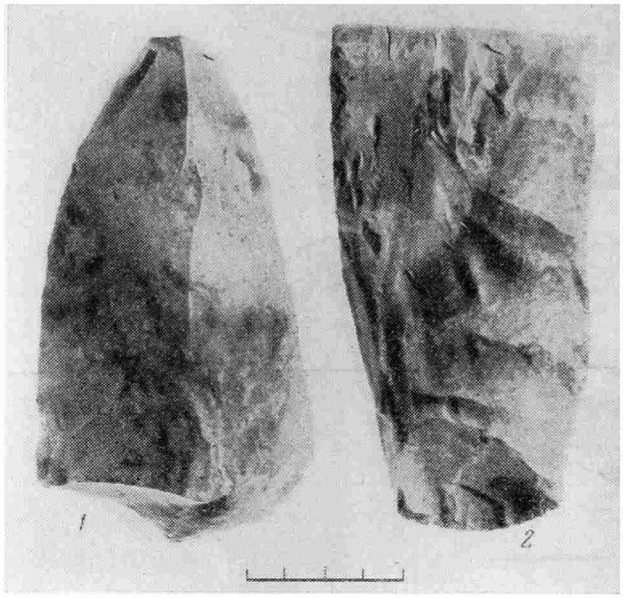


Рис. 10. Обломки заготовок кремневых орудий

О том, что дерево обрабатывалось на месте мастерской, свидетельствуют находки кремневых отщепов и пластинок с острыми режущими краями, которые имеют сплошные выщербинки и заполированность. Зафиксировано 78 таких находок. Все они имеют на одной или на обеих сторонах выщербинки, но не ретушь. Такие выщербинки могли появиться в результате использования острой стороны кремневого отщепа в виде режущего орудия.

Остальные находки представляют собой отщепы или пластинки, которые не имеют следов работы. Среди них 40 ножевидных пластинок длиною до 16 *см*, около 300 пластинчатых отщепов и 5593 отщепов, имеющих округлую форму. Из каждого такого отщепа мог быть легко изготовлен скребок или режущее ножевидное орудие.

Материалом для всех изделий служил серый или грязно-серый местный кремень, залегающий в толще известняка в обрезе правого берега р. Мсты. Характерной чертой рассмотренного материала является то, что из 30 тысяч находок имеется только около ста заготовок различных орудий, и то в основном испорченных. Только пять скребков на отщепах можно признать за вполне законченные орудия, но еще не бывшие в употреблении.

Интересную находку (раскоп I) представляют два орудия, изготовленные из цветного, не местного кремня: кремневый топор (инв. № 17657—369, рис. 12, *1*) и скребок на округлом отщепе, изготовленный из темно-коричневого, валунного кремня (инв. № 17657—19). Скребок имеет следы сработанности рабочей части. По форме же скребок тождественен скреб-

кам из серого кремня, и, возможно, служил моделью при их изготовлении (рис. 12, *2*). Формы скребков на широких отщепах с округлым рабочим краем характерны для периода развитого и позднего неолита [3]. Эта предварительная дата времени существования мастерской подтверждается и единственным пока фрагментом от лепного горшка, найденного на раскопе I и в кв. № 47. Обломок боковой стенки горшка найден в темном пе-

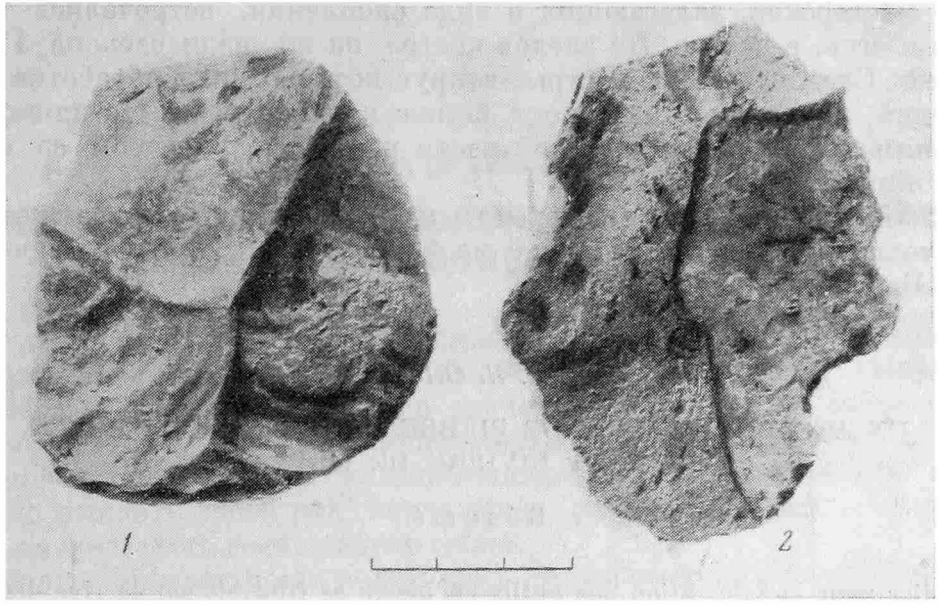


Рис. 11. Кремневые орудия

1 — скребок; *2* — скобель

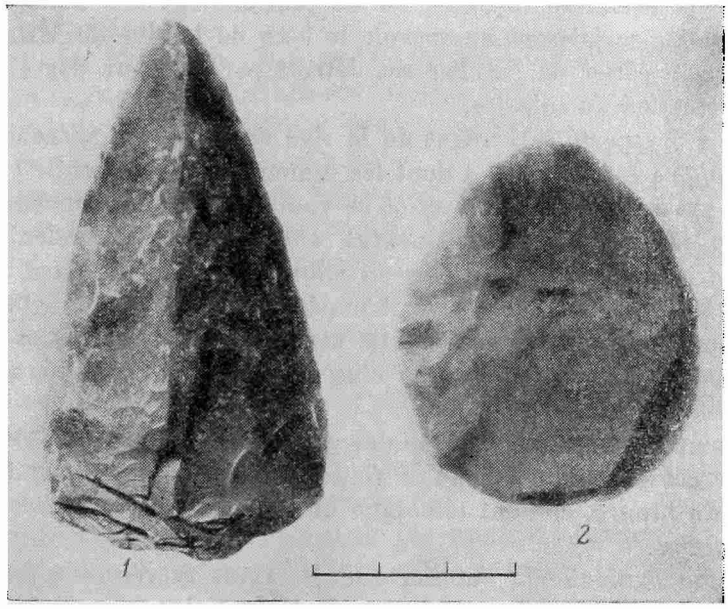


Рис. 12. Кремневые орудия

1 — топор со сбитым рабочим краем; *2* — скребок

регное на глубине 0,45 *м*, выше предматерикового слоя, где залегают основные находки мастерской. Обломок имеет размеры 5,5×5 *см* и толщину стенки 0,6—0,8 *см*. Глина содержит примесь крупных кусочков шамота.

[3] См. Н. Н. Гурина. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР., МИА, 87, 1961, стр. 49 и 463.

Орнамента нет, на внутренней стороне просматривается легкая штриховка от затирки. Линии штрихов имеют разное направление. Такая керамика встречается в этих районах на стоянках позднего неолита [4]. Но основное время бытования мастерской относится, очевидно, к развитому неолиту.

Основная часть мастерской, очевидно, находилась ближе к обрыву берега реки, на площади же раскопа I она уничтожена в результате разработки известняка со стороны русла реки. Это доказывается тем, что среди отходов мастерской, залегающих в виде скоплений, встречались кремни, бывшие в огне, в костре. Но следов костра на площади раскопа I не обнаружено. Следовательно, костры, вокруг которых шла обработка заготовок орудий, находились на берегу, ближе к руслу реки. По нашим представлениям коренной берег в этой части разрушен карьером со стороны реки на ширину 10—12 *м*.

Ближайшей аналогией мастерским на берегах р. Мсты служат места по изготовлению каменных орудий на базе залежей местного кремня на берегах Волги в районе г. Ржева [5].

S. N. Orlov

UN ATELIER DE L'ÂGE DE PIERRE DANT LE COURS MOYEN DE LA RIVIÈRE DE MSTA

Résumé

L'atelier pour la fabrication des outils en pierre se trouvait sur la rive droite de la rivière de Msta, à 9 km de la ville de Borovitchi, près du village de Jégly (région de Novgorod). En qualité de matière première, l'atelier se servait du silex gris-jaune formant des couches dans l'épaisseur de calcaire gris qui compose le fondement des rives de la rivière pleine de rapides. Les hommes primitifs montaient des fragments de silex sur le terrain de la première terrasse, où ils fabriquaient des outils et leurs modèles. Les traces de l'atelier se laissent apercevoir le long de la rive de Msta sur une étendue de 340 m. Le terrain côtier de l'atelier est détruit par les eaux des grandes crues et la carrière pour l'extraction du calcaire.

L'expédition a prospecté le versant de la rive de Msta, les glissements de la couche culturelle et a fondé les fouilles N 1 dont les dimensions atteignent 60 × 4 m. La couche culturelle a une grosseur de 0,4—0,9 m et se compose de l'horizon supérieur labourable et du sable d'un jaune clair précontinental, entremêlé de parcelles de terreau et de cendre. La masse principale des articles en silex a été trouvée dans la couche précontinentale et sur les versants de la rive. L'expédition a rassemblé plus de trente mille objets en silex dont deux enclumes, plus de cent restes de nucléus et près de 80 modèles d'outils à fendre. On n'a trouvé que cinq grattoirs. Ils sont tous fabriqués sur de larges éclats du silex local.

D'après son emplacement et la forme des grattoirs, le monument est daté de l'époque néolithique. Mais cet endroit a été aussi visité par des hommes aux temps du néolithe tardif et à l'âge du bronze, ce dont témoigne un fragment de pot modelé sans ornement, mélangé de chamotte.

La plus proche analogie de l'atelier sur Msta est représentée par les lieux de la fabrication des outils en pierre dans le bassin du Haut Volga.

---

[4] М. П. Зимина. Стоянки позднего неолита и бронзы в Новгородской и Калининских областях. СА, 1968, 2, стр. 136—158.

[5] Л. Я. Крижевская. Неолитические мастерские Верхнего Поволжья. МИА. 13, 1950, стр. 55—69.

В. Ф. СТАРКОВ

КОКШАРОВО I — МНОГОСЛОЙНЫЙ ПАМЯТНИК НЕОЛИТА И БРОНЗЫ В СРЕДНЕМ ЗАУРАЛЬЕ

В 70 *км* к северо-востоку от Нижнего Тагила расположена группа озер, в которую входят Басьяновское, Юрьинское и Шайтанское (Моршининское) озера, в настоящее время в значительной степени заболоченные.

Археологическое изучение прибрежных пространств этих водоемов, проводимое в последние годы Нижнетагильским краеведческим музеем, позволило выявить здесь ряд памятников различных эпох — от раннего неолита до железного века включительно.

Наибольшую известность в последнее время получил расположенный на юго-западном берегу Юрьинского озера многослойный памятник — Юрьинское поселение с «курганом», где обнаружены слои, относящиеся к ранней фазе уральского неолита. В 5 *км* к северу от этого поселения на том же озере расположены еще два памятника — I и II Кокшаровские стоянки, открытые в 1955 г. А. И. Россадович. В 1966 г. было начато изучение I Кокшаровской стоянки.

Вскрытый тогда участок был небольшим (28 $м^2$), но обнаруженные здесь погребения вызывают особый интерес к этому памятнику.

Поселение расположено в 350 *м* северо-западнее с. Кокшарово, на низком коренном берегу Юрьинского озера. Площадка поселения довольно ровная, кочковатая, без видимых перекопов. С северной стороны она ограничивается узким руслом заболоченной реки (местное название Протока). Мыс выделяется четко, но в самой оконечности нивелируется заболоченным участком. С восточной стороны к стоянке примыкают колхозные поля, вдоль которых в с. Кокшарово ведет грунтовая дорога.

Культурный слой поселения толщиной 37—50 *см* — однородный черный гумус без каких-либо пятен. Под ним желтая глина с песком без культурных остатков.

При раскопах было собрано 667 предметов, куда входят изделия из глины (посуда) и камня (орудия и отщепы).

Типологический анализ керамики позволяет наметить две большие группы, отличающиеся друг от друга как формой сосудов, так и видами орнамента.

Первая группа керамики характеризуется остродонными сосудами, орнаментированными сплошь, ведущее место в орнаменте занимают оттиски гребенчатого штампа.

Ко второй группе относятся сосуды в форме горшка, покрытые сложными меандровыми узорами, широкими ломаными поясками, валиками и ромбической сеткой, нижняя часть большинства сосудов не орнаментирована.

Как будет показано ниже, внутри этих групп можно наметить еще целый ряд подразделений, связанных с типологическими и хронологическими признаками.

Распределение керамики по глубинам характеризуется следующими показателями:

Глубина, *см*	Керамика I группы, %	Керамика II группы, %
0—15	20	80
15—30	24	76
30—45	Ок. 45	Ок. 55
Зачистка материка (до 50 *см*)	Ок. 73	Ок. 27

Как видно из приведенных данных, керамика первой группы залегает довольно компактной массой лишь в самых нижних слоях стоянки, не располагаясь, по-видимому, выше 10—15 *см* от материка.

Это позволяет нам разделить весь культурный слой стоянки на два горизонта — верхний, с керамикой второй группы (его мощность до 35 *см*), и нижний, с керамикой первой группы (мощностью 10—15 *см*).

В керамике нижнего горизонта выделяются три типа посуды. Первый представлен фрагментами 10 сосудов. Сосуды закрытого типа, с наплывом на внутренней стороне венчика, круглодонные. Примесь глины — песок и тальк, реже — измельченная слюда. Орнамент покрывает весь сосуд, размещаясь по нему в виде горизонтальных зон. Узоры выполнены оттисками гребенчатого штампа. Штампы многозубые, 2—3 *см* длиной. Этим инструментом наносились узоры в виде вертикальных полос, горизонтальных поясов из ломаных линий в один или два ряда, рядов горизонтальных оттисков, иногда заключенных в треугольнике зоны. Встречаются узоры, нанесенные способом «шагающей гребенки», на некоторых черепках имеются редко поставленные ямки (рис. 1, *2*). На одном сосуде встречен элемент прочерчивания: наклонные полосы, выполненные гребенкой (рис. 1. *1*). Сочетание оттисков гребенчатого штампа с прочерченными волнистыми линиями характерно для неолитической керамики полуденковского типа. Однако если полуденковская керамика характеризуется решительным преобладанием прочерченных узоров, то в нашей коллекции такой рисунок встречен лишь однажды. Это указывает на относительно поздний возраст полуденковской керамики и сближает ее с керамикой стоянки Чэс-тый-яг, Сортынья [1], с сосудами из средней землянки на Нижней Макушке [2] и с сосудами из других памятников, относящихся к позднему неолиту Зауралья. Хронологически эти памятники укладываются в пределы второй половины III тысячелетия до н. э. Отсутствие абсолютных дат для поздненеолитических памятников Зауралья (с посудой, украшенной оттисками гребенчатого штампа) не позволяет пока дать более точное их определение.

Фрагменты 10 сосудов представляют второй тип керамики нижнего горизонта. Она характеризуется присутствием так называемого ложношнурового орнамента. Эта поздняя разновидность приема «отступающей палочки», когда узоры наносились не всей шириной инструмента, а под очень острым углом (рис. 1, *3, 4,*). Сосуды этого типа уже утрачивают характерный для неолитической посуды наплыв на внутренней стороне (в некоторых случаях он сохраняется, но становится округлым, и венчик несколько отгибается наружу) (рис. 1, *4*), чаще венчик прямой, прпостренный. Посуда с таким орнаментом характерна для Липчинской стоянки в Тюменской области [3], встречена она на Первой Чебаркульской стоянке [4],

[1] В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская, И. А. Талицкая. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, 35, 1953, стр. 16, табл. III.

[2] Е. М. Берс. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1963.

[3] В. Н. Чернецов и др. Ук. соч., стр. 39, табл. XIV.

[4] Н. П. Кипарисова. Чебаркульская неолитическая стоянка. КСИИМК, 59, 1955, стр. 58.

Аятском поселении[5] и на ряде других памятников. На Аятском поселении слой с ложношнуровой керамикой перекрывает подстилающий горизонт, содержащий материал эпохи позднего неолита, и является, таким образом, хронологически более поздним. В. Н. Чернецов также относит Липчинскую стоянку к энеолитическому периоду и датирует ее рубежом III—II тысячелетий до н. э.[6]

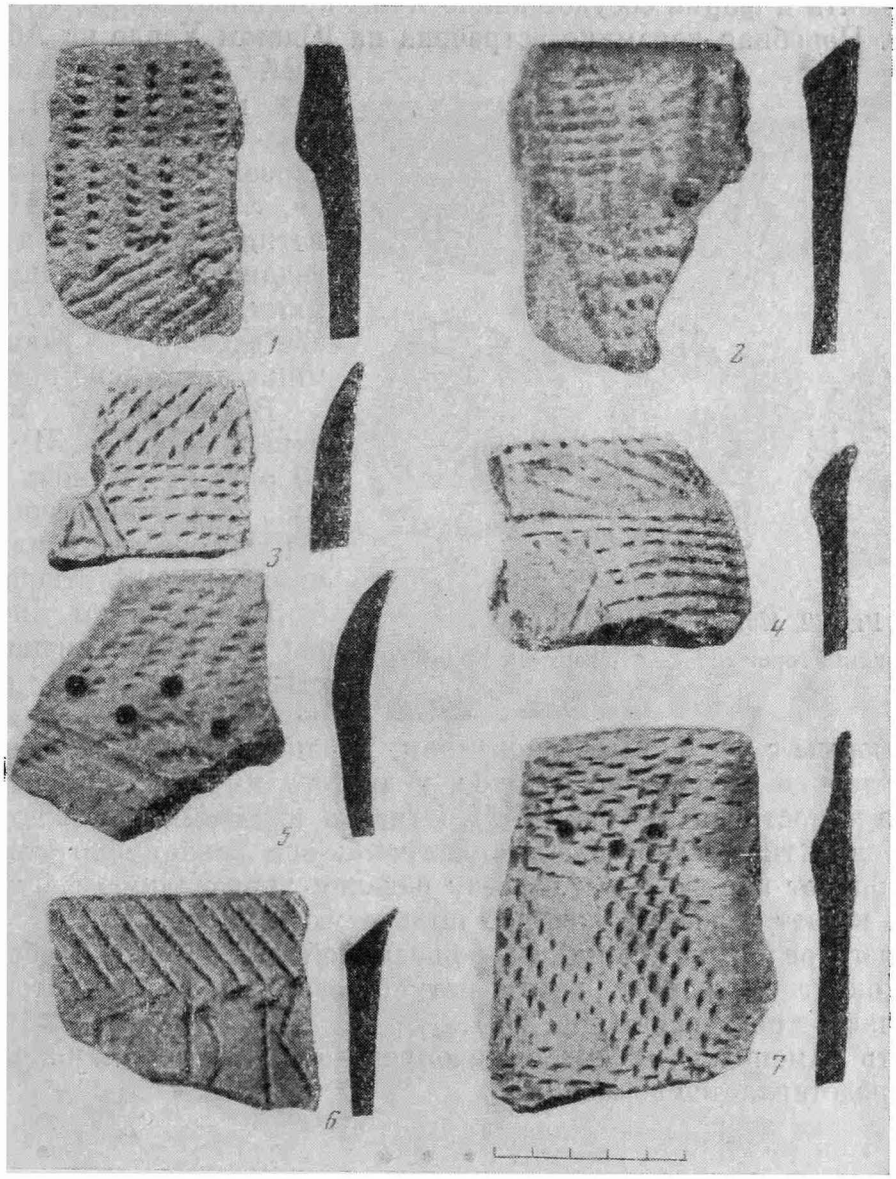


Рис. 1. Керамика нижнего горизонта

1, 2 — неолитическая керамика, *3, 4* — энеолитическая керамика, *5—7* — керамика эпохи ранней бронзы

Третий тип керамики нижнего горизонта представлен фрагментами 19 сосудов. Это остродонные сосуды с прямым или слегка отогнутым наружу венчиком. Венчик теряет наплыв на своей внутренней стенке, обычно он несколько приострен. Иногда этот выступ еще сохраняется, но становится очень вытянутым и пологим (рис. 1, *7*). В примеси глиняного теста главный компонент — тальк. Сосуды украшены сплошь, узоры сильно разрежены и размещены по тулову в виде горизонтальных или, реже, вертикальных зон. Большинство орнамента выполнено гребенчатым штампом. Этим инструментом наносили наклонные оттиски, размещенные по сосуду

[5] Е. М. Берс. Ук. соч., стр. 52, рис. 10.
[6] В. Н. Чернецов и др. Ук. соч., стр. 42.

в виде концентрических поясов, и различные геометрические фигуры — ромбы и треугольники, заштрихованные сплошь (рис. 1, *7*), или полые, обозначенные лишь контуром (рис. 1, *5, 6*).

Типологически эта посуда примыкает к керамике эпохи ранней бронзы из Аятских поселений[7], где перечисленные выше признаки орнаментации — незаштрихованные ромбы и треугольники, горизонтальные пояса из наклонных оттисков гребенчатого штампа, а также характер размещения орнамента и форма сосудов аналогичны признакам публикуемой нами керамики. Подобная керамика встречена на Южном Урале на Абселямовской[8] и Иткульской[9] стоянках, которую Н. П. Кипарисова справедливо отнесла к первой стадии бронзового века, т. е. к началу II тысячелетия до н. э. Эта дата справедлива и для нашей керамики, если учесть присутствие здесь более ранней керамики липчинского типа.

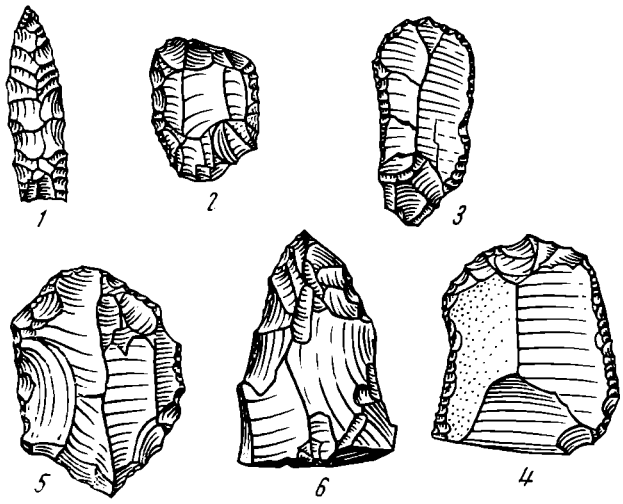


Рис. 2. Изделия из кремня

1, 2 — нижний горизонт; *3—6* — верхний горизонт

В каменном инвентаре нашей стоянки 31 предмет: 10 орудий (1 нож, 1 скребок, 2 наконечника стрелы, 6 шлифовальных плит в обломках) и 21 отщеп.

Наконечники изготовлены из кремня низкого качества. По внешнему виду они однотипны — вытянутой иволистной формы с усеченным основанием. У одного из них основание слегка закруглено и приострено с боков, у другого имеет неглубокую выемку, также приостренную (рис. 2, *1*). Отделка изделий двусторонняя, тонкая. Особенно тщательно обработаны грани: они равномерно утоньшаются, что придает поперечному разрезу изделия линзовидную форму. Боковые края имеют слабовыраженную пильчатую отделку.

Нож изготовлен из кремня, на ножевидной пластинке. Скребок неправильной округлой формы, круто ретушированный с трех сторон, его тыльная часть приострена (рис. 2, *2*).

Связать каменный инвентарь с определенными группами керамики пока не представляется возможным.

* * *

Верхний горизонт поселения достигает глубины 35 *см* от дневной поверхности. Для него характерна посуда со следующими типологическими признаками: дно плоское, венчик отогнут наружу, в тесте довольно много слюды. Характерные элементы орнамента — меандры, валики под горлом сосуда, украшенные елочкой, широкие желобки. Большинство сосудов орнаментировано только в верхней части.

В керамике этого горизонта можно выделить три самостоятельных типа.

Первый тип представляют семь плоскодонных сосудов с отогнутым наружу венчиком. Орнамент покрывает сосуд сплошь, иногда орнаментировано дно (рис. 3, *1*). Узоры выполнены гладким и гребенчатым штампами. Типичным видом орнамента являются широкие ломаные пояса или меан-

[7] Е. М. Берс. Ук. соч., стр. 33, рис. 5.

[8] Н. П. Кипарисова. О культурах лесного Зауралья. СА, 1960, 2, стр. 14, рис. 6, 19.

[9] Там же, рис. 4, *4*.

дры, оконтуренные рельефными полосами и заштрихованные изнутри косыми оттисками гребенчатого штампа (рис. 3, *1, 2,*). Этой посуде мы находим аналогии в керамике черкаскульского типа, выделенного впервые К. В. Сальниковым[10]. Некоторой особенностью публикуемой керамики является размещение орнамента. Здесь она украшена сплошь, тогда как К. В. Сальникову были известны сосуды, орнаментированные лишь в верхней части. Но это особенность, скорее, не типологического, а хронологического характера.

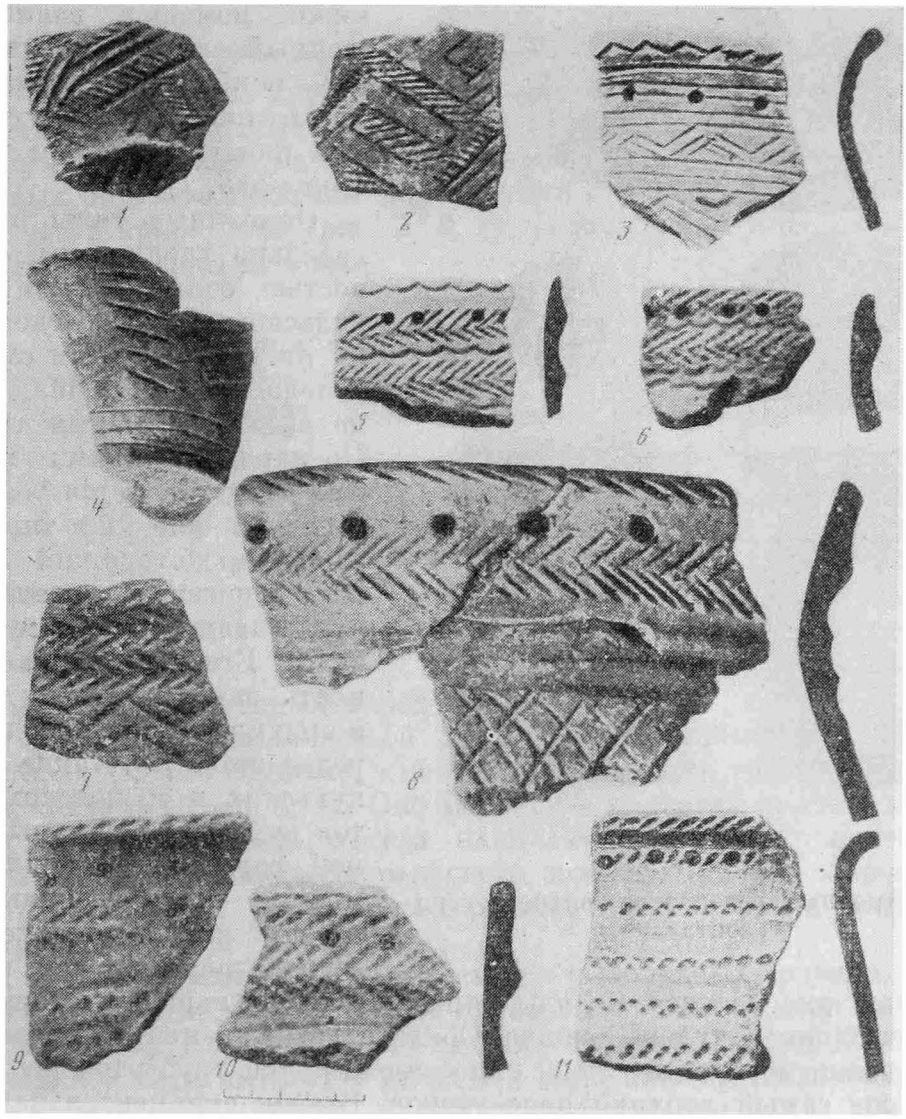


Рис. 3. Керамика верхнего горизонта

1—4 — черкаскульского типа, *5—8* — межовского типа, *9—11* — переходного типа

К этой керамике примыкает серия обломков от четырех сосудов, которая, видимо, представляет второй тип черкаскульской керамики. Она характеризуется сплошной орнаментацией посуды и горизонтальным членением узоров без интервалов между ними. Основные виды орнамента — прямые или ломаные линии, группирующиеся в горизонтальные зоны (рис. 3, *3, 4*). По венчику нанесены круглые ямки. Мотив прямых и ломаных линий в горизонтальном членении хорошо известен нам по пред-

[10] К. В. Сальников. Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы. ВАУ, 6, Свердловск, 1964.

шествующим — неолитическим традициям. Встречается он и в комплексах черкаскульской культуры, например на селище у оз. Березовского [11].

В верхнем слое поселения найдены обломки от 11 сосудов типичного межовского облика. Посуда толстостенная, венчик слегка отогнут наружу, дно плоское. Среди примесей к глине господствует слюда, иногда в виде довольно крупных фрагментов. Орнамент покрывает лишь верхнюю часть сосуда, располагаясь в виде слаборазреженных горизонтальных зон. Верхняя часть орнамента — редко поставленные круглые ямки, ниже помещен валик, украшенный елочкой; в нижней зоне — ромбическая сетка или ломаные пояса, оттиснутые гладким или гребенчатым штампом (рис. 3, *5, 7*).

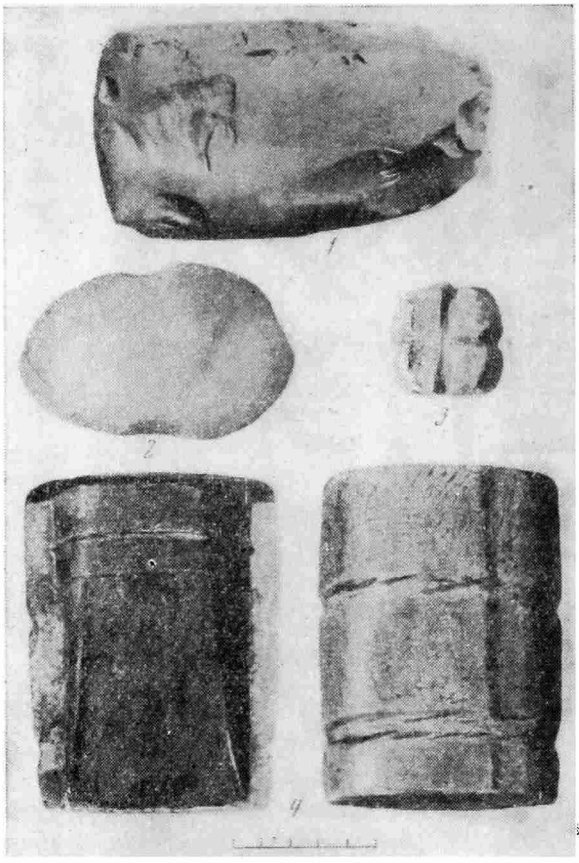


Рис. 4. Каменные изделия из верхнего горизонта

Описанные типы керамики довольно характерны, они полностью соответствуют черкаскульскому и межовскому облику посуды, и в этом смысле их типологическая принадлежность не вызывает особых сомнений. Но наряду с этими группами нам представляется возможным выделить еще один тип посуды, также происходящий из верхнего горизонта поселения: он представлен обломками 10 сосудов. Его характерная особенность заключается в том, что в орнаментации наблюдается определенное сочетание черкаскульских и межовских элементов орнамента. Сосуды горшечной формы, имеют широкое открытое горло, венчик слегка отогнут наружу, шейка толстая, плавно переходящая к раздутым бокам, дно плоское. Сосуды украшены очень нарядно: узоры покрывают примерно $^2/_3$ тулова горшка. Обязательным элементом орнамента являются ямки, четкие, круглые, нанесенные полой трубчатой костью. Они составляют самый верхний пояс узоров. Вторая орнаментальная зона — валик, украшенный елочкой. Ниже идет ряд широких желобков, а затем меандры (или заменяющие их крутые ломаные полосы) или ромбическая сетка, прочерченная палочкой (рис. 3, *8, 10*).

Керамика этого вида имеет несомненное сходство с керамикой как черкаскульского, так и межовского типа. К. В. Сальников, давая характеристику черкаскульской керамике, указывал, что для нее характерно наличие широких желобков, треугольных фестонов, резных зигзагов и заштрихованных изнутри меандров. Керамика межовского типа характеризуется наличием валиков (главная деталь), елочки и ромбической сетки [12]. Сочетание этих элементов на одном сосуде наводит на мысль о том, что керамика этого типа характеризует тот момент в истории племен черкаскульской культуры, когда происходил переход от собственно черкаскульского к ее межовскому этапу,— явление, не отмеченное ранее.

---

[11] Там же, стр. 13, рис. 3, *1, 2*.
[12] Там же, стр. 11—17.

Одновременно с этой керамикой существовал другой тип посуды с орнаментом, выполненным коротким гребенчатым штампом в два или три зубца. Им нанесены узоры в виде концентрических поясов из наклонно поставленных оттисков и поясов ломаных линий; сверху нанесены ямки. Орнамент сильно разрежен, нижняя часть сосуда не орнаментирована. О синхронности этих типов керамики свидетельствует тот факт, что в погр. № 2 (о котором пойдет речь ниже) оба указанных вида встречены в одном комплексе (рис. 7).

* * *

Состав каменного инвентаря характеризуется данными, приведенными в табл. 1. Основная масса орудий изготовлена из отщепов. Из орудий, изготовленных на ножевидных пластинках, нужно отметить два концевых скребка. Они изготовлены на коротких, довольно массивных пластинках, обработанных ретушью. Рабочая часть орудий с высокой крутой ретушью, хвостовая часть приострена (рис. 2, *3, 4*). В коллекции имеется одна ножевидная пластинка без ретуши.

Таблица 1

Каменные орудия верхнего горизонта

Ножи		Скребки		Ножевидные пластинки		Стрелы		Проколки		Отщепы		Отбойники	Шлифовальные плиты	Шлифованные топоры
кремень	другие породы камня	кремень	другие породы камня	кремень	другие породы камня	кремень	другие породы камня	кремень	другие породы камня	кремень	другие породы камня			
6	3	6	11	1	1	—	1	2	—	51	81	2	14	2

Из камня зеленокаменных пород изготовлены два шлифованных топора. Одно орудие, слабовыраженной клиновидной формы, подшлифовано со всех сторон (кроме обушка), имеет четкие боковые грани. Второе орудие более архаично (рис. 4, *1*). Оно массивнее первого, причем наиболее утолщена его средняя часть, откуда начинается плавное приострение к краям. Оба топора обычного зауральского облика, причем второй имеет аналогии в материалах из довольно ранних неолитических памятников типа Полуденки.

Среди набора каменных орудий есть два рыболовных грузила. Одно из них изготовлено из массивной гальки путем выбивания выемок на боковых гранях (рис. 4, *2*). Второе грузило сделано из куска талька. Выемки для прикрепления к сети вырезаны на нем в виде перекрещивающихся желобков, охватывающих изделие по всем плоскостям (рис. 4, *3*).

На глубине 30 *см* обнаружена сделанная из талька форма для отливки кельтов (рис. 4, *4*). Она вырезана из мелкозернистого талька, на ней сохранилась разметка, нанесенная мастером на боковых гранях, отмечающая места операций. Изделие прямоугольной формы длиной 87, шириной 65 *см*. Внешняя сторона округлая, на ней — два желобка, служивших для скрепления половинок формы. Полость тщательно обработана, на ней сверху нанесены два узких желобка, а с боков «крылья». Ширина стенок 0,8 *см*. Внутренняя поверхность формочки черная, обгоревшая, а небольшой излом на одной из стенок отчетливо показывает прокаленность камня — цвета побежалости — от черного до бледно-красного, общей шириной 0,5 *см*, что указывает на многократность применения формы. Аналогии этому предмету в Восточном Зауралье нам не известны. Ближе всего к нему стоят кельты коротких пропорций, с орнаментом в виде двух поясков, происходящие из Турбинского могильника [13].

[13] О. Н. Бадер. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964, стр. 68, рис. 49.

Основным датирующим элементом верхнего горизонта, включающего в себя материал черкаскульской культуры, является керамика. К. В. Сальников, определяя дату черкаскульской керамики, полностью синхронизировал ее с керамикой федоровского типа. Они действительно имеют много родственных черт как в элементах орнамента (меандры, желобки), так и в манере нанесения их на сосуд (украшение донца). На основании этого К. В. Сальников отнес начало черкаскульской культуры к XVIII в. до н. э.[14] На основании имеющихся у нас новых данных, т. е. сосудов, ор-

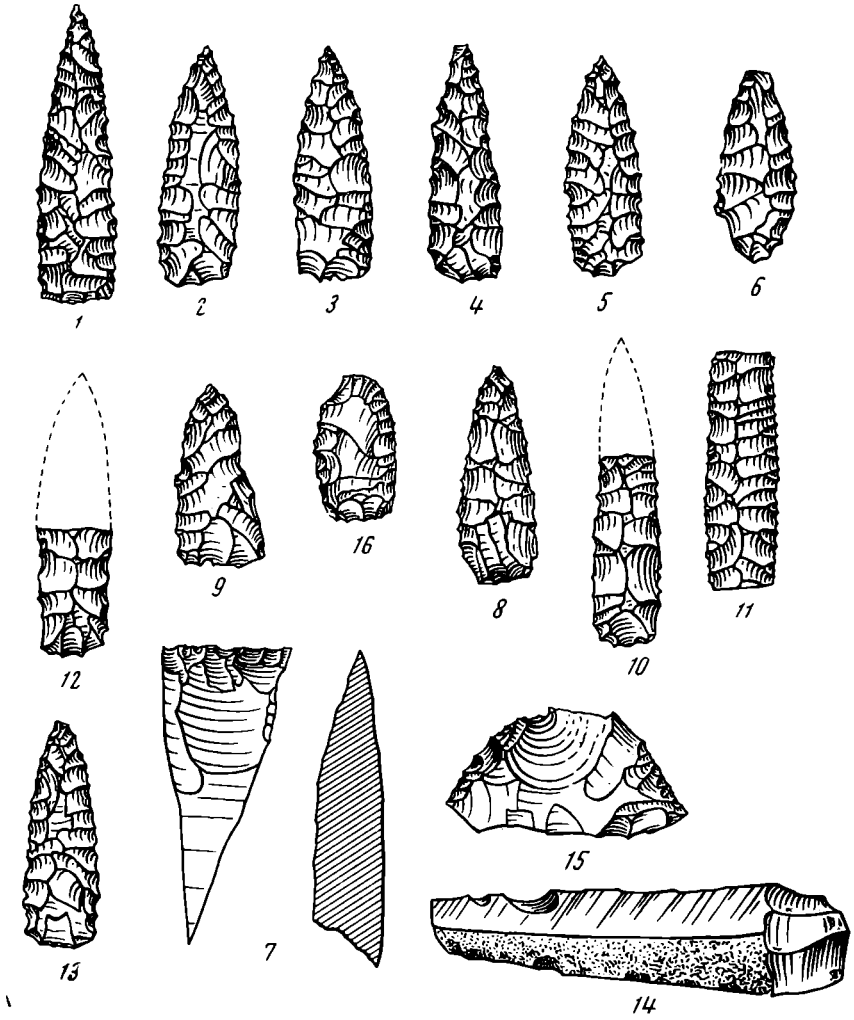


Рис. 5. Кремневый инвентарь погребения № 1

наментированных сплошь (К. В. Сальникову не была известна такая керамика), мы должны отнести этот комплекс к самому истоку черкаскульской культуры. Верхняя дата определяется керамикой межовского типа, т. е. четвертой четвертью II тысячелетия до н. э. (по определению К. В. Сальникова[15]).

Жизнь на поселении не была, видимо, непрерывной, и появление здесь керамики черкаскульского типа говорит о вторичном заселении этой территории.

При вскрытии нижних слоев поселения в материке было обнаружено два погребальных сооружения, не сходных друг с другом. Благодаря наличию в них характерного керамического инвентаря определить их принадлежность к соответствующим слоям поселения не представляет особой трудности.

---

[14] К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 359.
[15] Там же, стр. 362.

Первое из этих сооружений (№ 1) можно отнести ко времени, когда здесь обитали носители культуры ранней бронзы с сосудами аятского типа. К этому погребению относятся небольшой каменный ящик (его размеры 40×30×13 *см*) и сосуд. Все это заключается в яме, углубленной в материк. Яма прямоугольная, со слегка закругленными углами, вытянута в долготном направлении. Ее размеры 184 × 63 *см*. Ящик находился в восточной, а сосуд — в противоположной, западной части ямы. Ящик был составлен из семи вертикально врытых в материк плиток песчаника шириной от 3 до 7 *см*, высотой до 17 *см*. Особенно четко эти стенки прослеживались в южной и восточной частях сооружения. В северной части бортики не сохранились; видимо, эта часть сооружения была разрушена позднее. Сверху ящик был накрыт такого же вида плитками. Сам ящик и пространство между ним и сосудом были обильно засыпаны охрой. Особенно мощным слой краски был на крышке ящика, где он достигал 18 *см*. Под крышкой вся полость ящика также была заполнена красной краской. Разборку сооружения вели по «естественным» слоям, так как ящик был расчленен на три горизонтальных слоя, отделяющихся друг от друга такими же, как корпус, плитками песчаника.

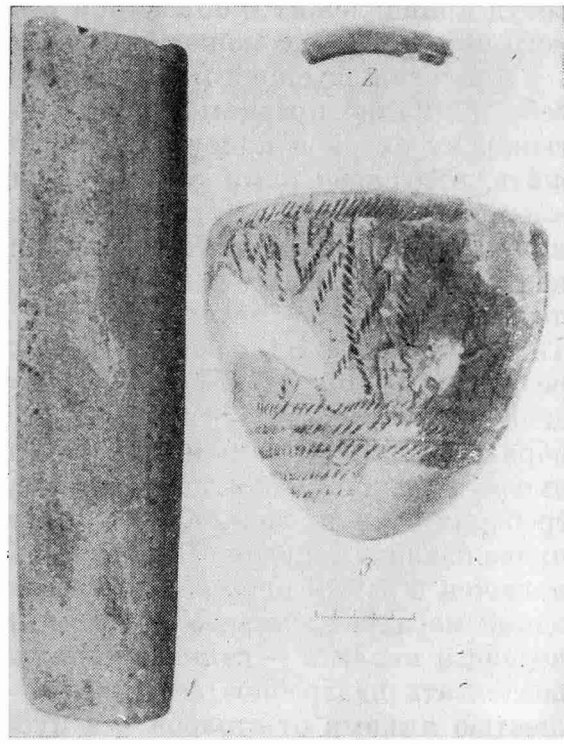


Рис. 6. Вещи из погребения № 1

1 — шлифованное орудие, *2* — часть резца бобра, *3* — сосуд

В первом слое обнаружено шесть кремневых наконечников стрел (рис. 5, *1—6*), обломок ножа (рис. 5, *7*), одна кремневая заготовка какого-то орудия и шлифованное орудие (рис. 6, *1*). Наконечники стрел довольно однотипны, они имеют двустороннюю обработку, выпуклое и приостренное с боков основание; боковые края некоторых наконечников отделаны пильчатой ретушью. Шлифованное орудие (назначение его определить не удалось) сохранилось не целиком, часть его обломана. Оно довольно массивно, вытянуто, овального сечения.

Во втором горизонте, сразу под перекрытием, лежали следующие вещи: четыре наконечника стрел (рис. 5, *9—12*) и ножевидная пластинка (рис. 5, *14*). Под ними шестимиллиметровый слой охры и опять вещи — скребок (рис. 5, *15*) и две заготовки наконечников стрел. Далее залегал еще слой краски, не менее 15 *мм* толщиной, под которым находилось перекрытие над третьим слоем. Вообще такое стратиграфическое членение: перекрытие — краска — вещи — краска — перекрытие характерно для всего сооружения, т. е. вещи пересыпаны охрой снизу и сверху. В северной, разрушенной части сооружения, обнаружены два наконечника стрел (рис. 5, *13, 14*), одна заготовка скребка, два кремневых отщепа и верхняя, эмалевая часть резца бобра, служившего, видимо, украшением (рис. 6, *2*).

Третий слой был отделен горизонтальной прослойкой из пяти плиток песчаника. В нем обнаружены один наконечник стрелы и четыре заготовки орудий. В этом слое наблюдалось особое обилие охры, которая встречалась не только в виде порошка, но и довольно крупными кусками. Пол ящика был выложен двумя плитками песчаника, лежавшими на материке на глубине 48 *см* от поверхности раскопа.

Сосуд из этого погребального сооружения (рис. 6, *3*) тонкостенный (7 *мм* толщиной), открытый, остродонный. Венчик прямой, слегка отогнут наружу и имеет едва заметное утолщение на внутренней стороне. Орнамент покрывает сосуд сплошь, он размещается по нему разреженными горизонтальными зонами. Узоры выполнены коротким гребенчатым штампом. Его наклонные оттиски собраны в пояса, которые образуют элементы рисунков. Верхняя часть орнамента — горизонтальный пояс, ниже — ромбическая сетка, в которую вписаны треугольники, ниже до основания сосуда идут семь горизонтальных концентрических поясов. По своему типу сосуд принадлежит к описанной выше керамике аятского типа, вследствие чего весь комплекс может быть датирован началом II тысячелетия до н. э.

Аналогии подобного обряда на Урале пока неизвестны. Обращает на себя внимание преднамеренная укладка вещей в каменный ящик, пересыпка их охрой и присутствие целого сосуда. Это заставляет предположить, что перед нами условное погребальное сооружение — кенотаф, а членение вещей на три горизонта наводит на мысль о групповом захоронении. По некоторым чертам ритуала этот «погребальный» комплекс совпадает с известными в лесном Зауралье захоронениями эпохи позднего неолита — раннего металла (конец III — начало II тысячелетия до н. э.). Таких захоронений известно несколько — погребение на Ирбитском озере [16], Шигирское погребение [17], погребение у дер. Пеган [18], Боборыкинское [19] и Аятское [20] погребения. Характерным признаком погребального обряда является кремация трупа (погребение на Аяти), посыпка праха охрой и наличие большого количества вещей. В отличие от всех этих погребений (кроме, может быть, Шигирского) исследуемое захоронение сопровождалось сосудом. Однако и здесь сосуд поставлен отдельно, он не включен в рамки ящика и не посыпан охрой, хотя и находился в пределах одной могильной ямы. У племени, населявшего лесное Зауралье в эпоху позднего неолита — раннего металла, существовал, по-видимому, обычай воздвигать надгробное сооружение: Аятское погребение было окружено шестью ямками от столбов [21], а публикуемое захоронение было заключено в каменный ящик. На других погребениях подобный признак не прослежен, нет там и кремации трупа. Обычай огораживать сожженных покойников каменными обкладками сохранился у местных племен и в более поздние периоды — вплоть до эпохи железа, о чем говорят раскопки I Тагильского могильника, произведенные А. И. Россадович [22].

* * *

В 2,5 м к югу от первого погребального сооружения была обнаружена вторая могильная яма (погр. № 2), ориентированная также по линии запад—восток. Яма прямоугольной формы, со слегка закругленными углами была размером 210 × 70 *см*, глубиной (в материке) — 15 *см*. Учитывая, что погребение относится к черкаскульской культуре, т. е. соответствует материалу верхнего горизонта поселения, можно считать, что общая глубина ямы 45—50 *см*. Западная часть ямы заполнена кострищем, содержащим мелкий уголь и кальцинированные косточки. Размеры кострища 150× ×115 *см*, мощность 10—28 *см*. Наибольшая мощность кострища наблюдается в юго-западном углу ямы, где она наиболее углублена. Здесь осно-

---

[16] К. В. Сальников. Южный Урал в эпоху неолита и бронзы. АЭБ, 1. Уфа. 1962, стр. 37.

[17] Е. М. Берс. Ук. соч., стр. 34.

[18] К. В. Сальников. Ук. соч., стр. 38.

[19] Там же, стр. 37.

[20] Е. М. Берс. Ук. соч., стр. 35.

[21] Там же, стр. 36.

[22] А. И. Россадович. Опыт изучения Нижнетагильского микрорайона. V Уральское археологическое совещание (тезисы докладов). Сыктывкар, 1967, стр. 131.

вание ямы не имеет следов прожженности в отличие от остальной подкостровой площадки. Более всего земля прожжена в центре площадки, где толщина прожженного слоя достигает 10 *см*. При расчистке кострища были встречены различные предметы (обломки керамики, кремневые отщепы и т. д.) из слоев поселения и кальцинированные косточки. Причем нужно отметить, что косточки залегали лишь в верхних слоях кострища.

Погребальный инвентарь находился под слоем кострища у западной стенки. В этой части ямы вдоль стенки была сооружена земляная вымостка высотой 12 *см*. На ней в северо-западном углу ямы был поставлен большой сосуд горшечной формы. Заполняющая его земля не отличаются по фактуре от культурного слоя поселения, кальцинированных косточек не содержит. С восточной стороны сосуд был обложен дикими камнями различной величины, которые образовали закладу площадью 57×45 *см*. На камнях лежали крупные фрагменты сосуда, разбитого, по-видимому, преднамеренно. Южная (от сосуда) часть земляного выступа была выложена галечником средней величины. Камни уложены в один ряд, плотно друг к другу по спирали, что создает своего рода стол неправильной округлой формы с диаметрами 45 и 30 *см*. На него был поставлен керамический сосуд в виде небольшой мелкой чаши на поддоне (рис. 7, *1*). Весь инвентарь и каменная закладка не несут не себе никаких следов соприкосновения с огнем. Это говорит о том, что кремация трупов была произведена на стороне (учитывая, что погребальный инвентарь находится под слоем кострища с прахом). Вместе с этим место будущего погребения также было подвергнуто очищению огнем. Об этом говорит нижний слой кострища, лишенный кальцинированных косточек, но прокалившийся основание ямы на 10 *см*.

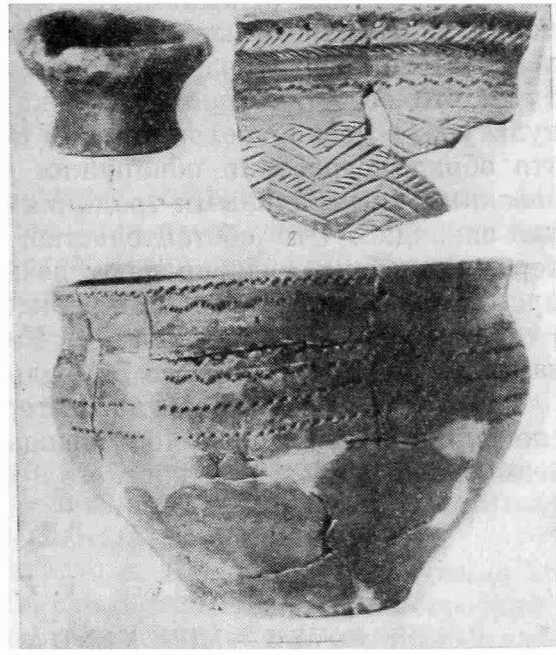


Рис. 7. Инвентарь погребения № 2

Инвентарь погребения составляют указанные выше три керамических сосуда. В кострище предметов со следами огня не обнаружено. Первый сосуд (рис. 7, *3*) представляет собой открытый плоскодонный горшок с широким туловом и слегка отогнутым наружу венчиком. Диаметр его 30 *см*. Верхняя половина сосуда украшена орнаментом, выполненным трехзубчатым гребенчатым штампом. Сверху по венчику нанесен горизонтальный ряд косо поставленных оттисков, ниже нанесены пять концентрических поясов ломаных линий, орнамент замыкают два ряда косо поставленных оттисков.

Второй сосуд (рис. 7, *1*) представляет собой толстостенную, грубо вылепленную чашу на поддоне с плоским дном. Чаша имеет форму довольно правильного овала с диаметрами 9,5 и 8,7 *см*. На одном из вытянутых краев сосуда имеется округлая выемка шириной 1,3 и глубиной 0,7 *см*. Диаметр перехвата 4,6, диаметр основания 6 *см*. Высота сосуда 4,8 *см*. Тесто серое по цвету с большим содержанием песка. Внутренняя и внешняя поверхность сосуда затерта тонким слоем плистой массы серого цвета. Орнамента нет. В уральских памятниках эпохи бронзы сосуды подобной формы ранее встречены не были. Наиболее вероятное его определение — светильник или курильница, напоминающая по форме курильницы из

Окуневских могил (II тысячелетие до н. э.), правда, без перегородок[23]

Третий сосуд был преднамеренно разбит о камни закладки (что, видимо, входило в обряд погребения) и дошел до нас в виде крупных фрагментов (рис. 7, *2*). Типологически он примыкает к той группе керамики, которая является переходной от черкаскульской к межовской. В составе теста преобладают слюда и песок. Сосуд плоскодонный, венчик отогнут наружу. Орнамент покрывает верхнюю часть сосуда. Сверху по венчику нанесен ряд круглых ямок, ниже — валик с елочным орнаментом, затем идут два ряда широких желобков, под которыми размещается узор, подобный орнаменту большого сосуда,— ломаные линии, нанесенные таким же трехзубчатым штампом. Последняя зона орнамента — крутые ломаные пояса, заштрихованные изнутри гладким штампом. Присутствие в комплексе этого сосуда позволяет отнести погребение к черкаскульской культуре, что особенно важно, так как погребения, принадлежащие к этой культуре, в лесной полосе до сих пор известные не были. Примечательно, что обряд погребения обнаружил существенные черты сходства с федоровскими погребальными традициями: кремация трупа на стороне, каменная закладка. Это обстоятельство, а также факт несомненной близости керамики обеих культур дают возможность предполагать родственность происхождения федоровцев и черкаскульцев.

Таким образом, материал I Кокшаровского поселения дает ценные данные по истории лесного Зауралья в эпоху неолита, энеолита и бронзы.

Получены, на наш взгляд, интересные данные о развитии черкаскульской культуры, которые подтверждают вывод К. В. Сальникова о преемственности ее этапов — межовского и черкаскульского.

V. F. Starkov

KOCHKAROVO I — MONUMENT À PLUSIEURS COUCHES DU NÉOLITHE ET DU BRONZE DANS LA TRANSOURALIE MOYENNE

Résumé

Les fouilles du village Kochkarovo I out révélé la présence des couches culturelles se rapportant aux époques différentes: au néolithe, à l'énéolithe et au bronze.

Les matériaux néolithiques sont caractérisés par la poterie ornée d'empreintes des étampes à peigne, ce qui permet de les rapporter à la période du néolithe développé de la Transouralie.

Deux sépultures présentent un intérêt tout particulier: l'une d'entre elles se rapporte à la période primitive du bronze, l'autre à la période développée. La première sepulture est une tombe à vide, les articles sont renfermés dans une ciste et saupoudrés d'ocre. La deuxième sépulture représente une incinération; elle est pracée dans une fosse revêtue de pierre et contient trois vases; l'un de ces vases est brisé contre les pierres du revêtement, ce qui entrait évidemment dans le rite funéraire. La sépulture appartient à la civilisation «Tcherkaskoulskaia» et est datée du milieu du II millénaire avant notre ère. Le rite funéraire a des affinités avec celui observé dans les tombes du type «Fedorovsky» sur les territoires méridionaux.

---

[23] Г. А. Максименков. Окуневская культура в Южной Сибири. Сб. «Новое в советской археологии», М., 1965, стр. 170, рис. 1, *3*, *6*.

Н. М. ШМАГЛИЙ, И. Т. ЧЕРНЯКОВ

РАСКОПКИ КУРГАНОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ТАТАРБУНАРСКОМ РАЙОНЕ ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ В 1965 г. [1]

В 1965 г. Днестро-Дунайской экспедицией Института археологии АН УССР и Одесского археологического музея были продолжены исследования курганов, входящих в зону строительства Придунайской оросительной системы [2]. Раскопки курганов производились на западном берегу оз. Сасык у сел Глубокое и Борисовка Татарбунарского района Одесской области (рис. 1).

Курганный могильник у с. Глубокое

Могильник находится в 500 *м* от юго-западной окраины села, на возвышенном плато, в 1,5 *км* от прибрежной полосы оз. Сасык. Могильник состоял из трех курганов, два из которых были раскопаны.

Курган № 1 имел высоту 2,4, диаметр 50 *м*. В кургане обнаружено 26 погребений, из которых 24 относятся к эпохе бронзы. Основное погребение было ограблено еще в древности. По некоторым признакам (четырехугольная яма, вырытая в материке, и наличие кромлеха) его можно условно отнести к усатовскому варианту позднетрипольской культуры. Вторая досыпка кургана связана с ямным погребением, совершенном в прямоугольной яме, перекрытой деревянным накатом и известняковыми плитами. Остальные погребения также впускные, среди них 14 погребений относятся к ямной культуре, 8 — к эпохе поздней бронзы и 2 — к первой половине I тысячелетия.

Погребения ямной культуры, за исключением одного, имели яму прямоугольной формы, чаще всего с уступом. В 10 погребениях ямы на уровне уступа были перекрыты настилом из жердей или накатом из деревянных лах, и в трех случаях кроме дерева для перекрытия были применены каменные плиты. Стенки трех ям были обмазаны глиной, на дне прослеживались следы растительной подстилки. Положение покойников следующее: девять лежало на спине с подогнутыми ногами, два — на правом боку, один — на левом боку в скорченном положении. В двух погребениях костяков не оказалось совсем, хотя ямы были хорошо обработаны и стенки одной из них даже обмазаны глиной. Следует заметить также, что в этих ямах остатки деревянного перекрытия не прослеживались. Пять костяков были ориентированы головами на запад или северо-запад, шесть — на северо-восток или восток. Руки погребенных почти всегда были вытянуты вдоль туловища или положены кистями на таз. Все костяки в разной степени окрашены охрой. В девяти погребениях обнаружен погребальный ин-

[1] Доклад, прочитанный на секции энеолита и бронзы сессии Института археологии АН СССР в Москве, в апреле 1966 г.

[2] Раскопки курганов в зоне строительства этой системы были начаты в 1964 г. у с. Нерушай (Н. М. Шмаглий, И. Т. Черняков. Археологические исследования Днестро-Дунайской археологической экспедиции в 1964 г. Тезисы докладов VI научной сессии ОАМ, Одесса, 1965).

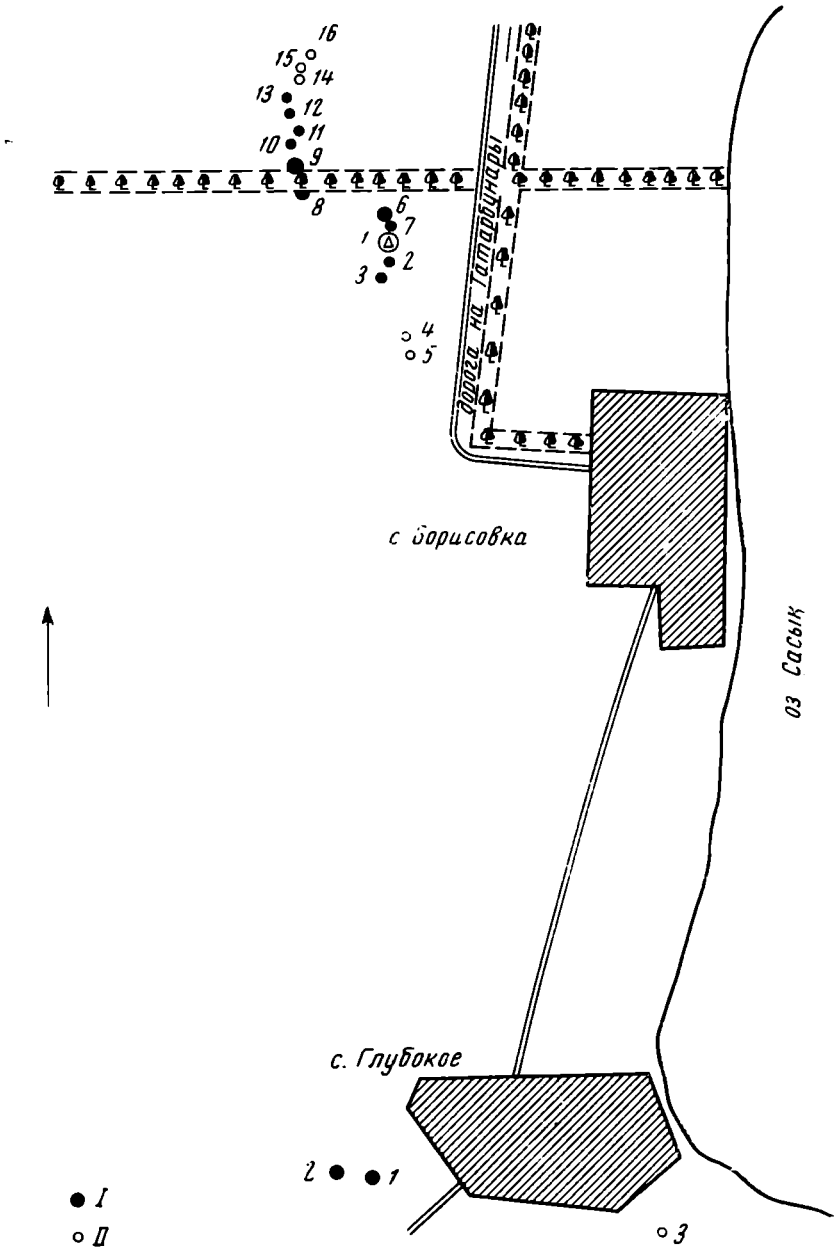


Рис. 1. Схема расположения курганных могильников у сел. Глубокое и Борисовка

I — раскопанные курганы; *II* — нераскопанные курганы

вентарь: серебряная и золотая височные подвески, остроребериые и баночной формы сосуды, горшки, глубокие миски, обломок каменного топора, использованный в качестве растиральника охры, костяные иглы для плетения сетей, медный браслет, кремневая пластинка и пр. Особый интерес представляют: погребение в яме с уступом, в котором среди плит каменного перекрытия обнаружены три антропоморфные стелы различных размеров (рис. 2, *1*, *2*), золотая височная подвеска и около 10 экземпляров костяных игл для плетения сетей; погребение, перекрытое каменной антропоморфной стелой (рис. 2, *3*), уложенной на каменные столбы-подставки; погребение в яме с уступом, где найден сосуд с катакомбными элементами в орнаментации (рис. 2, *4*).

Костяки, относящиеся к эпохе поздней бронзы, лежали в скорченном положении на правом (три) или левом (пять) боку, ориентированные головой на северо-восток (четыре), северо- и юго-запад (три), юг (один).

Рис. 2. Планы погребений

Могильник у с. Глубокое: *1, 2* — кург. 1, погр. № 7; *3* — кург. 1, погр. № 11; *4* — кург. 1, погр. № 25; *5* — кург. 2, погр. № 5; *6* — кург. 2, погр. № 7. Могильник у с. Борисовка: *7* — кург. 2, погр. № 1; *8* — кург. 6, погр. № 2; *9* — кург. 9, погр. № 6

Два погребения были парные. В двух погребениях обнаружено небольшое количество охры и следы подстилки на дне ямы. Кисти рук были положены либо у лицевой части черепа, либо на грудь. Три погребения сопровождались сосудами баночной формы.

Курган № 2 расположен в 160 *м* западнее кургана № 1. Его высота 1,25, диаметр 40 *м*. В кургане обнаружено 11 погребений, среди которых

восемь — ямной культуры, одно — эпохи поздней бронзы и два — первой половины I тысячелетия.

Изучение разреза насыпи показало, что она была первоначально сооружена над основным погребением ямной культуры. Остальные погребения, в том числе и ямной культуры, впускные в первичную насыпь кургана.

Костяк основного погребения находился в прямоугольной яме, лежал

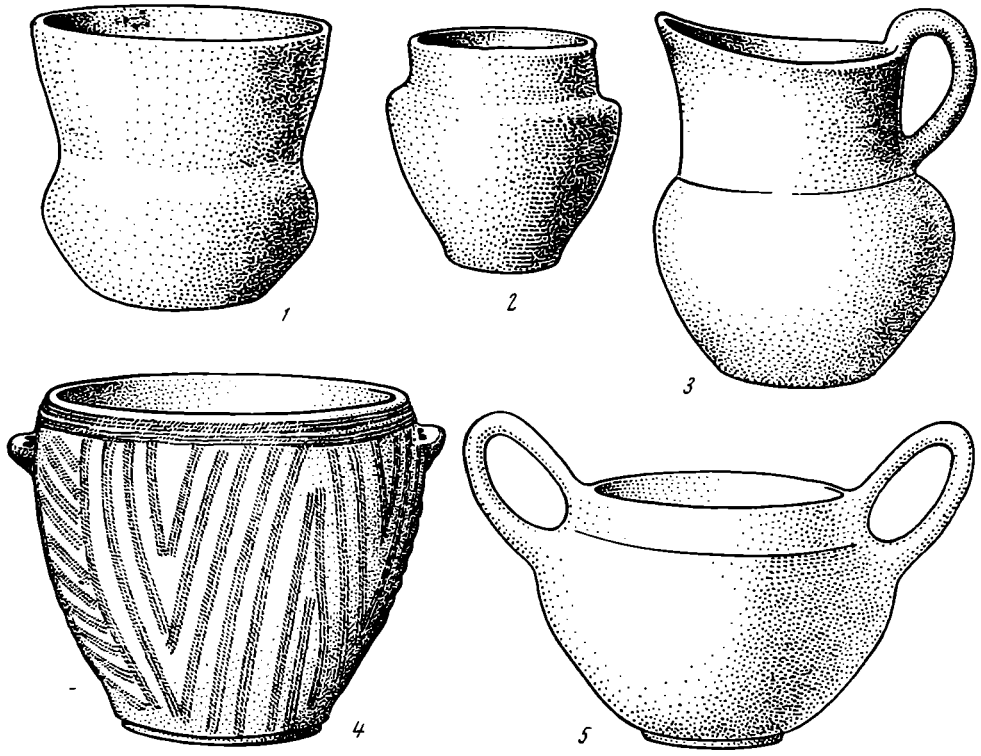


Рис. 3. Сосуды из погребений

Могильник у с. Глубокое: *1* — кург. 2, погр. № 8; *2* — кург. 1, погр. № 23; *3* — кург. 2, погр. № 11; *4* — кург. 1, погр. № 25. Могильник у с. Борисовка: *5* — кург. 6, погр. № 2

на спине, его согнутые в коленях ноги распались «ромбом» (рис. 2, *5*); головой ориентирован на юго-запад. Руки, слегка согнутые в локтях, положены вдоль туловища, кости черепа окрашены охрой. На дне ямы прослежена подстилка из травы. Погребение, вероятно, относится к раннему периоду ямной культуры.

Для впускных ямных погребений этого кургана характерны захоронения в ямах с уступами, перекрытых на уровне уступа деревянным накатом. Четыре впускных погребения были совершены в ямах прямоугольной формы с уступами (одно в яме овальной формы, но с прямоугольным уступом) и два — в прямоугольных ямах без уступов. Во впускных погребениях все погребенные лежали на спине с согнутыми в коленях ногами, завалившимися на левую или правую сторону, и в одном случае распавшимися «ромбом». Руки в большинстве слегка согнуты в локтях и лежат вдоль костяка, иногда положены кистями на таз (рис. 2, *6*). Ориентированы костяки головой на северо-восток (один), юго-восток (три) и на северо-запад (три). В одной яме с уступом костяка не было, хотя стенки ямы хорошо обработаны и даже обмазаны глиной. Все костяки погребенных окрашены охрой.

Следует отметить некоторые особенности устройства ямных впускных погребений: в одной из погребальных ям в верхней части был устроен паз для укрепления деревянного перекрытия, стенки четырех ям с уступами были обмазаны глиной, почти во всех ямах на дне прослеживались остатки растительной подстилки.

В трех ямных погребениях обнаружены глиняные сосуды: сосуд, украшенный веревочкой по венчику, колоколовидный кубок (рис. 3, *1*) и асковидный сосуд с ручкой и скошенным краем (рис. 3, *3*).

В погребении, относящемся к эпохе поздней бронзы, яма не прослеживалась. Костяк, ориентированный головой на юго-запад, лежал в скорченном положении на правом боку. Рядом с костяком были обнаружены ребра лошади.

Курганный могильник у с. Борисовка

Могильник находится в 2 *км* на северо-запад от села, на плато западного берега оз. Сасык. Могильник насчитывает 16 курганов разной величины. Самый большой из них имеет диаметр 110 и высоту около 9,5 *м*, а самые маленькие — диаметр 30 *м*, высоту до 80 *см*. Раскопкам подверглись курганы № 2, 3, 6—13. Погребения эпохи бронзы обнаружены в курганах № 2, 3, 6, 8, 9, 13. Остальные курганы относятся к скифскому времени.

Курган № 2 имел высоту 80 *см*, диаметр 35 *м*. В кургане обнаружено три погребения эпохи поздней бронзы.

Основное погребение, над которым была сооружена насыпь кургана, находилось в яме овальной формы, перекрытой каменными плитами. Костяк лежал на левом боку в скорченном положении с небольшим поворотом на спину. Головой ориентирован на северо-запад. Правая рука согнута в локте и кистью положена к левому плечу, левая также согнута в локте и положена кистью на таз (рис. 2, *7*). На черепе заметны слабые следы окрашивания охрой. Возле костяка найдены косточки птицы. В двух впускных погребениях костяки, ориентированные головой на юго-запад, находились в скорченном положении на левом боку. Одно из погребений было перекрыто каменными плитами.

Курган № 3 имел высоту 1,25, диаметр 60 *м*. В кургане обнаружены два погребения: центральное (основное) — эпохи поздней бронзы, впускное — позднекочевническое.

Центральное погребение находилось в прямоугольной яме (270 × × 240 *см*, глубина 235 *см*), вырытой в материке и перекрытой деревянным накатом, положенным на специально сделанный уступ на стенках ямы. На дне ямы прослежены остатки настила из коры. Вокруг ямы на уровне древнего горизонта выявлен кромлех из редко положенных камней (диаметр 25 *м*). В 4,5 *м* от центральной погребальной ямы на северо-восток прослежено зольное пятно диаметром 170, толщиной 7—10 *см*. На глиняном выкиде вокруг погребальной ямы отмечен слой золы с обожженными костями животных и обломки сосуда сабатиновского типа, украшенного под венчиком гладким налепным валиком, а также обломками сосуда баночной формы.

На дне ямы в центре обнаружены следы деревянного сосуда с остатками пережженных костей человека. Рядом с сосудом лежали бронзовый кинжал (рис. 4), деревянный щит, обтянутый кожей и скрепленный бронзовыми заклепками, кости лошади и куча золы с пережженными костями животных и обломками сосуда сабатиновского типа. Возле кинжала прослежены следы посыпки охрой.

Курган № 6 имел высоту 4,5, диаметр 70 *м*. В кургане обнаружены два погребения.

Впускное погребение находилось в верхней части насыпи кургана. Костяк лежал в скорченном положении на левом боку, головой на восток.

Основное (центральное) погребение было совершено в каменном ящике прямоугольной формы, впущенном в материк. Ящик был покрыт сверху каменной плитой, положенной на деревянный накат, который в свою очередь перекрывался куполообразной каменной закладкой (диаметр 8, высота — 1,35 *м*). Закладка состояла из крупных в основании и мелких на

вершине блоков известняка. Основание закладки подстилал тонкий слой выкидного лёсса, перекрытый слоем тростникового настила.

Костяк лежал на левом боку в скорченном положении, головой на юг (рис. 2, *8*). В углу ящика возле черепа найдены двуручный сосуд и деревянная мотыга, представляющая собой муфту с клевцевидным наконечником и круглой рукоятью, скрепленной с муфтой при помощи шипа.

Курган № 8 к моменту раскопок был уже наполовину разрушен земляными работами. В кургане обнаружено 13 погребений, из них девять в материковых прямоугольных ямах, четыре из которых перекрыты плитами и одна — деревянным накатом. В двух ямах костяков погребенных не оказалось. Судя по небольшим размерам ям, в них, очевидно, были погребены младенцы, остатки которых не сохранились. В большинстве ям на дне прослеживались следы растительной подстилки.

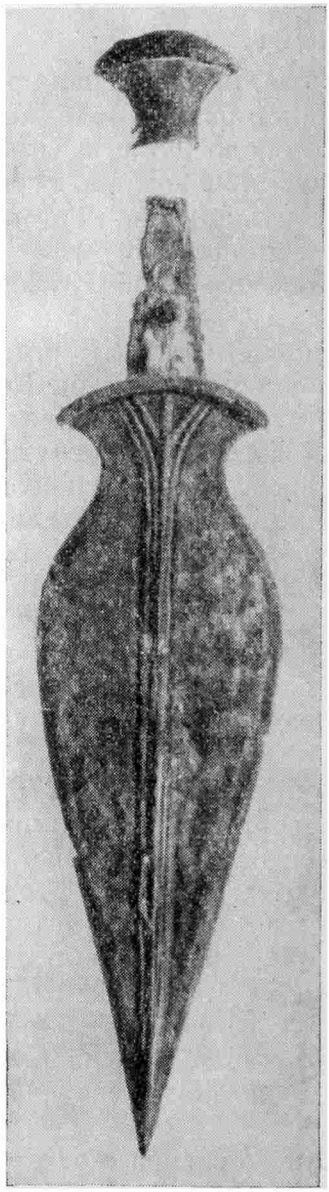


Рис. 4. Бронзовый кинжал из кург. 3, погр. № 2 у с. Борисовка

Почти все костяки в ямах лежали на спине с подогнутыми в коленях ногами, завалившимися влево или вправо. Кости окрашены охрой. Ориентировка: головой на северо-запад (три), юго-запад (один), юго-восток (один), восток (один). Интересно отметить, что в одном из ямных погребений скорченный костяк лежал на правом боку и головой был ориентирован на восток, что характерно для погребений эпохи поздней бронзы. Левая рука этого костяка находилась у предплечья, правая вытянута вдоль туловища. При погребении обнаружены невыразительные обломки керамики и кремневая пластинка. Четыре погребения эпохи поздней бронзы были выявлены в насыпи кургана.

Среди погребений, совершенных в насыпи кургана, два костяка было скорченных (на левом и правом боку), головой ориентированных на восток, а два — на спине, головой ориентированных на северо-запад и юг. В одном из погребений обнаружена мисочка.

Курган № 9 имел высоту 2,5, диаметр 45 *м*. В кургане обнаружено восемь погребений: шесть из них находились в прямоугольных материковых ямах, два — в насыпи кургана. Основным было ограбленное еще в древности погребение в прямоугольной материковой яме, в которой обнаружены обломки человеческих костей, окрашенных охрой, остатки деревянного перекрытия и фрагменты сосуда из отмученной глины усатовского типа. Последующие досыпки связаны с ямными впускными погребениями. Одна из ям была перекрыта известняковыми плитами, две ямы были с уступами. Положение костяков скорченное на спине, кости обильно окрашены охрой, ориентировка головы на юго-запад (три), восток (два). В одной из погребальных ям вскрыты два костяка, лежащих рядом на правом боку (рис. 2, *9*). В этом же погребении обнаружено пять медных трубчатых подвесок. Своеобразно погребение, впущенное в насыпь кургана. Оно ничем не отличалось от других ямных погребений, но положение костяка (скорченное на левом боку, головой ориентированное на восток) и отсутствие охры сближают это погребение с погребениями эпохи поздней бронзы.

В погребениях эпохи поздней бронзы, совершенных в насыпи кургана, ямы не прослеживались. Положение костяков скорченное на левом и правом боку, головой они ориентированы на север и северо-восток.

Курган № 13 имел высоту 1,3, диаметр 30 *м*. Основное погребение совершено в материковой яме овальной формы, перекрытой накатом из бревен и известняковыми плитами. Дно ямы покрыто подстилкой из коры. Костяк лежал в скорченном положении на левом боку, головой на восток, кости окрашены охрой. По ряду признаков данное захоронение условно можно отнести к погребениям усатовского типа. Два впускных погребения этого кургана относятся к поздним кочевникам.

Таким образом, в результате раскопок восьми курганов у сел Борисовка и Глубокое в 1965 г. обнаружено 68 погребений разных исторических эпох: 3 — позднетрипольского времени, 36 — ямной культуры, 22 — эпохи поздней бронзы, 3 — скифских, 5 — первой половины I тысячелетия, 2 — поздних кочевников [3].

Ввиду того что позднетрипольские погребения были ограблены, а костяки разрушены, трудно судить об их погребальном обряде. Можно только заметить, что все погребения были основными в курганах, в насыпи которых некоторое время спустя были впущены ямные погребения. Последнее наблюдение подтверждает вывод, установленный еще при раскопках курганов в 1964 г. у с. Нерушай, о большей древности погребений усатовского типа по сравнению с ямными на этой территории.

Эти наблюдения не согласуются с требующей значительного уточнения стратиграфией Одесского кургана (Слободка-Романовка) и не подтверждают точку зрения С. В. Киселева о хронологическом месте курганных погребений усатовского типа, якобы следующих за катакомбными захоронениями [4]. Все имеющиеся факты по данному вопросу свидетельствуют о том, что первыми создателями курганов в Северо-Западном Причерноморье были позднетрипольские племена и Одесский курган с его близостью к известному усатовскому некрополю, можно полагать, не представлял собой исключения. Среди скорченных погребений с охрой на территории Румынии древнейшими также являются погребения усатовского типа, за которыми следуют хронологически более поздние погребения со скорченными и окрашенными охрой костяками, сопровождавшимися сосудами со шнуровым орнаментом [5].

Большой интерес представляют погребения ямной культуры. Основным ямное погребение было только в одном кургане — № 2 у с. Глубокое. Это погребение наиболее древнее из всех захоронений ямной культуры, обнаруженных в 1965 г. Оно, возможно, синхронно памятникам усатовского типа. Все остальные ямные погребения впускные в курганы усатовского типа или ямной культуры, а следовательно, и более поздние по времени. Для впускных ямных погребений характерны следующие особенности:

1) ямы прямоугольной (16 погребений) формы, перекрытые деревянным накатом (9 погребений) или каменными плитами (4 погребения);

2) ямы с уступами прямоугольной формы (19 погребений), перекрытые деревянным накатом (12 погребений) или каменными плитами (2 погребения); стенки ям иногда обмазаны глиной;

3) положение скорченных костяков на спине (27 погребений); на левом (2 погребения) или правом боку (5 погребений) [6];

4) посыпка покойников охрой;

5) ориентировка костяков головой на северо-восток (7 погребений),

---

[3] Погребения скифского времени и более поздних эпох в настоящей статье не освещаются и будут описаны при полной публикации результатов работы экспедиции.

[4] С. В. Киселев. Бронзовый век СССР. МИА, 130, 1965, стр. 31.

[5] H. Hartuchi, I. T. Dragomir. Sapaturile arheologice de la Brailita. MCA, HI, 1957, стр. 129—144; I. Dragomir. Necropola tumulara de la Brailita, MCA, V, 1959, стр. 671—692.

[6] В их числе и парное погребение кург. № 9 у с. Борисовка.

восток (4 погребения), северо-запад (9 погребений), юго-запад (6 погребений), запад (4 погребения);

6) инвентарь погребений беден и встречается очень редко: из 35 впускных погребений инвентарь оказался только в 14.

Рассматривая особенности погребального обряда впускных ямных погребений, следует отметить тот факт, что в исследованных курганах у сел Глубокое и Борисовка их количество весьма значительно по сравнению с курганами ямного времени Приднепровья и Приазовья. Возможно, что в тех районах им соответствует значительное количество погребений катакомбной культуры.

Обращает на себя внимание полное отсутствие в курганах, исследованных у сел Глубокое и Борисовка, катакомбных погребений, которые обнаруживаются, например, в Приазовье почти в каждом кургане с основным ямным погребением (и в довольно большом количестве). Очевидно, погребения в ямах с уступами имеют более ограниченную территорию распространения, чем весь ареал ямной культуры вообще. Этот тип погребений пока известен только в курганах, исследованных на территории Румынии [7], Южной Бессарабии, в Поднестровье [8], Поднепровье [9], Крыму и Приазовье [10], т. е. в центральных и западных районах существования ямной культуры. На наш взгляд, это явление объясняется тем, что погребения в ямах с уступами распространены в тех районах, где развитие ямной культуры продолжалось сравнительно длительное время.

Рассматривая причины сооружения ям с уступами, можно предположить также, что родовые могильники ямных племен устраивались на месте существования захоронений их предков, т. е. в курганах более раннего времени. При этом могила покойника должна была быть своеобразным «домом» с надежным перекрытием от завалов земли. Устойчивые твердые стенки для деревянного или каменного перекрытия можно создать в том случае, если погребальная камера выкапывалась в ненарушенном материковом грунте. Поэтому устройство погребальных ям в мягком грунте курганной насыпи было трудно осуществить без наличия уступов по чисто техническим причинам.

Своеобразие позднеямных впускных погребений в курганах у сел Глубокое и Борисовка заключается в том, что их погребальный инвентарь имеет аналогии не столько среди памятников ямной культуры Приднепровья, сколько среди памятников раннебронзового века Прикарпатья и Дунайско-Балканского района. В этом отношении особый интерес представляют сосуды, обнаруженные в погребениях кургана № 2 у с. Глубокое. Так, колоколовидный кубок из погребения № 8 по форме весьма близок к широко распространенному типу сосудов культуры шнуровой керамики Средней и Восточной Европы [11]. Этот факт свидетельствует о наличии культурно-исторических контактов между племенами шнуровой керамики и населением ямной культуры в степной части междуречья Дуная и Днестра. С близкими выводами мы встречаемся и в ряде работ польских исследователей [12].

---

[7] В. Зирра. Культура погребений с охрой в Закарпатских областях РНР. МИА Ю-З СССР и РНР, Кишинев, 1960, стр. 99 сл.

[8] А. И. Мелюкова. Курган эпохи бронзы у с. Олонешты (Молдавская ССР), КСИА АН СССР, 89, 1962, стр. 30—37.

[9] І. П. Костюченко. Могильник епохи бронзи поблизу хут. Хмельницького. АП УРСР, IX, 1960, стр. 95 сл.; Д. Т. Березовець, С. Ф. Покровська, А. І. Фурманська. Кургани епохи бронзи поблизу с. Мар'янського. АП УРСР, IX, стр. 102 сл.; О. А. Кривцова-Гракова. Погребения бронзового века и предскифского времени на Никольском курганном поле. МИА, 115, 1962, стр. 6 сл.

[10] О. І. Тереножкин. Кургани в долині р. Молочної. АП УРСР, VIII, Київ, 1960, стр. 8 сл.

[11] M. Buchvaldek. Die Schnurkeramik in Mitteleuropa. PA, LVII, 1966, 1, стр. 138, рис. 5.

[12] W. Antoniewicz. Archeologie Polski. Warszawa. 1928, стр. 77.

Асковидный сосуд с ручкой из погребения № 11 кургана № 2 у с. Глубокое можно уверенно сопоставить с аналогичными сосудами таких культур, как Селкуца II [13] и Караново VII [14]. В этом случае мы имеем одно из важных доказательств не только проникновения носителей ямной культуры в Балкано-Дунайскую область, но и подтверждение длительных взаимовлияний (культурных и этнических) между земледельческо-скотоводческими племенами этого края и мобильными группами древнего населения северопричерноморских степей. Вполне возможно, что находка асковидного сосуда в ямном погребении у с. Глубокое указывает на определенный этап в истории ямных племен, когда их движение приняло обратное направление, т. е. с запада на восток. Хотя фактов для окончательных выводов еще недостаточно, однако материалы, добытые при раскопках курганов у сел Глубокое и Борисовка, позволяют присоединиться к хорошо аргументированной точке зрения Н. Я. Мерперта о сложности и длительности связей древнего населения Северного Причерноморья и Балкан в раннебронзовом веке [15].

Особо следует остановиться на ямном впускном погребении № 7 кургана № 1 у с. Глубокое. Прежде всего оно поражает монументальностью перекрытия основной погребальной камеры, состоящего из крупных блоков известняка (одна из плит в длину достигает 1,5, в ширину — около 1 *м*). Но самое интересное — это обнаружение среди камней перекрытия трех антропоморфных каменных стел, широко распространенных в Северном и Северо-Западном Причерноморье от Румынии до Приазовья [16].

Не вдаваясь в подробный анализ стел из с. Глубокое, следует отметить, что находка этих древнейших монументальных изображений человека связана с погребениями позднего этапа ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Это наблюдение согласуется и с выводами А. Александреску, который относит появление антропоморфных стел в Румынии ко времени перехода ямной культуры в катакомбную [17].

Оживившаяся в последнее время дискуссия о древнейших антропоморфных стелах Северного Причерноморья свидетельствует о значительном интересе исследователей к этой сложной и не во всех аспектах еще решенной проблеме, раскрывающей многие стороны этнокультурных связей, а также характер искусства и мышления первобытного человека [18]. Вполне закономерно, что каждое новое открытие этих памятников вносит определенную ясность или коррективы в ранее высказанные суждения. Так, условия находки стел у с. Глубокое не убеждают нас окончательно в доказанности вывода А. А. Формозова о том, что стелы, перекрывающие ямные захоронения, первоначально стояли на более древних курганах [19].

Отсутствие прямых доказательств «первоначального» использования северопричерноморских стел дает основание искать и другие варианты решения этого вопроса.

Прежде всего следует отметить, что погребение № 7, где были обнаружены три антропоморфные стелы разных размеров (одна большая — до 1,5 *м* длиной и две малые — 80—90 *см* длиной), было самым богатым погребением в кургане. В нем найдено древнейшее на территории Украины

---

[13] D. Berciu. Chronologie relative du Neolithique du Bas Danube à la lumiére des nouvelles fouilles faites en Roumanie. L'Europe à la fin de l'âge de la pierre. Actes du Symposium consacré aux problémes du Néolithique européen, Praha, 1961, табл. XXXVIII, *1*.

[14] Г. Георгиев. Проучвания на културата на селищните могили. «Археология», 3, София, 1964, стр. 62, рис. 3.

[15] Н. Я. Мерперт. О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке. КСИА АН СССР, 105, 1965, стр. 14.

[16] А. А. Формозов. О древнейших антропоморфных стелах Северного Причерноморья. СЭ, 6, 1965, стр. 177.

[17] A. O. Alexandrescu. In legatura cu statuile-menhir de la Baia de Cris. SCIV, I. 1963, стр. 145—149.

[18] А. А. Формозов. Ук. соч., стр. 179.

[19] Там же.

изделие из золота — височное кольцо и до 10 костяных спиц для плетения рыболовных сетей. В данном случае с полным правом можно присоединиться к мнению А. А. Формозова, что каменные изваяния (стелы), как правило, перекрывали погребения видных членов рода [20]. Однако богатство захоронения и связанное с ним наличие нескольких антропоморфных стел в перекрытии дают основание вспомнить и о другом явлении, прослеживаемом в погребальном обряде племен ямной культуры, а именно о парных и групповых захоронениях. Парные погребения взрослых людей и погребения женщин с детьми были выявлены при раскопках ямных курганов неоднократно. Может быть, в данном случае антропоморфные стелы выполняли роль «заменителя» каких-то конкретных лиц, имеющих определенное родственное или социальное отношение к погребенному. Так, стелы меньших размеров, возможно, иммитировали образы детей, а большая стела — взрослого человека.

Следует отметить еще одно обстоятельство, указывающее на ритуальные (культовые), а не утилитарные функции антропоморфных стел. Так, если большая стела непосредственно перекрывала наряду с другими плитами погребальную яму, то меньшие стелы лежали на диаметрально противоположных концах перекрытия, с диаметрально противоположной ориентировкой головы и не выполняли никаких конструктивных функций перекрытия.

Не меньший интерес представляют обнаруженные в ямных впускных погребениях кургана № 1 у с. Глубокое остроребериый сосуд раннесрубного времени (рис. 3, *2*) и сосуд, близкий по форме и орнаментации к керамике катакомбного типа (рис. 3, *4*). Стратиграфическое положение погребений с этими сосудами не вызывает сомнения в их синхронности. Последнее наблюдение и появление «срубных» черт во впускных ямных погребениях свидетельствуют о сравнительно позднем существовании ямной культуры в Северо-Западном Причерноморье и о ее сосуществовании с катакомбной культурой, которая, вероятно, оказывала значительное влияние на позднеямную культуру Северо-Западного Причерноморья.

Анализ ориентировки костяков позднеямных погребений дает следующие данные: преобладает западная (19) ориентировка костяков, хотя в меньшей степени, но имеется и восточная ориентировка (11). Это отличает их от устойчивой ориентации ямных погребений на северо-восток и восток, прослеженной в древних курганах Приазовья [21], где западная и юго-западная ориентация встречается как исключение. Близкую картину по ориентации на запад дают погребения в «срубах» на Харьковщине [22], что, возможно, свидетельствует о том, что здесь в некоторых районах сохранились племена ямной культуры, не ассимилированные «катакомбниками».

Исключительно важное значение имеет исследование погребений эпохи поздней бронзы в курганах у с. Борисовка. Как в Поволжье и на Северном Донце, так и здесь встречены основные погребения этого времени в курганах. Это свидетельствует о том, что обычай насыпать курганы над покойниками не был забыт в Северо-Западном Причерноморье, как это случалось, например, в районах Приазовья и Приднепровья, где погребения этой эпохи встречаются только как впускные в более ранние курганы. Особый интерес в этом отношении представляют курганы № 3 и 6 у с. Борисовка. Основное погребение кургана № 3 с обрядом трупосожжения уникально для степной зоны Северного Причерноморья. По обломкам керамики и кинжалу красномаяцкого типа [23] оно связывается, с одной стороны, с памятниками сабатиновского типа Северо-Западного Причерноморья, с другой стороны, обряд трупосожжения связывает это погребение с куль-

[20] Там же, стр. 178.
[21] О. І. Тереножкін. Кургани в долині р. Молочної. АП УРСР, VIII, стр. 6.
[22] В. Харламов. Раскопки по р. Донцу. Тр. XII АС, I, М., 1905, стр. 202.
[23] И. Т. Черняков. Красномаяцкий клад литейщиков. КСОГАМ, Одесса, 1965 стр. 115, 116.

турой придунайских полей погребальных урн [24]. Близкой аналогией этому погребению являются захоронения, обнаруженные в курганном могильнике Кашолце (Румыния), которые относятся к культуре Ноа [25]. И в первом и во втором случае наблюдаются такие черты обряда, как трупосожжение, ритуальное разбивание сосудов, использованных во время тризны, возведение курганов над погребением. Известно, что основным погребальным обрядом племен культуры Ноа [26] и памятников сабатиновского типа было трупоположение в скорченном виде. Наличие же в редких случаях на территории Румынии и Северо-Западного Причерноморья погребений с трупосожжениями свидетельствует, возможно, о существовании каких-то других этнических элементов, либо о появлении новых обрядов, созданных специально для определенных членов рода (воин в погребении у с. Борисовка).

Погребения в каменных ящиках довольно широко распространены. Особенностью погребения № 2 кургана № 6 у Борисовки является перекрытие каменного ящика не только плитой, но и деревом и сооружение каменной закладки, покрытой тростниковым настилом. Наиболее близкими аналогиями погребению в каменном ящике, обнаруженному в кургане № 6 у Борисовки, являются погребения Поднестровья [27], белопотоцкой группы комаровской культуры [28], некоторые погребения, исследованные в Румынии [29]. В Северном Причерноморье погребения в каменных ящиках и с каменными закладками совершались с позднеямного (раннесрубного) времени до эпохи поздней бронзы и, вероятно, имитируют каменные жилища, существующие на этой территории с ямного времени [30]. Погребения в каменных ящиках и с каменными закладками, известные в Приднепровье [31] и степной зоне Северо-Западного Причерноморья [32], можно в определенной степени по времени и обряду погребения сопоставлять с захоронениями в срубах, распространенными в Поволжье и районах восточнее Днепра [33]. Двуручный сосуд, найденный в погребении в каменном ящике (рис. 3, *5*), аналогичен сосудам, найденным в памятниках культуры Монтеору [34], комаровской культуры [35], культуры Ноа [36] и в памятниках сабатиновского типа. Двуручные сосуды были широко распространены также в культурах эпохи средней бронзы в Центральной Европе.

---

[24] V. Dumitrescu. Necropola de incineratie din bronzului de la Cîrna. «Biblioteca de arheologie», IV. Bucuresti, 1961.

[25] M. Macrea. Santierul arheologic Casolt-Arpasul de Sus. MCA, IV, 1957, стр. 120—150.

[26] Е. А. Балагурі. Могильник культури Ноа на Станіславщині. «Археология», XIII. Київ, 1961, стр. 145.

[27] І. Г. Шовкопляс. Середньодністровська експедиція 1949—1951 р. АП УРСР, VI. 1956, стр. 34—37.

[28] О. Лагодовська. Войцехівський могильник бронзової доби на Волині. «Археологія», II, Київ, 1948, стр. 62—77.

[29] G. Bichir. Raport asupta cercetarilor de la Bonteşti, MCA, V, стр. 258, 259.

[30] О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення. Київ, 1962, стр. 47—79.

[31] А. В. Добровольский. Матеріали до археологічної карти Дніпровьского Надпоріжжя в межах Запорізької області. «Археологія», VII, 1952, стр. 84—85; О. Лагодовська. Кам'яні закладки Надпоріжжя. АП УРСР, II, 1949, стр. 159—163; А. Добровольский. Кам'яні закладки в околицях Тавілжаного острова. Там же, стр. 180—190.

[32] И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев. 1951, стр. 40, § 54, стр. 42, § 67, стр. 53, § 101—104; стр. 71, § 152, стр. 182, § 184, стр. 83, § 185, стр. 85, § 194, стр. 93, § 209, стр. 96—97; § 211 сл.

[33] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955, стр. 18—20.

[34] Istoria Romaniei. I, 1960, стр. 24, 1.

[35] О. Лагодовська. Войцехівський могильник бронзової доби на Волині, стр. 64, рис. 1, 2.

[36] A. Florescu. Contributii la cunoasterea culturii Noua. Arheologia Moldovei. II—III, 1964, стр. 148, рис. 1, *3—5*; стр. 149, рис. 2, *5*, *6*; стр. 156, рис. 8, *2*, *6*.

Осуществление в одном и том же курганном могильнике эпохи поздней бронзы двух основных погребений с обрядом трупоположения в каменном ящике (курган № 6) и обрядом трупосожжения (курган № 3) имеет сходство с погребальным обрядом племен комаровской культуры [37] и, возможно, свидетельствует об определенных связях племен этой культуры с населением эпохи поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья [38].

Все выводы, сделанные авторами, носят предварительный характер, поскольку они основаны на сравнительно небольшом и локальном материале, обнаруженном при раскопках курганов у сел Глубокое и Борисовка в 1965 г.

N. M. Chmagly, I. T. Tcherniakov

LES FOUILLES DES TUMULUS DE L'ÂGE DU BRONZE DANS LE RAYLON TATARBOUNARSKY, RÉGION D'ODESSA EN 1965

Résumé

En 1965, l'expédition archéologique Dniester — Danube, envoyée par l'Institut Archéologique de l'Académie des Sciences de l'RSSU et par le musée archéologique d'Odessa, a creusé 13 tumulus de l'âge du bronze situés dans la zone de la construction du systéme irrigatoire, près des villages Gloubokoié et Borissovka, rayon Tatarbounarsky, région d'Odessa. Au cours des fouilles on a découvert 74 sépultures se rapportant aux differents époques historiques: deux d'entre elles appartiennent à l'époque tardive de Tripolié, 39 — à la civilisation des fosses en pleine terre, 21 — à l'époque tardive du bronze, 3 sont des tumulus scythiques, 5 datent de la première moitié du premier millénaire de notre ère, 2 viennent de l'époque tardive des nomades. Les plus anciennes sépultures dans des tumulus se sont trouvées être des inhumations du type «Oussatovo». De nombreuses sépultures, appartenant aux tribus de la civilisation des fosses en pleine terre, offrent un intérêt considérable; elles se distinguent par l'originalité du mobilier funéraire; on y trouve aussi des inhumations dans des fosses rectangulaires à redan, recouvertes de stèles anthropomorphes. Parmi les monuments de l'époque du bronze tardif, on a découvert deux sépultures principales ayant un mobilier original: un glaive de bronze du type «Krasny Maïak» et un vase à deux anses.

---

[37] T. Sulimirski. Cmentrarzysko kurhanove w Komarowie kolo Halicza i kultura komarowska, Bulletin de l'Academie Polonaise des Sciences. Cracovie, 1936.

[38] T. Sulimirski. Barrow-Grave 6 at Komarow. Bulletin of the Institute of Archaeology. 4, London, 1964, стр. 171—185.

М. Д. ХЛОБЫСТИНА

КАМЕНСКИЙ МОГИЛЬНИК НА ЕНИСЕЕ И УСТЬ-ЕРБИНСКАЯ ГРУППА КАРАСУКСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Интенсивное развитие скотоводства и обработки металлов, усилившийся обмен между племенами, чему способствовало усовершенствование средств передвижения, нашли выражение в многообразии материальной культуры Южной Сибири эпохи развитой бронзы. Происхождение карасукской культуры, сложившейся в степях Хакасско-Минусинской котловины к концу II тысячелетия до н. э., продолжает оставаться предметом оживленной дискуссии. Предположение С. А. Теплухова о перерастании андроновской культуры на Среднем Енисее в карасукскую и о сугубо автохтонном происхождении последней, наряду с гипотезами о центральноазиатском либо ирано-синцзянском истоках этой культуры, нашло отражение в некоторых последних работах[1]. Карасукская культура Минусинского края явилась, по-видимому, результатом взаимодействия устойчивой местной традиции окуневской и андроновской культур и внешних воздействий, выразившихся в близости значительной части бронзовых изделий к аналогичным предметам Внутренней Монголии и Забайкалья. Хотя в этом комплексе андроновский культурный элемент выступает лишь в качестве одного из компонентов и его роль далеко не всеобъемлюща, может быть намечена группа карасукских памятников с превалирующими андроновскими традициями.

Некоторые вопросы взаимодействия андроновской и карасукской культур в Хакасско-Минусинской котловине могут быть рассмотрены на материалах могильника Каменка II, расположенного на правом берегу Енисея у дер. Байкалово. Могильник занимает центральный мыс Каменского лога, являющийся отрогом второй надпойменной террасы, и состоит из могил андроновской и карасукской культур. В 1964 г. Правобережным отрядом Красноярской археологической экспедиции[2] была исследована, в частности, ограда № 9, относящаяся к карасукской части могильника и расположенная в его северо-западной оконечности. Ограда составлена из вертикально поставленных плит песчаника и имеет вид прямоугольника размером 6×4 *м*, ориентированного С-Ю, с пристройками и могилами в виде каменных ящиков (рис. 1). Могила 1 — каменный ящик из вертикально поставленных плит, размер 0,8 × 0,45 × 0,3 *м*, ориентировка С-Ю. Плиточное покрытие пробито грабителями. Внутри ящика захоронение ребенка, сильно потревоженное, возле черепа в юго-западном углу две пастовые бусы, а в северо-восточном углу красноглиняный горшок с резными треугольниками (рис. 2). Могила 2 — каменный ящик из вертикально постав-

[1] Н. Л. Членова. Карасукская культура в Южной Сибири. Древняя Сибирь. (Макет I тома «Истории Сибири»). Улан-Удэ, 1964, стр. 275 сл.; Э. А. Новгородова. Локальные варианты карасукской керамики. Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 186; Зиен Динь Хоа. Местная основа карасукской культуры. Автореф. канд. дис. Л., 1966, стр. 18.

[2] Начальник экспедиции М. П. Грязнов, начальник отряда Я. А. Шер.

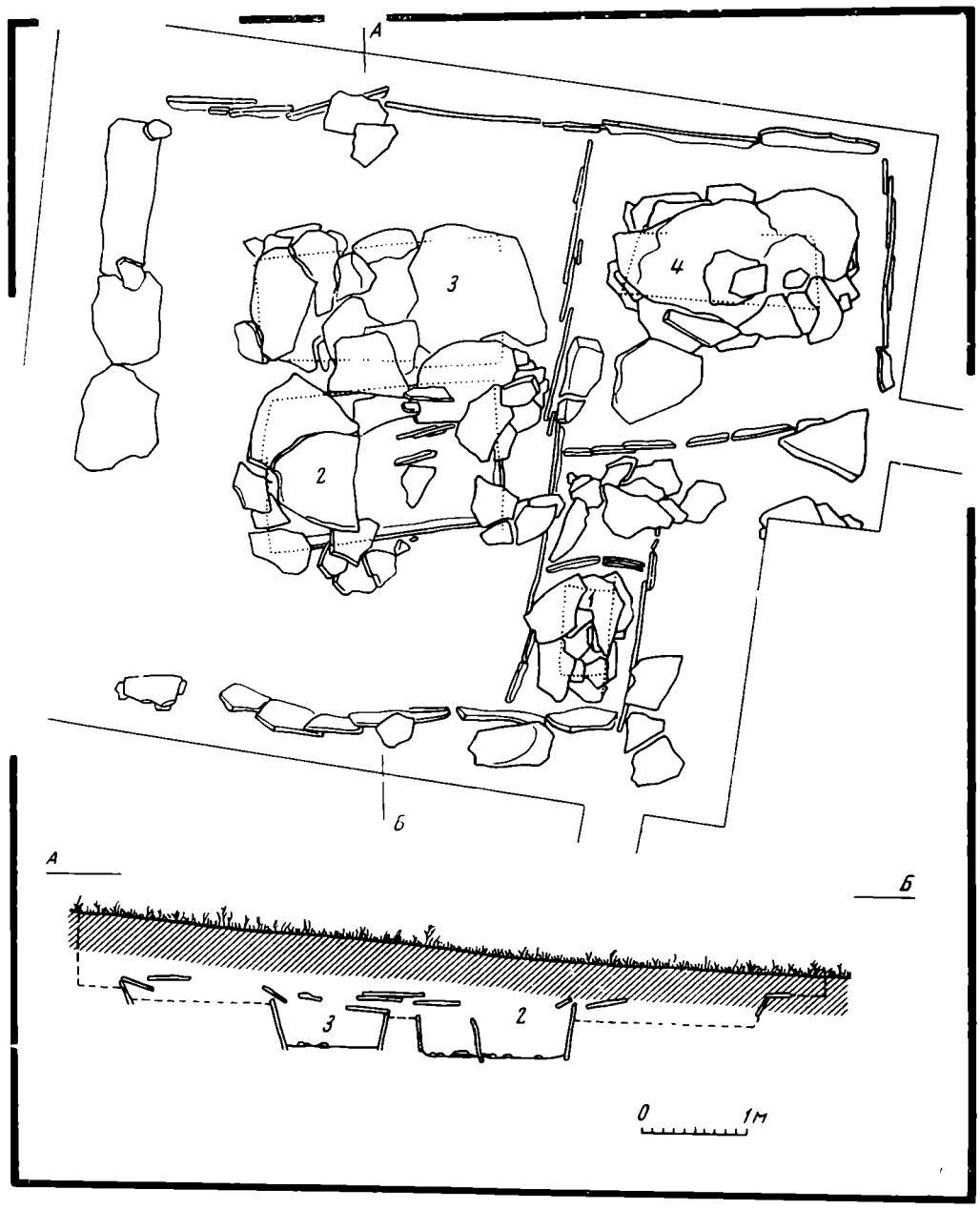


Рис. 1. План и разрез ограды № 9 Каменского могильника

ленных плит, размер 2,15 × 1,4 × 0,5 *м*, ориентировка З-В. Плиточное покрытие нарушено, погребения частично разграблены. Ящик разделен на две неравные части двумя вертикально поставленными плитами, проходившими вдоль могилы. На глубине 0,5 *м* обнаружены кости трех погребений. Погребение 1 в северном отсеке содержало скелет мужчины около 40 лет[3]. Судя по сохранившим анатомически правильное положение костям, умерший был положен скорченно, на левом боку, головой на северо-восток. При погребенном найдено: у грудных костей обломки двух сосудов, в области таза бронзовый изогнутый нож с грибовидной шляпкой, бронзовая пуговица с петлей, обломки бронзовых пронизок, а также 31 белая и 7 черных пастовых цилиндрических бусин. В ногах костяка лежали кости коровы (рис. 2). Погребения 2 и 3 в южном отсеке могилы содержали скелеты женщины и мужчины. Женщина около 30 лет лежала вплотную к перегородке, скорченно на левом боку, головою на северо-восток.

[3] Антропологические определения проводились кандидатом медицинских наук З. Б. Альтманом.

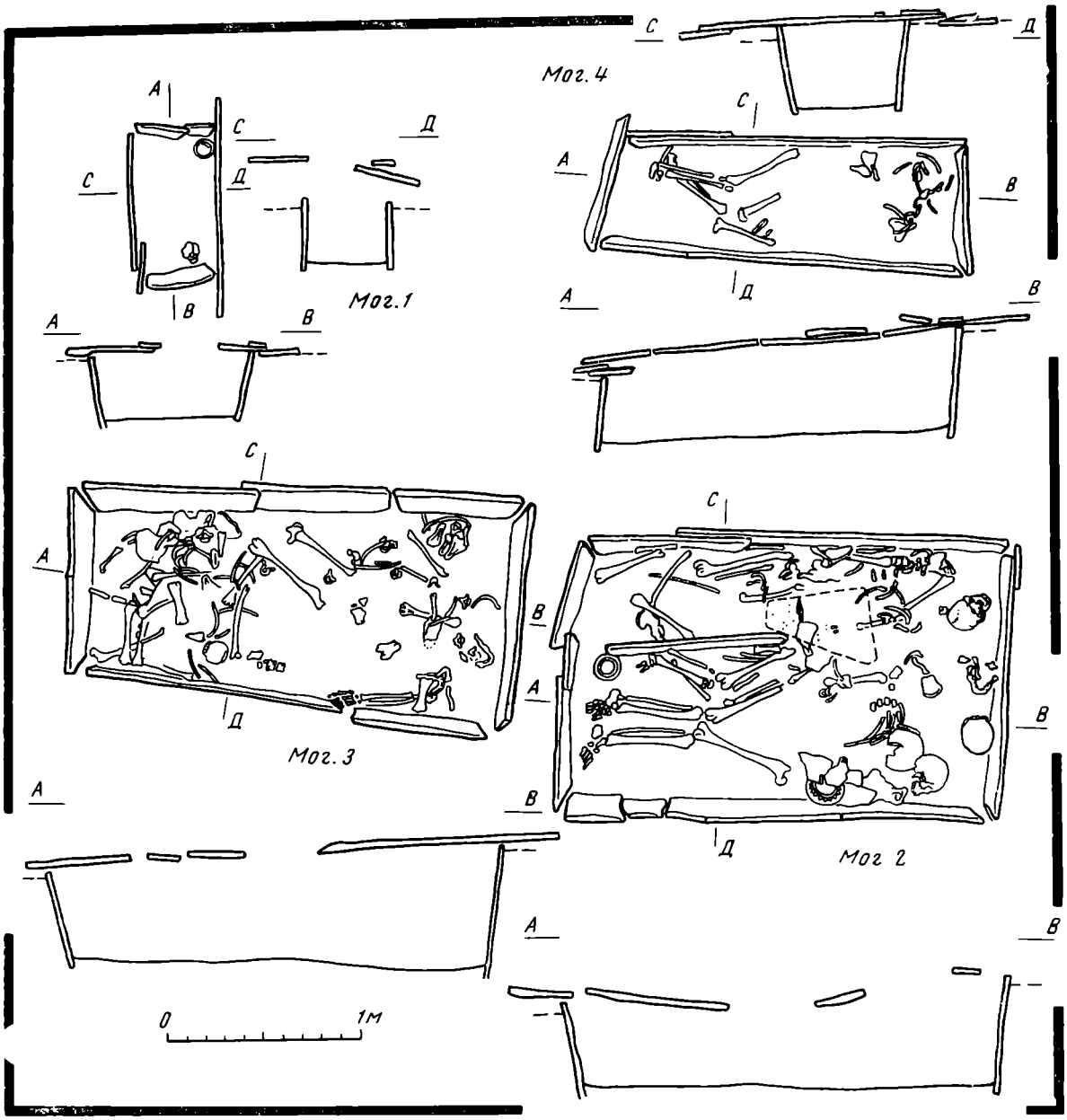


Рис. 2. Могилы в ограде № 9 Каменского могильника

На височных и затылочных костях черепа сохранились следы окиси бронзы, вероятнее всего, от лежавших рядом двух бронзовых плоских височных колец. В ногах стоял сосуд с рядом вдавлений по венчику. Женский скелет лежал за спиной скелета мужчины 45-летнего возраста, положенного, судя по непотревоженным костям, в аналогичном положении. В области груди найден кремневый треугольный наконечник стрелы, здесь же, вдоль южной стенки ящика, поставлены три сосуда: шаровидный с рядами треугольников, бомбовидный с ямочными вдавлениями по горловине и сферический сосуд с узором, заполненным белой пастой. Четвертый сосуд этого захоронения плоскодонный, с резким уступом по шейке. В могиле найдены кости коровы (рис. 2). Могила 3 — каменный ящик трапециевидной формы из вертикально поставленных плит, размер 2,3 × 1,3 × × 1 (0,5) *м*, ориентировка З-В, плиточное покрытие нарушено. В могиле в беспорядке находились кости четырех человек: мужчины 25—45 лет, женщины старше 40 лет, подростка (женщины) 12—14 лет и ребенка 1,5—2 лет. Отдельные сохранившие анатомически правильный порядок кости свидетельствуют о северо-восточной ориентировке погребенных. Рентгено-

скопией в правом плече мужчины обнаружен костяной наконечник стрелы. У южной стенки находился сосуд, украшенный треугольниками, заполненными белой пастой, а также черепок еще от одного сосуда. По всей могиле собрано 46 пастовых цилиндрических бус, а также кости коровы. Могила 4 — каменный ящик из вертикально поставленных плит, размер 1,8 × 0,6 × 0,45 *м*, ориентировка З-В, расположен в центре большой пристройки. Покрытие из плит нарушено. Могила содержала кости мужчины 25—45 лет, положенного, судя по непотревоженным костям, скорченно на левом боку, головою на северо-восток. В головах найдено бронзовое четырехгранное шило с остатками деревянной рукоятки. При погребенном лежали кости коровы (рис. 2).

Обряд захоронений Каменского могильника интересен присутствием двухкамерного каменного ящика. Ящики, разделенные на отсеки, встречаются в карасукской культуре редко [4], однако представляют значительный интерес, поскольку с их изучением связаны вопросы культурных параллелей и социальной структуры оставившего их общества. В двойном ящике рассматриваемого могильника мужчины-войны, судя по совпадению возрастов, могли быть братьями либо, что также не исключено, ровестниками-побратимами. Была ли женщина подхоронена позднее, с абсолютной точностью утверждать не приходится из-за общей нарушенности погребений, но в любом случае ей было уделено наименьшее внимание: она была почти зажата между плитой и спиною погребенного рядом мужчины. Положение этой пары погребенных повторяет обряд парных захоронений андроновских (федоровских) могильников Среднего Енисея, где женщина располагалась за спиною мужчины, тогда как в западных областях их клали лицом друг к другу. Обращает на себя внимание богатство инвентаря мужских погребений двойного ящика Каменского могильника по сравнению с попорченным сосудом и скромными украшениями женского погребения. Погребенная, возможно, находилась не в брачной, а какой-либо иной степени зависимости по отношению к захороненному рядом.

Прочие карасукские погребения в двухкамерных каменных ящиках также в той или иной мере свидетельствуют об андроновской традиции. Так, в Усть-Сыдинском могильнике (погр. 4) мужчина находился в редко встречаемом положении, спиною вверх, известном, однако, по андроновскому погребению из Усть-Ербы [5]. В Абаканском могильнике трехкамерный ящик интересен тем, что камера, расположенная перпендикулярно торцовым частям двух других, содержащих погребение мужчины и женщины, оказалась незаполненной [6]. Отсутствие погребенного в заготовленной заранее могиле — не редкость в андроновских погребениях алакульского типа западных областей, причем первым похороненным мог оказаться как мужчина, так и женщина. Могилы, предназначенные для двоих и лишь частично заполненные, встречены и в енисейском варианте федоровского этапа андроновской культуры [7].

Карасукские двухкамерные ящики могут быть сопоставлены с двойными погребальными камерами, относящимися к алакульскому этапу андроновской культуры в Центральном Казахстане (могильники Ату-Су и Бегазы). Не менее любопытны аналогии из погребений глазковской культуры Прибайкалья, где известны так называемые соседские могилы [8], на-

---

[4] Известны в следующих могильниках: Чарков улус, погр. 21—22 (раскопки С. А. Теплоухова), Усть-Сыда, погр. 4, 7 (раскопки С. В. Киселева), Абаканский могильник, погр. 3 (раскопки А. Н. Липского).

[5] С. В. Киселев. Андроновские памятники близ с. Усть-Ерба в Хакассии. СЭ, 1935, 4—5, стр. 208.

[6] А. Н. Липский. Карасукские погребения в г. Абакане. Краеведческий сборник, I. Абакан, 1956, стр. 112, рис. 3.

[7] М. Н. Комарова. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак. Археологический сборник, ГЭ, 3, Л., 1961, табл. II, *4*, *7*, V, *17*.

[8] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, 43, 1955, стр. 204—208.

ходящие параллель в некоторых андроновских погребениях Среднего Енисея, имеющих алакульские черты [9]. Таким образом, погребения в могилах, разделенных на отсеки, очевидно, были распространены на достаточно широкой территории в период, охватывающий середину — вторую половину II тысячелетия до н. э. [10]. В аналогичных погребениях карасукской культуры мы сталкиваемся с более сложным обрядовым комплексом, в котором сказалось совмещение признаков федоровского (парное погребение), алакульского (двойной каменный ящик) и собственно карасукского погребальных обрядов. Нахождение в карасукских могильниках одновременно погребений в двойных ящиках и одиночных могил с погребениями от одного до нескольких человек можно объяснить обычаем выделения отдельных членов общества, занимавших какое-то особое положение. В таких случаях представляется естественным обращение к архаическому, в данном случае андроновскому, обряду в его федоровском южносибирском варианте, однако несомненно и непосредственное воздействие алакульских обычаев, заимствованных из близлежащих областей.

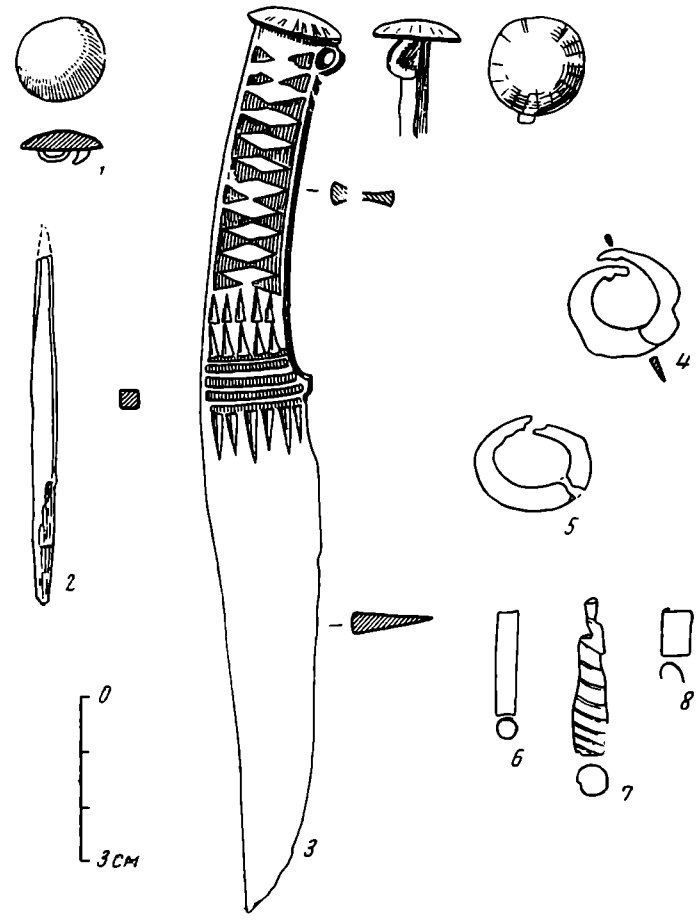


Рис. 3. Бронзовые изделия Каменского могильника

1 — пуговица с петлей, мог. 2, погр. 1; *2* — шило с остатками деревянной ручки, мог. 4; *3* — нож с грибовидной шляпкой, мог. 2, погр. 1; *4, 5* — височные кольца, мог. 2, погр. 2; *6, 7* — пронизки, мог. 2, погр. 1; *8* — обоймочка, мог. 2

О тесном соприкосновении обрядовых норм андроновского и карасукского погребальных обрядов свидетельствуют также формы надмогильных сооружений в виде округлых оградок из горизонтально уложенного либо врытого вертикально плитняка, известных в могильниках Окунева и Чаркова улусов, Кюргеннере, Карасукском и Тесинском [11].

Наконец, такая деталь погребального ритуала Каменского могильника, как нахождение в могилах исключительно костей коровы, в отличие от традиционных для карасукской культуры костей овцы, также может быть принята во внимание при рассмотрении архаичных черт в карасукских захоронениях.

---

[9] М. Н. Комарова. Ук. соч., стр. 58.

[10] Сводку подобных, а также парных разнополых погребений см. М. А. Итина. Могильник бронзового века Кокча 3. М., 1961.

[11] С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. МЭ, III, 2, Л., 1927, стр. 91, 94; С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. Ежегодник Гос. музея им. Н. М. Мартьянова, V, 2, Минусинск, 1929, стр. 81; М. П. Грязнов, М. Н. Комарова. Раскопки могильников в Западной Сибири. Сб. «Археологические открытия 1965 года», М., 1966, стр. 14; С. А. Теплоухов. Отчет о раскопках в Окуневом и Чарковом улусах 1928 г. Архив Музея этнографии народов СССР.

Обращаясь к керамике Каменского могильника, отметим разнообразие ее орнамента. Комплекс включает экземпляры, украшенные резным геометрическим линейным узором и ямочным орнаментом, причем в ряде случаев сохранилась белая паста [12]. Сосуды варьируют в пределах типичных для классических карасукских памятников вариантов сферической формы; лишь один горшок неорнаментирован и плоскодонен (рис. 3). По своим узорам керамика находит аналогии прежде всего в могильнике Усть-Ерба, расположенном в непосредственной близости от Каменки, на противоположном берегу Енисея. Сосуд из могилы 2 Каменского могильника с рядом раздельно процарапанных заштрихованных ромбов имеет своего «двойника» в сосуде из могилы 10, погребения II Усть-Ербы (рис. 4, *1*) [13]. Такое исключительное совпадение позволяет предполагать единый источник для обоих экземпляров и свидетельствует о синхронности этих могильников. Это подтверждается, впрочем, и всем комплексом керамики Усть-Ербы, этого «наиболее архаичного», по замечанию С. В. Киселева, карасукского могильника, где не только изобилуют горшки с развитым геометрическим орнаментом, но имеются также переходные андроновско-карасукские формы [14]. Сопоставление с Усть-Ербой влечет за собой подыскание аналогий среди могильников, для которых характерна узорчатая керамика в сочетании с экземплярами, украшенными различными комбинациями ямок и сосудами без орнамента, причем обе последние группы представлены в меньшинстве. К подобным памятникам относятся могильники Оракский, Окуневский, Кюргеннер, Сухое озеро, Есинский [15]. Их керамику отличает значительная орнаментированность поверхности сосуда, часто узорчатый, «ковровый» характер рисунка, составленного из комбинаций заштрихованных равнобедренных треугольников и ромбов, зигзагообразных линий, композиций в виде меандров и «бантов». Сосуды либо сферичны и круглодонны, либо имеют не свойственную классическому карасуку форму горшка с уплощенным дном (Есинская МТС) или форму бадейки, имитирующую в глине берестяной, часто узорчатый туесок (Каменка, Хара-Хая, Абаканский могильник) [16].

Вопрос о карасукской орнаментике остается неразработанным, однако очевидно сходство классического карасукского орнамента в его наиболее развитой форме с андроновским узором алакульского типа. Необходима, разумеется, дальнейшая конкретизация такого сопоставления, так как алакульский узор значительно варьирует в зависимости от области его распространения. Поскольку алакульские памятники представлены в Хакасско-Минусинской котловине, по-видимому, всего лишь несколькими погребениями, в отличие от федоровских, то предстоит выяснить, с местной традицией или с воздействием культуры сопредельных областей приходится иметь дело при сопоставлении орнаментов андроновской и карасукской культур.

В Карасукской керамике встречается уже творчески переработанный вид андроновского орнамента, подчиненного иным формам сосудов, новым

---

[12] М. П. Грязнов. О чернолощеной керамике Кавказа, Казахстана и Сибири в эпоху поздней бронзы. КСИА АН СССР, 108, 1966. Автор рассматривает, в частности, карасукскую инкрустированную посуду.

[13] С. В. Киселев. Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931 и 1932 гг. СА, III, 1937, стр. 152—163, табл. 1, *4*.

[14] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 136 сл.

[15] Могильник Орак, раскопки Г. П. Сосновского, архив ЛОИА, д. № 180; Могильник Окунев улус, раскопки С. А. Теплоухова, ГЭ, колл. № 4657, 4837; Э. А. Новгородова. Локальные варианты карасукской керамики. Сб.: «Новое в советской археологии», М., 1965, табл. 1, *5*, *6*, *8*; М. П. Грязнов. Ук. соч., стр. 14; Г. А. Максименков. Раскопки в долине речки Черновой. Сб.: «Археологические открытия 1965 года», стр. 9.

[16] А. Н. Липский. Карасукские погребения (1200—700 лет до н. э.) в г. Абакане. Краеведческий сборник, табл. II, *2*, *3*; Э. А. Новгородова. Ук. соч., табл. 1, *10*.

эстетическим запросам их владельцев и исполнителей. Упрощенность композиции и отдельных элементов, исключительно редкое, эпизодическое применение штампа, придававшего узору тонкость и разнообразие, говорят о несомненном упадке орнаментальной традиции, связанном, вероятно, со значительным идеологическим сдвигом. Орнаментальное разнообразие посуды андроновской культуры уступало место многообразию керамических форм карасукского времени.

Среди бронзового инвентаря Каменского могильника наибольший интерес представляет изогнутый нож с грибовидной шляпкой, найденный при северном мужском погребении двойного каменного ящика (рис. 3, *3*). Ножей с грибовидной шляпкой в Хакасско-Минусинской котловине известно около 30 экземпляров. Они интересные тем, что из всех групп карасукских ножей изогнутого типа наиболее часто соприкасаются с ножами коленчатых форм (форма навершия, шляпка, а не кольцо, пологая форма перехода к клинку на некоторых экземплярах, сходные узоры рукояток). Нож из Каменского могильника является четвертой находкой подобного ножа в погребении; прочие найдены в Окуневском могильнике (могила 13), Абаканском могильнике (могила 21), а также в могильнике Кюргеннер[17]. Каменский нож отличается от прочих ножей, найденных в погребениях, и имеет аналогии среди случайных находок, для которых характерен ромбический орнамент на рукояти. Его орнамент имеет также ближайшие соответствия в украшении рукоятей ножей с кольцом и кольцом с тремя кнопками, известных, кроме многочисленных случайных находок, из раскопок Окуневского могильника (могила 6), Абаканского (могила 15) и Бейского могильника (могила 3)[18]. Синхронность существования всех трех названных групп карасукских изогнутых ножей несомненна: она подтверждается сходством орнаментов и форм перехода в клинок, причем ромбический орнамент встречен преимущественно на экземплярах, лишенных шипа.

Ромбический орнамент на карасукских ножах особенно любопытен с точки зрения его аналогичности и взаимовстречаемости с орнаментом на керамике. Цепочка ромбов либо треугольников по рукояти ножа может быть сопоставлена с рядами таких же фигур на сосуде; вертикальное и горизонтальное размещение рисунка вполне соответствует форме украшаемого предмета. Ряды бывают сдвоенные и одинарные, причем и тот и другой узор известен и в керамике, и в бронзе. Более того, «флажки» под ромбами с изогнутых ножей находим также и на сосудах, даже располагаются они, как правило, под линией ромбического орнамента[19]. Намечается, таким образом, соответствие карасукской керамики, имеющей развитый геометрический орнамент, и карасукских изогнутых ножей с грибовидной шляпкой, кольцом и кольцом с тремя кнопками, украшенными вырезанными по литейной форме композициями из простейших геометрических фигур. Далее, в Окуневском могильнике (могила 9) и могильнике у Сухого озера найдено несколько изогнутых ножей с кольцевым расширением[20]. Обычно полная неорнаментированность таких ножей либо лаконичный узор из ряда «горошин», выглядевших ямками на литейной форме, вполне соответствуют характеру находимой с ними посуды, поскольку подобные ножи сопутствуют классическим карасукским могиль-

[17] М. Д. Хлобыстина. Бронзовые ножи Минусинского края и некоторые вопросы развития карасукской культуры. Л., 1962, рис. 4, *6*; А. Н. Липский. Ук. соч., табл. II, *4*; М. П. Грязнов. Ук. соч., рис. на стр. 13.

[18] М. Д. Хлобыстина. Ук. соч., рис 5, *3*; А. Н. Липский. Ук. соч., табл. 9, *3*; С. В. Киселев. Раскопки карасукского могильника на р. Бее в Хакассии летом 1936 г., СА, IV, 1937.

[19] Любопытно, что орнамент из заштрихованных треугольников точно совпадает с узором на кельтах «сейминского типа», чья датировка колеблется в пределах второй трети — конца II тысячелетия до н. э.

[20] М. Д. Хлобыстина. Ук. соч., стр. 15; Г. А. Максименко. Раскопки в долине речки Черновой. Сб.: «Археологические открытия 1965 года», стр. 9.

никам с неорнаментированной либо украшенной рядом ямок керамикой. По мнению некоторых исследователей, происхождение всего типа изогнутых карасукских ножей можно связывать с традициями андроновской металлургии, поскольку они «отливались в вырезных (каменных или из высушенной глины) литейных формах и в связи с этим сохраняют четкость граней» [21]. Вполне вероятно, что изогнутые ножи в способе отливки повторили манеру изготовления андроновских изделий, но они не восприняли их внешний облик. Аналогии подобным ножам уводят нас в центральноазиатские районы распространения культур карасукского типа, особенно ими изобилует Забайкалье [22]. В поисках происхождения формы карасукского изогнутого ножа следует, в частности, принять во внимание форму, промежуточную между ножами с кольцом и кольцевым расширением,— такие ножи имеют характерное двояковогнутое сечение рукояти, заканчивающееся, однако, не расширением, а кольцом. Интересно, что именно такой экземпляр найден в могильнике Сухое озеро, где керамика сохраняет в орнаменте пережиточные андроновские черты.

Таким образом, присутствие андроновских культурных элементов в могильниках карасукской эпохи с наибольшей определенностью устанавливается в погребальном обряде — двойные каменные ящики и кольцеобразные надмогильные сооружения; декоративном искусстве — сложная геометрическая орнаментика сосудов и соответствующее ей узорчатое оформление рукояток изогнутых ножей; гончарном деле — сосуды плоскодонной горшковидной формы. Все это позволяет выделить достаточно компактную группу карасукских памятников: могильники Орак, Сухое озеро, Окунев улус, Кюргеннер, Малые Копёны, Усть-Ерба, Каменка, в которых андроновская культурная традиция нашла наибольшее выражение. Эти могильники, отражающие процесс не первоначальный, далеко зашедшей ассимиляции андроновской культуры на Среднем Енисее новыми культурными элементами, удобно объединить названием у с т ь-е р б и н с к и е. В могильниках усть-ербинской группы андроновская традиция, как можно заметить, проявляется в различной степени и превалирует либо в погребальном обряде, либо в керамике и т. д., что отражает меру и характер взаимодействия андроновской и карасукской культур в данных конкретных условиях сложения каждого памятника. Андроновское влияние было, несомненно, достаточно широко распространено в Минусинском крае, оно не ограничивалось, по-видимому, какой-либо замкнутой территорией, о чем говорят пережиточные андроновские черты ряда погребений, встреченных в могильниках Карасук I, Усть-Сыда, Мохов улус и др., имеющих значительные группы погребений с неорнаментированными сферическими сосудами. Параллельно усть-ербинской и классической группам карасукских памятников развивалась бейская группа (могильники Бейская шахта, «у Енисейского моста»). Ее характерные признаки отражают древнюю местную традицию, своими истоками связанную с окуневской культурой первой половины II тысячелетия до н. э.: для бейской группы характерны захоронения на спине, в вытянутом положении, головой на юго-запад, часто с каменной подушкой у изголовья, коленчатые ножи, имитирующие в бронзе форму составного вкладышевого ножа, проволочные височные кольца женских погребений. Однако в бейских могильниках ясны и андроновские черты: булыжниковые кольца могил, грунтовые ямы, употребление дерева в погребальных камерах, расположение по одному погребению в каждой из оград. Бейские могильники с наибольшей полнотой отразили местную, окуневско-андроновскую традицию, среди прочих карасукских могильников они представляются наиболее культурно изолированными, а хронологически, по-видимому, предшествуют каменноложским могильникам, показывающим более поздний, предбайновский этап развития куль-

[21] Выступление М. П. Грязнова на заседании ленинградской секции Ученого совета ИА 30 мая 1963 г.

[22] Н. Н. Д и к о в. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958.

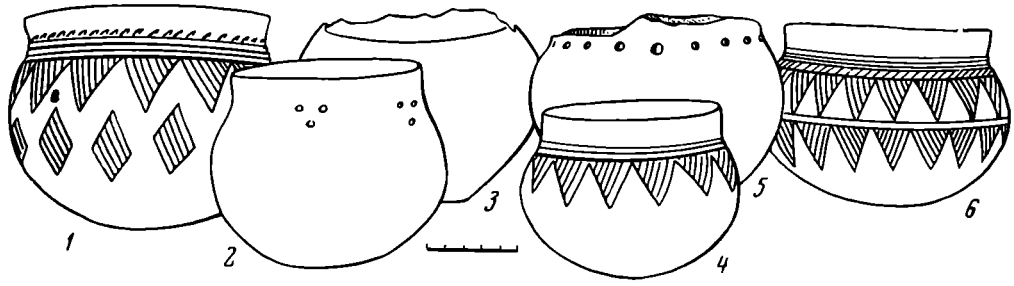


Рис. 4. Керамика Каменского могильника

1, 3 ,6 — мог. 2, погр. 3; *2* — мог. 3; *4* — мог. 1; *5* — мог. 2, погр. 2

туры карасукского времени (могильники Карасук VI, VIII, Лугавский, Федоров улус). Интересно, что и бейские, и каменноложские могильники располагаются всегда обособленно, тогда как могильники усть-ербинской группы зачастую непосредственно продолжают андроновское могильное поле.

Культурная и этническая чересполосица, существовавшая в Хакасско-Минусинской котловине в конце II тысячелетия до н. э., не означала, однако, бытования различных культур на этой ограниченной территории. Это была единая карасукская культура, включившая в себя ряд культурных групп, в каждой из которых преобладала та или иная этнокультурная среда. О сосуществовании этих групп свидетельствует взаимовстречаемость находимых в них предметов; этот вопрос, требующий специального рассмотрения, может многое прояснить в запутанной проблеме классификации карасукских могильников. Интересно, например, что в бейских могилах инородная керамика всегда относится к усть-ербинскому типу, в каменноложских могильниках такая керамика, напротив, классического карасукского облика и к тому же крайне редка и т. п. Подобные закономерности можно проследить и в бронзовом инвентаре, однако наименее четко они прослеживаются в украшениях. Сравнительное рассмотрение различных групп карасукских могильников поможет, таким образом, в разрешении вопроса о происхождении карасукской культуры в целом.

M. D. Khlobystina

LA NECROPOLE KAMENSKY SUR JENISSEI ET LE GROUPE D'OUSTERBA DES MONUMENTS DE KARASSOUK

Résumé

Dans la deuxième moitié du deuxième millénaire avant notre ère, dans les steppes de la Sibérie. Sud, se forme la civilisation du bronze développé, pour laquelle est caractéristique le développement synchrone de plusieurs groupes ethno-culturels. Les monuments pareils à la nécropole d'Oust-Erba, auxquels se rapporte aussi la nécropole Kamensky, héritent certains traits de la civilisation d'Andronovo: inhumations de l'homme et de la femme en commun, cistes doubles, dessins géométriques compliqués des poteries parmi lesquelles on peut voir des vases du genre des pots, à fond plat. Les monuments du type de «Beiskan — Chakhta» développent une très ancienne tradition, ayant pour source la civilisation d'Okounévo, tradition locale, mais, dans une certaine mesure, relfétant l'ethnos mongoloide (type de «Taskhaza»). Cela se révèle dans l'inhumation sur le dos, la tête disposée vers le sud-ouest, un «oreiller» en pierre au chevet; dans des couteaux coudés en bronze, imitant le couteau coudé composé, dans des anneaux temporaux en fil de bronze, dans des lamelles-pendeloques triangulaires, dans l'ornement linéaire et en accents-circonflexes de la poterie. Les monuments du type de la nécropole de Karassouk I, aux inhumations dans des cistes, la tête orientée vers le nord-est, aux vases en forme de navet, faiblement ornés, aux couteaux courbés en bronze ont des affinités avec les civilisations d'Ordos, de la Transbaikalie, de la Mongolie. Outils en bronze, poignards, parures composées, fonte artistique — tout cela se trouve être analogue. La coexistence de ces groupes de nécropoles est témoignée par la présence réciproque de certains articles.

Н. А. ОНАЙКО

РАЗВЕДКА АНТИЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ В РАЙОНЕ НОВОРОССИЙСКА И ГЕЛЕНДЖИКА

Северо-Восточное Причерноморье является одним из крупных районов нашего Юга, представляющих огромный интерес для изучения греческих городов азиатского Боспора и окружавших их племен. Однако эта территория обследована неравномерно. Античные памятники Таманского полуострова и прилегающей к нему территории, исследующиеся с середины XIX в., сравнительно хорошо известны. Значительно хуже обстоит дело с изучением юго-восточных окраин Боспора, в частности его земель, расположенных за Синдской гаванью — Горгиппией. Так, кроме письменных источников, и то порою недостаточно надежных, мы почти ничего не знаем об античных центрах, существовавших на месте современного Новороссийска и Геленджика. Точно не установлена юго-восточная граница Боспора, в состав которого в отдельные периоды его существования входили крупные центры Северо-Восточного Причерноморья и подвластные ему территории местного населения. Большое значение сельских поселений европейской и азиатской частей Боспора обусловливалось характером его экономики, основу которой составляло земледелие.

Наиболее ранним этапом в истории изучения этих мест можно считать археологическую экскурсию, проведенную В. Сизовым в конце прошлого столетия по Восточному побережью Черного моря. В. Сизов открыл и раскапывал здесь ряд античных, но главным образом средневековых памятников [1]. Особенно важны для нас предпринятые им исследования на Раевском городище и Мысхакском могильнике, почти уничтоженном еще в 20—30-х годах. Раскопки Раевского городища были возобновлены в 1954 г. В. Д. Блаватским и продолжены автором статьи в последующие годы, о чем неоднократно сообщалось в печати [2].

С целью дальнейшего, более широкого изучения Северо-Восточного Причерноморья, в 1965—1967 гг. Новороссийским отрядом Института археологии АН СССР совместно с историко-краеведческим Новороссийским музеем была проведена разведка и раскопки античных памятников в окрестностях Новороссийска и северо-западнее Геленджика [3]. Были обследованы черноморское побережье этого района и бассейны рек: Дюрсо, Абрау,

[1] В. Сизов. Восточное побережье Черного моря. МАК, II, М., 1889, стр. 59 сл.

[2] В. Д. Блаватский. Исследования Раевского городища в 1954 г. КСИИМК, 77, 1959, стр. 42; Н. А. Онайко. Раскопки Раевского городища в 1955—1956 годах. Там же, стр. 51; е е ж е. Средневековые сосуды с Раевского городища. «Историко-археологический сборник». М., 1962, стр. 190; е е ж е. О раскопках Раевского городища. КСИА АН СССР, 103, 1965, стр. 125; е е ж е. Эллинистическое здание Раевского городища и его место в архитектуре Боспора. СА, 1967, 2, стр. 155; е е ж е. «Варварские» подражания римским денариям из раскопок Раевского городища. КСИА АН СССР, 109, 1967, стр. 52.

[3] Е е ж е. Разведка памятников античного времени в районе Новороссийска. Сб. «Археологические открытия 1965 года». М., 1966, стр. 106; е е ж е. Разведка античных памятников в Северо-Восточном Причерноморье. Сб. «Археологические открытия 1966 года». М., 1967, стр. 74; е е ж е. Раскопки поселения в Широкой балке. Сб. «Археологические открытия 1967 года». М., 1968, стр. 82.

Озерейки, Чухабль, Суа, Мысхако, Цемеса, Ашамбы и Дооб (рис. 1). Наиболее значительными из них, в смысле наличия больших жизненно удобных пространств, являются огражденные грядами высоких северокавказских гор долины рек Озерейки, Мысхако и Цемеса. Долины остальных рек, протекавших по малым и большим балкам (щелям), менее обширны. Следуя по ним от берега моря, можно наблюдать, как они нередко прерываются близко подходящими друг к другу склонами противоположно стоя-

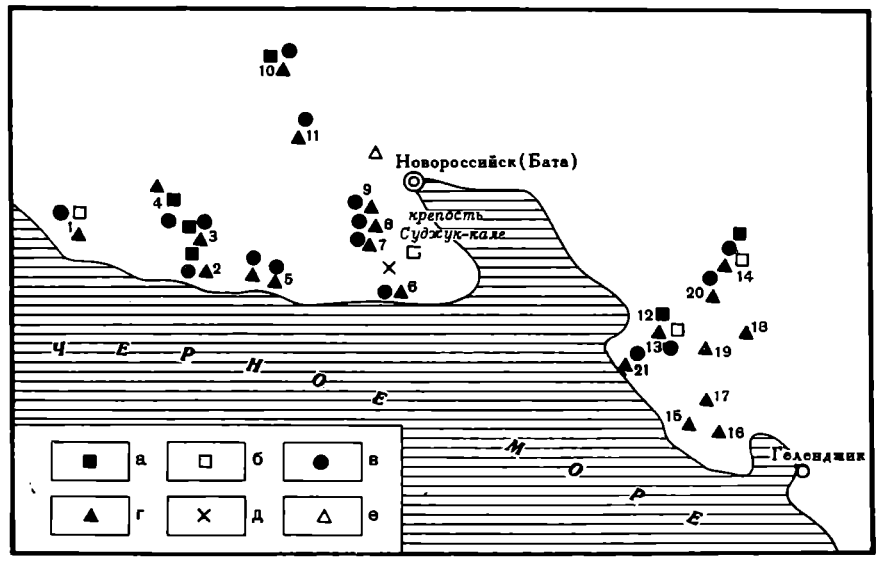


Рис. 1. Поселения античного времени в районе Новороссийска и Геленджика

1 — Дюрсо; *2* — Ю. Озерейка; *3* — С. Озерейка-1; *4* — С. Озерейка-2; *5* — Широкая балка; *6* — Мысхако-1; *7* — Мысхако-2; *8* — Мысхако-3; *9* — Мысхако-4; *10* — Владимировка; *11* — Борисовка; *12* — Кабардинка-1; *13* — Кабардинка-2; *14* — Виноградный; *15* — Ашамба-1; *16* — Ашамба-2; *17* — Ашамба-3; *18* — Ашамба-4; *19* — Ашамба-5; *20* — Дооб-1; *21* — Дооб-2
а — поселения VI—V вв. до н. э.; *б* — поселения V—IV вв. до н. э.; *в* — поселения IV—I вв. до н. э.; *г* — поселения I—IV вв. н. э.; *д* — местоположение бывшего имения Пенчулы; *е* — случайная находка золотых ювелирных изделий

щих гор, образуя лишь небольшие поляны. Весьма своеобразен ландшафт Широкой балки (бассейн р. Чухабль) с большими пологими, а чаще довольно крутыми склонами гор, покрытыми в настоящее время старым виноградником и густыми зарослями крупного кустарника. Последнее обстоятельство очень затрудняет поиски следов поселения, разбросанного, как и современный поселок, вдоль балки.

Между бассейнами всех рек лежат высокие горы, вплотную подходящие к морю. Наиболее длинным таким участком на изучаемой территории является побережье между Новороссийском и пос. Кабардинка. Внутренними путями сообщения здесь в настоящее время (как, по-видимому, и в древности) служат водные, по берегу моря, и сухопутные, через горные перевалы. Пешеходные, а иногда и гужевые дороги через перевалы особенно хорошо налажены на участке между Абрау-Дюрсо и Малой землей (Мысхако).

В результате трехлетних работ экспедицией собран значительный материал, позволяющий наметить на белом пятне археологической карты изучаемого района местонахождение древних поселений и дать им предварительную характеристику.

Поселения располагались на возвышенных холмисто-равнинных террасах рек или несколько удаленных от рек склонах высоких гор. Бо́льшая часть поселений находится на значительном расстоянии от берега моря. Основной их защитой от врага и непогоды являлись естественные преграды — высокие горы. Поселения были, по-видимому, небольших размеров и располагались довольно близко друг от друга. В настоящее время

они почти все заняты виноградниками. Разбивка последних с помощью глубокой вспашки весьма губительно сказалась на сохранности остатков поселений, мощность культурного слоя которых достигает лишь 0,60—0,70 *м*. С другой стороны, именно виноградники (а иногда и сады) единственно открытые площади в сплошных северокавказских зеленых массивах, помогают находить древние памятники. Характерной особенностью некоторых поселений, расположенных в бассейне р. Дооб, является отсутствие на них сколько-нибудь мощного культурного слоя. Сильно эррозированная керамика здесь подобрана непосредственно на выступах обнаженных или покрытых травою скал. Если территория подобного поселения вспахана под виноградник, то его древняя поверхность представляет собой сплошную щебенку с незначительным количеством в ней земляного грунта.

Основной категорией находок на поселениях, где производился только сбор подъемного материала и шурфовка культурного слоя, является керамика, в которой выделяются единичные обломки протофасосских амфор и амфор со стаканообразными ножками конца VI — началаV в. до н. э. Они найдены на поселениях, расположенных в долинах рек: Озерейки (рис. 1, *2—4*), Цемеса (рис. 1, *10*), Дооб (рис. 1, *12, 13*) и Ашамбы (рис. 1, *14*). На некоторых из этих поселений (рис. 1, *12—14*), а также на поселении, открытом в бассейне р. Дюрсо — (рис. 1, *1*), обнаружены единичные обломки амфор V—IV вв. до н. э., в том числе хиосских. В значительно большем количестве на всех упомянутых поселениях представлена эллинистическая керамика. Она зафиксирована также на поселениях в Широкой балке (рис. 1, *5*); на Малой земле (Мысхако) и в ее окрестностях — (рис. 1, *6—9*); в бассейне р. Дооб — (рис. 1, *20, 21*). Это керамическая тара Хиоса, Фасоса и его круга (имеется два колесообразных клейма), Синопы, Гераклеи, Боспора (Пантикапей, Горгиппия?), Родоса, Коса и других античных центров. Встречались также обломки красноглиняных пифосов, простой тонкостенной и лепной посуды. Еще в 1945 г. при полевых работах в районе Марьиной Рощи (бассейн р. Ашамбы) был найден золотой статер Лисимаха, а в 1950 г. в окрестностях пос. Кабардинка — боспорская бронзовая монета 325—300 гг. до н. э. с изображением на одной стороне головы Сатира в венке влево, на другой — головы быка влево и надписи — ΠΑΝ [4].

На Малой земле (1966 г.) и в Широкой балке (1967 г.) начаты раскопки, материалы из которых свидетельствуют об интенсивной жизни на этих поселениях в римское время. Поселение на Малой земле, в отличие от многих других, находится на самом берегу моря, в устье небольшой р. Мысхако, на левом ее берегу. Это примерно в 3—4 *км* от раскапывавшегося В. Сизовым могильника. Здесь обнаружены зерновые ямы обычной конусовидной формы, заполненные культурными остатками. Основная масса находок, добытых как при зачистке этих ям, так и на остальной площади раскопа (мощность культурного слоя до 1 *м*), относится к рубежу и первым трем векам нашей эры. Керамическая тара этого времени представлена несколькими типами амфор: красноглиняные с двуствольными ручками, красноглиняные с коническим и конусовидным дном, красноглиняные с профилированными ручками и различные варианты амфор из коричневой и светлой глины [5]. Много простой сероглиняной посуды (миски, кувшины, сосуды для питья). Некоторые ее формы, особенно пролощенные миски с профилированным бортиком, напоминают прикубанскую керамику [6]. На одном из сероглиняных канфаровидных сосудов имеется сармат-

[4] Сообщение Д. Е. Щеглова. Геленджикский краеведческий музей, инв. № 44 и 519. См. А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, 16, 1951, табл. XL, *31*; табл. XLI, *1*.

[5] И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, 83, 1960, табл. XXVI, *60, 62*; табл. XXVIII, *64*; табл. XXIX, *69—71*; табл. XXXI, *75а*; табл. XXXII, *76в, 77*; табл. XXXIII, *7, 8*; табл. XXXV, *84*; табл. XXXVII, *90—93* и др.

[6] Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, 23, 1951, стр. 176, рис. 8, *3, 8*.

ский тамгообразный знак с отходящими от двух его углов дугообразными линиями.

В лепной керамике, изготовленной из грубой глины с большим количеством крупного кварца, доминируют кухонные горшки и миски. Характерной формой для первых является плоскодонный горшок с отогнутым наружу венчиком и подковообразными налепами по тулову сосуда[7]. Среди лепных лощеных мисок одни подражают формам античных мисок с загнутыми внутрь краями; другие отличаются профилированным или прямым краем, переходящим под углом к тулову сосуда, и имеют близкие аналогии в кухонной посуде Прикубанья[8]. К прикубанским типам керамических изделий очень близки и найденные на этом поселении обломки обожженных плиток прямоугольной формы с широким основанием и сквозным отверстием посередине[9]. Подобные «стоячие» плиты (многие из них украшены изображением спирали, волны, креста и других знаков) характерны для позднемеотской культуры Прикубанья (краснодарские и другие городища)[10]. К сожалению, еще не выяснено назначение этих плит; предполагают, что они связаны с обычаями и верованиями меотских племен и носили вотивный характер[11].

Обращает на себя внимание сравнительно большое количество находок каменных и глиняных грузил на поселении Малая земля. Импортная керамика представлена обломками краснолаковых чаш, а также единичными фрагментами стеклянных сосудов, относящихся главным образом к рубежу и первому веку нашей эры. К III—IV вв. н. э. относятся лишь единичные обломки амфор[12].

Обильны остатки костей домашних (крупный и мелкий рогатый скот, лошадь, свинья, собака) и диких (благородный олень, кабан) животных, костей морских рыб и дельфина, а также птиц.

Во время разведки в 1965 г. на поселении была обнаружена часть круглого жернова (серый ракушечник). Подобные жернова, как и прямоугольные с линейными насечками, часто встречаются на кубанских городищах и датируются первыми веками нашей эры[13]. В этом же году здесь были найдены местным жителем три боспорские монеты I—II вв. н. э.: ассы Рискупорида I, Митридата III и сестерций Котия II[14].

Широкая балка находится в 14 *км* северо-западнее Новороссийска и хорошо известна в литературе по случайной находке в 1898 г. бронзовых вещей, в том числе и широко известный в литературе бюст боспорской царицы Динамии[15]. Эти вещи были найдены в имении И. П. Кулешевича, расположенном примерно в одном километре от берега моря, по правому берегу горной речки Чухабль, впадающей в небольшую бухту. На территории этого имения, где, по словам очевидцев, еще в 20—30-х годах стоял высокий «курган» из камней (руины разрушенного здания) и где были найдены бронзовые вещи, мы заложили небольшой раскоп обнаруживший культурный слой мощностью до 1,5 *м*[16]. Открыты остатки сравни-

[7] Н. В. Анфимов. Меотские поселения Восточного Приазовья. КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 92, рис. 26, *3, 4*.

[8] Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. стр. 193, рис. 15, *10, 11*.

[9] Н. В. Анфимов. Археологические разведки по Среднему Прикубанью. КСИИМК, 60, 1955, стр. 49.

[10] Н. В. Анфимов. Адыгейская археологическая экспедиция 1959—1960 гг. Архив ИА АН СССР, Р-1, 2796, альбом, рис. 41.

[11] Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959, стр. 40, 41, рис. VII.

[12] И. Б. Зеест. Ук. соч., табл. XXXIX, *99а*; табл. XLI, *105*.

[13] Н. В. Анфимов. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья. МИА, 23, 1951, стр. 150—153, рис. 1, *7, 8*.

[14] Определение Д. Б. Шелова.

[15] М. И. Ростовцев. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа. «Древности», 25, М., 1916, стр. 1.

[16] Указанием на это место мы обязаны ленинградскому геологу Н. В. Попову — внуку С. С. Бялецкого, бывшего прорабом у И. П. Кулешевича.

тельно больших каменных помещений. Они относятся к двум строительным периодам: рубежа и первого века нашей эры. От первого помещения сохранились остатки одной стены и овальная в плане ограда из небольших каменных плит, поставленных на ребро, в пределах которой находилось много обломков пифосов. Сопровождавший этот слой грунт содержал следы большого пожарища. В нем найдено небольшое каменное ядро (мергель, вес 323 *гр*). Непосредственно под руинами этого сгоревшего комплекса вскоре было воздвигнуто другое, по-видимому, подобное же сооружение, от которого пока выявлены первые ряды трех каменных стен. Это здание также погибло в результате какой-то катастрофы, сопровождавшейся большим пожаром. К этому зданию, по-видимому, близко примыкала мощеная

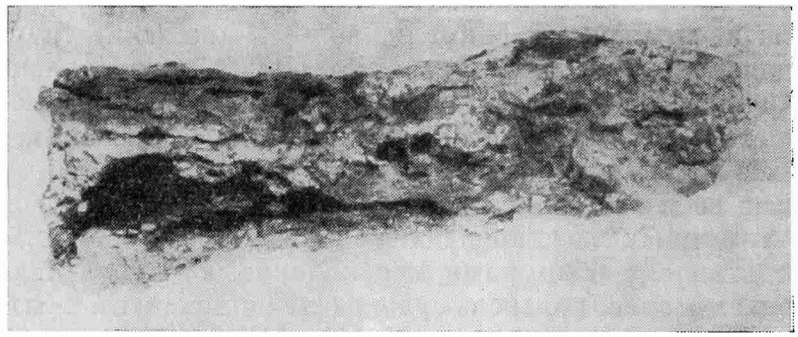


Рис. 2. Широкая балка. Земледельческое орудие труда

каменная дорога, остатки которой обнаружены и зачищены в соседнем с раскопом окопе.

Основную массу находок в открытых помещениях составляла керамика. В керамической таре доминируют светлоглиняные амфоры с двуствольными ручками и светлоглиняные узкогорлые амфоры с профилированными ручками [17]. На одной из стенок таких амфор имеется неполностью сохранившаяся трехстрочная надпись, нанесенная красной краской. Простая керамика представлена сероглиняными кувшинами, серовато-желтыми канфарами и мисками, среди которых встречаются миски с профилированными бортиками, характерные для Прикубанья [18]. Имеются обломки столовой посуды типа боспорских кастрюль, а также фрагменты красноглиняных рыбных блюд. Краснолаковая керамика состоит из обломков от кувшинов и мисок форм, обычных для рубежа и первого века н. э.

Лепной посуды сравнительно немного. Это плоскодонные горшки грушевидной формы, округлые горшки с подковообразными налепами на тулове и небольшие горшки с плоскими горизонтальными ручками в виде выступов. Все они имеют ближайшие аналогии в меото-сарматской керамике Прикубанья [19].

Из орудий труда наиболее частой находкой являются пряслица. Кроме этого, здесь найдена железная мотыжка (рис. 2) [20] и орудие труда каменотеса в виде двустороннего молотка.

Уникальной находкой является женский бронзовый бюст — гиря от античных весов (рис. 3) [21]. Подобные фигурные гири служили передвиж-

[17] И. Б. Зеест. Ук. соч., табл. XXVI, *62*; табл. XXVIII, *64*.

[18] Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской, стр. 195, рис. 16, *6*; его же. Меотские поселения Восточного Приазовья, стр. 92, стр. 26, *2*.

[19] Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской, стр. 171, рис. 5, *6*, *11*; стр. 176, рис. 8, *12*; его же. Меотские поселения Восточного Приазовья, стр. 91, рис. 25, *8*; стр. 92, рис. 26, *3*, *4*.

[20] Н. В. Анфимов. Новые данные к истории азиатского Боспора (Семибратнее городище). СА, VII, 1951, стр. 262, рис. 6.

[21] Вбитый в горло стержень от весов, как и удаление ушка в верхней части головы, является результатом более поздней обработки бюста.

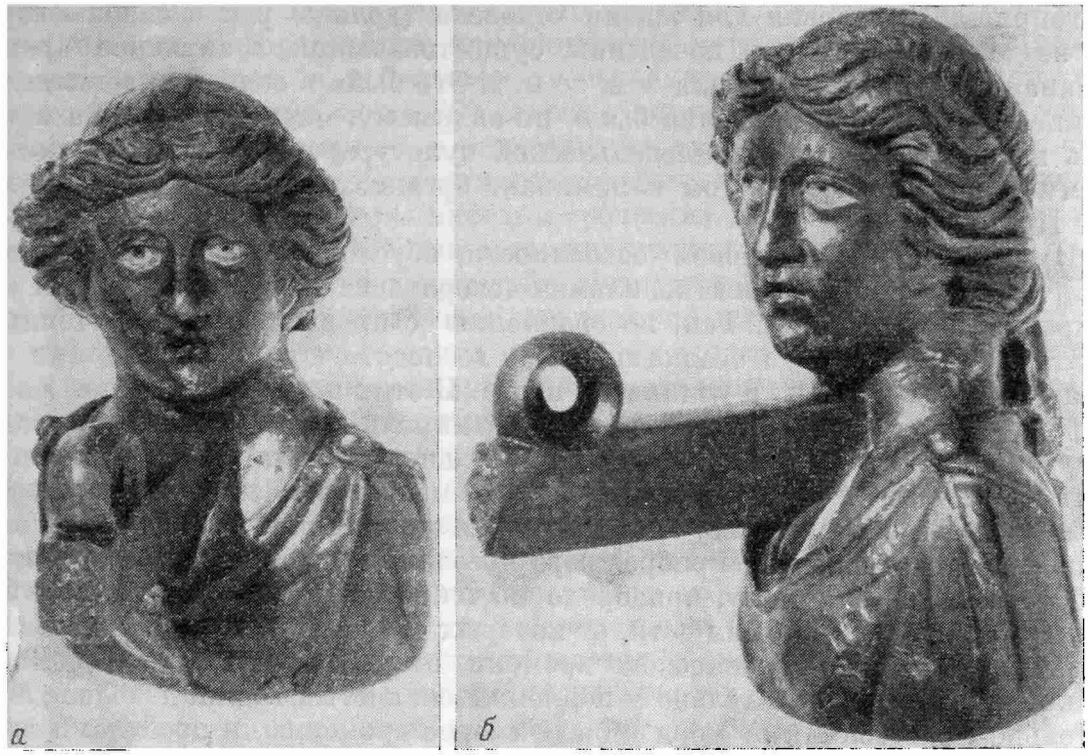


Рис. 3. Широкая балка. Бронзовая гиря в виде женского бюста

ным балластом в римских неравноплечих одночашковых весах[22]. Форма гермообразного бюста, художественный стиль и технические приемы изображения позволяют датировать его не позднее I в. н. э.

Фигурных гирь в Северном Причерноморье известно всего лишь около 13 экземпляров (они происходят из частных коллекций). Из этих гирь только две относятся к I в. н. э.[23]. Гиря из Широкой балки — первая документированная находка из раскопок северочерноморского поселения.

В 1963 г. Новороссийский отряд приобрел найденную в Широкой балке местным жителем боспорскую монету 325—300 гг. до н. э.[24].

В первые века нашей эры продолжается жизнь и на других поселениях (рис. 1, *1—11*), расположенных к северо-западу от Новороссийска. Керамика римского времени встречается и на поселениях, обнаруженных к северо-западу от Геленджика, в долинах рек Ашамбы (рис. 1, *14—20*) и Дооб (рис. 1, *12, 13, 21*). Подъемный материал этого времени состоит из обломков пифосов, светлоглиняных узкогорлых амфор, а также красноглиняных амфор с профилированными ручками и амфор с реберчатыми (имеются покрытые белым ангобом) стенками. Керамическая тара позднеантичного периода встречается сравнительно редко. Средневековая керамика, главным образом обломки пифосов, частое явление на всей изучаемой территории, но она относится, по-видимому, не ранее чем к VIII—X вв.[25].

Итак, несмотря на то, что археологические исследования на изучаемой территории еще очень далеки от завершения, уже сейчас можно сказать, что она все-таки отличается менее интенсивной степенью заселенности, чем лежащие к северо-западу от нее земли Боспора. В известной мере это объясняется географическими особенностями данного участка Кавказского побережья. Вместе с тем необходимо отметить, что там, где имелись

[22] Carl Blümlein. Bilder aus dem Romisch-Germanischen Kulturleben. München — Berlin, 1926, стр. 92, рис. 290.

[23] Л. И. Чуистова. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье. Сб. «Археология и история Боспора», II, Симферополь, 1962, стр. 82.

[24] А. Н. Зограф. Ук. соч., табл. XV, *30*.

[25] Определение А. Л. Якобсона.

благоприятные условия для жизни человека (долины рек и склоны гор), мы везде находим следы поселений, существовавших в античное время, начиная с конца VI — начала V в. до н. э. Это были в основном земледельческие поселения. Земледелие было, по-видимому, плужным, оно развивалось на основе местной земледельческой культуры и по своему техническому оснащению во многом напоминает организацию земледелия у племен Прикубанья [26].

Имелись, конечно, и свои особенности, обусловленные социально-экономическим уровнем развития племен северокавказского побережья и его природными условиями. Так, по сравнению с предкавказскими степями, богатыми черноземом и осадками, здесь господствуют скалистые (но не лишенные влаги) горы и глинистая почва. В этих условиях большое место в древности, как и в наше время, могло занимать выращивание винограда, чему способствовало наличие здесь длительного вегетационного периода для созревания подобных культур. Неменьшее значение в быту этих племен имели скотоводство, охота, а также рыбная ловля. Последняя особенность характерна для прибрежного поселения на Малой земле. Здесь рыболовство, по-видимому, приобрело значение регулярного промысла. Основным орудием лова были сети, от которых сохранились грузила. Некоторые поселения эллинистического времени, открытые в бассейне р. Дооб, ютились почти исключительно у подножья скалистых гор на довольно значительном расстоянии от моря и были скорее временными поселками типа скотоводческих кошей.

Поселение в Широкой балке, познакомившее нас с новым произведением античного художественного ремесла и хозяйственным комплексом, представляло собой, по-видимому, богатую виллу, расположенную в небольшой, но удобной для причала судов бухте. Характерные для Широкой балки эллинские черты быта (монументальная архитектура; бронзовый бюст-гиря от римских весов, а также некоторые керамические формы из раскопок 1967 г.) сближают это поселение с поселением городского типа у станицы Раевской. Таким образом, можно отметить неоднородность сельских поселений, открытых на обследованной территории.

Поселения, расположенные на участке между бассейнами рек Дюрсо и Цемесса, находятся в ближайшем соседстве с современным Новороссийском, на месте которого некоторые исследователи помещают древнюю Бату [27]. Это предположение заслуживает большого внимания. Сознавая важность его аргументации, мы оставляем за собой право посвятить этому вопросу специальную заметку. В настоящем же сообщении лишь кратко отметим основные источники, указывающие на существование Баты на месте Новороссийска и уже, во всяком случае, более крупного античного центра, чем близлежащие к нему поселения. Основным письменным источником для этого является Страбон, который сообщает о том, что за Синдской гаванью на расстоянии 400 стадий (около 70 *км*) находятся так называемые Баты — селение (κώμη Βάτα) и гавань с тем же названием [28]. Примерно на этом расстоянии и расположен Новороссийск от Анапы. В 30-х годах XIX в., когда Новороссийска еще не существовало, место его будущего расположения посетил Дюбуа де Монпере [29]. Он отметил у берега моря, против форта, следы большого города, где, по его словам, находили большое количество греческих и римских монет. Примерно тогда же и позднее в этих местах побывал Тетбу де Мариньи. Он тоже заметил следы древних построек и много курганов к юго-востоку от форта [30]. Живший в Новороссийске контр-адмирал Серебряков, большой лю-

[26] Н. В. Анфимов. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья.
[27] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.— Л., 1948, стр. 220.
[28] Strabo, XI, 2, 14.
[29] F. Dubois de Montpereux. Voyage autour du Caucase, V, Paris, 1843; В. Сизов. Ук. соч., стр. 56 сл.
[30] Тетбу де Мариньи. Цемесская бухта. ЗООИД. 1853, 3, стр. 211; В. Сизов. Ук. соч., стр. 56 сл.

битель древностей, также отметил, что «в 1840 г. существовал еще возле моря, в черте Новороссийска, неправильный четырехугольник из камня, неровно отесанного, в небольшом возвышении над уровнем земли, вмещавший пространство около 800 сажен в окружности. Теперь его совершенно срыли»[31]. Возможно, в этом следует видеть описание следов средневековой крепости, но последние, как известно, нередко воздвигались на обжитых местах. К тому же находки греческих монет могут указывать на то, что под этой крепостью были остатки античного поселения.

В различное время на территории Новороссийска и в его окрестностях было обнаружено немало ценных для истории города случайных находок, из которых, к сожалению, почти ничего не сохранилось. В археологической литературе упоминается лишь незначительная часть из этих находок: золотые украшения, найденные в Цемесской долине[32], клады монет[33]; гробница, обнаруженная при строительных работах на бывшей Соборной площади (сад им. Ленина[34]); она была сложена из боспорских, по-видимому горгиппийских, кровельных черепиц III в. до н. э., на одной из которых имелось двойное клеймо с надписью: Βασιλ[ικήδια Βατά(κου) (по В. Ф. Гайдукевичу). Возле гробницы была найдена амфора с нечетким клеймом на ручке. Наконец, упомянутые нами бронзовые вещи из Широкой балки. Кроме этого, в местных газетах и архивных записках работавшего в 20—30-х годах в Новороссийске краеведа Г. Ф. Чайковского имеются заметки о различных находках на территории города. Особенно большую ценность представляет его сообщение о находках, добытых в устье Цемеса при расширении порта, где было обнаружено огромное количество черепков и целых сосудов. Подчеркивается большое разнообразие форм амфорных ножек и наличие клейм[35]. Время от времени в Цемесской бухте и сейчас находят амфоры. Так, в 1965 г. здесь были подняты со дна моря две клейменные гераклейские амфоры IV в. до н. э.[36]:

1) Σατυρικο(υ) Βάκχο(υ)
гроздь винограда

2) Ἐπι Μολ[όσσο(υ)
Κέρκιν[ος

В коллекциях Новороссийского историко-краеведческого музея хранится довольно много различных вещей (амфоры, глиняная и стеклянная посуда, терракота, металлические изделия, мрамор, монеты и пр.), достоверные сведения о местонахождении которых в свое время или не были отмечены в инвентарных книгах, или потом утеряны. Лишь о некоторых из этих вещей можно твердо сказать, что они найдены в районе Новороссийска: обломок горгиппийской черепицы с остатками клейма — ΔΙΑΒΑΤΑ, амфоры эллинистического времени и несколько боспорских монет IV—III вв. до н. э. и I—III вв. н. э.

Утрата вещей, найденных на территории Новороссийска, и отсутствие полных о них публикаций нанесли непоправимый ущерб науке. Это положение усугубляется еще тем, что значительная часть древнего города была, по-видимому, смыта морем еще до того, как там был построен Новороссийск (1838 г.). Этому способствовала особенность местного строительного камня — «трескуна», легко поддающегося разрушительному действию природы. Большой вред строительным сооружениям здесь веками

---

[31] Там же.

[32] Н. В. Случайная находка близ Новороссийска. ИАК, 11, СПб., 1904, стр. 167—168, рис. 1—7.

[33] М. И. Ростовцев. Бронзовый бюст..., стр. 24, рис. 3; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 221; В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР. САИ, 1961, стр. 39, № 7—10.

[34] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 221; его же. Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях времени Спартакидов. КСИИМК, XVII, 1947, стр. 24, 25; рис. 11 и 12.

[35] Г. Ф. Чайковский. Находки в Новороссийске. НМ-1412, 771.

[36] Расшифровка клейм Д. Б. Шелова.

приносят местные ветры (бора), сопровождавшиеся резкими изменениями в атмосферном давлении. Какая-то часть города, особенно гавань, возможно, оказалась забетонированной при постройке порта. Так исчезли следы древнего городища. Тем не менее характер известных нам с этой территории памятников указывает на то, что здесь был довольно крупный центр, вокруг которого в разное время основывались небольшие сельские поселения и загородные виллы. Особенно большое значение этот центр — Бата (Патус, Пагры) — приобрел, по-видимому, в римское время. Исходя из того, что Страбон прилагает термин κώμη к той части населенных пунктов, которые обычно именуются малыми боспорскими городами[37], можно предположить, что подобным городом была и Бата. Характерная особенность страбоновского поселения, разделенного на само поселение и гавань, до недавнего времени была присуща и современному Новороссийску: порт в устье Цемеса и юго-западнее от него жилые кварталы города. Сейчас это почти сгладилось новостройками.

Имеющиеся в настоящее время данные позволяют, как нам кажется, более уверенно, чем это делалось до сих пор, считать юго-восточной границей Боспора современный Новороссийск и прилегающие к нему окрестности, хотя в сфере экономического влияния этого государства находилась, по-видимому, более обширная территория Кавказского побережья. В перипле Псевдо-Скилака Патус упоминается в числе таких эллинских городов Синдики, как Фанагория и Кепы[38]. По археологическим данным влияние торговой экспансии Боспора с IV в. до н. э. в районе Новороссийска прослеживается в более широком. чем прежде, распространении античного импорта, а главное — в появлении товаров боспорского производства (клейменая черепица, вино, глиняная посуда) и боспорских монет. Эта территория попала под власть Боспора, по-видимому, в период правления Левкона I, который вскоре стал именоваться не только «архонтом Боспора и Феодосии», но и «... царем синдов, торетов, дандариев и псесов»[39]. Титулатура следующих за ним боспорских царей Перисада I и Перисада II включала уже племена фатеев, досхов и даже «всех меотов»[40]. Между Синдской гаванью и Батой жили, по-видимому, племена торетов, отождествляемые Безымянным периплом Арриана с керкетами[41]. К сожалению, археологические данные еще не позволяют более точно наметить границы расселения этих племен и дать полную характеристику их материальной культуры. В то же время совершенно очевидно, что они имели много общего с меотскими племенами Прикубанья, особенно на сарматском этапе их развития. Выяснение же особенностей культуры керкетов, связанных с местной традицией,— дело будущего.

Расширение торговли Боспора с азиатской стороной способствовало оседанию на землю кочевых племен и появлению новых поселений. Это создавало благоприятные условия для обогащения и выделения племенной знати в варварской среде. Вместе с тем создается впечатление, что эти процессы социально-экономического развития племен изучаемого района, характерные и для других племен сельскохозяйственной территории Боспора, на юго-восточных его окраинах протекали медленнее. Ввоз греческих товаров увеличился по сравнению с предшествующим периодом, но еще как будто не получил такого широкого распространения, как это наблюда-

---

[37] В. Д. Блаватский. Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье. ПИСП. М., 1959, стр. 19.

[38] Ps.-Scyl. peripl., 72; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 220.

[39] IOSPE, II, *6, 7, 343;* В. Шкорпил. Новонайденные Боспорские надписи. ИАК, 63, Пг., 1917, стр. 109; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 60; В. П. Шилов. О расселении меотских племен. СА, XIV, 1950, стр. 106.

[40] IOSPE, II, 8, 10, 11, 15, 344—347; IOSPE, IV, 418, 419; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 60—61; В. П. Шилов. О расселении меотских племен, стр. 105—106.

[41] Arrian peripl. P. Eux, §§ 63 и 65.

ется позднее, в римский период. Материалы раскопок поселений в Широкой балке и на Малой земле, а также случайные находки с других поселений являются хорошей к этому иллюстрацией, что согласуется с очередным подъемом экономики Боспора, начавшегося со второй половины I в. до н. э. Богатая вилла в Широкой балке была, видимо, одним из крупных землевладельческих хозяйств Боспора, характерных для этого времени.

Находка бюста Динамии в Широкой балке, естественно, ставит перед нами вопрос: какое отношение могла иметь боспорская царица к этой вилле? Возможно, здесь Динамия укрывалась после ее разрыва с Полемоном I, когда она вынуждена была удалиться на азиатскую сторону Боспора под защиту синдо-меотских племен [42]. Не являются ли обнаруженные на этом поселении мощные слои пожарищ свидетелями тех бурно развивающихся военных действий, которые связаны с походами Полемона I против Динамии [43]? Правда, не следует забывать, что в это время античные города и принадлежавшие им сельские территории постоянно подвергались разрушениям со стороны сарматов. Во всяком случае, гибель зданий на исследуемом участке поселения в Широкой балке, безусловно, связана с одними и теми же историческими событиями, потрясшими Боспор на рубеже нашей эры. Найденное здесь ядро расширяет наши представления о технике военного дела в Северном Причерноморье. На Боспоре ядра начали применять с конца II в. до н. э. Особенно широко они были, по-видимому, распространены в период господства Митридата на Боспоре, когда в военном деле широко применялись метательные машины [44].

Незначительное количество находок позднеантичного времени на поселениях обследованной территории свидетельствует о замирании жизни на них в это время, что, по-видимому, связано с опустошительными набегами готских и других племен. Не случайно окрестности Новороссийска и прилегающие к нему с северо-запада районы так богаты находками кладов и отдельных монет — «варварских» подражаний римским денариям [45]. Высказанное в литературе предположение о том, что Горгиппия и окружающая ее территория в 30-х годах III в. н. э. переживает временное разрушение и отделяется от Боспорского царства, по-видимому, относится и к его землям, лежащим юго-восточнее Синдской гавани [46].

N. A. Onaïko

LA PROSPECTION DES MONUMENTS ANTIQUES DANS LA RÉGION DE NOVOROSSIJSK ET DE GUÉLENDJIK

Résumé

Pendant les années 1965—1967, le détachement de Novorossijsk de l'Institut Archéologique de l'Académie des Sciences de l'URSS et le musée Historique d'Etudes du pays de Novorossijsk ont effectué la prospection et les fouilles des monuments antiques aux environs de Novorossijsk et vers le Nord — Ouest de Guélendjik. En résultat des travaux qui ont duré trois années, l'expédition a récolté des matériaux inportants, ce qui permet d'indiquer approximativement les emplacements des anciens villages et de leur donner une caractéristique préalable. On éclaircit de même l'importance du centre antique — Baty (actuellement Novorossijsk), le plus proche de ces villages et situé sur la frontière Sud — Est de l'Etat de Bospore. Au III s. de notre ère Baty et le territoire environnant, aurait subi une destruction temporaire et se serait séparé du royaume de Bospore.

---

[42] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 222.

[43] Strabo, XI, 2, 3, 11, 18; М. И. Ростовцев. Бронзовый бюст..., стр. 18.

[44] В. Д. Блаватский. Осада и оборона в античном Причерноморье. КСИИМК, XVI, 1947, стр. 90; его же. Каменное ядро из Фанагории. КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 135; его же. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, стр. 109; Н. И. Сокольский. Каменные ядра из Пантикапея. МИА, 103, 1962, стр. 246.

[45] В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР, стр. 16; Н. А. Онайко. «Варварские» подражания римским денариям из раскопок Раевского городища, стр. 52, рис. 13.

[46] И. Т. Кругликова. Боспор в позднеантичное время. М., 1966, стр. 12.

С. П. ПАЧКОВА

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ У СЕЛА ЛЮТЕЖ

В литературе, посвященной зарубинецкой культуре, поставлены и в большей или меньшей степени освещены вопросы происхождения, датировки, этнической принадлежности ее носителей, типологии памятников и классификации археологического материала. Вопросы же экономического развития почти совсем не затронуты и на фоне общей изученности зарубинецкой культуры являются наименее разработанными. Раскопкам подвергались в основном могильники, содержащие специфический инвентарь, недостаточно характеризующий хозяйственную деятельность населения, а исследование поселений в значительной мере отставало. И только в 50-х годах были предприняты раскопки Чаплинского городища — первого широко исследованного памятника, давшего значительный материал для характеристики хозяйства местных племен. Основываясь на материалах из Чаплина, П. Н. Третьяков пришел к выводу, что основой хозяйства обитателей городища было земледелие, развитое скотоводство и домашние промыслы. Значительное развитие получила у них черная металлургия и обработка металлов[1]. Эти данные в какой-то степени дополнялись отдельными находками из других памятников, которые, однако, не смогли существенно пополнить чаплинские коллекции.

Раскопки зарубинецких памятников, развернувшиеся в Поднепровье и Подесенье за последние годы, обогатили источниковедческую базу археологической науки новыми находками производственного инвентаря, характеризующего как земледельческую, так и ремесленную деятельность населения. На ряде памятников, расположенных в разных районах распространения зарубинецкой культуры, были найдены серпы, косы, тигли, долота, зубила и т. п. На Пилипенковой горе, в Киеве, Почепе, Зарубинцах и в некоторых других местах обнаружены следы железодобывающего производства, чрезвычайно важные для освещения ремесленного производства. Однако полученные материалы до настоящего времени еще не обобщены и не получили надлежащей оценки. Решение некоторых вопросов ремесленного производства зарубинецких племен стало возможным только в самое последнее время благодаря новым материалам, полученным при исследовании обособленного ремесленного центра начала нашей эры у с. Лютеж.

Лютежское поселение[2] расположено в пойменной части Днепра на правом берегу устья р. Ирпень, на небольшом песчаном всхолмлении. Восточнее поселения протекает небольшая речка Лютежок. Поселение занимает площадь более 1,5 *га*.

---

[1] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище. МИА. 70. 1959. стр. 119—153.

[2] Поселение находится у с. Лютеж, Дымерского р-на Киевской обл. Впервые было обнаружено в 1960 г. разведкой Института археологии АН УССР. Раскопки проводились в 1962—1964 гг. под руководством научного сотрудника института В. И. Бидзили.

Местоположение поселения малопригодно для земледелия, так как местность вокруг поселения низкая и болотистая, густо покрытая мелкими озерами и небольшим кустарником (рис. 1). Но богатства болотных и дерновых руд, залегающих в окрестных болотах, и густые леса создавали благоприятные условия для железодобывающего производства.

Раскопками поселения обнаружены остатки 4 жилищ, 15 сыродутных горнов и свыше 400 ям бытового и производственного назначения. Культурный слой поселения содержал большое количество железных шлаков и кусков сыродутного железа, обломков посуды, костей животных, реже

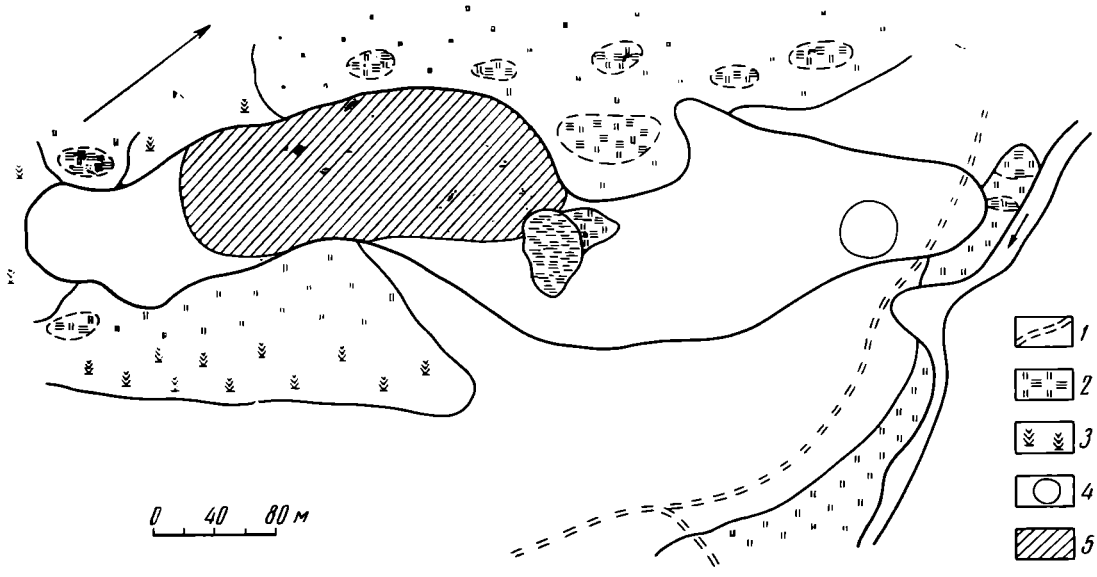


Рис. 1. Топографический план лютежского поселения

1 — дорога, *2* — болото, *3* — кусты, *4* — курган эпохи бронзы, *5* — территория распространения культурного слоя

встречались металлические изделия и украшения. По своему составу культурный слой однороден. Все находки были сосредоточены в песчаном слое с примесью золы и угля. Верхний и нижний горизонт слоя по характеру находок не отличались друг от друга, хотя найденные на поселении предметы разновременны: кроме зарубинецкой встречается керамика более древнего подгорцевского типа. Четкое стратиграфическое залегание разновременных слоев удалось зафиксировать только в одном случае, когда жилище подгорцевского типа перерезалось ямой, содержащей зарубинецкую керамику.

Дату подгорцевских материалов позволяет установить находка бронзового наконечника скифской архаической стрелы. По типологии, предложенной А. И. Мелюковой, этот наконечник может быть отнесен к VI—V вв. до н. э.[3] (рис. 2, *2*). Ранняя дата подгорцевских материалов подтверждается и облико керамического комплекса, содержащего глубокие чаши с загнутыми во внутрь краями, круглодонные сосуды (рис. 3, *1—3*).

Датировка зарубинецких комплексов основывается на ряде находок. Речь идет о глазчатой бронзовой фибуле, которая, согласно данным А. К. Амброза, относится к позднему их варианту[4] (рис. 2, *1*). Эта фибула может быть датирована не раньше второй половины или даже самым концом II в. Такая датировка подкрепляется фрагментом римского стеклянного кубка, обнаруженного вместе с зарубинецкой керамикой в яме № 83 в центральной части поселения, и двумя обломками гончарных черняховских сосудов, найденных в культурном слое. Совместное нахождение черняхов-

[3] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, Д1-4, М., 1964, табл. 7, *6*.

[4] А. К. Амброз. Фибулы юга европейской части СССР. САИ, Д1-30, М., 1966, стр. 36.

ской и зарубинецкой керамики в Лютеже не является исключением в системе других памятников. Можно указать на находку стенки черняховского кувшина в очаге жилища № 9 на Чаплинском городище [5] известны подобные случаи и на зарубинецких селищах по Припяти [6]. Следует заметить, что как в Лютеже, так и в других указанных пунктах черняховская керамика выступает в качестве органической части поселенческого инвентаря, а не следами многослойности памятников.

Картографирование находок показало, что материалы подгорцевской культуры распространяются не по всей площади поселения, а в пределах его центральной части, примерно на площади в 2 тыс. $м^2$, а площадь распространения зарубинецких материалов составляет около 16 тыс. $м^2$. Сосредоточение подгорцевских материалов в центральной части всхолмления позволяет заключить, что предшествующее зарубинецкому поселение имело значительно меньшие размеры и культурный слой его мало насыщен находками.

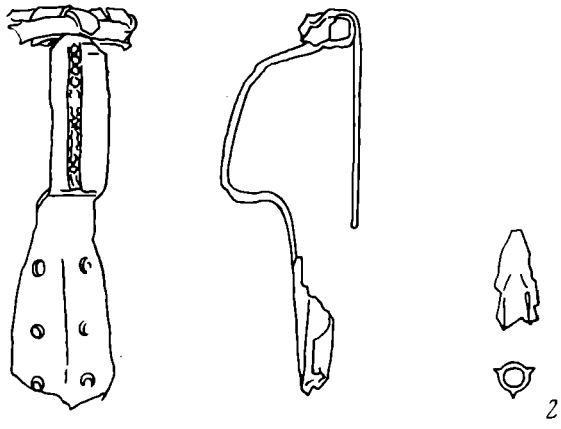


Рис. 2

1 — «глазчатая» фибула, *2* — наконечник скифской стрелы

Лютежское поселение — двухслойный памятник, однако комплексы, связанные с производством железа, могут быть отнесены только к зарубинецкому времени. Так, из 411 ям, открытых на поселении, керамический материал содержали всего 154 ямы. Из них в 128 встречена только зарубинецкая керамика, в 22 смешанная керамика подгорцевских и зарубинецких типов, и лишь в 4 ямах находился чисто подгорцевский материал.

Таким образом, из 411 ям можно было бы отнести к подгорцевской культуре всего 4 ямы, если была бы уверенность в том, что лютежские ямы являются закрытыми комплексами и подгорцевские черепки не могли попасть туда из культурного слоя во время копки этих ям в более позднее, зарубинецкое время, тем более, что все эти ямы находятся в местах наибольшего сосредоточения подгорцевского материала.

Для определения культурно-хронологической принадлежности металлургических горнов важное значение имеют находки, сделанные непосредственно у горнов или в самих горнах. Эти находки дают возможность отнести горны к зарубинецкому времени. Большинство находок состоит из обломков зарубинецкой посуды. Так, при расчистке развала горна № 2 были найдены обломки лепного лощеного кувшинчика зарубинецкого типа; вся керамика, собранная в предгорновой яме горна № 5, относится тоже к зарубинецкому времени. Такая же керамика обнаружена в горнах № 3, 4, 8. И лишь в развалах горнов № 1 и 6 найдены обломки венчиков подгорцевских сосудов, украшенных так называемым жемчужным орнаментом. Но вместе с ними находились венчики и днища зарубинецкой посуды.

Остатки 15 горнов, выявленные на поселении, сосредоточены в центральной и западной части поселения. В их планировке не прослеживается определенной системы. Горны произвольно расположены на большей части поселения, иногда на значительном расстоянии друг от друга, или же, наоборот, очень близко друг к другу.

Лютежские горны представляют собой наземные глинобитные сооружения с цилиндрической шахтой, диаметр которой в нижней топочной части составляет 0,40—0,45 *м*. Незначительная часть горнов относится к

[5] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, стр. 151.

[6] П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.— Л., 1966. стр. 224.

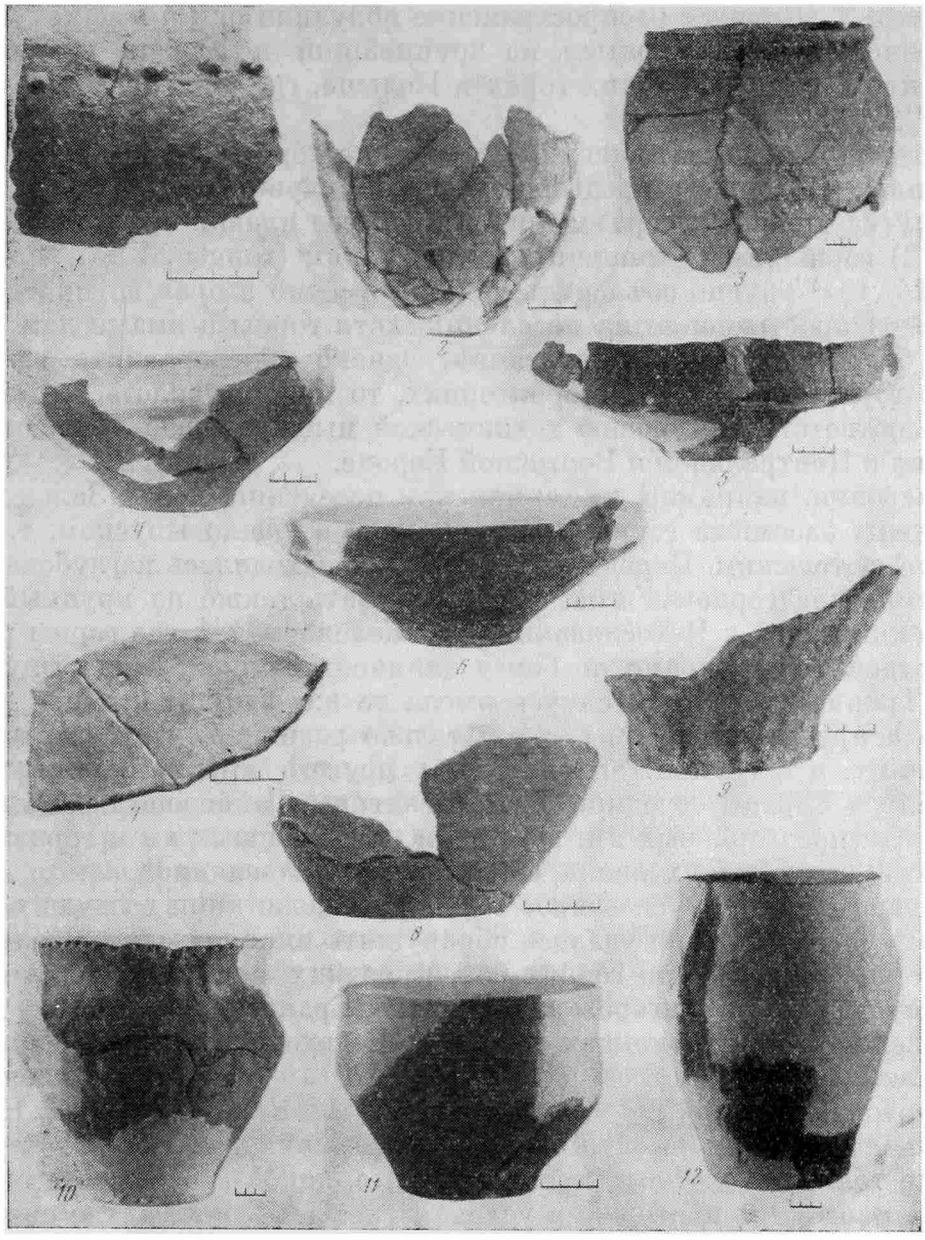


Рис. 3. Образцы керамики с лютежского поселения
1—3 — керамика подгорцевского типа, *4—12* — керамика зарубинецкого типа

типу полуземных, с топочной частью, углубленной в материк до 0,4 *м* (например, горн № 13).

Близкие аналогии наземным лютежским горнам мы находим в Чехословакии: горны времени римской империи у сел Лодоница, Тухловица, Нетреба[7]. Такие горны характерны и для более позднего времени. Они открыты в 1960—1961 гг. на Гайвороновском раннеславянском металлургическом пункте на Южном Буге[8] и в ряде других мест.

Тип полуземного горна был господствующим в латенский период на территории Средней Европы. Эти горны характерны для таких крупных ремесленных центров как Ново-Клиново в Закарпатье[9], Страдонице в Че-

[7] R. Pleiner. Die Eisenverhüttung in der «Germania Magna» zur römischen Keiserzeit. Berlin, 1965.
[8] В. І. Бідзіля. Залізоплавільні горни середини I тисячоліття н. е. на Південному Бузі. «Археологія», XV, Київ, 1963, стр. 123—144.
[9] Фонды Института археологии АН УССР.

хословакии [10]. Широкое распространение получили они и в римскую эпоху. Достаточно указать, например, на крупнейший в Европе металлургический центр в Свентокжицких горах в Польше, где они представлены тысячами [11].

В конструктивном отношении лютежские горны можно разделить на две группы: 1) горны с предгорновой ямой, служившей главным образом для выпуска шлачных образований в процессе плавки (горны № 1, 2, 4, 5, 6), и 2) горны, не имеющие предгорновых ям (горны № 3, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15). Трудно объяснить, почему именно вторая группа получила бо́льшее распространение на поселении, хотя горны с ямами для выпуска шлаков более удобны в эксплуатации. Однако если сравнить лютежские горны с горнами на других территориях, то можно увидеть, что они полностью соответствуют уровню технической мысли первой половины I тысячелетия в Центральной и Восточной Европе.

В Саксонии, например, на германском поселении II в. в Зальцгитере [12], обнаружены наземные горны шахтного типа с шлаковыпуском, т. е. аналогичные лютежским. Перед каждым горном находилась неглубокая, круглой формы, предгорновая яма. Можно указать также на крупный металлургический центр в Чехословакии у с. Желеховица [13], где горны располагались отдельными рядами по борту длинной траншеи, куда выпускались шлаки. Траншея в данном случае имела то же функциональное назначение, что и предгорновые ямы, с той только разницей, что она относилась не к одному, а к группе горнов. Горны другого крупного металлургического центра Европы середины I тысячелетия в Гайвороне на Южном Буге не имели предгорновых ям. Не имели предгорновых ям и горны начала н. э. у сел Лодоница, Тухловица, Нетреба в Чехословакии [14].

Невыясненным остался вопрос о технике нагнетания воздуха в лютежские горны, поскольку не удалось обнаружить никаких следов сопел. Глиняные сопла найдены при горнах более поздних, времени Киевской Руси, в таких пунктах, как Григоровка [15], Лопатна, Бранешти [16] и др.

Р. Плейнеру при раскопках горнов в Желеховице удалось обнаружить в земле отверстия диаметром в несколько сантиметров, они наклонно подходили к топке горна и, по его интерпретации, заменяли сопла [17]. Если эти отверстия действительно служили для нагнетания воздуха, то это было возможно только в плотном лессовом грунте, какой и существует в Желеховице, но совсем непригодны в условиях песчаной почвы, где они немедленно обрушатся. В Лютеже, по-видимому, существовали какие-то другие приемы подачи воздуха без обычных сопел. Горны без сопел известны и в других местах. Для примера можно указать на 24 сыродутных горна более позднего времени в Гайвороне, где прослежены отверстия в стенках горнов, очевидно, для мехов, но и там не было найдено ни одного сопла. Можно предполагать, что лютежские горны, как и гайвороновские, были соединены непосредственно с мехом при помощи одного только патрубка.

Чтобы лучше представить, что собой представляли лютежские горны, приведем описание хорошо сохранившегося горна № 4 (рис. 4).

Этот горн расположен в северной части поселения на глубине 0,30 *м* от современной поверхности. В отличие от всех остальных на нем сохра-

[10] R. Pleiner. Základy slovanského železářského hutnictvi v českých zemich. Praha, 1958, стр. 110—125.

[11] К. Беленин. Древняя металлургия железа в Центральной Польше. СА, 1959, 1, стр. 173—180.

[12] R. Pleiner. Die Eisenverhüttung in der «Germania Magna»..., стр. 21.

[13] Его же. Výroba zelesa ve slovanské huti u Želechovic na Unicovsku. Praha, 1955, стр. 44—48.

[14] Его же. Die Eisenverhüttung in der «Germania Magna»..., стр. 21.

[15] М. А. Артамонов. Славянские железоплавильные печи на среднем Днестре. СГЭ, VII, Л., 1955, стр. 25.

[16] Г. Б. Федоров. Население юго-запада СССР в I — начале II тысячелетия нашей эры. СЭ, 1961, 5, стр. 92.

[17] R. Pleiner. Výroba zeleza... стр. 44.

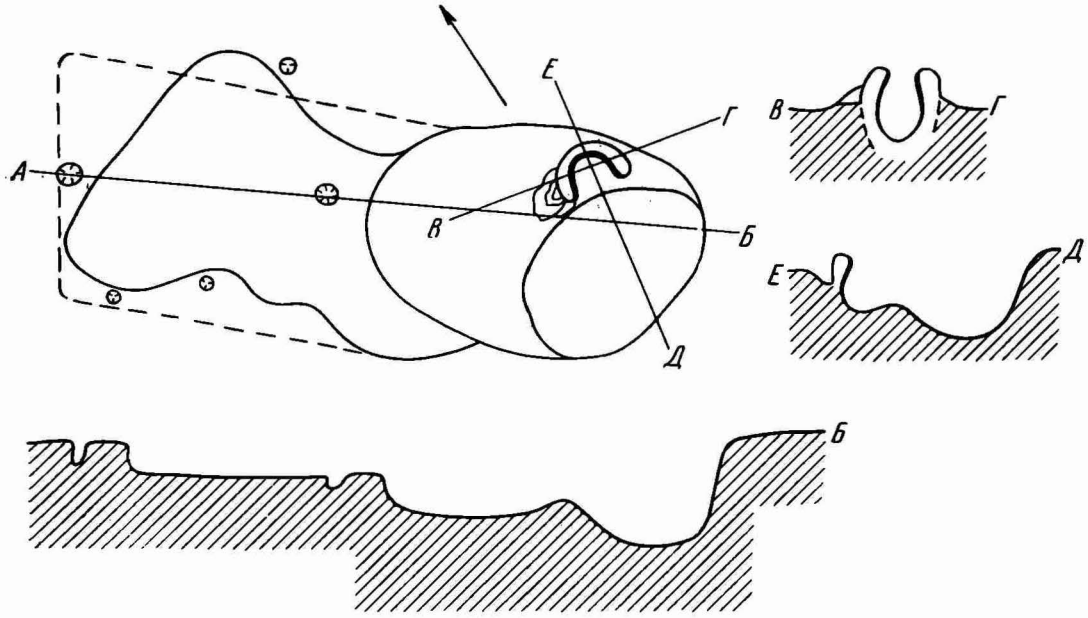


Рис. 4. План и разрезы горна № 4

нились в первоначальном положении стенки колошника, почти полностью замыкая периметр горна (рис. 5).

В плане горн имел круглую форму с внешним диаметром стенок 0,40 *м*. Толщина стенок примерно 6—7 *см;* стенки вылеплены из глины, прокаленной до красного или коричневого цвета. С внутренней стороны на стенках имеется слой накипи шлака толщиной 3—4 *см*. Высота колошника к моменту раскопок составляла 0,20 *м* в тыльной части, постепенно понижаясь в направлении устья, где она сходила до основания горна. Под-

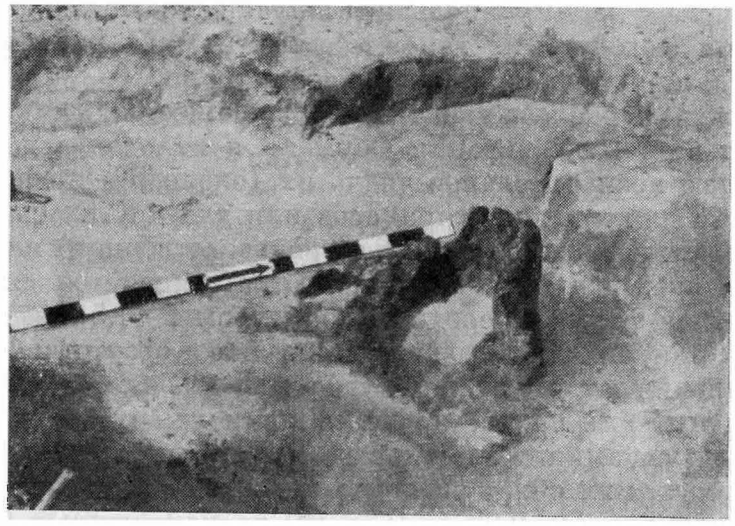


Рис. 5. Горн № 4 (фото)

ковообразный колошник выходил устьем на юг в сторону предгорновой ямы. С левой стороны у самого устья находилось скопление шлаков. Под горна представлял собой небольшое углубление в материковом песке, заполненное незначительным количеством древесного угля. Обмазки пода обнаружить не удалось.

Горн находился в восточной части большой овальной ямы, вытянутой с севера на юг более чем на 3 *м* при ширине 1,6 *м*. Контуры ямы не совсем точно сохранили первоначальную конфигурацию в песчаной почве и

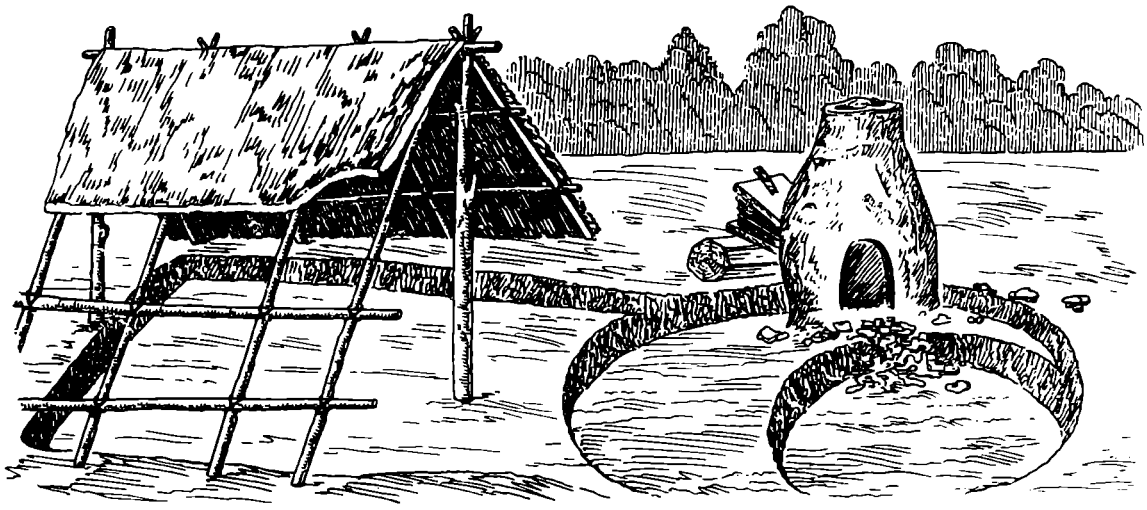


Рис. 6. Реконструкция горна № 4 по В. И. Бидзиле

во многих местах заплыли. Глубина ямы была около 0,2 *м*, но южная ее часть перед горном резко углублялась на 0,6 *м* в материковый песок, как бы образуя собственно предгорновую яму. Таким образом, неглубокая яма-приступка, в которой расположен горн, переходит в довольно глубокую яму с отвесными бортами, куда выходило устье горна. В самой яме-приступке и вокруг нее обнаружено 5 маленьких ямок от столбиков. Две самые большие имели диаметр около 0,15 *м*, глубину 0,25—0,30 *м* и были расположены по концам длинной оси ямы-приступки. На северном борту ямы обнаружена маленькая ямка примерно 8—10 *см* в диаметре. На противоположном борту ямы расположены еще две такие ямки на расстоянии 0,5 *м* друг от друга. Судя по расположению этих столбовых ямок, они могут быть связаны с каким-то большим шалашеобразным перекрытием ямы. Реконструкция этого перекрытия, а вместе с ним и горна в рабочем состоянии нам представляется такой, как показано на рис. 6.

С производством железа связано подавляющее большинство ям, открытых на поселении. На основании форм ям и находок в них можно полагать, что только незначительное число их (около 5%) относится к хозяйственным ямам для хранения припасов или для других бытовых надобностей, остальные же являются ямами производственного назначения. Чертами, свойственными производственным ямам, является их круглая или немного овальная форма со средним диаметром 1—1,5 *м* и глубиной от 0,4 до 0,6 *м*, вогнутая тарелкообразная форма дна и отсутствие какой-либо обмазки. Заполнение ям в основном угольное, но часто кроме угля в ямах находились целые или полуобгоревшие кости животных, разбитая посуда, иногда отдельные камни. Большинство ям имели следы обжига. В конструкции многих из них обнаружено по нескольку ямок от столбов самого различного диаметра (от 0,05 до 0,25 *м*), расположенных без всякой системы. Нередко такие ямки прослежены не только на дне, но и в бортах, а также за пределами их на расстоянии 0,15—0,20 *м*. В процессе раскопок было обращено внимание на то, что часто в центре ямы имеется гнездо крупного столба, а более мелкие боковые ямки, особенно находящиеся за пределами ямы и в ее борту, расположены под острым углом к бо́льшей центральной ямке. Такое расположение ямок прослежено во многих случаях и, очевидно, является системой. Можно допустить, что ямы данного типа использовались для приготовления древесного угля, в больших масштабах потреблявшегося тут же для производства железа. В археологических памятниках производственные ямы описанного типа пока не известны. Но среди этнографических материалов, связанных с кустарными железодобывающими промыслами, встречаются и используются они для приго-

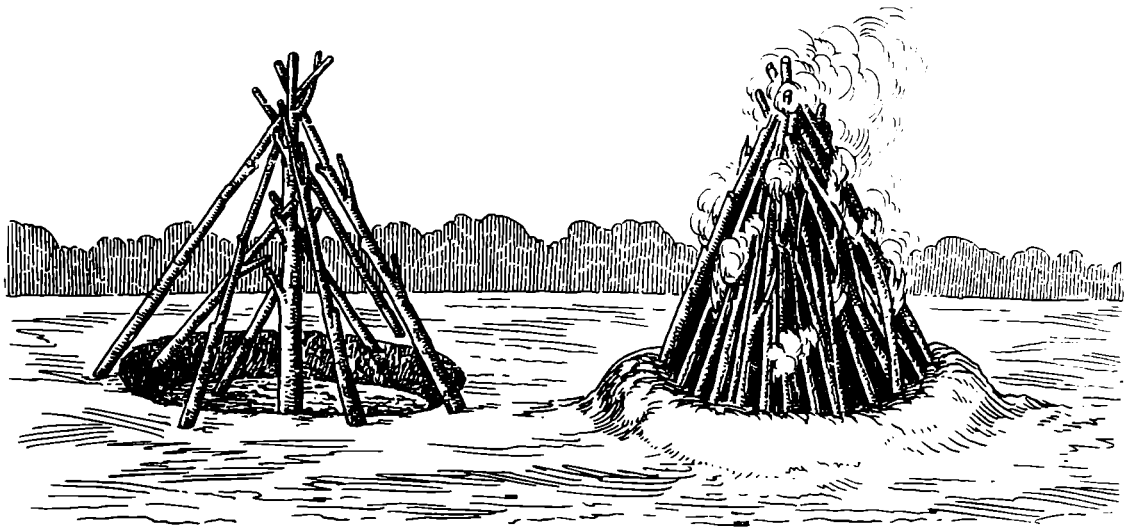


Рис. 7. Выжигание древесного угля по этнографическим материалам Полесья

товления древесного угля. В 30-х годах при обследовании кустарных рудниц Полесья подобные ямы были обнаружены в ряде сел [18]. Основываясь на этнографических материалах, можно реконструировать угольные ямы, существовавшие в зарубинецкое время на лютежском поселении (рис. 7). Копалась яма диаметром 1—1,5 *м* и глубиной до 0,6 *м*. В центре ставился вертикальный столб, на него опиралось несколько более тонких, косо поставленных, столбов, вкопанных в борта ямы, образуя пирамидальное сооружение, известное в этнографической литературе под названием «майор». Оно служило основой, на которую клались поленья и ветки. Затем все это поджигалось, и когда огонь сильно разгорался, пирамиду валили в яму и присыпали землей, часто разрушая при этом борта ямы. Процесс открытого горения прекращался, и тление без достаточного количества кислорода превращало дерево в древесный уголь. По данным М. Радвана, в районе Свентокжицких гор в угольных ямах объемом 10 $м^3$ за один раз выжигали 600—700 *кг* угля [19]. Лютежские ямы имели объем 0,4—0,6 $м^3$, а следовательно, в них могли выжигать по 30—40 *кг* древесного угля.

Часть ям, обнаруженных на поселении, очевидно, можно рассматривать как складские сооружения для запасов железной руды и готового древесного угля. Эти ямы не носят следов обжига и не имеют в бортах и на дне ямок от столбов. Ямы такого назначения известны на ряде других металлургических пунктов. На поселении у с. Ново-Клиново [20] раскрыты две ямы, расположенные недалеко от горнов. Эти ямы почти квадратной формы со сторонами 1—1,30 *м* и глубиной до 0,6—0,8 *м*. Боковые стенки ям несколько суживаются ко дну, так что ямы имеют форму усеченной пирамиды. Дно и стенки каждой ямы обмазаны зеленоватой спондиловой глиной. Заполнение обеих ям состояло из черной углистой земли с частыми вкраплениями древесного угля. Следов же обжига стенок ям обнаружить не удалось, что говорит о том, что ямы являлись хранилищем для готового древесного угля. На поселении у г. Гайворона открыто 6 ям, расположенных в два ряда параллельно речному берегу [21]. В плане каждая имеет форму правильного круга диаметром 1,30—2 *м* и глубиной до 0,25 *м*. Основное их заполнение составляют куски руды. В. И. Бидзиля считает, что характер заполнения этих ям и их топографическое распо-

[18] Полесская экспедиция, 1932 г. Научный архив ИА АН УССР, ф. 21, п. 6, стр. 34—40.

[19] M. Radwan. Starozytne hutnictwo swietokrzyskie. Rozprawy, 57, Krakow, 1966, стр. 19.

[20] Фонды Института археологии АН УССР.

[21] В. І. Бідзіля. Залізоплавільні горни..., стр. 137.

ложение в юго-восточной части острова, свободной от речных порогов, позволяет считать эти ямы складскими сооружениями для запасов железной руды, которую могли привозить на остров в лодках. Аналогичные ямы, заполненные древесным углем, рудой, фрагментами керамики и костями животных, известные в Чехословакии среди металлургических комплексов с. Желеховицы, Р. Плейнер связывает с вспомогательными сооружениями для металлургических мастерских. И наконец, небольшое число наиболее мелких ям можно связать с одним из процессов обогащения руды — обжигом. Это необходимая технологическая операция, без которой невозможно использовать болотную руду для выплавки железа. Опыты по физическому моделированию сыродутного процесса с необожженной рудой, проведенные в 1961—1962 гг. сотрудниками Института археологии АН СССР, показали, что имевшаяся в шихте влага спекала магнетит и восстановительный процесс затухал [22]. Примитивным способом обжиг руды производился на открытых кострах в неглубоких ямах с использованием дров и хвороста [23].

Во второй половине I тысячелетия до н. э. в Восточной Европе появились специальные агломерационные печи. В Гайвороне найдено четыре такие печи [24]. Это большие овальные в плане сооружения размером 1,2 × 1,4 *м* с наклонным в сторону предпечной ямы подом и каменным устьем. В печах и вокруг них находились куски обожженной руды. Такие же печи найдены на Алчедарском поселении в Молдавии [25].

Кроме обжига этнографические материалы упоминают такие способы обогащения, как промывка, просушка, размельчение, просеивание руды. Очевидно, все эти виды обогащения применялись и на лютежском поселении, так как получение высококонцентрированной руды, необходимой для производства железа, не могло ограничиться одной или двумя операциями, а требовало планомерной обработки всеми указанными способами.

Сырьем для лютежских горнов служила болотная руда, широко распространенная в Восточной Европе и везде сопутствующая лесу. Южная граница распространения этой руды совпадает с южной границей лесостепи.

С целью установления местонахождения болотной руды в окрестностях лютежского поселения были заложены разведочные шурфы в нескольких низких местах по краям озер. Удалось установить, что бóльшая часть озер, окружающих поселение, содержит болотную руду. В шурфах уже на втором штыке обнаруживались отдельные конкреции различной величины, достигающие иногда размеров кулака. На отдельных участках руда залегала сплошным слоем толщиной в 3—4 *см*.

Лютежские горны использовались как стационарные сооружения не для одной, а для многократных плавок. О неоднократном функционировании каждого горна свидетельствуют в первую очередь многослойные накипи на внутренней поверхности стенок горнов, обнаруженных при раскопках. Не сделав хотя бы протравливания внутренней поверхности стенок, мы не можем с полной уверенностью говорить о количестве плавок, проведенных в каждом отдельном горне. Наземный горн, снабженный отверстием для выпуска шлаков и выемки криц, мог функционировать до тех пор, пока объем шахты в результате ошлакования внутренней поверхности горна не становился настолько малым, что дальнейшая эксплуатация его признавалась нерентабельной. Б. А. Колчин и О. Ю. Круг при физическом моделировании сыродутного процесса провели в одном экспериментальном горне 17 плавок. Не будет ошибкой, если мы допустим, что

---

[22] Б. А. Колчин, О. Ю. Круг. Физическое моделирование сыродутного процесса производства железа. Сб. «Археология и естественные науки», М., 1965, стр. 215.

[23] В. Липин. Металлургия чугуна, железа и стали. I, М., 1904, стр. 44.

[24] В. І. Бідзіля. Залізоплавільні горни..., стр. 133, табл. III.

[25] Г. Б. Федоров. Население юго-запада СССР..., стр. 103, рис. 12, *1*.

в каждом горне на Лютежском поселении производилось не меньше 10 плавок.

По подсчетам Б. А. Колчина, наземная сыродутная печь конца VIII в., имевшая внутренний диаметр 0,6—0,8 *м* и высоту шахты 0,8—1,2 *м*, за одну плавку могла переплавлять до 25 *кг* руды [26]. Экспериментальная печь Б. А. Колчина и О. Ю. Круг, имевшая шахту диаметром 0,3 *м* и высоту 0,6 *м*, за одну плавку переплавляла от 6 до 10 *кг* измельченной руды [27]. Лютежские горны имели диаметр нижней топочной части 0,4—0,45 *м*, и высота их не превышала 0,7—0,8 *м*. Исходя из соотношений размеров этих трех типов печей, количество руды, необходимое для одной плавки в лютежском горне, могло достигать 10—12 *кг*. Для того чтобы подготовить это количество руды для горнового процесса, добыть ее нужно было значительно больше, так как в процессе предварительной обработки руды с момента ее добычи и до подачи в горн — удаление пустой породы, промывка, просушка, обжиг и т. д.— она теряет не менее 50% своего веса. Т. е. для одного горна необходимо добыть в среднем 22 *кг* болотной руды.

Топливом при выплавке железа из болотной руды служил древесный уголь. Соотношение веса угля к весу руды, как показали опыты, пропорционально увеличивается и выражается следующими величинами: 1,2 : 1; 1,5 : 1,2; 2 : 1,5 и т. д. [28]. При таких соотношениях угля к руде для переплавки 10—12 *кг* руды в лютежском горне требовалось 14—16 *кг* древесного угля. Практически же необходимое количество угля для сыродутного горна превышало вес полученной крицы в 8—10 раз [29], т. е. для одной плавки в нашем случае на один горн нужно было заготовить примерно 30 *кг* угля. Чтобы получить такое количество угля, нужно было заготовить довольно много дров, так как при выжигании полученный уголь по объему составлял всего лишь 30% использованного дерева и по весу 12%, или 3—4 $м^3$ дров на один пуд сыродутного железа [30]. Много дров шло также на обжиг руды, производившийся на кострах. В общем для одного лютежского горна нужно было заготовить приблизительно 1 $м^3$ дров для одной плавки.

Результаты анализов руды и шлаков из района Свентокжицких гор, подсчеты Б. А. Колчина для древнерусских печей, данные, полученные при экспериментальных плавках, и этнографические материалы говорят о том, что выход железа из болотной руды составлял 20—30% от веса загруженной в горн руды [31]. В таком случае производительность каждого лютежского горна за одну плавку составит до 3 *кг* сыродутного железа.

Производство железа сыродутным способом требовало значительных затрат физической силы. Варка железа считалась труднейшей из работ в Древней Руси. О тяжести этой работы хорошо известно по литературным памятникам: «Лучше бы мы железо варити, нежели со злою женою быти» [32]. Основной работой в этом процессе являлось дутье, которое производилось вручную мехами. Поэтому в Древней Руси говорили, что «не огонь творит разжение железу, но надмение мешное» [33].

---

[26] Б. А. Колчин, О. Ю. Круг. Физическое моделирование..., стр. 214.

[27] Там же, стр. 203—208.

[28] Б. А. Колчин, О. Ю. Круг. Физическое моделирование...; Б. А. Колчин. Методы естественных наук в археологии. Тезисы докладов на заседаниях, посвящ. итогам полевых исследований 1962 г. М., 1963, стр. 57.

[29] Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, 32, 1953, стр. 40.

[30] Там же, стр. 40.

[31] Там же, стр. 40—48. Б. А. Колчин, О. Ю. Круг. Физическое моделирование..., стр. 214; Н. Воскобойников. Описание горных промыслов и полезных ископаемых в округах Имеретии, Раче, Мингрелии, Лечхуме и в Суанах. «Горный журнал», XI, СПб., 1826, стр. 51—52.

[32] Слово Даниила Заточника. Под ред. Н. Н. Зарубина, Л., 1932, стр. 31.

[33] Там же, стр. 25.

Трудоемкость процесса производства железа требовала, естественно, большого числа рабочих рук. Каждый горн должны были обслуживать как минимум два человека: один в течение всей плавки был занят на дутье, второй — на приготовлении и загрузке шихты и других работах, связанных с горновым процессом. Больших затрат физической силы требовали работы по добыче и обработке железной руды, заготовке дров, транспортировке их к поселению, выжиганию угля и т. д. В общем для всех работ, связанных с выплавкой железа в одном горне, нужно было не меньше трех человек, обладавших большими техническими навыками и опытом.

Выявленные остатки 15 горнов, очевидно, не соответствуют тому фактическому количеству горнов, которое существовало на поселении. Это подтверждается огромным количеством шлаков, криц, обломков стенок наземных частей горнов, найденных не только в местах расположения этих 15 горнов, но и на территории всего поселения. Одних только шлаков за время раскопок собрано до 3 *т*, что представляет остатки более 460 плавок (из расчета 6—7 *кг* шлака от одной плавки). 460 плавок могли дать 46 горнов. Производительность 46 горнов составит 1380 *кг* сыродутного железа. И если допустить, что все горны функционировали одновременно, то для выполнения этих работ потребовалось бы 148 человек.

Лютежские горны функционировали, конечно, не один год. Об этом говорит большое количество обломков сосудов, оставленных на поселении (до 20 тыс. обломков). Такое количество не могло остаться на поселении от населения, жившего здесь в течение короткого срока. О том, что на поселении не могли функционировать все 46 горнов одновременно или даже открытые 15 горнов, свидетельствует небольшое количество жилищ. На поселении выявлены остатки всего трех небольших жилищ, относящихся к зарубинецкому времени.

Можно предположить, что одновременно здесь работало не больше 3 горнов и их обслуживало до 9 человек. А за один сезон лютежское поселение давало 90 *кг* сыродутного железа.

Выплавка железа на поселении производилась, видимо, только в теплую пору года. Горны были расположены на открытом воздухе, так как раскопками не обнаружено следов каких-либо сооружений над ними. Вероятнее всего, что на поселении жили временно только люди, непосредственно связанные с производством железа. Зимой они заготавливали лес, после весеннего половодья завозили лес на поселение, затем выжигали уголь, добывали и обрабатывали болотную руду, строили горны и после всех этих работ проводили плавку руды. С наступлением холодной поры работы прекращались и железоделатели уходили с поселения.

Основное поселение, служившее для лютежских железоплавильщиков постоянным местом жительства, находилось где-то в другом месте, но, к сожалению, в окрестностях современного села Лютеж оно пока не обнаружено.

Железодобыча являлась основным занятием обитателей лютежского поселения. Но наряду с этим лютежские мастера занимались в какой-то мере и обработкой цветных металлов, на что указывают находки обломков тиглей, льячки и заготовка для фибулы. Нужно, однако, заметить, что на поселении не обнаружено следов обработки железа, за исключением двух небольших железных зубил.

Находки земледельческих орудий — серпы, зернотерки — свидетельствуют о том, что земледелие сохраняло свое значение в жизни обитателей поселения.

Значительные масштабы железодобычи на лютежском поселении дают возможность считать, что лютежские мастера производили железо не только для нужд своего поселения. Из того количества железа, которое Лютеж давал за один сезон, можно было изготовить столько железных орудий, что они могли обеспечить жителей нескольких зарубинецких поселений.

Следы черной металлургии обнаружены далеко не на всех поселениях зарубинецкой культуры, известных в настоящее время, да и представлены они в основном кусками железных шлаков. Очевидно, Лютеж снабжал своей продукцией не только ближайшие к нему поселения, но и более отдаленные. Лютежская керамика указывает на связи обитателей поселения. и с более северными, и с юго-западными областями Восточной Европы.

Итак, все приведенные данные показывают, что Лютежское поселение существовало как довольно крупный обособленный, специализированный центр по производству железа в зарубинецкое время в Среднем Поднепровье.

S. P. Patchkova

LE CENTRE MÉTALLURGIQUE DE LA CIVILISATION DE ZAROUBINTSY PRÈS DU VILLAGE DE LUTEJ

Résumé

L'article est consacré à la caractéristique de la bourgade de la civilisation de Zaroubintsy près du village de Lutej (région de Kiev), considérée comme un point de production.

On y a trouvé des restes de 15 âtres, 411 fosses et 4 habitations. La couche culturelle de cet ancien village contenait plus de trois tonnes de morceaux de scories de fer, une grande quantité de charbon de bois, de morceaux de minerai palustre, de fragments de poterie, d'os d'animaux, des articles et des parures métalliques. Les matériaux décelés dans ce village se rapportent à deux civilisations archéologiques: à la civilisation zaroubinienne et à celle de Podgortsy.

Les âtres à soufflet de Zaroubintsy représentaient des constructions stationnaires pisées, disposées sur le sol ou bien plus rarement, mi-souterraines, du type des mines. La plus grande partie des fosses, découvertes dans ce village, servait à brûler le charbon de bois.

А. Ф. ДУБЫНИН

ГОРОДИЩЕ КУЗНЕЧИКИ В ПОДМОСКОВЬЕ

Вопрос о формировании населения междуречья Волги и Оки до сего времени сохраняет свою актуальность. В связи со стремлением к выяснению угро-финского и балто-литовского его компонентов за последние годы значительно возрос интерес к памятникам дьяковской культуры. Поскольку до настоящего момента еще нет ясного представления о носителях этой культуры, каждый вновь обнаруженный и тем более полностью раскопанный ее памятник представляет определенный интерес для изучения истории заселения Московского края.

За последнее десятилетие (1956—1965 гг.) Московской экспедицией Института археологии АН СССР[1] в Подмосковье было полностью раскопано четыре городища дьякова типа: Троицкое[2], Щербинское[3], Неждино[4], Кузнечики и частично Михайловское[5].

Исследованное в 1965 г. городище Кузнечики названо по находящимся рядом с ним пионерскому лагерю и поселению. Раньше это городище называлось Бородинским[6] и переименовано нами, чтобы не смешивать его с Бородинским городищем у с. Бородино под Можайском[7].

Городище Кузнечики расположено в 3 *км* от Подольска на левом берегу ручья Петрицы — притока р. Мочи, впадающей в Пахру. Городище занимает мыс коренного берега высотой 7—10 *м*, вдающийся в излучину ручья. Довольно равная площадка городища в плане овальная, вытянута с севера на юг, размер ее примерно 25×60 *м*. С северной напольной стороны она сохраняет остатки двух валов высотой до 0,7 *м*. Западный край площадки и частично восточный размыты и обрушились. К моменту раскопок на ней во многих местах имелись повреждения. На городище в 1963 г. был заложен контрольный шурф (2×2 *м*)[8], а на следующий год[9] заложен раскоп в 40 $м^2$. В 1965 г. произведены раскопки всей основной его площадки, причем было вскрыто 1099 $м^2$ (рис. 1)[10]. Кроме того, с целью изучения остатков укрепления траншеей длиной 28 и шириной в 1 *м* прорезана сохранив-

[1] Под руководством автора.

[2] А. Ф. Дубынин. Троицкое городище Подмосковья. СА, 1964, 1.

[3] И. Г. Розенфельдт. Итоги раскопок Щербинского городища. КСИА АН СССР, 112, 1967.

[4] Р. Л. Розенфельдт. Разведки и раскопки дьяковских городищ в Подмосковье в 1960—1963 гг. КСИА АН СССР, 102, 1964.

[5] К. А. Смирнов. Новые городища дьякова типа в бассейне р. Москвы. КСИА АН СССР, 102.

[6] Р. Л. Розенфельдт. Ук. соч.

[7] А. В. Арциховский. Бородинское городище. Тр. СА РАНИОН, II, М., 1928.

[8] Отчет Подольского отряда Московской экспедиции за 1963 г. Архив ИА АН СССР, Р. 1, д. 2735.

[9] К. А. Смирнов. Отчет о раскопках на городище Кузнечики в 1964 г. Архив ИА АН СССР, Р. 1, д. 2846.

[10] Раскопки проведены Московской экспедицией в составе: А. Ф. Дубынин (нач. экспедиции), К. А. Смирнов (нач. отряда), З. М. Сергеева, А. А. Юшко, Г. И. Селиверстова. В раскопках принимали участие кружковцы школы № 465 Москвы под руководством Ю. Я. Серебряной, школы № 2 г. Ступино Московской обл. под руководством Н. П. Крымовой и студенты МОПИ им. Н. К. Крупской под руководством Ю. С. Крушкол.

шаяся часть валов. Мощность культурного слоя около 0,6 *м*. В некоторых местах, по краям площадки, она увеличивалась до 1,2 *м*. По-видимому, поверхность городища не раз подвергалась перепланировке с подсыпкой краев, что давало возможность несколько расширить его площадь. Несмотря на отсутствие в культурном слое стерильных прослоек, по характеру его структуры и находкам может быть условно выделено два слоя: нижний (глубина 0,4—0,6 *м*) — надматериковый слой в 20 *см* из серой супеси с

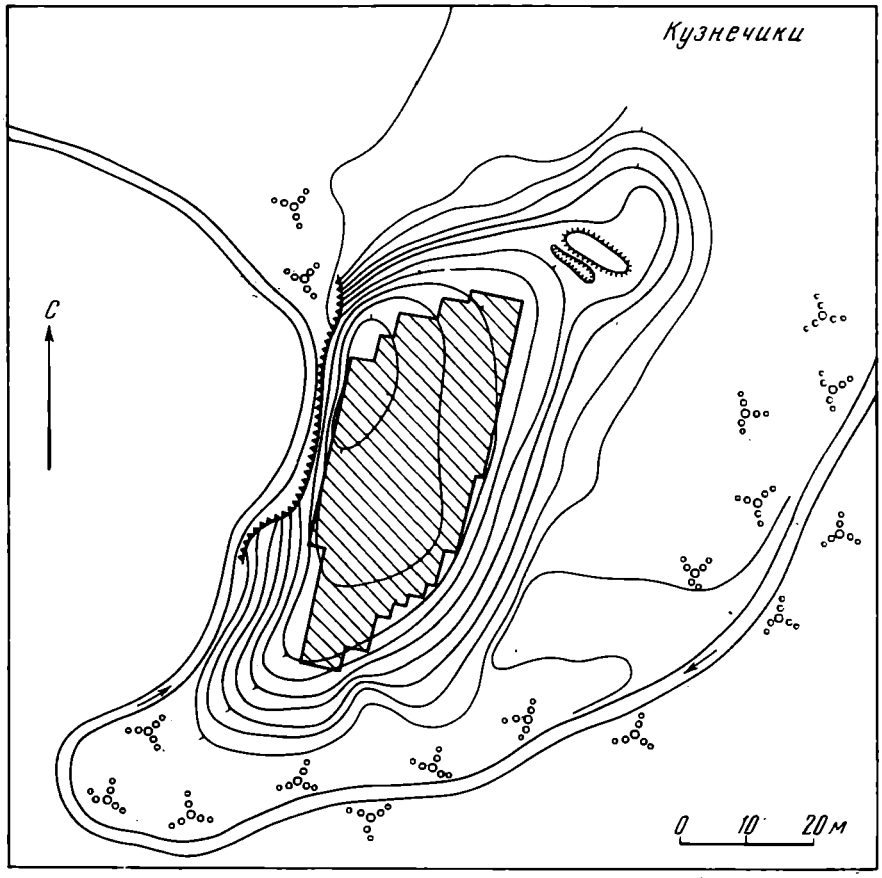


Рис. 1. Общий план городища Кузнечики

большим содержанием глины и песка и верхний — в 40 *см* (0—0,4 *м*) из серой супеси со значительным вкраплением угля, золы и песка, содержащий основную массу находок. Верхний слой, также довольно условно, может быть разделен на нижний и верхний горизонты, причем верхний горизонт представляет собой в основном слой дерна с меньшим числом находок, среди которых имеются и вещи II тысячелетия.

Несмотря на то что поверхность городища в значительной степени была изрыта кладоискательскими ямами различной глубины, все же удалось в нижней части культурного слоя обнаружить остатки жилых, хозяйственных и оборонительных сооружений, а также найти значительное число различных предметов, характеризующих довольно полно занятия, быт и культуру его обитателей.

От построек сохранились столбовые ямы, лункообразные углубления нижних бревен построек, прослойки глины и песка от пола, развалы очагов из обожженных камней, скоплений углей и золы, ямы-хранилища и т. д.

Наиболее ранней является постройка 1 в виде длинного дома, расположенного по диагонали площадки городища с северо-востока на юго-запад (рис. 2). В материке от нижних бревен сруба обнаружены продольные и поперечные канавки. Вдоль них и внутри постройки сохранились ямы от столбов, очевидно крепивших стены здания и поддерживавших перекрытие, которое могло быть двускатным. Судя по этим остаткам, дом был дли-

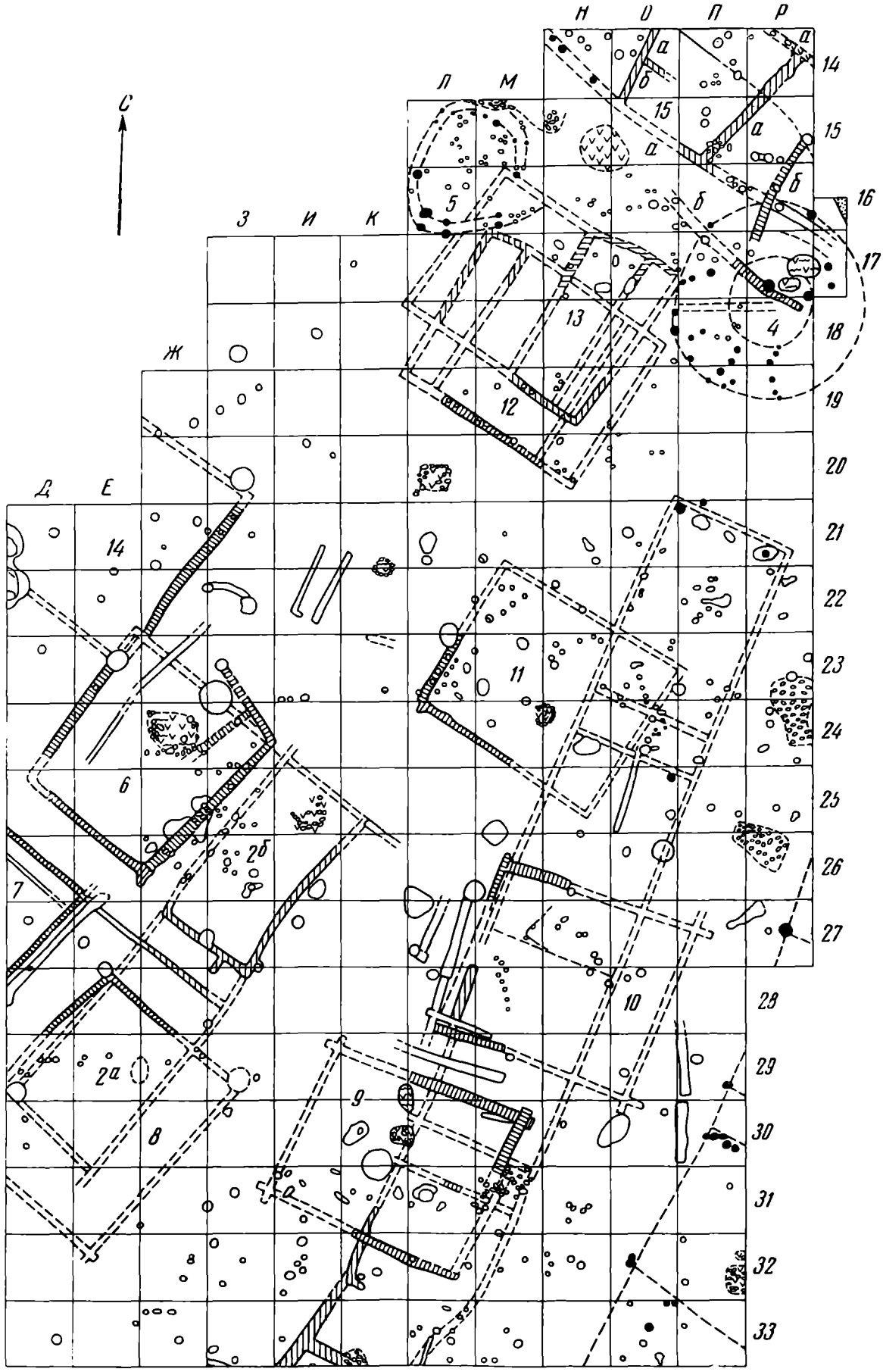


Рис. 2. Следы построек на городище Кузнечики

1 — остатки построек; *2* — реконструируемые границы построек; *3* — ямы столбов; *4* — предполагаемые места столбовых ям

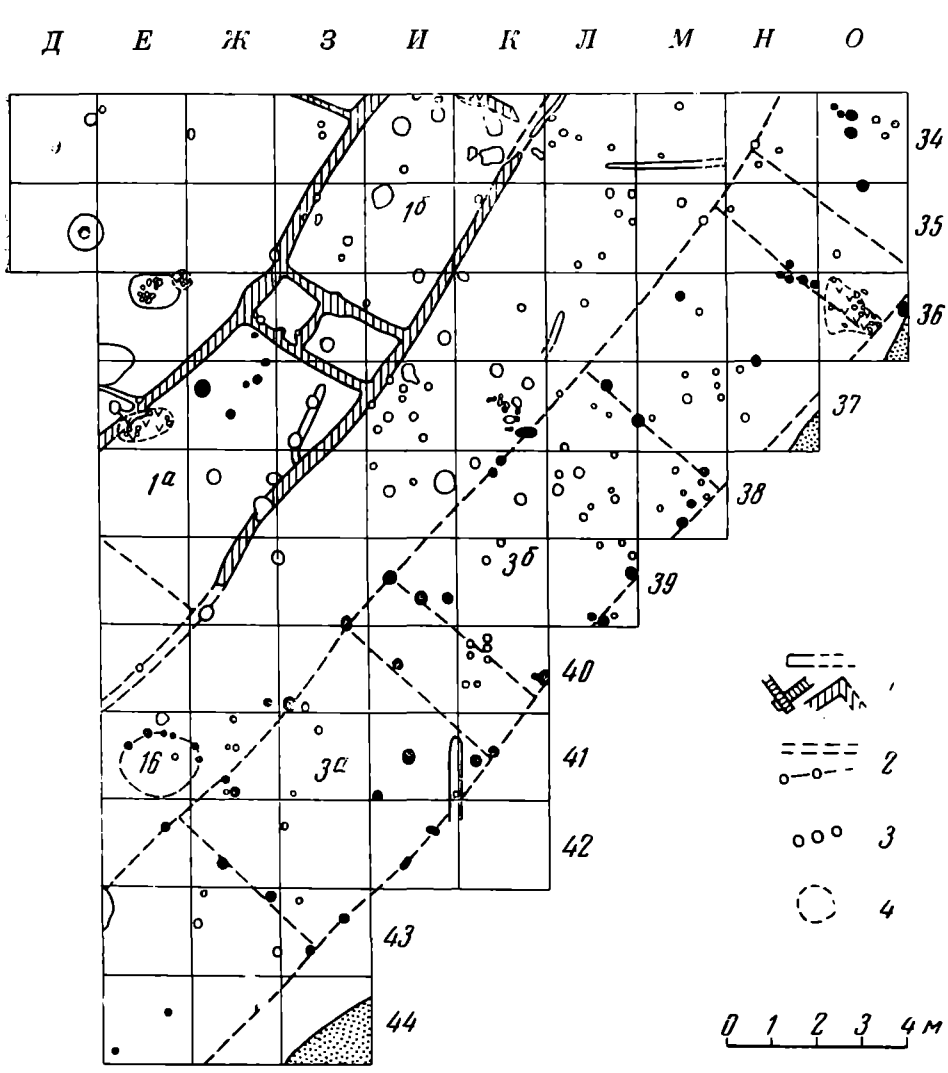


Рис. 2 (продолжение)

ной более чем 40 *м*. Ширина его около 3,6 *м*. Он делился на ряд парных камер, между которыми находилась входная часть шириной 1,2 *м*. Внутренний размер камер примерно 3×6 *м*. Если более толстые столбы поддерживали перекрытие, то тонкие из них могли служить опорой настилов для лежания (рис. 2, постр. 1 а). Очагов, непосредственно связанных с постройкой, не обнаружено, они, очевидно, были разрушены в момент перестройки дома. Остатками разрушенных и смещенных очагов могли быть скопления камней и угольков на квадратах 33к и 37е (рис. 2) в пределах этой постройки, но часть их развала заходила на очертание пятен от нижних бревен дома.

По-видимому, параллельно постройке 1 с западной стороны находился второй подобный же дом, от которого сохранились незначительные остатки на квадратах 26—27—28/ж, з (рис. 2, постр. 2). С восточной стороны по краю площадки городища шла третья длинная постройка, но более легкого типа, чем указанные два дома. От нее сохранились лишь часть ям от столбов, составлявших основу стен постройки. Эта постройка прослеживалась на протяжении 38 *м*. Постройка 3 имела ширину около 4 *м* (4,2—4,66 *м*) и, по-видимому, делилась тоже на камеры длиной около 6 *м*. Она несколько раз перестраивалась, так как на занимаемой ею площадке сохранилось много дополнительных столбовых ям. Эта постройка могла быть помещением для жилья и использоваться для содержания скота; она была одновременна постройке 1 или ей предшествовала.

Постройка 3, вероятно, находилась на некотором расстоянии от края площадки городища, и, возможно, к ней примыкала насыпь вала, который

шел по краю обрыва городища подобно тому, как это наблюдалось на Троицком и других городищах. Остатки насыпи имелись на южном и северном концах площадки. Второй и третий валы, частично сохранившиеся с северной стороны, опоясывали городище по его склону, как на Михайловском городище. На связь постройки 3 с оборонительной системой указывает наличие следов укрепленного входа на северном мысу городища, к которому она, несомненно, примыкала. Здесь обнаружены остатки канавок со следами в них столбовых ям. Две канавки шли параллельно на расстоянии 4,2 *м*, а ширина всего сооружения здесь была 4,6 *м*, т. е. она точно соответствовала ширине постройки 3. Эти две линии канавок были соединены канавками от поперечных стенок прохода, ширина которого равнялась 2,7—3,6 *м*. Входная часть перестраивалась. Причем она была перенесена на 2 *м* внутрь городища. От этой перестройки сохранились следы трех канавок (рис. 2, квадр. 16—17/п,р, 14о).

Первоначальному устройству на северном мысу указанной входной части предшествовало сооружение круглой постройки (постр. 4 диаметром 6 *м*), поскольку ее следы лежат под остатками этого сооружения. Центральная часть имела форму пологой западины глубиной в средине до 40 *см*, заполненной многочисленными прослойками глины, угля, песка и золы. Здесь находились и остатки двух кострищ. В центре сооружения сохранилась яма от столба, поддерживавшего, по всей вероятности, конусовидное покрытие, крепившееся на дополнительных боковых подпорках. Здесь найдены сделанные из кости заготовка стрелы, проколка, поделка со следами обработки. Эта постройка весьма похожа на жилище типа землянок, прослеженных В. А. Городцовым на Старшем Каширском городище. После того как место постройки 4 было застроено, западнее ее возникла вторая круглая постройка (№ 5) диаметром в 4 *м*, с парными столбами по контуру (рис. 2). В промежутке между этими двумя круглыми постройками обнаружено кострище 1,3×1,4 *м* с угольной прослойкой в 5—7 *см*, с южной стороны которого находились столбовые ямы небольшого диаметра. Поскольку все эти три объекта не были связаны с какими-либо находками, указывающими на ритуальное назначение, нет основания считать их «святилищами» по примеру городищ на Смоленщине или постройками «производственного назначения», как на Троицком городище.

Длинные дома позднее заменяются небольшими постройками. Размеры одной из них 4,6×5,6 *м* (внутри 4,2×5,3 *м*). В некоторых случаях от нижних венцов их срубов тоже прослеживались лункообразные углубления (рис. 2, постр. 6—14). Концы продольных бревен у этих построек выдавались против концов поперечных бревен. Внутри от настила пола постройки 13 сохранились следы двух продольных лаг. Если длинные постройки относятся к нижнему слою, то дома меньшего размера следует считать характерными для второго слоя. Хозяйственное назначение имела небольшая круглая постройка диаметром 1,8 *м*, по контуру которой стояли столбы, а внутри обнаружено грузило рыболовных сетей (рис. 2, квадр. 41е, постр. 16). Неоднократно встречавшиеся ямы хозяйственного назначения, связанные с жилыми постройками, имели диаметр 52—80 *см* и глубину до 65 *см*. Иногда они содержали части глиняных разбитых горшков.

Культурный слой городища довольно богат находками. В нем, как и на других городищах раннего железного века Подмосковья, найдены обломки каменных топоров и наконечник кремневой стрелы. Не исключена возможность, что эти предметы были в обиходе у жителей городища (рис. 3, *21, 22*). К числу наиболее распространенных находок относятся кости животных, их насчитывалось более 2000. По определению В. И. Цалкина, по количеству особей домашних животных 65% и диких животных 35%. Среди домашних животных, как и на подмосковных городищах (Троицкое, Щербинское и др.), первое место занимает свинья (49%), второе — крупный рогатый скот, третье — лошадь, четвертое — мелкий рогатый скот.

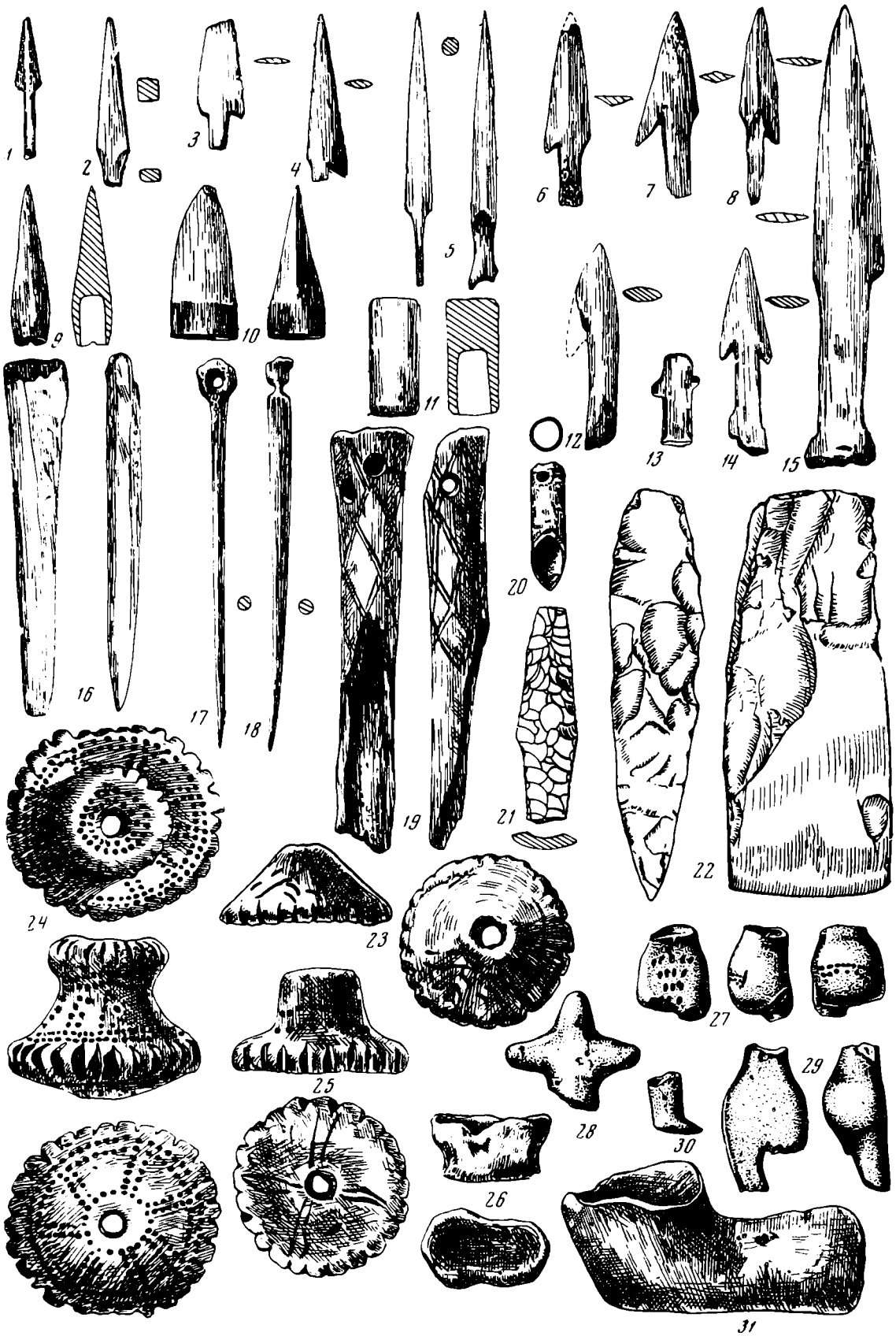


Рис. 3. Изделия из кости (*1—20*), камня (*21, 22*) и глины (*23—31*) с городища Кузнечики

На одной из конских фаланг передней ноги находилось пластинчатое кольцо от пут (рис. 4), свидетельствующее о их применении уже в период раннего железного века. По-видимому, кольца пут соединялись ремнем или было другое какое-либо мягкое крепление, а концы колец имели клепку. На городищах данного типа подобного рода находка обнаружена впервые. Из диких животных преобладают: бобер (27,6%), куница (22,6%), лось (13,1%), медведь (10,5%), затем имеются лисица (5,3%), барсук (5,3%), северный олень (2,6%), кабан (2,6%), косуля (2,6%), выдра (2,6%), заяц (2,6%), белка (2,6%). Таким образом, можно считать, что, как и на Троицком городище, из диких животных $^1/_3$ могла использоваться на мясо, а $^2/_3$ для получения пушнины.

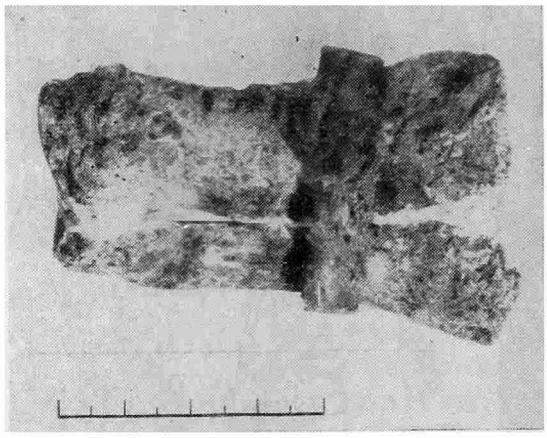


Рис. 4. Железное кольцо от пут на фаланге передней ноги коня

Наиболее многочисленными находками в нижнем надматериковом слое были предметы из кости и рога, где они составляли 39% всех находок, в то время как разного рода поделок из глины, не считая фрагментов посуды, было 31%, из железа 20,5%, из камня 8,5% и бронзы всего 1%. Из кости найдены: наконечники стрел, копье или дротик, гарпуны, предметы наподобие ножа и долота, иглы для вязания сетей и шитья, кочетыг, тупики, проколки, втулки, трубки, псалия конских удил, манок, рукояти ножей с резьбой, амулеты из зубов животных и др. (рис. 3, *1—20*; 5, *12—24*).

Наибольший интерес представляют наконечники стрел, их вместе с заготовками 27. Среди них: со «шпорцей» на черешке (рис. 6, *1*), с черешком в виде ласточкиного хвоста (рис. 3, *5*), пулевидная-втульчатая (рис. 3, *9*), одношипные со скошенной или в виде уступа противоположной шипу стороной пера (рис. 6, *3*, *4*), двушипные, конусовидные и цилиндрические втульчатые для охоты на пушного зверя, ланцетовидный и т. д. Все они имеют аналогии на Старшем Каширском, Щербинском городищах, а также в древних слоях других городищ, которые могут быть датированы второй четвертью или серединой I тысячелетия до н. э.

Изделия из металла довольно разнообразны. Единичные находки в I надматериковом слое и увеличение их числа в вышележащем II слое указывают на возрастающую роль металла в более поздний период существования городища, как это прослеживается на городищах Подмосковья. На местное изготовление металлических изделий указывают найденные кузнечные шлаки, полуфабрикаты и отходы производства, инструменты, тигли, льячки и литейные формы.

Предметы из железа обнаружены, главным образом, в нижнем горизонте II слоя на глубине 20—40 *см*, где их было до 60%. Это серпы, наконечники стрел, ножи, ложкарь, долото, удила, огнива, игла, шилья, стержни, булавки, кольца, застежки, пряжки и др. (рис. 7). Среди наконечников стрел особый интерес представляет экземпляр с раздвоенным основанием черешка (рис. 6, *2*), найденный непосредственно на материке. Стрелы с вырезом на черешке в виде «ласточкиного хвоста» (один экземпляр был обнаружен на Троицком городище) являются подражанием костяным и железным наконечникам стрел IV—III вв. до н. э., найденным в Поволжье, на Среднем Дону и Сейме [11]. Наличие железного и костяного наконечни-

[11] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, 101, 1961, стр. 62; А. Е. Алихова. Древние городища Курского Посеймья. МИА, 113, 1962, стр. 105.

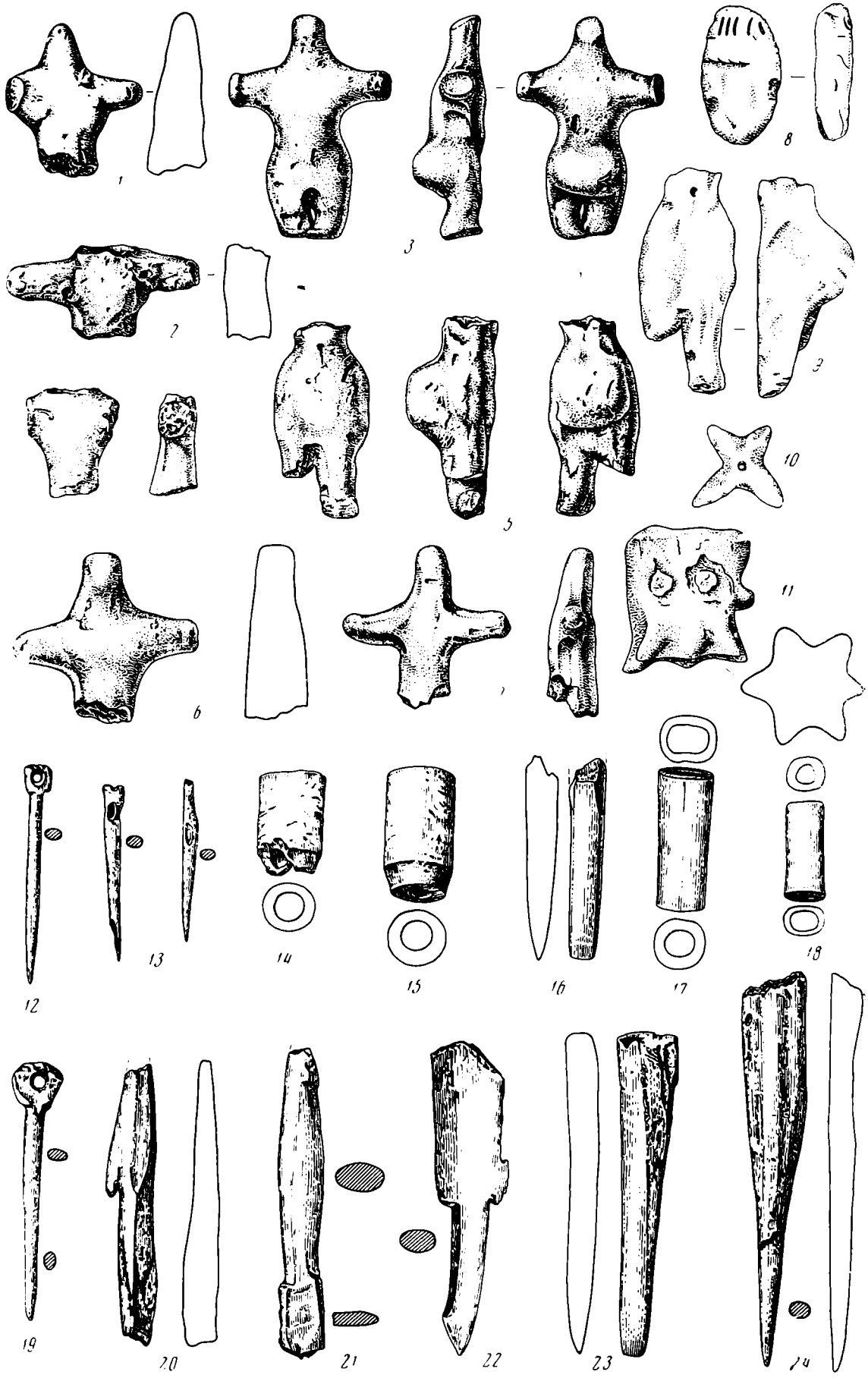


Рис. 5

1—7, 9 — глиняные женские фигурки; *8* — детская игрушка; *10* — височная подвеска; *11* — миниатюрный сосудик; *12—24* — изделия из кости

Рис. 6. Находки с городища Кузнечики

1—5 — наконечники стрел; *6* — ножичек; *7, 8* — булавки; *9, 10* — умбоновидные височные подвески; *11* — застежка; *12* — застёжка с эмалью; *13, 14, 20* — подвески; *15, 19* — бусы ожерелья; *16* — детская игрушка; *17, 18* — «кирпичики» ритуального назначения; *21* — женская фигурка; *22* — грузик дьякова типа; *23, 24* — миниатюрные сосудики
(кость — *1, 3, 4, 6;* железо — *2, 5, 7;* бронза — *8—12;* глина — *13—24*)

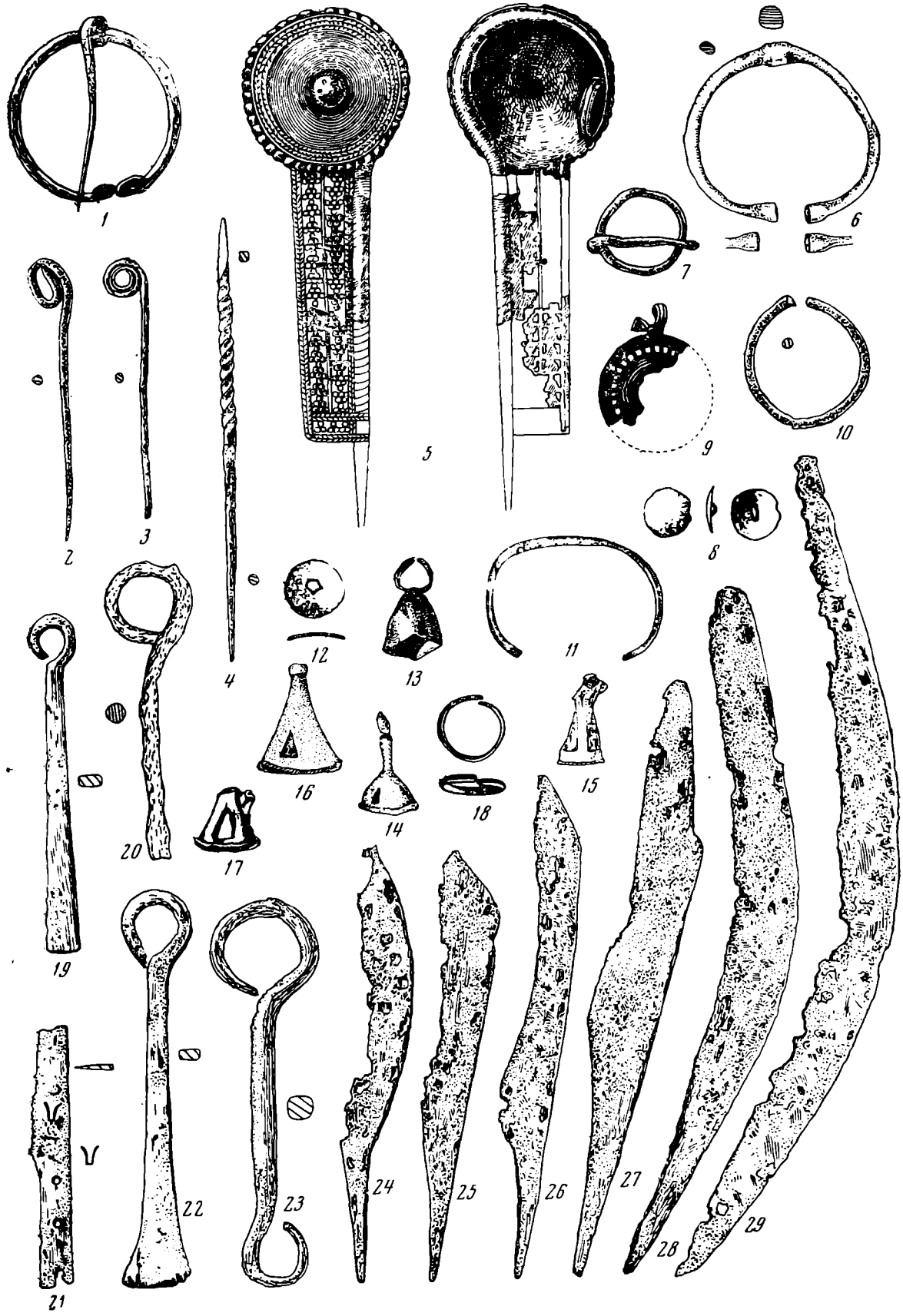


Рис. 7. Изделия из цветного металла и железа с городища Кузнечики

ков стрел этого типа на городище Кузнечики служит довольно надежным основанием для определения времени его существования. Железный втульчатый наконечник стрелы тоже может быть датирован тем же временем. Двушипные стрелы находились исключительно в пласте верхнего горизонта II слоя.

Железные ножи трех типов найдены только во II слое: серповидные, с горбатой спинкой и прямые. Горбатые ножи преобладали в нижнем горизонте, а прямые характерны для верхнего горизонта II слоя. На глубине 20 *см* обнаружен нож XVI—XVII вв. с клеймом (рис. 7, *21*). Булавки со спиральным навершием (на глубине 25—35 *см*), по-видимому, были и с цилиндрической головкой, от которых сохранились стержни (на глубине примерно 20 *см*) с перевитой верхней частью наподобие булавок из Троицы [12]. Одна булавка довольно близка к так называемым «посоховидным», но без завитка (рис. 6, *7*). Булавки последнего типа известны на Смоленщине и датируются первыми веками нашей эры [13]. Такое распределение в культурном напластовании городища Кузнечики типов булавок, указывающее на более раннее распространение булавок со спиральной головкой, а затем с цилиндрическим навершием, прослеживается и на других городищах Подмосковья. Кольца найдены большого и малого диаметров, были и спиральные кольца в $1^1/_2$ оборота с заостренными концами, аналогичные найденным в кладах Щербинского и Троицкого городищ. Удила, по-видимому, кольчатые, они из вехнего горизонта II слоя (рис. 7, *23*). В том же пласте (глубина 10—15 *см*) найдены и огнива из пластинки с петлей (рис. 7, *19, 22*), которые следует относить к числу находок, определяющих позднюю дату городища. Они характерны для верхних слоев многих городищ, найдены и в Троицком, Щербинском, Дьяковском, Огубском городищах. По материалам могильников они датируются V—VI вв.

Вещей из цветного металла в четыре раза меньше, чем из железа. Все они относятся ко II слою, причем 60% происходят из нижнего горизонта. Изделия из бронзы представлены исключительно предметами личного обихода и украшений: височные подвески умбоновидной и треугольной формы; подвески в виде бубенчиков и колокольчиков; нашивные бляшки, застежки, пряжки, булавки, браслеты, перстни и др. (рис. 6 и 7). Особого внимания заслуживают застежка с эмалью и две булавки с фигурным навершием. Застежка подковообразной формы и в отличие от найденной на Дьяковском городище [14] имеет четырехугольную вставку эмали в центре полукольца (рис. 6, *12*). Она весьма близка к «фибуле», найденной около Каунаса (Латвийская ССР), которая датируется II в. [15]

Одна из булавок в своей основе имеет массивный, обвитый спиралью стержень с кольцевым завершением, заканчивающимся острием (рис. 7, *5*). Закругленная часть булавки имеет умбоновидный щиток, от которого вниз отходит ажурная пластина из зерни. Булавки с навершием подобной формы найдены на городищах Круглица [16] и Подмоклово [17]. Нахождение их в этих пунктах соответствует зоне распространения височных умбоновидных подвесок, наденных на городищах Троицком, Щербинском, Успенском, Барвихинском, Круглица, Топорок и селищах Каргашинском и Заречье на р. Угре Смоленской области, где они являются локальной особенностью женского головного убора. На городище Кузнечики височных ум-

[12] А. Ф. Дубынин. Ук. соч., стр. 192, рис. 8, *8*.

[13] П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.— Л., 1963, стр. 166, 171.

[14] В. И. Сизов. Дьяково — городище близ Москвы. Тр. IX АС, II, М., 1897, Табл. XXVII*а*.

[15] Marija Gimbutas. The Balts. London, 1963, рис. 32.

[16] Раскопки Раменского музея Московской обл. под руководством Л. И. Пимакина в 1956—1957 гг.

[17] А. В. Успенская. Отчет о раскопках у д. Подмоклово Серпуховского района Московской обл. 1956 г. Архив ИА АН СССР, Р. 1, д. 1277.

боновидных подвесок найдено четыре (рис. 6, *9, 10;* 7, *9*), все они находятся в пределах пласта нижнего горизонта II слоя. Вторая булавка с очковидным навершием (рис. 6, *8*) одновременна описанной. Оригинальная ажурная застежка (рис. 6, *11*) в том же стиле, что и пластина упомянутой булавки с умбоновидным щитком.

Найдена также тонкая узкая пластинка с точечным орнаментом, являющаяся частью гривны или головного венчика. Дисковидные нашивные бляшки диаметром 1,5 *см* плоские и выпуклые с отверстиями или скобочками для прикрепления аналогичны находкам на Троицком, Щербинском городищах, их также много в пьяноборских древностях Прикамья.

Такие предметы, как застежки с эмалью, булавка с очковидным навершием и дисковидные бляшки,— не местного происхождения. Первые два, по-видимому, прибалтийских типов, третий — прикамского. Привозные также бусы: стеклянные золоченые, синяя прозрачная бусина со срезанными углами и красные пастовые.

Изделия из глины разнообразны и повторяют находки ранних слоев дьяковских городищ (рис. 3, 5, 6). Кроме большого количества обломков посуды найдены миниатюрные сосудики, грузила, пряслица, бусы, детские игрушки, фрагменты «рогатых» кирпичей, тигли, льячки, литейные формы и т. д. Разнообразны по форме, размерам и орнаментации так называемые грузики дьякова типа, которых более сотни. В надматериковом I слое их было всего 10%, в нижнем горизонте II слоя 60% и в верхнем его горизонте 30%. Такое распределение этих находок в культурном слое подтверждает ранее сделанные наблюдения на Щербинском и Троицком городищах, что «грузики» не характерны для ранних слоев городищ этого типа. Из грузил одно биконическое, остальные в сечении овальные. Пряслица тоже делятся на биконические и овальные в сечении, одно из них лощеное. Характерны для нижнего горизонта II слоя подвески в виде миниатюрных и крупных с ушком колокольчиков (рис. 6, *13*, *14*). Подвески этого типа на Троицком городище найдены всего в двух экземплярах, по-видимому, они чаще встречаются в более ранних пластах городищ. Одна из глиняных подвесок звездчатой формы, наподобие найденной на городище у д. Курово в бассейне Западной Двины [18], могла служить височным украшением. Много бус, мелких и крупных, есть пронизки (рис. 6, *15*), соединявшие три нити бус ожерелья и разделявшие его на ряд звеньев. Бусы, подвески и пронизи придавали нарядность ожерелью, как и украшения из глины городища Топорок [19]. Необходимо еще отметить найденные на городище Кузнечики женские фигурки (рис. 3, *27—30*; 5, *1—7, 9*; 6, *21*) и так называемые таблетки-«кирпичики» с орнаментацией из точек (рис. 6, *17*, *18*). На одной из женских фигурок изображен поясок с отходящими от него фестонами. Как известно, подобного рода женские фигурки найдены на ряде городищ: Дьяковском, Борисоглебском [20] и др. Весьма любопытен тот факт, что 50% обломков таблеток-кирпичиков с точечным орнаментом из найденных на городище Кузнечики сопровождались находками фрагментов женских фигурок. Последнее может указывать на существующую связь между этими предметами, имевшими, очевидно, культовое назначение. Миниатюрные сосудики по форме и орнаментации обычно соответствуют крупным сосудам. Они имели баночную, иногда удлиненную и несколько профилированную форму. Довольно значителен процент сетчатой керамики, иногда она орнаментирована. Гладкая посуда имела защипной, шнуровой, прочерченный орнамент, а по краю венчика сосуда иногда шла насечка.

---

[18] Я. В. Станкевич. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. МИА, 76, 1960, стр. 189, табл. XV, *1*.

[19] Ю. Г. Гендуне. Городище Топорок Тверской губернии, Корчевского уезда, Тверь, 1906, табл. 2.

[20] Р. Л. Розенфельдт. Ук. соч., рис. 41.

На городище Кузнечики, как и на других городищах, найдены изделия из камня: грузила от сетей, пряслица, бруски для точки, так называемые утюжки и обломки зернотерок.

Перечень находок дает достаточно оснований считать, что городище Кузнечики существовало как во второй половине I тысячелетия до н. э., так и в первой половине I тысячелетия н. э. Наличие таких находок, как наконечников стрел со «шпорцей», с вырезом в основании черешка, «пулевидных», «одношипных» и других стрел, а также значительный процент сетчатой лепной керамики, присутствие набора глиняных украшений ранних типов и т. д. дают возможность считать, что это городище, возникнув во второй четверти I тысячелетия до н. э., существовало в середине этого тысячелетия. Несомненно и то, что оно примерно на два-три столетия старше Троицкого и близко по времени к Щербинскому городищу. Нет оснований считать его позднее рубежа IV—V вв. Найденные на городище два фрагмента витых стеклянных браслетов, относящихся к XII—XIII вв., и упомянутый нож с клеймом (XVI—XVII вв.) случайно сюда попавшие предметы.

Городище Кузнечики представляло собой небольшое патриархально-родовое поселение, в силу чего почти за тысячу лет его существования отложился сравнительно небольшой культурный слой.

A. F. Doubynin

LES VESTIGES DE LA VILLE DE KOUZNETCHIKI AUX ENVIRONS DE MOSCOU

Résumé

En 1965, ont été exécutées les fouilles des vestiges de la ville de Kouznétchiki, près de la ville de Podolsk, région de Moscou. Pendant les fouilles, on a décelé les traces des bâtiments d'habitation et des dépendances, les restes des constructions de défense. Les anciennes habitations atteignaient 40 m en longueur et près de 3,6 m en largeur. Les dimensions des maisons postérieures étaient à peu près de 4,6 par 5,6 m. Sur le bord du terrain de la ville s'alignait, évidemment, une construction spéciale, contre le côté extérieur de laquelle s'appuyait le remblai du rempart, pareillement à ce que l'on pouvait observer dans des vestiges de la ville de Troitskoïé — Le deuxième et le troisième remparts ceignaient la ville sur le versant. Parmi les trouvailles figurent des pointes de flèches en os, un javelot, des harpons, des aiguilles, des perçoirs, des manches de couteaux, des objets en fer, tels que: faucilles, flèches, couteaux, mors, briquets, épingles, agrafes; viennent ensuite des pendants temporaux ayant la forme d'ombe ou de triangle. des boucles, des épingles, des bracelers, des bagues etc. en bronze. Les agrafes en forme de fer à cheval émaillées et deux épingles à tête ouvrée méritent une attention spéciale. Des vases microscopiques, de petits poids du type de Diakovo, de petits poids à filer, des perles, des jouets d'enfant, des fragments de «briques à cornes», des creusets, des moules — tout cela est fabriqué en argile. Toute la vaisselle en argile est modelée. On trouve une quantité considérable de céramique à hachure réticulaire, parfois elle a des ornements.

La ville a existé pendant la deuxième moitié du premier millénaire avant notre ère et pendant les premiers siècles de notre ère. Elle se rapporte aux vestiges de villes de la civilisation de Diakovo.

И. Г. РОЗЕНФЕЛЬДТ

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ГОРОДИЩА КУЗНЕЧИКИ

В лесной зоне Европейской части СССР за последние годы раскопано полностью значительное число памятников раннего железного века, среди них несколько городищ, расположенных в Московской области. Несомненный интерес представляет городище Кузнечики в Подольском районе, раскопанное Московской экспедицией ИА АН СССР в 1963—1965 гг.[1] На площадке городища, где вскрыто более 1200 $м^2$ при средней мощности культурного слоя 0,50—0,60 *м*, обнаружены остатки оборонительных и жилых сооружений и разнообразные бытовые предметы, позволившие А. Ф. Дубынину датировать этот памятник временем от второй четверти I тысячелетия до н. э. до первой половины I тысячелетия н. э.[2] Опорой для датировки послужили костяной и железный наконечники стрел с раздвоенными черешками, умбоновидная бронзовая привеска, бронзовая подковообразная фибула с красной эмалью и ряд других предметов.

Наиболее многочисленной категорией находок на городище является посуда. Как и всегда на поселениях, она найдена во фрагментированном виде и составляет коллекцию объемом в 23 тыс. обломков. Посуда отличается большим разнообразием. Целыми преимущественно сохранились миниатюрные сосудики; удалось реставрировать четыре больших сосуда и графически восстановить еще несколько, при наличии данных о полном профиле. При раскопках городища отмечалось, что культурный слой нарушен не только поздними перекопами, но и постройками, возведенными в разные периоды жизни на нем, и их многократными перестройками. Из-за небольшой мощности культурного слоя стратиграфических данных для расчленения керамического материала получить не удалось. Обломки посуды разных типов залегали совместно как в толще слоя на площадке, так и в напластованиях вала и на материке. Только в заполнении землянки, наиболее древнего сооружения на городище, найдены однородные фрагменты сетчатой керамики. При изучении коллекции в целом, с учетом хронологической последовательности разных категорий посуды на других памятниках с более четкой стратиграфией, таких как Троицкое[3] и Щербинское[4] городища, прослеживается преобладание некоторых типов керамики в верхних или более глубоких горизонтах. О составе керамического комплекса можно судить по статистической таблице.

Как видно, круговая керамика здесь представлена в незначительном количестве. Это обломки славянской средневековой посуды, не имеющие

[1] А. Ф. Дубынин. Отчет подольского отряда Московской экспедиции за 1963 г. Архив ИА АН СССР, Р. 1, д. 2735; К. А. Смирнов. Отчет о раскопках городища у пионерлагеря Кузнечики близ г. Подольска Московской обл. в 1964 г. Архивы ИА АН СССР, Р. 1, д. 2846; А. Ф. Дубынин. Отчет о работе Московской археологической экспедиции 1965 г. Архив ИА АН СССР, Р. 1, д. 3139.

[2] А. Ф. Дубынин, Д. А. Беленькая, А. А. Юшко. Работы в Москве и Подмосковье, Сб. «Археологические открытия 1965 г.». М., 1966, стр. 37—39.

[3] И. Г. Розенфельдт. Посуда Троицкого городища. СА, 1965, 1, стр. 180—193.

[4] И. Г. Розенфельдт. Щербинское городище. СА, 1964, 1, стр. 165—177.

прямого отношения к основному комплексу находок. Вся остальная посуда лепная, плоскодонная, изготовлена на подставке от руки способом ленточного налепа.

Выделяются две категории посуды, различной по назначению: бытовая и миниатюрные сосудики, предназначенные для специальных надобностей.

Бытовая посуда разделяется на две группы, различаемые по назначению и технологии изготовления: кухонная грубая и столовая лощеная и подлощенная.

Статистика керамики городища Кузнечики

Вид керамики	Количество, шт.	%	Примечания
Всего	23054	100	
Круговая	13	0(0,05)	
Лепная	23041	100(99,95)	
I. Лощеная и подлощенная	491	2	
II. Грубая	22496	98	
А. Гладкостенная	19353	86	От числа грубой
1. Без орнамента	16821	87	От числа гладкостенной
2. Орнаментированная	2532	13	
с орнаментом по краю	805	32	
с орнаментом по тулову:			
а) ямчатый	146	5,8	От числа орнаментированной
б) ногтевой	568	22,4	
в) защипной	480	19,0	
г) прочерченный и нарезной	38	1,5	
д) веревочный (на палочке)	351	13,8	
е) штамповый	58	2,3	
ж) тычковый	71	2,6	
з) пальчатый	15	0,6	
Б. Сетчатая	3029	13,5	От числа грубой
1. Без орнамента	2895	95,5	
2. Орнаментированная (по тулову):	134	4,5	От числа сетчатой; изредка встречаются насечки по краю
а) защипной	10	7,2	
б) тычковый	10	7,2	
в) розетки	60	45,4	От числа сетчатой орнаментированной
г) штамповый (гребенчатых нет)	2	1,5	
д) ногтевой	1	0,7	
е) ямчатый	49	36,6	
ж) пальчатый	1	0,7	
з) прочерченный	1	0,7	
В. Штрихованная (орнаментов нет)	104	0,5	От числа грубой
Г. Рогожная	10	0,05	

Грубая посуда составляет основную массу материала — 98% всей лепной керамики. Она изготовлена из глиняного теста с примесью крупной и мелкой дресвы, реже песка или шамота. Сосуды имеют преимущественно серый или желтовато-коричневатый цвет поверхности, часто пятнистый от неравномерного кострового обжига. По обработке поверхности грубая посуда разделяется на гладкостенную (86%), сетчатую (13,5%), штрихованную (0,5%) и рогожную (0,05%). Каждая из этих категорий, несмотря на малочисленность некоторых, имеет значение для определения хронологии городища и этнического состава его населения.

А. Гладкостенная посуда также неоднородна: преобладают сосуды с грубой бугристой поверхностью, часто с выступающими примесями, но часть сосудов обработана более тщательно, поверхность их замыта и сглажена. Есть сосуды со следами вертикального сглаживания щепкой.

Основная форма посуды — горшок. Типы горшков разнообразны.

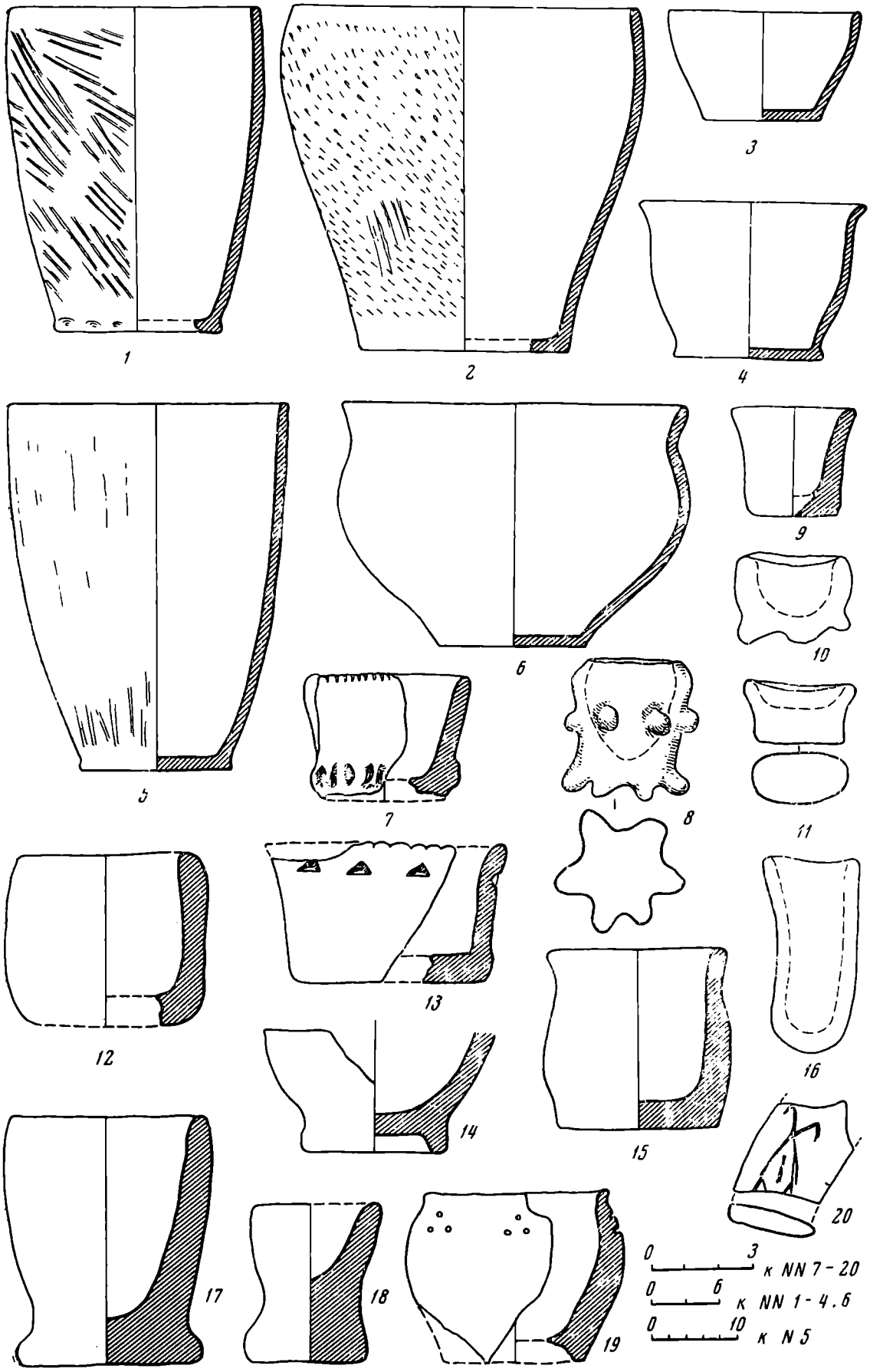


Рис. 1. Формы сосудов

1—6 — бытовая посуда; *7—19* — миниатюрные сосудики; *20* — знак на керамике

Они различаются по размерам, пропорциям и деталям профилировки (рис. 1, *3—5*). Есть горшки баночных форм с прямыми, почти отвесными стенками, слабопрофилированные и наряду с ними есть хорошо профилированные горшки с выпуклыми плечиками, выделенными шейками и разнообразными по моделировке венчиками, аналогичные найденным в верхнем слое Троицкого городища [5]. Многие сосуды имеют следы нагара и закопченности, прямо свидетельствующие об их использовании для приготовления пищи. Очень редко встречаются грубые миски. По-видимому, для еды длительное время служили невысокие горшки (мискообразные сосуды). Найдены единичные экземпляры обломков крышек сосудов; обомков сковородок нет. Часть сосудов, преимущественно вытянутых форм и крупных размеров, служила для хранения запасов. Диаметр таких сосудов был около 30 *см* и более. Основная масса горшков, употреблявшихся для приготовления пищи, имела диамаетр 16—28 *см*. Встречаются и маломерные грубые сосуды диаметром 10—14 *см*.

Среди гладкостенной посуды преобладают фрагменты без орнамента (87%), орнаментированных значительно меньше (13%), однако следует учитывать, что орнамент наносился обычно только в верхней трети сосудов и, таким образом, в число керамики без орнамента попадают и обломки орнаментированной. Некоторые сосуды орнаментированы только по краю венчиков вдавлениями пальцев, ногтя, щепочки или разнообразных штампиков. Встречаются также кольцевая прочерченная канавка, насечка по венчику и отпечатки перевитой на палочке веревки. Подобная орнаментация краев гладкостенной посуды характерна для хорошо профилированных горшков, имеющих аналогии в посуде верхнего слоя Троицкого городища и поздних слоев ряда городищ дьякова типа, в том числе и Щербинского городища. Многие горшки были орнаментированы по тулову. Орнамент обычно располагался пояском в области плечиков, иногда он спускался ниже, на самую расширенную часть тулова сосуда. Приемы орнаментации разнообразны: преобладали отпечатки ногтя, защипы, отпечатки веревочки, намотанной на палочку, но были распространены и ямчатый, штамповый (разных форм), прочерченный, нарезной и пальчатый. Преобладали узоры, выполненные одним приемом орнаментации (рис. 2), но есть и комбинированные из разных элементов, по сочетанию которых можно судить об их одновременности (рис. 3). Прослежены комбинированные узоры только из двух разных элементов. Так, ногтевые отпечатки комбинировались только с защипами и оттисками перевитой веревочки, защипные — с ногтевым и прочерченным орнаментом, оттиски перевитой на палочке веревки — с ямчатыми и штамповыми (треугольными) отпечатками; ямчатые — со штамповыми защипами, с нарезным и прочерченным орнаментом; штамповые отпечатки — с тычковыми и ямчатыми; треугольные оттиски — с веревочными; встречаются комбинации отпечатков разных типов штампов друг с другом или с прочерченным и нарезным орнаментом.

Орнаментальные композиции на гладкостенной посуде разнообразны (рис. 2, 3). В основе построения узора лежит поясок в один-два или несколько рядов однородных отпечатков. Поясок бывает сплошной или прерывистый. Часто он дополняется отдельными оттисками или группой элементов, образующих отходящие от основного пояса фестоны. Интересна серия узоров, выполненных перевитой на палочке веревкой. Элементы орнамента в узоре располагаются преимущественно вертикально, но есть узоры и с горизонтальным расположением элементов, аналогичные посуде верхнего слоя Троицкого городища. Среди глакостенной керамики городища Кузнечики выделяется много форм сосудов и орнаментов на посуде, имеющих многочисленные аналогии в посуде Троицкого

[5] И. Г. Розенфельдт. Посуда Троицкого городища..., рис. 5, 6.

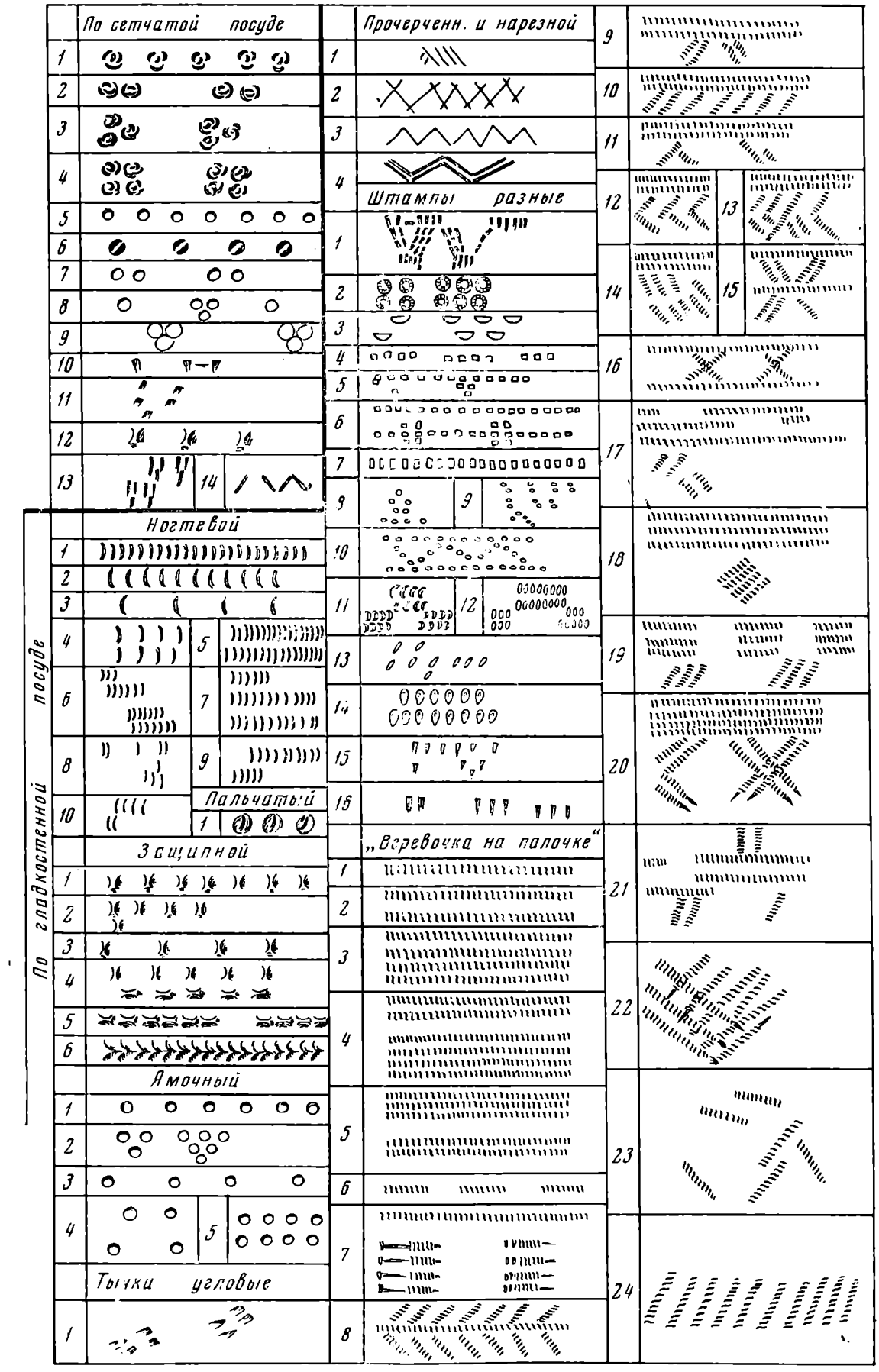


Рис. 2. Приемы орнаментации и композиции узоров на сетчатой и гладкостенной посуде

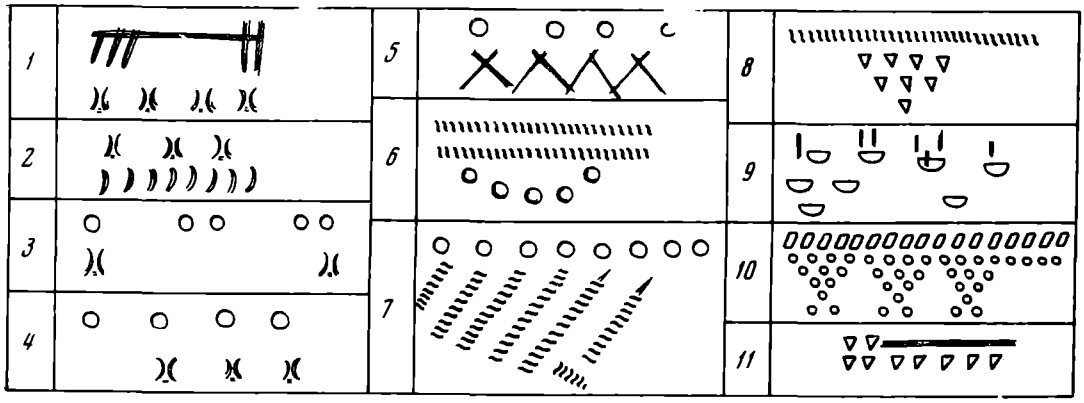


Рис. 3. Узоры на гладкостенной посуде, комбинированные из разных элементов орнамента

городища, как нижнего, так и верхнего слоя. Так, горшки баночных и слабопрофилированных форм и некоторые сосуды с ямчатым или защипным рельефным орнаментом, с тычковым, ногтевым и прочерченным аналогичны посуде из нижнего слоя Троицкого городища. Посуда с веревочным орнаментом и отпечатками штампиков разных форм (преимущественно овальных и треугольных) имеет аналогии в керамике верхнего слоя Троицкого городища и синхронных ему слоев других памятников Подмосковья. Таким образом, гладкостенная посуда, происходящая с городища Кузнечики, в соответствии с датировками нижнего и верхнего слоя Троицкого городища может быть расчленена на типы, датируемые временем от последних веков до нашей эры и до середины I тысячелетия н. э. Следует отметить, что в отличие от нижнего слоя Троицкого городища на городище Кузнечики не встречена гладкостенная посуда с двудольным или розеточным орнаментом, но есть своеобразные штампики в виде полукруга и кольцевые, неизвестные по троицкой керамике.

Несомненный интерес представляет обломок гладкостенного керамического предмета с прочерченным на нем знаком (рис. 1, *20*). Знаки на посуде встречаются редко, однако они известны на нескольких памятниках раннего железного века в лесной зоне: на Троицком[6], Щербинском и Дьяковом городищах, на Тушемле[7], на поселениях бассейна верхней Десны[8]. Знак на керамике с городища Кузнечики сходен с изображениями, происходящими из верхнедеснинских поселений I—II вв. Исследовавший их А. К. Амброз отметил, что знаки наносились несимметрично на самых различных местах сосудов — на стенках, на дне; иногда они гравировались на уже обожженном сосуде и, следовательно, не предназначались для украшения посуды. А. К. Амброз трактует эти знаки как ромбы с крючками — символы чисто культового характера.

Б. Сетчатая посуда имеет на поверхности отпечатки, напоминающие оттиски ткани или плетения. Этот своеобразный прием обработки поверхности был широко распространен в раннем железном веке. Такая посуда составляет 13,5% от числа грубой. Встречаются сосуды с оттисками приложенной к сырой глине ткани — тонкими, с правильным направлением отпечатками, часто в виде регулярной системы ячеек или идущих наискось рядов, иногда напоминающих оттиски шнура. Наряду с ними

---

[6] И. Г. Розенфельдт. Посуда Троицкого городища..., рис. 2, *19*, *22*.

[7] П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, рис. 19, *2*.

[8] Ф. М. Заверняев. Селища бассейна р. Судости. СА, 1960, 3, стр. 185, рис. 4, *10*; А. К. Амброз. К истории верхнего Поднесенья в I тысячелетии н. э. СА, 1964, 1, рис. 8, *1*, *8*; его же. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками»). СА 1965, 3, рис. 1.

встречаются отпечатки, имитирующие отпечатки ткани: крапчатые или нанесенные гребенчатым штампом, оттистки которого, поставленные близко друг к другу, а иногда и находящие один на другой, создают неровную, похожую на сетчатую, поверхность. Стенки сосудов с имитацией сетки на поверхности обычно имеют заглаженные, свободные от отпечатков участки. Сетчатые сосуды слабо профилированы. Форма горшков баночная с прямыми или слабо профилированными стенками и усеченно коническая; края сосудов в большинстве прямые, но у некоторых слегка отогнуты наружу. Преобладают средние размеры горшков (рис. 1, 2). У части сосудов стенки сплошь покрыты сеткой; она начинается у самого края и часто переходит на дно, покрывая его с одной или с двух сторон. Такие сосуды покрыты обычно отпечатками правильного переплетения и являются более древними. Большинство таких сосудов не орнаментировано или украшено только по краю венчика легкими защипами. Наряду с этим на ряде сосудов имеется орнамент, нанесенный поверх сетчатых отпечатков. Он состоит чаще всего из отпечатков однородных штампов в виде розетки или неправильных вдавлений; реже встречается ямчатый, ногтевой, защипной, тычковый, прочерченный и пальчатый орнамент. Элементы орнамента обычно составляют композицию в виде пояска в один ряд вокруг устья сосуда, иногда они компонуются группами по два, три, четыре отпечатка, чаще располагаются один за другим на равных расстояниях (рис. 2). Узоры, комбинированные из разных отпечатков, на сетчатой посуде городища Кузнечики не встречаются.

Такая посуда имеет аналогии в материалах Щербинского городища (нижний горизонт верхнего слоя и нижний слой) и в древних слоях ряда городищ дьякова типа, относящихся к середине I тысячелетия до н. э. В отличие от сетчатой керамики древнейших городищ Верхнего Поволжья и Верхнего Подвинья, а также москворецких (в частности, Щербинского городища), на городище Кузнечики полностью отсутствует орнаментация гребенчатым штампом.

Сосуды, украшенные крапчатыми отпечатками, имитирующими ткань, часто имеют участки без сетки. В большинстве случаев сетка располагалась в верхней части сосудов, несколько отступя от края, который, так же как и дно и прилегающие к нему части стенок, был заглажен. На сосудах этого типа орнаментация обычно отсутствует, есть лишь единичные фрагменты сосудов с ямчатым орнаментом. Эта посуда имеет аналогии в нижнем слое Троицкого городища, известна она и на ряде других памятников Москворечья и Верхнего Поволжья. Дата этого типа посуды — I—III вв.— была определена для указанных районов О. Н. Бадером и П. Н. Третьяковым [9].

В. Штрихованная керамика составляет всего 0,5% от числа грубой. По формам и размерам сосудов эта керамика очень близка к сетчатой (рис. 1, *1*). Сосуды имеют близкую к баночной и усеченно коническую слабопрофилированную форму, большинство из них с прямым или слегка вогнутым внутрь краем, реже встречаются сосуды с отогнутым наружу краем. Стенки сосудов сплошь покрыты разнообразной штриховкой, нанесенной гребенчатым штампом, реже — щепочкой или острием. Это своеобразный прием обработки, сглаживания поверхности. Характер штриховки неоднороден. Встречаются сосуды со следами вертикальной, косой и перекрещивающейся штриховки. Сосудов со сплошной горизонтальной штриховкой поверхности не обнаружено. Во внутренней полости сосудов и на днищах следов штриховки нет. Встречаются сосуды со штриховкой по тулову в разных направлениях, а по их краю нанесена узкая полоса горизонтального «расчеса» (в этих случаях можно говорить

[9] О. Н. Бадер. Материалы к археологической карте Москвы. МИА, 7, 1947; П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. МИА, 5, 1941.

об украшательном характере штриховки). Орнамента на штрихованной посуде городища Кузнечики нет, в отличие от штрихованной посуды Щербинского городища, где часто встречается дополнительная орнаментация, главным образом гребенчатая. Керамика со штрихованной поверхностью встречается на ряде памятников Волго-Окского бассейна (особенно на поселениях дьякова типа и городецких [10]) и составляет здесь один из постоянных, хотя и незначительных в процентном отношении, компонентов керамического комплекса [11]. Она прослеживается обычно в нижних слоях ранних поселений совместно с сетчатой посудой. Некоторые типы штрихованной керамики, наиболее древние, имеют сходство с посудой эпохи поздней бронзы и, вероятно, связаны с ней генетически. Аналогичная керамика встречается на памятниках Верхнего Подвинья [12], штриховка поверхности сосудов которых рассматривается как результат влияния соседних племен-носителей культуры штрихованной керамики. Основной областью распространения городищ со штрихованной керамикой, которые обычно приписываются исследователями балтским племенам, являются Восточная Литва и Белоруссия. Ареал этих поселений четко определен [13]. Он оконтурен широкой полосой пограничья, в пределах которой поселения раннего железного века характеризуются смешанным керамическим комплексом с незначительным количеством и штрихованной керамики.

В. В. Седов наиболее восточные пункты распространения штрихованной керамики указывает в Смоленском Поднепровье, причем отмечает, что здесь встречаются отдельные находки, составляющие ничтожный процент в керамическом комплексе памятников; только на одном изолированном городище Церковище близ Смоленска штрихованная керамика господствует над гладкостенной [14].

П. Н. Третьяков в числе районов пограничной полосы отмечает и верховья Волги [15]. Мы уже упомянули, что керамика со штрихованной поверхностью встречается в Волго-Окском междуречье. Исследования последних лет позволяют выделить ряд памятников раннего железного века, где такая керамика найдена. В их число входят городища бассейна р. Москвы. Керамика со штрихованной поверхностью, находимая в восточных районах лесной зоны, вне основного ареала памятников культуры штрихованной керамики, не привлекала специального внимания исследователей и требует детального изучения.

Г. Рогожная керамика на городище Кузнечики составляет единичные находки — 0,05% от числа грубой. Эта посуда четко типологически не выделяется, судить о формах сосудов нет данных. Найдены стенки слабопрофилированных сосудов с поверхностью, напоминающей рогожную керамику городецких поселений; по характеру отпечатков создается впечатление, что они нанесены крупным гребенчатым штампом, и такая по-

[10] И. Г. Розенфельдт. Щербинское городище..., стр. 170; А. Г. Векслер. Отчет об археологических раскопках в Одинцовском районе Московской области в 1966—1967 гг. Архив ИА АН СССР, Р. 1, д. 3277; д. 3552; Н. Н. Гурина. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье. МИА, 110, 1963, стр. 85—226; Ю. А. Краснов и Н. А. Краснов. Обследования памятников дьяковской культуры в долине Москвы-реки. СА, 63, 1, стр. 207—208; А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова. Городецкая культура. САИ, Д-1-14, М., 1965. табл. 8, *9*, *17*.

[11] Следует отметить, что в большинстве памятники многослойны. При возможности выделения керамического комплекса для нижних слоев получаются более определенные процентные показатели. Так, в комплексе керамики нижнего слоя Щербинского городища керамика со штрихованной поверхностью составляет около 8%.

[12] Я. В. Станкевич. К истории племен Верхнего Подвинья в I — начале II тысячелетия н. э. МИА, 76, 1960, рис. 37, 38; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.— Л., 1966, стр. 149, 150.

[13] П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 174—177; В. В. Седов. Поселения культуры штрихованной керамики. «Studia Archeologiczne», II, Wroclaw, 1967, стр. 177—195.

[14] Там же, рис. 1, стр. 182.

[15] П. Н. Третьяков. Ук. соч., рис. 31, стр. 175.

суда может быть близко сопоставлена с сосудами с имитацией сетки на поверхности.

Столовая посуда — лощеная и подлощенная — составляет всего 2% от числа всей лепной. На ней никогда не бывает следов нагара, и она отличается тонкой выработкой. Сосуды изготовлены из тщательно промешанного теста с примесью песка. Они тонкостенные, обычно хорошо обожжены. Поверхность сосудов покрыта сплошным или частичным лощением, чаще тусклым, чем блестящим. Следы лощения горизонтальные. Встречаются сосуды, очень слабо залощенные и даже просто заглаженные, однако по всем признакам (тесто, обжиг, примеси, форма) совпадающие с этой группой посуды. Цвет сосудов желтоватый, серый и черный. В отличие от Троицкого городища на Кузнечиках, как и на Щербинском городище, чернолощеная керамика не является исключением. Формы лощеной посуды разнообразны. Преобладают низкие горшки с хорошо профилированным туловом и венчиком, с открытым устьем (рис. 1, *6*). Большинство сосудов имеет плавную линию профиля; обломки остроребериых сосудов единичны. Сосудов на кольцевых поддонах нет. Среди горшков выделяются сосуды с высоким прямым горлом и расширенным туловом, предназначенные для хранения жидкостей. Сосуды подобной формы характерны для поздних слоев городищ дьякова типа, в частности для Троицкого. Они встречаются и в лощеной, и в грубой посуде. В меньшем количестве, чем горшки, встречаются глубокие миски, также хорошо профилированные и также аналогичные найденным в верхнем слое Троицкого городища. Размеры лощеных сосудов преимущественно малые и средние. Судя по аналогиям, лощеная посуда городища Кузнечики может датироваться IV—VI вв.

Миниатюрные сосуды. Найдено около 50 экземпляров, в большинстве они целые, все гладкостенны. Некоторые украшены орнаментом, соответствующим по узорам и элементам орнаментации бытовой посуде. Есть сосудики с ногтевым, защипным, прочерченным, накольчатым орнаментом и с отпечатками треугольных штампиков. Встречается насечка по краю. Однако преобладающее большинство миниатюрных сосудиков не орнаменировано. По формам они разделяются на несколько групп.

1. Баночные и слабопрофилированные сосудики с широким плоским дном. Края прямые или слегка отогнуты (рис. 1, *7*, *9*, *11—13*). Они различных пропорций: есть вытянутые и низкие в виде мисочек. Интересны сосудики с рельефно выступающим, оформленным глубокими защипами краем дна (рис. 1, *7*) и низкие сосудики с овальным дном (рис. 1, *11*).

2. Сосудики цилиндрической формы, напоминающие тигельки (рис. 1, *16*).

3. Сосудики бокаловидной формы на сплошном поддоне, иногда с легкой выемкой в основании (рис. 1, *14, 17, 18*). Стенки слегка расходятся от суженного основания, реже отвесны. Есть сосудики на тонких и толстых поддонах. Особый интерес представляют сосудики, несомненно, ритуального назначения с основанием, оформленным в виде расходящихся по краю дна сосковидных отростков, таких сосудиков два (рис. 1, *8*, *10*). Один из них имеет орнаментальные рельефные выступы и на стенках.

По характеру этих выступов сосудики могут быть сопоставлены с найденным на Троицком городище фрагментом стенки уникального сосудика с рельефными выступами [16]. Рельефное оформление дна сближает эти сосудики с описанными выше баночными с защипами у основания (рис. 1, *7*).

4. Сосудики горшковидной формы с профилированным туловом и отогнутыми венчиками (рис. 1, *15*, *19*).

---

[16] И. Г. Розенфельдт. Посуда Троицкого городища..., рис. 3, *8*.

Часть миниатюрных сосудиков отражает формы бытовой посуды и является игрушками, часть, по-видимому, имела специальное хозяйственное назначение, некоторые сосудики, несомненно, употреблялись в ритуальных целях. Многие миниатюрные сосудики имеют сходство с найденными в комплексах Троицкого городища, однако на Кузнечиках нет сосудиков с лощеной поверхностью и нет остроребериых, характерных для самого позднего горизонта Троицкого городища. В отличие от материалов Щербинского городища, на городище Кузнечики отсутствуют миниатюрные сосудики с сетчатой и штрихованной поверхностью.

На основании вещевых находок А. Ф. Дубынин датирует городище Кузнечики второй четвертью I тысячелетия до н. э.— серединой I тысячелетия н. э.

Керамический комплекс городища при сопоставлении его с материалами Троицкого и Щербинского городищ не противоречит в целом этой дате. Однако следует учесть, что в керамике городища Кузнечики отсутствует ряд признаков, характерных для древнейшей посуды городищ дьякова типа, хорошо представленных в нижнем слое Щербинского городища.

Так, для штрихованной посуды городища Кузнечики не характерны штриховка внутренней полости, горизонтальная штриховка поверхности, полностью отсутствует дополнительная орнаментация. Процент штрихованной посуды в керамическом комплексе незначителен. На сетчатой посуде и ранних формах гладкостенной дополнительная орнаментация в сравнении с щербинской керамикой менее разнообразна, и при этом у нее полностью отсутствуют отпечатки гребенчатого штампа, наиболее характерные для всех типов древней посуды Щербинского городища. Учитывая территориальную близость городищ Кузнечики и Щербинского (расстояние между ними менее 10 *км*), эти различия в керамике нельзя считать локальными. Они позволяют сделать только один вывод: городище Кузнечики было основано несколько позднее, чем Щербинское.

Что касается этнической принадлежности населения городища, то керамика, так же как найденные предметы и типы сооружений, свидетельствует о его неоднородности. По-видимому, поселение было основано финно-угорскими племенами, о чем можно судить по значительному количеству сетчатой керамики, основная масса которой найдена в нижней части культурного слоя, а также по находкам ее в древнейшем на городище земляночном жилище. Позднее, по-видимому в начале нашей эры, состав населения несколько изменяется с приливом населения из западных и юго-западных соседних областей. О смешанном характере этого балто-финно-угорского населения позволяет судить керамический комплекс, в общих чертах соответствующий комплексу Троицкого городища.

I. G. Rosenfeldt

L'ENSEMBLE DE CÉRAMIQUE DE L'ANCIENNE VILLE DE KOUZNETCHIKI

Résumé

L'article contient la publication et l'analyse du matériel céramique provenant de l'agglomération fortifiée diakovienne Kouznetchiki (région de Moskou, près de Podolsk), fouillée jusqu'au bout. Elle se date du deuxième quart du premier millénaire avant n. è. jusqu'à la moitié du premier millénaire de n. è. La collection compte 23 000 pièces. Les tableaux statistiques et typologiques des formes des céramiques et de leur ornementation sont mentionnés. La confrontation de l'ensemble céramique en question avec les matériaux des agglomérations fortifiées de Troitskoïé et de Chtcherbino de la région de Moscou permet d'établir la datation de ville ancienne de Kouznetchiki et de préciser sa chronologie relative par rapport aux étalons. L'analyse des céramiques permet de juger de la structure ethnique de population. La ville ancienne de Kouznetchiki était constituée par les tribus finno-ougriennes. Au début de notre ère par suite de la venue de certains groupes éthniques des régions voisines de l'Ouest et de Sud-Ouest la population devient mêlée: balto-finnolinguale.

Ю. Н. ВОРОНОВ, А. С. ВОЗНЮК, В. А. ЮШИН

АПУШТИНСКИЙ МОГИЛЬНИК IV—VI ВВ. Н. Э. В АБХАЗИИ

Комплекс археологических памятников в урочище Апушта состоит из поселения, крепости и могильника (рис. 1). Он расположен в крайней восточной части Азантской горной долины между гребнями гор Пшоу и Малый Схапач (в 2—3 *км* от оз. Амткел и в 5—6 *км* от пересечения р. Джампал Военно-Сухумской дорогой). Через вершину горы Малый Схапач проходит один из высокогорных путей к Марухскому перевалу Главного Кавказского хребта. Развалины крепости находятся на западном отроге горы Пшоу (рис. 1, *I*) на узких террасах, защищенных с юга обрывами к Холодной речке, а с севера крутым склоном, также переходящим в обрывы. Размеры крепости 350×30 *м*. Общая длина прослеженных стен около 600 *м*, они опираются на скалистые уступы и сложены насухо из обломков известняка. Судя по сохранившимся частям, их высота достигала 2,5 *м*.

Ниже по склону, у истоков нескольких ручьев обнаружены следы неукрепленного поселения, занимающего площадь около 100 × 50 *м* и поврежденного канавами и размывами (рис. 1, *II*). Подъемный материал с поселения и из крепости — разнообразная кухонная и тарная керамика тех же типов, что и найденная в могильнике. Это позволяет говорить об одновременности и взаимосвязанности всех трех объектов.

Могильник находится к северу от крепости и прослеживается на площади в 50 *га* (рис. 1, *III*). Несколько лет назад через его территорию проходила лесосплавная дорога, приведшая к образованию здесь многочисленных канав, интенсивно разрабатываемых в настоящее время осадками. В течение ряда лет нами по заданию Абхазского Совета Грузинского Общества охраны памятников культуры проводились наблюдения над этими размывами, в результате чего было зафиксировано и доследовано около 30 погребений (погр. № 13 доследовано на плотине оз. Амткел к западу от крепости), инвентарь которых служит значительным дополнением к данным о культуре местного племени апсилов в III—VI вв. н. э.

Погребение № 1 проявилось в канаве на глубине 1 *м*. Доследовано женское трупоположение, обращенное головой на север (рис. 2, *1*). С обеих сторон черепа стояло по кувшину (рис. 2, *2, 3*). На груди лежали две фибулы (рис. 2, *7, 8*) и бусы: синее стекло — 78 круглых (рис. 2, *19—21*), 25 призматических (рис. 2, *15—17*), 2 суббиконических (рис. 2, *22, 24*), 1 бочонковидная (рис. 2, *14*), 1 четырнадцатигранная (рис. 2, *23*), 1 с тремя белыми поясками (рис. 2, *11*), 1 с белыми глазками (рис. 2, *27*), 2 из зеленого стекла (рис. 2, *12, 26*), 3 стеклянных с золотой прокладкой (рис. 2, *25, 29, 30*), 2 сердоликовых (рис. 2, *13*), 1 темно-синяя пастовая с голубыми глазками (рис. 2, *18*), 2 красных керамических (рис. 2, *10*) и бронзовая обоймочка (рис. 2, *9*). На правой руке 2 бронзовых браслета (рис. 2, *5, 6*), на левой — один (рис. 2, *4*).

Погребение № 2 обнаружено в 1,5 *м* к северу от погр. № 1 в противоположной стенке канавы. Доследовано мужское трупоположение

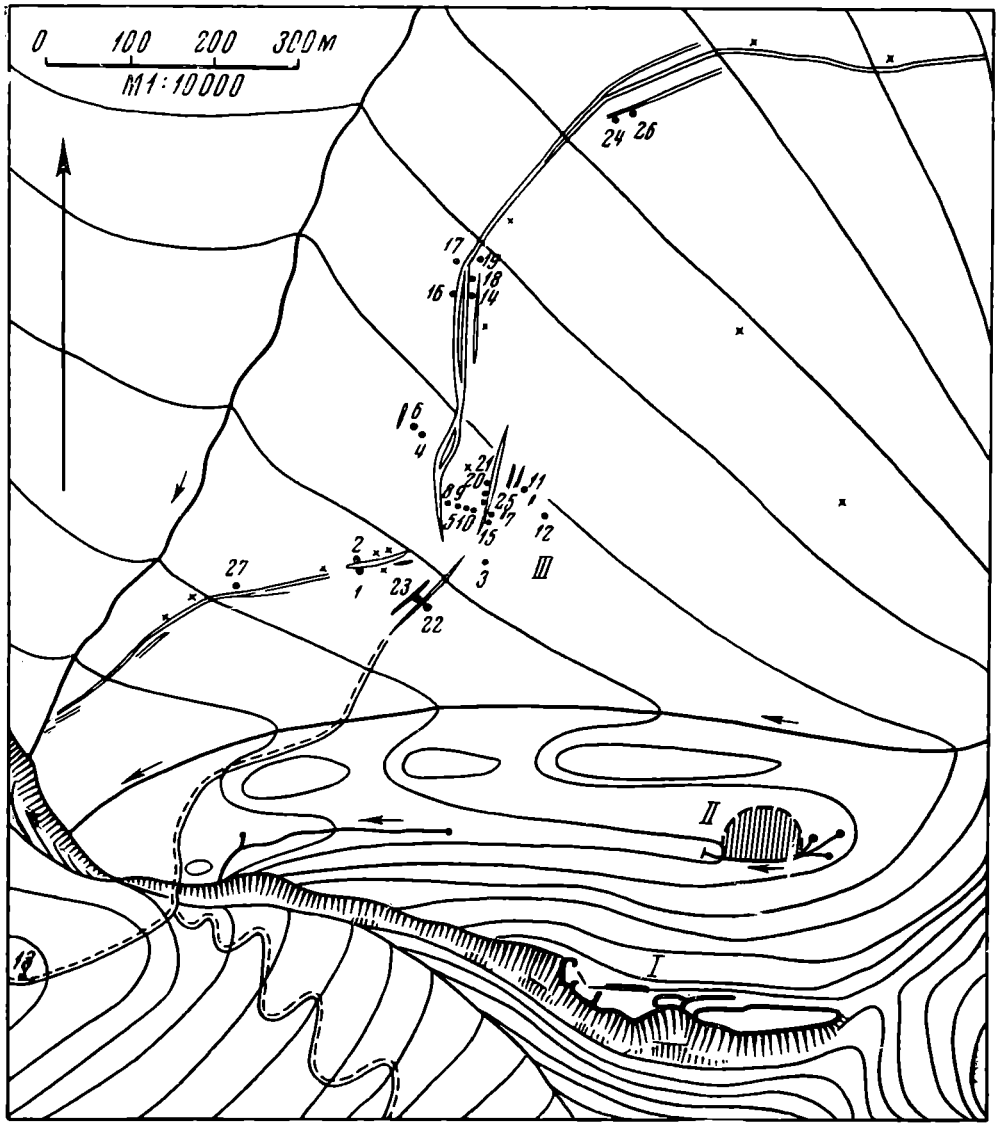


Рис. 1. Урочище Апушта. Схема размещения позднеантичных памятников
I — крепость, *II* — поселение, *III* — могильник; крестиком обозначена случайная находка

головой на юг (рис. 3, *1*). Железный топор (рис. 3, *2*) лежал на левом плече. В районе пояса найдены железная пряжка (рис. 3, *4*) и фрагмент железного ножа (рис. 3, *5*), у левого бедра — короткий железный меч (рис. 3, *3*), у рукояти которого была бронзовая бляшка (рис. 3, *7*). Обломок серебряного браслета (рис. 3, *6*) подобран снаружи у правого плеча.

Погребение №3 находилось в 100 *м* к востоку от погр. №1 и 2. Доследован между корней дерева истлевший женский костяк, лежавший головой на север (рис. 4, *1*). В головах вверх дном стоял большой кувшин (рис. 4, *2*), в его горле находился маленький кувшинчик (рис. 4, *4*), рядом лежали другой кувшинчик (рис. 4, *3*) и железная мотыга (рис. 4, *9*). У черепа находились две серебряные серьги (рис. 4, *8*). Ниже находились 3 бронзовые (рис. 4, *5, 10, 25*) и 1 железная (рис. 4, *11*) фибулы. Две фибулы имели бронзовые цепочки (рис. 4, *6*). У левого локтя лежало керамическое пряслице (рис. 4, *8*). У шеи находились бусы: синее стекло — 372 бисерные, круглые или суббиконические (рис. 4, *17, 19, 29*), 4 четырнадцатигранные (рис. 4, *14, 22*), 1 призматическая с белыми поясками (рис. 4, *23*), 1 круглая с белыми полосками (рис. 4, *24*); зеленое стекло — 6 округлых (рис. 4, *18*), 1 четырнадцатигранная (рис. 4, *21*); 3 каплевидные стеклянные медового цвета (рис. 4, *12*), 2 янтарные (рис. 4, *15, 16*) и 1 сердоликовая (рис. 4, *13*).

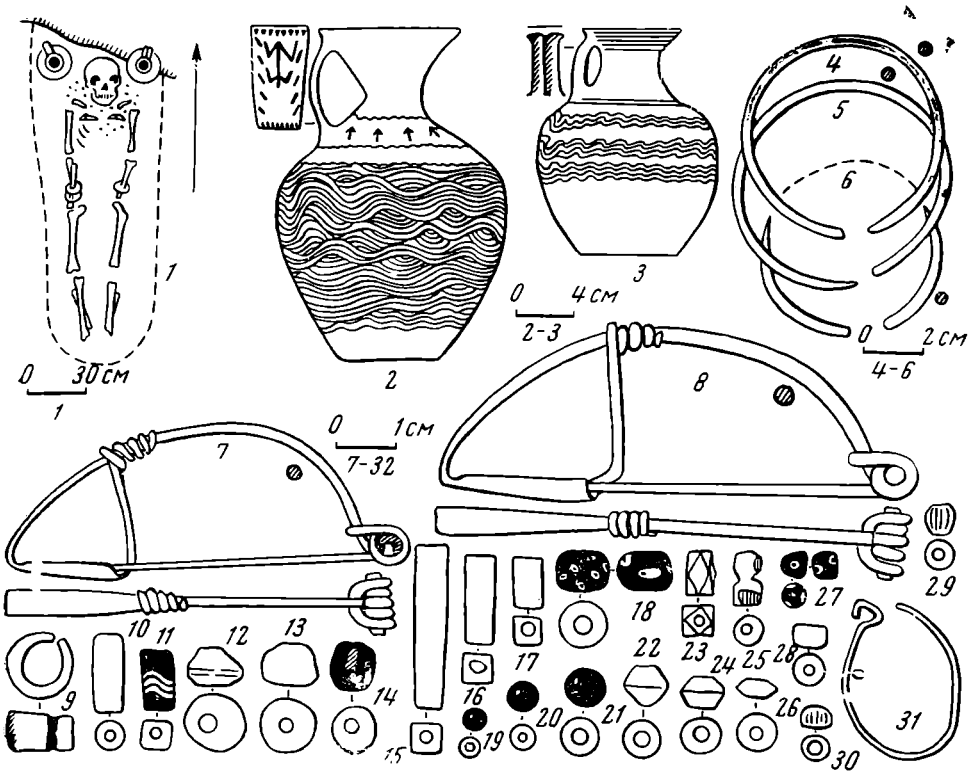


Рис. 2. Апуштинский могильник. Погр. № 1

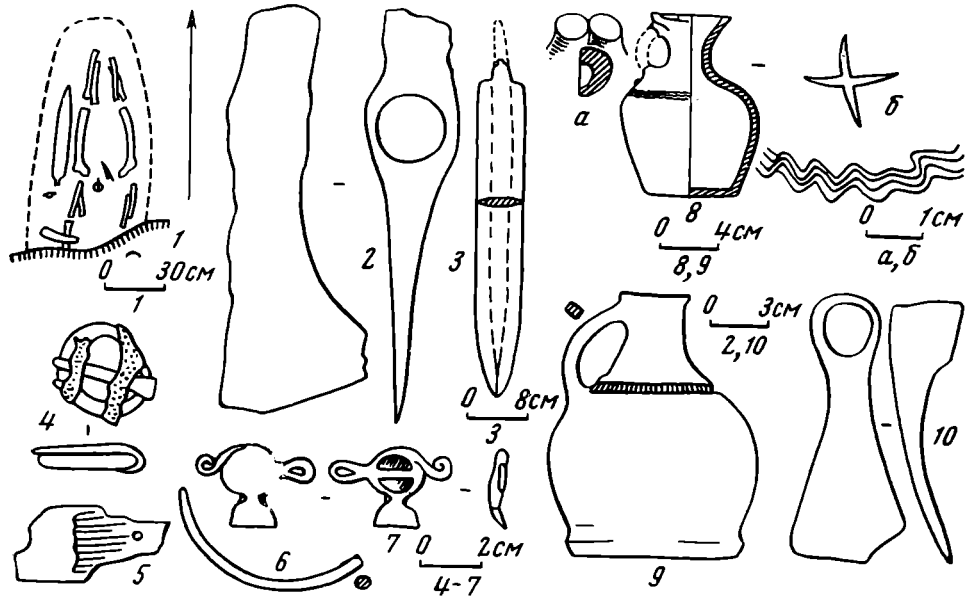


Рис. 3. Апуштинский могильник
Погр. № 2 (*1—7*); случайные находки (*8—10*)

Погребение №4 находилось в 170 *м* к северу от погр. №1 и 2. На поверхности выступили (рис. 5, *1*) фрагменты большого кувшина (рис. 5, *3*), широкого сосуда (рис. 5, *4*) и небольшого сосуда с глубоким поддном (рис. 5, *2*). В первом кувшине (урна?) лежал фрагмент бронзовой фибулы.

Погребение №5. В 80 *м* к северо-северо-западу от погр. №3 были замечены остатки горловины большого кувшина (рис. 5, *5*); рядом находились маленький кувшинчик (рис. 5, *7*), фрагменты железного ножа и 3 железных браслета (рис. 5, *8*).

Погребение №6 обнаружено в 15 *м* к северо-западу от погр. №4. Доследована часть женского костяка, лежавшего головой на юг (рис. 6,

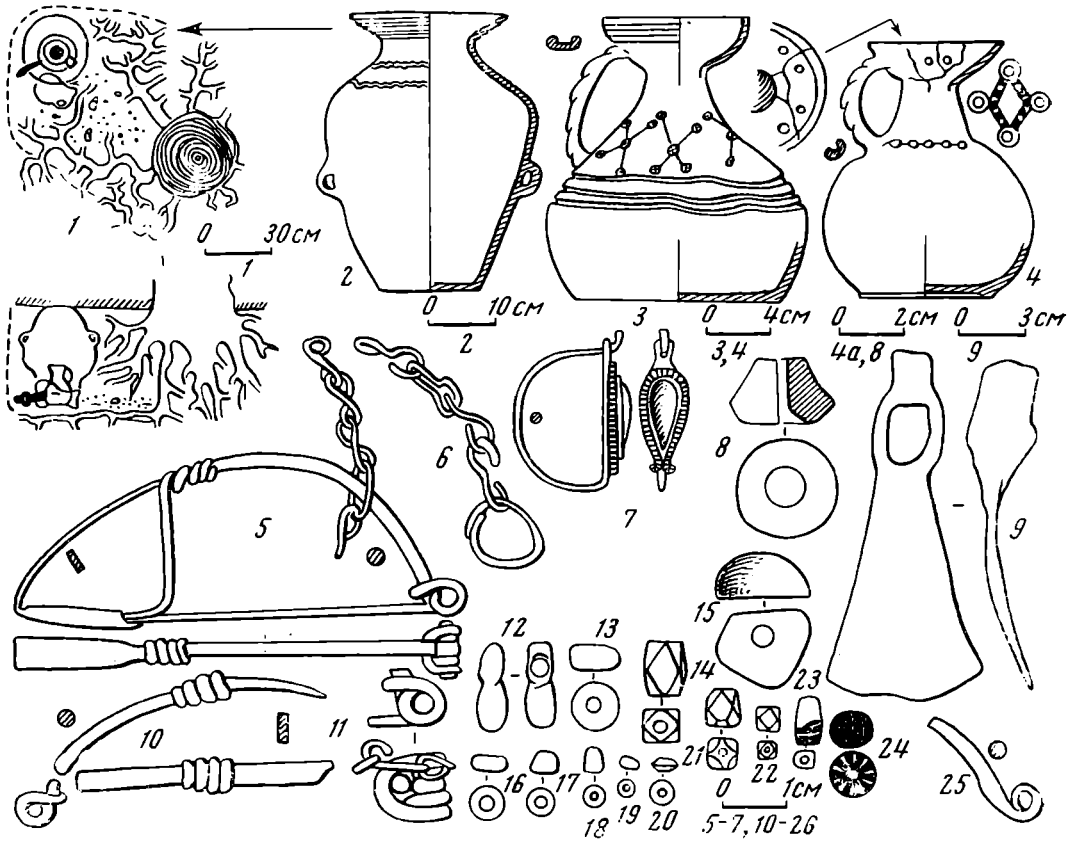


Рис. 4. Апуштинский могильник. Погр. № 3

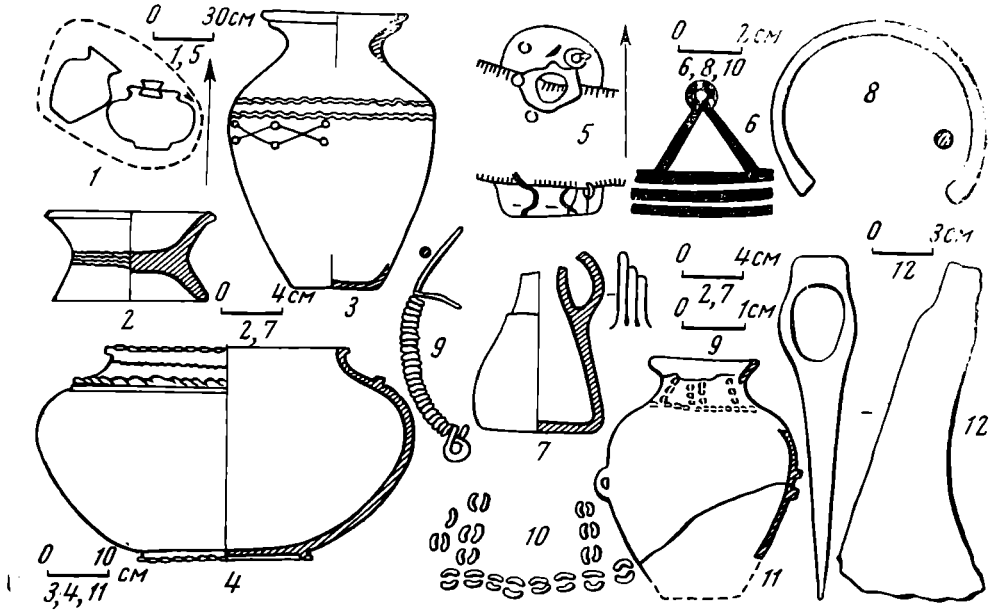


Рис. 5. Апуштинский могильник

Погр. № 4 (*1—4*); погр. № 5 (*5—8*); случайные находки (*9—13*)

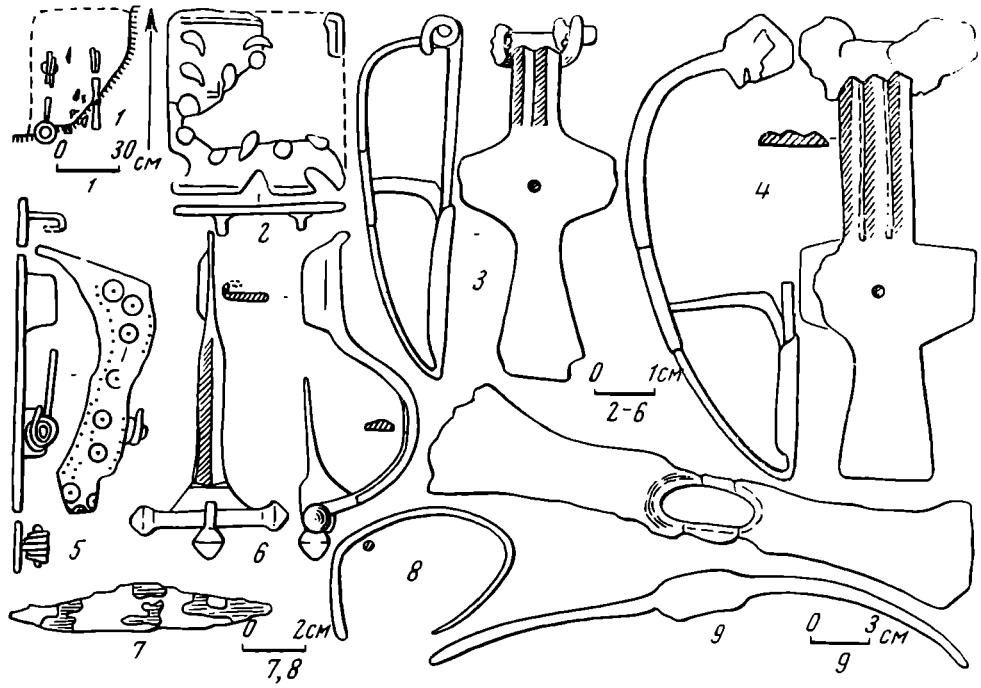


Рис. 6. Апуштинский могильник. Погр. № 6

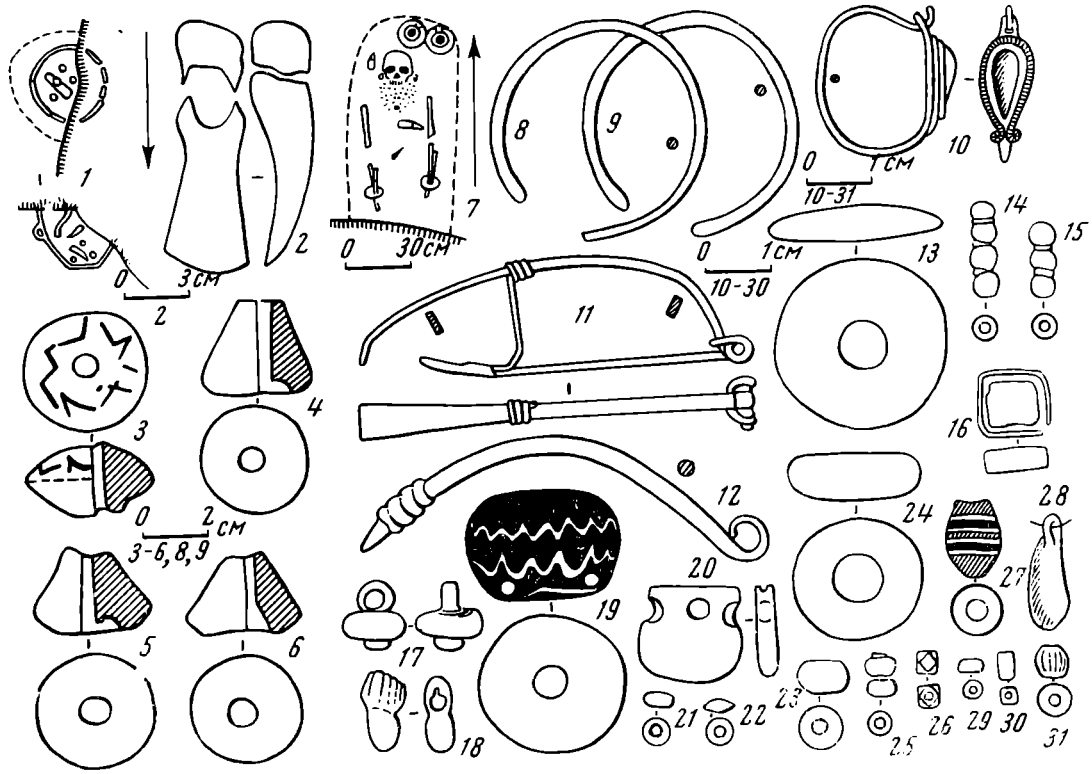


Рис. 7. Апуштинский могильник
Погр. № 7 (*1—6*); погр. № 8 (*7—31*)

1). Железная мотыга (рис. 6, *9*) лежала у правого плеча, у левого плеча — фрагменты маленького кувшинчика. На груди находились 4 бронзовые фибулы (рис. 6, *3—6*) и фрагменты бронзовой ажурной пластинки (рис. 6, *2*). На левой руке был бронзовый браслет (рис. 6, *8*), у пояса — железный нож (рис. 6, *7*).

Погребение №7 находилось в 4 *м* к востоку от погр. №5. Доследована кремация (рис. 7, *1*) в большом кувшине, на дне которого среди остатков пережженных костей найдены 4 керамических пряслица (рис. 7, *3—6*) и железная мотыга (рис. 7, *2*).

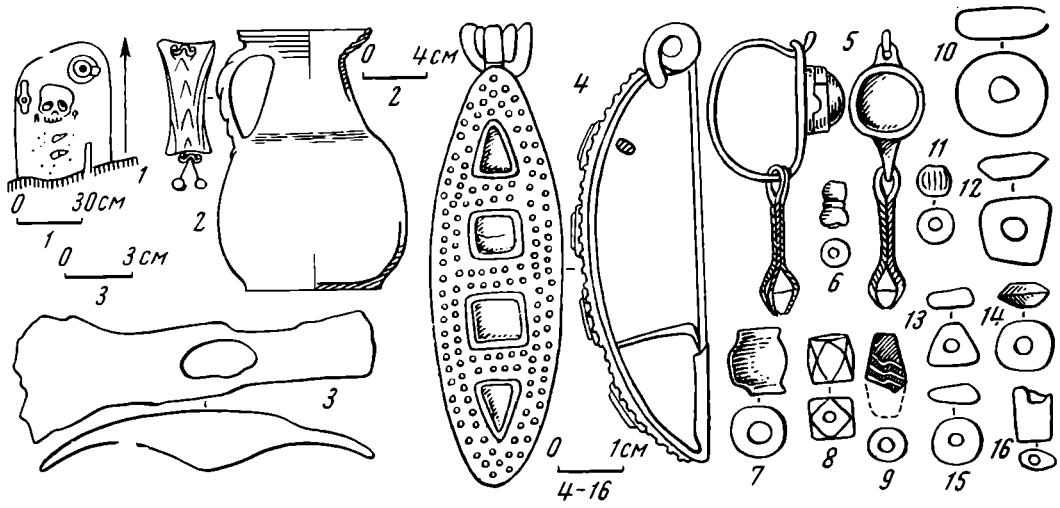


Рис. 8. Апуштинский могильник. Погр. № 9

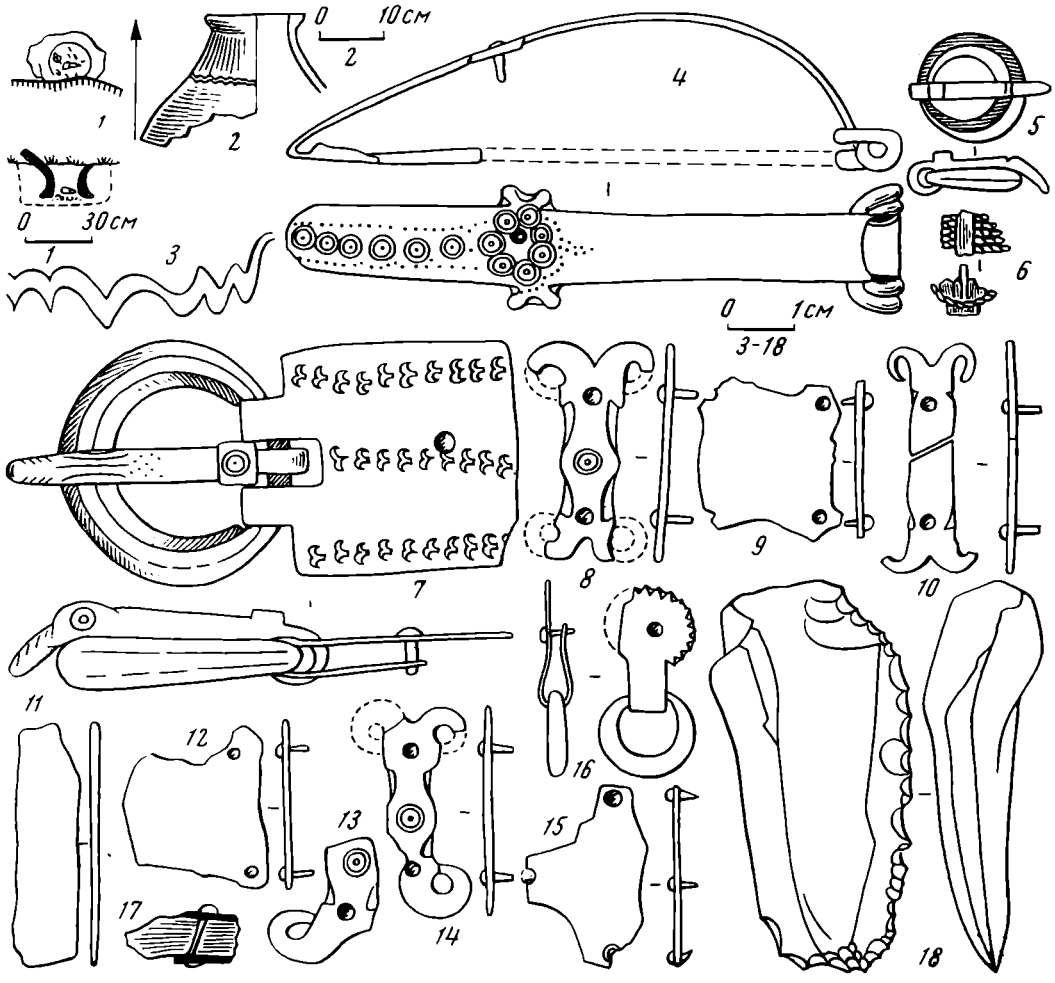


Рис. 9. Апуштинский могильник. Погр. № 10

Погребение №8 было доследовано в 1 *м* к западу от погр. №5. Женский костяк лежал головой на север (рис. 7, *7*). В головах были найдены фрагменты донышков двух маленьких кувшинчиков, справа от черепа лежала бронзовая фибула (рис. 7, *11*); фрагменты другой бронзовой фибулы (рис. 7 *12*) найдены на груди. У черепа лежали две серебряные серьги (рис. 7, *10*), у шеи — бусы: синее стекло — 145 мелких четырнадцатигранных (рис. 7, *26*), 144 бисерных (рис. 7, *29*), 4 суббиконических (рис. 7, *22*), 11 двучастных (рис. 7, *25*), 2 трехчастных (рис. 7, *15*), одна трехчастная (рис. 7, *14*); «медовое» стекло —1 призматическая (рис. 7, *30*), 4 в форме корзиночки (рис. 7, *17*), 3 каплевидных с ребристым ушком (рис. 7, *18*); 1 зеленая стеклянная каплевидная (рис. 7, *28*), 1 стеклянная с золотой прокладкой (рис. 7, *31*); пастовые —1 черная с белой и красной волнами и желтыми пятнами (рис. 7, *19*); 1 синяя с сине-бело-черными поясками (рис. 7, *27*), 1 красная (рис. 7, *21*), 2 сердоликовых (рис. 7, *23*) 4 янтарных (рис. 7, *13, 20, 24*). Здесь же бесцветное стеклышко в бронзовой обоймочке (рис. 7, *16*). На руках было по одному бронзовому браслету (рис. 7, *8, 9*), у пояса — остатки железного ножа.

Погребение №9 доследовано в 1 *м* к востоку от погр. №8. Сохранилась верхняя часть женского костяка, лежавшего головой на север (рис. 8, *1*). У черепа находились кувшинчик (рис. 8, *2*), железная мотыга (рис. 8, *3*) и 2 серебряные серьги (рис. 8, *5*). На груди лежали 2 бронзовые фибулы, одна из них истлела, другая, сохранившаяся, с серебряной накладной спинкой (рис. 8, *4*). У шеи найдены бусы: темно-синее стекло — 2 двучастных (рис. 8, *6*), 1 четырнадцатигранная (рис. 8, *8*), 1 уплощенная биконическая (рис. 8, *14*), 1 цилиндрическая (рис. 8, *7*), 1 с белыми поясками (рис. 8, *9*); 7 янтарных (рис. 8, *10, 12, 13, 15, 16*) и 1 с серебряной прокладкой (рис. 8, *11*).

Погребение №10 выявлено в 1,5 *м* к западу от погр. №7. Доследованы остатки кремации в большом кувшине, стоявшем вверх дном (рис. 9, *1*). В заполнении горловины (рис. 9, *2*), среди остатков пережженных костей находились бронзовые фибула (рис. 9 *4*), пряжка (рис. 9, *7*), предметы поясного набора (рис. 9, *9—15*), портупейное кольцо (рис. 9, *16*), пряжечка (9, *5*), остатки железного ножа (рис. 9, *6, 17*), кремень (рис. 9, *18*).

Погребение №11 доследовано в 50 *м* к северо-востоку от погр. №17. Сохранились остатки кремации в большом кувшине (рис. 10, *1*). Рядом найдены остатки маленького кувшинчика и железный наконечник копья (рис. 10, *2*). В урне находился маленький железный наконечник (рис. 10, *3*).

Погребение №12. Остатки женского костяка, обращенного головой на юг (рис. 10, *4*), обнаружены в 70 *м* к востоку от погр. №7. Инвентарь: 3 маленьких кувшинчика — верхний разрушен, средний (рис. 10, *5*) реконструирован, нижний рассыпался (рис. 10, *7*), остатки железного ножа, 2 бронзовые фрагментированные фибулы (рис. 10, *8*) со спиральными привесками (рис. 10, *12*), 2 серебряные серьги (рис. 10, *10, 11*), остатки бронзовой цепочки (рис. 10, *9*) и бусы: стекло —1 с золотой прокладкой (рис. 10, *26*), 1 светло-коричневая (рис. 10, *21*), 2 синие (рис. 10, *14, 19*): пастовые —3 черные с желтыми глазками (рис. 10, *21, 28*), 3 черные с белыми поясками (рис. 10, *20, 22, 25*), 1 красная (рис. 10, *18*); 2 гешировые (рис. 10, *13, 15*), 4 янтарные (рис. 10, *16, 17, 27*), 1 из белого камня (рис. 10, *23*).

Погребение №13. Остатки кремации (рис. 11, *1*), в большом кувшине (рис. 11, *2*) доследованы на плотине Амткельского озера, в 300 *м* к юго-западу от выхода с плотины на урочище Апушта. Снаружи находились 2 фрагментированных кувшинчика, железный топор (рис. 11, *8*) и 2 железных наконечника копий (рис. 11, *9*). Внутри урны, среди костных остатков, были найдены маленький кувшинчик (рис. 11, *3*), бронзовый обломок (рис. 11, *7*), пастовая черная бусина с белыми полосками рис. 11, *6*).

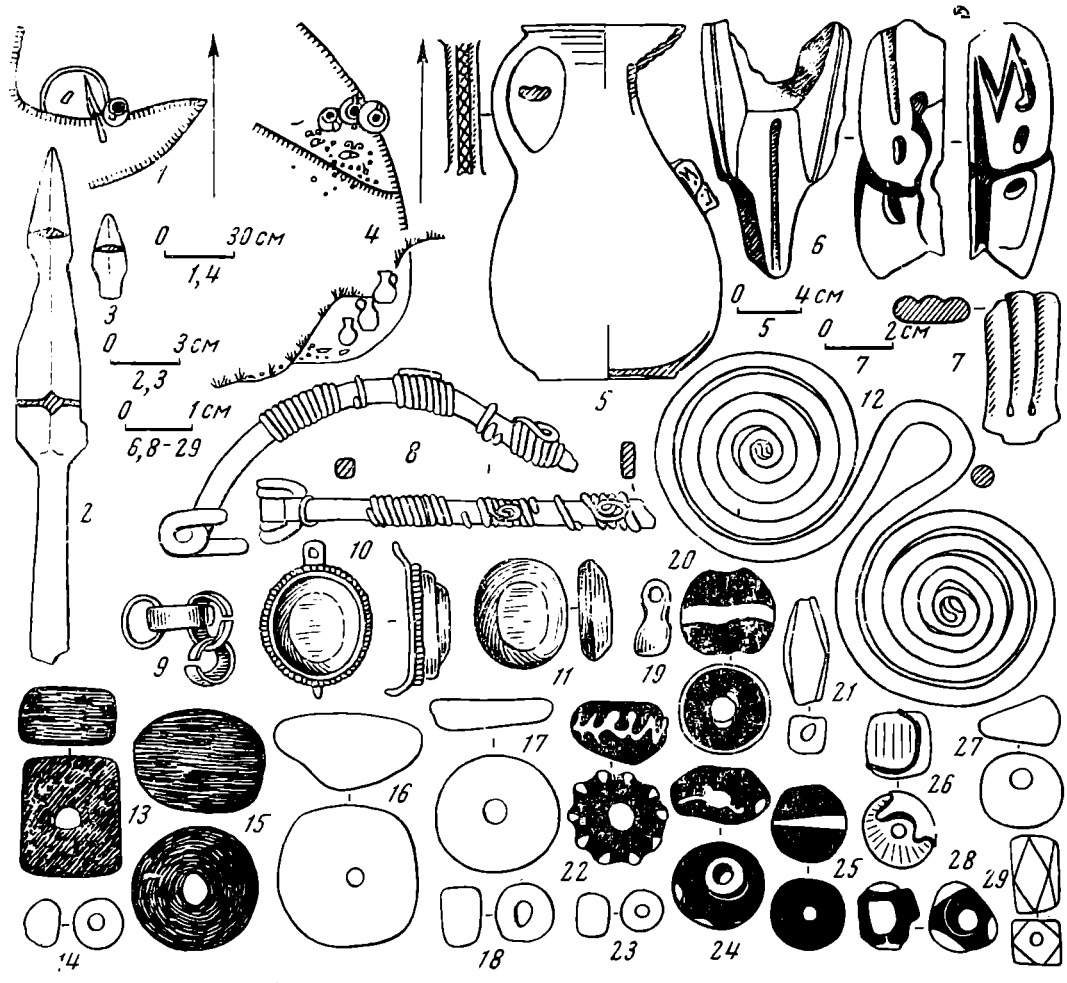


Рис. 10. Апуштинский могильник

Погр. № 11 (*1—3*); погр. № 12 (*4—29*)

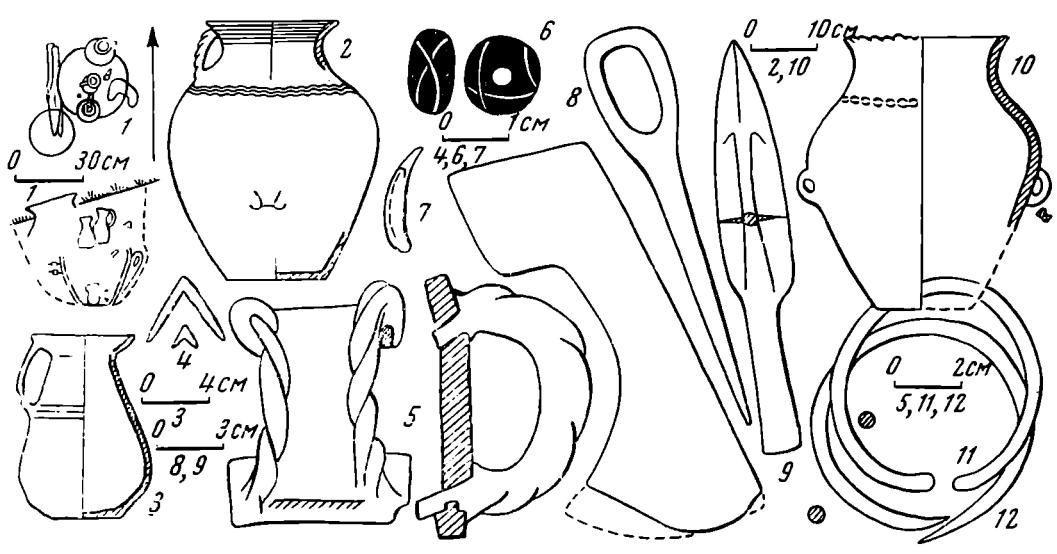


Рис. 11. Апуштинский могильник

Погр. № 13 (*1—9*); погр. № 14 (*10—12*)

Погребение №14 обнаружено в 200 *м* к северу от погр. №7. От него сохранились фрагменты большого кувшина (рис. 11, *10*) и лежавшие к югу 2 железных браслета (рис. 11, *11, 12*).

Погребение №15 находилось в 1 *м* к югу от погр №7. Доследовано мужское погребение, обращенное головой на север (рис. 12, *1*). У правого плеча лежали железные наконечники копий (рис. 12, *5*), железный топор (рис. 12, *4*) и кувшинчик (рис. 12, *2*). У пояса лежала бронзовая пряжка (рис. 12, *3*).

Погребение №16. В 6 *м* к западу от погр. №14 доследованы остатки женского скелета, лежавшего головой на север (рис. 12, *6*). В головах были найдены обломки большого (рис. 12, *7*) и маленького кувшинов. У левого плеча лежала железная мотыга (рис. 12, *15*), а на груди — остатки 3 бронзовых фибул (рис. 12, *11—13*), бронзовая бусина (рис. 12, *10*) и бронзовое колечко (рис. 12, *14*).

Погребение №17. В 40 *м* к северу от погр. №16 доследованы остатки женского костяка (рис. 13, *1*), лежавшего головой на север (?). Инвентарь: фрагменты большого кувшина, железный нож (рис. 13, *12*), 2 бронзовые фибулы (рис. 13, *2, 3*), бусы: пастовые —1 синяя с красными крапинками (рис. 13, *5*), 3 красные с сине-желтыми полосами (рис. 13, *6, 10, 11*), 1 красная с бело-голубыми полосами (рис. 13, *7*), 1 голубая с желтыми глазками (рис. 13, *8*); 2 сердоликовые (рис. 13, *9*), 1 стеклянная голубая с белыми полосами (рис. 13, *4*).

Погребение №18. Остатки погребения доследованы в 20 *м* к северу от погр. № 14. Найдены фрагменты кувшинчика (рис. 13, *13*), бронзовой с позолотой пряжки (рис. 13, *14*), двух бронзовых фибул (рис. 13, *15—17*) и железный нож (13, *18*).

Погребение №19. В 5 *м* к северу от погр. №18 доследованы остатки женской ингумации (рис. 14, *1*). Найдены: верхняя часть большого кувшина (рис. 14, *2*), фрагменты маленького кувшинчика, железная мотыга (рис. 14, *8*), 3 бронзовые фибулы (рис. 14, *5—7*), бусы — синее стекло — 20 четырнадцатигранных (рис. 14, *13*), 1 округлая (рис. 14, *14);* 3 пастовые черные — с голубым глазком (рис. 14, *9*), с белым пояском (рис. 14, *11*), с красным и желтым поясками (рис. 14, *10*); 1 гешировая со срезом (рис. 14, *9*); 1 белая пастовая с зеленым глазком (рис. 14, *12*).

Погребение №20. В 14 *м* к северу от погр. №7 доследованы остатки ингумации (рис. 15, *1*)—2 фрагментированных железных наконечника копий (рис. 15, *4*), железный топор (рис. 15, *5*) и кувшинчик (рис. 15, *2*) с рельефным крестом на дне (рис. 15, *3*).

Погребение №21. В 2 *м* к северу от погр. №20 доследованы остатки мужского костяка, обращенного головой на север (рис. 15, *6*). Инвентарь: часть горла глиняного кувшинчика (рис. 15, *9*), обломки двух железных наконечников копий (рис. 15, *11*) и однолезвийного кинжала (рис. 15, *8*), железный топор (рис. 15, *10*), бронзовые: фибула (рис. 15, *7*), фрагмент фибулы и пряжка (рис. 15, *12*).

Погребение № 22. В 150 *м* к юго-западу от погр. № 3 находились остатки женского костяка, лежавшего головой на север (рис. 16, *1*). Череп лежал на боку. Инвентарь: кувшинчик (рис. 16, *3*), фрагменты трех бронзовых фибул (рис. 16, *4*), 2 серебряные серьги (рис. 16, *5, 6*), бусы: стеклянные — 15 темно-синих (рис. 16, *10, 13, 15, 16, 19, 22—27*), 6 зеленых (рис. 6, *11, 12, 30*), 2 медового цвета (рис. 16, *9, 17*), 2 с золотой прокладкой (рис. 16, *14, 18*); 4 пастовых — черная с красными и желтыми поясками (рис. 16, *29*), черная с белым пояском (рис. 16, *7*), сплошь покрытая синими, желтыми и красными поясками (рис. 16, *8*), черная с желтыми глазками (рис. 16, *28*) и 3 гешировые четырнадцатигранные (рис. 16, *20—21*).

Погребение № 23 обнаружено в 1 *м* к западу от погребения № 22, в противоположной стенке канавы (рис. 16, *2*). На поверхности были найдены фрагменты железных кинжала (рис. 16, *32*) и двух наконечников

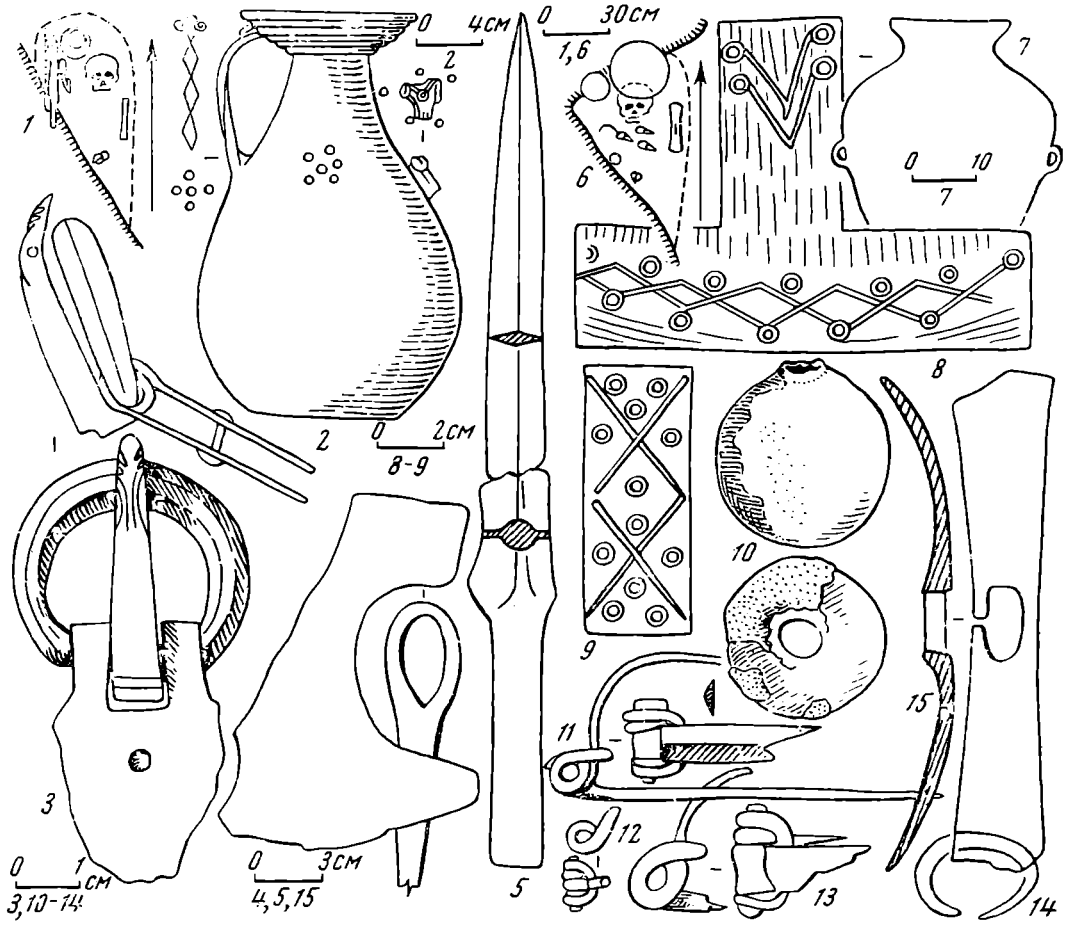


Рис. 12. Апуштинский могильник

Погр. № 15 (*1—5*); погр. № 16 (*6—15*)

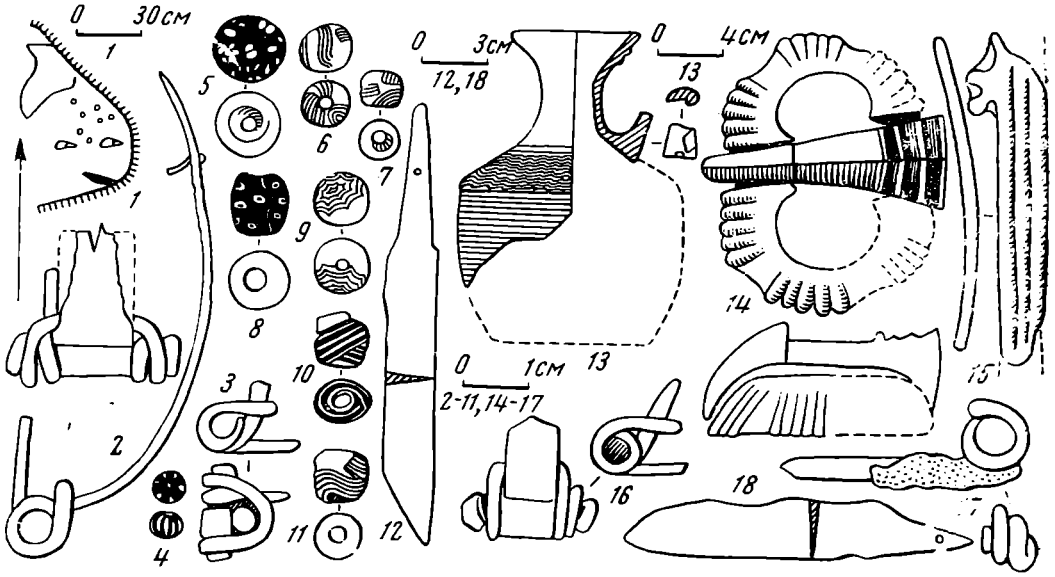


Рис. 13. Апуштинский могильник

Погр. № 17 (*1—12*); погр. № 18 (*13—18*)

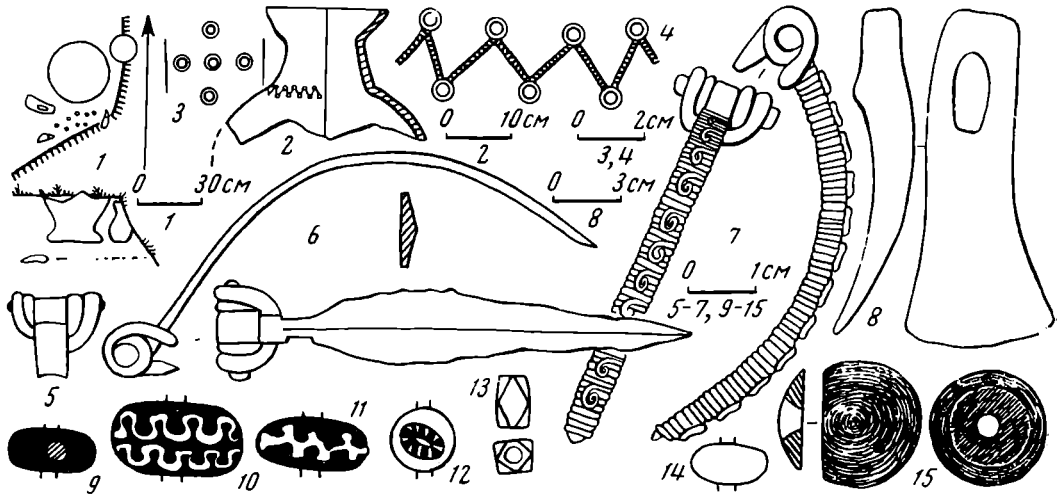


Рис. 14. Апуштинский могильник. Погр. № 19

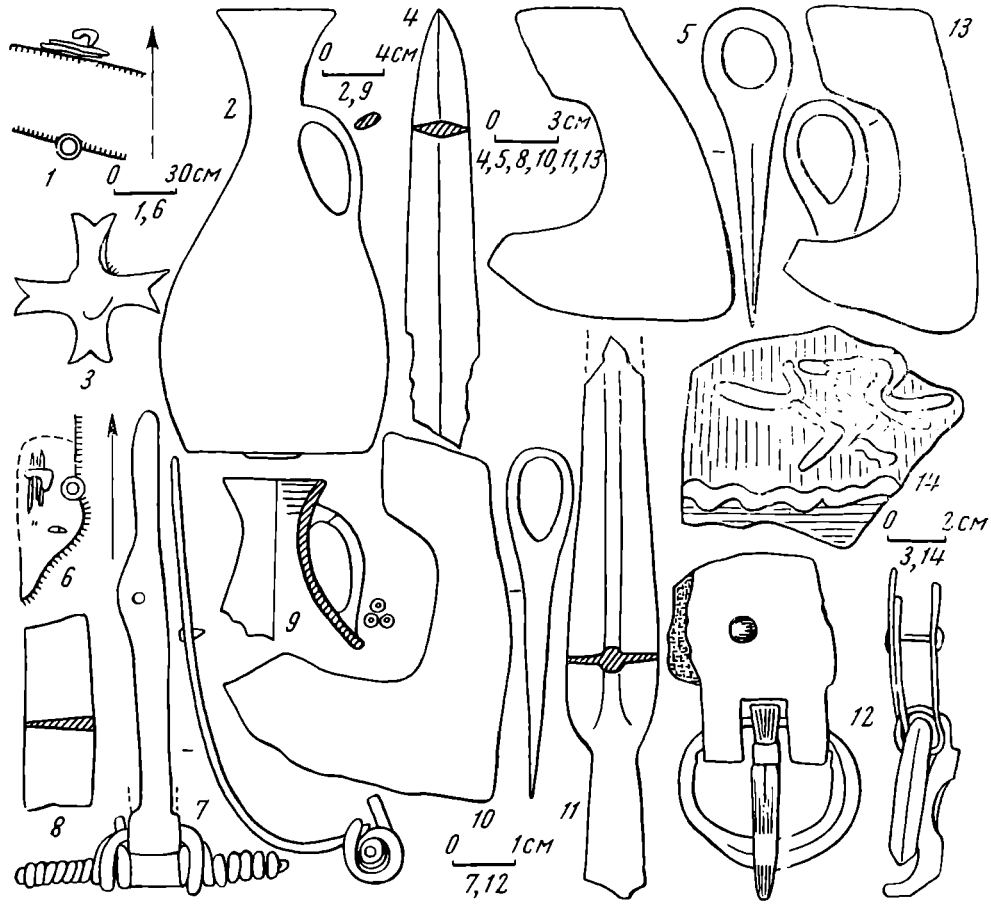


Рис. 15. Апуштинскии могильник

Погр. № 20 (*1—5*), погр. № 21 (*6—12*); случайные находки (*13, 14*)

копий (рис. 16, *33*), железный топор (рис. 16, *34*), обломок бронзовой фибулы; в стенке канавы находился кувшинчик (рис. 16, *31*).

Погребение № 24 выявлено в 150 *м* к северу от погребения № 19. При доследовании найдены железные топор (рис. 16, *35*) и 2 наконечника копий (рис. 16, *36*, *37*), а также фрагменты маленького кувшинчика.

Погребение № 25. В 2 *м* к югу от погр. № 20 найдены железный топор, на одной стороне которого сохранились плоды мелкого местного ореха (фундука), на другой — остатки ткани в 3—4 слоя (рис. 16, *38*) и венчик кувшинчика (рис. 16, *39*).

Погребение № 26. В 2 *м* к северу от погр. № 24 доследованы остатки женского костяка. Инвентарь: железная мотыга (рис. 16, *40*), фрагменты бронзовой фибулы (рис. 16, *41*) и стеклянные бусы: 14 темно-синих (рис.16, *42*), 1 синяя четырнадцатигранная (рис. 16, *43*), 1 медового цвета (рис. 16, *44*) и 1 с золотой прокладкой (рис. 16, *45*).

Погребение № 27. В 150 *м* к западу от погр. № 22 доследованы остатки мужской ингумации. Череп, лежавший на боку, был обложен камнями. Рядом лежали 2 железных наконечника копий, топор с молоточковидным обухом, фрагменты кувшинчика, типа найденного в погр. № 25, и обломок кремня.

Случайные находки. Бронзовая фибула (рис. 5, *9*), фрагменты большого кувшина (рис. 5, *11*), железный топорик (рис. 5, *12*) найдены в 1962 г. в районе погр. № 7; кувшинчик грубой лепки (рис. 3, *9*), другой кувшинчик (рис. 3, *8*) и железная мотыга (рис. 3, *10*) найдены в 1966 г. вверх по канаве от погр. № 1 и 2; железный топор (рис. 15, *13*) и фрагмент кувшина (рис. 15, *14*) найдены в 1966 г. в районе погр. № 15; кувшин (рис. 16, *46*), кувшинчик (рис. 16, *47*) и 2 пастовые бусины (рис. 16, *48*, *49*) найдены в 1968 г. в районе погр. № 24 и 26. Тогда же к северу от погр. № 7 найдены фрагменты железного умбона.

Далее мы даем краткую характеристику погребальных обрядов и инвентаря.

На Апуштинском могильнике прослежено всего 27, в основном частично разрушенных погребений, из них 6 кремационных в урнах (погр. № 4, 5, 7, 10, 11, 13), 12 ингумационных головой на север (погр. № 1, 3, 8, 9, 15—17, 19, 21—23, 27), 3 ингумационных головой на юг (погр. № 2, 6, 12) и 6 неопределенных. Определено 14 женских и 12 мужских погребений, причем в группе ингумации 8 женских (погр. № 1, 3, 8, 9, 16, 17, 19, 22) и 4 мужских (погр. № 15, 21, 23, 27) головой на север, 2 женских (погр. № 6, 12) и 1 мужское (погр. № 2) головой на юг; кремации включают 3 мужских (погр. № 10, 11, 13), 2 женских (погр. № 5, 7) и 1 неопределенную (погр. № 4). В двух случаях (погр. № 22, 27) зафиксировано положение черепа на боку, в последнем (погр. № 27) он был обложен несколькими известняковыми камнями. Кремация и северная ориентировка покойников отмечены в синхронных могильниках Цебельды [1].

Керамика Апуштинского могильника может быть подразделена на шесть типов.

I тип — большие кувшины с чашеобразным венчиком и двумя петлевидными боковыми ручками (погр. № 3, 5, 7, 16, 19; см. рис. 5, *11*; 6, *46*), иногда с дополнительной третьей ручкой у венчика (см. рис. 11, *2*), либо вообще без ручек (см. рис. 5, *3*). Венчик гофрированный (погр. № 4, 13; рис. 16, *46*) или оформлен по краю жгутом (погр. № 14). Плечики сосудов орнаментировались волнами (погр. № 2, 4, 13; рис. 16, *46*), зигзагами (погр. № 19; рис. 16, *46*), кружочками (см. рис. 12, *8*; 14, *4*), «подковками», «копытцами» (см. рис. 5, *11*; 11, *10*), линиями (погр. № 5) и другими элементами орнаментировки (см. рис. 5, *3*, *6*; 12, *8*; 15, *14*). Ручки часто оформлены жгутами по краям (см. рис. 11, *2*, *5*) и орнаментированы

[1] Г. К. Шамба. Позднеантичные погребения нагорной Абхазии. СА, 1965, 2, рис. 1.

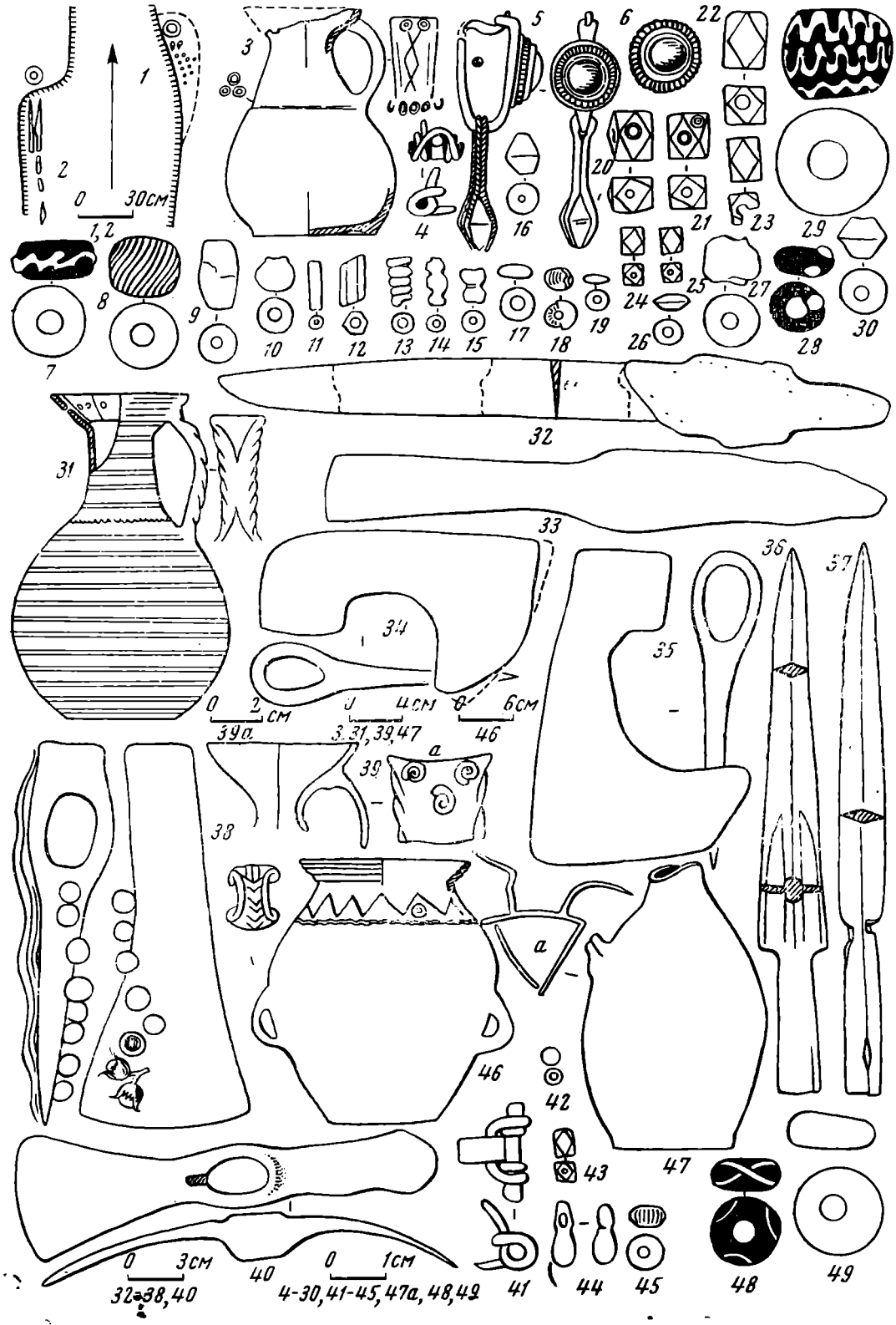


Рис. 16. Апуштинский могильник

Погр. № 22 (*1, 3—30*), погр. № 23 (*2, 31—34*); погр. № 24 (*35—37*), погр. № 25 (*38, 39*); погр. № 26 (*40—45*); случайные находки (*46—49*)

уголками (см. рис. 16, *46*) или кружочками (см. рис. 14, *3*) с пересекающимися линиями (см. рис. 12, *9*). Кувшины этого типа характерны для памятников цебельдинской позднеантичной культуры [2].

II тип — большие кувшины (пифосы) с массивным венчиком, украшенные волнистым орнаментом по горловине (см. рис. 9, *2, 3*), также характерны для позднеантичных памятников Цебельды [3].

III тип — кувшинчики с чашечкообразным венчиком (погр. № 2, 3, 5, 9, 11, 13, 15, 18, 22, 23, 25; рис. 3, *8, 9*). Выделяется несколько подтипов в зависимости от деталей формы: венчика воронкообразного (рис. 2, *2*), гофрированного (см. рис. 2, *3*; 4, *3*; 8, *2*; 10, *5*; 12, *2*), гладкого (см. рис. 2, *8*; 4, *4*; 13, *13*; 16, *3*; 31, *39*), срезанного (рис. 3, *9*), ручек — плоских (см. рис. 2, *2*), двухстворчатых (см. рис. 2, *3*; 3, *8а*), трехстворчатых (см. рис. 5, *7*; 10, *5, 7*), прямоугольных в сечении (см. рис. 3, *9*), оформленных жгутами (см. рис. 4, *3, 4*; 8, *2*; 13, *2*; 16, *31, 39*), тулова — раздутость верха (см. рис. 2, *2, 3*; 3, *8, 9*; 4, *3*; 13, *13*), средней части (см. рис. 4, *4*; 16, *31*), низа (см. рис. 5, *7*; 8, *2*; 10, *5*; 11, *3*; 12, *2*; 16, *3*); орнаментировки — волнами (см. рис. 2, *2, 3*; 3, *8*; 18, *13*); группами кружочков (см. рис. 4, *3, 4*; 8, *2*; 16, *3*); линиями (см. рис. 4, *3*; 11, *3*; 16, *31*); рельефными очкообразными налепами (см. рис. 8, *2*; 12, *2*; 16, *39а*), зооморфными головками (см. рис. 10, *5, 6*; 12, *2*), врезными крестами (см. рис. 3, *8б*), уголками (рис. 8, *2*; 11, *3, 4*), вставкой кусочка пастовой бусины (рис. 3, *8а*). Большинство указанных признаков характерно для кувшинчиков этого типа с синхронных памятников Цебельды [4]. Особо следует указать на архаичный облик кувшина из погр. № 1 (см. рис. 2, *2*), восходящий к эллинистическим кувшинчикам с побережья Абхазии [6].

IV тип — кувшинчики из тонкоотмученной светлой глины (погр. № 20, 21; см. рис. 16, *47*) с воронкообразным слабо отогнутым венчиком, орнаментированные рельефным крестом на дне (см. рис. 15, *3*), тремя кружочками (см. рис. 15, *9*) и врезным знаком (см. рис. 16, *47а*) у основания ручки.

V и VI типы представлены сосудом с глубоким поддоном (см. рис. 5, *2*) и котлообразным сосудом (рис. 5, *4*) с рельефным орнаментом жгутом по краю венчика, горловине и выступу днища, волной по горловине (реконструкция).

Оружие включает в себя топоры двух типов — с опущенной нижней частью лезвия и округлым обухом (погр. № 13, 15, 20, 21, 23, 24; рис. 15, *13*) и с молоточковидным обухом и узким лезвием (погр. № 2, 25, 27; рис. 5, *12*), короткий меч (погр. № 2), однолезвийные кинжалы (погр. № 21, 23), ножи (погр. № 2, 5, 6, 10, 12, 17, 18), наконечники копий двух разновидностей с продольным выступающим, часто шестигранным в сечении ребром, не доходящим до конца (см. рис. 11, *9*; 15, *11*; 16, *36*) и с ромбовидным в сечении пером (см. рис. 12, *5*; 16, *33*, *37*). Все указанные виды оружия имеют аналогии в синхронных могильниках Цебельды [6].

---

[2] М. М. Трапш. Некоторые итоги раскопок цебельдинских некрополей в 1960—1962 гг. Тр. АИ, XXXIII—XXXIV, Сухуми, 1963, стр. 259, рис. 3, *2*; Г. К. Шамба. Керамические изделия позднеантичной эпохи из некрополя Ахаччархва. Тр. СГПИ, XVIII—XIX, Сухуми, 1967, табл. II, *7*.

[3] М. М. Трапш. Ук. соч., стр. 259, рис. 3, *1*; Г. К. Шамба. Ук. соч., стр. 110, табл. II, *9*.

[4] К. И. Бердзенишвили. Позднеантичная керамика из Цебельды. МАГК, II, Тбилиси, 1959, стр. 108 сл.; М. М. Трапш. Ук. соч., стр. 262, рис. 3, *3*, *4*; Г. К. Шамба. Позднеантичные погребения..., рис. 2, *2*, *3*; его же. Керамические изделия..., табл. I, *1—6*.

[5] Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды. I, Тбилиси, 1949, стр. 43, рис. 12; II, 1950, стр. 273, табл. 73*б*.

[6] М. М. Трапш. Ук. соч., стр. 264, рис. 5, *1*, *3—5*; Г. К. Шамба. Население нагорной Абхазии в позднеантичную эпоху. Автореф. канд. дис., Тбилиси, 1966, стр. 10, табл. 1, *23*, *24*; его же. Позднеантичные погребения..., стр. 265, рис. 2, *5*; его же. Фибулы из некрополя Ахаччархва. МАА, 1967, табл. 2, *11*.

Мотыги встречены только в женских погребениях и имеют следующие разновидности: однолезвийные с закругленным обухом (см. рис. 3, *10*), однолезвийные с молоточковидным обухом (см. рис. 4, *9*; 7, *2*; 14, *8*) и двухлезвийные (см. рис. 6, *9*; 8, *3*; 12, *15*; 16, *40*). Мотыги сходных типов известны из синхронных памятников Цебельды [7].

Фибулы, кроме одной железной (погр. № 3), бронзовые. Первая группа объединяет двучленные подвязные лучковые дуговидные проволочные фибулы (IV серия 15-й группы, по А. К. Амброзу), подразделяющиеся на гладкие с расширенной ножкой (см. рис. 1, *7*, *8*; 4, *5*, *10*; 7, *11*, *12*) — IV в. [8], и с фигурной обмоткой и с расширенной (рис. 11, *8*; 14, *7*) либо равномерной толщины ножкой (рис. 5, *9*) — вторая половина IV — начало V в. [9]. К этой группе примыкают фибула с серебряной накладной спинкой, орнаментированной выпуклыми точками и гешировидными вставками (рис. 8, *4*), и, возможно, фрагмент проволочной спинки, орнаментированной поясками из нескольких врезных линий, имитирующих обмотку (погр. № 22).

Вторая группа — лучковые крестовидные фибулы с приклепанной подвязкой (V серия 15-й группы, по А. К. Амброзу) — с дуговидным пластинчатым равномерной ширины корпусом, прямоугольной ножкой, орнаментированные кружочками и точками (рис. 9, *4*) — VI в. [10], и с треугольной ножкой, двух- или трехреберной спинкой (рис. 6, *3*, *4*) — вторая половина VI в. [11].

Редкие формы фибул представлены: 1) местным подражанием по форме головки прогнутым подвязным фибулам черняховского типа с длинной пружиной и двойной тетивой (рис. 15, *7*); судя по приклепанной подвязке, этот сильно попорченный экземпляр может быть отнесен ко второй группе фибул с Апушты; 2) Т-образной шарнирной фибулой с дуговидной спинкой, тремя биконическими кнопками и расширением у головки (рис. 6, *3*) — VI в. [12]; 3) брошью с планстинчатым корпусом, орнаментированным кружочками и точками, пластинчатой головкой с пружиной и пластинчатым приемником (рис. 6, *5*).

Фрагментированные фибулы делятся на двучленные проволочные (рис. 4, *11*, *25*; 12, *12*; 13, *3)* с подтреугольной в сечении пластинчатой (рис. 12, *11*) и овально расширяющейся спинкой (рис. 14, *6*), с равномерной ширины пластинчатой спинкой (рис. 12, *13*; 14, *5*; 16, *41*), и с приклепанной ножкой (рис. 3, *2*).

Пряжки трех типов: 1) железная (рис. 3, *4*) с круглым равномерной ширины кольцом и слегка сужающейся иглой — III — IV вв. [13]; 2) 4 бронзовые пряжки (3 большие и 1 малая) с толстой хоботковидной загнутой иглой, конец которой украшен резной головкой животного, и округлым граненым кольцом, утолщающемся в передней части. Пряжки отличаются друг от друга следующими деталями — подчетырехгранное (рис. 9, *5*; 15, *12*) или шестигранное (рис. 9, *7*; 12, *3*) в сечении кольцо, задняя часть шипа оформлена квадратным выступом (рис. 9, *5*, *7*; 15, *12*) либо уступом (рис. 12, *3*), язычок слегка прогнут (рис. 15, *12*), зооморфные головки на концах шипов слабо подчеркнуты (рис. 9, *5*; 15, *12*) — V в. [14]; 3) В-образ-

---

[7] Г. К. Шамба. Население..., стр. 14, табл. 1, *26*.

[8] А. К. Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР. САИ, Д1-30, М., 1966, стр. 54, вариант 3.

[9] Там же, вариант 4.

[10] Там же, стр. 55, вариант 3.

[11] Там же, стр. 55, вариант 4.

[12] Там же, стр. 75, табл. 13, *9* (ножка другой формы).

[13] Є. В. Веймарн. Археологічні роботи в районі Інкермана. АП УРСР, XIII, Київ, 1963, стр. 40—42, рис. 9, *3*, *4*.

[14] Л. А. Мацулевич. Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926, стр. 28, 40—41.

ная полая снизу пряжка со следами позолоты и с резко сужающимися шипом (см. рис. 13, *14*) — вторая половина VI в.[15].

Браслеты бронзовые (рис. 2, *4—6*; 6, *8*; 7, *8*, *9*); железные (рис. 5, *8*; 11, *11*, *12*) и серебряный (рис. 3, *6*) однотипные круглопроволочные, иногда со слегка утолщающимися концами.

Серьги все с серебряным корпусом овальной формы — без подвески (рис. 2, *31*; 4, *7*; 7, *10*; 10, *10*) и подвеской (рис. 8, *5*; 16, *5, 6*). Первая группа характеризуется гладким кольцом (рис. 2, *31*), каплевидным либо круглым камнем в серебряной оправе, украшенной зернью; вторая — круглым камнем в серебряной оправе с зернью или без нее. Материал вставки — сердолик (погр. № 9, 12, 22) или бесцветное стекло (погр. № 3, 8). В одном случае (рис. 16, *5*) между дном оправы и камнем находилась бронзовая прокладка. Серьга (рис. 10, *10*), по-видимому, занимает промежуточное положение между первым и вторым типами. Серьги подобных типов найдены в других синхронных могильниках Цебельды[16]. Судя по сопровождающему инвентарю (фибулы), серьги первой группы, восходящие к римским образцам I—II вв.[17], датируются IV в., а второй группы — первой половиной V в. Серьги первого типа найдены в доследованном нами погребении в соседнем могильнике у крепости Цибилиум вместе с одночленными фибулами и монетами Септимия Севера (определение Л. Н. Беловой), что определяет нижнюю дату бытования таких серег в Цебельде первой половиной III в. н. э.

Бусы представлены 957 единицами. Из них 894 стеклянных, 28 пастовых, 2 из керамической массы, 17 янтарных, 6 гешировых, 1 каменная, 2 бронзовых и 7 сердоликовых. Основная масса бус сосредоточена в погр. № 1 — 120 экз., в погр. № 3 — 391 экз. и погр. № 8 —326 экз. По сопутствующему инвентарю (фибулы) они датируются IV — началом V в.

Пряслица встречены в двух погребениях (№ 3, 7). Кроме одного, все они конической формы (рис. 4, *8*; 7, *4—6*). Одно пряслице (см. рис. 7, *3*) имеет суббиконическую форму и несет на верхней грани узор из ряда линий.

Кремни встречены дважды (погр. № 10, 27). В обоих случаях это вторично использованные отщепы мустьерского облика (рис. 9, *18*).

На основании вышеприведенного анализа хронология погребений в Апуштинском могильнике может быть определена следующим образом: погр. № 1—3, 8— IV в.; погр. № 9, 12, 19, 22 — конец IV — первая половина V в., погр. № 9, 15—17, 21, 26 — V в.; погр. № 10, 21 — конец V — первая половина VI в., погр. № 6, 18, 20 — вторая половина VI в., возможно, начало VII в. Остальные находки укладываются в рамки IV — VI вв.

I. N. Voronov, A. S. Voznіouk, V. A. Iouchin

LA NÉCROPOLE D'APOUCHTA DES IV—VI SS. DE N. È. EN ABKHAZIE

Résumé

L'article donne la description des sépultures et la brève classification des trouvailles: types principaux des articles en céramique, armes en fer, utils aratoires, fibules, boucles, bracelets, boucles d'oreille, grains de collier, fusaïoles. On a pu y constater conformement à deux rites funéraires, deux types de sépultures: la crémation et l'inhumation à l'orientation différente. La plupart des sépultures, ayant perdu une part de mobiliers à cause de l'affouillement du terrain, elles permettent néanmoins de suivre l'évolution des types principaux des objets de la civilisation de Tsébelda dans l'espace de 300 ans.

---

[15] А. А. Миллер. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 году. ИАК, 33, СПб., 1909, стр. 83; Л. А. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. МИА, 63, 1959, рис. 135, *3*, *7*; 136, *2*.

[16] М. М. Трапш. Ук. соч., стр. 171, рис. 8, *1*; Г. К. Шамба. Население..., табл. 1, *52*, *55*.

[17] В. Ф. Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских городов. МИА, 69, 1959, рис. 77, *1*, стр. 209.

С. А. ИЗЮМОВА

КУРГАНЫ У с. ДОБРОЕ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

На правом высоком берегу Оки, поблизости от с. Доброе Суворовского района находятся остатки курганного могильника, насчитывавшего в конце прошлого столетия в трех группах более полусотни курганов [1].

В настоящее время в 1,5 *км* к северу от села остались только две насыпи, сильно опаханные и попорченные кладоискательскими ямами.

Бóльшая часть этого могильника уничтожена распашкой, и только незначительная раскопана. Первые раскопки Добринских курганов производились в 1898 г. Н. И. Булычевым и Ю. Г. Гендуне [2]. В 5 из 16 обследованных ими курганов обнаружены остатки трупосожжений. Содержание 11 других осталось неясным, что объяснялось несовершенством методики раскопок того времени.

В 1935 г. Окской экспедицией под руководством М. М. Герасимова было раскопано шесть курганов; в трех найдены неполностью сохранившиеся трупоположения, причем одно из них датировано XI—XII вв. В остальных (полураспаханных) обряд погребения не удалось определить [3].

В 1964 г. мною было раскопано пять курганов с остатками трупосожжений и трупоположений [4].

Таким образом, на этом могильнике с 1898 по 1964 г. было раскопано 27 курганов (таблица).

Ниже приводится описание материалов Добринского могильника, полученных за весь период его исследования. Несмотря на их относительную малочисленность, они представляют известный интерес для изучения особенностей погребального обряда верхнеокских племен рубежа I—II тысячелетий.

Насыпи курганов, сооруженные из взятой поблизости земли [5], имели форму правильной полусферы с одинаковыми диаметрами от 4 до 14 *м*, реже — с разными от 9 до 11 *м* (кург. № 25, 27). Средняя высота курганов 0,8—1,5 *м*, реже — 1,6 и 2,8 *м* и как исключения — 3,8 *м* (кург. № 13).

В основании курганов и иногда в насыпи встречались золистоуглистые пятна (кург. № 1, 3, 5, 11—14, 17—20, 22—27), прокаленная земля (кург. № 23, 24, 26—27), по-видимому, остатки ритуального костра, сожженных

---

[1] Н. И. Булычев. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М., 1899, стр. 7.

[2] Там же, стр. 7—12; Архив ЛОИА, ф. 1, д. 54/1898, л. 8.

[3] Отчет М. М. Герасимова о работах Окской экспедиции. Археологическое обследование берегов р. Оки в зоне проектируемой электростанции близ г. Калуги. Архив ЛОИА, ф. 2, д. 81/1935, л. 11, 12, 13—15; М. М. Герасимов, М. В. Воеводский и П. Н. Третьяков. Долина р. Оки, 1935—1936 гг. АИР, стр. 45; Отчет П. Н. Третьякова, М. М. Герасимова, М. В. Воеводского. Материалы к археологической карте Верхнего течения р. Оки, Архив ЛОИА, ф. 35, д. 278/1936.

[4] С. А. Изюмова. Отчет о раскопках в Тульской области в 1964 г. Архив ИА, р. 1, д. 3272.

[5] Нижняя часть кург. № 22 была сложена из дерна.

Курганы у с. Доброе

Новые номера курганов	Старые номера курганов	Автор раскопок, год	Размеры, м			Обряд								
						трупосожжение					смешанный	трупоположение		
						на месте		на стороне				на горизонте		
						размещение праха сожженных								
			высота	диаметр	окружность	в урне под костр.	на горизонте	в погребальном сооружении	в насыпи	на горизонте		на подсыпке	без подсыпки	в насыпи
Группа А														
1	1			10	24	+	+							
2	2			10,5	19									
3	3	Булычев, 1898		12	21									
4	4	»		10,5	14				+	+				
5	5	»		10	21									
6	6	»												
7	7	»		8	19									
8	8	»		11	29		+							
9	9	»		7	18									
10	10	»		13	36	+	+							
Группа Б														
11	1	»		13	40				+					
Группа В														
12	3		Ок. 3		30									
13	1		Ок. 3,8	15	48									
14	2	Гендуне, 1898	3	13	42									
15	3	»												
16	4	»												
17	1		0,8	10	31									
18	2	Герасимов, 1935	1,5	6	19									
19	3	»	1,3	6	19									
20	4	»	2,1	5,3—4,2	15,7									+
21	5	»	0,64	10										+
22	6	»	2	9,4; 8,75	27								+	
23	1		2,7—2,8	13	40,8				+		+			
24	2	Изюмова, 1964	1,5—1,6	8	25					+	+			
25	3	»	2,3	10,5; 11,5	35				+					
26	9	»	Распахан	10	31					+				
27	15	»	»	10; 9	31			+						

деревянных оградок и погребального сооружения[6]. Возможно также, что зола и угли были принесены с кострища вместе с останками погребенного.

Деревянная оградка и кольцевой ровик, ограничивающие основание кургана, были открыты на Добринском могильнике только при последних раскопках. Ровики заглублены в материк на 30—60 *см*, ширина их 40—50 *см*.

В насыпях некоторых курганов встречены камни. В кург. № 25 около скопления кальцинированных костей лежал валун размером 22 × 18 *см*, в кург. № 13, поблизости от развала керамики, обнаружены два обломка известняка диаметром 12 *см* со следами огня. В кург. № 8 и 10, раскопанных Н. И. Булычевым, камни лежали в насыпи по кругу, выше кострища на 1 *м* (рис. 1, *1*). Такое же кольцевое расположение камней наблюдалось в кург. № 23.

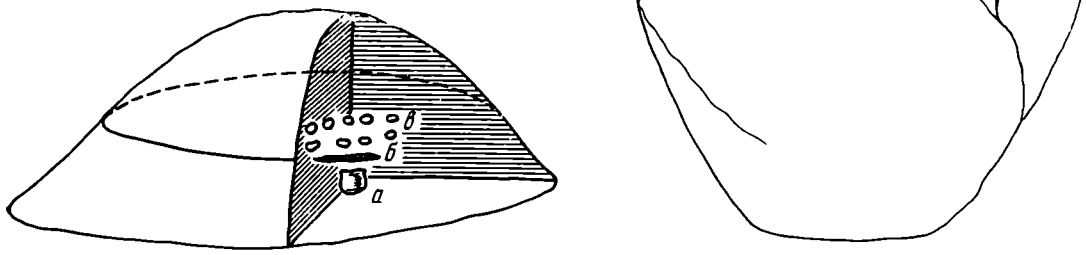


Рис. 1. Курганы с трупосожжением.

1 — схема кург. № 10; *2* — урна из кург. № 10; *а* — костер; *б* — урна; *в* — камни

Обнаруженные в курганах отдельные камни и кольца из камней, очевидно, имели прямую связь с обрядом погребения.

В насыпях курганов встречались разрозненные обломки глиняной посуды (гончарной и лепной). Их, видимо, принесли родственники умершего и бросили в насыпь при сооружении кургана. Обычай бить посуду и бросать ее в насыпь кургана был широко распространен не только на Верхней Оке, но и за ее пределами в I тысячелетии и позднее. В ряде случаев обломки сосудов лежали вместе с остатками захоронений (кург. № 22 и 24). Найденные в основании кург. № 26 кости животных без следов огня представляли собой, вероятно, остатки пищи, положенной на месте захоронения.

По различиям в обряде погребения курганы Добринского могильника распределяются на следующие группы.

I. Курганы с трупосожжением (№ 1, 5, 8, 10, 11, 25, 26, 27).

II. Курганы со смешанным обрядом (трупосожжение и трупоположение № 23, 24).

I. Курганы с трупосожжением

Подразделяются на две подгруппы: 1) с сожжением на месте, 2) с сожжением на стороне.

К первой подгруппе относятся кург. № 1, 8, 10, 11, раскопанные Н. И. Булычевым[7]. Под их насыпями обнаружены остатки кострищ в виде скоплений золы, угля и сильно прокаленной земли, кальцинированные кости человека, инвентарь.

В кург. № 8 на месте костра обнаружен неполностью сгоревший человеческий костяк, лежащий на спине головой на запад. Около него, у та-

[6] Под насыпью кург. № 19, в юго-западной части, обнаружена яма размером 1,45 × 0,85 × 0,60 *м*, заполненная жженой землей с мелкими угольками и золой. На дне ямы — жерновидный камень из гранита, разбитый на три куска. Назначение этой ямы осталось неясным.

[7] Н. И. Булычев. Журнал раскопок..., стр. 8—11.

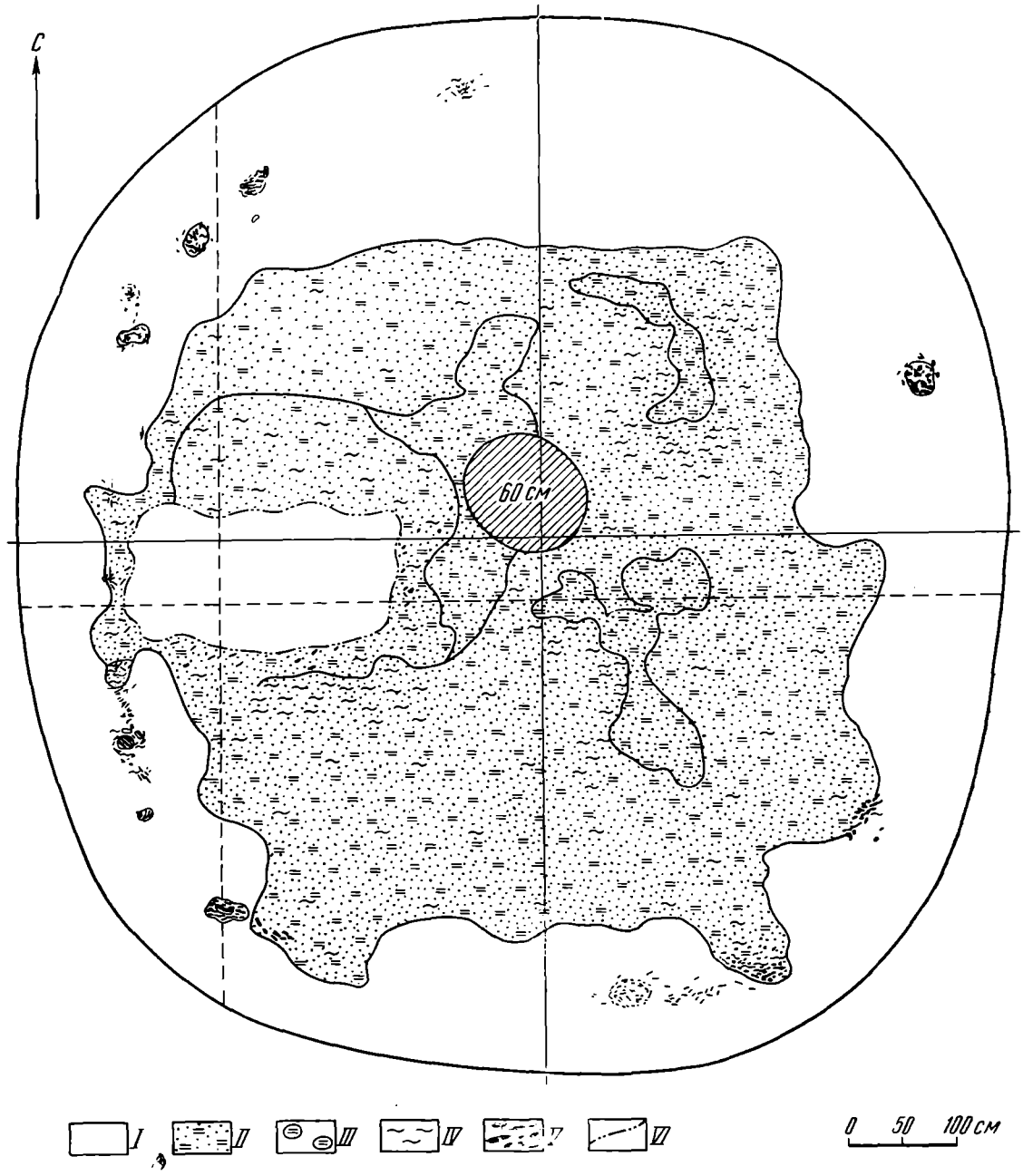


Рис. 2. План кург. № 27 на глубине 40 *см*

I — супесь; *II* — обожженный суглинок; *III* — обожженная глина; *IV* — зола; *V* — угли; *VI* — границы камеры

зовых костей находился обломок Т-образного бронзового предмета из расплюснутой проволоки. В двух случаях остатки сожжения были собраны в урны (кург. № 1, 19), врытые в грунт на месте костра (рис. 1, *1*).

В кург. № 1 урной служила нижняя часть лепного сосуда грубой работы. Урна из кург. № 10, судя по рисунку из архива Н. И. Булычева [8], тоже была лепной, в виде горшка обычного роменско-боршевского типа, с отпечатками «веревочки» по краю венчика (рис. 1, *2*).

Размещение урн под кострищем на Верхней Оке встречено впервые, но наблюдалось неоднократно в могильниках Ярославского Поволжья [9].

Из материалов Н. И. Булычева следует, что в размещении кострищ не было постоянства (в кург. № 8 оно находилось в центре, в кург. № 11—

[8] Отчет Н. И. Булычева о раскопках в Лихвинском и Перемышльском уездах Калужской губ. Архив ЛОИА, ф. 1, д. 86, 1898, л. 16.

[9] М. В. Фехнер. Тимеревский могильник. Сб. «Ярославское Поволжье X—XI вв.», М., 1963, стр. 11.

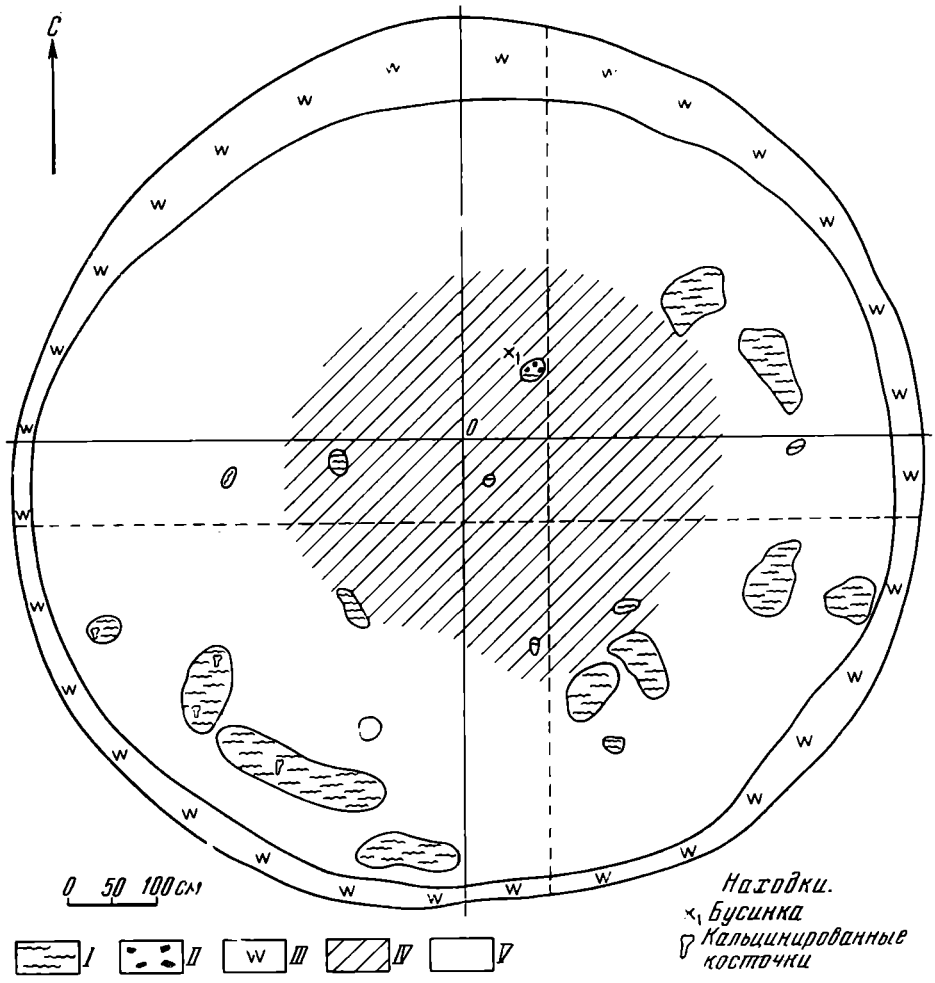


Рис. 3. План кург. № 25 без погребального сооружения

I — зола; *II* — уголь; *III* — поддерновый слой; *IV* — супесь с углями и золой; *V* — супесь

в западной части, в кург. № 1 — в восточной, в кург. № 10 — в северо-восточной). Кострища занимали небольшую полощадь, от 0,7 до 3 *м*^{2}, при толщине жженого слоя от 18 до 26 *см*.

В курганах с сожжением на месте были найдены, кроме упомянутого выше обломка Т-образного бронзового предмета из кург. № 8, обломок железной пряжки (кург. № 1) и лепная урна роменско-боршевского типа (кург. № 10), на основании которых курганы этой подгруппы можно датировать IX—X вв.

Курганы второй подгруппы (с трупосожжением на стороне) были с погребальным сооружением и без него.

Погребальное сооружение было открыто в кург. № 27 (рис. 2) в центре западного сектора (ближе к поле кургана) и представляло собой остатки сильно обуглившегося прямоугольного сруба размером 142 × 100 *см* , высотой 20—25 *см*, ориентированного по длинной оси с запада на восток. Сруб, состоявший из двух венцов, был сложен из отесанных плах, шириной в 14—16, толщиной 10 *см*. Он имел крышку и пол из более широких (12—33 *см*), но тонких (7—8 см) плах. Внутри сруба на полу лежали кальцинированные кости: по кучке у западной и восточной стенок и в виде россыпи в центре; вероятно, это остатки от трех погребений. Сжигание погребального сооружения со сложенными в нем остатками трупосожжений, принесенными со стороны, характерно для верхнеокских курганов [10]. Считать это явление случайным, пожалуй, нельзя. Скорее

[10] С. А. Изюмова. Курганный могильник VIII—X вв. около деревни Западная. СА, 1964, 2, стр. 151—163; Т. И. Никольская. Культура племен Верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, 72, 1959, стр. 54, 75.

всего, здесь мы встречаем своеобразный отголосок более древнего обряда погребения — сожжения в деревянных домиках.

В насыпи кургана при расчистке погребальной постройки встречены осколки кремния и обломки неолитической и чернолощеной керамики типа Шаньково — Почепок, попавшие туда, видимо, случайно.

Прямое отношение к погребениям могли иметь фрагменты лепных сосудов с примесью крупного песка и дресвы в тесте, аналогичные посуде боршевских поселений (конец I тысячелетия).

Среди костей в погребальном сооружении найдены две трехчастные бусины из светло-бирюзового и бирюзового стекла, частично оплавленные. Известно, что подобные бусы характерны для памятников VIII—IX вв. Крыма, Центрального Предкавказья, Салтова [11]; в северные районы они проникали позднее.

Аналогичные погребальные сооружения, также с остатками нескольких трупосожжений и с таким же набором стеклянных бус, открытые в соседнем Западненском могильнике, датированы IX—X вв. [12]

Таким образом, по бусам, по типу погребального сооружения и лепной керамике кург. № 27 можно отнести к IX—X вв.

В курганах без погребальных сооружений (№ 5, 25, 26) остатки трупосожжений, принесенные со стороны, складывались в основании кургана или в насыпи компактного, кучей или россыпью.

В кург. № 25 кальцинированные кости лежали на глубине 120 *см* кучей (40 × 50 *см*, высота 12 *см*), а ниже, на глубине 160, 180, 200 *см*, они были разбросаны в насыпи (рис. 3). В кург. № 5 остатки захоронений прослежены в основании и в насыпи, в кург. № 26 — в основании. Следовательно, каждый из этих курганов содержал остатки нескольких трупосожжений, часть из которых могла совершаться в течение незначительного промежутка времени, с постепенной подсыпкой кургана (кург. № 25), а другие могли быть и вводными.

В числе инвентаря этой группы курганов были стеклянная сдвоенная бусина из «лимонок» желтого цвета, датируемая X—XI вв. [13], оплавленный кусок железного предмета, два кремневых орудия — обломок наконечника копья и скребок (кург. № 25); в кург. № 5 найден обломок «грубой глиняной посуды» [14], в кург. № 26 — обломок кремневого наконечника копья и обломок толстостенного лепного сосуда поверхностного обжига с примесью дресвы в тесте.

Рассмотренные выше курганы с остатками нескольких трупосожжений из-за малочисленности инвентаря очень трудно датировать. Однако сравнение таких находок, как буса «лимонка» из кург. № 25 и обломки грубой лепной посуды из кург. № 5, 26, позволяет определить время насыпки курганов не позднее чем X в., а вернее — IX—X вв.

II. Курганы со смешанным обрядом погребения

В кург. № 23, 24 обнаружены разнохарактерные по обряду погребения — трупосожжение и трупоположение. В центре первого кургана на глубине 210—215 *см* на толстом слое земляной подсыпки (55—60 *см*) с золой и угольками лежали остатки костяка (части любной и пяточной костей), ориентированного с запада на восток, с небольшим отклонением к северу. На этой же глубине в северо-западном секторе найден обломок гончарного сосуда. Небольшие валуны (10 × 10, 10 × 8 *см*) на глубине 185—210 *см* как бы ограничивали площадку погребения, образуя подобие кольца.

---

[11] В. Б. Доопик. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв. СА, 1961, 3, стр. 217, рис. 4, *8*, *9*.

[12] С. А. Изюмова. Ук. соч.

[13] Определение бус выполнено Ю. Л. Щаповой. Пользуясь случаем поблагодарить Ю. Л. Щапову за помощь.

[14] Н. И. Булычев. Журнал раскопок..., стр. 8.

Над погребением, засыпанным землей примерно на 60 *см*, в центральной части юго-западного сектора в слое очень плотной супеси с угольками (глубина 150 *см*) прослеживались остатки трупосожжения в виде мелких кусочков кальцинированных костей. В северо-западном секторе на этом же уровне обнаружен обломок стенки гончарного сосуда.

Над остатками трупосожжения лежал очень плотный слой прокаленной супеси с золой и угольками толщиной в 50 *см*, перекрытый сверху слоем обычной земли. Здесь, возможно, был совершен обряд тризны с разведением огромного костра, после чего курган был досыпан.

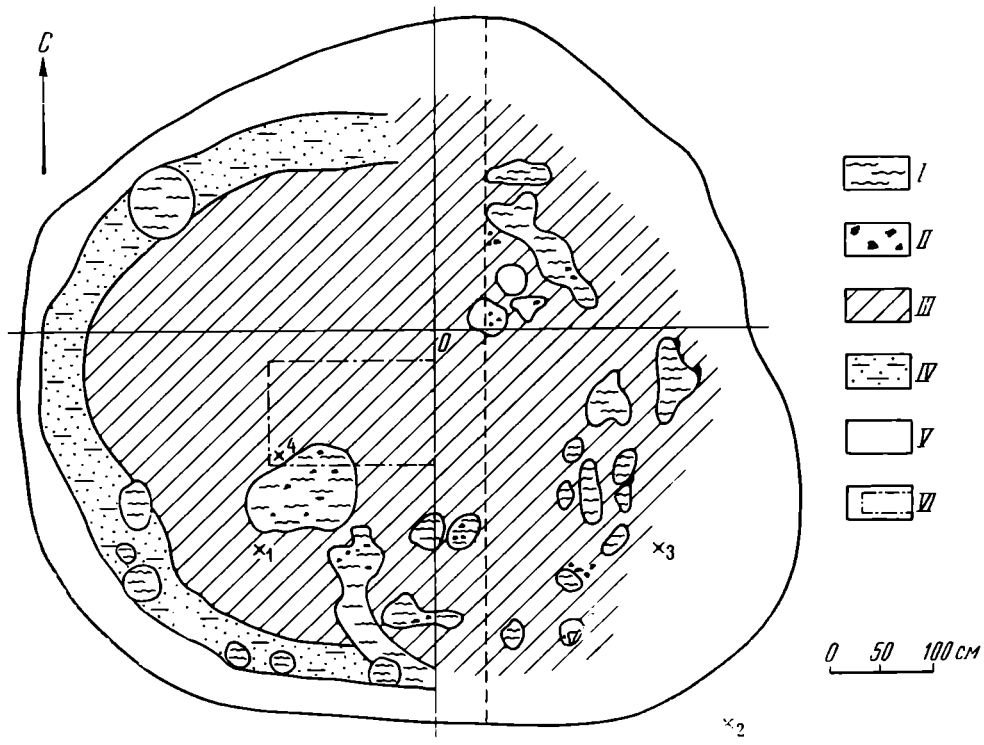


Рис. 4. План кург. № 24 со смешанным обрядом погребения

I — зола; *II* — уголь; *III* — супесь с включениями мелких углей, золы и темного перегноя; *IV* — прокаленная супесь с угольно-золотистыми включениями; *V* — супесь; *VI* — граница стола погребения. Находки: *1* — обломок керамики; *2* — обломок бронзового кольца; *3* — кусочек керамики; *4* — кости черепа, зуб; *5* — кальцинированные косточки

В насыпи на уровне обоих погребений было найдено по мелкому обломку гончарной посуды. Учитывая, что появление гончарного круга в пределах рассматриваемой территории произошло не ранее X в., их можно датировать не ранее этого же времени.

Поскольку определить более точно дату каждого из найденных фрагментов невозможно, придется ограничиться предположением, что оба погребения — трупоположение и трупосожжение — близки хронологически, и поэтому можно говорить о сосуществовании этих обрядов.

Материалы другого кургана подтверждают это предположение.

В центре площадки кург. № 24 на глубине 140—150 *см* от вершины насыпи на золисто-сажистом слое подсыпки толщиной в 10—15 *см* лежал женский костяк на спине, головой на запад, частично разрушенный кладоискательской ямой (рис. 4). Верхняя челюсть отсутствовала, нижняя сдвинута влево, частично сохранились две плечевые, две малые берцовые кости с остатками пяточных и плюсовых костей.

При погребенной найдены пять серебряных (низкопробных) семилопастных колец. Одно из них, с округлыми, далеко расставленными лопастями, не имело боковых колечек (рис. 5, *2*, *3*), на щитках всех колец был нанесен простейший орнамент[15]. Найдено два целых и два в обломках рубчатых перстня (рис. 5, *5*), бубенчик с крестовидной прорезью (рис. 5,

4) и бусы, среди которых пять хрустальных шарообразных, три сердоликовые бипирамидальные (рис. 5, *1*) и две стеклянные бусины (одна из них позолоченная, боченкообразная).

Комплекс перечисленных украшений, включающий ранний вариант семилопастных височных колец, бубенчик с крестовидной прорезью и позолоченную бусину, позволяет датировать погребение рубежом XI—XII вв.[16]

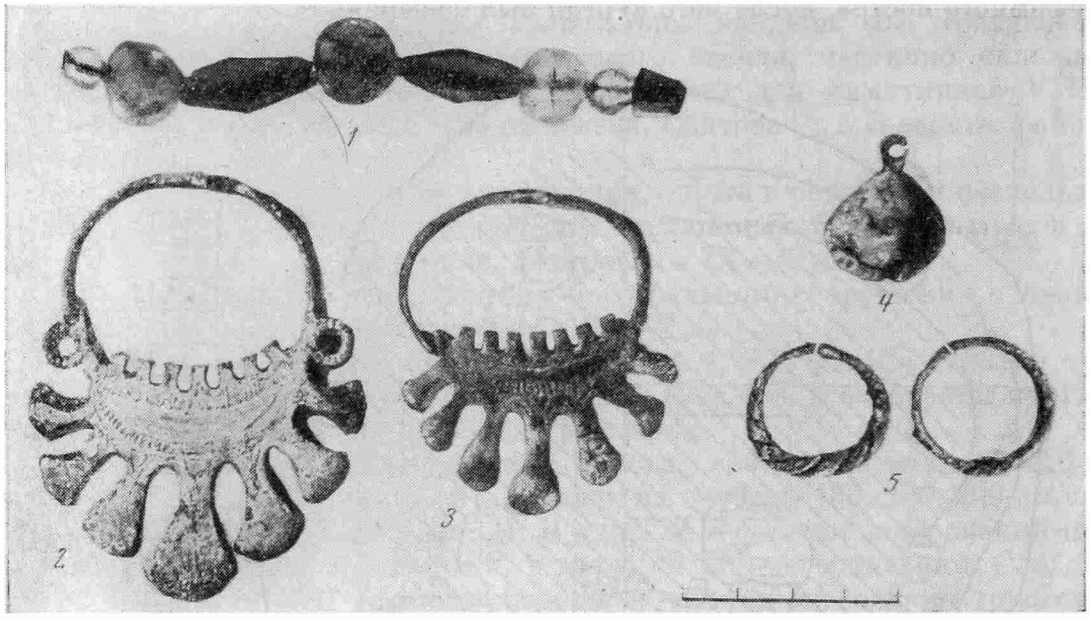


Рис. 5. Инвентарь из кург. № 24

1 — каменные бусы; *2, 3* — височные кольца; *4* — бубенчик; *5* — рубчатые перстни

В юго-восточной части кургана, на той же глубине, что и рассмотренное выше женское трупоположение, было обнаружено второе захоронение с трупосожжением в виде скопления кальцинированных костей площадью 20×30 *см*, при толщине слоя 5—8 *см* (рис. 4).

В насыпи кургана на разных уровнях (80—85, 91, 100 *см*) вскрыты остатки еще нескольких трупосожжений, которые не были вводными, что определяется спокойным состоянием горизонтальных напластований насыпи над ними.

Скопление кальцинированных костей в основании насыпи сопровождалось обломками гончарных сосудов с линейным орнаментом. Обломки таких же сосудов (иногда в сочетании с небольшой волной по плечикам) встречались и в насыпи, на разных уровнях. Удалось определить, что они принадлежали трем сосудам (рис. 6). Все сосуды сделаны из хорошо отмученной глины с примесью песка, стенки их тонкие (0,4—0,5 *см*), неравномерного обжига. Невысокие, отогнутые наружу венчики имели прямой или косо срезанный край, плечики четко выражены. Подобного типа сосуды относятся к архаичным формам гончарной посуды[17] и хорошо согласуются по времени с инвентарем погребения, т. е. рубежом XI—XII вв.

Таким образом, есть основание считать, что курганы группы II (со смешанным обрядом погребения) возводились с конца X до начала XII в.

[15] Т. В. Равдина. Типология и хронология лопастных височных колец. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 138.

[16] Там же, стр. 139, 140; е е ж е. Шишимровские курганы. Сб. «Культура древней Руси». М., 1966, стр. 226.

[17] Там же, стр. 225; В. А. Мальм. Производство глиняных изделий. Очерки по истории русской деревни. М., 1959, стр. 142; Н. Н. Воронин. Из ранней истории Владимира и его округи. СА, 1959, 4, стр. 80.

III. Курганы с трупоположением

Этот обряд погребения наблюдался в кург. № 20—22. В двух из них (№ 20 и 21), сильно разрушенных распашкой, от погребенных остались лишь куски ребер. В кург. № 20 вместе с костями найдены две стеклянные бусины, одна из них боченкообразная и позолочена (рис. 7, *1*).

Характерные для XI — начала XII в. золоченые бусы [18] определяют время разрушенного захоронения.

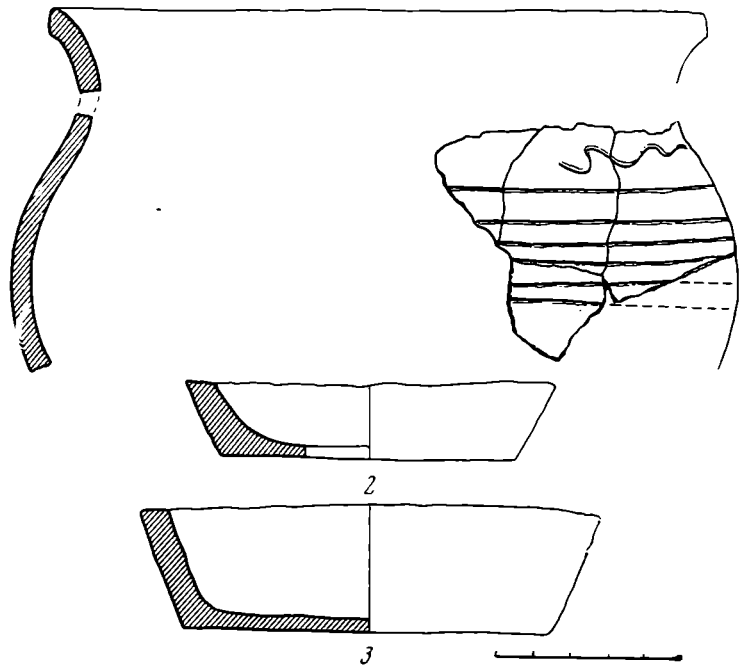


Рис. 6. Керамика из кург. № 24

Более интересным по содержанию был кург. № 22, в основании которого обнаружено сохранившееся женское погребение. Костяк, положенный на спину, головой на запад, сопровождался разнообразным набором украшений. В их числе были шесть семилопастных височных колец, три из которых выделялись небольшим размером и отсутствием боковых колечек. Поверхность щитков всех колец была украшена простым узором (рис. 7, *13—16*).

В состав ожерелья женщины входили: шесть стеклянных бусин (рис. 7, *2—6*) (пять шарообразных и одна кольцеобразная) бледно-зеленого, зеленовато-голубого и светло-синего цвета; одна сердоликовая бипирамидальная; два крестика бронзовых (рис. 7, *11, 12*) (один простой формы с косым крестом в центре с концами в виде трилистника и с изображением фигурки человека в центре); бронзовый бубенчик со щелевидной прорезью (рис. 7, *7*).

На руках женщины были надеты: бронзовые витой тройной браслет (рис. 7, *17*) и три перстня (один круглопроволочный, другой ложновитой и третий решетчатый, однозигзаговый с четырьмя колечками по краям, рис. 7, *8—10*). Близкая аналогия последнему перстню известна в одном из звенигородских курганов [19].

Около погребения был найден обрывок кромки темно-коричневой грубошерстной ткани полотняного переплетения с утком более толстой нитки (может быть, цветной вышивки).

---

[18] Т. В. Равдина. Типология..., стр. 138.

[19] Г. А. Авдусина. Три курганные группы у Звенигорода. «Историко-археологический сборник». М., 1962, стр. 278, рис. 2, *3*.

В разных местах вблизи погребения найдены разрозненные обломки от нескольких гончарных и лепных сосудов.

Первые изготовлены из плотной светло-серой глины с примесью песка, обжиг не полный. Поверхность сосудов сглажена, иногда украшена линейным узором по плечикам и по тулову, венчики невысокие, с округлым и косо срезанным краем, слегка отогнуты наружу (рис. 8).

Лепные сосуды сделаны из глины с примесью песка и крупных зерен кварца. Поверхность их шероховата, обжиг слабый [20].

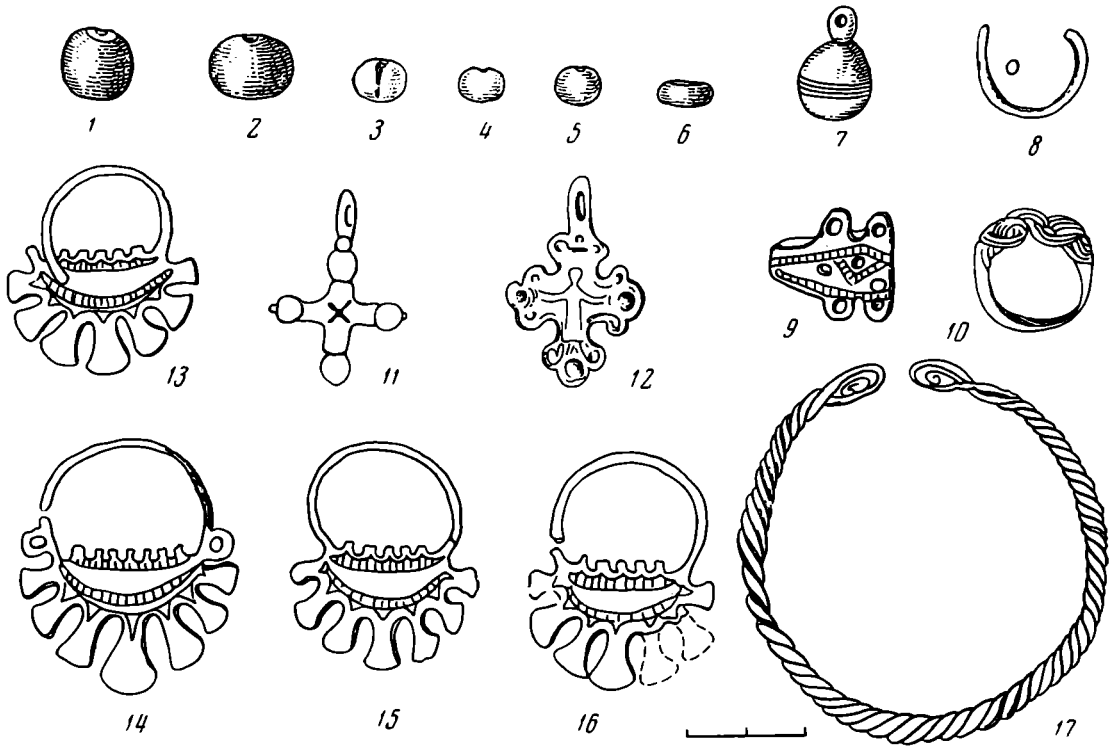


Рис. 7. Инвентарь из кург. № 20 и 22

1—6 — бусы; *7* — бубенчик; *8—10* — перстни; *11, 12* — крестики; *13—16* — височные кольца; *17* — браслет

М. М. Герасимов датировал этот курган XI—XII вв., с чем, однако, вряд ли можно согласиться. Среди найденных там украшений есть витой тройной браслет, ажурный крестик, бубенчик со щелевидной прорезью, решетчатый перстень, т. е. вещи, появившиеся не раньше XII в.[21] и, следовательно, время сооружения насыпи кургана надо отнести к этому же времени. Такая датировка кургана позволяет признать, что лепная и гончарная сравнительно слабо профилированная керамика продолжали сосуществовать и в XII в. Последнее подтверждают также материалы из ярославских могильников [22].

Выделенные на основании различий в обряде погребения три группы курганов отличаются одна от другой и хронологически.

Наиболее ранние из них — курганы с обрядом трупосожжения, относимые к IX—X вв.

Следующую хронологическую группу составляют курганы со смешанным обрядом погребения, датируемые концом X — началом XII в.

Третья группа курганов — с трупоположением — самая поздняя, ее дата — XI—XII вв.

---

[20] Погребальный инвентарь курганов, раскопанных в 1935 г., хранится в фондах Гос. Эрмитажа, инв. № 1305.

[21] Т. В. Равдина. Типология..., стр. 138; ее же. О датировке вятических курганов. СА, 1965, 1; ее же. Шишимровские курганы, стр. 226.

[22] В. А. Мальм. Культовая и бытовая посуда из ярославских могильников. Сб. «Ярославское Поволжье X—XI вв.», стр. 49.

Наблюдаемые различия в обряде погребения и хронологии курганов Добринского могильника позволяют проследить смену погребального обряда в IX—XII вв. у населения, оставившего эти курганы.

В начале периода единственным обрядом погребения было трупосожжение. Его совершали как на месте, так и на стороне. Прах кремированных помещали в кургане в специальном погребальном сооружении или без него, в урне или россыпью, на горизонте и в насыпи.

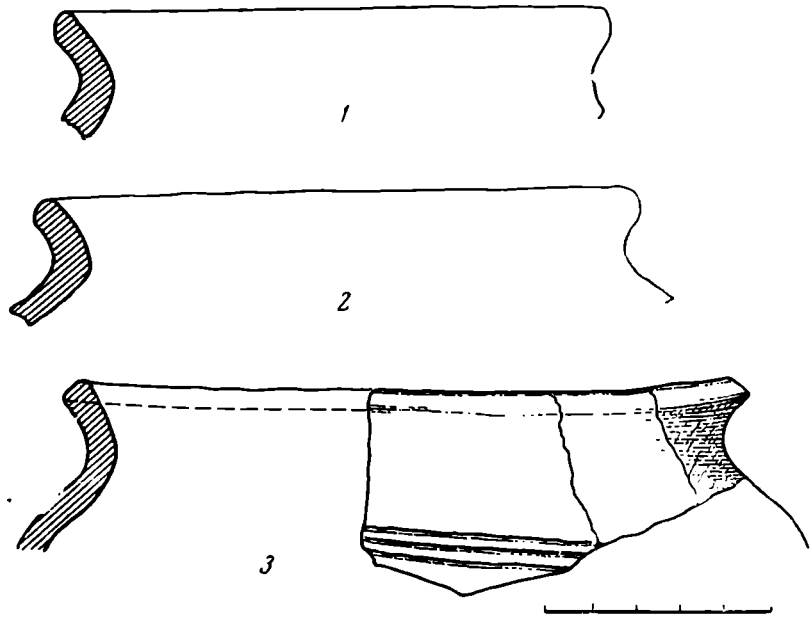


Рис. 8. Керамика из кург. № 22

Эти особенности обряда, очевидно, были вызваны различиями не только идеологического и социального характера, но и в какой-то мере этническим составом населения данного района.

В конце X — начале XII в. наблюдается сосуществование обряда кремации с трупоположением. Но уже в этот период — на рубеже XI—XII вв. появляются курганы с обрядом трупоположения, который позднее станет не только господствующим, но и единственным.

Что касается этнической принадлежности погребенных в Добринском могильнике, то она определенно устанавливается только для двух курганов (№ 22 и 24), в которых при умерших обнаружены наборы вятичских украшений.

S. A. Izumova

LES TUMULUS SITUÉS PRÈS DU VILLAGE DE DOBROÏÉ, RÉGION DE TOULA

Résumé

Sur la haute rive droite de l'Oka, aux environs du village de Dobroïè, rayon Souvorovsky, se trouvent les vestiges d'une sépulture sous le tumulus, dont la plus grande partie est détruite par le labour. A partir de l'année 1898 et jusqu'à l'année 1964 — 27 tumulus ont été décelés.

Selon les differences dans le rite funéraire, les tumulus de la sépulture de Dobroïé peuvent être répartis en tumulus à incinération (1, 5, 8, 10, 11, 25, 26, 27), tumulus au rite mixte (23, 24), tumulus à inhumation en pleine terre (20, 21, 22).

Le premier groupe de tumulus est daté des IX—X ss., le deuxième, par la fin du X — commencement du XII s., le troisième, des XI—XII ss.

Les différences dans le rite funéraire et la chronologie, observées dans la sépulture sous le tumulus de Dobroïè, sont dues évidemment non seulement aux différences de caractère idéologique et social, mais, dans une certaine mesure, à la diversite ethnique de la population du rayon donné.

С. О. ХАН-МАГОМЕДОВ

ДЖУМА-МЕЧЕТЬ В ДЕРБЕНТЕ

Одним из наиболее интересных памятников архитектуры Дербента является Джума-мечеть, расположенная в верхней старой части города (рис. 1). Это не только древнейшая и самая большая по размерам мечеть в Дагестане. Интерес к этому сооружению вызывается еще и тем, что существует предание, согласно которому под мечеть был перестроен более древний христианский храм.

Прежде чем перейти к анализу Джума-мечети и выяснению связанных с нею проблем, дадим описание ее современного состояния [1].

Джума-мечеть представляет собой прямоугольное в плане здание с выступом в центральной части южного фасада. Интерьер мечети состоит из двух основных частей — вытянутого в направлении восток—запад трехнефного зала и квадратного в плане подкупольного пространства (рис. 2, 3).

Мечеть расположена на выровненной площадке таким образом, что ее короткая западная стена почти на всю высоту, а южная стена частично являются подпорными стенками; пол в западной части прямоугольного зала мечети на 75 *см* ниже, чем в восточной [2].

Внутренние размеры прямоугольного зала мечети равны: с запада на восток около 67, с севера на юг более 17 *м*. Зал разделен двумя рядами квадратных в плане столбов (97 × 97 *см*) с профилированными капителями на три нефа; ширина среднего нефа 6,3 *м*, боковых — 4 *м*. Расстояние между столбами равно 2,4 *м*, лишь центральная секция (пролет 3,8 *м*) и две ближайшие к ней (пролет 2,54 *м*) имеют большие пролеты. Высота столбов повышается с запада на восток, по мере изменения уровня пола мечети: у западной стены она равна 155, у восточной 230 *см*. Вдоль стен зала в соответствии с шагом столбов расположены прямоугольные выступы-пилястры с выносом 48—55 *см* на продольных стенах и 70 *см* на торцевых стенах. Между столбами (и пилястрами) в поперечном направлении перекинуты стрельчатые арки. Секции боковых нефов (пространство между арками) перекрыты своеобразными по форме полуцилиндрическими сводами с уступами в верхней и нижней частях: центральная секция северного бокового нефа, расположенная перед входным порталом, перекрыта более высоким сводом. Секции среднего нефа (рис. 4) перекрыты зеркальными сводами, а центральная секция — парусным граненым стрельчатым куполом диаметром 4 *м* (окружность купола снаружи равна 15,64 *м*). Столбы, на которые опирается этот купол, несколько утолщены в продольном направлении (1,2 *м*).

Прямоугольный зал освещается стрельчатыми окнами, расположенными в верхней части продольных стен. Размеры этих окон 140×80 *см*.

[1] Мы проводили обследование и обмеры Джума-мечети в 1949 г. (совместно с В. А. Марценюком), в 1956 и 1958 гг.

[2] В настоящей статье рассматривается лишь здание самой мечети. Этапы сложения и композиция всего центрального культового комплекса Дербента рассмотрены в статье: С. О. Хан-Магомедов. Медресе комплекса Джума-мечети в Дербенте. Архитектурное наследство, 1967, 16, стр. 128—136.

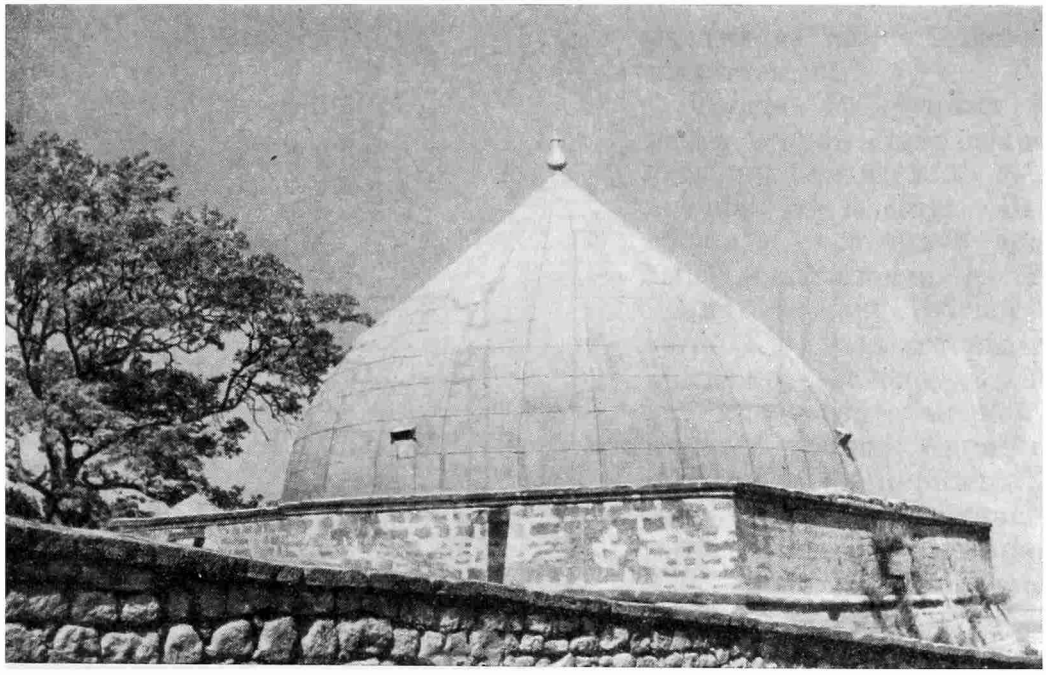


Рис. 1. Купол Джума-мечети (вид с юго-запада). Фото 1959 г.

Купольный зал мечети представляет собой квадратное в плане помещение, перекрытое стрельчатым куполом диаметром 9,3 *м* (окружность снаружи 34,6 *м*), опирающимся на восемь подпружных арок, выше которых устроен сталактитовый фриз.

С восточной и западной стороны в подкупольное пространство открываются двухъярусные галереи, на второй ярус которых ведут лестницы из прямоугольного зала мечети.

В южной стене устроена ниша михраба, а с северной стороны через арочные проемы купольный зал соединяется с прямоугольным.

Освещается купольный зал тремя окнами в южной стене (два стрельчатых и одно прямоугольное). Кроме того, четыре оконных проема (размеры 95×65 *см*) расположены в нижней части купола.

В северной стене мечети устроено четыре входа. Один из них — главный — расположен на поперечной оси здания и представляет собой выступающий из плоскости стены монументальный портал со стрельчатой арочной нишей (рис. 5). Ширина этой ниши равна 3,25 *м*, ширина прямоугольного дверного проема портала 2 *м*.

Внутри арочной ниши главного портала над дверным проемом в кладке имеются камни с высеченными на них арабскими и персидскими надписями, в которых приведена дата сооружения мечети — 115 г. хиджры (733—734 гг.) и сообщается, что мечеть «упала» и была восстановлена в 770 г. хиджры (1368—1369 гг.) архитектором Тадж ад-Дином из Баку [3].

Боковые входы мечети — это небольшие стрельчатые проемы шириной 1,35—1,40 и высотой около 2 *м* (рис. 6).

Нижняя часть наружных стен мечети и внутренние столбы сложены из местного камня — твердого ракушечника. Особенно хорошо основная кладка стен видна с внутренней стороны южной и западной стен, где четко читается рисунок кладки, состоящей из больших хорошо отесанных ложковых (50—70×90—100 *см*) и местами тычковых (25×50—70) камней. Подобная кладка характерна и для большинства столбов, где высота рядов камней равна в среднем 0,5 *м*. Однако в ряде мест (наружная сторона западной части северной стены, некоторые внутренние столбы и др.) в такой кладке обычные ряды камней из тычков и ложков чередуются с

[3] Л. И. Лавров. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. I. Надписи X—XVII вв. М., 1966, стр. 120—121.

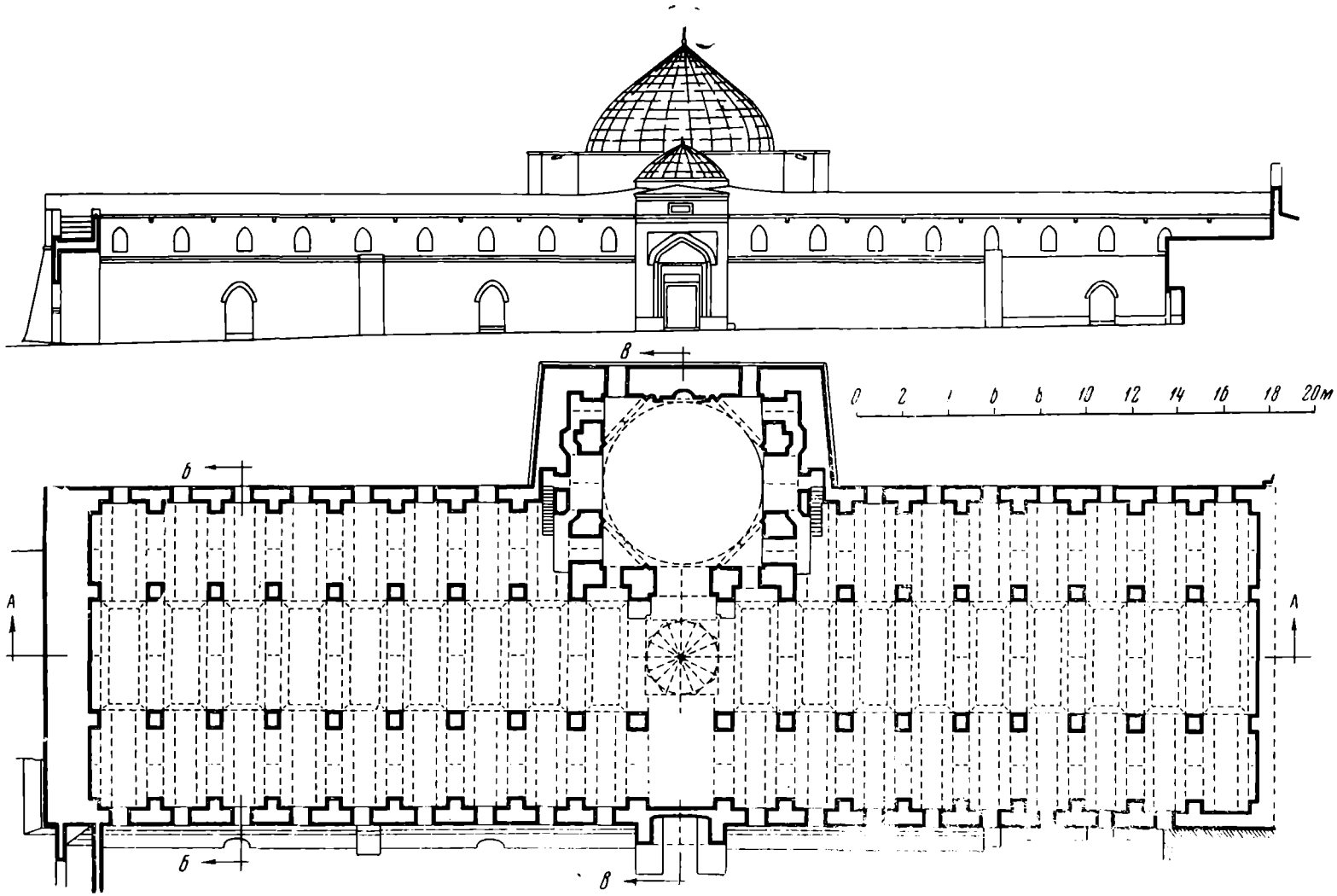
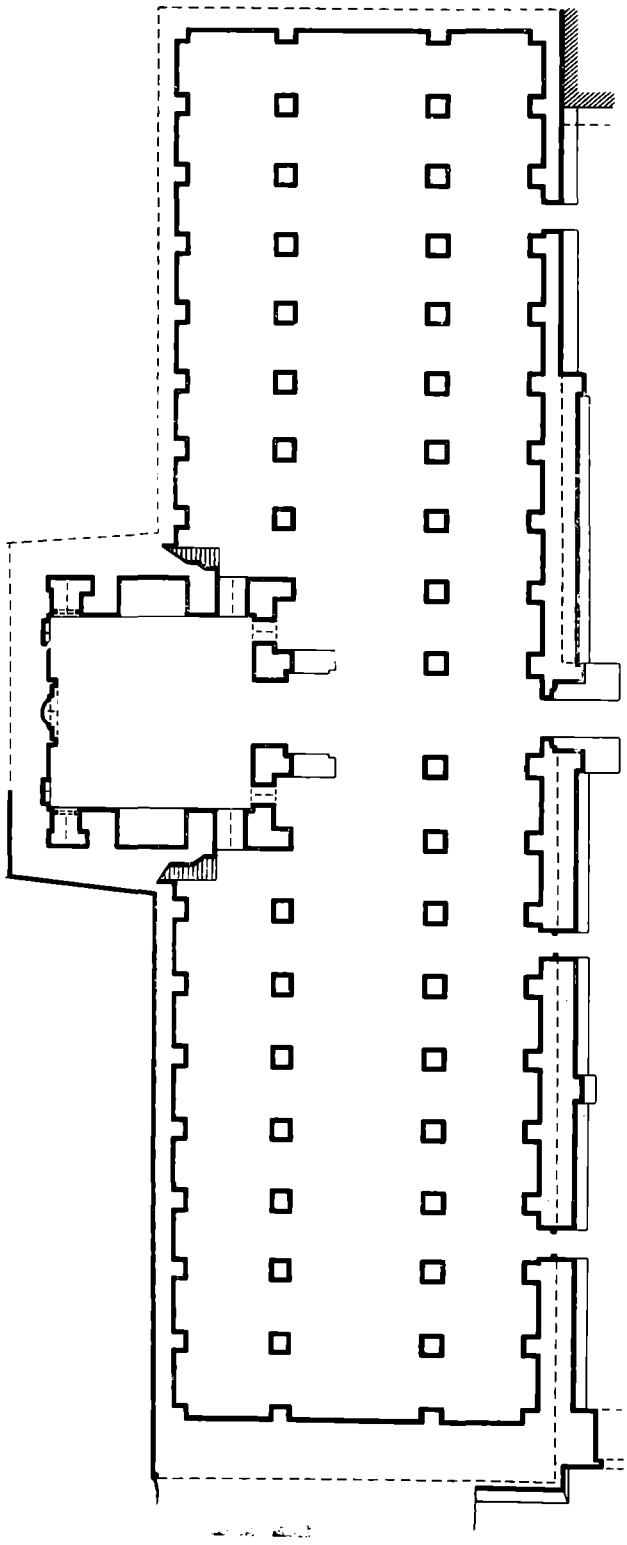

В
0 2 4 6 8 10 12 14 16 18 20м
Б
А
А
Б
В

Рис. 2. Джума-мечеть; северный фасад, план на уровне окон и второго яруса купольной части, план на уровне входов, чертеж по обмерам 1949 г.



рядами из камней, положенных плашмя.

Кладка из крупных камней в южной стене сохранилась приблизительно до половины ее высоты. Выше, до низа окон, идут три-четыре ряда кладки из более мелких камней (общей высотой 1 *м*), над которыми до арок окна расположены пять рядов еще более мелкой каменной кладки. Арки окон выложены из кирпича. Также частично из кирпича сложена и стена над арками. Это хорошо видно внутри мечети в местах, где обвалилась штукатурка, хотя снаружи облицовка стены каменная.

В северной стене вся кладка ее верхней части, начиная от низа окон, сложена из кирпича, за исключением профилированного каменного карниза и подкарнизного (фризового) ряда, состоящего из камней высотой 29 *см*. При этом карниз и фриз являются частью парапета, ограждающего кровлю. Высота парапета над северной стеной не превышает 50 *см*. Такая же высота парапета и над восточной частью южной стены, однако над западной частью этой стены сделан парапет высотой более 1,5 *м* (рис. 7).

Верхняя часть стен и арки мечети в интерьере, а также на северном фасаде покрыты слоем штукатурки в 2—3 *см* и побелены. Расчистка штукатурки на ряде арок показала, что они сложены из кирпича[4]. Кирпичные своды, в отличие от арок, оставлены не оштукатуренными, широкие швы между кирпичами побелены и рисунок кладки сводов читается как декоративный орнамент, контрастируя с белыми стенами и арками. Осо-

[4] Зондаон проводился нами в 1958 г.

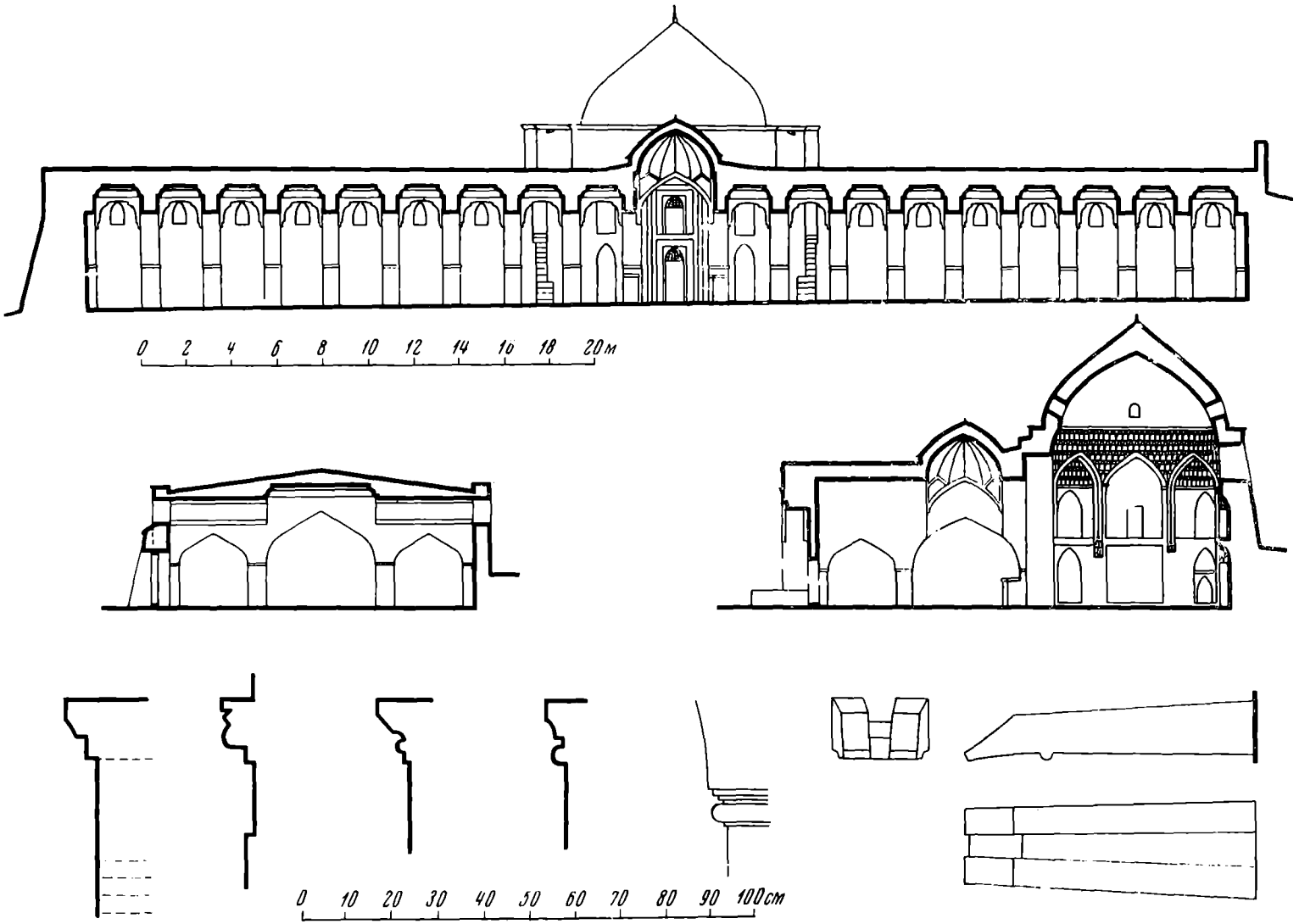


Рис. 3. Джума-мечеть; продольный и поперечные разрезы, профили карнизов, капитель внутреннего столба, водомет (вид спереди, сбоку и сверху). Чертеж по обмерам 1949 г.

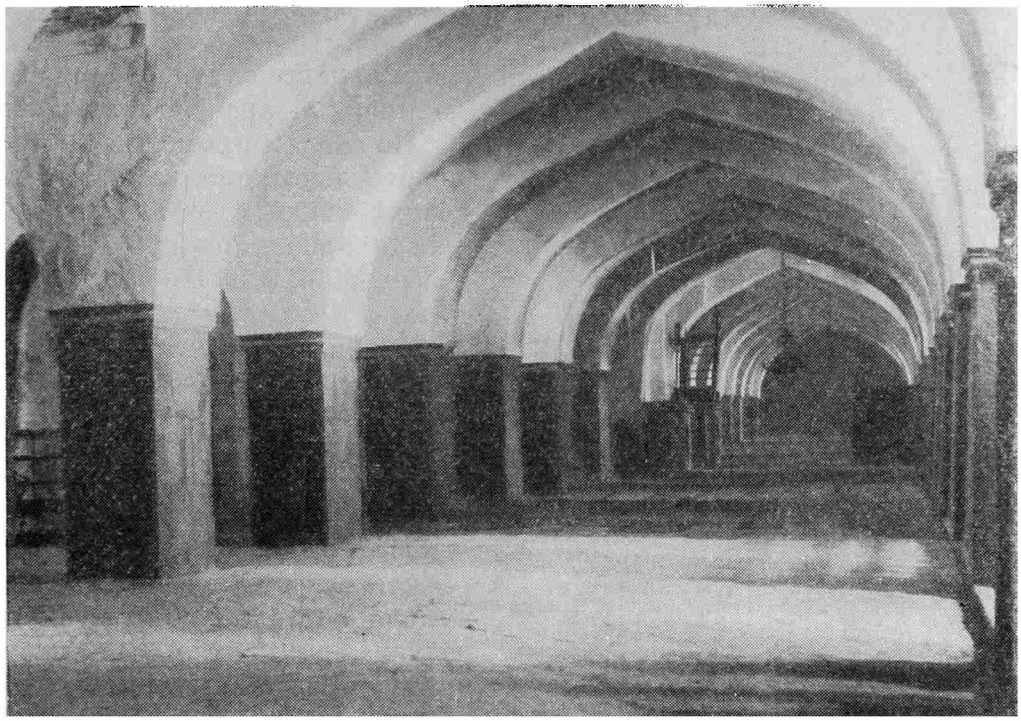


Рис. 4. Средний неф Джума-мечети (вид с востока). Фото музея архитектуры (№ 9776)

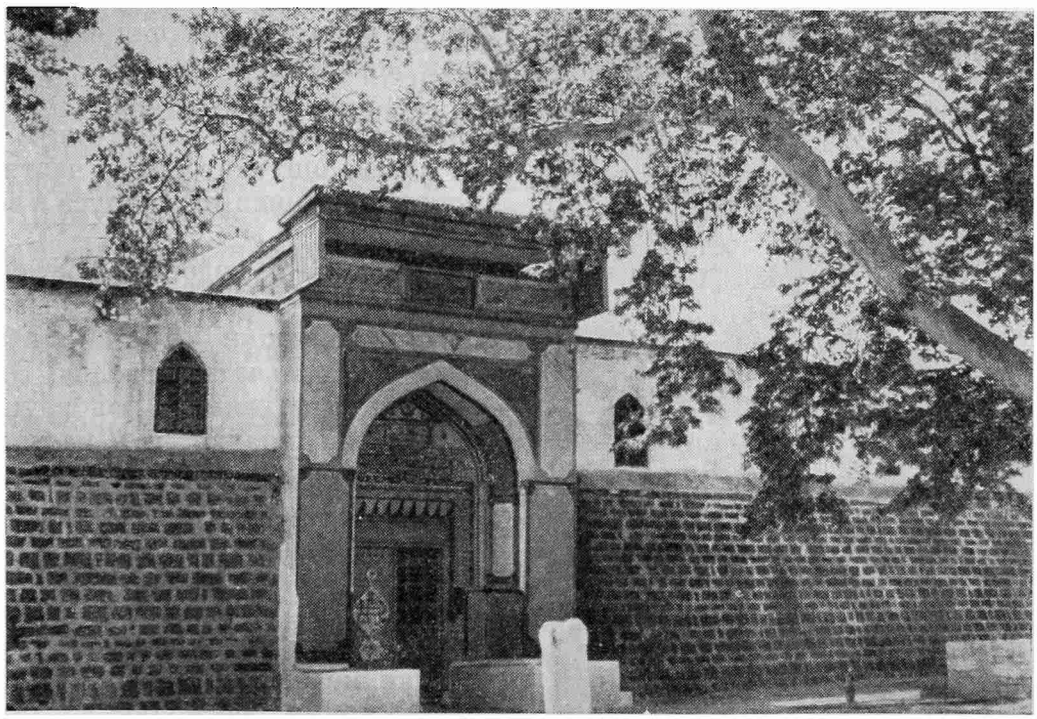
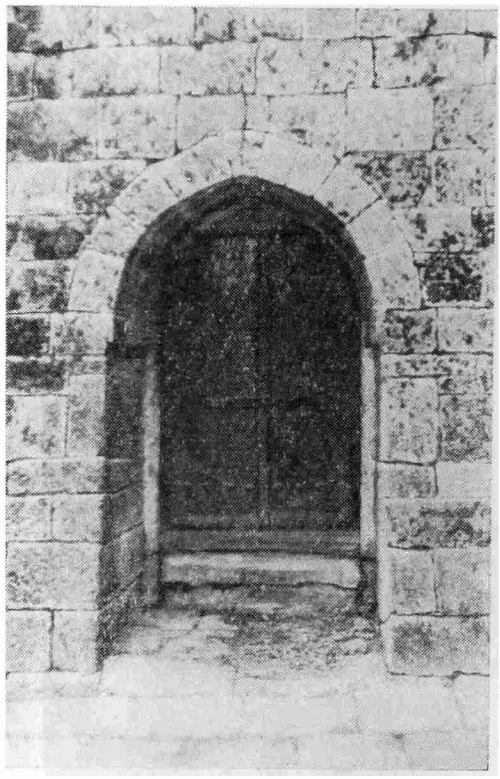


Рис. 5. Главный портал Джума-мечети. Фото 1957 г.



б

Рис. 6. Восточный портал Джума-мечети: *а* — общий вид (фото 1949 года), *б* — фрагмент (фото музея архитектуры, № 9780)

бенно это относится к зеркальным сводам среднего нефа, выложенным фигурной кладкой различного рисунка (в него в западных секциях в ряде случаев включены и надписи на арабском языке).

По сводам прямоугольного зала мечети насыпана земля, залитая сверху слоем асфальта. Кровля слегка покатa от продольной оси к северной и южной наружным стенам. Отвод воды с крыши осуществляется при помощи каменных водометов, ритмично расположенных вдоль северного и южного фасадов.

Водометами отводится вода и с большого купола, который также выложен из кирпича. С внутренней стороны кирпичная кладка купола оставлена открытой и образует орнаментальный рисунок, выделенный более темными (возможно, подкрашенными) кирпичами. Верхняя часть купола (в интерьере) облицована зеркалами. Толщина купола на уровне окон равна 90 *см*. Поверх кирпичной кладки купола уложены деревянные стропила сечением 5×8 *см*, затем идет дощатый настил (толщина досок 2,5 *см*), по которому купол покрыт листовым железом.

Малый купол также покрыт снаружи листовым железом. Изнутри он оштукатурен и частично покрыт росписями (паруса и верхняя часть).

До 1950-х годов к восточной стене мечети примыкали развалины, состоявшие из кирпичных стен и стрельчатых сводов. Здесь хорошо была видна конструкция кирпичной кладки, и в частности чередование рядов кирпича со швами (известковый раствор) толщиной 5 *см* (рис. 8).

Размеры кирпича в этой части мечети $29 \times 29 \times 5$ *см*. Однако есть основания считать, что в кладке мечети применен квадратный кирпич нескольких типов. Так, кирпич, из которого выложен пол мечети, имеет размеры 20 (21) $\times$ 20(21) *см*.

На большей части длины северной стены мечети с наружной сто-

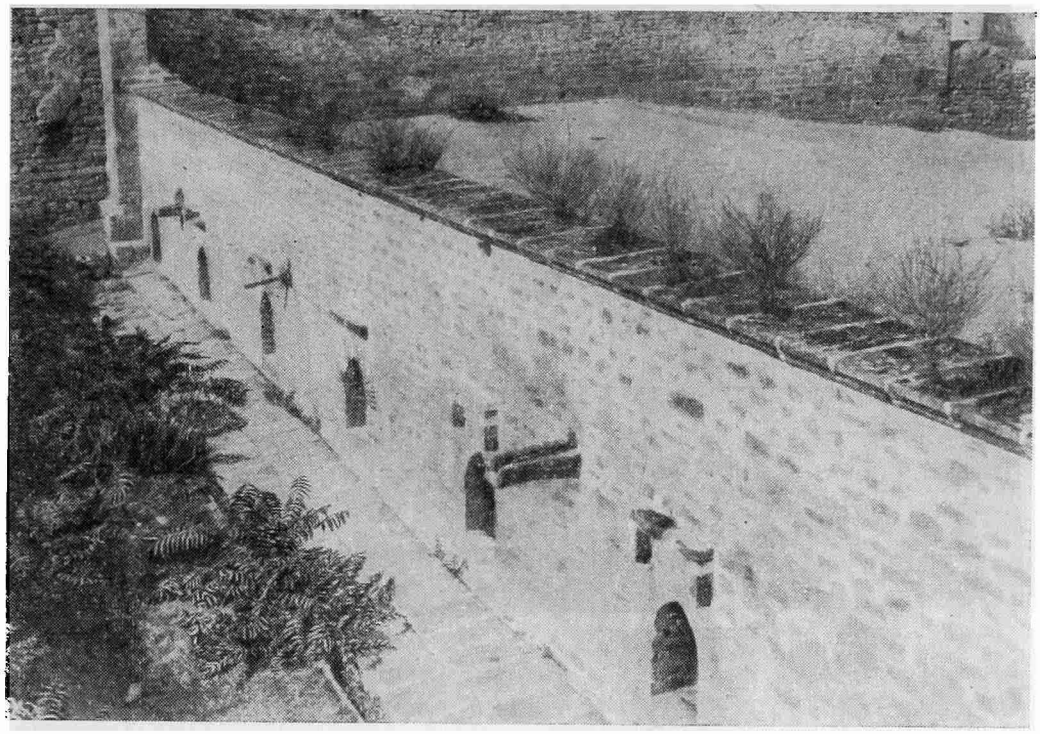


Рис. 7. Западная часть северного фасада Джума-мечети. Фото музея архитектуры (№ 9783)

роны пристроена наклонная каменная подпорная стенка, немного не доходящая до низа окон. Она сложена из небольших хорошо отесанных камней. В нижней части ее толщина равна 1,3 *м*, на уровне замковых камней боковых входов — 0,8 *м*. Завершается подпорная стенка полувалом и скосом. Эта подпорная стенка воспринимает распор арок северного нефа и была пристроена, по-видимому, позднее. За ней видны детали обрамления боковых входов — граненые колонки с квадратными капителями, профилированный порог и т. д.

Западная стена мечети, как уже отмечалось выше, почти на всю высоту сама является подпорной стенкой и, чтобы отделить кровлю от улицы, над западной стеной была возведена стенка из тесаного камня. Южный угол этой стенки срезан и декоративно обработан: сталактиты, стрельчатые килевидные ниши, профили и т. д. (рис. 9).

Переходя к рассмотрению проблем, связанных с Джума-мечетью, начнем с вопроса о предполагаемой перестройке мечети из церкви.

Одно из наиболее ранних сообщений о том, что Джума-мечеть была перестроена из христианского храма, встречается в работах П. Г. Буткова, который в 1796 г. писал, что в Дербенте, кроме мечети в цитадели, имеется «мечетей Алиевой и Омаровой секты 15, из коих одна только несколько изрядная, да и та построена армянами для христианской церкви, а персиянами под мечеть их отнята» [5]. П. Г. Бутков ничем не аргументирует своего мнения, однако можно предполагать, что он основывается на местных преданиях, о которых сообщают другие авторы.

А. А. Марлинский, писавший в 30-е годы прошлого века о Джума-мечети, сделал попытку аргументировать свою точку зрения: «Мечеть эта, — пишет он, — по всей вероятности была в старину христианскою церковью..., потому что она лицом стоит на восток, а магометанские мечети обыкновенно обращены входом к северо-востоку, чтобы молиться на Мекку и Медину, то есть на юго-запад. Во-вторых, следы теперь сломанного алтаря очевидны, и хотя татары утверждают, будто она построена в пер-

[5] П. Г. Бутков. Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем», 1796 г. Сб. «История, география и этнография Дагестана. XVIII—XIX вв.», М., 1958, стр. 202.

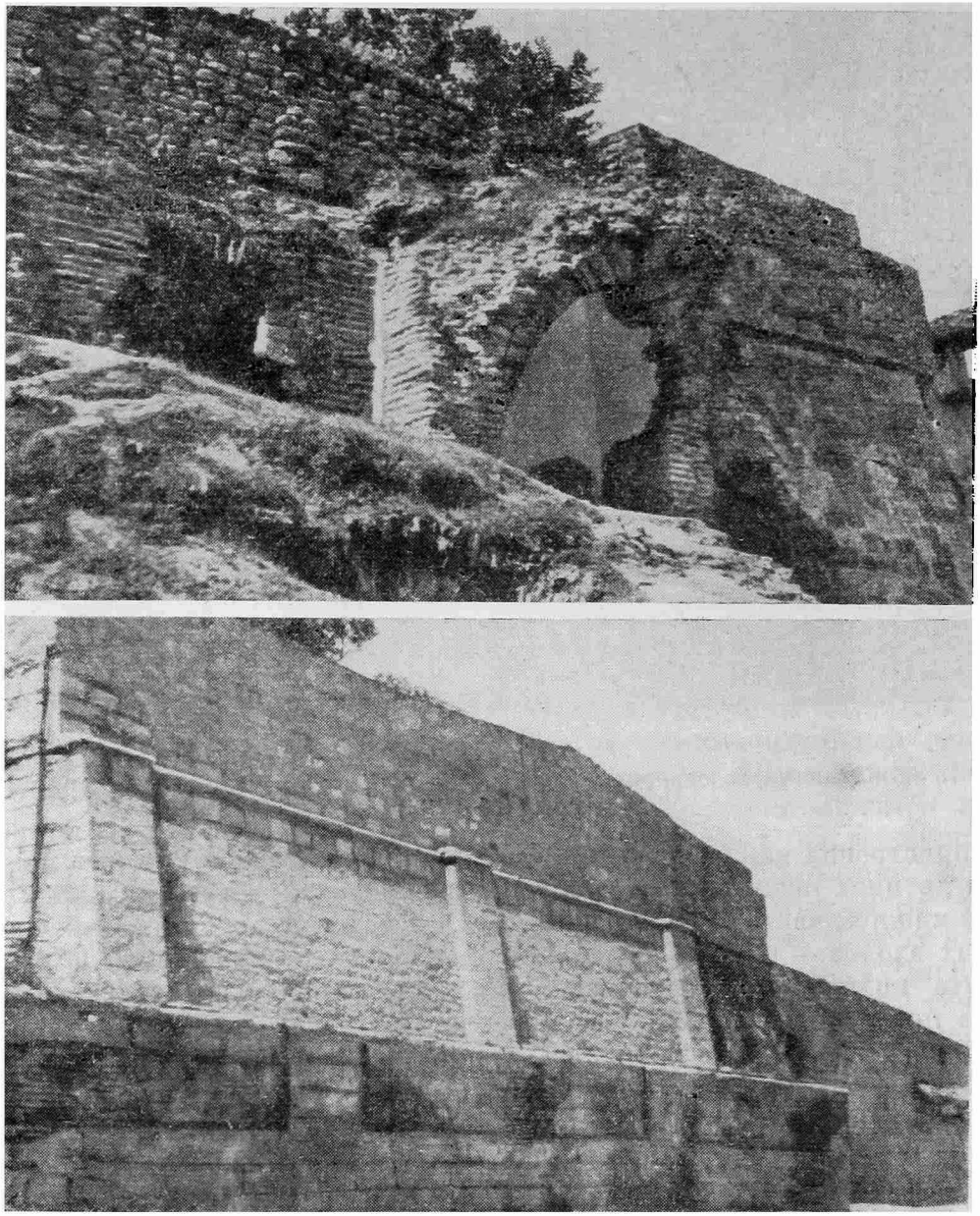


Рис. 8. Восточный фасад Джума-мечети: *а* — фото 1949 г., *б* — фото 1956 г.

вом веке гиджры (около тысячи двухсот лет назад), но мы, опираясь на исчисление греческих епархий, в которых дербентская упомянута очень правильно, можем полагать поосновательнее, что древность этого храма гораздо глубже» [6].

А. А. Марлинский явно ошибся в ориентации мечети, обращенной михрабом на юг, а входом на север. Представляет интерес его мнение об остатках алтаря (подробнее об этом ниже) и ссылка на местные предания.

И. Н. Березин, побывавший в Дербенте в 1842 г., описывая Джума-мечеть, отмечает, что «местное христианское предание приписывает это здание нашей религии» [7].

Приведем мнение одного из современных исследователей, М. И. Артамонова, который пишет: «Без сомнения для мечети приспособлено здание, выстроенное одновременно с древнейшей частью каменных укреплений. Стены мечети возведены в той же технике, что и постройки Анушпрвана.

[6] А. А. Бестужев-Марлинский. Сочинения в двух томах. 2, М., 1958 стр. 321.

[7] И. Березин. Путешествие по Дагестану и Закавказью. I, Казань, 1850. стр. 143.

Судя по плану, это было здание типа базилики, что согласуется с преданиями, по которым дербентская Джума-мечеть была ранее христианским храмом. Армянские историки относят распространение христианства в странах дербентских к IV в. Основание церкви в Дербенте они приписывают Григорию младшему, внуку правителя Армении. Вплоть до 552 г. в Дербенте находился будто бы престол албанского патриарха, только в этом году из-за хазарских набегов перенесенный в Партав (Бердаа). Предание приписывает устройство мечети, т. е. превращение в нее христианского храма в Дербенте, арабскому военачальнику Абу-Муслиму в VII в.» [8]

Л. С. Бретаницкий считает, что сооружение Джума-мечети «значительно предшествовало появлению ислама», о чем, по его мнению, свидетельствуют «строительные особенности наиболее древних частей мечети и ее базиликальный план, характерный для культовых сооружений Кавказской Албании и сопредельных областей» [9].

Рис. 9. Западный фасад Джума-мечети: фигурная обработка угла (фото 1957 г.)

Уже из приведенных выше цитат видно, что мнение о перестройке под мечеть христианского храма опирается не только на местное предание, но и подкрепляется авторами целым рядом других аргументов. Среди них можно отметить ссылку на базиличный характер здания, на остатки алтаря, на сообщения древних авторов о распространении христианства в Дербенте, на близость кладки стен мечети к кладке стен дербентской крепости, построенной в VI в. при сасанидском царе Хосрове I Ануширване (531—578) для защиты прохода между горами и Каспийским морем от набегов кочевников (хазар) с севера.

Рассмотрим эти аргументы в поддержку предания о перестройке Джума-мечети из христианского храма.

По своим размерам Джума-мечеть мало чем уступает крупнейшим христианским храмам Кавказа. Уже одно это заставляет предположить, что церковь подобного масштаба могла быть построена в крупном религиозном центре. Как будто бы сообщения древних историков о существовании патриаршего престола в V—VI вв. в Дербенте вполне согласуются с таким мнением.

Однако дело в том, что в этих сообщениях речь идет о расположенном в Каспийском проходе городе Чога (Чора, Чола), обычно отождествляемом с Дербентом. В настоящее время ряд исследователей (например, В. Г. Котович) [10] отрицают правомерность такого отождествления, предлагая считать остатками Чогы городище Топрах-Кала, расположенное южнее Дербента.

---

[8] М. И. Артамонов. Древний Дербент. СА, VIII, 1946, стр. 143.

[9] Л. С. Бретаницкий. Зодчество Азербайджана XII—XV вв., М., 1966, стр. 159—160.

[10] Очерки истории Дагестана. I, Махачкала, 1957, стр. 33 и 35.

Кроме того, нельзя не отметить, что план Джума-мечети не имеет аналогий среди христианских храмов Кавказа IV—VI вв. [11]

О том, что в Дербенте издавна жили христиане, сообщают многие авторы: Адам Олеарий, проезжавший через Дербент в 1638 г. [12], русский купец Котов, проезжавший через Дербент в 1623 г. [13], участвовавший в персидском походе Петра I И. Г. Гербер [14]. По-видимому, христиане жили в городе на всем протяжении его истории, подвергаясь в отдельные периоды гонениям, о чем неоднократно сообщают авторы. Возможно, что в такие периоды в Дербенте действительно разрушались христианские храмы или они превращались в мечети, причем впоследствии предание могло связать такой факт с Джума-мечетью.

Однако нельзя не отметить и того обстоятельства, что со временем местное христианское предание видоизменялось.

Сначала (Олеарий, XVI в.) речь идет только о разрушении христианской части города. Затем (начало XVIII в. [15]) выделяется рассказ о превращении армянской церкви в мечеть и лишь в конце XVIII—XIX вв. это предание начинает связываться с Джума-мечетью.

Таким образом, как видим, письменные источники не дают основания определенно утверждать, что Джума-мечеть перестроена из христианского храма.

Не приводит к такому заключению и сравнение плана этого здания с другими церковными постройками Кавказа (в частности, армянскими и грузинскими).

Остаются, однако, другие невыясненные вопросы. Во-первых, Джума-мечеть действительно напоминает по своей объемно-пространственной композиции ранние христианские базилики, но, как это ни странно, не кавказские, а сирийские. Во-вторых, план этой мечети не только довольно своеобразен, но и дает некоторые основания для предположения о разновременности строительства его купольной и базиликальной частей. В-третьих, как быть с отмечавшимся многими авторами сходством кладки стен мечети и крепостных стен, а также с «остатками алтаря»?

Рассмотрим последовательно все эти вопросы.

Действительно, как могло случиться, что Джума-мечеть напоминает раннехристианские сирийские базилики?

Арабская колонизация приморских районов Южного Дагестана относится к VIII в., причем арабы придавали большое значение Дербенту, рассматривая его не только как пограничную крепость, но и как центр распространения ислама в Дагестане и важнейший торговый центр.

Арабский автор второй половины X в. Ал-Мукадасий, сообщая о мечетях в Дербенте, выделяет «соборную мечеть посреди площади» [16].

Местные мусульманские хроники приписывают распространение ислама в Дагестане и строительство мечетей в Дербенте и в других населенных пунктах арабскому военачальнику Масламе, который в 727—734 гг. предпринял поход в Дагестан.

В «Дербент-намэ» (историческая хроника XVII—XVIII вв.) сообщается, что Маслама, вступив в Дербент, возобновил его укрепления, «большинство жителей он обратил в мусульманство и, разделив их на семь кварталов, построил в каждом по одной мечети, которые, по именам преобладающих в каждой части племен, получили названия: первая — Ха-

---

[11] Н. Г. Буниатов, Ю. С. Яралов. Архитектура Армении. М., 1950, стр. 29—64; Н. П. Северов. Памятники грузинского зодчества. М., 1947, стр. 169—170.

[12] Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, стр. 486.

[13] Хождение купца Федота Котова в Персию. М., 1958, стр. 71.

[14] И. Г. Гербер. Описания стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728. Сб. «История, география и этнография Дагестана», стр. 86.

[15] Е. И. Козубский. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906, стр. 306.

[16] СМОМПК, XXXVIII, Тифлис, 1909, стр. 9.

зарской, вторая — Палестинской, третья — Дамасской, четвертая — Хамасской, пятая — Кайзарской, шестая — Джазаир и седьмая — Мосульской. Кроме этих была построена еще большая (кафедральная) мечеть, Месчид-Джами, для совершения общего намаза по пятницам» [17].

Важно также отметить, что в «Дербент-намэ» ничего не сообщается о перестройке под мечеть старых зданий.

«Дербент-намэ» сообщает, что после похода в Дагестан Маслама, «оставив в нем гарнизон в пять тысяч отборного войска, возвратился в Сирию».

О том, что арабы переселили в Дербент мусульман из Сирии, сообщают и другие авторы. Так, например, Гасан Алкадари (автор XIX в.) пишет, что в VIII в. арабы переселили в район Дербента 7000 мусульман из Сирии, Месопотамии и Мосульского округа [18]. Е. И. Козубский, ссылаясь на сведения Табари, пишет, что Маслама разделил город на четыре квартала, отдав их выходцам из Сирии, Дамаска, Джезире и племени Хемс [19].

Тот факт, что первые мусульмане в Дербенте были выходцами из Сирии, где находился политический центр Омейядского халифата (661—750 гг.), может помочь объяснить загадку, связанную с типом здания Джума-мечети.

Дело в том, что в начальный период распространения ислама первые мечети часто перестраивались из христианских храмов, что повлияло на тип раннего мусульманского культового здания. Причем вытянутые в направлении восток — запад трехнефные сирийские базилики как бы оказались повернутыми на 90°, так как вместо устроенных в торцевых стенах алтаря (на востоке) и входа (на западе) михроб стал располагаться в центре южной продольной стены (что в условиях Сирии соответствовало ориентации в сторону Мекки), а вход и галерея с севера. Таким образом характерные для сирийских базилик продольные нефы превратились в поперечные [20].

«Именно так, — пишет В. Л. Воронина, — была перестроена в 708 г. халифом Валидом из древней христианской базилики Большая мечеть Дамаска, причем михраб устроен в продольной южной стене, а двухъярусные аркады разделили здание на поперечные нефы, открытые на север. Эта мечеть, будучи объектом подражания в строительстве арабов на берегах Средиземного моря, сыграла видную роль в формировании местных архитектурных школ средневековья» [21].

По-видимому, в тот период (первая половина VIII в.) этот тип мечети оказал влияние на культовое строительство арабов не только в районе Средиземного моря, но и на Кавказе.

Если исключить купольную часть Джума-мечети, то ее план очень напоминает сирийские базилики.

Однако в Джума-мечети есть существенные отличия как от сирийских базилик, так и от развившихся под их влиянием ранних мусульманских мечетей. Во-первых, арки между столбами Джума-мечети перекинуты не вдоль нефов, а поперек. Во-вторых, центральный пролет между столбами у Джума-мечети в полтора раза шире остальных. В-третьих, в Джума-мечети кроме трехнефной части имеется развитая подкупольная часть.

Е. И. Козубский, не соглашаясь с Клапортом, поддерживавшим предание о перестройке Джума-мечети из христианского храма на том основании, что она не похожа на другие мечети, пишет: «Не говоря уже о том,

---

[17] Тарихи Дербент-намэ. Тифлис, 1908, стр. 78—79.

[18] Гасан Алкадари. Книга Асари-Дагестан. СМОМПК, 46, Махач-Кала, 1929, стр. 34.

[19] Е. И. Козубский. Ук. соч., стр. 29.

[20] K. A. C. Creswell. Early Muslim Architecture. I. Oxford, 1932, стр. 100—143 и др.

[21] Всеобщая история архитектуры, I, М., 1958, стр. 534.

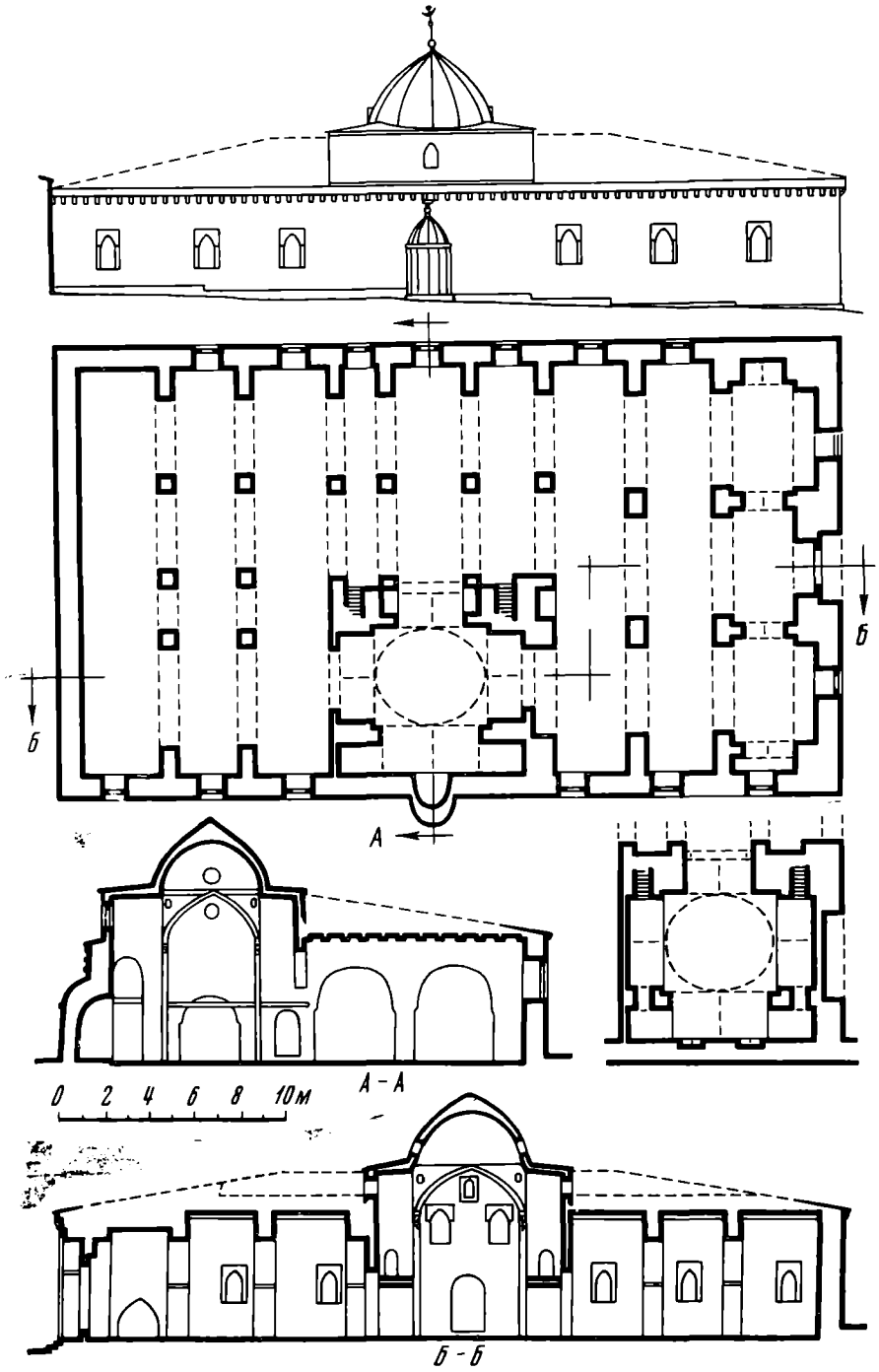


Рис. 10. Мечеть в Кумухе: южный фасад, план, план на уровне второго яруса (хоры) и разрезы. Чертеж по обмерам 1953 г.

что точно такие же мечети существуют в Мосуле и Кумухе, расположение дербентской мечети не согласно со строением христианских храмов» [22].

Что касается сходства Джума-мечети с мечетью в Мосуле, то нельзя не отметить, что среди арабских переселенцев в район Дербента были жители Мосула. Об этом пишут не только местные хроники, но и древние арабские авторы, например Истахри (первая половина X в.) [23].

Однако следует учитывать, что мечеть в Мосуле неоднократно перестраивалась, причем ее план, который действительно очень близок плану дербентской Джума-мечети, сформировался лишь в XII в. [24]

[22] Е. И. Козубский. Ук. соч., стр. 302.
[23] СМОМПК, XXIX, Тифлис, 1901, стр. 31.
[24] F. Sarre und E. Herzfeld. Archaölogikal Reise in Euphrat und Tigrus gebiet. III, Berlin, 1920, табл. 88.

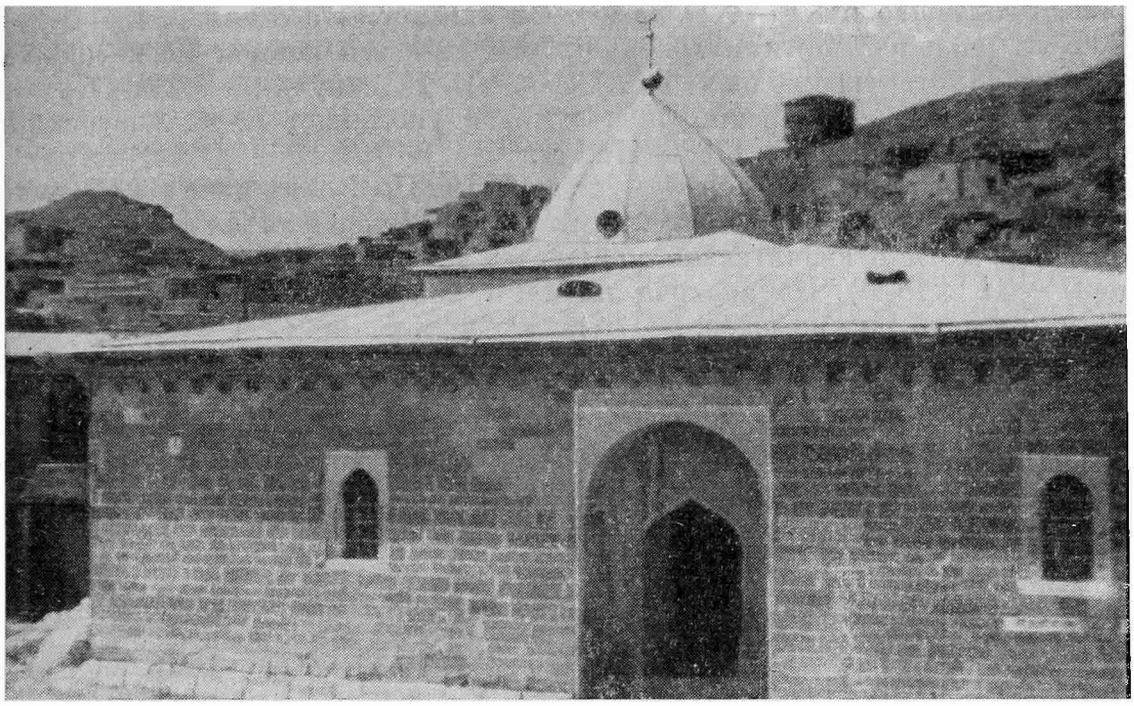


Рис. 11. Мечеть в Кумухе: восточный фасад (фото 1953 г.)

Мечеть в дагестанском ауле Кумухе (рис. 10 и 11) также имеет много общего с дербентской Джума-мечетью. О времени ее сооружения в литературе давно идет спор. Основываясь на местных преданиях, Гасан Алкадари пишет, что Маслама в первой половине VIII в. построил мечети не только в Дербенте, но и в горных аулах, в том числе в Кумухе [25]. Однако переводчик его работы А. Гасанов не согласен с этим утверждением и пишет, что это могло иметь место лишь два — три века спустя [26].

М. С. Саидов, соглашаясь с мнением Минорского, что жители Кумуха приняли христианство в начале XII в., приходит к выводу, что «лакцы приняли ислам не раньше X века» [27].

В кумухской мечети есть сделанная в 1906 г. надпись, в которой говорится, что она построена в 778—779 гг. Другая надпись сообщает, что «действительно мечеть эта построена» в 1738—1739 гг.[28]

Д. С. Габиев, не соглашаясь с мнением Л. И. Лаврова о том, что мечеть в Кумухе датируется VIII веком, пишет «что она построена в XVII в. Мухамед-ханом... рядом стена в стену с маленькой молельной, построенной действительно в VIII в. при арабах». [29] Отвечая Габиеву, Л. И. Лавров в свою очередь утверждает, что датировка мечети VIII в. «подтверждается архитектурными особенностями мечети, арабской надписью на стене и общеисторическими соображениями... Как и большинство других аналогичных старинных зданий, кумухская Джума-мечеть подвергалась неоднократным перестройкам и расширению (в 1421/22, 1788/89 и 1905/06 гг.), но эти переделки не уничтожили очень старых ее архитектурных особенностей» [30].

По мнению Л. И. Лаврова, ислам в лакские районы «был занесен... вскоре после появления арабов в Дагестане, а окончательное его утверж-

---

[25] Гасан Алкадари. Ук. соч., стр. 30.

[26] Там же, стр. 181.

[27] М. С. Саидов. О некоторых памятниках материальной культуры в лакских районах ДА ССР. Уч. зап. ИИЯЛ, III, Махачкала, 1957, стр. 131.

[28] Там же, стр. 124.

[29] Д. Е. Габиев. Рец. Народы Дагестана. М., 1955, МЭГ, IX, Тбилиси, 1957, стр. 246.

[30] Л. И. Лавров. Ответ Д. Е. Габиеву. СЭ, 1958, 2, стр. 174.

дение произошло в XI — XII вв.» [31]. Он считает, что сделанная в 1905—1906 гг. надпись на кумухской мечети является копией более древней надписи (которую видели в XIX в. Д. Н. Анучин, Б. Д. Бутаев, А. М. Алиханов — Аварский и о которой упоминает Е. И. Козубский), возможно относящейся к 1788—1789 гг. [32]

Мы обследовали мечеть в Кумухе в 1953 г. По своему плану и объемно-пространственной композиции кумухская мечеть очень напоминает дербентскую, хотя и значительно меньше ее по размерам (внутренние размеры — 31 × 18 *м*). Из анализа плана и конструкций мечети в Кумухе можно сделать ряд выводов.

В первую очередь следует отметить, что в мечети ясно видны различные по времени части. Наиболее древними можно считать восточную и подкупольную части мечети, где применены стрельчатые арки.

При капитальной перестройке мечети были, по-видимому, сохранены ее основные габариты. Однако бóльшая часть наружных стен была возведена заново, а южная стена была даже отодвинута на метр. Заново были сооружены и 12 из 14 внутренних столбов, все полуциркульные арки и т. д.

Если распространить на весь интерьер мечети формы древней восточной секции, то мы получим три одинаковых по ширине нефа, где арки перекинуты между столбами в продольном направлении (перекрывая меньшие пролеты), а сами нефы перекрыты сводами. В дербентской мечети все сделано как раз наоборот. Кроме того, в отличие от дербентской мечети, в кумухской мечети купольная часть не выступает из общего объема здания.

Следовательно, кумухская мечеть является не просто подражанием дербентской, а наряду со сходством имеет и свои существенные особенности, которые делают ее даже более органичной для этого типа зданий — одинаковая ширина нефов, арки вдоль продольной оси, купольная часть в пределах прямоугольной формы плана.

Таким образом, одна из древнейших мечетей Дагестана, которая по преданию была построена одновременно с дербентской Джума-мечетью, близка к ней по своему типу.

Конечно, не исключена возможность, что кумухская мечеть строилась по типу дербентской в более позднее время (например, в XV или XVIII вв.) и что сам тип дербентской мечети сформировался постепенно в ходе ее перестроек.

Анализ кладки стен и перекрытий Джума-мечети показывает, что она неоднократно капитально перестраивалась.

К древнейшей кладке относится каменная кладка нижних частей южной, западной и северной стен и кладка внутренних столбов. В печати неоднократно отмечалось, что эта кладка близка к кладке дербентских крепостных стен, и на этом основании ее предлагали даже датировать VI веком. Однако при близости к древнейшей кладке дербентских стен, кладка нижних частей Джума-мечети имеет и существенные отличия. Во-первых, ее камни в противоположность кладке крепостных стен, имеют геометрически правильную форму, а во-вторых, кроме рядов с чередованием ложков и тычков в кладке Джума-мечети имеются ряды из камней, положенных плашмя. А такой тип кладки был характерен для второго периода строительства дербентской оборонительной системы (горная стена между Джалганским хребтом и с. Митаги [33], утолщенная куртина северной городской стены Дербента), строительные традиции которого сохранились и в период арабского господства в Южном Дагестане. Об этом,

[31] Л. И. Лавров. Эпиграфические памятники Северного Кавказа..., Надписи X—XVII вв., стр. 182.

[32] Л. И. Лавров. Эпиграфические памятники Северного Кавказа..., II, Надписи XVIII—XX вв., М., 1968, стр. 74, 146.

[33] С. О. Хан-Магомедов. Раннесредневековая горная стена в Дагестане. СА, 1966, 1, стр. 227—243.

например свидетельствует тип кладки мавзолея в с. Карчаг[34], построенного, во всяком случае, после появления арабов в Дагестане.

Перестройка мечети относится к XIV веку, что подтверждается не только надписью в ее портале, но и сравнением архитектурных деталей Джума-мечети с формами, характерными для ширванской архитектуры этого периода.

Джума-мечеть до ее перестройки в XIV в. могла иметь балочное покрытие (возможно, даже по продольным аркадам). Это находит косвенное подтверждение в формах мечетей горных селений Южного Дагестана, тип которых восходит к первым мечетям, появившимся в Дагестане в период распространения ислама.

Мечети горных районов Южного Дагестана представляют собой, как правило, вытянутые в направлении восток-запад прямоугольные здания с двумя рядами деревянных столбов, поддерживающих плоское перекрытие, и михрабом — нишей в центре южной стены.

О том, что подобный тип мечети в Южном Дагестане утвердился со времен арабского завоевания, свидетельствует мечеть в одном из древнейших горных селений Кара-Кюре. Местные предания и основанное на них сообщение Гасана Алкадари[35] называют Кара-Кюре в числе тех горных селений, где Маслама в первой половине VIII в. построил мечети.

Мечеть в с. Кара-Кюре, которую мы обследовали в 1952 г., по своим размерам является одной из самых крупных в Южном Дагестане[36]. Она неоднократно перестраивалась и сейчас находится в полуразрушенном состоянии. Мечеть состоит из обширного прямоугольного зала размером около 300 *м*^{2} и небольших помещений при входе. Древнейшая часть мечети — шесть каменных столбов внизу квадратного (1×1), а вверху круглого сечения; высота столбов 4,2 *м*. Столбы делят внутреннее пространство мечети на три нефа шириной 4 *м* (такая же ширина боковых нефов Джума-мечети).

А. Р. Шихсаидов сообщает, что на нижних частях столбов мечети в Кара-Кюре имеются трудные для чтения надписи, выполненные «вычурным куфическим письмом, бытовавшим в X—XI вв.»[37]. Эти части столбов покрыты орнаментальным стуковым рельефом. П. М. Дебиров считает, что Джума-мечеть также должна была быть украшена внутри стуковыми рельефами, однако он почему-то относит время ее строительства к XI—XII векам[38].

Можно отметить и близость размеров и форм нижней части столбов мечети в Кара-Кюре и столбов дербентской Джума-мечети: и те, и другие сложены из камня и имеют квадратное сечение около 1×1; высота столбов в Кара-Кюре 1,7 *м*, в Дербенте от 1,55 до 2,3; завершаются столбы квадратной капителью (в Дербенте профилированной —10 *см* высоты, в Кара-Кюре в виде полочки —8 *см*).

Однако, в отличие от Джума-мечети и большинства мечетей Южного Дагестана, михраб в мечети Кара-Кюре расположен не в продольной, а в поперечной стене, но это вызвано условиями рельефа места, выбранного для сооружения мечети (гребень холма). Кстати, такое же расположение михраба имеет и построенная на таком же по рельефу участке соборная мечеть Цахура (возможно, перестроенная из более древней), одного из древнейших центров распространения ислама в Дагестане[39].

---

[34] Г. Н. Любимова и С. О. Хан-Магомедов. Народная архитектура Южного Дагестана. М., 1956, стр. 97.

[35] Гасан Алкадари. Ук. соч., стр. 30.

[36] С. О. Хан-Магомедов. Лезгинское народное зодчество. М., 1969, стр. 140—147.

[37] А. Р. Шихсаидов. Распространение ислама в Южном Дагестане в X—XV вв. Уч. зап. ИИЯЛ, VI, Махачкала, 1959, стр. 138.

[38] П. М. Дебиров. Архитектурная резьба Дагестана. М., 1966, стр. 12.

[39] С. О. Хан-Магомедов. Архитектура цахуров. «Архитектурное наследство», 13, М., 1961, стр. 57.

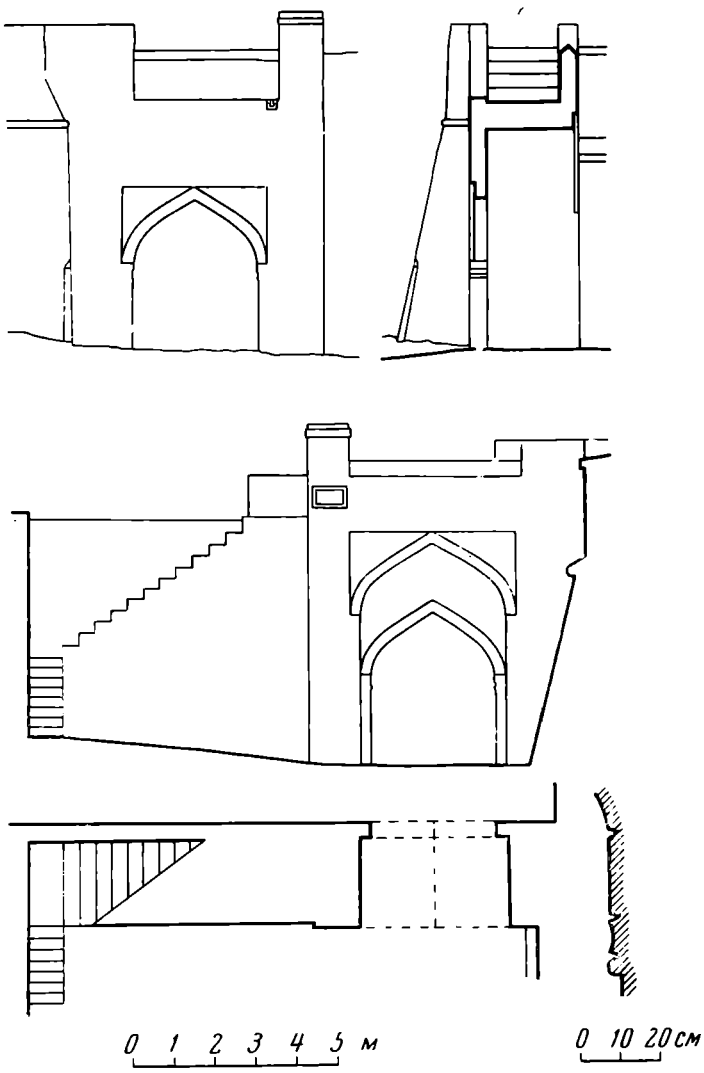


Рис. 12. Восточные ворота комплекса Джума-мечети: восточный и западный фасады, разрез, план, профиль (камень пяты арки). Чертеж по обмерам 1949 г.

Ряд авторов, как уже отмечалось выше, поддерживая версию о перестройке Джума-мечети из христианского храма, выдвигают в качестве аргумента предположение о том, что кирпичная пристройка к восточной стене мечети является остатками алтаря.

В 1949 г., когда мы начали обследование Джума-мечети, эта пристройка еще существовала, хотя и находилась в полуразрушенном состоянии. Судя по развалинам, пристройка примыкала вплотную к восточной стене мечети и состояла из трех помещений, два боковых из которых были перекрыты кирпичными сводами, а среднее имело плоское перекрытие.

На сохранившейся в архитектурном музее фотографии [40] видно, что среднее помещение пристройки открывалось на восток большим арочным проемом и соединялось дверьми с боковыми помещениями, которые имели с восточной стороны прямоугольные окна. Кроме того, центральное помещение имело дверной проем в сторону мечети, ведущий согласно обмеру М. И. Артамонова [41] в узкое пространство между стенами пристройки и Джума-мечети. Нижняя часть восточной стены пристройки представляла собой подпорную стенку из тесаного камня, за которой находилось помещение полуподвального этажа, также перекрытое кирпичными сводами.

Пристройка имела ширину около 12 *м*, примыкала к центральной части восточной стены Джума-мечети и была ниже ее на 2—3 *м*.

Судя по обмеру М. И. Артамонова, из пристройки дверь вела в северный (распределительный) неф мечети (сейчас этой двери нет), это дает возможность предположить, что с восточной стороны мечеть имела еще один вход для молящихся или же что в пристройке размещались подсобные помещения мечети.

Вместе с тем анализ архивных материалов позволяет сделать и другое предположение. Дело в том, что восточный фасад мечети примыкал к поперечной крепостной городской стене, снесенной лишь в конце XVIII— начале XIX в. По-видимому, существующие восточные ворота (рис. 12—13)

[40] Государственный музей архитектуры им. Щусева, № 9778.
[41] М. И. Артамонов. Ук. соч., стр. 142.

комплекса Джума-мечети были одними из ворот этой поперечной городской стены. Со стороны двора мечети в кладке ворот помещена надпись, в которой сообщается, что они были восстановлены в 1018 г. хиджры (1609—1610 гг.) во время правления шаха Аббаса I [42].

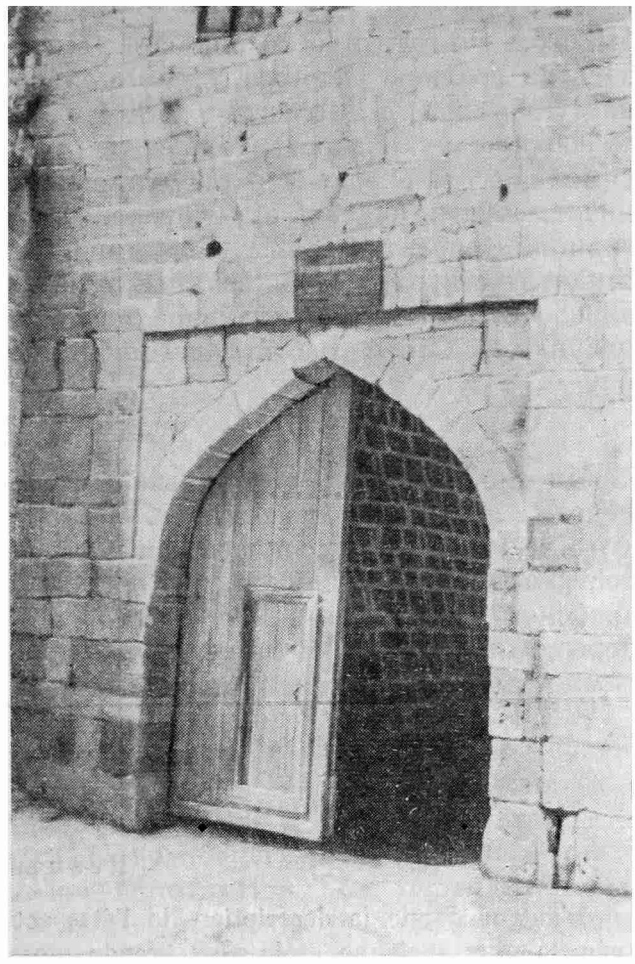


Рис. 13. Восточные ворота комплекса Джума-мечети (фото 1957 г.)

В том месте, где до начала 1950-х годов сохранялись развалины пристройки к Джума-мечети, на всех планах Дербента XVIII в. показана прямоугольная башня поперечной стены, выступающая в восточную сторону.

На хранящихся в ЦГВИА подробных чертежах дербентских стен (1720-е годы) с планами и разрезами всех башен и ворот крепости [43] лишь в четырех башнях показаны внутренние помещения [44]. И одна из них — это башня, примыкавшая к Джума-мечети. По ширине размеры башни совпадают с размерами пристройки. Южная и северная стены башни показаны толщиной около 3 *м* (они соответствуют перекрытым сводами боковым помещениям пристройки), а внутреннее пространство — открытое сверху — имеет ширину около 4 *м* (среднее помещение пристройки). Значительно более тонкой (около 1 *м*) показана на чертеже восточная стена башни. Важно отметить и еще одно обстоятельство. В отличие от других башен городских крепостных стен, изображенных на архивном чертеже, стены башни у Джума-мечети отделены от крепостной стены линией, т. е. башня изображена как бы пристроенной к стене, а не составляет с ней единое целое. Также на этом чертеже изображена и одна из башен (сохранившаяся) северной городской стены, действительно пристроенная к стене в более позднее время.

В настоящее время Джума-мечеть не имеет минарета, не сохранилось и никаких следов, доказывающих его существование в прошлом. Почти все авторы, писавшие о мечети, не упоминают о минарете. Нет минарета на рисунке Олеария (1638 г.) и на гравюре Оттенса (1726 г.). Однако посетивший Дербент в 1825 г. профессор Казанского университета Эйхвальд пишет, что Джума-мечеть имеет большой минарет [45], хотя в помещенном в его книге изображении Дербента, датированным 1796 г., минарет у ме-

---

[42] Л. И. Лавров. Эпиграфические памятники Северного Кавказа..., I, Надписи, X—XVII вв., стр. 157.

[43] ЦГВИА, ф. 349, оп. 12, д. 1961—1963.

[44] С. О. Хан-Магомедов. Стены и башни дербентской крепости. «Архитектурное наследство», 17, М., 1964.

[45] Е. И. Козубский. Ук. соч., стр. 163.

чети не показан[46]. Поэтому упоминание Эйхвальдом о минарете можно было бы считать просто ошибкой, если бы такая же «ошибка» не появилась на гравюре Осипова, сделанной по рисунку Г. Сергеева, изображавшему общий вид Дербента в 1796 г.[47] Хотя на этой гравюре многие детали не соответствуют действительности (например, двухскатные крыши жилых домов), все же вопрос о существовании в прошлом минарета у Джума-мечети нельзя считать окончательно решенным. Бесспорно одно, что посетивший Дербент в 1842 г. Березин не видел минарета, о чем убедительно свидетельствует опубликованный в его книге[48] рисунок Джума-мечети — первое относительно детальное изображение мечети. Нет минарета и на рисунке Б. Тимма, побывавшего в Дербенте в 1849 г.[49]

* * *

Многие вопросы, связанные со строительством дербентской Джума-мечети, еще ждут выяснения. Однако уже сейчас можно утверждать, что Джума-мечеть строилась как мусульманское культовое здание, а не перестраивалась из церкви, что ее древнейшие части восходят к периоду арабского господства в Дагестане (VIII—X вв.), что мечеть неоднократно перестраивалась и ремонтировалась, причем ее объемно-пространственная композиция сложилась в основном лишь в XIV веке.

S. O. Khan-Magomédov

DJOULA-MOSQUÉE A DERBENT

Résumé

L'auteur donne la description de l'état actuel et la reconstruction de Djoula-mosquée, la plus ancienne et la plus grande mosquée du Daghestan. Après l'analyse des renseignements existants, l'auteur conclut que l'opinion sur l'utilisation d'un temple chrétien pour la construction de la mosquée est fausse. L'affinité de certains traits avec un temple chrétien peut être expliquée par l'influence de l'architecture chrétienne de Syrie sur celle de la première période musulmane.

Les plus anciennes parties de Djoula-mosquée se rapportent aux VIII—X ss., mais elle a été reconstruite plusieurs fois, et sa composition spatiale ne s'est formée au fond qu'au XIV s.

---

[46] E. Eichwald. Reise auf dem Caspischen Meere und in den Caucasus. Stuttgart und Tübingen, 1834.

[47] Жизнь Артемия Араратского. II, СПб., 1813, стр. 114.

[48] И. Н. Березин. Путешествие по Дагестану и Закавказью. I.

[49] «Русский художественный листок», 1852, № 20.

Заметки

Л. В. КОЛЬЦОВ

ПЕРВАЯ МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА В БАССЕЙНЕ КЛЯЗЬМЫ

В 20-х годах Б. Н. Граков обследовал стоянку каменного века в районе сел Холуй и Мордовское Южского района Ивановской области. В 1961 г. М. П. Зимина вновь посетила эти места, причем были уточнены условия нахождения памятников. В 1964 г. окрестности с. Мордовского были обследованы автором. Подъемный материал был собран в восьми пунктах.

Все памятники располагаются на правом берегу р. Тезы, левого притока Клязьмы. В районе с. Мордовское вплотную к Тезе подходит первая надпойменная терраса, которая у села делает резкий поворот и идет почти под углом 90° к руслу реки. Памятники, обследованные Б. Н. Граковым и М. П. Зиминой, лежат на дюнах, расположенных в излучине первой надпоймы, на пойме. Между дюнами, идущими параллельно реке, и первой надпоймой сохранилась старица р. Тезы, которая лежит вдоль современной первой надпоймы и указывает на древнее положение русла реки. Таким образом, дюны, вероятно, являются останцами первой надпоймы бывшего левого берега р. Тезы. Первая надпойма возвышается над уровнем реки на 12 *м*, верхняя поверхность дюн — на 10 *м*.

Памятники располагаются на дюнах и первой надпойме. В настоящей работе нас будет интересовать, главным образом, один пункт, расположенный на дюнах, идущих параллельно реке. М. П. Зимина собрала с него довольно большой подъемный материал, но, к сожалению, стратиграфию установить ей не удалось: площадь памятника была засажена картофелем. Во время нашего обследования в 1964 г. памятник был засеян рожью, поэтому даже сбор подъемного материала оказался невозможен.

В коллекции 1961 г. (М. П. Зиминой) 9 нуклеусов и сколов с них, 31 орудие, 65 ножевидных пластин, 418 отщепов и осколков. Материалом для изготовления орудий служил светлый меловой кремень хорошего качества, а также коричневый и зеленоватый валунный кремень. Все нуклеусы небольших размеров (что свидетельствует о малых размерах сырья), изготовлены из мелового кремня. Делятся на несколько типов. Три из них относятся к типу конических (рис. 1, *23, 27, 29*). Они имеют скошенные площадки. Площадка обработана только у одного из них. С двух скалывались ножевидные пластинки, с одного — отщепы. Длина их 2—2,3 *см*. Два нуклеуса принадлежат к типу призматических. И тот, и другой с двумя ударными площадками, причем у одного подработаны обе площадки, а у другого — одна, меньшая. Все площадки скошены. С этих нуклеусов скалывались ножевидные пластинки (рис. 1, *28, 30*). Один нуклеус от отщепов неправильной формы относится к типу нуклеусов с изменяющейся ориентацией. Площадки сильно сработаны (рис. 1, *22*). Последний,

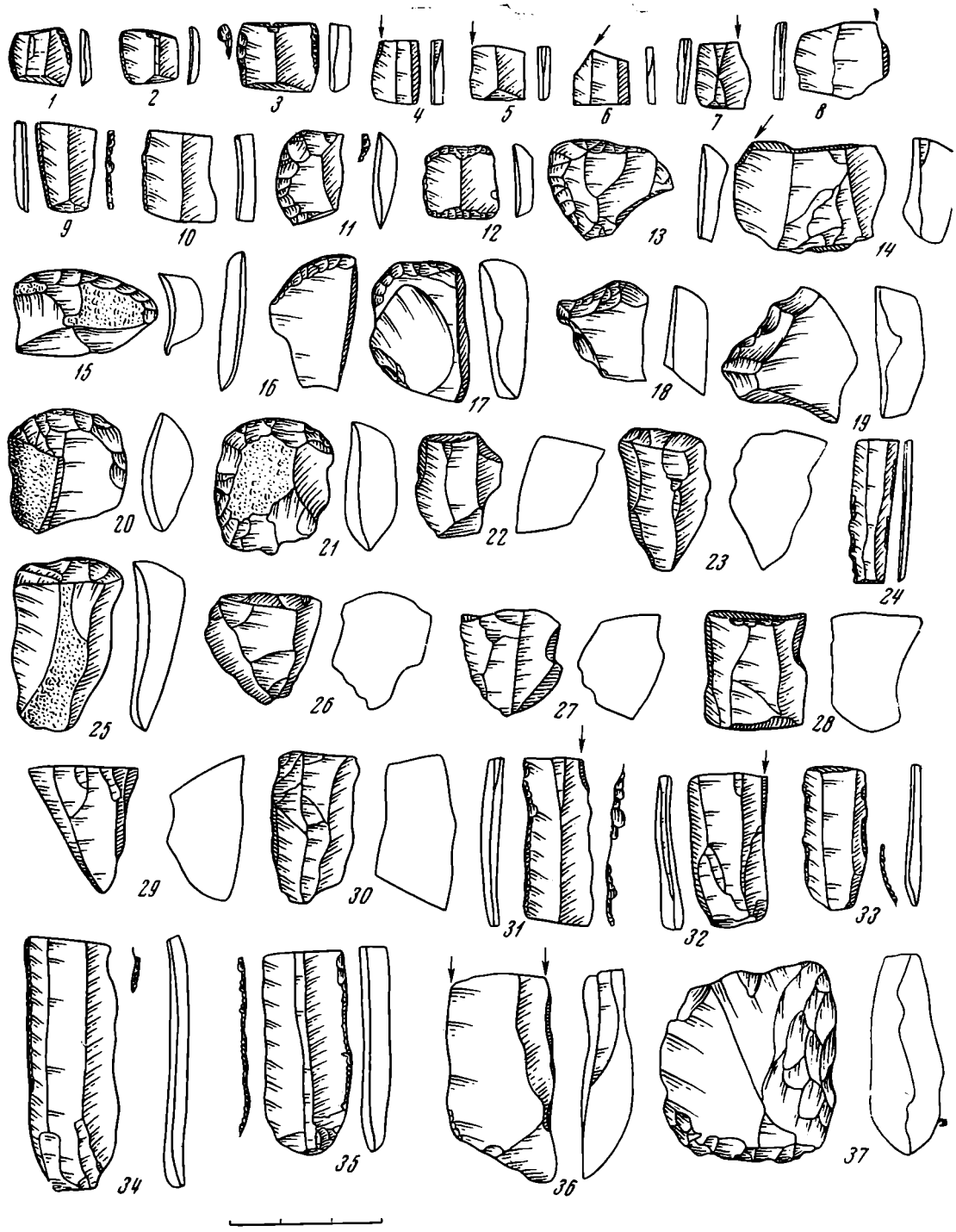


Рис. 1. Каменный инвентарь стоянки Мордовское.

1—3, 9, 10, 24, 34, 35 — вкладыши; *4—8, 14, 31, 32, 36* — резцы; *11* — проколка; *12, 13, 15—17, 20, 21, 25* — скребки; *18, 19, 33* — скобели; *22, 23, 26—30* — нуклеусы; *37* — обломок топоровидного орудия

седьмой, нуклеус с одной скошенной площадкой не имеет четко выраженной формы. С него скалывались отщепы (рис. 1, *26*). Кроме того, в коллекции есть скол с площадки довольно большого нуклеуса от ножевидных пластин (площадка была специально подработана) и боковой скол, сделанный для оживления нуклеуса, также больших размеров.

Скребков найдено восемь. Один из них концевой на грубой массивной ножевидной пластине со следами желвачной корки на спине (рис. 1, *25*). Рабочий край довольно высокий и крутой, почти прямой, обработан крупнофасеточной ретушью, имеет заметные следы сработанности. Еще три концевых скребка (рис. 1, *15—17*) изготовлены на отщепах. Два из них

имеют крутые, слегка выпуклые рабочие края, обработанные довольно мелкой ретушью, причем один из скребков по своим пропорциям принадлежит к типу коротких (ширина больше длины). Третий имеет относительно пологий, скошенный влево рабочий край, обработанный мелкофасеточной ретушью. Три скребка изготовлены на отщепах (рис. 1, *13, 20, 21*) и относятся к типу подокруглых. Рабочие края довольно крутые, у двух скребков обработаны мелкофасеточной, а у одного крупнофасеточной ретушью. Два из них носят следы желвачной корки на спинке. Восьмой скребок двойной, изготовлен на мелком обломке ножевидной пластинки, имеет почти прямые рабочие края (один слегка вогнут), обработанные ретушью с миниатюрными фасетками. Небольшой размер орудия заставляет думать, что оно употреблялось вставленным в деревянную или костяную рукоятку (рис. 1, *12*).

В коллекции девять резцов. Все они относятся к типу угловых. Однако по характеру заготовок их можно подразделить на три подтипа. Два резца изготовлены на длинных ножевидных пластинках. Один имеет длинный (1,7 *см*) резцовый скол (рис. 1, *32*), второй — короткий (0,4 *см*). У этого последнего орудия края пластины обработаны мелкой крутой ретушью, что придает им зазубренность (рис. 1, *31*); на краю, противоположном резцовому сколу, такой же ретушью образована узкая и глубокая выемка. (Это орудие могло, вероятно, употребляться в качестве скобеля.) Еще пять резцов изготовлены на сечениях ножевидных пластин. Все они имеют короткие резцовые сколы (0,3—0,5 *см*). У одного из них резцовый скол нанесен несколько под углом к продольной оси орудия (рис. 1, *4—8*). Еще два резца изготовлены на массивных отщепах. Они имеют относительно короткие резцовые сколы (рис. 1, *14, 36*).

Два из найденных скобелей изготовлены на массивных отщепах (рис. 1, *18—19*). Они имеют широкие и мелкие выемки, обработанные крутой ретушью с мелкими фасетками. Третий скобель (рис. 1, *34*) изготовлен из ножевидной пластинки. Он имеет три выемки, сформованные мелкой крутой ретушью. На одном краю две выемки: одна широкая и мелкая, вторая — узкая и глубокая. Третья выемка на противоположном краю, она узкая и мелкая. Ретушь нанесена со спинки.

Сравнительно большой серией в коллекции представлены ретушированные ножевидные пластинки и сечения пластинок, служившие, вероятно, вкладышами (8 экз.). Обработаны мелкой крутой ретушью по краям. По характеру обработки выделяется несколько подтипов. Интересна длинная и широкая пластина, у которой один рабочий край ретушировал со спинки, а второй — с брюшка (рис. 1, *35*). Вторая такая же по размеру и пропорциям пластинка имеет частично ретушированные края, причем опять-таки один со спинки, а второй — с брюшка (рис. 1,*33*). Третья, длинная и узкая, пластинка частично ретуширована по краям со спинки (рис. 1, *24*). Сечение пластинки (рис. 1, *9*) обработана по одному краю со спинки, а по другому — с брюшка. Два сечения пластинок (рис. 1, *2, 10*) обработаны со спинки по одному краю, а два других (рис. 1, *1, 3*) — по обоим краям.

Найдено оригинальное орудие (рис. 1, *11*), служившее, по-видимому, проколкой. Это небольшой отщеп, на двух соприкасающихся краях которого крупными фасетками нанесена крутая затупливающая ретушь, напоминающая скребковую, со спинки. С брюшка мелкой крутой ретушью сформована небольшая выемка, так что на углу отщепа получено острое клювовидное острие. Здесь же был найден обломок топоровидного орудия, обработанного грубыми сколами по обеим сторонам. Рабочее лезвие почти прямое, только по углам несколько скошено, на нем хорошо заметны следы работы (рис. 1, *37*).

Этот комплекс, несмотря на отсутствие наконечников стрел, носит четко выраженный мезолитический характер. Преобладание резцов над скребками, преобладание в группе резцов микропластинок с резцовым сколом, наличие значительной группы вкладышей, характер нуклеусов — все это мезолитические черты.

Среди скребков преобладают орудия, изготовленные на отщепах, в то время как среди резцов доминируют микропластинки с резцовым сколом; полностью отсутствуют резцы архаичных типов (боковые и срединные). В группе вкладышей преобладают сечения пластинок. Все это, учитывая наличие в комплексе грубого топоровидного орудия, позволяет отнести памятник ко второй половине мезолита Волго-Окского междуречья и синхронизировать его с памятниками типа среднего слоя стоянки Елин Бор [1].

В 250 *м* к юго-западу от стоянки Мордовское I автором в 1964 г. было открыто местонахождение, расположенное на первой надпойме и давшее незначительный подъемный материал, который, вероятно, тоже можно датировать мезолитическим временем. В 2 *км* к югу от с. Мордовского, на мысу первой надпоймы, на опушке леса было открыто еще одно позднемезолитическое местонахождение.

Находки в районе с. Мордовского не единственные мезолитические находки в междуречье Оки и Волги, хотя большинство мезолитических стоянок данной области лежит непосредственно на этих двух больших водных артериях. Тем не менее отдельные мезолитические поселения найдены и между ними. Кроме находок у с. Мордовского, это находка, сделанная Ю. А. Красновым у Звенигорода на р. Москве [2]. Эта последняя стоянка относится к концу мезолитического времени.

Следовательно, во второй половине мезолитической эпохи человек начинает осваивать не только долины Волги и Оки, но и бассейны их притоков. Каковы причины заселения этих лесных, по-видимому, труднодоступных в то время районов, еще не вполне ясно. Может быть, это количественное увеличение мезолитического населения и необходимость из-за этого освоения новых охотничьих угодий, а может быть, появление мезолитического человека в этих местах связано с преследованием стад северного оленя — одного из основных объектов охоты в то время.

---

[1] М. В. Воеводский и П. И. Борисковский. Стоянка Елин Бор. СА III, 1937; Л. В. Кольцов. Новые раскопки стоянки Елин Бор. МИА, 126, 1966.

[2] Ю. А. Краснов. Следы мезолита в долине Москвы-реки. СА, 1962, 1.

Ю. В. ТИТОВ

ОБ ОРНАМЕНТЕ КЕРАМИКИ ТИПА СПЕРРИНГС

В археологической литературе, касающейся изучения неолитических культур Восточной Европы, а также Карелии и Финляндии, многие исследователи выделяют керамику типа Сперрингс [1]. Она отличается от других типов керамики своеобразными элементами и орнаментальными мотивами. К настоящему времени известно около 130 поселений с керамикой этого типа, из них 89 поселений открыто на территории Карельской АССР. Поселения с керамикой типа Сперрингс относятся к неолиту, и большинство археологов не отрицает раннего появления этой керамики в Карелии и Финляндии.

В орнаменте керамики типа Сперрингс прослежены четыре основных элемента: 1) «отступающая лопаточка»; 2) оттиски грубой веревочки, намотанной на палочку; 3) неглубокие, часто поставленные оттиски своеобразного штампа, ряды которых создают иллюзию отпечатка плетеной тесьмы; 4) оттиски штампа, похожие на римские цифры I и II [2]. Некото-

---

[1] А. Я. Брюсов. История древней Карелии. М., 1940; Г. А. Панкрушев. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М.— Л., 1964; Н. Н. Гурина. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. МИА, 87, 1961; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.— Л., 1966; М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА, 29, 1952.

[2] Г. А. Панкрушев. Ук. соч., стр. 26.

рые исследователи выделяют еще один элемент — сдвоенный угловой штамп, создающий иллюзию «перевитой колючей проволоки» [3].

Кроме основных элементов в орнаменте керамики типа Сперрингс употребительны круглоконические ямки, ромбовидные вытянутые ямки, кольчатые вдавления и некоторые другие элементы.

Ранняя керамика типа Сперрингс представлена остродонными сосудами больших размеров, она толстостенная (от 0,8 до 1,5 *см*) слабого и сред-

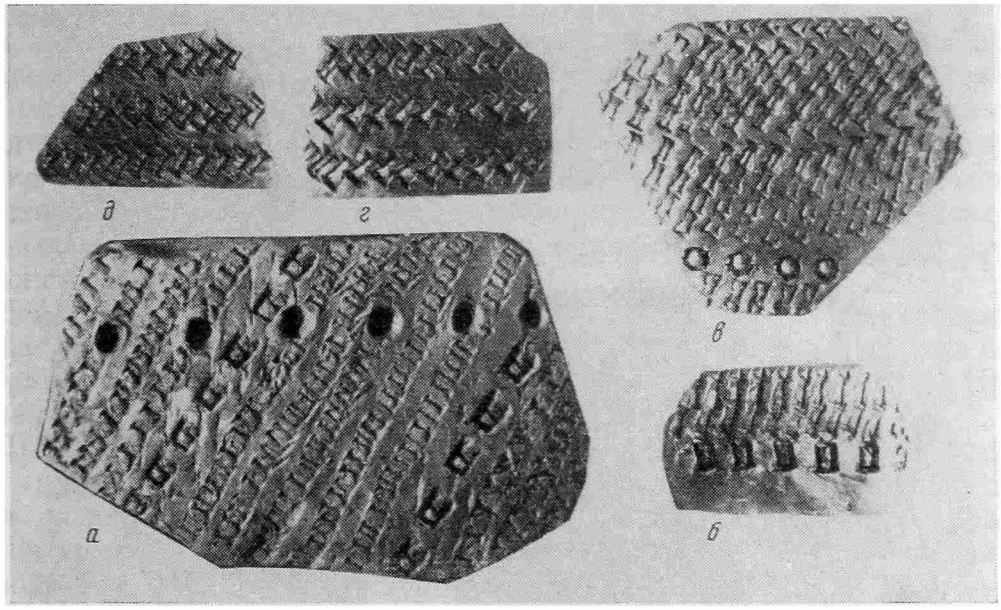


Рис. 1. Имитация орнамента на керамике типа Сперрингс, выложенная на пластелине путем оттисков рыбьих позвонков

него обжига. Тесто сосудов грубое, с обильной примесью дресвы. Характерная особенность сосудов этого типа — прямой, неорнаментированный, без утолщения венчик. Узоры орнамента на керамике типа Сперрингс довольно разнообразны, несмотря на немногочисленность элементов орнамента. По основному узору иногда редко расставлены круглоконические ямки.

Поздняя керамика типа Сперрингс представлена остродонными и круглодонными сосудами различных размеров. Сосуды в основном по-прежнему толстостенные, но встречаются и тонкостенные (от 0,5 до 0,8 *см*) с примесью мелкой дресвы в тесте. Обжиг значительно лучше. Форма венчика остается в основном прежней, но встречаются также сосуды с венчиками, отогнутыми наружу или вогнутыми внутрь сосуда, венчиками с округленным краем и др. Кроме узора, составленного из основных элементов орнамента, который украшает большую часть поверхности сосуда, в поздней керамике типа Сперрингс чаще встречаются круглоконические ямки, мелкие прямоугольной формы вдавления, вытянутые ромбовидные ямки и другие элементы. Эти дополнительные элементы занимают незначительное место в орнаменте, чаще всего располагаются в один-два ряда под венчиком и расставлены довольно редко. Ряд проведенных нами опытов позволил выяснить метод нанесения орнамента, похожего на оттиски плетеной «тесьмы», «перевитой колючей проволоки» и на римские цифры I и II (рис. 2, *1—5*). Своеобразным штампом, с помощью которого наносился этот орнамент, оказались позвонки рыб. Одиночными позвонками рыб наносился орнамент, элементом которого были римские цифры I и II (рис. 2, *1*). Орнамент, создающий иллюзию отпечатков «тесьмы», «перевитой колючей проволоки», наносился одинарными, сдвоенными, строенными или счетверенными позвонками, оттиски которых ставились близко

[3] Н. Н. Гурина. Ук. соч., стр. 50, 202.

друг к другу с небольшим наклоном (рис. 2, *3*, *4*). Кольчатые углубления (2, *2*) наносились торцевой стороной позвонка.

Для получения копий орнамента нами использованы позвонки щуки, окуня, плотвы и сига, т. е. той водной фауны, которая была характерна для Карелии и в эпоху неолита. Орнамент получен путем вдавления позвонков на гладкую поверхность пластилина (рис. 1, *а — д*). Таким образом, в орнаменте керамики типа Сперрингс можно выделить три основных

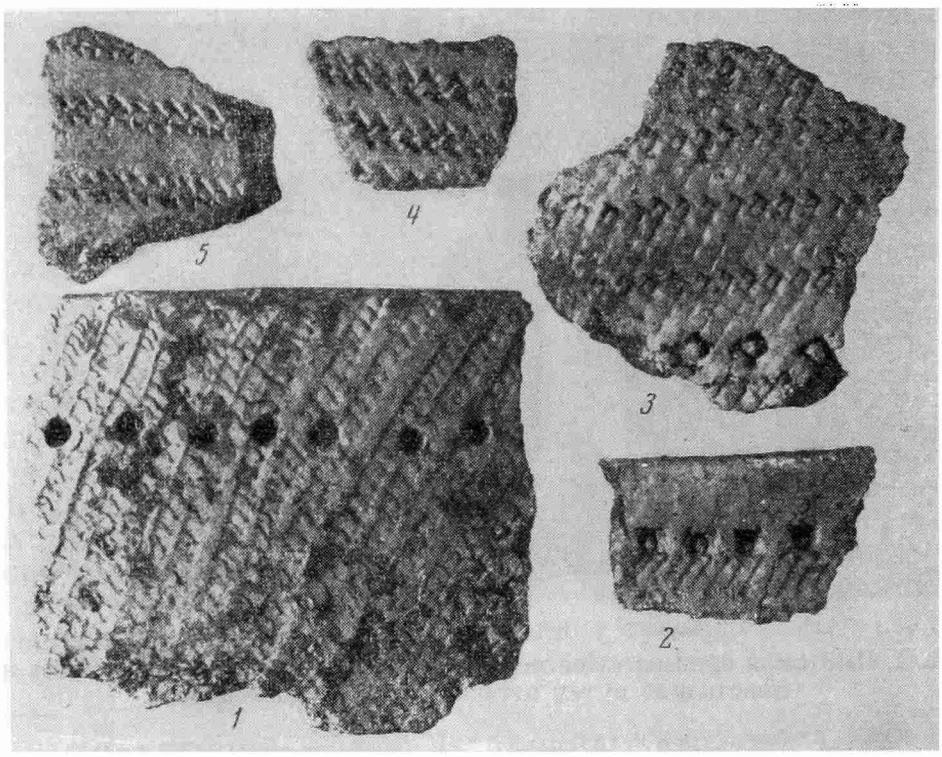


Рис. 2. Фрагменты керамики типа Сперрингс со стоянок Лахта III, Сулгу II, Сулгу III

элемента: «прочерченный» («отступающая лопаточка» и прочерченные сплошные линии), «позвонковый» и «веревочный».

О месте возникновения керамики типа Сперрингс нет единого мнения. Ряд исследователей считают местом ее появления область неолитических культур Прикамья, Приуралья и Зауралья [4], а по мнению Г. А. Панкрушева керамика этого типа местного происхождения, т. е. возникла у племен с эпохи мезолита населявших Карелию и Финляндию [5].

Как уже упоминалось, в керамике типа Сперрингс наряду с «прочерченным» и «веревочным» орнаментом широкое применение имел позвонковый орнамент. Из 9169 крупных фрагментов керамики этого типа, найденных в Карелии, 43% орнаментировано «позвонковым» орнаментом. Известно, что в уральско-камской керамике такой орнамент совершенно отсутствует. Некоторое сходство керамики типа Сперрингс с керамикой Урала и Зауралья прослеживается только по первому виду орнамента. На наш взгляд, это минимальное сходство не может служить основанием для вывода о происхождении керамики типа Сперрингс из этих восточных областей.

Архаичность данной керамики и отсутствие ее прототипов в других областях больше говорят в пользу предположения об автохтонном ее происхождении.

---

[4] Н. Н. Гурина. Ук. соч., стр. 62—63. П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 25.
[5] Г. А. Панкрушев. Ук. соч., стр. 98.

Д. С. ЦВЕЙБЕЛЬ

ДРЕВНИЕ КРЕМНЕВЫЕ ВЫРАБОТКИ У с. ШИРОКОЕ В ДОНБАССЕ

Проблема развития производительных сил в первобытном обществе уже давно привлекает внимание советских археологов. Еще В. А. Городцов подчеркивал, что «для археологии, как науки о вещественных творениях вымерших общественных формаций человечества, изучение древней техники является одною из самых важных проблем...» [1]. В последние годы все настойчивее указывается на необходимость изучения развития производительных сил в древнюю пору истории человечества. Так, например, в рекомендациях происходившего в Москве Всесоюзного совещания естественников, математиков и археологов история производительных сил выделена первой в ряду основных направлений современных археологических иследований [2].

Вопрос о древних кремневых выработках и часто располагавшихся вблизи них кремнеобрабатывающих мастерских является частью проблемы развития производительных сил в первобытном обществе. Научное значение этих комплексов весьма важно.

Древние выработки и кремнеобрабатывающие мастерские больше других археологических памятников помогают проникнуть непосредственно в организацию производства, в самую суть древнейших производственных процессов, связанных с добычей сырья и его начальной обработкой.

Локализация древних выработок и мастерских, а также изучение материалов, добытых в них, имеют важное значение для решения вопроса о формах и основных направлениях межплеменного обмена. Кремень в виде полуфабрикатов растекался далеко за пределы кремненосных месторождений в районы, где кремня не было, становясь, таким образом, объектом обмена.

Следует также отметить, что при всем однообразии материалов, обычно добываемых в мастерских (кремнедробящие и кремнеобрабатывающие орудия, заготовки и отходы производства), локальные варианты типологии кремневого инвентаря могут оказать помощь в выявлении границ расселения древних этнических общностей.

Сначала обратимся к историографии вопроса. В русской дореволюционной археологии эта тема не нашла своего исследователя. На территории СССР кремневые шахты долгие годы оставались неизвестными, и советские археологи писали о шахтах, открытых за рубежом. Одним из первых вопросом о кремнедобывающих шахтах занялся В. А. Городцов [3]. Уместно вспомнить ряд работ Д. Н. Лева [4]. Обращались к этому вопросу М. Е. Фосс и Л. А. Ельницкий [5]. Ими же впервые были описаны древние каменоломные орудия, найденные уже на территории СССР. Следует подчеркнуть, что оба автора высказывали убежденность в существовании кремневых шахт на территории СССР. С такой же уверенностью предсказывали на-

---

[1] В. А. Городцов. Значение изучения древней техники в археологии. Тр. СА РАНИОН, V, М., 1930, стр. 9.

[2] Б. А. Колчин, О. Ю. Круг, Е. В. Черных. Всесоюзное совещание по применению в археологии методов исследования естественных и точных наук. МИА, 129, 1965, стр. 345.

[3] В. А. Городцов. Археология. I, Каменный период, М.—Пг., 1923, стр. 341—343.

[4] Д. Н. Лев. К вопросу о происхождении древнейших кремневых шахт. СЭ, 1—2, 1934, стр. 127.

[5] М. Фосс, Л. Ельницкий. О добывании камня и о древнейших каменоломных орудиях на севере Восточной Европы. МИА, 2, 1941, стр. 189.

ходки неолитических кремневых шахт в Узбекистане М. Е. Массон [6] и Б. А. Литвинский [7].

Первой работой, посвященной древним шахтам по добыче кремня, открытым в Советском Союзе, в Белоруссии, является статья Н. Н. Гуриной и Г. М. Ковнурко, в которой авторы изложили суть проблемы, историографию вопроса и кратко охарактеризовали открытые шахты [8]. Через два года Н. Н. Гурина, привлекая новый материал, обстоятельно описала найденный в шахтах кремневый инвентарь [9]. Интересные сведения о первых белорусских шахтах можно найти и в статье М. М. Черняховского [10]. За последнее время в Белоруссии открыто более 350 древних шахт. На международном конгрессе археологов-первобытников, проходившем в 1966 г. в Праге, Н. Н. Гурина доложила о своих уникальных открытиях [11]. Как бы в подтверждение предположения предшественников археологи Узбекистана у себя уже нашли древние шахты [12].

Другой тип памятника, связанного с добычей кремня в древности,— горные штольневые выработки — впервые был открыт в 1940 г. С. Н. Бибиковым в Поднестровье на Белой горе, близ с. Студеницы. Уже тогда исследователь высказал мнение, что пещеры на Белой горе образовались в связи с добычей в древности кремня, извлеченного из материковой породы в пещерах [13]. Спустя несколько лет в своей монографии, посвященной трипольскому поселению Лука-Врублевецкая, расположенному по соседству со Студеницей, автор привел ряд важных сведений о выработках [14]. Однако систематические работы были развернуты здесь только в 1964 г. Результаты исследования этого уникального памятника были изложены С. Н. Бибиковым в специальной публикации [15] и доложены на ряде археологических совещаний [16].

Недавно удалось открыть древние горные выработки в Донбассе.

Весной 1965 г. ученик 8 класса Амвросиевской школы Борис Грушко сообщил в Донецкий краеведческий музей о том, что в с. Широком Амвросиевского района он видел пещеры, возле которых много кусков расколотого кремня. Сотрудник краеведческого музея Т. А. Шаповалов сообщил об этом факте в Донецкий университет, и вскоре в указанный пункт выехала экспедиция университета в составе 11 студентов и автора данной статьи.

---

[6] М. Е. Массон. К истории горного дела на территории Узбекистана. ИИА АН УзССР, Ташкент, 1953, стр. 7.

[7] Б. А. Литвинский. Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии. ИИА АН ТаджССР, 19, Сталинабад, 1954, стр. 12.

[8] Н. Н. Гурина, Г. М. Ковнурко. Шахты по добыче кремня в Западной Белоруссии. СА, 1964, 2, стр. 3—12.

[9] Н. Н. Гурина. Исследование древних шахт по добыче камня в Белоруссии. КСИА АН СССР, 106, 1966, стр. 31—37; ее же. Кремнедобывающие шахты в Белоруссии. Сб. «Археологические открытия 1965 г.», М., 1966, стр. 57—60.

[10] М. М. Черняускі. Старажытныя шахты на здабычы крэменю. ВАН БССР, Сер. грамад. навук, Минск, 1963, 3, стр. 66—70.

[11] Н. Н. Гурина. Кремнедобывающие шахты у Красного села в Белоруссии. Доклады и сообщения археологов СССР. VII МКДП, М., 1966, стр. 75—82.

[12] М. Р. Касымов. Кремнеобрабатывающие мастерские каменного века в Средней Азии. Автореф. канд. дис., Л., 1962, стр. 14; Н. Н. Гурина называет эти шахты «Ямами по добыче кремня», см. ее доклад «Кремнедобывающие шахты...», стр. 76.

[13] С. Н. Бибиков. Культура палеолита и раннего неолита в Среднем Поднестровье. «Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г.» Отдел. ист. и филос., М.— Л., 1947, стр. 51.

[14] С. Н. Бибиков. Поселение Лука-Врублевецкая. МИА, 38, 1953, стр. 78—80.

[15] С. Н. Бибиков. Древние кремневые выработки в Среднем Поднестровье. Sbornik národního musea v Praze. Řada A — Historie, Svazek XX (1966), 1/2, стр. 3—6.

[16] С. Н. Бибиков. Древние кремневые выработки на горе Белой в районе Каменец-Подольска. «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР» (Тезисы докладов), Баку, 1965, стр. 56—58.

Обследование показало, что интересующие нас пещеры расположены в одной из меловых гор, образующих высокий левый склон балки Широкая, впадающей в речку Крынку. Правый склон балки отлогий и распахивается. Меловые горы балки Широкой изобилуют кремнем. Естественно расколотый и расщепленный древним человеком он встречается на поверхности гор, примыкающих к пещерам, в оврагах, на вспаханном поле.

Кремень в изломе матовый, дымчато-серый, чем ниже залегает он по склону, тем он темнее, достигая почти черного цвета. Отщепы толщиной в 0,5—0,7 *см* просвечивают почти насквозь. Поверхность желваков покрыта тонкой «меловой рубашкой». Форма желваков преимущественно изогнуто-цилиндрическая, встречаются также желваки с небольшими пальцевидными отростками.

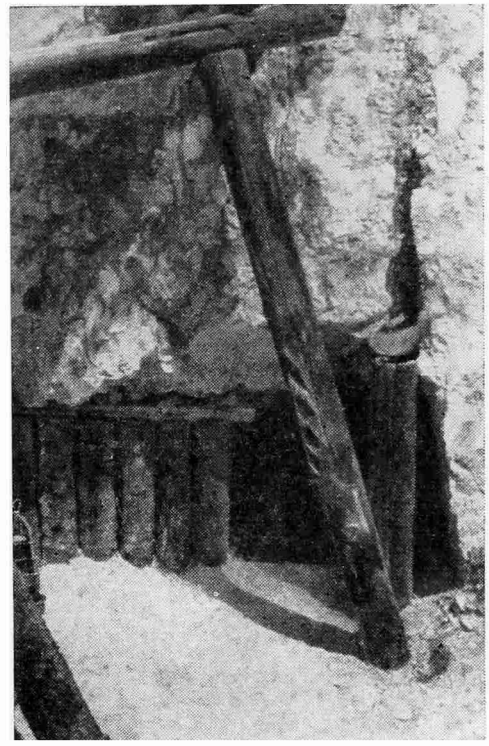


Рис. 1. Крепления у входа в пещеру № 2

Пещеры располагаются почти параллельно дуге, описываемой дневной поверхностью водораздельного участка, как нам представляется, следуя направлению залегания кремня в меловой толще. Примерно в 500 *м* к северо-востоку от пещер, на одной из соседних меловых гор расположен действующий карьер, где буро-взрывными методами добывают мел. Длительное время мел добывался и на той горе, где расположены выработки. По этой причине проникнуть в пещеры, находящиеся в северо-западной части горы, нам не удалось, так как они полностью обрушены.

В 1965 г. удалось немного расчистить и изучить пещеры, условно названные нами № 1 и 2. Пещера № 2 расположена примерно в 30 *м* от восточного края обрушившихся пещер. Она была особенно трудна для обследования, так как вход был загроможден надломившимися глыбами древнего навеса, а внутри нее произошел обвал части свода. Удалось установить, что пещера имеет обширную центральную часть, от которой на восток и запад тянутся сужающиеся ответвления, перекрытые обвалами. Примерно на расстоянии 135 *м* к востоку расположена пещера № 1; было выяснено, что она состоит из трех частей, соединяющихся между собой внутренними ходами. Выходы кремня были прослежены на стенах и своде пещер. Высота пещер не превышает 1 *м*.

С целью обеспечения условий, необходимых для обстоятельного изучения выработок, в 1966 г. они были расчищены и укреплены (рис. 1 и 2). Расчетные данные креплений были подготовлены доцентом Донецкого политехнического института В. В. Орловым. Работу крепильщиков выполняли студенты Н. А. Клещ и В. А. Воронков, в прошлом шахтеры.

Пещера № 1 расположена в самой юго-восточной части горы. Она состоит из трех частей, условно названных 1-а, 1-в, 1-с. Измерения дали следующие результаты: пещера № 1-а имеет длину 12 *м*, наибольшая ширина ее — 5 *м* 20 *см*; пещера № 1-в тянется в длину 7 *м* 60 *см*, наибольшая ее ширина 4 *м* 40 *см*; пещера № 1-с имеет длину 4 *м* 80 *см*, ширина ее достигает 2 *м*. В месте внутреннего перехода из пещеры № 1-а в № 1-в свод плавно опускается книзу и сужается с боков, образуя как бы арку, высота прохода здесь не более 55 *см*. Пещеры № 1-в и 1-с связаны округлым проходом, диаметр которого около 60 *см*.

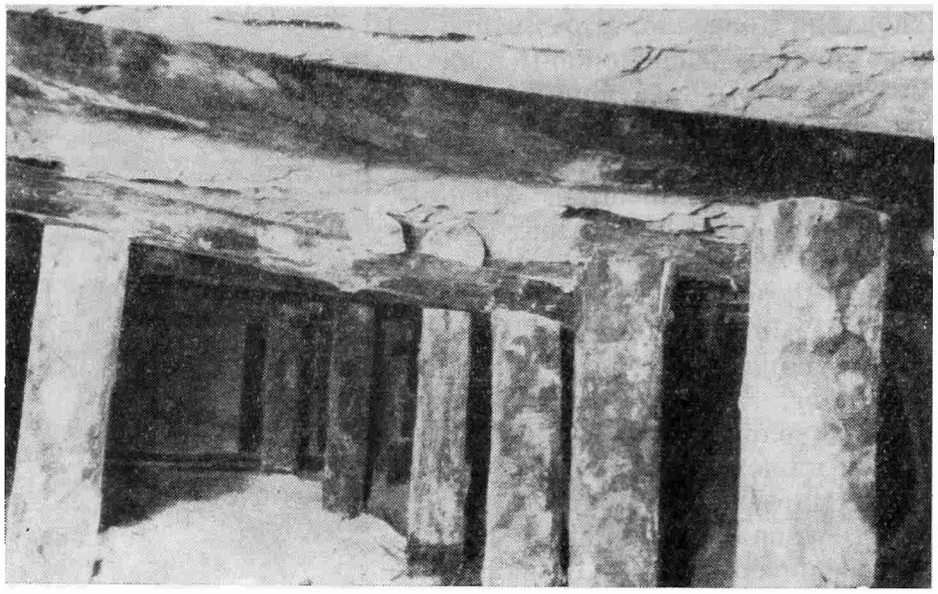


Рис. 2. Крепления внутри пещеры № 2

Пещера № 2 в центральной части имеет длину 10 *м* 40 *см*, ширину 4 *м* 40 *см*, но она, по-видимому, до обвала достигала в ширину 8 *м*. Северная стена пещеры имеет овальные очертания. В отличие от пещеры № 1, длинная ось которой резко наклонена, пещера № 2 имеет почти совершенно ровный пол, что следует объяснить характером залегания желваков кремня.

К востоку и западу от центральной части пещеры, с ее южной стороны расположены два узких ответвления. Восточное ответвление, которое тянется около 2,5 *м*, расчистить и укрепить нам не удалось. Западное ответвление длиной более 7 *м* при максимальной ширине около 1 *м*. К западной части пещеры примыкают три открытых подбоя, тянущихся около 3 *м*. Возможно, в древности они были закрыты навесами. Можно предполагать, что западное ответвление связывало пещеру № 2 с пещерами, лежащими еще далее на запад, которые в настоящее время полностью обрушены.

По нашему мнению, пещеры образовались в результате добычи кремня. С целью предотвращения обвалов древними горняками оставлялись мело-

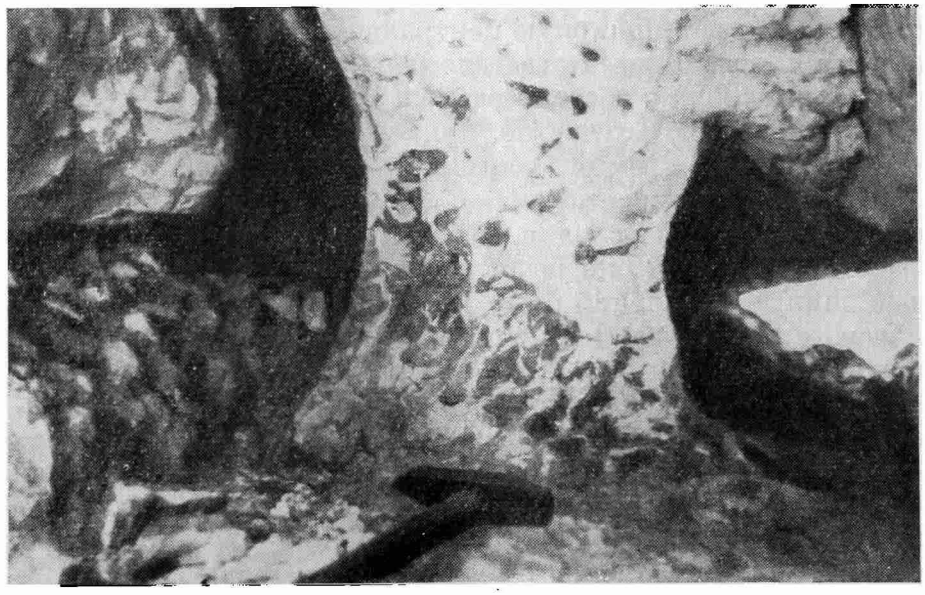


Рис. 3. Меловый целик с юго-западной стороны в пещере № 1-а

вые целики высотой до 1 *м* и шириной 40—70 *см*. От толщи мела они отделены только с трех сторон, а четвертой сливаются с породой. Крупные целики есть с юго-восточной стороны входа в пещеру № 1-а (рис. 3), с юго-западной стороны внутри этой пещеры, у юго-западной части входа в пещеру № 1-с и у юго-восточной стены внутри пещеры № 2. Расположение целиков говорит о продуманности плана — все крупные целики находятся с южной стороны выработок, где находились входы и навесы и где особенно угрожал обвал.

В процессе работы пещеру расширяли вперед, вверх и в стороны при помощи подбоев, которые постепенно расширялись, в результате чего в стенах выработок образовались ниши (рис. 4). Поэтому в плане северная сторона выработок выражена своеобразной волнообразной линией, особенно четко видной в пещере № 1. Следует отметить, что, как правило, концы ниш не соприкасаются между собой, часто между ними оставлен небольшой целик. Так как с северной стороны работать было безопаснее, то целики здесь значительно ниже и уже расположенных с южной стороны.

Рис. 4. Следы работы, оставленные древними горняками на стенах пещеры № 1-с

Заполнение выработок состояло, главным образом, из кусков мела разной величины. Некоторые из них были частями обвалившегося свода и достигали довольно значительных размеров (70 × 40 *см*). Основная масса представляла собой средние и мелкие куски мела и главным образом меловую крошку.

Добыча кремня производилась не только в выработках, но и открытым способом. На соседней, лежащей к западу меловой горе, отделенной оврагом от описываемых выработок, выделяются два всхолмления, с южной стороны которых, вероятно, тоже происходила добыча кремня. Поэтому здесь образовались навесы. Один из них тянется примерно 12 *м*, но он нарушен многократными следами недавней добычи мела и для изучения мало пригоден. Другой навес, расположенный ближе к выработкам, тянется около 20 *м* (из них примерно 10 *м* тоже испорчены свежими следами добычи мела). Но протяженность навеса в 10 *м* дает материал для интересных наблюдений. Хорошо видны три яруса вынутого кремня — сохранились гнезда от извлеченных желваков. Из меловой толщи навеса торчат обломки желваков, вокруг некоторых из них хорошо сохранились следы ударов кайлообразным орудием. Кремень из навесов немного светлее кремня из выработок.

Добываемый в пещерах кремень внутри них не обрабатывался. Здесь не было найдено ни одного отщепа, на желваках из заполнения нет следов обработки. В пещере № 1-а, с юго-западной стороны, у входа № 1, под обвалом навеса удалось найти одно кремневое нуклевидное изделие.

Кремень, добываемый в выработках, по-видимому, обрабатывался не внутри них, а вблизи. Об этом свидетельствуют мастерские, расположенные на той же горе, что и выработки, а также к востоку и югу от нее. Кремнеобрабатывающие мастерские встречены на меловой горе, в которой вырублены пещеры (пункт 1), на соседней, лежащей к востоку горе (пункт 1б), напротив пещеры № 1, на правом отлогом склоне балки

(пункт 1а), примерно в 2 *км* к востоку от выработок, на правом берегу р. Крынки (пункт 2). Всего здесь собрано более 400 кремней со следами обработки.

Наиболее многочисленный и выразительный материал собран на поселении 1а, на площади 130×80 *м*. Особенно интересны разнообразные ядрища. Среди них есть многоплощадочные со своеобразными округленными книзу краями, призматические, единичные экземпляры клиновидных. Встречены двуплощадочные и одноплощадочные нуклеусы. Размеры ядрищ варьируют в пределах 5—9 *см* в длину, 4—7 *см* в ширину. Негативы сколотых пластин, как правило, короткие, неправильной формы. В этом же пункте собраны пластинки и их обломки. Среди них несколько реберчатых пластин, две пластинки ножевидные, микролитические. В коллекции преобладают ножевидные пластинки, соответствующие по размеру и облику собранным нуклеусам. Здесь же собраны и орудия, среди них два отбойника, сверло-проколка, два грубых сверла, три скребла.

Таблица

Распределение кремневого инвентаря в мастерских у с. Широкое

Категория	п. 1	п. 1а	п. 2	Всего
Орудия	1	9	2	12
Заготовки	2	1	1	4
Нуклеусы	8	24	3	35
Куски нуклеусов	3	20	2	25
Отщепы, сколотые с нуклеусов	13	28	2	43
Нуклевидные изделия	1	10	5	16
Пластинки	8	26	—	34
Отщепы первичные	5	12	5	22
Отщепы полупервичные	28	113	36	177
Отщепы вторичные	13	50	10	73
Всего:	82	293	66	441

Распределение кремневого инвентаря позволяет высказать предположение, что в наших мастерских производилась первичная обработка кремня и изготовлялись нуклеусы (табл.).

Нуклеусы, нуклевидные изделия, куски нуклеусов и отщепы, сколотые с ядрищ, в каждом из пунктов занимают второе место после отщепов, сколотых с желваков. Эти категории инвентаря составляют по отношению ко всему собранному кремневому материалу в п. 1—30%, в п. 1-а — 28%, в п. 2—18%.

Кремневые желваки, извлеченные из пещер № 1, 2 и навесов, а также образцы кремневого инвентаря из мастерских № 1 и № 1-а были подвергнуты петрографическому анализу доцентом Донецкого политехнического института Н. И. Новичковой. Исследуемый кремень оказался идентичным.

Вопрос о датировке Широкинских выработок весьма сложен. Собранный кремневый материал позволяет отнести комплекс к неолитической эпохе. Основанием для такой датировки служат небольшие размеры собранных здесь первичных преимущественно одноплощадочных нуклеусов и такие же размеры сколотых с них пластинок. Среди пластинок обращают на себя внимание экземпляры с зубчатой краевой ретушью и плоской ретушью, заходящей на брюшко — так называемые прорезыватели — изделия, также имеющие аналогии в неолитических комплексах (например, в материалах поселений у Каменной могилы, Надпорожья, Побужья и др.). Типологически можно сопоставить нуклевидные изделия: сверло-проколку, грубые сверла и скребла с материалами так называемых макролитических комплексов Изюма-4, Изюма-5, Студенка-2, которые по наличию керамики датируются развитым и поздним неолитом. Не исключено, что выработки и мастерские существовали длительное время, включая и пору раннего металла [17].

[17] Приношу благодарность сотрудникам Института археологии АН УССР С. Н. Бибикову, В. Н. Даниленко, Д. Я. Телегину, чья консультация оказала мне помощь в датировке комплекса.

Нам представляется очевидной родственность исследованного нами памятника с древнейшими очагами горного дела, открытыми в последнее время в СССР, Польше [18], Венгрии [19] и убедительно датируемыми в пределах эпохи неолита — раннего металла.

[18] T. Żurowski. Krzemionki Opatowskie, pomnik starozytnego górnictwa. «Rocznik Swietokrzyskiego», I, Warszawa, 1962, стр. 89—92.

[19] L. Vertes. Eine prähistorische Silexgrube am Mogyorósdomb bei Sûmeg. AAH, XVI, 3—4, Budapest, 1964, стр. 212.

Н. Н. ЧЕРЕДНИЧЕНКО

ПОСЕЛЕНИЕ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЛУГАНЩИНЕ

В 1967 г. автором по поручению Луганского краеведческого музея были проведены раскопки на поселении Капитаново I Луганской обл., открытом С. С. Березанской во время разведок 1959 г. по Северскому Донцу.

Поселение расположено в 1,5 *км* к западу от окраины с. Капитаново, Ново-Айдарского р-на Луганской обл. Оно занимает правый берег р. Ольховки, левого притока Северского Донца. Берег реки в этом месте возвышается над уровнем поймы на 3—4 *м*. С юга поселение ограничено впадиной пересохшего озера, а с востока — руслом высохшего ручья, на противоположной стороне которого находятся еще два аналогичных поселения. Самое восточное из них, Капитаново III расположено на мысу, омываемому с трех сторон водами Ольховки. Таким образом, на Капитаново I незащищенной оставалась только западная, напольная сторона. Протяженность описываемого поселения составляет 250 *м*, ширина 70 *м*.

На восточном конце поселения был заложен раскоп площадью 64 $м^2$, в который попала часть жилой постройки полуземляночного типа. Вне жилища прослежено несколько ям хозяйственного назначения.

Основная масса материалов, полученных при раскопках, представлена керамикой срубной культуры. Ведущей формой на поселении являются баночные сосуды с прямыми или выпуклыми стенками (рис. 1, *2*). Затем следуют горшковидные формы с прямой шейкой и округлыми плечиками (рис. 1, *3, 4*). Наименее распространенными являются остроребериые горшки. Они встречаются в двух вариантах: сосуды вытянутых пропорций с перегибом в верхней части тулова (рис. 1, *5*) и, очень редко, приземистые с перегибом в средней части горшка (рис. 2, *6*). Для всех форм данной керамики характерна бедная орнаментация. Лишь изредка встречаются фрагменты, украшенные зубчатым штампом, прочерченными линиями или пальцевыми защипами.

В меньшем количестве на поселении присутствует керамика с поверхностью, покрытой грубой горизонтальной или вертикальной штриховкой и резко отогнутым наружу краем (рис. 1, *1*, рис. 2, *2*), напоминающая керамику абашевской культуры Среднего Дона [1]. Черепки с грубо штрихованной поверхностью встречались по всей глубине культурного слоя и стратиграфически не отделялись от срубной керамики.

Самую малочисленную группу на поселении составляют обломки сосудов культуры многоваликовой керамики (рис. 2, *3*), которая также стратиграфически не отделялась от керамики срубной культуры.

Среди вещей, найденных в жилище, особый интерес представляют обломки глиняных литейных форм для очковидной подвески и для предметов, форма которых не устанавливается, а также костяной наконечник стрелы пулевидной формы и костяной псалий (рис. 2, *1, 4*).

В хозяйственных ямах, кроме фрагментов керамики, были найдены бронзовый нож с перекрестием, образованным боковыми выемками (рис. 1, *6*), и несколько фрагментированный второй экземпляр костяного псалия

[1] П. Д. Либеров. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964 рис. 48, *7*; 50, *9—12*; 57, *12*.

(рис. 2, *5*). Клинок ножа расширен в средней части. По его продольной оси едва намечена нервюра. Черешок плоский и довольно широкий, сравнительно небольшой длины, верхний конец его заточен, вероятно, для насаживания рукояти (рис. 1, *6*).

Оба псалия изготовлены из расколотой трубчатой кости животного. Псалий из жилища (рис. 2, *1*) сохранился полностью. В центре выпуклой стороны у него одно большое круглое отверстие, немного ниже и сбоку — второе малое отверстие овальной формы. Малое отверстие расположено перпендикулярно большому. В верхней части псалия, отделенной уступом, имеется четыре маленьких отверстия. На гладко заполированной лицевой стороне нанесен орнамент в виде параллельных линий и треугольника, обращенного вершиной к большому отверстию. На внешней стороне псалия по краю большого отверстия заметна потертость. Изнутри потертость в виде желобка видна только на одной стороне центрального отверстия.

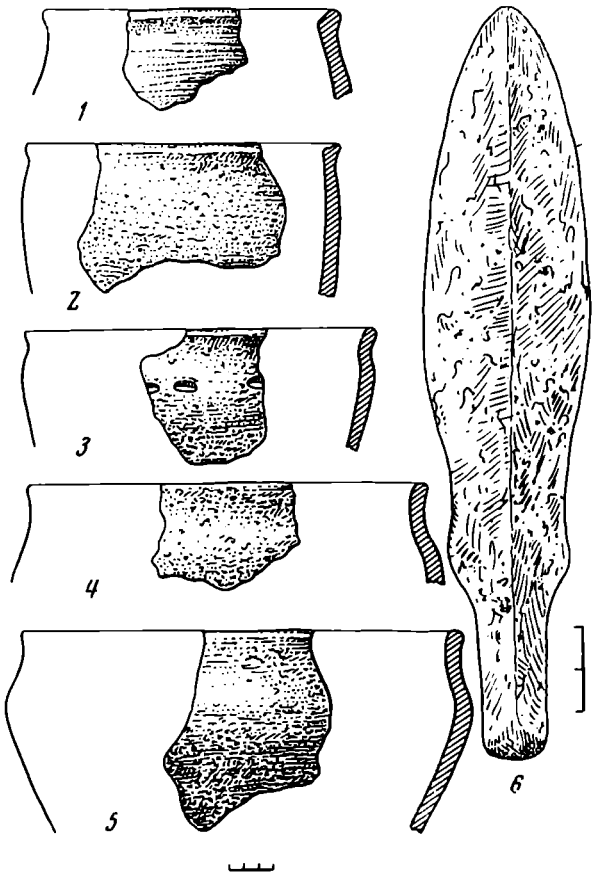


Рис. 1. Керамика и бронзовый нож с поселения у с. Капитаново

Второй псалий по размерам меньше первого (рис. 2, *5*). В центре выпуклой стороны у него также большое отверстие. Немного ниже, там, где у первого находится малое отверстие, у второго в древности произошел излом. На одном конце псалия перетяжкой выделена «головка» с одним маленьким отверстием, посередине которого ее верхняя часть тоже в древности сломалась. Лицевая сторона псалия заполирована и украшена нарезной рамкой, снаружи которой помещаются уголки, а внутри — короткие вертикальные линии. «Головка» орнаментирована параллельными линиями. Потертости у этого псалия наблюдаются в тех же местах, что и у первого.

Находки Капитановского поселения свидетельствуют о его принадлежности к ранней поре срубной культуры и представляются весьма важными для уточнения хронологии этого периода. Кроме того, они фиксируют появление срубной культуры на Северском Донце.

Керамика Капитаново I обнаруживает сходство с керамикой Покровского поселения, которое синхронно Покровским курганам [2]. Преобладающей формой на Покровском поселении являются баночные сосуды, затем следуют горшки с вогнутой шейкой и округлыми плечиками, а остроребер-ные формы, как и на Капитаново I, представлены незначительным количеством. Керамика с штрихованной поверхностью Капитановского поселения находит себе аналогии среди подобных сосудов [3] поселения у Моечного

[2] Т. М. Минаева. Керамика Покровского селища. Тр. СА РАНИОН, IV, М., 1929, стр. 316—322.

[3] А. Е. Алихова. Комаровское поселение у Моечного озера. МИА, 61, 1958, рис. 3, *4*, *6*; Н. В. Трубникова. Некоторые итоги археологических исследований по р. Усе. Там же, стр. 194, рис. 10, *11*.

озера, а также в горшках с резко откинутым наружу краем, происходящих из могил Покровских курганов [4].

Бронзовый нож из Капитаново I принадлежит к раннесрубным ножам, которые в литературе обычно объединяются в один тип ножей с намечающимся перекрестием. Однако в настоящее время появилась возможность разделить их на три основных типа [5].

К первому типу относятся ножи с наибольшим расширением на конце клинка. Перекрестие у них выражено слабо и еще от клинка не отделено. Черешок широкий и иногда заканчивается острым или полукруглым «язычком». Такие ножи известны в Покровских курганах [6], Бережновке II [7] и т. д.

Ко второму типу относятся ножи с наибольшим расширением в средней части клинка, вследствие чего он имеет лавролистную форму. Перекрестие у этих ножей оформлено более четко, однако оно по-прежнему находится на клинке. Черешки некоторых экземпляров также заканчиваются острым или полукруглым «язычком». Ножи второго типа встречены в курганах у Покровска [8], Скатовки [9] и т. д. К этому же типу относится и нож из Капитоново I (рис. 1, *5*).

К третьему типу принадлежат ножи с наибольшим расширением в основании клинка. Перекрестие оформлено четко и полностью отделено от клинка. Черешок узкий и всегда без «язычка». В общем это уже кинжалы, но только с плоским упором для рукояти. К третьему типу мы относим нож из Куйбышевской области [10], нож из раскопок В. А. Городцова на Северском Донце [11] и др. За пределами распространения срубной культуры кинжалы с плоским упором встречены в Таманском кладе [12], а также в Румынии в слое Монтеору II в [13].

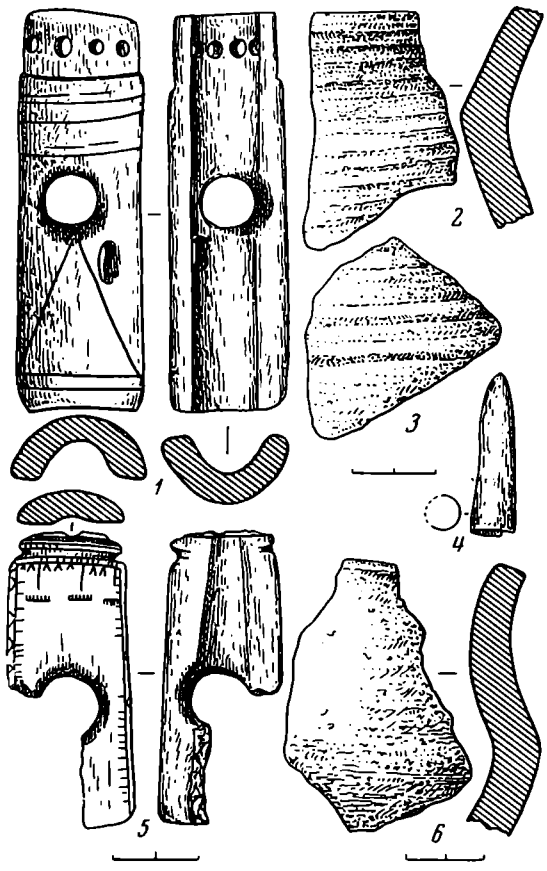


Рис. 2. Предметы с поселения у с. Капитаново.

1, 5 — костяные псалии, *4* — костяной наконечник стрелы, *2, 3, 6* — керамика

---

[4] P. Rykov. Die Chvalynsker Kultur der Bronzezeit an der unteren Wolga. ESA, 1, Helsinki, 1927, стр. 75—80, рис. 18; 20, *10*; 23, *5*, *6*.

[5] М. Чередніченко. Про класифікацію ранньозрубных ножів з намічаючимся перехрестям. Матеріали XII ювілейної конференції ІА АН УРСР. Київ, 1968 (в печати).

[6] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Северное Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1965, рис. 12, *9*, *11*.

[7] И. В. Синицын. Древние памятники в низовьях Еруслана. МИА, 78, 1960, рис. 12, *7*.

[8] P. Rykov. Die Chvalynsker Kultur..., рис. 19, *2*.

[9] И. В. Синицын. Археологические исследования заволжского отряда. МИА, 60, 1959, рис. 60, *2*.

[10] О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., рис. 12, *8*.

[11] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губ. 1901. Тр. XII АС, I, М., 1905, табл. XI, *1*.

[12] Н. И. Сокольский. Находки эпохи бронзы на Таманском полуострове. Сб. «Археологические открытия 1965 г.», М., 1966, рис. на стр. 81.

[13] M. Gimbutas. Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. Paris, London, 1965, стр. 227, рис. 156, *1*.

Переходной формой от второго типа к третьему следует считать такие ножи, как янохинский [14]. С одной стороны перекрестие у них не отделено от клинка, а с другой — у этих экземпляров, как и у кинжалов с плоским упором, расширение находится в основании клинка.

Ножи первого и второго типов характерны для погребений первой группы по П. С. Рыкову [15], которые совершались в больших и глубоких могилах с богатым инвентарем. Кинжалы с плоским упором в больших могилах не встречаются. Их мы связываем с погребениями второй группы в небольших ямах, инвентарь которых значительно беднее.

Однако следует отметить, что наиболее четким признаком, по которому различаются эти группы погребений, является степень скорченности костяка. В обеих группах костяк довольно часто смещен к одной из продольных стенок ямы, но в первой он скорчен слабо: ноги по отношению к туловищу подогнуты под тупым углом, в коленях — тупой или острый. Во второй группе могил костяки скорчены средне — ноги к туловищу подогнуты под прямым углом, в коленях — острый угол. Данные группы могил сменяются затем погребениями, костяки в которых всегда лежат посередине маленькой ямы и скорчены таким образом, что колени почти прижаты к туловищу, а пятки к тазу. К этой группе могил относятся погребения в грунтовых могильниках и в насыпях курганов. С ними мы синхронизируем кинжалы с кольцевидным упором и датируем их временем сабатиновского этапа — XIII в. до н. э. [16].

Таким образом, могилы первых двух групп должны относиться ко времени до XIII в. до н. э. Для уточнения их хронологии необходимо остановиться на следующем моменте.

За последнее время в могилах переходной фазы от Монтеору Ia к Монтеору IIa найдена серия каменных топоров с полусферичным обухом [17], которые обнаруживают определенную близость с топором из Покровского кургана [18].

На поселениях срубной культуры топоры, типологически близкие к румынским и покровскому, встречены в комплексах, соответствующих инвентарю больших могил (ножи первого — второго типов) [19]. А Можолич считает, что топоры упомянутого типа, а также типа бородинских одновременны с горизонтом Хайду-Шамшона [20], который она синхронизирует с Монтеору Ia и датирует венгерским BIIIa, т. е. первой половиной — серединой XV в. до н. э. [21].

Таким образом, учитывая все сказанное выше, полагаем, что именно большие могилы срубной культуры входят в горизонт Монтеору Ia — Покровск [22] и должны датироваться (а вместе с ними и ножи первого — второго типов) XV в. до н. э.

Находка ножа, аналогичного кинжалам с плоским упором, в слое Монтеору IIв позволяет синхронизировать срубные погребения в небольших ямах (вторая группа по П. С. Рыкову) с Монтеору IIв (по А. Можолич

---

[14] В. И. Митрофанова. Янохинское поселение срубной культуры на р. Осколе. КСИА, АН УССР, 9, Киев, 1959, рис. 3, *9*.

[15] P. Rykov. Die Chvalynsker Kultur..., стр. 52—53.

[16] А. И. Тереножкин. Основы хронологии предскифского периода. СА, 1965, 1, стр. 69.

[17] A. Vulpe. Depozitul de la Tufa si topoarele cu ceafa cilindrica. SCIV, 1959, 2, стр. 272.

[18] P. Rykov. Die Chvalynsker Kultur..., стр. 78, рис. 21, *5*.

[19] О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., рис. 4, *5*, *15*. Обломок такого же топора происходит из разведочного шурфа на Капитаново I С. С. Березанской. Приношу глубокую благодарность С. С. Березанской за разрешение упомянуть об этой неопубликованной находке.

[20] A. Mozsolics. Die Steinaxt von Dad. AAH, XVI, 3—4, 1964, стр. 217—225.

[21] Ее же. Bronzefunde des Karpatenbeckens. Budapest, 1967, стр. 123.

[22] A. Vulpe. Ук. соч., стр. 272.

BIIIв)[23] и относить эти погребения вместе с ножами третьего типа к XIV в. до н. э.

Оба капитановских псалия относятся к первому типу (по классификации К. Ф. Смирнова), время которого определяется XV—XII вв. до н. э.[24]. Эту дату К. Ф. Смирнов обосновал на убедительном сходстве восточных псалиев из расколотой кости с венгерскими типами фюзешабонь[25]. Со своей стороны отметим, что прямые псалии обнаруживают также близость с псалиями типа Ваттина, происходящими из погребений фазы Монтеору Ia[26], и с обломком псалия из слоя мадьяровской культуры на укрепленном поселении Веселое, которое А. Точиком[27] датируется BA_2 — BB_1 по П. Рейнеке, что соответствует BIIIa по А. Можолич.

Однако, если начальная дата прямых псалиев XV в. до н. э. в настоящее время не вызывает сомнения, то конечная — XII в до н. э., по нашему мнению, должна быть пересмотрена в пользу удревнения.

Прежде всего следует отметить, что венгерский BIII, временем которого К. Ф. Смирнов датировал псалии первого типа, А. Можолич сейчас заканчивает не XII в. до н. э., а около 1300 г. до н. э.[28]. Достойно также внимания появление (с нашей точки зрения еще до XII в. до н. э.) в срубной культуре псалиев более совершенной конструкции, не требующих при креплении с уздой применения капцуга (наносного и подгубного ремней), в то время как для псалиев первого типа по К. Ф. Смирнову капцуг был обязателен[29]. В данном случае мы имеем в виду сабатиновский[30] и сусканский[31] псалии.

Из всех псалиев, приведенных К. Ф. Смирновым[32] и А. И. Тереножкиным[33] в качестве аналогий сусканскому, последний представляется наиболее архаичным. Вероятно, что кроме внешнего сходства для псалиев важным признаком является также и близость в способе крепления с уздой, т. е. в расположении отверстий. У сусканского псалия одно большое овальное отверстие и по краям перпендикулярно к нему находятся два круглых отверстия. Аналогичным образом располагаются отверстия у псалия из Бейчсултана (1450—1300 гг. до н. э.)[34], у псалия из Веселого[35] (BA_2— BB_1 по А. Точику, BIIIa по А. Можолич). Кроме того, А. Можолич отдельные псалии типа Бориаш, которые выглядят более развитыми, чем сусканский, считает возможным датировать концом BIII—BIV[36]. Следовательно, сусканский экземпляр можно относить к XIV—XII вв. до н. э.

Что же касается сабатиновского псалия, то А. И. Тереножкин верно указал ему аналогии — венгерские псалии типа Тосцег[37]. И даже если его датировать концом венгерского BIII (псалий был найден на поселении сабатиновского этапа), тем не менее это будет XIV в. до н. э.

И, наконец, для собственно XII в. до н. э. известны еще более совершенные псалии — типа экземпляра из поселения у Постникова оврага[38].

---

[23] A. Mozsolics. Brozefunde..., стр. 123—126.

[24] К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. СА, 1961, 1, стр. 47—57.

[25] Там же, стр. 52—54.

[26] M. Gimbutas. Ук. соч., стр. 226, рис. 155.

[27] A. Tocik. Opevnená osada z daby bronzovej vo Veselomi, ASF, V, 1964, рис. 29, *3*, стр. 49—55.

[28] A. Mozsolics. Bronzefunde..., стр. 126.

[29] К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 51.

[30] А. И. Тереножкин. Ук. соч., стр. 66, рис. 1, *2*.

[31] К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 61, рис. 9, *2*.

[32] Там же, стр. 63—64.

[33] А. И. Тереножкин. Ук. соч., стр. 70—72.

[34] A. Mozsolics. Die Herkunftfrage..., стр. 128, рис. 1.

[35] A. Tocik. Ук. соч., стр. 47, рис. 31.

[36] A. Mozsolics. Die Herkunftfrage..., стр. 132.

[37] А. И. Тереножкин. Ук. соч., стр. 68.

[38] К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 64—65, рис. 9, *3*.

К. Ф. Смирнов справедливо сравнивает его с гальштатскими псалиями Венгрии, которые А. Можолич датирует НА — В [39], т. е. начало таких псалиев восходит к XII в. до н. э.

Исходя из этих положений, считаем возможным прямые псалии датировать XV—XIV вв. до н. э.

В заключение отметим, что на основании всего изложенного выше первый этап срубной культуры можно отнести к XV—XIV вв. до н. э. Поселение у с. Капитаново, керамика которого находит себе аналогии среди посуды Покровского поселения и больших могил Покровских курганов, следует датировать началом раннесрубной культуры, т. е. XV в. до н. э.

Тем самым это поселение определяет время появления срубной культуры на Северском Донце как XV в. до н. э.

---

[39] A. Mozsolics. Mors en bois de cerf sur le territoire du bassin des Carpathes. ААН, III, 1—4, 1953, стр. 86—90.

Г. Н. ШЕНДАКОВ

О ПРЯСЛИЦАХ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Появление в хозяйстве племен срубной культуры большого количества мелкого рогатого скота поставило вопрос о переработке шерсти и пуха. Эта сторона хозяйства в эпоху бронзы еще сравнительно мало исследована. Основным вещественным материалом, способным осветить эту сторону хозяйства, являются находки пряслиц и подвесок для натяжения нитей основы. Находки пряслиц в памятниках срубной культуры сравнительно малочисленны, а находки подвесок вообще единичны.

Эта заметка не претендует на обобщение всех пряслиц, когда-либо находимых на памятниках срубной культуры. В ней обобщается материал, территориально ограниченный Степным Поволжьем.

Наиболее ранней находкой пряслица срубной культуры мы обязаны В. В. Гольмстен, обнаружившей в 1926 г. в культурном слое № 13 на поселении Сопляки близ ст. Кинель Куйбышевской обл. фрагмент пряслица, изготовленного из глиняного черепка и просверленного с двух сторон коническим сверлом (рис. 1, *1*). О. А. Кривцова-Гракова датирует это поселение раннесрубным временем [1].

Два случая находок пряслиц известны по раскопкам И. В. Синицына на Максютовском поселении в 1938—1939 гг. Из-за невозможности подробно описать этот материал, даю его авторскую характеристику. «Среди бытовых предметов в землянке (Максютовское пос., земл. №2 — *Г. Ш.*) было найдено два пряслица: одно из них вылеплено из глины и имело цилиндрическую форму с горизонтальным основанием. Диаметр пряслица равняется 4,2 *см*, высота 1,7 *см*... Второе пряслице (фрагмент) изготовлено из плотного камня — песчаника с плоским основанием, полукруглой поверхностью и начатым, но не законченным сверлением. Диаметр 4,5 *см*, высота 2 *см*» [2]. Шесть экземпляров костяных пряслиц, изготовленных из эпифизов бедренных костей крупного рогатого скота, хранятся в Саратовском областном краеведческом музее (инв. № 371). Пряслица найдены на Хвалынском «городище», на горах против г. Хвалынска. Пряслица этого типа весьма широко бытовали у населения второго этапа срубной культуры и отличаются друг от друга только высотой и диаметром вершины. Раз-

---

[1] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955, стр. 33, рис. 5, *15*.

[2] И. В. Синицын. Древние памятники в бассейне Иргиза. Уч. зап. СГУ, 17. 1947, стр. 141.

мер основания их от 4,4 до 5 *см*, высота от 1,5 до 3 *см* (подробнее см. приложение, рис. 1, *2, 3, 4, 6, 7, 8*).

Два костяных пряслица, аналогичных указанным выше, найдены проф. И. В. Синицыным в 1964 г. при раскопках на поселении второго этапа срубной культуры Речка Гуселка 2, расположенном в 8 *км* к СВ от Саратова, около автобусной станции Зональная (рис. 1, *9, 10,*). Первое пряслице имеет диаметр основания 4,3 *см*, диаметр вершины 1,8, высота 2,3, диаметр отверстия 0,8 *см*. Второе пряслице имеет диаметр основания 4,7 *см*, диаметр вершины 3,5, высоту 1,5, диаметр отверстия 0,8 *см*.

В 1965 г. на этом же поселении В. А. Фисенко нашел фрагмент цилиндрического, слабо обожженного глиняного пряслица (рис. 1, *5*), украшенного четырьмя рядами мелких ямочек. Диаметр основания 4,5 *см*, диаметр вершины 4, высота 3, диаметр отверстия 0,8 *см*. На находку фрагмента биконического костяного пряслица указывает Н. Я. Мерперт[3] (рис. 1, *18*).

Костяные пряслица, изготовленные из эпифизов трубчатых костей, обнаружены А. Е. Алиховой на Комаровском поселении у Моечного озера. Они срезаны с двух сторон и имеют вид усеченных конусов. Два из них украшены по нижнему краю нарезками, имитирующими крупнозубчатый штамп. Там же обнаружены пряслица, изготовленные из глины и фрагментов керамики (общее количество экземпляров не указано). Обнаружен также фрагмент цилиндрического глиняного пряслица, украшенного нарезной линией, изображающей двух уточек, плывущих одна за другой, и сзади часть третьей[4] (рис. 1, *16, 17, 19*). На находки глиняных пряслиц, изготовленных из глины и фрагментов сосудов, указывала Н. В. Трубникова при раскопках на р. Усе[5] (общее количество экземпляров не указывается) (рис. 1, *14, 15*).

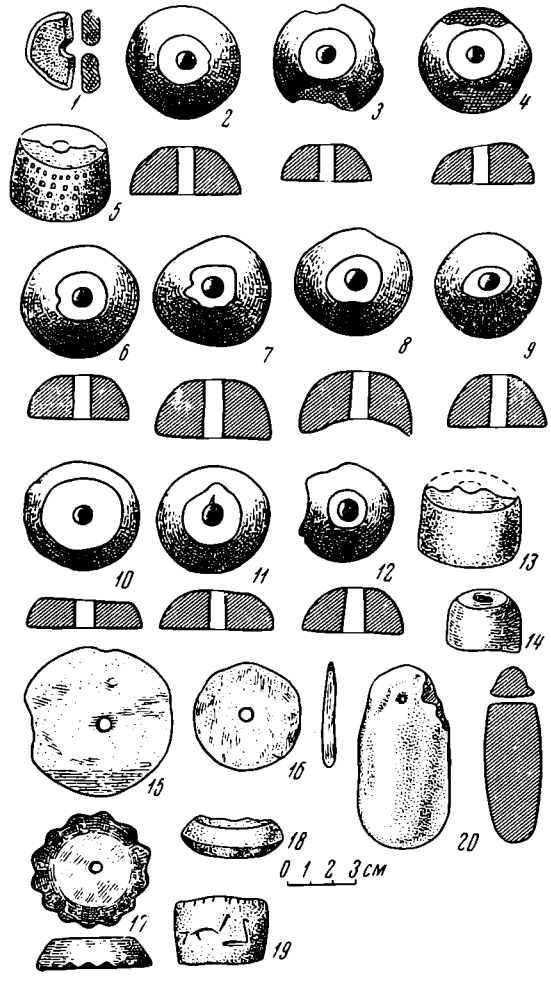


Рис. 1. Пряслица и подвеска срубной культуры.

1 — пос. Сопляки Куйбышевской обл.; *2, 3, 4, 6, 7, 8* — Хвалынское городище, Саратовский краев. музей, инв. № 371; *5, 9, 10* — Речка Гуселка 2, Саратовская обл.; *11* — 1-е Камышинское поселение, Волгоградская обл.; *12, 13* — Пятиморская стоянка (остров № 2), Волгоградская обл.; *14, 15* — поселение на р. Усе (раск. Н. В. Трубниковой); *16, 17, 19* — Комаровское поселение (раск. А. Е. Алиховой); *18* — 1-е Сусканское поселение (раск. Н. Я. Мерперта); *20* — с. Олонешты, Молдавская ССР (раск. А. И. Мелюковой)

Два пряслица обнаружены в 1966 г. старшим научным сотрудником Волгоградского краеведческого музея В. И. Мамонтовым на Пятиморской стоянке (остров № 2) Калачевского района. Первое пряслице изготовле-

[3] Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, 61, 1958, стр. 120, рис. 14, *12*.

[4] А. Е. Алихова. Комаровское поселение у Моечного озера. МИА, 61, стр. 164, рис. 6, *2*.

[5] Н. В. Трубникова. Итоги археологических исследований по р. Усе. МИА, 61, стр. 194, рис. 10, *10*.

но из эпифиза трубчатой кости, срезано с двух сторон. Диаметр основания 4,4 *см*, диаметр вершины 2, высота 2,1, диаметр отверстия 0,7 *см*. Второе пряслице (фрагмент) цилиндрической формы, изготовлено из слабо обожженной глины. Диаметр основания 4,2, высота 2,5 *см* (рис. 1, *12, 13*).

В 1965 г. автором этой заметки на 1-м Камышинском поселении второго этапа срубной культуры, расположенном к югу от г. Камышина Волгоградской области, также было обнаружено костяное пряслице, изготовленное из эпифиза бедренной кости. Размеры пряслица: диаметр основания 4,8 *см*, диаметр вершины 2,8, высота 1,9, диаметр отверстия 0,9 *см* (рис. 1, *11*).

Анализируя форму и материал пряслиц, можно сделать некоторые выводы о технике изготовления их и развитии прядильно-ткацкого ремесла. Самым распространенным материалом для изготовления пряслиц в этот период являлись эпифизы бедренных и плечевых костей крупного рогатого скота. Вершина и основание пряслиц обрабатывались на абразивной плите, а затем просверливались цилиндрическим сверлом. К второму типу относятся пряслица, изготовлявшиеся из сырой глины и украшенные в некоторых случаях орнаментом, а затем обжигавшиеся на огне. Форма их чаще цилиндрическая или слегка конусовидная. К третьему типу принадлежат пряслица, изготовлявшиеся из осколков глиняной посуды и сверленых. К четвертому типу относятся пряслица, изготовлявшиеся из природного камня. К этому типу принадлежит пряслице Максютовского поселения.

Хотя находки пряслиц и говорят о начавшейся переработке шерсти и пуха в пряжу, но еще не решают вопроса о зачатках примитивного станочного ткачества. Наиболее ранней находкой, указывающей на зачатки ткачества у племен срубной культуры, мы обязаны И. В. Синицыну. При раскопках жилища № 3 на Успенском поселении был обнаружен предмет пирамидальной формы, 9 *см* высоты и 6 *см* у основания, сильно обожженный [6]. Этот предмет был определен И. В. Синицыным как грузик от ткацкого станка, служащий для натяжения нитей основы и имеющий аналогии в грузиках городецкой культуры. О. А. Кривцова-Гракова пыталась квалифицировать эту подвеску как глиняный конус — кирпичик для свода очага и для аналогии ему брала конуса из сводов древнейших русских печей Готчевского городища [7]. Но это слишком далекая аналогия как по расстоянию, так и по времени. На наш взгляд, такая классификация этого грузика не соответствует действительному назначению его. Аналогии глиняной подвеске с Успенского поселения известны на поселениях раннего железа, а также в античных городах Причерноморья.

Известна и еще одна подвеска второго этапа срубной культуры. Так, при раскопках женского погр. № 1 кург. № 4 у с. Олонешты, Молдавской ССР А. И. Мелюковой была найдена слабо обожженная глиняная подвеска овальной формы, с отверстием у вершины. Длина подвески 8 *см* [8] (рис. 1, *20*). А. И. Мелюкова датирует это погребение эпохой поздней бронзы. Судя по форме, эта подвеска также служила для натяжения нитей основы.

Хотя в числе находок на поселениях или в погребениях второго этапа срубной культуры нам не известны случаи обнаружения остатков или отпечатков тканей, тем не менее в памятниках позднего этапа катакомбной культуры, население которой входило в соприкосновения с племенами

---

[6] И. В. Синицын. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. СА, XI, 1949, стр. 214.

[7] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье..., стр. 76.

[8] А. И. Мелюкова. Курганы эпохи бронзы у с. Олонешты. КСИА, 89, 1962, стр. 33—35.

Пряслица срубной культуры

Место находки	Материал	Диаметр основания, *мм*	Диаметр вершины, *мм*	Высота, *мм*	Диаметр отверстия, *мм*
Хвалынское городище	Кость	50	30	28	7
Там же	»	49	26	26	8
»	»	45	27	15	8
»	»	44	21	20	8
»	»	50	21	25	8
»	»	48	27	30	8
Максютинское поселение	Глина слабого обжига	42	42	17	—
Там же	Камень песчаник	45	—	20	—
Культурный слой № 13 у пос. Сопляки	Глиняный черепок	—	—	—	—
Речка Гуселка 2	Кость	43	18	23	6
Там же	»	47	35	15	8
»	Глина обожженная	45	40	30	8
Пятиморское поселение	Кость	44	20	21	7
Там же	Глина обожженная	43	38	25	8
Поселение на р. Усе	Глиняный черепок	70	—	—	8
Комаровское поселение	Кость	50	30	18	8
Поселение у Моечного озера	Глина обожженная	33	35	28	—
Там же	Глиняный черепок	49	—	—	—
»	Глина обожженная	30	20	21	8
Камышинское поселение	Кость		28	19	9

Примечание. 30 — размер приблизительный, определен по масштабу.

срубной культуры, такие случаи известны. Так, фрагмент ткани обнаружен в кенотафе кург. № 8 Элистинского могильника Калмыкской ССР (раскопки И. В. Синицына, 1964 г. Материал не опубликован).

Таким образом, наличие в хозяйстве племен срубной культуры большого количества мелкого рогатого скота поставило вопрос о развитии нового вида ремесла — прядильно-ткацкого, явившегося женским домашним ремеслом. Что прядение и ткачество являлись именно женским домашним ремеслом, подтверждают, в частности, находки пряслиц и подвесок в женских погребениях. Этот вывод подкрепляется также историческими и этнографическими материалами [9].

[9] Искренне выражаю благодарность тт. И. В. Синицыну, В. А. Фисенко и В. И. Мамонтову, предоставившим в наше распоряжение неопубликованный материал по пряслицам.

И. И. ГУЩИНА

НАХОДКИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ПРИКУБАНЬЯ

В 1961 г. жителем станицы Вознесенской Лабинского района Краснодарского края В. К. Вербицким в ГИМ были присланы вещи, найденные при разработке карьера по добыче глины. Железное оружие, предметы конского убора и керамика происходят, очевидно, из могильника, расположенного на возвышенности, в пойме р. Чамлык. По сообщению В. К. Вербицкого, погребенные находились в скорченном положении на боку, могилы были иногда обложены булыжником. Вещи, вероятно, происходят из различных погребений и восстановить их по комплексам нельзя. Тем не менее они представляют интерес для характеристики культуры Прикубанья V — начала III в. до н. э.

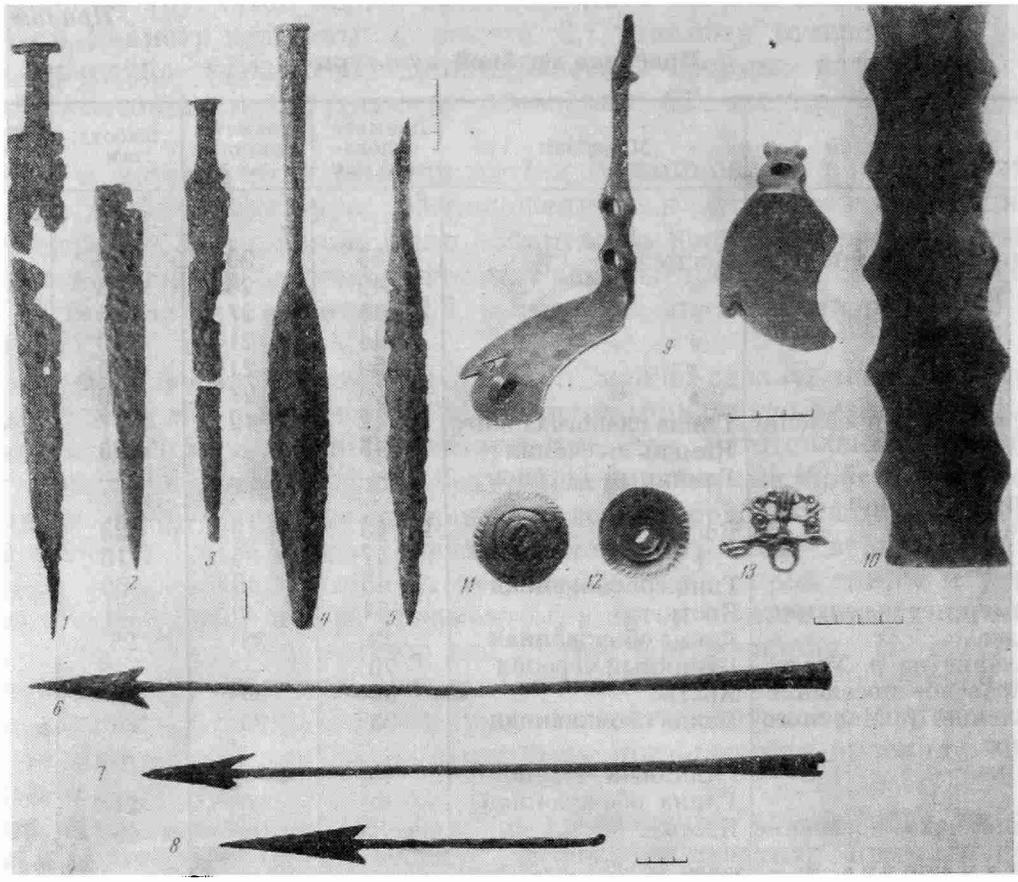


Рис. 1. Металлические вещи из могильника у станицы Вознесенской

Оружие представлено железными мечами, наконечниками копий и дротиков. Мечи (всего три, один обломан) длиной до 73 *см*, двухлезвийные, с широким клинком и прямым брусковидным навершием (рис. 1, *1—3*). Длинные мечи такого типа известны всего из нескольких погребальных комплексов Прикубанья IV — начала III в. до н. э.[1] и вместе с вновь найденными у станицы Вознесенской, свидетельствуют о том, что с IV в. до н. э. меотские конные воины были вооружены длинными рубящими мечами наряду с другим распространенным видом наступательного оружия — копьями. В мужских погребениях IV—III вв. до н. э. Пашковского могильника наконечники копий встречались в количестве от одного до семи экземпляров[2]. Такого же типа наконечник, как в прогребениях Пашковского и Усть-Лабинского могильников[3], встречены в могильнике у станицы Вознесенской (рис. *1*, *4—5*). Длинное ланцетовидное перо (до 33 *см* длиной) плавно сужается к втулке, расширяющейся к концу. Кроме указанных грунтовых могильников, копья такого типа найдены в кург. № 16 у станицы Воронежской, который датируется IV—III вв. до н. э. По-видимому, этим же временем можно датировать и публикуемые экземпляры.

Другим характерным видом оружия жителей Прикубанья были дротики, хотя они встречаются реже. Дротики из Вознесенского могильника увеличивают их количество. Все они железные, до 57 *см* длины, с острым

[1] Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской. МИА, 23, 1951, стр. 166, 167; К. Ф. Смирнов. Меотской могильник у станицы Пашковской. МИА, 64, стр. 305. В более восточных районах Северного Кавказа такие мечи встречаются с V до н. э.; Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья. СА, 1957, 2, стр. 165, рис. 6, *3*.

[2] К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 306.

[3] Там же, стр. 279, рис. 5, *3—4*, Н. В. Анфимов. Ук. соч., стр. 166—167, рис. 4, *12*.

треугольным наконечником, с опущенными углами. Втулка длинная, расширяющаяся книзу (рис. 1, *6—8*). Такие дротики известны из Рыжановских курганов Черкасской области (раскопки Самоквасова, 1890 г.)[4] и из могильника «Частые курганы» (IV—III вв. до н. э.)[5]. В Усть-Лабинском могильнике такие дротики вместе с наконечниками копий встречены в погребениях III — начала I в. до н. э.[6]. Время существования таких дротиков, очевидно, очень широко — с IV до I в. до н. э., но, учитывая нахождение вознесенских дротиков вместе с мечами IV—III в. до н. э., их можно относить к этому же времени.

Как в грунтовых, так и курганных погребениях Прикубанья очень часто встречаются предметы конского убора. Найдены они и в Вознесенском могильнике. К таким предметам относятся своеобразная бронзовая пластина с волнистыми краями (рис. 1, *10*). На обратной стороне ее — продольная петля. Скорее всего это конский налобник. По форме он напоминает налобники из погребений конца V в. до н. э. Семибратных курганов[7] и из нимфейского кургана середины V в. до н. э.[8] Но на нашем налобнике края имеют больше зазубрин, чем на указанных. К конскому же убору принадлежат две круглые бляшки с нарезным орнаментом в виде двух концентрических кругов и косых насечек по краю (рис. 1, *11*, *12*). На обратной стороне — петля для ремня. Такие бляшки долго бытовали на территории скифского, сарматского и меотского мира и о дате говорить не могут. Гораздо больше для хронологического определения вещей могут дать бронзовые двудырчатые псалии (два экземпляра, 1 обломан). Они круглые в сечении (рис. 1, *9*), один конец загнут, расплющен в пластину и оформлен сильно стилизованным изображением, очевидно, лапы животного. Второй конец заканчивается головой птицы (?). Эти псалии ближе всего псалиям из куганов Тамани, Прикубанья[9] конца V — начала IV в. до н. э. и являются предметами изготовления местных прикубанских мастеров. К вещам Прикубанского звериного стиля надо отнести бляшку от конского убора, представляющую собой голову оленя, рога которого состоят из двух голов грифонов, повернутых друг к другу (рис. 1, *13*). По стилю бляшка ближе всего к предметам конского убора из кург. № 19 у станицы Воронежской[10]. Таким образом, по приведенным аналогиям можно отнести металлические вещи Вознесенского могильника к группе вещей синдо-меотского типа V — III вв. до н. э. (V — IV вв.— предметы конского убора, IV—III вв.— оружие).

Труднее определить керамику из этого могильника, которая, как и во всех погребальных комплексах Прикубанья, встречена здесь в большом количестве и представлена несколькими формами. Все сосуды лепные, сероглиняные: 1) горшки с узким устьем и округлыми или биоконическими боками, без поддона (рис. 2, *1—2*); на тулове одного из них нарезной орнамент в виде вертикальных полос; 2) одноручные кувшины. Один с тонкими стенками, расширяющимися к горлу (рис. 2, *3*), остальные более грубые, с округлыми боками, с ленточными ручками, прикрепленными к краю горла, без поддона (рис. 2, *4, 5*); 3) небольшие одноручные кубки, близкие по форме вышеописанным сосудам. Поверхность их слегка заглажена и на нее нанесен орнамент из горизонтальных и вер-

---

[4] ГИМ, инв. № 26514.

[5] С. Н. Замятин. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. СА, VIII, 1946, стр. 21, рис. 8, *2—3*.

[6] Н. В. Анфимов. Ук. соч., стр. 183, рис. 12, *4*.

[7] Сокровища Скифских курганов. В Собрании Гос. Эрмитажа. Текст М. И. Артамонова. Прага — Ленинград, 1966, стр. 33, рис. 57.

[8] Л. Ф. Силантьева. Некрополь Нимфея. МИА, 69, 1959, стр. 68, рис. 37, *6*.

[9] А. К. Коровина. К вопросу об изучении Семибратных курганов, СА, 1957, 2, стр. 184, рис. 9, стр. 185.

[10] ОАК за 1903 г., стр. 75.

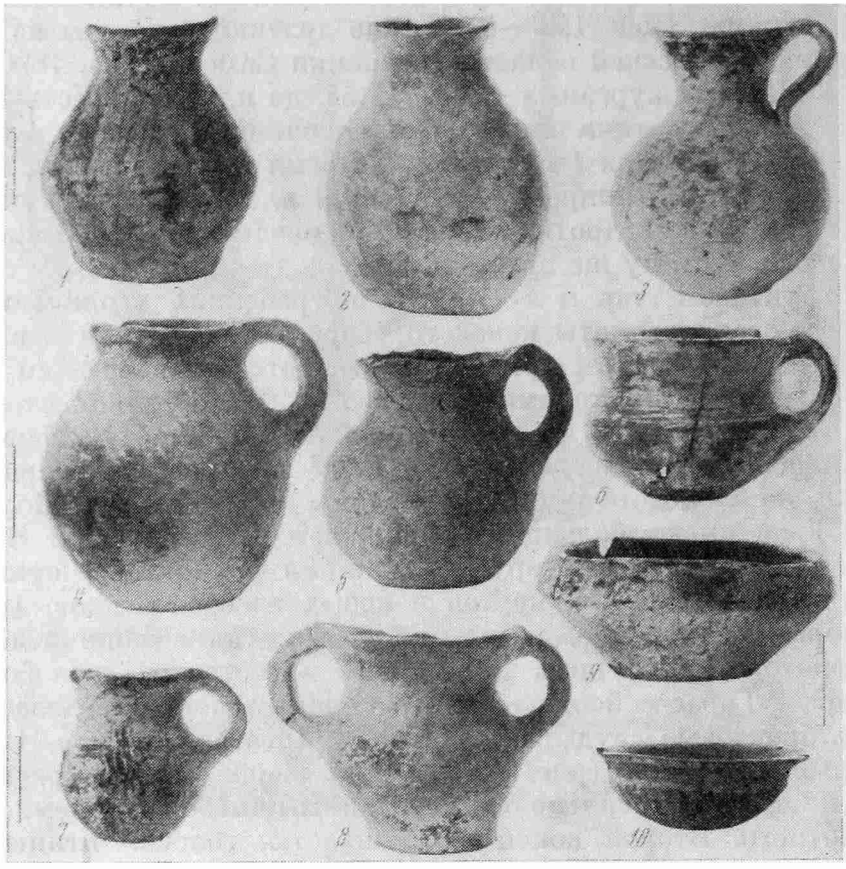


Рис. 2. Лепная керамика из могильника у станицы Вознесенской

тикальных полос (рис. 2, *6—7*); 4) двуручный кубок грубой работы, ручки укреплены у края горла (рис. 2, *8*); 5) миски, одна очень простой формы с небольшим ребром и чуть сходящимися кверху стенками (рис. 2, *9*), другая с лощеными полосами по стенкам и отогнутыми наружу краями (рис. 2, *10*). Некоторые из указанных сосудов имеют сходство с меотской керамикой Прикубанья (VI—III вв. до н. э.) [11].

Таким образом, керамика тоже укладывается, очевидно, в те же рамки V—III вв. до н. э. Подтверждает эту датировку и отмеченная выше деталь обряда Вознесенского могильника — скорченное положение костяков, которое известно для многих меотских могильников Прикубанья VI—IV вв. до н. э. [12]. В целом керамика довольно своеобразна. Некоторым сосудам аналогий среди меотской керамики найти не удалось (рис. 2, *8, 10*).

Н. В. Анфимов в одном из докладов указывал, что памятники по среднему течению р. Урупа надо относить к другой отличной от меотской, но синхронной ей культуре [13]. Могильник у станицы Вознесенской расположен немного западнее бассейна р. Урупа, может быть, он и находился как раз на стыке этих двух культур.

---

[11] Н. В. Анфимов. Ук. соч., стр. 163, рис. 2, *1, 2,* стр. 161, рис. 1, *7, 10, 12;* К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 284, рис. 7, *22,* стр. 279, рис. 5, *10.*

[12] Там же, стр. 294.

[13] Н. В. Анфимов. Некоторые вопросы изучения меотской культуры. Пленум Института археологии АН СССР, 1966 г., секция раннего железного века (тезисы докладов), 1, М., 1966, стр. 2—3.

Н. Л. ГРАЧ

МРАМОРНАЯ СКУЛЬПТУРА ИЗ ГОРГИППИИ

В коллекциях Государственного музея Грузии в Тбилиси хранится голова от небольшой мраморной статуи [1] (рис. 1, 2). Происхождение памятника не совсем ясно [2]. Из архивных данных музея следует, что он попал туда вместе с коллекциями, принадлежавшими Байерну, поступившими в музей без каталога, который был составлен П. С. Уваровой по географическому принципу на основании этикеток. Не исключено, что скульптура происходит из курганов «Три сестры» в Анапе, которые в 1876 г. [3] раскапывал Байерн. Однако утверждать этого нельзя, так как результаты работ не были опубликованы. Возможно, что голова является случайной находкой. Несомненно лишь то, что она происходит из античного города Горгиппии (Анапы), при раскопках которого неоднократно встречались памятники скульптуры.

Голова изваяна вместе с шеей и верхней частью груди из одного куска белого крупнозернистого мрамора, покрытого желтоватой патиной. Поверхность мрамора сильно испорчена: сбиты нос, губы, глаза, повреждена сзади прическа. Возможно, что скульптура находилась какое-то время в воде, вследствие чего сгладились детали. Плохая сохранность существенно затрудняет исследование скульптуры. Тем не менее, форма головы, характер прически и трактовка черт лица, которые все же удается проследить, при сопоставлении с другими аналогичными памятниками позволяют определить стилистические особенности головы и время ее изготовления.

Скульптура принадлежит к распространенному в греческой пластике типу юной девушки или богини. Голова чуть склонена к левому плечу, волосы причесаны на прямой пробор, с помощью ленты уложены широким валиком, закрывающим уши и сзади собраны в узел. Лицо удлиненное, массивное, с высоким узким лбом треугольной формы, с близко поставленными глазами и изогнутыми надбровьями. Выражение лица спокойное, его черты обобщены и идеализованы.

Горгиппийская скульптура явно привозная: это, несомненно, греческий оригинал, о чем свидетельствует мягкая пластика с плавными переходами в чертах лица, а также характерная обработка мраморной поверхности без применения полировки, свойственной скульптуре римского времени.

Тип головы восходит еще к образцам греческой пластики V в. до н. э. Однако форма и посадка головы и вытянутые пропорции лица напоминают те черты, которые были привнесены в скульптуру Праксителем. Таким образом, по общему характеру горгиппийскую голову следует отнести к произведениям эллинистического времени.

Скорее всего ее можно сопоставить с хранящейся в Будапеште головой аттической статуи танцующей девушки [4], датируемой первой половиной III в. до н. э. Сходство наблюдается в характере прически, в суммарной трактовке волнистых прядей волос на затылке и в передаче черт лица — имею в виду овал, высокий лоб, изогнутость бровей, чуть улыбающийся рот с ямочками в углах губ. Будапештская голова выпол-

---

[1] Инв. № 3507. Выс. 13 *см*. Пользуюсь случаем выразить благодарность заведующему отделом археологии Государственного музея Грузии А. И. Джавахишвили, давшему мне возможность опубликовать памятник.

[2] Скульптура упоминается в каталоге П. С. Уваровой среди нескольких вещей, происходящих из Анапы, и определяется ею как «мраморная женская голова греческой работы и греческого мрамора». Г. И. Родде. Коллекции Кавказского музея. V, Тифлис, 1902, стр. 165.

[3] ОАК за 1881 г., стр. XI.

[4] L. Alscher. Griechische Plastik. IV, Berlin, 1957, рис. 3 d/e.

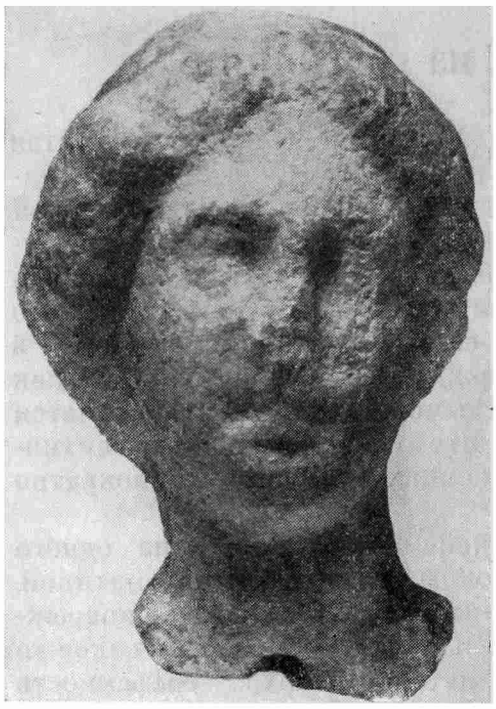


Рис. 1. Мраморная голова из Горгиппии

нена в праксителевских традициях, в горгиппийской же есть такие черты, которые отличают ее от аттической пластики эллинистического времени. Это, прежде всего, очертания головы — параллелизм ее построения и вытянутость по вертикали. Такая форма сближает георгиппийскую скульптуру с более поздними памятниками, как например, с головами девушек из музея Кембриджа [5] или из частной коллекции в Мюнхене [6]; головы эти относятся к середине и второй половине II в. до н. э. и являются произведениями малоазийского происхождения. Однако строгий стиль нашего памятника, его монументальный и несколько торжественный характер не позволяют датировать его столь поздним временем. Нельзя найти общих черт и при сравнении его с известными скульптурами пергамской школы, которым присущи пафос и эмоциональная экспрессия [7].

Произведенный анализ показывает, что горгиппийская голова отличается от скульптуры стиля Праксителя и вместе с тем не имеет ничего общего с произведениями пергамской школы. Зато ближайшие стилистические аналогии наша скульптура находит среди памятников александрийской группы. Эта близость становится очевидной при сопоставлении ее, например, с женскими головами III в. до н. э. из Александрии [8] и из музея Дрездена [9]. Общность наблюдается в форме головы с вытянутыми пропорциями и вертикальным построением фаса и затылочной части, а также в чертах лица, которые изваяны в характерной для александрийской школы манере «sfumato». Обращает внимание одинаково близкое расположение глаз, сходная трактовка высокоподнятых дугообразных бровей и такие особенности, как тонкое переносье, высокий нос, небольшой рот с ямками в углах губ, короткий и мягко очерченный подбородок. Эти отличительные черты александрийской скульптуры были отмечены еще Амелунгом, который собрал и изучил целую группу подобных памятников, относящихся к III в. до н. э. [10]

Среди них наиболее близкой аналогией горгиппийской голове является статуэтка Афродиты из коллекции антикваров Спинк [11]. По характеру прически она напоминает упомянутую будапештскую статую танцовщицы; исходя из нее, полагаем, следует реставрировать заднюю часть прически нашей скульптуры. Единый стиль этих разных по происхождению памятников объясняется тем, что александрийская школа была под сильным влиянием искусства Праксителя [12].

---

[5] L. Budde and R. Nicholls. A Catalogue of the Greek and Roman Sculpture. Cambridge, 1964, стр. 40, табл., 21, *69*.

[6] K. A. Neugebauer. Antiken in deutschem Privatbesitz. Berlin, 1938, стр. 15, табл. 12, *25*.

[7] L. Alscher. Ук. соч., табл. 23*а*, 23*в*, 35.

[8] A. Adriani. Testimonianze e momenti di scultura Allessandrina. Roma, 1958, табл. V—VI.

[9] Там же, табл. VII.

[10] W. Amelung. Dell'arte Alessandrina. Bullettino della commissione Archeologica comunale di Rome. XXV, 1897, стр. 110 сл.

[11] S. Reinach. Statuette en marbre d'Aphrodite. RA, I, 1903, табл. VI.

[12] M. Bieber. The Sculpture of the Hellenistic Age. New York, 1961, стр. 89.

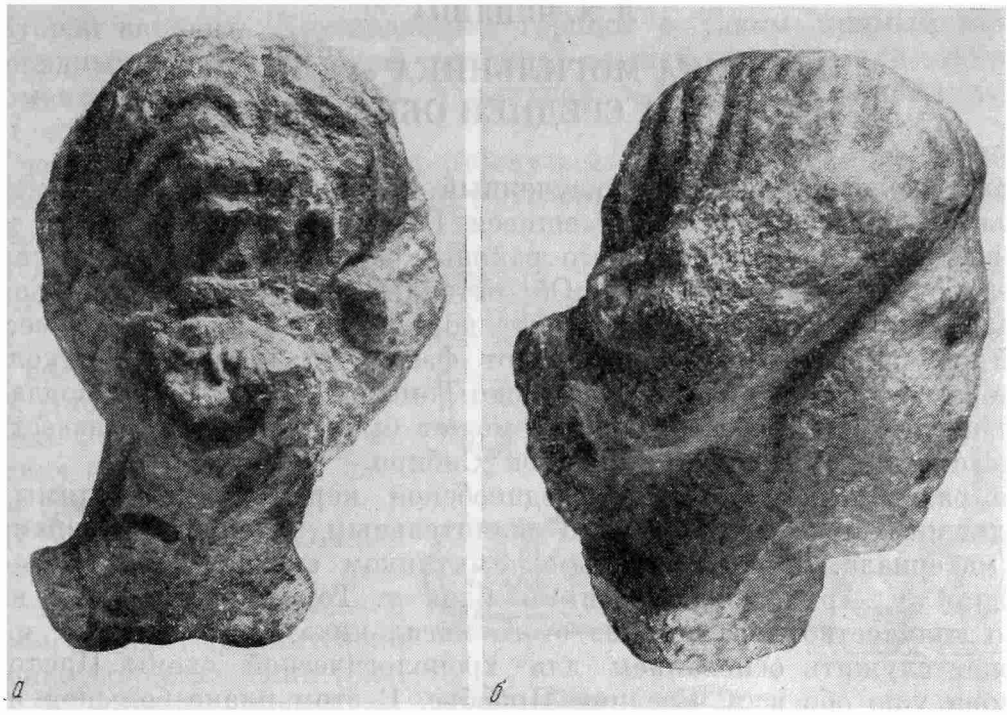


Рис. 2. Мраморная голова из Горгиппии.
а — вид сзади, *б* — вид сбоку

В этой связи необходимо упомянуть бронзовый бюст египетской царицы Арсиной III — жены Птолемея IV (222—205 гг. до н. э.), хранящийся в музее Мантуи [13], и золотую монету с ее изображением из Британского музея [14], которые дают более точную дату интересующей нас прически.

На основании приведенных аналогий горгиппийскую скульптуру вернее всего датировать последней четвертью III в. до н. э. и отнести к группе памятников александрийской школы. Этому не противоречит и техника, в которой воспроизведена прическа. Суммарная трактовка волнистых неравномерно распределенных прядей, выполненных как бы врезанными линиями, также характерна для александрийских памятников. В этом убеждают такие произведения александрийской группы, как бюст Арсиной III, мраморная голова Селены в Базеле [15] или ольвийская женская головка [16] в Эрмитаже.

Из всего сказанного не следует, что горгиппийская скульптура была привезена в Северное Причерноморье непосредственно из Александрии, но, безусловно, создавший ее мастер либо был представителем александрийской школы, либо находился под сильным ее влиянием.

Определение сюжета статуи, которой принадлежала горгиппийская голова, затруднено отсутствием каких-либо атрибутов. Однако, судя по явно обобщенному и идеализованному характеру черт лица и отсутствию элементов индивидуальности и портретности, можно сказать, что статуя скорее всего была изображением женского божества, возможно Афродиты.

---

[13] Там же, стр. 92, рис. 354—355.
[14] Там же, рис. 356.
[15] W. Amelung. Ук. соч., рис. 8 и 9; Arndt — Amelung. Einzelaufnahmen, № 899—900.
[16] Б. В. Фармаковский. Раскопки в Ольвии в 1902—1903 годах. ИАК, 13, СПб., 1906, стр. 207, рис. 155, табл. II.

Л. А. ЧИНДИНА

КЕРАМИКА МОГИЛЬНИКА «РЕЛКА» НА СРЕДНЕЙ ОБИ

Эпоха железа — наименее изученный период в истории Среднего Приобья. Исследователи, занимавшиеся Приобьем этого времени, обращали внимание на отдельные его районы, чаще южные [1], или касались каких-либо частных вопросов [2]. Об истории этого обширного края от так называемой кулайской культуры [3] до XV—XVII вв.[4] мало известно. Слабой изученностью объясняется тот факт, что значительное количество керамики, собранной в Нарымско-Томском Приобье, не поддается датировке, а из-за своеобразия не может быть отнесено к известным археологическим культурам Западной Сибири.

Для разработки типологии среднеобской керамики необходимы хорошо датированные комплексы со значительным количеством керамического материала. Давно известным памятником средневековья является могильник у Архиерейской заимки близ г. Томска (VII—VIII вв.) [5]. Однако количество керамики из этого могильника незначительно, и она не может служить основанием для хронологической схемы Притомья, не говоря уже обо всем Среднем Приобье. В этом плане большой научный интерес представляет могильник «Релка», расположенный в с. Молчаново Томской области на р. Оби. В 1963—1966 гг. экспедицией Томского университета при участии автора было раскопано 14 курганов. Могильник датируется VI—VIII вв. значительным количеством вещей — оружие, поясные наборы, некоторые виды украшений (рис. 1).

Керамическая коллекция, собранная в могильнике, обширна (около 250 сосудов, из них половина целых). В 59 могилах найдено 27 сосудов, четыре из них во фрагментах [6]. Основная масса керамики собрана в насыпях. Контрольные раскопы показывают, что только в юго-западном углу памятнику предшествовал могильник эпохи поздней бронзы. Таким образом, в насыпь курганов керамика могла попасть только в результате поминальных тризн, которые были обычным явлением на исследуемом могильнике, или во время разграбления могил. Типологических различий между керамикой насыпей и могил не наблюдается, поэтому в дальнейшем она будет рассматриваться как единый комплекс.

В основу классификации керамики положены форма и орнаментация сосудов.

I тип. Круглодонные горшки с хорошо профилированной шейкой и плечиками. Это самый многочисленный тип керамики в могильнике; встречается в могилах и в насыпях. В составе его можно выделить четыре варианта с некоторыми особенностями в форме сосудов.

Первый вариант. Венчик прямой. Край срезан внутрь, утолщен или закруглен. Высота горла различна. Чаще занимает треть или четверть высоты сосуда. Дно круглое, заостренное. Горшки с круглым дном — приземистые, широкогорлые (рис. 2, *2*), а с заостренным дном — несколько вытянутые, близкие яйцевидной форме (рис. 2, *1*). Орнамент расположен по шейке и спускается на верхнюю часть тулова. Значительно реже украшен только венчик. Иногда орнаментирован весь сосуд.

---

[1] В. А. Могильников. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I— начале II тысячелетия н. э. Автореф. канд. дис. М., 1964, стр. 12—13.

[2] М. Ф. Косарев. К вопросу о степном компоненте в культурах железного века лесного Приобья. СА, 1964, 2.

[3] И. М. Мягков. Древности Нарымского края. Тр. ТКМ, II. Томск, 1929.

[4] А. П. Дульзон. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар. Уч. зап. Томск. ГПИ, 10, 1953.

[5] ОАК за 1898 г.

[6] Большинство могил в могильнике было разрушено.

Второй вариант. Круглодонные горшки с узким прямым горлом и шаровидным туловом. Край венчика скошен внутрь или закруглен. Орнаментированы по шейке и верхней части тулова, иногда до половины сосуда (рис. 2, *3, 4*).

Третий вариант. Сосуды с отогнутым наружу венчиком, приближающимся к воротничковому. Дно круглое, иногда уплощенное. Орнамент нанесен по венчику и спускается на плечики (рис. 2,*5*).

Четвертый вариант. Горшки с наклонной внутрь шейкой, резко переходящей в тулово. Дно круглое или заостренное. Орнамент нанесен по венчику и спускается на плечики (рис. 2, *6*).

II тип. Круглодонные чаши двух вариантов: первый — горшки сферической формы, точнее, сравнительно высокие закрытые чаши (рис. 2, *7*, *9*), второй — низкие открытые чаши (рис. 2, *8*).

Для чаш характерен срезанный внутрь или закругленный край венчика. Орнамент располагается в верхней части сосуда, иногда покрывает почти весь сосуд (рис. 2, *7—9*). Этот тип распространен в могильнике сравнительно меньше, чем первый, и встречается в насыпях и в могилах.

III тип. Горшки митровидной формы. Край венчика закруглен или скошен внутрь. Орнамент покрывает треть сосуда, иногда половину или весь сосуд (рис. 2, *10*). Группа таких сосудов немногочисленна и в могилах не встречена.

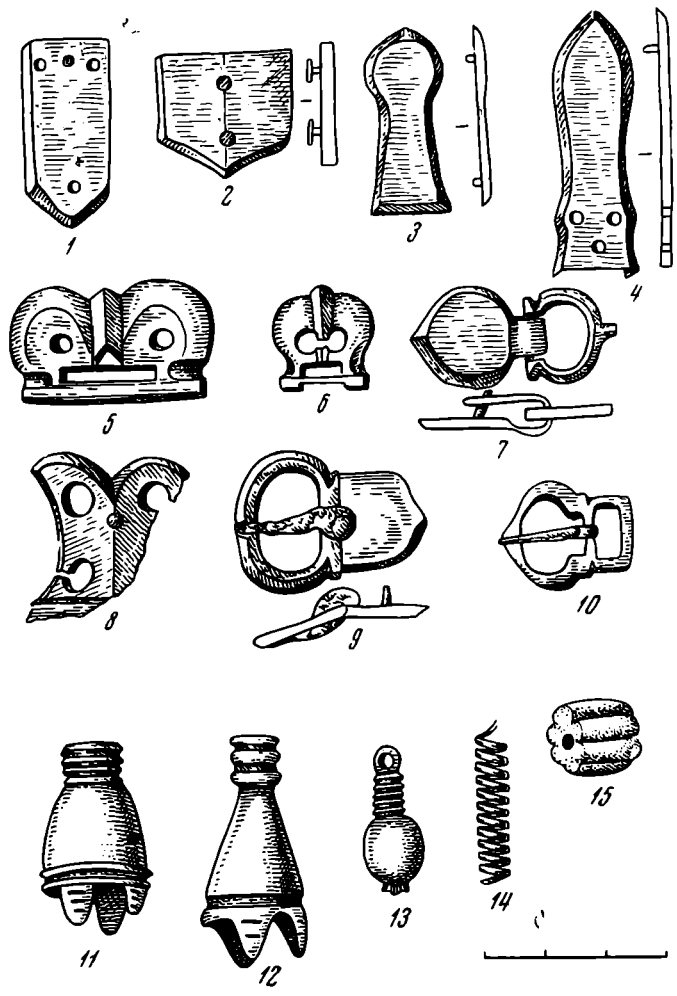


Рис. 1. Детали поясного набора и украшения из могильника «Релка»

1—5 — кург. № 1, м. 7; *6* — кург. № 1, м. 4; *7* — кург. № 1, м. 6; *8* — кург. № 7; *9* — кург. № 1, м. 9; *10* — кург. № 4, м. 7; *11* — кург. № 5, м. 2; *12* — кург. № 1, м 6; *13* — кург. № 1, м. 1; *14* — кург. № 5, м. 1; *15* — кург. № 1, м. 7

IV тип. Среди керамики могильника выделяется небольшая группа ладьевидных сосудов с выступами с двух противоположных концов, овальных в сечении. В одном случае выступ увенчан головой животного (рис. 2, *11*, *12*). Край венчика у ковшей срезан внутрь или закруглен. Орнамент располагается в верхней части сосуда. Ковши найдены только в насыпях.

Из всего многообразия орнаментов молчановской керамики можно выделить две основные группы, отличающиеся по стилевым и композиционным признакам и по технике выполнения.

Наиболее распространены сосуды с орнаментом из отпечатков гребенчатого штампа в сочетании с ямками или бугорками («жемчужник»). Исполнение орнамента небрежное. Применялся мелкозубый и крупнозубый штамп, отпечатки которого нанесены в виде елочки, вертикальных и горизонтальных поясов. Характерно зигзагообразное нанесение гребенки. Зигзаги могли быть в центре узора, проходя один под другим или соприкасаясь углами и образуя таким образом квадраты. Чаще они встречаются в

нижней зоне орнамента. От углов вниз спускаются вертикальные отпечатки гребенчатого штампа. Орнамент принимает вид арки, что придает сосуду нарядный вид. Этот орнаментальный мотив широко известен в памятниках Среднего Прииртышья[7] и Среднего Приобья — могильники Тимирязевский и у Архиерейской заимки на р. Томи, Инкинское жилье на р. Оби, Малгетское, Гришкинское поселения на р. Шудельке[8] и др.

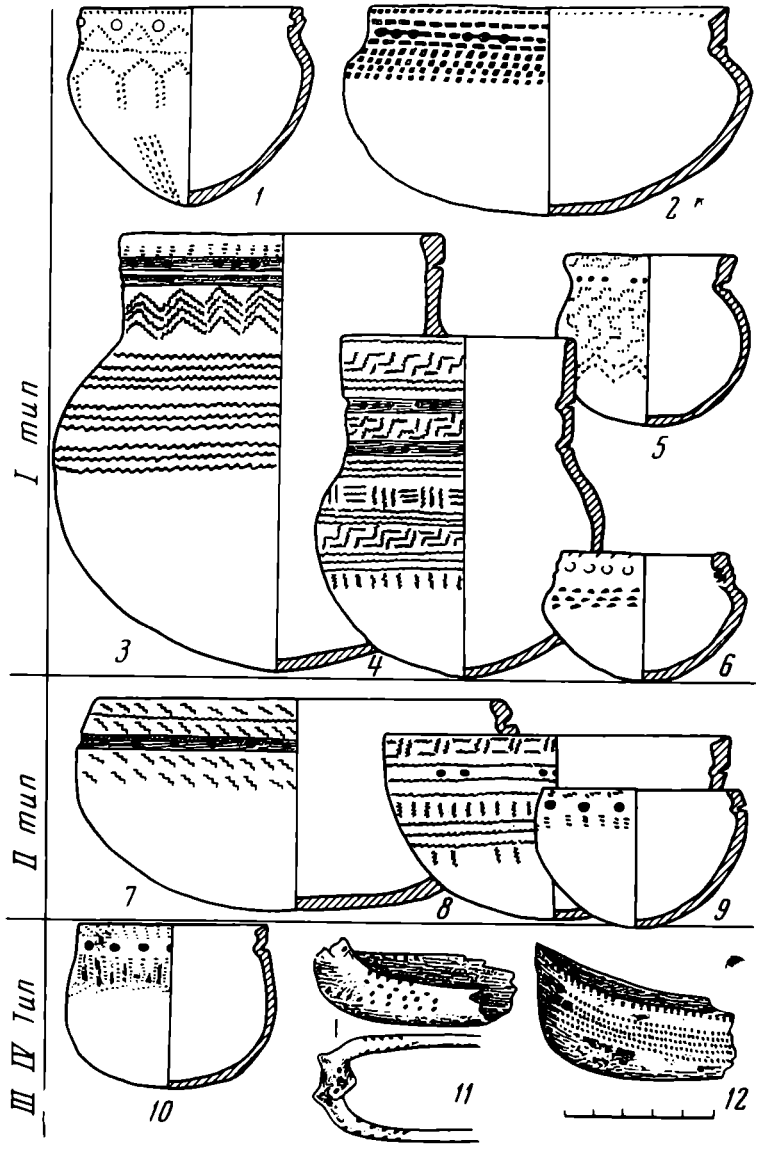


Рис. 2. Керамика из могильника «Релка»

1 — кург. № 1, насыпь; *2* — кург. № 5, м. 1; *3* — кург. № 7, насыпь; *4* — кург. № 5, м. 2; *5* — кург. № 1, м. 7; *6* — кург. № 1, м. 6; *7* — кург. № 4, м. 2; *8* — кург. № 4, насыпь; *10* — кург. № 6, насыпь; *11* — кург. № 1, насыпь; *12* — кург. № 27, насыпь

Гребенчатый орнамент редко использовался самостоятельно. Обычно его сопровождают пояски ямок и «жемчужин»; эти элементы наносились поверх другого орнамента. Данная группа орнаментов характерна для всех типов сосудов могильника, исключая второй вариант первого типа, и типологически тяготеет к лесным районам Западной Сибири.

Вторая группа орнаментов на керамике могильника «Релка» — штамповая. Сосуды украшены оттисками различных фигурных штампов, из них

---

[7] В. А. Могильников. Новоникольское IV городище. СА, 1964, 1, стр. 244.

[8] Материалы хранятся в Музее археологии и этнографии Сибири (МАЭС) при Томском гос. университете.

наиболее распространенные гладкая и гребенчатая «уточка» и пильчатая гребенка [9], реже встречаются различного вида треугольники и глазчатые ромбы (рис. 2, *3*, *4*, *7*). Орнамент наносился зонами. Использовались все ранее названные элементы, кроме «жемчужника». Композиционное построение их очень оригинальное. Каждый элемент выписывался аккуратно и предельно четко, причем эти элементы взяты в наиболее тонких формах. Например, использовалась только мелкозубая или чаще фигурная гребенка, имевшая вид тонкой рюши. Чередование зон подчинялось определенной закономерности. Характерна многорядность зон, особенно для «уточек». Фигурные штампы («уточки», глазчатые ромбы, треугольники) чередовались с более строгими элементами — гладкими желобками, горизонтальными гребенчатыми поясами. Оттиски фигурных штампов, несмотря на малые размеры, выполнены с чрезвычайной тщательностью, плотно друг к другу. Ямки, в отличие от первой группы, наносились очень аккуратно, часто группируясь по две-три.

Штамповая керамика представлена сосудами всех вышеназванных типов и является единственной для сосудов второго варианта первого типа (рис. 2, *3*, *4*). В техническом отношении это лучшие сосуды среди молчановской керамики. Керамика этой группы интересна не столько своей нарядностью и изяществом, сколько своеобразием. Еще раньше было отмечено, что такой орнамент ведет свое начало с эпохи бронзы [10]. Это сходство при сравнении со штамповой керамикой «Релки» обнаруживается как композиции орнамента, так и в его элементах. Наблюдается четкая зональность в нанесении орнамента, что часто подчеркивается желобчатыми поясами. Меандровые штампы, «уточка», спускающиеся вниз вершинами взаимопроникающие треугольники находят соответствие в геометрических рисованных орнаментах эпохи бронзы (рис. 2, *4*, *8*) [11]. Этот орнамент, видоизменяясь, бытует вплоть до XVII в. у самодийских племен, населявших Приобье.

Интересно отметить, что штамповая керамика из могил принадлежит в основном женским погребениям [12]. Смысл этого факта пока трудно объяснить. Возможно, это было связано с какими-то религиозными взглядами или с особенностями брачных отношений племени, оставившего могильник.

На территории Нарымско-Томского Приобья штамповая керамика встречалась и раньше, но единого взгляда о дате ее не было. Так, П. И. Кутафьев датировал ее тагарским (городище Богатырский бугор) и афанасьевским (городища Пекулякский и Могильный мыс) временем [13]. А. П. Дульзон [14], считая эти даты неверными, не мог дать более точных. Поэтому попытка датировки ее по материалам могильника «Релка» должна внести определенную ясность в этот вопрос.

Как известно, датированными памятниками являются могильники Притомья [15] (могильники Тимирязевский и Архиерейский). Все они относятся

---

[9] Пильчатый штамп создавался по принципу обычного гребенчатого, только вместо зубцов сделаны зигзаги.

[10] В. А. Могильников. Новоникольское...; М. Ф. Косарев. Некоторые проблемы древней истории Обь-Иртышья. СА, 1966, 2, стр. 26.

[11] В. И. Матющенко. Отчет о полевых археологических исследованиях летом 1963 года. Рукопись хранится в МАЭС, инв. № 265; А. П. Баранес, М. Ф. Косарев, В. Д. Славнин. Еловский археологический комплекс. Уч. зап. ТГУ, 60, 1966, табл. 4, *6*; табл. 7, *3*, *5*.

[12] Следует оговориться, что в ряде погребений пол не был установлен из-за чрезвычайной фрагментарности или полного отсутствия черепов. Из семи могил с сосудами со штамповым орнаментом четыре — с женскими погребениями, одно — с детским, пол двух последних не установлен.

[13] П. И. Кутафьев. Отчет об археологических исследованиях по Нарымскому округу за 1938 г., IV. Отчет хранится в МАЭС.

[14] А. П. Дульзон. Археологические памятники Томской области. Тр. ТКМ, V, 1956, стр. 221—223, 228.

[15] М. Ф. Косарев. Отчет о раскопках Тимирязевского, курганского могильника летом 1960 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2195. Фонды ГИМа, кол. 37729.

к VIII в. Дата могильника «Релка» глубже — VI—VIII вв. Сопоставление керамики всех этих могильников приводит к интересным результатам. Во всех памятниках распространена посуда, по форме и орнаментации аналогичная релкинской керамике. Это горшковидные сосуды с широким горлом, прямой или слегка наклонной внутрь шейкой. Переход от шейки к тулову плавный, иногда резкий. Орнаментация преимущественно гребенчатая. Используются одинаковые сочетания и композиции. Орнамент на-

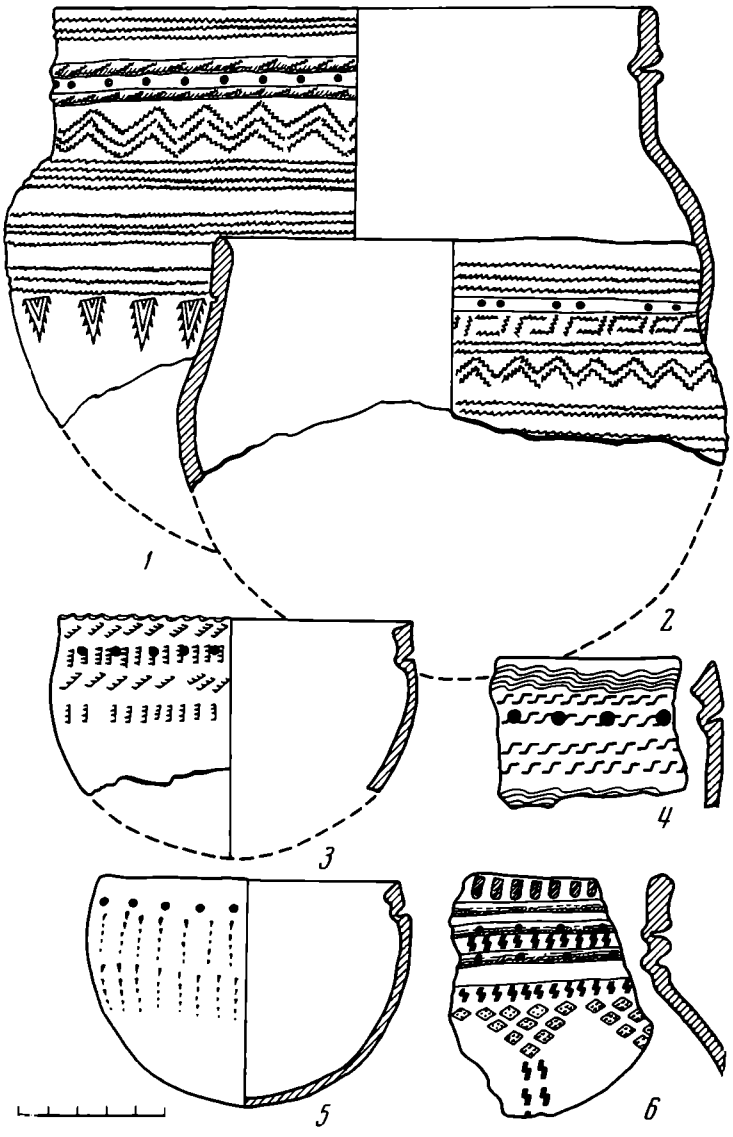


Рис. 3. Керамика с поселения Малгет II

несен в верхней части сосуда в виде горизонтальной, вертикальной и наклонной гребенки. Характерны зигзаговые композиции. Зигзаги были полные и усеченные.

Особенностью керамики могильника «Релка» является наличие штамповой орнаментации. В Притомских могильниках ее нет. Этот момент чрезвычайно важен и объясняется хронологическими различиями. Локальные особенности здесь ни при чем, так как штамповая орнаментация для Притомья была в свое время характерна (городище Шеломок, Кижирово, Басандайка, поселение Иринский Борик). Видимо, к VIII в. штамповая керамика, в том виде как она была представлена раньше, исчезает. Это характерная черта для керамики всей Западной Сибири.

Эволюцию штамповой керамики нагляднее всего можно проследить при сравнении материалов из «Релки» и с поселения Малгет II. Количественное соотношение материалов этих памятников приблизительно одинаковое.

Керамика сходна несомненно. В ряде случаев сосуды из могильника и из поселения просто тождественны. Малгетское поселение расположено на берегу оз. Шапочного (Малгет), соединенного неширокой протокой с р. Шудельки, впадающей в р. Обь в 90 *км* севернее Колпашево (Томская обл.). Оно находится на высокой песчаной гриве и насчитывает 43 землянки, расположенных на поселении эпохи бронзы. В 1966 г. экспедицией Томского университета были раскопаны четыре землянки. Малгетская керамика по форме сосудов и их орнаментации сходна с посудой «Релки» (рис. 3, *1—6*). Основными типами сосудов в Малгетском поселении являются горшки I и II типов, по молчановской классификации. В малгетской орнаментации наблюдаются те же приемы и элементы, что и в «Релке». Наиболее многочисленна в поселении керамика с вышеописанным штамповым орнаментом (рис. 3, *1, 2, 6*). При одинаковом количестве видов орнамента в поселении и могильнике (123), процентное соотношение штамповой керамики резко не соответствует: в могильнике «Релка» — 27, в поселении Малгет II — 51,2%. Как известно, процентное соотношение постоянно меняется во времени, а для данного памятника или серии однородных памятников оно является определенным и устойчивым, но для каждого отрезка времени [16]. Несоответствие в соотношении будет свидетельствовать прежде всего о неодновременности избранных памятников. В данном случае соответствие нарушено. Помня, что в поздних (VII—VIII вв.) памятниках штамповой керамики не было, можно сделать окончательный вывод, что она существовала раньше. А тот факт, что ее больше в Малгете II, свидетельствует о существовании последнего еще до возникновения могильника «Релка», т. е. верхняя дата определяется не позднее VI в. О нижней дате поселения также можно высказать ряд соображений.

Среди штамповой малгетской керамики имеются мотивы, не известные в «Релке». Элементы штампового орнамента используются те же, но обнаруживается новый мотив — волнистые линии, сделанные гребенкой или путем поставленных на угол уточек, расположенных цепочкой. О локальных особенностях этого орнамента говорить не приходится, так как он распространен на территории всей Западной Сибири [17], и в частности в Нарымском Приобье [18] (городища Пекулякское, Богатырское, Смолокуровское и др.).

В Малгетском поселении есть группа штамповой керамики, которая отличается по своим композиционным особенностям. Зоны из одинаковых штампов, как правило, не разделяются подчеркнуто горизонтальными элементами (горизонтальные пояса гребенки, желобки). На такой керамике полностью отсутствуют зигзаговые, а тем более арочные композиции. В целом довольно монотонный узор всегда завершается горизонтальными формами. Такая керамика характерна не только для Среднего Приобья, но встречается в Прииртышье (городища Спериовское, Большой лог, датированные серединой I тысячелетия н. э.) [19].

Исходя из этих соображений, нижнюю дату поселения Малгет II можно определить IV в. В целом существование памятника относится к IV—VI вв.

Вероятно, к этому же времени принадлежат и другие памятники: с р. Шудельки, тымские и васюганские, парабельские, чаинские, некоторые

---

[16] И. С. Каменецкий. Датировка слоев по процентному соотношению типов керамики, Сб. «Археология и естественные науки». МИА, 129, 1965.

[17] М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. МИА, 48, 1956, табл. X и др.

[18] М. Ф. Косарев. О некоторых обских орнаментах. КСИА АН СССР, 101, 1966, рис. 11; П. И. Кутафьев. Указ. соч., стр. 41.

[19] В. А. Могильников. Исследования в лесостепном Прииртышье. Сб. «Археологические открытия 1966 г.». М., 1967, стр. 151; В. Ф. Генинг, Р. Д. Голдина. Поселение Большой лог у г. Омска. «V Уральское археологическое совещание». Тезисы докладов и сообщений. Сыктывкар, 1967, стр. 147.

томские (городища Кижирово, Шеломок, Басандайское). Для четырех последних групп нужно несколько уточнить датировку. По-видимому, верхняя дата не выходила за пределы V в., так как ни в одном из этих памятников нет подобного релкинскому узорчатого штампового орнамента с зигзаговыми и арочными композициями. О нижней дате существования этих памятников пока трудно что-либо сказать.

Таким образом, в результате сопоставления керамики могильника «Релка» с другими комплексами выясняется, что два вида орнамента, характерные для посуды могильника, были определенными хронологическими группами. На основании этого памятники, в целом сходные с могильником «Релка» по составу керамики, делятся также на две хронологических группы: предшествовавшие могильнику и следующие за ним, при этом каждая группа какое-то время сосуществовала с могильником.

Какое же место занимает описанный среднеобский культурный комплекс среди археологических культур Западной Сибири I тысячелетия н. э.?

По форме и некоторым видам орнамента сосудам второго типа (горшки сферической формы) близка керамика фоминского этапа верхнеобской культуры [20]. Это заметно на сосудах с несложным гребенчатым орнаментом. Отличает фоминскую керамику полное отсутствие на ней штампового орнамента с зигзаговыми и арочными композициями и сосудов первого типа. Памятники типа «Релки» синхронны оронтурскому этапу нижнеобской культуры. Однако при сравнении керамики наблюдается значительно больше различий, чем сходства. Во-первых, отсутствие в среднеобской керамике отступающей лопаточки и нанесенных ею характерных косоугольных полос, треугольников, заштрихованных в разных направлениях. Во-вторых, различны и употребляемые штампы. На Средней Оби широко использовались «уточка» и изредка ромбический штамп. В орнаменте оронтурского этапа «уточка» отсутствует, зато бытовали неизвестные в Молчаново Х-образные штампы. Общий облик рисунка создает впечатление растянутости. Это достигается тем, что зубцы у гребенчатого штампа косые; зигзаги, образованные гребенкой, идут под очень острым углом и т. д. На среднеобской посуде рисунок компактный, четкий.

Анализ среднеобской керамики второй половины I тысячелетия показывает, что она обладает определенными локальными особенностями и не может быть включена в состав известных археологических культур Западной Сибири. Керамика могильника «Релка» и синхронных ему памятников Нарымского Приобья принадлежала племенам, создавшим самобытную культуру, характеристика которой не входит в задачу данной статьи. В литературе эта культура названа древнеселькупской. Признавая главную роль в формировании ее самодийского элемента, вряд ли стоит считать ее только селькупской и тем самым отрицать участие в ее сложении иных, неселькупских компонентов.

[20] М. П. Грязнов. Ук. соч.

А. Н. ЩЕГЛОВ

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА ТАРХАНКУТСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ КРЫМА

В противовес юго-западному и восточному Крыму, густо заселенному в средневековье (об этом свидетельствуют многочисленные памятники), его северо-западная степная часть обычно представляется пустынной и на археологической карте выглядит белым пятном. За исключением небольшого количества керамики VIII—X вв., близкой к салтово-маяцкому типу, найденной в верхнем слое античного городища Калос Лимен [1], па-

[1] М. А. Наливкина. Раскопки Керкинитиды и Калос Лимена (1948—1952). ИАДК, Киев, 1957, стр. 271.

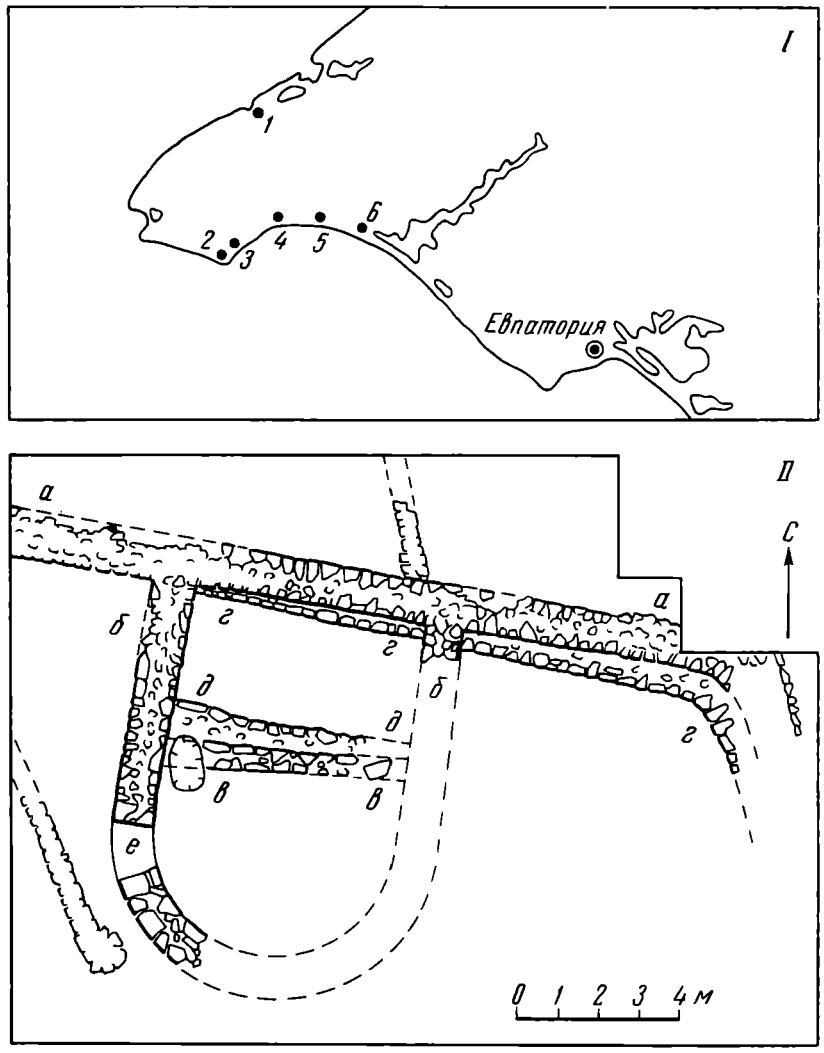


Рис. 1. *I.* Средневековые поселения на Тарханкутском п-ве:
1 — Черноморское; *2* — Ойрат; *3* — Морское-1; *4* — Тарпанчи; *5* — Лазурное; *6* — Беляус;
II. Тарпанчи. План строительных остатков VIII—X вв.

мятники раннего средневековья здесь не были известны. Это вынуждало исследователей либо обходить территорию северо-западного Крыма молчанием, либо отдавать ее во власть кочевников[2]. Отсутствие средневековых памятников отвлекало исследователей от указанного района, поэтому и полевые работы здесь не проводились. Между тем, за несколько лет работы Тарханкутской экспедиции Херсонесского музея, основная задача которой состоит в изучении античных памятников, на побережье Тарханкутского полуострова открыт ряд раннесредневековых поселений. Цель этой статьи — познакомить исследователей средневекового Крыма с материалами нового для них района и этим вызвать к нему интерес.

Разведочные работы экспедиции охватили прибрежную полосу Тарханкутского полуострова от пересыпи Донузлавского озера на юге до района пос. Черноморского на северо-западном побережье полуострова (рис. 1, *I*). На северо-западном побережье Тарханкута, мало заселенном и в предшествующую — античную — эпоху, пока неизвестны средневековые поселения, за исключением упомянутого Черноморского городища (Калос Лимен), где встречались преимущественно обломки кухонных горшков, украшенных по плечикам врезной волнистой линией (рис. 2, *1*). Иная

[2] А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. МИА, 63, 1959, стр. 21 сл.; его же. Города Северного Причерноморья в V—IX вв. В кн.: «Очерки истории СССР. III—IX вв.», II, М., 1958, стр. 537—551; его же. Византия в истории раннесредневековой Таврики. СА, XXI. 1954; его же. Средневековый Крым. М.— Л., 1964, гл. I—II; М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 193 сл.

картина в южной части Тарханкута. Как показало наше обследование южной береговой полосы полуострова, она в античную эпоху была густо заселена. Открыты нами и раннесредневековые поселения: несколько поселений, вероятно, V—VI вв., два — VIII—X вв. Сборы подъемного материала, а в одном случае раскопки, позволяют дать их общую предварительную характеристику.

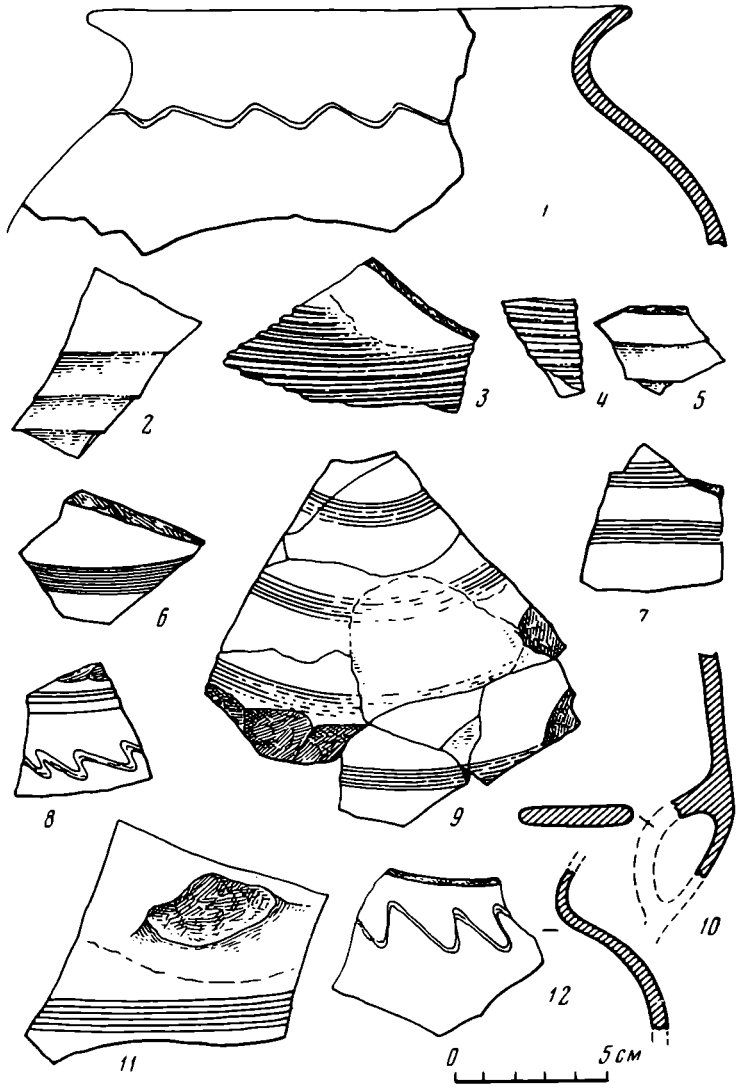


Рис. 2. Керамика с поселений на Тарханкутском п-ве.

1 — Черноморское; *2* — Ойрат; *3* — Морское-1; *4—5* — Лазурное; *6—12* — Тарпанчи

1. Поселение у м. Ойрат, к западу от с. Морское (бывш. Ойрат), расположено на месте античного селища, существовавшего с конца IV—III в. до н. э. по III в. н. э. (рис. 1, *I*, *2*). Наряду с позднеантичной керамикой III в. на поверхности встречаются незначительные обломки раннесредневековых бороздчатых амфор типа, обычного для сельских поселений юго-западного Крыма, в частности для поселений Байдарской долины[3] (рис. 2, *2*). Однако в размыве берега мы не обнаружили строительных остатков, которые можно было бы с уверенностью отнести к раннему средневековью. Поселение было, вероятно, открытым: никаких следов оборонительных сооружений на нем также не обнаружено (то же относится и к античной эпохе).

[3] А. Л. Якобсон. Средневековые поселения в Байдарской долине (раскопки 1956 г.). КСИИМК, 76, 1959, стр. 90—102, рис. 40, *3—4*; его же. Средневековые сельские поселения юго-западного Крыма. ВВ, XXI, 1962.

2. Поселение на восточной окраине с. Морского расположено, подобно предыдущему, на месте античного селища (рис. 1, *I*, *3*). Среди подъемного материала, аналогичного собранному на поселении у мыса Ойрат, здесь встречаются стенки амфор со светло-желтым черенком и с глубоким и частым рифлением (рис. 2, *3*). Этот тип круглодонных амфор с рифлением, расположенным полосой в верхней части тулова, хорошо датируется V—VI вв. по находкам в Крыму (Херсонес и сельские поселения юго-западного Крыма), а также в Румынии и Болгарии [4].

Как и первое, это поселение не имело укреплений ни в античное, ни в раннесредневековое время.

3. В с. Лазурном (быв. Джага-Кульчук) на западном краю широкой балки, перерезающей село, при впадении ее в море находится еще одно поселение, также на месте более раннего — античного (рис. 1, *I*, *5*). Керамика, поднятая на поверхности и в зоне размыва берега морем, принадлежит тем же типам, что и с поселения у мыса Ойрат: сюда относятся фрагменты стенок бороздчатых амфор и амфор, бороздчатый профиль которых напоминает набегающую волну (рис. 2, *4—5*).

Однако строительные остатки, видимые в береговом обрыве и размывах на плато поселения, вряд ли можно связать со средневековым периодом существования селища: судя по материалу в слоях, связанных с этими стенами, все они относятся к позднеантичной эпохе и, по-видимому, могут быть датированы временем не позднее III в. Селище в с. Лазурном, как и два предыдущих, не имеет следов оборонительных сооружений.

4. При раскопках античной башни на городище Беляус у западного конца пересыпи оз. Донузлав (рис. 1, *I*, *6*), проводившихся совместно с экспедицией ИА АН СССР [5], в верхнем слое на небольшой площади встречено несколько обломков керамики VIII—X вв. Никаких строительных остатков этого времени на участке раскопок не выявлено.

5. В отличие от перечисленных памятников, где за исключением городища Беляус производился только сбор подъемного материала и в отдельных случаях небольшие зачистки, раскопки античного укрепленного поселения (рис. 1, *I*, *4*) у с. Окуневка (бывш. Тарпанчи) дали совершенно иную картину. В раскопе, заложенном в юго-восточной, прибрежной, части городища [6], непосредственно под тонким слоем дерна (и в нем) открыты остатки каменного сооружения значительных размеров (рис. 1, *II*, рис. 3). На протяжении 18 *м* прослежена длинная стена (рис. 1, *II*, *а—а*), которая шла вдоль берегового обрыва и в восточной части поворачивала к нему. К ней примыкают сложенные в перевязь с ней стены (рис. 1, *II*, *б — б*), образующие помещение (внутренние размеры — 5,75×8,50 *м*) с полуциркульной в плане южной стороной, обращенной к морю. В западной стене этой постройки находился дверной проем (рис. 1, *II*, *е*), впоследствии заложенный. Толщина стен — 1,15 *м*.

Четко наблюдаются три последовательных строительных периода, из которых первый включает в себя только что описанные остатки сооружения. В дальнейшем (второй строительный период) постройка с полукруглой южной стороной была разделена поперечной стеной *в — в* на два

---

[4] А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 327, рис. 3, *10*; его же. Средневековые сельские поселения юго-западного Крыма. ВВ, XXI, стр. 116 сл., рис. 1, *а*. Ср. К. Mijatev. Die Mittelalterliche Keramik in Bulgarien. «Praehistorische Zeitschrift», XXXVII 4, 1959, стр. 223, рис. 2-*а*; Histria, *I*, 1954, рис. 383—385.

[5] О. Д. Дашевская, А. Н. Щеглов. Херсонесское укрепление на городище Беляус. СА, 1965, 2.

[6] Поселение Тарпанчи состоит из селищ с укреплением в центре. Подробное описание памятника см.: А. Н. Щеглов. Разведки 1959 г. на западном побережье Крыма. СХМ, II, 1961, стр. 75—78; его же. Раскопки городища Тарпанчи в 1960 г., СХМ, III, 1963, стр. 69. сл.; его же. Тарханкутская экспедиция в 1962—1963 гг. КСИА АН СССР, 103, 1964, стр. 142 сл.

смежных помещения — северное и южное (рис. 1, *II*). Толщина перегородки — 0,70 *м*. К третьему строительному периоду относится утолщение (рис. 1, *II*, *г* — *г*), пристроенное с юга к длинной стене (рис. 1, *II*, *а* — *а*) (рис. 3) и утолщение (*д* — *д*) перегородки (*в* — *в*) со стороны северного помещения (рис. 1, *II*). В это же время, возможно, был заложен дверной проем. Следует отметить, что эти утолщения в плане не совсем параллельны стенам первого и второго строительных периодов, и сделаны они не везде, только внутри противолежащих стен северного помещения и в

Рис. 3. Тарпанчи. Стена

восточной части длинной стены. При этом наблюдается выравнивание углов в северном помещении. Чем было вызвано строительство второго пояса, увеличившего толщину стен до 1,60 *м*, остается пока неясным.

Стены всех строительных периодов сложены в одной технике: облицовка состоит из более или менее крупных известняковых плит, положенных плашмя; забутовка — из мелкого камня с заполнением пустот землей. При этом облицовочные камни стороны, обращенной к югу, к морю, крупнее, чем камни противоположной стороны стены. Дополнительные пояса третьего строительного периода состоят из одного ряда облицовочных камней с забутовкой пространства между ними и облицовкой предшествующего строительного периода мелким камнем с землей. Для сооружения стен использован готовый камень от разрушенных позднеантичных построек.

Характерной особенностью кладки является отсутствие фундаментов. Основания всех стен положены на дневную поверхность, которая даже не подверглась предварительной планировке перед строительством. Внутри помещений с полукруглой стеной не наблюдалось специально устроенных полов — ими служила естественная поверхность земли.

В северном помещении на всей его площади и с противоположной стороны стены *а* — *а*, против этого помещения, на погребенной поверхности скопился довольно мощный слой чистой золы; толщина его достигает 0,30—0,40 *м*. На поверхности слоя золы, в толще его и в слое каменного завала обнаружены немногочисленные обломки керамики VIII—X вв. Собранная здесь и на других участках раскопок керамика относится к следующим типам.

1. Обломки круглодонных амфор так называемого причерноморского типа с туловом яйцевидной формы и зонами мелкого рифления в верх-

ней части сосуда (рис. 2, *9*, *11*). Такие амфоры, датируемые А. Л. Якобсоном VIII в., были широко распространены на территории средневековой Таврики (Херсон и восточные районы полуострова) [7].

2. Обломки высоких плоскодонных и узкогорлых кувшинов с плоскими ручками, темно-красным, почти коричневым черепком и с черной смолистой облицовкой внутренней поверхности (рис. 2, *10*). Подобные кувшины встречаются в очень большом числе в слоях IX—X вв. в Херсонесе [8], а также на других поселениях Таврики, в Саркеле, где они заходят в XI в. [9], и на Тамани. На Тамани их обломки находят уже в слое VIII в., но преобладают они в слоях X—XI вв. [10]. В наших раскопках находки фрагментов таких кувшинов единичны.

3. Кувшины с вертикальными вмятинами на тулове; их также, по-видимому, можно датировать IX—X вв. [11]. К сожалению, в слое на Тарпанчи найдены только обломки стенок, ни одного профиля сосуда выяснить не удалось.

4. В четвертую группу керамики входят обломки плоскодонных кувшинов и горшков с гребенчатым и линейным врезным волнистым орнаментом, нанесенным в верхней части тулова (рис. 2, *6*, *12*).

Все перечисленные типы керамики позволяют отнести описанную постройку на городище Тарпанчи к VIII—X вв.

О назначении сооружения говорить трудно, во всяком случае, никаких признаков жилья здесь не обнаружено. Что это не было жилище, говорят и крупные размеры постройки и ничтожно малое количество керамики как внутри, так и вне помещений. Вместе с тем, по своему характеру стены не могут быть отнесены и к оборонительным сооружениям, несмотря на наличие дополнительных поясов, сооружение которых, пожалуй, не может быть объяснено хозяйственным назначением постройки. Скорее всего длинная стена (рис. 1, *II*, *а — а*) является оградой, замыкавшей какое-то пространство.

Судя по значительному количеству золы, скопившейся внутри северного помещения и с северной стороны стены *а—а*, здесь в течение довольно длительного времени горел огонь. Последнее обстоятельство вместе с необычностью планировки и отсутствием признаков жилья наталкивает на предположение: не было ли описанное сооружение береговым маяком. Об этом говорят и полукруглая форма строения, обращенного к морю, и размещение всего сооружения на наиболее приметном в этой части побережья мысочке, и общее топографическое местоположение городища Тарпанчи на отрезке южного побережья Тарханкутского полуострова. Городище находится в самом центре дуги берега, на равном расстоянии от м. Ойрат и начала пересыпи оз. Донузлав. На этом участке берега возможно предполагать существование маяков в трех наиболее удобных пунктах: м. Ойрат, Тарпанчи, Беляус [12]. Напомним, что на городище Беляус найдена керамика того же времени, что и при раскопках строения на городище Тарпанчи. Надо думать, что античное укрепление на городище Беляус помимо прочего также выполняло функции маяка.

Вновь открытые памятники заставляют пересмотреть некоторые сложившиеся представления о прибрежной части степного северо-западного

[7] А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес, стр. 307, рис. 160; его же. Средневековый Крым, стр. 62 сл., рис. 20, *а*.

[8] А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес, стр. 310, рис. 163; его же. Средневековый Крым, стр. 64 сл., рис. 20, *г — д*. Впрочем не исключено, что эти кувшины продолжали бытовать и в XI в., как в Саркеле и на Тамани.

[9] А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес, стр. 310.

[10] С. А. Плетнева. Средневековая керамика Таманского городища. Сб. «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., 1963, стр. 54, рис. 35.

[11] А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес, стр. 314, рис. 168.

[12] Из-за отмелей плаванье вдоль южной стороны Тарханкутского полуострова небезопасно, особенно в ночное время и при южных ветрах. Еще в прошлом веке в лоциях предлагалось судам держаться от берега на расстоянии одной мили, а за Донузлавом даже двух (Лоция Черного моря, Николаев, 1867, стр. 79).

Крыма в раннее средневековье. Как показали археологические исследования, оседлая жизнь на прибрежных поселениях предшествующей эпохи прекратилась в III в. Раскопки поселений и укреплений определенно говорят об их гибели и запустении в III в., причем, по-видимому, не позже его середины. Вместе с тем, сборы керамики на ряде поселений позволяют предполагать, что на протяжении последующих двух-трех столетий — в IV, в V (Ойрат, Лазурное) и даже в VI вв. (Морское-1) — жизнь на некоторых из них еще продолжала теплиться. По-видимому, основу населения северо-западного Крыма в это время составляло кочевое, часто менявшееся население, а возникновение поселений на старых местах было явлением спорадическим, и сами поселения кратковременными.

Иная обстановка, сложилась, видимо, в конце VIII—X вв. Пока нам известно только три пункта, где находились поселения названного времени, но это объясняется слабой изученностью района. Крупное и массивное сооружение на Тарпанчи вряд ли могло бы существовать, если бы на Тарханкутском полуострове, по крайней мере на его побережье, не было постоянного оседлого населения.

Думается, что появление оседлого населения в прибрежной полосе северо-западного Крыма следует связывать с изменением общей обстановки как в Крыму, так и в северном Причерноморье в целом. С середины IX в. начинается усиление Херсонеса, который очень скоро становится важнейшим центром всего Причерноморья. Экономический подъем Херсона в IX—X вв. превосходно документирован археологическими данными. В городе шло усиленное строительство, расширилась его территория в западной части (около 1,2 *га*), возводились новые, перестраивались и укреплялись старые крепостные стены [13], резко возросла интенсивность ремесленных производств, в первую очередь керамических [14]. Важнейшим доказательством экономического расцвета Херсона служит возобновление городом при императорах Михаиле III и Василии I выпуска собственной монеты. На протяжении второй половины IX и в X вв. литые херсоно-византийские монеты были выпущены в громадном количестве, и, как показали составы кладов, почти ни одна серия этих монет не выходила из обращения на всем протяжении монетного производства IX—X вв [15]. Подъем Херсона, очевидно, сопровождался оживлением и ближайшей городской округи [16] и во всем юго-западном Крыму. Надо полагать, что северо-западный Крым со своими группами соляных озер имел немаловажное значение для растущей экономики Херсона. Константин Багрянородный отмечал, что «от реки Днепра до Херсона 300 миль, а посредине есть озера и лиманы, в которых херсониты добывают соль» [17]. Поселения северо-западного Крыма находились как раз на пути, связывавшем Херсон с Приднепровьем и, вероятно, помимо соляных промыслов, играли какую-то роль в торговле.

Добытые нашими раскопками материалы не дают пока возможности сузить общую дату возникновения поселений; в настоящее время мы можем определить ее в пределах VIII—IX вв. Гибель поселений относится, вероятно, к X в.

Представленный материал должен, мне кажется, обратить внимание медиевистов на совершенно не исследованный в археологическом отноше-

[13] И. А. Антонова. Западный фланг обороны Херсонеса. СХМ, III, 1963.

[14] А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес, стр. 306 сл.; его же. Средневековый Крым, стр. 62 сл.; Д. Л. Талис. Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья. ВВ, XVIII, 1961, стр. 67 сл.

[15] А. М. Гилевич. Новый клад херсоно-византийских монет. ВВ, XXIV, 1964, стр. 157.

[16] В этой связи интересны находки керамики на дне бухт Гераклейского полуострова. Материал не дает форм позже IV—V и раньше IX—X вв. Так, землечерпалкой «Цюрупа» со дна Камышовой бухты в 1963 г. поднято много позднеантичных амфор и кувшинов IX—X вв. Керамики же промежуточного времени нет вовсе.

[17] Константин Багрянородный. Об управлении государством. ИГАИМК, 91, М.—Л., 1934, стр. 21.

нии северо-западный район Крыма [18]. Он может много дать для исследования экономической и политической истории Причерноморья в VIII—X вв. [19]

[18] Отметим, что на портоланах Черного моря XIII—XVI вв. название Calolimena относится, очевидно, к Черноморскому (Ак-Мечетскому) городищу, античной Калос Лимен (портолан Висконти 1318 г.). На этих же картах на Тарханкутском полуострове помещены названия: Rosso (портолан Висконти), Chaoloroso (Carte Maritime XIII в.), Rosafar (портолан Бенниказа 1467 г.), видимо, приуроченные к одному пункту. Что указанные топонимы могут восходить к IX—X вв., говорит название Colfo di Nigropoli портоланов — Некропилы Константина Багрянородного. См.: Hommaire de Hell. Les Steppes de la Mer Caspienne, le Caucase, la Crimee, et la Russie Méridionale; Voyage pittoresque, historique et scientifique. Paris, 1845, атлас.

[19] Раскопки 1963 г. на городище Тарпанчи выявили еще один интересный памятник — средневековый колодец, заваленный трупами животных. Предварительная обработка материала позволяет датировать завал IX—X вв. Несомненен факт преднамеренного забрасывания колодца. В исторической практике известны такие приемы отравления воды в колодцах и водоемах. Открытый колодец и утолщение стен постройки, видимо, говорят об очень неспокойной обстановке в этом районе в указанное время.

Ю. М. ЗОЛОТОВ

О ТРОЯНЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

О Трояне, загадочном персонаже «Слова о полку Игореве», сложилась уже целая литература. Часть исследователей полагает, что в этом образе отразились черты римского императора Марка Ульпия Траяна [1], другие же считают Трояна древнеславянским божеством [2]. Эта вторая точка зрения, в отличие от первой, не получила такого широкого обоснования в трудах исследователей «Слова». Между тем, отнесение этого персонажа к сонму древнерусских божеств кажется нам правильным. Бог Троян упоминается уже в ранних церковно-полемических произведениях, направленных против язычества, таких как, например, «Хождение Богородицы по мукам» (XII в.) [3] Он ставится в связь с остальными богами киевского пантеона, сообщается, что существовало поклонение этому богу.

Мы полагаем, что Троян был богом луны древних славян, а имя свое получил от трех фаз, проходимых этим светилом. Наличие такого бога в древнеславянской религии, обожествлявшей силы природы, предположить вполне естественно. То, что Троян был богом луны, видно из многочисленных сказаний южных славян, где его культ, по-видимому, в свое время имел большое распространение. Эти позднейшие сказания знают Трояна уже не богом, а земным царем, «кралем» [4], однако прежняя его сущность довольно легко угадывается из-за позднейших наслоений. Впрочем, не исключена возможность что и во времена поклонения этому богу его именовали царем за его величие, подобно тому, как именовался царем бог солнца Дажьбог.

В сказаниях говорится, что царь Троян старательно прятал от своих подданных козлиные (или ослиные) уши, которыми была увенчана его голова. Мотив этот, как известно, очень древний и встречается еще в древнегреческих сказаниях о Мидасе. Темной ночью, говорится далее о царе, он поднимается на коне на высокую гору, где в замке живет его возлюбленная. Он уезжает от нее всегда перед зарей. Коварные люди

[1] Н. С. Державин. Троян в «Слове о полку Игореве». ВДИ, 1939, 1.

[2] «Слово о полку Игореве». М., 1868, стр. 71; «Слово о полку Игореве». М., 1954, стр. 196; А. Болдур, Троян «Слова о полку Игореве». Тр. ОДЛ, XV, М., 1958.

[3] Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы. М., 1863, ж. 2, стр. 23

[4] И. Борпчевский. Повести и предания народов славянского племени, 1, СПб., 1840, стр. 160: Вук Стеф. Караџић. Српске народе приповијетке 1870. стр 150.

обманули влюбленного царя. Троян однажды не выехал в срок из замка, запоздал и на обратном пути ослабел и растаял под палящими лучами солнца.

В этих бесхитростных рассказах народ образно отразил и особенности развития луны — два рога или два длинных уха, ее движение «в гору» по ночному небу и «гибель» в ярких лучах солнца. Это «таяние» Трояна в солнечных лучах говорит, по-видимому, о том, что луну в глубокой древности у славян, а также даков, сравнивали с комом снега или льдиной. Отсюда в свою очередь следовал целый ряд образов и уподоблений. С Трояном связывались представления о зиме, снеге, сугробах, снежной белизне, таянии снегов и т. п., как это явствует из румынского лексического материала, тщательно исследованного А. Болдуром [5].

И на Руси хозяином зимы, по-видимому, считался рогатый месяц. О последних сильных морозах, приходившихся, приблизительно, на день св. Власия (11 февраля), в народе говорили «Власий — сшиби рог с зимы!» [6]. В глубокой древности месяц, видимо, обожествлялся в зооморфном виде (скорее всего в виде быка или тура). Поэтому-то слово «Троян» у румын связано с понятием о тропинках, протоптанных животными, а также с дорогами [7]. Как видим, народные воззрения на месяц были сложными и многообразными. Известная русская загадка тоже уподобляет месяц пастуху: «Поле не меряно, овцы не считаны, пастух рогат» (небо, звезды, месяц) [8].

Однако, как нам кажется, А. Болдур напрасно считает Трояна богом зимы, снега и дорог, пастушьим богом древних славян и даков [9]. Троян все же лунное божество.

Век у месяца-Трояна короткий: не пройдет и тридцати дней, а он уже исчезнет, растает. Именно эту особенность и отразил автор «Слова», повествуя о событиях, связанных с вокняжением в Киеве полоцкого князя Всеслава: «На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребій о дѣвице себѣ любу». Да, все события разыгрались именно «на седьмом веке Трояна» — в сентябре, седьмом месяце, мартовского 1068 года.

Выражение «век Троянов» повторяется и другой раз в «Слове»: «Были вѣчи Трояни, минули лѣта Ярославля» и т. д. Здесь мы полностью согласны с другими исследователями в том, что смысл этих слов таков: «века язычества», «седая древность», «время, когда еще поклонялись богу Трояну». Сама последовательность изложения убедительно говорит об этом.

Обращаясь к Бояну, автор говорит далее, что тот рыскал «тропою Трояна» «чресъ поля на горы». Эти строки, как известно, особенно волновали умы исследователей «Слова». Однако видеть в тропе Трояна пути, проложенные римскими легионами, на наш взгляд, оснований нет. Мы полагаем, что в данном случае «тропа Трояна», как и «мысленное древо»,— метафорическое обозначение гуслей Бояна.

Из этнографических данных и из древних иллюстративных материалов явствует, что гусли при игре держались на коленях в наклонном положении, так что струны более низкого регистра располагались внизу, а верхнего — вверху. Между тем, характернейший способ игры на гуслях — это так называемые «переборы» (арпеджио), когда гусляр с первой нижней струны скользит пальцами обеих рук, поднимаясь вверх, к верхнему регистру, буквально «через поля на горы», так же как месяц-Троян совершает свой путь вверх по небу.

Возможно, что была и какая-то особая связь певца-рапсода с богом луны Трояном.

[5] А. Болдур. Ук. соч., стр. 27.

[6] С. В. Максимов. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903, стр. 344.

[7] А. Болдур. Ук. соч., стр. 28.

[8] О поклонении луне на Руси и следах переживаний веры в нее, державшихся очень долго, см.: Н. М. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, 1, Харьков, 1916.

[9] А. Болдур. Ук. соч., стр. 32—33.

Четвертый раз имя Трояна упоминается в «Слове» в печальном рассказе о последствиях разгрома игоревой рати, когда силы зла и мрака ринулись на «землю Трояна». Бог луны не принадлежал, по-видимому, целиком к сонму светлых, благостных богов древних славян, хотя и был связан, видимо, с культом плодородия. Вместе с тем, он должен был быть богом ночного мрака, темных сил и ужасов. У многих народов древности луна считалась «Солнцем мертвых». Да и в упомянутых сказаниях южных славян — Троян жестокий, беспощадный царь. Все это и следует, как нам кажется, иметь в виду при рассмотрении вышеприведенного выражения. Мы полагаем, что «земля Трояна» —поле боя у Дона, языческая земля, чужая сторона, где полегли храбрые воины Игоря за землю Русскую.

Обычно пишут, что «Троянова земля» — по мысли автора «Слова» — русская земля... В доказательство этого предположения приводят наименование русских «Дажьбожьими внуками». Действительно, автор «Слова» именует русских внуками Дажьбога, но, что важно отметить,— не сыновьями! Вряд ли автор «Слова», христианин, осмелился бы назвать своих современников сыновьями языческого бога, да это и по существу было бы уже натяжкой. То же самое можно сказать, на наш взгляд, и о выражении «земля Трояна»... Тогдашнюю русскую землю вряд ли можно было уже назвать «землей Трояна», языческой землей. Другое дело,— «незнаемое поле», половецкая степь, где был другой мир, где властвовали тени языческого прошлого, в том числе и мрачный бог ночи Троян.

А. С. ВОСКРЕСЕНСКИЙ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПОЛИВНОЙ АРХИТЕКТУРНОЙ КЕРАМИКЕ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

На современном уровне развития археологии изучение керамики становится невозможным без широкой постановки химического исследования теста и поливы изделий. В настоящей заметке вниманию читателя предлагается серия химических анализов кашинов поливной архитектурной керамики из восьми пунктов золотоордынского Поволжья [1]. Если для архитектурной керамики Средней Азии Н. С. Гражданкиной в этой области уже проделана большая работа [2], то изучение архитектурной керамики Поволжья еще только начинается и кроме двух анализов, опубликованных Л. П. Матвеевой [3], других материалов по этому вопросу нет.

Для химического изучения нами было отобрано 10 образцов.

1. Сарай-Берке (Царевское городище, Волгоградская обл.). Фрагмент полихромной майоликовой плитки с белым рельефным орнаментом на синем фоне под прозрачной бесцветной поливой.

2. Сарай-Берке. Мозаичная вставка, покрытая синей (ультрамариновой) глухой поливой.

3. Сарай-Бату (Селитренное городище, Астраханская обл.) Фрагмент полихромной майоликовой плитки с белым орнаментом на бирюзовом фоне под прозрачной бесцветной поливой.

---

[1] Анализы проводились в цехе химико-технологических испытаний Красковского опытного завода «РОСНИИМС».

[2] Н. С. Гражданкина. Древние строительные материалы Туркмении. Тр. ЮТАКЭ, VIII, Ашхабад, 1958; ее же. Древние строительные материалы Узбекистана. Строительные материалы Узбекистана. Ташкент, 1951; ее же. Строительные материалы мавзолеев Миздахкана. Сб. «Архитектурное наследство Узбекистана». Ташкент, 1960; ее же. Методика химико-технологического исследования древней керамики. Сб. «Археология и естественные науки». М., 1965.

[3] Л. П. Матвеева. Поливные изразцы из Болгар. СА, 1959, 2.

4. Болгары (ТАССР). Фрагмент полихромной майоликовой плитки с белым орнаментом, синей и бирюзовой росписью фона под прозрачной бесцветной поливой.

5. Увек (Саратовская обл.) Фрагмент полихромной майоликовой плитки с белым орнаментом, синей и бирюзовой росписью фона под прозрачной бесцветной поливой.

6. Увек. Фрагмент монохромной майоликовой плитки, покрытой синей (ультрамариновой) глухой поливой.

7. Городище Лапас (Астраханская обл.). Фрагмент полихромной майоликовой плитки с белым рельефным орнаментом на синем фоне под прозрачной бесцветной поливой.

8. Дубовское городище (Волгоградская обл.). Мозаичная вставка, покрытая глухой бирюзовой поливой.

9. Мечетное городище (Волгоградская обл.). Фрагмент монохромной майоликовой плитки, покрытой глухой бирюзовой поливой.

10. Городище Маджары (Ставропольский край). Фрагмент монохромной майоликовой плитки с белым рельефным орнаментом на синем фоне под прозрачной бесцветной поливой. Результаты анализов дают интересные данные (таблица). Прежде всего, очевидно, следует отметить, что

	Сарай-Берке		Сарай-Бату 3	Болгары 4	Увек		Лапас 7	Дубовское гор. 8	Мечетное гор. 9	Маджары 10
	1	2			5	6				
SiO_2	90,82	91,30	92,32	83,85	92,76	92,02	93,72	91,37	94,56	94,86
Al_2O_3	3,27	3,03	3,31	3,28	3,71	3,19	2,78	3,14	2,16	2,32
Fe_2O_3	1,13	0,80	0,68	0,80	0,64	0,89	0,52	0,77	0,56	0,48
TiO_2	0,10	0,07	0,06	0,07	0,05	0,07	0,05	0,09	0,18	0,20
CaO	0,75	0,70	0,50	3,15	0,55	0,65	0,55	2,00	0,45	0,45
MgO	0,69	0,52	0,69	0,70	0,60	0,72	0,38	0,40	0,34	0,32
SO_3	0,52	0,03	0,02	0,05	0,02	0,03	сл.	0,07	0,03	0,03
п. п. п	0,90	0,84	0,54	1,95	0,27	0,31	0,55	1,58	0,39	0,26
Сумма	98,18	98,34	98,12	98,88	93,60	97,88	98,55	99,42	98,67	98,92
Гигроскопическая вода	0,13	0,37	0,11	0,23	0,09	0,05	0,14	0,14	0,11	0,10

результаты химического исследования показывают, что как для майолики, так и для мозаики тесто готовилось по единому рецепту. Если все образцы по химическому составу делятся на две неравные группы — в первую входят Сарай-Берке, Сарай-Бату, Увек, Маджары, Мечетное городище и городище Лапас, во вторую — Болгары и Дубовское городище,— то среди каждой из этих групп и майолики и мозаики имеют тесто аналогичного состава (среди первой группы —4 полихромные майолики, 4 монохромные плитки; среди второй группы — одна полихромная майолика, другая монохромная мозаичная вставка).

Восемь образцов: из Сарая-Берке, Сарая-Бату, Увека, городищ Мечетное, Лапас и Маджары — дают аналогичную картину. Основная их составляющая — кварцевый песок (SiO_2 90,82—94,86%). Процент извести (CaO) незначителен — 0,45—0,75%. Такое незначительное количество извести является, очевидно, не искусственным добавлением, а естественной примесью в песке. Подобное содержание извести в кашинах, судя по результатам опубликованных анализов из других районов, нам не известно и является, очевидно, специфической особенностью песков поволжских месторождений. Содержание Al_2O_3, Fe_2O_3 и MgO — обычное для кварцевых песков. Не исключено, что глинозем (Al_2O_3) является искусственно вводимым минерализатором, снижающим температуру обжига.

Местное производство архитектурной керамики (наличие бракованных образцов и других следов производства) засвидетельствовано археологиче-

ски для Сарая-Берке, Сарая-Бату и Увека. Устойчивый состав кашинов этой группы является хорошим показателем местного производства. Единая технологическая схема и близкий состав сырья обеспечивают аналогичный состав кашинов. Отсутствие следов собственного производства в более мелких золотоордынских городах (городища Маджары, Лапас и Мечетное) позволяет отнести керамику, обнаруженную на этих памятниках, к привозным изделиям из более крупных центров — Сараев или Увека.

Два образца — Болгары и Дубовское городище — дают кашин несколько иного состава. Основная их составляющая, как и у предыдущих образцов,— кварцевый песок (SiO_2 88,86—91,37%). Процент извести более значителен (CaO_2 2 и 3,15%); вследствие бо́льшего количества извести увеличиваются потери при прокаливании (п. п. п. 1,58 и 1,96% против 0,26—0,90% у предыдущей группы).

Кашины этого состава чрезвычайно близки к кашинам Ургенча, Мздахкана, Нисы. Отсутствие в Болгарах следов собственного производства поливной архитектурной керамики, стилистическая близость болгарских образцов к ургенчским, в сочетании с близостью химического состава позволяют согласиться с мнением Л. П. Матвеевой и отнести болгарские образцы к изделиям, привезенным из Хорезма. Старые торговые связи с Хорезмом, засвидетельствованные письменными источниками и прослеживаемые археологически с X в., оказались прочнее зависимости от новых золотоордынских центров.

Очевидно, то же самое можно сказать о керамике Дубовского городища. Интересно отметить, что на Дубовском (или Водянском) городище, отождествляемом некоторыми исследователями с древним Бельджаменом, имеются культурные слои домонгольского времени. Большая роль этого города в транзитной торговле между Западом и Востоком отмечена Ф. В. Баллодом [4]. При разведках ПАЭ здесь открыта славянская колония [5]. Выгодное географическое положение на Волге, где скрещивались торговые пути (вниз и вверх по Волге, на запад по Дону и караванный путь на Восток), обеспечило городу широкие торговые связи, в том числе и с Хорезмом. И хотя в несравненно более близких Сарае-Берке и Сарае-Бату было собственное производство декоративной поливной керамики, сюда ее, вероятно, везли по проторенным путям из далекого Хорезма.

[4] Ф. В. Баллод. Приволжские Помпеи. М.— Пг., 1923, стр. 96.

[5] Г. А. Федоров-Давыдов. Новый Сарай по раскопкам 1963—1964 гг. СА, 1966, 2.

С. С. САВКЕВИЧ, И. А. ШАКС

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИК-СПЕКТРОВ ЯНТАРЯ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТАХ

Определение места добычи янтаря, находимого при раскопках, уже давно интересует археологов, так как оно позволяет довольно точно устанавливать торговые связи и пути, существовавшие в древности. На такую возможность было обращено серьезное внимание еще на первых международных антропологических и археологических конгрессах в Копенгагене (1869 г.), Болонье (1871 г.), Стокгольме (1874 г.), Будапеште (1876 г.). Интерес к янтарю особенно сильно стал проявляться в связи с находками изделий из него при раскопках в Микенах и в этрусских гробницах Италии.

Единственно возможным путем для решения этой задачи ранее считали определение содержания янтарной кислоты в продуктах сухой перегонки балтийского янтаря (сукцинита), предложенное О. Гельмом [1]. По мне-

[1] O. Helm. Über Herkunft des in den alten Königsgräbern gefundenen Bernsteins und über den Bernsteinsäuregehalt verschiedener fossiler Harze. Schriften der naturforschenden Gesellschaft in Danzig. 1885, 6, 2, стр. 234—239.

нию этого исследователя, наличие янтарной кислоты (более 3%) в продуктах сухой перегонки сукцинита является его надежным диагностическим признаком. Однако изучение содержания янтарной кислоты в разных смолах и влияния на ее содержание процессов окисления показало, что избранный способ не дает достаточно убедительных результатов[2] хотя бы потому, что способ сухой перегонки не может рассматриваться как надежный аналитический прием при количественном анализе. Попытки использовать для этой же цели такой показатель, как температура плавления, положительных результатов не дали[3]. Поэтому насущная потребность в выработке надежного метода определения происхождения ископаемых смол (преимущественно янтаря) в различных археологических объектах сохранилась до сих пор. Об этом свидетельствует недавно опубликованная работа К. Бека, Е. Вильбура и др.[4], где для решения данного вопроса привлекается ИК-спектрометрия.

Основываясь на проведенных исследованиях (было получено более 600 ИК-спектров), эти авторы утверждают, что «уникальной характеристикой балтийского янтаря является наличие широкого горизонтального плеча в области 1250—1175 $см^{-1}$ (8,0—8,5 μ), за которым следует острый пик, достигающий максимальной интенсивности при 1150 $см^{-1}$ (8,7 μ), после чего поглощение быстро убывает». Исходя из этого факта, они делают вывод, что «возможно установить происхождение изделий из янтаря, основываясь на существенном отличии (по указанному признаку.— *С. С.*) балтийского янтаря от небалтийского европейского янтаря». Несмотря на то, что эти выводы основаны на весьма обширном материале, с ними нельзя согласиться.

Детальное геохимическое изучение сукцинита и вмещающих его пород позволило установить то благоприятное сочетание геохимических факторов, которое способствовало образованию янтаря-сукцинита в процессе фоссилизации живицы Pinus succinifera Goepp. emend. Schubert[5]. Из этого следует, что образование сукцинита могло иметь место не только в районе Балтики, но и в других районах земного шара, где существуют необходимые для этого условия. Примером тому является амброзин из Южной Каролины (США), который, в соответствии с высказанными нами предположениями (Савкевич, 1966[6]), оказался по ИК-спектрам идентичен сукцинату (Бек и др., 1965). Кроме того находки сукцинита в Центральной и Восточной Европе за пределами Прибалтики могут быть обусловлены такими геологическими процессами, как более поздние размывы первичной и последующих балтийских залежей сукцинита и разрушение их ледниками, сопровождавшееся переносом янтаря. Изучение ископаемых смол из ряда небалтийских месторождений, проведенное нами (в том числе и по ИК-спектрам), показало, что находки сукцинита известны и по берегам Днепра, и в Прикарпатье, и в других районах Украины и Белоруссии.

---

[2] O. Olshausen. Zweite Mitteilung über den alten Bernsteinhandel und die Goldfunde. Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Antropologie, Ethnologie und Urgeschichte, Jg. 1891, стр. 286—319; ZF, 23, Berlin, 1891; R. Klebs. Cedarit, ein neues bernsteinahnliches Harz Canadas und sein Vergleich mit anderen fossilen Harzen. Jahrbuch der Kgl. Preussischen Geologischen Landesanstalt, 1896 (1897), 17; R. Jonas. Bernsteinperlen aus einem mykenischen Kuppelgrabe und die Identifizierung ihrer Substanz mit Succinit. Schriften der physikalisch-ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg, 1908 (1909), Jg. 49, стр. 351—368.

[3] O. Olshausen, F. Rathgen. Untersuchungen über baltischen Bernstein (Succinit) und andere fossile bernsteinähnliche Harze. ZF, 1904, 1, стр. 153—163.

[4] C. Beck, E. Wilbur, S. Meret, D. Kossove, K. Kermani. The Infrared Spectra of Amber and the Identification of Baltic Amber. «Archaeometry», 1965, 8, стр. 96—105.

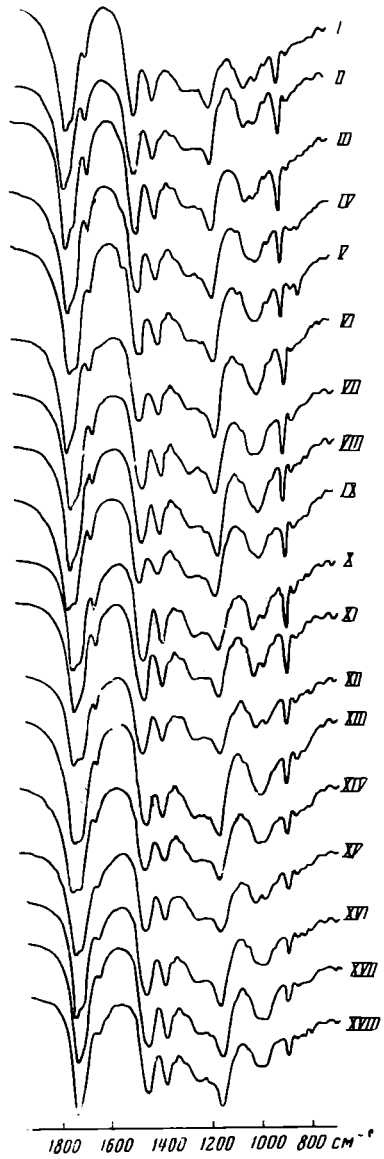
[5] С. С. Савкевич. Об условиях образования балтийского янтаря (сукцинита) и о некотором влиянии условий фоссилизации на свойства ископаемых смол. «Литология и полезные ископаемые», 1966, 6, стр. 78—88.

[6] Там же. Статья была представлена в редакцию 4 января 1965 г.

Весьма примечательно, что рекомендуемые Беком с сотрудниками (Бек, Вильбур и др., 1965) спектральные признаки, свидетельствующие якобы об исключительно балтийском происхождении янтаря, как показали наши исследования, характерны для сукцинита независимо от места его нахождения. В доказательство мы приводим ИК-спектры образцов типичного сукцинита из Пальмникенского месторождения (Прибалтика) и образцов из Белоруссии, Украины, в том числе и из Предкарпатья (рис.) [7]. На всех этих спектрах в области 1250—1175 $см^{-1}$ отчетливо заметны горизонтальные площадки с пиками вблизи 1150 $см^{-1}$, которые, по мнению упомянутых авторов, «характерны для балтийского и только для балтийского янтаря».

То обстоятельство, что на территории Белоруссии и Украины, в пунктах, удаленных от Балтики на расстояние 1000 *км* и более, известны скопления янтаря-сукцинита, которые достаточно длительное время служили источником сырья для кустарных промыслов [8] и были расположены на древних торговых путях [9], дает основание предположить, что в импорте янтаря странами древнего Средиземноморья значительная доля принадлежала днепровскому янтарю-сукциниту [10].

Все изложенное выше дает основание считать, что те спектральные признаки янтаря, которые, по мнению американских авторов (Бек, Бильбур и др., 1965), характеризуют именно балтийскую принадлежность янтаря из археологических раскопок, являются специфическими для сукцинита, весьма широко распространенного на территории между Балтийским и Черными морями. Поэтому часть археологических объектов древнего Средиземноморья, имеющая указанную спектральную характеристику, могла быть изготовлена из янтаря, добытого не в Прибалтике. Таким образом, критерии для определения балтийского происхождения янтаря в различных археологических раскопках, предложенные указанными авторами, нельзя считать надежными. Вместе с тем метод ИК-спектрометрии может быть более успешно использован в археологии для определения источников добычи других минеральных видов ископаемых смол, имеющих более узкий ареал геологического распространения.



Инфракрасные спектры образцов сукцинита

I—V — из Прибалтики (Пальмникенское месторождение, Калининградская обл.); *VI—XVIII* — из Белоруссии (г. Брест, с. Низяны, р. Буг) и Украины (г. Киев, Львов, с. Козаки, р. Самара, с. Августиновка)
По оси абсцисс — волновое число, в $см^{-1}$

---

[7] В нашем распоряжении имеется еще около 20 ИК-спектров янтаря-сукцинита, найденного за пределами Прибалтики. Они здесь не приводятся для экономии места.

[8] Например, по Днепру янтарь добывали, собирая в оврагах, куда он выносился потоками воды после сильных дождей и таяния снегов. П. А. Тутковский. Киевский янтарь. Киев, 1911.

[9] В частности, скопления янтаря-сукцинита по Днепру, давно заселенному и служившему древней торговой артерией.

[10] К подобным выводам на основании других данных пришел и Р. Ионас (см. R. Jonas. Ук. соч.).

О. Ю. КРУГ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК СЫРОДУТНОГО ПРОЦЕССА ПОЛУЧЕНИЯ ЖЕЛЕЗА ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ШЛАКАМ

Весьма интересной задачей для археологов является восстановление технологии древнего металлургического процесса (использования флюса, конструкции горна и др.) по массовым археологическим находкам древних металлургических шлаков. В настоящей работе сделана попытка решения подобной задачи путем математической обработки данных пет-

Таблица 1

Кодировка варьируемых факторов (технологических характеристик)

№ п. п.	Фактор		Кодирование	
			+1	−1
1	Использование флюса в виде песчаной подсыпки	x_1	Использовался флюс	Не использовался флюс
2	Количество выпусков шлака во время плавки	x_2	4	2
3	Время выпуска шлака от начала плавки	x_3	60 *мин*	100 *мин*
		$y_{мсм}$	Идиоморфная структура магнетита	Ксеноморфная структура магнетита

рографического исследования шлаков, полученных в результате специально спланированных экспериментальных плавок.

Сущность специальных методов планирования эксперимента заключается в следующем: 1) в процессе исследования экспериментатор изменяет факторы, определяющие условия эксперимента не случайно, а по заранее составленному плану, предусматривающему одновременные изменения факторов; 2) экспериментальный план является оптимальным в том смысле, что позволяет за наименьшее возможное число опытов вскрыть интересующие нас взаимосвязи; 3) результаты экспериментов представляются в виде простой математической модели (многочлена), связывающей целевые функции с варьируемыми факторами в интересующей нас области. Причем коэффициенты многочлена оцениваются с минимальными погрешностями.

В литературе даются схемы планирования для различного количества варьируемых факторов [1].

В таблице 1 приведены как качественные, так и количественные факторы. По аналогии с факторами кодируется качественная функция $y_{мсм}$ ($y_{мсм}$ — микроскопическая структура магнетита).

Экспериментальные планы должны удовлетворять условиям ортогональности, т. е. сумма произведений двух любых факторов должна равняться нулю.

$$\sum_{i=1}^{N} x_{ji}x_{li} = 0 \quad (f \neq l),$$

[1] Некоторые вопросы математического описания и оптимизации многофакторных процессов. Тр. МЭИ, 51, М., 1963.

где x_j, x_l — два любых варьируемых фактора; N — число экспериментов,

Кроме того,

$$\sum_{i=1}^{N} x_{fi} = 0; \quad \sum_{i=1} x_{fi}^2 = N.$$

Реализация такого экспериментального плана позволяет легко представить результаты исследования в виде линейного многочлена, связывающего данные петрографического исследования образцов шлаков с интересующими нас технологическими характеристиками сыродутных экспериментальных плавок.

Рассмотрим пример планирования экспериментальных новгородских плавок по образцу древнерусских, проведенных под руководством Б. А. Колчина. В качестве варьируемых факторов (технологических ха-

Таблица 2

Матрица планирования эксперимента

№ п.п.	№ плавки	x_1	x_2	x_3
1	XIV	+1	+1	+1
2	XIII	+1	−1	−1
3	II	−1	+1	−1
4	X	−1	−1	+1

Таблица 3

Петрографическое значение «y» по экспериментальным плавкам

№ п. п.	$y_ф$	$y_{м+с}$	$y_{м.с.м.}$	№ плавки	№ образца
1	71	27	Ксеноморфная −1	XIV	106э
2	40	50	Идиоморфная +1	XIII	101э
3	32	57	Ксеноморфная +1	II	3э
4	37	53,5	Идиоморфная −1	X	19э

рактеристик) рассматривались: 1) использование флюса в виде песчаной подсыпки; 2) количество выпусков шлака; 3) время первого выпуска шлака от начала процесса. Кодировка факторов (x_1 x_2 x_3) приводится в табл. 1. Все остальные факторы, влияющие на конечный результат процесса, остаются в экспериментах неизменными: количество и качество руды и топлива, конструкция горна, сила дутья и др. Образцы шлаков, полученные в результате этих плавок, исследовались под микроскопом.

Результаты микроскопического исследования продуктов экспериментальных плавок позволяют найти уравнения, которые связывают эти функции с варьируемыми условиями (факторами) плавок. Петрографическая структура шлаков зависит от условий эксперимента.

Основными признаками, характеризующими наши экспериментальные шлаки, являются: 1) процентное содержание фаялита ($y_ф$); 2) процентное содержание магнетита+стекло ($y_{м+с}$); 3) структура кристаллов магнетита ($y_{мсм}$).

Процентное содержание компонентов в шлаке замерялось под микроскопом на интеграционном столике с точностью до 1%.

Если в петрографическом шлифе магнетит представлен крупными полнокристаллическими зернами, то мы считаем его структуру идиоморфной и обозначаем + 1; если магнетит занимает промежутки между зернами фаялита, то структура его называется ксеноморфной и обозначается нами −1.

В табл. 2 приведена матрица планирования эксперимента, из четырех опытов, что составляет половину полного факторного эксперимента. Для каждой комбинации уровней, т. е. каждой строчки таблицы, определялись петрографические признаки (функции $y_ф$, $y_{м+с}$, $y_{мсм}$, см. табл. 3).

По данным таблицы могут быть вычислены оценки для коэффициентов линейной математической зависимости вида:

$$y = a_0 + \sum_{j}^{n} a_j x_j,$$

где

$$a_j = \frac{\sum_{i=1}^{N} y_i x_{ji}}{N}; \quad a_0 = \frac{\sum_{i=1}^{N} y_i}{N};$$

N — число опытов, n — число факторов.

Подставляя в формулы для расчетов коэффициентов a_0, a_1, a_2 и т. д. численные значения из таблицы, получим:

1. Для первой функции (процент содержания фаялита) $y_ф$

$$a_0 = \frac{y_1 + y_2 + y_3 + y_4}{4} = \frac{71 + 40 + 32 + 37}{4} = 45;$$

$$a_1 = \frac{y_1 + y_2 - y_3 - y_4}{4} = \frac{71 + 40 - 32 - 37}{4} = 10{,}5;$$

$$a_2 = \frac{y_1 - y_2 + y_3 - y_4}{4} = \frac{71 - 40 + 32 - 37}{4} = 6{,}5;$$

$$a_3 = \frac{y_1 - y_2 - y_3 + y_4}{4} = \frac{71 - 40 - 32 + 37}{4} = 9;$$

$$y_ф = 45 + 10{,}5x_1 + 6{,}5x_2 + 9x_3.$$

На процентное содержание в шлаке фаялита ($y_ф$) больше всего из варьируемых факторов влияет первый, т. е. используются флюсы в плавке или нет (x_1). Причем с увеличением песчаной присыпки увеличивается процент содержания фаялита.

Наименее значим второй фактор (количество выпуска шлака x_2). Второй и третий факторы (x_2 и x_3) влияют на процентное содержание фаялита в шлаке прямо пропорционально. Чем больше было выпусков шлака и чем позднее он начинал выпускаться, тем больше в нем оказывается фаялита.

2. Для второй функции (процент содержания магнетита + стекло) $y_{м+с}$

$$a_0 = \frac{27 + 50 + 57 + 53{,}5}{4} = 47;$$

$$a_1 = \frac{27 + 50 - 57 - 53{,}5}{4} = -8{,}3;$$

$$a_2 = \frac{27 - 50 + 57 - 53{,}5}{4} \approx -5;$$

$$a_3 = \frac{27 - 50 - 57 + 53{,}5}{4} = -6{,}6;$$

$$y_{м+с} = 47 - 8{,}3x_1 - 5x_2 - 6{,}6x_3.$$

На процентное содержание в шлаке магнетита ($y_{м+с}$) также больше всего влияет первый фактор и менее всего второй. Однако все факторы x_1, x_2 и x_3 влияют на функцию $y_{м+с}$ в одном направлении. Чем меньше флюса, чем меньше выпусков шлака во время процесса и чем раньше он выпущен, тем выше процентное содержание магнетита в шлаке.

3. Для третьей функции (микроскопической структуры кристаллов магнетита) $y_{мсм}$.

$$\left.\begin{aligned} a_0 &= \frac{-1+1+1-1}{4} = 0; \\ a_1 &= \frac{-1+1-1+1}{4} = 0; \\ a_2 &= \frac{-1-1+1+1}{4} = 0; \\ a_3 &= \frac{-1-1-1-1}{4} = -1; \end{aligned}\right\} \quad (I)$$

$$y_{мсм} = -x_3.$$

На структуру кристаллов магнетита в шлаке влияет лишь один третий фактор (x_3). Причем чем позднее выпускался шлак, тем легче выражена ксеноморфная по отношению к фаялиту структура магнетита.

Полученные уравнения хорошо согласуются со сложившимися физическими представлениями об особенностях сыродутного процесса, раскрытыми в работах А. А. Байкова [2], Б. А. Колчина [3].

Итак, в результате изучения экспериментальных плавок получены уравнения:

$$\left.\begin{aligned} y_{ф} &= 45 + 10{,}5x_1 + 6{,}5x_2 + 9x_3; \\ y_{м+с} &= 47 - 8{,}3x_1 - 5x_2 - 6{,}6x_3; \\ y_{мсм} &= -x_3. \end{aligned}\right\} \quad (II)$$

По этим уравнениям можно решить обратную задачу, возникающую при археологических исследованиях древних шлаков из раскопок.

По результатам петрографического исследования этих шлаков могут быть определены $y_{ф}$, $y_{м+с}$ и $y_{мсм}$. Подставляя их значения в наши уравнения, вычисляем значения x_1, x_2, x_3. Решается система трех уравнений с тремя неизвестными, которые определяют технологические условия данного древнего производства.

Уравнения, полученные в результате физического моделирования, могут быть использованы при изучении древних шлаков лишь в случае, если древний процесс имел технологические характеристики, достаточно близкие к нашим. Близкое к нашему строение горна, тот же тип руды и топлива, а также если переменные факторы x_1, x_2, x_3 варьировались приблизительно в тех же пределах.

Наши эксперименты мы старались проделать с максимально возможным приближением к условиям древнерусского производства, известного в Новгороде Великом [4]. Полученные уравнения применялись в настоящей работе при изучении образцов археологических шлаков из раскопок древнего Новгорода для определения деталей технологии древненовгородской металлургии.

Был исследован ряд образцов археологических древних шлаков из раскопок новгородской экспедиции. Среднее содержание фаялита у большинства новгородских шлаков, выпущенных во время металлургического процесса, равно 37%, а магнетита со стеклом — 55%, магнетит ксеноморфен по отношению к фаялиту ($y_{ф} = 37$, $y_{м+с} = 55$, $y_{мсм} = -1$). Подставляем значение «y» в систему уравнений и получим:

---

[2] А. А. Байков. Физико-химические основы способов прямого восстановления железа из руд. М., 1933.

[3] Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. МИА, 32, 1953.

[4] Б. А. Колчин, О. Ю. Круг. Физическое моделирование сыродутного процесса производства железа. Сб. «Археология и естественные науки». М., 1965.

$37 = 45 + 10{,}5x_1 + 6{,}5x_2 + 9x_3$;
$55 = 47 - 8{,}3x_1 - 5x_2 - 6{,}6x_3$;
$-1 = x_3$;
$x_1 = -0{,}16$;
$x_2 \approx 0$;
$x_3 = -1$.

Следовательно, согласно табл. 1, получаем условия плавок: 1) процесс проводится без использования флюса; 2) с поздним выпуском шлака; 3) во время плавки три раза выпускался шлак.

Однако среди новгородских шлаков встречаются также образцы с ксеноморфным магнетитом, т. е. который кристаллизовался позднее других минералов. Подставив в уравнения микроскопические данные для одного из таких образцов ($y_ф = 14{,}5$; $y_{м+с} = 6{,}4$; $y_{мсм} = 1$), получим:

$14{,}5 = 45 + 10{,}5x_1 + 6{,}5x_2 + 9x_3$;
$6{,}4 = 47 - 8{,}3x_1 - 5x_2 - 6{,}6x_3$;
$1 = +x_3$;
$x_1 = -4{,}2$;
$x_2 = +1{,}4$;
$x_3 = +1$.

Это значит, что процесс проводится без флюсов, шлак выпускался более трех раз. Время выпуска шлака раннее, т. е. шлак был выпущен, видимо, преждевременно.

Изложенный метод изыскания технологических особенностей древнего металлургического процесса по петрографическим данным изучения шлаков дает хорошие результаты при условии воспроизводимости эксперимента, т. е. когда при дублировании (повторении) экспериментальных плавок в одних и тех же условиях результаты петрографических исследований не меняются. В действительности, на практике это условие будет выполняться с той или иной степенью точности. Разброс результатов объясняется изменением неконтролируемых факторов (колебания в размерах фракций, шихты, в весе загружаемых порций шихты, небольшие изменения в режиме дутья и др.).

Количественно этот разброс данных можно оценить дисперсией единичного эксперимента, которая используется для статистического анализа экспериментальных данных.

Статистический анализ включает проверку значимости оценок коэффициентов уравнения по критерию Стьюдента, а также проверку адекватности линейной модели по критерию Фишера [5].

В настоящей работе, отражающей первый этап исследования, статистический анализ полученных экспериментальных данных из-за малого количества плавок не производился.

---

[5] Некоторые вопросы математического описания и оптимизации многофакторных процессов. Тр. МЭИ, 51.

В. П. ДУДКИН

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОГО МАГНИТОМЕТРА В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКЕ

Летом 1966 г. геофизическая группа Института археологии провела с помощью дифференциального магнитометра МНД-3 системы Грошевого [1] ряд исследований на различных археологических памятниках, чтобы

---

[1] Г. В. Грошевой, Л. Л. Галкин, М. А. Зайончковский. Магнитометр направленного действия для археологической разведки. СА, 1967, 3.

установить границы применения и поисковых возможностей аппаратуры данного типа. Поставленная задача обусловила относительно широкий диапазон исследуемых объектов и позволила выработать некоторые методические приемы разведки.

Участок съемки покрывался сетью профилей, ориентированных в направлении север — юг с интервалом между профилями от 1 до 3 *м*, в зависимости от характера искомого объекта. В ряде случаев ограничивались проведением нескольких проверочных профилей в местах обнаружения подъемного материала. Основные измерения проводились по визуальной шкале прибора. В зоне распространения выявленных аномалий сеть профилей сгущалась до 0,5, и по нескольким профилям показания прибора записывались на фотопленку.

Первое испытание, проводившееся на поселении черняховской культуры у с. Завадовки Корсунь-Шевченковского района Черкасской области, показало определенные положительные качества используемой аппаратуры. Магнитная съемка двух участков поселения общей площадью 750 $м^2$ оконтурила две зоны возмущений магнитного поля. После фиксации показаний прибора на фотопленку в местах наибольшей интенсивности аномалий были заложены шурфы, вскрывшие на первом участке развал глиняной печи мощностью до 40 *см*. Верхняя кромка развала находилась на глубине 25—30 *см* от дневной поверхности. Под слоем печи на глубине 70 *см* залегала вымостка толщиной 2—3 *см* со следами сильного обжига.

На втором участке в районе аномалии была обнаружена яма глубиной 1,5 *м*, заполненная гумуспрованным грунтом с фрагментами черняховской керамики.

Следующий этап работ, проходивший на археологических памятниках Одесской области, включал исследование определенных участков позднетрипольского поселения у с. Маяки Беляевского района, античного города «Тира» на территории г. Белгород-Днестровского и поселения гумельницкой культуры близ с. Нагорного Измаильского района.

На поселении у с. Маяки проверялась реакция прибора на оборонительный ров глубиной 3,8 *м*, заполненный переслаивающимися массами гумусированной почвы и лёсса. В результате было установлено, что аномалия, вызываемая рвом, не превышает 5γ [2] и фиксируется прибором не на всем протяжении объекта. Столь малая величина аномалии может быть объяснена минимальным различием вмещающих пород и заполнения по магнитной восприимчивости. Определенное влияние имела также слоистая структура заполнения. В центральной части поселения, в районе скопления зольных пятен, изменения магнитного поля находились в пределах 10—15 γ. Сигналы носили пилообразный характер, типичный для сложноструктурных объектов.

Работы в античном городе «Тира» проводились для выяснения возможности поисков прибором типа МНД-3 больших скоплений хорошо обожженной глины. Над античной керамической печью диаметром около 1 *м* с высотой сохранившихся стенок до 30 *см* и остатками кирпичной кладки, вскрытыми предыдущими раскопками, аномалии магнитного поля достигали соответственно 100 и 120 γ. Аномалии над подобными объектами надежно фиксируются и представляют локальное возмущение поля, большое по амплитуде и распространенное на расстояние, не превышающее удвоенного диаметра исследуемого объекта.

Три профиля, полученные в 50 *м* от раскопа с интервалом в 1,5 *м*, обнаружили аномалию магнитного поля порядка 300 γ (рис. 1, *а*). Последующая интерпретация записи показаний прибора установила определенное соответствие формы кривой аномалии над частично разрушенными печами, вскрытыми раскопками.

---

[2] $1\gamma = 10^{-5}$ *э*.

Довольно важные результаты дало обследование поселения гумельницкой культуры у с. Нагорного. Глиняные обожженные площадки жилищ перекрыты культурным слоем мощностью до 1 *м* и верхним дерновым покрытием толщиной до 20 *см*. Попытки установить местоположение площадок прибором не увенчались успехом, однако в данном случае был найден предел чувствительности используемой аппаратуры для подобного типа объектов и установлена зависимость величины аномалии от глубины залегания объекта. При послойном снимании грунта над одной из площадок, залегающей на глубине 1,5 *м* и представленной плитками слабо обожженной глины не более 10—15 *см* толщиной, заметные отсчеты на визуальной шкале прибора были зафиксированы при уменьшении перекрывающего грунта до 0,8 *м*.

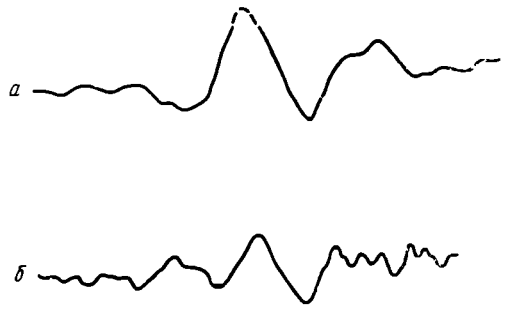


Рис. 1. Графики аномалий над печами

Заключительные работы 1966 г. проводились в границах Киевской области. Особое значение имела магнитная съемка части позднетрипольского поселения у с. Подгорцы. Детальная археологическая разведка обнаружила на территории поселения 11 площадок. В 600 *м* к востоку от этих площадок в районе обнаружения подъемного материала была разбита сеть профилей с интервалом 1,5 *м*, покрывшая площадь 1000 $м^2$. Предварительно произведена запись показаний прибора над одной из площадок, выявленных визуальной разведкой (рис. 2, *а*). Съемка по профилям позволила выделить зону возмущений магнитного поля на площади порядка 30 $м^2$. В области наиболее интенсивной аномалии заложенный шурф вскрыл на глубине 35 *см* площадку, идентичную найденным ранее. Осциллограмма данной аномалии (рис. 2, *б*) по форме соответствовала кривой, записанной над площадкой, обнаруженной визуально. Таким образом, с помощью магнитометра была найдена 12-я площадка, не зафиксированная археологической разведкой.

Значительным достижением было открытие с помощью магнитометра трипольского поселения на плато, примыкающем к древнерусскому городищу у с. Старые Безрадичи. При обследовании расположенного у края плато участка площадью 5000 $м^2$ по профилям с интервалом 2 *м* были выявлены три группы аномалий. Интерпретация осциллограмм дала возможность четко оконтурить зоны аномалий и сделать предварительное заключение о характере обнаруженных объектов. Формы кривых, записанных в районе двух из трех отмеченных аномальных зон (рис. 2, *в, г*), соответствовали в первом приближении теоретической кривой над горизонтальным пластом малой мощности при косом намагничивании. Шурфовка вскрыла на глубине 40 *см* в первом и 45—50 *см* во втором случаях трипольские площадки. Толщина площадок колебалась от 10 до 15 *см*, а в отдельных местах доходила до 20 *см*.

Третья группа аномалий, резко отличающаяся по характеру кривой от первых двух, отвечала, как было выяснено последующими раскопками, остатками частично разрушенной землянки глубиной около 1 *м* с древнерусской керамикой в заполнении (рис. 3, *б*).

Работы геофизической группы завершились проведением разведки на отроге плато близ с. Деревянного Кагарлыцкого района. Через центральную часть плато, где был собран подъемный материал в виде нескольких маловыразительных фрагментов керамики, проложили восемь профилей по 100 *м* длиной каждый с интервалом в 1 *м*. Эта проверочная съемка обнаружила на площади 5 $м^2$ вытянутую по линии профиля аномалию (рис. 3, *в*). Вслед за магнитной съемкой для максимального уточнения

размеров объекта через зону аномалии был проложен буровой профиль с метровыми промежутками между точкам бурения. Разбитый с учетом магниторазведочных и буровых данных раскоп вскрыл уникальное погребение, датированное В. Н. Даниленко по сопровождающей керамике поздним чернолесским этапом. Оно представляет собой вытянутое трупоположение со следами сожжения и перекрыто тонкой глинобитной площадкой размером около 2 × 2 *м*.

В результате этих работ удалось сделать ряд обобщений о характере и возможностях магнитной археологической разведки с применением дифференциального магнитометра. Магнитная разведка — один из многих методов решения разнообразных задач, связанных с установлением планировки древних поселений и поисками археологических объектов. Целесообразность включения метода в комплекс прочих исследовательских работ находится в прямой зависимости от поставленных задач, характера и структуры искомого объекта, а также соответственно от предполагаемой экономической эффективности метода. Очевидно, что различные модификации магниторазведки не могут быть полезными во всех случаях и должны использоваться для разрешения той части проблем археологической разведки, где применение их наиболее оправдывает себя.

Детальное изучение осциллограмм, записанных на упомянутых объектах, приводит к выводу о непосредственной связи формы аномалии со структурой и типом исследуемого памятника, в то время как абсолютная величина аномалии почти всегда служит только второстепенным определяющим признаком. На основе установленного соответствия появляется возможность выделить три разновидности объектов, наиболее надежно определяемых дифференциальным магнитометром.

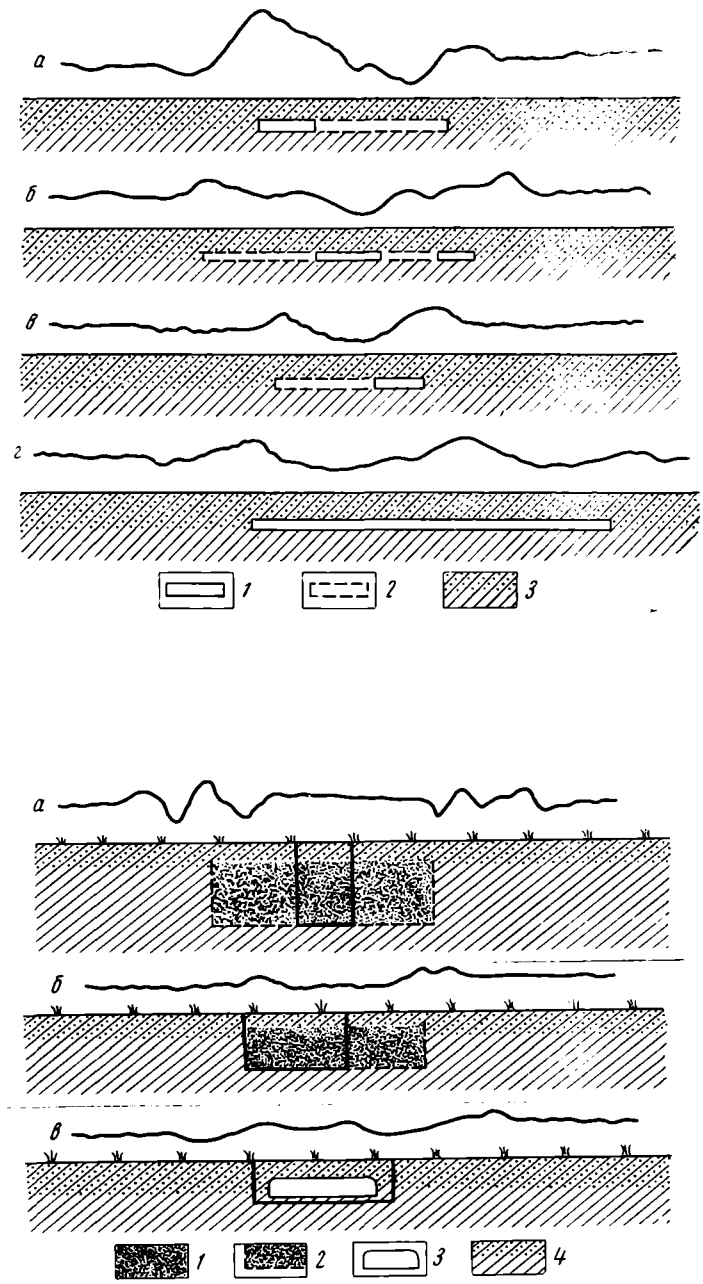


Рис. 3. Графики аномалий над землянками и печью

а — Завадовка; *б* — Старые Безрадичи; *в* — Деревянное. *1* — яма или землянка (проверенный участок); *2* — яма или землянка (предполагаемое распространение); *3* — печь; *4* — почва

Первая, довольно обширная группа объединяет объекты, содержащие обожженную глину. Интересные результаты по этому типу связаны с работами на трипольских поселениях. Аномалии над площадками во всех случаях имеют много сходных черт при значительном отличии от анома-

лии над прочими объектами. Это позволяет установить практически однозначное соответствие наблюдаемых кривых и объекта. Проверочная шурфовка выяснила, что границы распространения аномалий совпадают с краями площадок в пределах ± 1 *м*. Такая относительно высокая точность определения местоположения объекта возможна при записи показаний прибора на фотопленку. Разведка с использованием визуальной шкалы

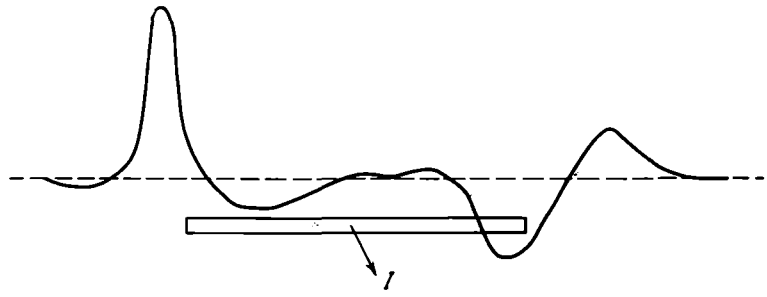


Рис. 4. Теоретический график Z^1 над горизонтальным пластом

прибора позволяет установить границы объекта в пределах 2—3 *м*. При очень четком крае площадки и соответственно резком изменении поля точность определения возрастает до $\pm$ 0,5 *м*. Структура площадок дает возможность в ряде случаев полностью обходиться без записи осциллограмм и устанавливать с максимальной точностью их местоположение и ориентацию. При этом наиболее отчетливо отмечается кромка площадки, попадающая в зону фиксации прибора первой.

Рис. 5. График аномалии над железным предметом

В теоретическом плане аномалии, зафиксированные над трипольскими площадками, отвечают несколько искаженным кривым над горизонтальным пластом малой мощности при косом намагничивании (рис. 4).

Определенное место в рассматриваемой группе памятников занимают небольшие сложноструктурные скопления обожженной глины и гончарные печи. Отсутствие большого экспериментального материала несколько затруднило работу по изучению характера аномалий данных объектов. Удалось установить некоторые общие закономерности чередования максимумов и минимумов на осциллограммах, записанных на черняховском поселении у с. Завадовки и античном городе «Тира» (рис. 1, *а, б*). Это открывает путь к построению типичных кривых для подобных объектов. Аномалии над керамическими печами локализованы на довольно малом пространстве, имеют большую амплитуду и особую форму сигнала, что позволяет надежно отличить их от прочих возмущений магнитного поля.

Ко второй группе можно отнести различные типы землянок и хозяйственных ям. Самым существенным фактором для выявления их магнитной разведкой является состав заполнения и величина объекта. Теоретически прибором типа МНД возможна фиксация ямы, заполненной гумусированным грунтом при минимальной глубине ее 1,5 *м*. Однако в ходе работ выяснилось, что этот предел может быть значительно сокращен. Так, надежно зафиксированная землянка на древнерусском поселении у с. Старые Безрадичи была глубиной около 1 *м*. Аномалии, вызываемые данной разновидностью объектов, имеют значительно меньшую амплитуду. Характерное свойство кривых — наличие серии экстремумов над границами объекта, переходящих в почти невозмущенную линию в средней части (рис. 3, *а, б*). Объясняется подобный факт сложной структу-

рой границы перехода от вмещающих пород к заполнению и относительной однородностью заполнения ям.

Третья категория включает всевозможные железные предметы. Так называемые железные аномалии имеют большую амплитуду и занимают всегда весьма малую площадь, не более чем в два, три раза превышающую размеры предмета. Форма сигнала настолько характерна, что гарантирует безошибочное выделение его среди других аномалий даже по визуальной шкале прибора (рис. 5). Это свойство позволило выявить с минимальными затратами времени на участке плато у с. Старые Безрадичи несколько древнерусских железных предметов, находившихся на глубине от 40 до 80 *см*.

В заключение можно сказать, что выделенные нами типы археологических объектов нельзя считать окончательно сформированными. Дальнейшие исследования неоднократно будут дополнять их, и не исключена возможность выделения новых самостоятельных групп памятников, перспективных для магнитной археологической разведки с применением дифференциального магнитометра.

Критика и библиография

A. Niederlender, R. Lacam, J. Arnal. Le gisement neolithique de Roucadour (Thémines-Lot). IIIe supplement a «Gallia préhistoire». Ed. du Centre National de la Recherche scientifique. Paris, 1966, 206 p., 42 fig., 16 pl.

Неолитическая эпоха изучена во Франции менее полно не только по сравнению с неолитом окружающих стран, что недавно отметил Р. Ланьте [1], но и по сравнению с более поздними и более ранними археологическими периодами. Даже поздненеолитические дольмены, на которые обращал уже внимание в своих отчетах П. Мериме, исследованы далеко не подробно. В значительной мере это связано с малочисленностью многослойных четко стратифицированных памятников эпохи неолита. Работа А. Нидерлендера, Р. Лакэна, Ж. Арналя «Неолитический комплекс Рукадура» в некоторой степени восполняет этот пробел, вводя в научный оборот новый многослойный неолитический памятник.

Памятник расположен в долине Рукадур, коммуна Ремин департамента Ло. Местность эта входит в состав известнякового плато, на западной окраине Центрального французского массива [2]. Раскопки начались здесь с шурфа, заложенного в 1925 г. А. Мартелем и А. Нидерлендером. Значительная площадь (около 200 *м*^{2}) была вскрыта в полевые сезоны 1951—1957 гг. Раскопкам подверглась часть наиболее мощных наслоений близ небольшого грота. Неолитические слои, обозначенные сверху вниз A1[3], B1[4], B2, C, охватывают все основные периоды от раннего до позднего неолита. Подробное описание слоев, находок, характеристики комплексов каждого слоя составляют содержание первой части работы (стр. 17—99). Наряду с тщательным и очень подробным описанием отдельных изделий следует отметить высокое качество графических и фотографических воспроизведений костяных изделий, черепков сосудов, каменного инвентаря [5].

Вторая часть работы (стр. 103—174) посвящена проблемам хронологии, установлению культурных связей и культурной принадлежности комплексов отдельных слоев памятника, характеристике хозяйства и быта. Многими методическими и некоторыми теоретическими положениями эта часть работы может заинтересовать советских исследователей. Важным моментом является определение понятия «неолит». Авторы приходят к выводу об условности этого понятия, отмечая, что этот термин может характеризовать культуру лишь определенных областей и подразделяться в них на такие формальные ступени, как ранняя, средняя и поздняя. При сопоставлении неолитических слоев Рукадура с памятниками средиземноморской области выясняется, что неолитическое развитие продолжается на нем, когда на юге господствует уже энеолит (рис. 35, стр. 105).

Начало энеолитического времени авторы считают возможным фиксировать не по появлению металлических изделий, которые первоначально были крайне редки, а по распространению новых приемов в технике обработки камня и кремня. В кремне по-

---

[1] J. Arnal, G. Bailloud, R. Riquet. Les styles ceramique du Neolithique francaise. «Prehistoire», XIV, Paris, 1960, стр. 1.

[2] С подробной географической характеристикой этого района русский читатель может познакомиться по работе Э. Мартон. Физическая география Франции. М., 1950, стр. 110—151.

[3] Выше слоя A1 залегает еще слой A2, содержащий находки материалов эпохи бронзы, гальштаттского и галло-римского времени. Наибольшая общая мощность наслоений (включая верхний почвенный слой и стерильные прослойки) достигает 3 *м* 40 *см*.

[4] Разделение слоя B на два горизонта произведено Ж. Арналем на типологических основаниях (стр. 5). На его же долю выпало, как видно из предисловия, посвященного покойному А. Нидерлендеру, завершение этого труда и подготовка его к печати. Сразу следует оговориться, что основная, вторая часть работы, посвященная интерпретации памятника, в основном отражает воззрения Ж. Арналя.

[5] Фотографии целых сосудов, пожалуй, чрезмерно уменьшены.

являются подражания металлическим кинжалам и наконечникам стрел, из мягкого камня изготовляют биконические бусы со сверлинами и т. д.[6]

При рассмотрении древнейшего неолитического периода Рукадура — слоя С авторы оперируют очень широким кругом аналогий. Это обусловлено как уникальностью данного комплекса, не имеющего практически аналогий во французских памятниках, ибо типичный для южнофранцузского неолита керамический комплекс с оттисками штампа из раковин (ceramique impressionée au cardium) представлен в слое С Рукадура лишь парой черепков, так и слабой изученностью раннего неолита Франции в целом. Ближайшую реальную аналогию керамике слоя С авторы находят в сосудах памятников культуры Эртебелле. Однако, несмотря на явную склонность признавать широкие диффузии элементов культуры и обширное распространение самих культур, авторы приходят к выводу о возможном конвергентном возникновении сходных культур в Рукадуре и Шлезвиг-Гольштейне. Впрочем от окончательного суждения по этому вопросу они пока воздерживаются (стр. 114—116).

Материалы слоя В относятся к разным этапам шассейской культуры, в разработке проблематики которой ведущая роль принадлежит в настоящее время Ж. Арналю[7]. В рецензируемой работе этот комплекс освещается особенно полно. Авторы начинают свой обзор материалов этого слоя с подробного рассмотрения аналогичных ему памятников Италии, Швейцарии, Франции, попутно разбирая общие вопросы, связанные с выделением шассейской культуры. Авторы, отмечая неодновременность перехода от Шассей А к Шассей В в разных локальных районах, а также наличие двух разновидностей этого перехода: прямое наследование признаков предшествующего этапа последующим (как, в частности, в Рукадуре) и значительные изменения облика культуры,— вплотную подходят к постановке вопроса о культурно-исторической общности, т. е. такого рода образований, которое восходит к единой культуре, но затем разветвляется на многие локальные линии развития, теряющие порою связи друг с другом. В связи с этим важные наблюдения были сделаны Ж. Арналем в небольшом этюде о развитии типичных шассейских ваз на поддонах, об их типологических изменениях в процессе распространения с юга на север и с востока на запад. Наиболее поздние формы этих ваз достигают Ирландии. Приведенные в тексте данные о распределении хронологическом и территориальном таких признаков, как гравированный орнамент на сосудах[8], различные формы ручек у сосудов[9], формы днищ и тулова и т. д., уточняют и дополняют представление о разных этапах шассейской культуры и ее локальной специфике.

Краткий (рис. 147—149), но очень содержательный очерк посвящен проблеме датировки дольменов[10]. Исследователи отмечают, что любительские раскопки дольменов в XIX в. создали представление о сооружении их преимущественно в разные периоды бронзового века. Этому выводу способствовала, в частности, практика датировки дольменов по основным находкам в погребальной камере. Но именно эти находки могли часто, как выясняется, относиться ко времени повторного использования дольменов для захоронений. При новейших исследованиях дольменов в ряде из

---

[6] О трактовке понятия энеолит в применении к материалам Франции см. также G. Bailloud. Les civilisation énéolithiques de la France. В кн. L'Europe à la fin de Jâge de la pierre. Praha, 1961, стр. 493.

[7] J. Arnal, R. Riquet. Ук. соч.; J. Arnal. Hypothèse de travail sur l'origine de vases-supports francais. «Revue archéologique de l'Est et du Centre-Est». Dijon, 1957, VIII. 1—2, стр. 127—132; J. Arnal, C. Burnez. Die Struktur des französischen Neolithikums auf Grund neuester stratigraphischer Beobachtungen. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission, 1956—1957, 37/38, Mainz, 1958.

[8] В отношении этого орнамента авторы, быть может, злоупотребляют отдаленными аналогиями, приводя для сравнения гравированные после обжига сосуды додинастического Египта и аналогичные находки на Босфоре (стр. 130), несмотря на близость во времени, нельзя исключать здесь вероятность конвергентного развития одинаковых приемов орнаментации.

[9] К сожалению, с описанием этих ручек связана одна неисправленная небрежность (стр. 132, 134, 152). Всюду по их поводу читателя отсылают к рис. 38. На этом рисунке изображены графики возрастных кривых для поголовья свиней в разных слоях памятника. В действительности следует обращаться к рис. 39. Здесь на карте указаны пункты находок ручек от сосудов различных форм. Карта лишена экспликации. Впрочем, названия памятников нетрудно выяснить, обратившись к соответствующей карте в указанной уже работе Байу, Арналя и Рике. Необходимо только указать, что крестиком отмечены на карте ручки в виде прямоугольных выступов на боках сосудов с несколькими проткнутыми в них отверстиями (les cordons multiforés); кружком — ручки, напоминающие охотничий патронташ или флейту Пана (cartouchières ou les flutes de Pan), являющиеся характерным признаком Шассей В, а треугольником — длинные узкие боковые ручки (les poignées). Последние служили для держания рукой, а не для подвешивания сосуда, как ручки первых двух видов.

[10] О значении французских дольменов для выяснения взаимоотношений мегалитических памятников Северной и Южной Европы см. S. J. de Laet. Leçons d'un symposium. В кн. L'Europe à la fin de l'age de la pierre, стр. 628; G. E. Daniel. The Date of the Megalithic Tombs of Western Europe. Там же, стр. 575—589.

них обнаружены шассейские черепки, а в одном из дольменов Плуэзоша близ Морле в дромосе, в нижних слоях его заполнения, была обнаружена in situ серия шассейских ваз. В настоящее время имеется также радиокарбоновая дата, полученная в лаборатории де Фриза, для материалов из дольмена на о. Карнен-Плудальмезо (Финистер) — 3030 (±75) до н. э., что находит прямое соответствие в датировках по C^{14} слоя В в Рукадуре [11]. Отсюда авторы заключают, что «... стратиграфия Рукадура способствует разрушению стойкой легенды, согласно которой дольмены датируются халкопитом или даже средним бронзовым веком» (стр. 149), и относят время появления дольменов к неолиту.

После краткой характеристики каменного инвентаря слоя В рассматриваются очень бегло материалы позднеолитического слоя Рукадура (А1). Сравнивая эти материалы с находками на памятниках михельсбергской, горганской культур и культуры Сены-Уазы-Мерны, авторы приходят к выводу, что полного соответствия ни одной из указанных культур в данном комплексе нет. Они предлагают называть этот комплекс горгеноидным и полагают, что его происхождение может быть связано с атлантическим побережьем.

Небольшие обзоры, быть может только с недостаточно полной библиографией (особенно это касается немецкой, австрийской и швейцарской литератур), посвящены малочисленным находкам из слоя А2, в котором представлены материалы энеолитической, бронзовой и гальштатской эпох (стр. 164—174).

Часть третья (стр. 177—199) заключает в себе приложения, содержащие данные о радиокарбоновых анализах материалов памятника, о составе древесных пород, обнаруженных в культурном слое, о палинологических исследованиях, о каменных породах из шассейских слоев, о составе и специфике костных остатков животных и геологии памятника.

Появление этой большой работы, посвященной всестороннему анализу одного из основных памятников французского неолита, представляет большое значение для дальнейших исследований этой эпохи. До сих пор малочисленность всесторонне изученных неолитических памятников во Франции вынуждала исследователей прибегать для их хронологизации, периодизации и выяснения культурной принадлежности к очень отдаленным и территориально и по степени сходства аналогиям. Отныне положение начинает изменяться. В культурах неолитической Франции отчетливей проявляется локальная специфика, самобытность и определенные линии внутреннего развития.

П. М. Кожин

[11] В лаборатории Жиф-Сюр-Иветт в 1960 г. получены следующие даты по C^{14} для Рукадуар: слой С — 3980^{+307}_{-296} до н. э.; слой В1 — 3229^{+281}_{-271} до н. э.; слой В2 — 2319^{+256}_{-248} до н. э. Кельнская лаборатория датирует верхнюю границу слоя В1 — 3140±160 лет до н. э. (стр. 177).

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ МЕСТЕ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ

(в связи с выходом в свет книги Д. Я. Телегина «Днепро-Донецкая культура»)

В 1968 г. вышла в свет монография Д. Я. Телегина «Днепро-Донецкая культура» [1]. Это солидное исследование заполняет давно ощущавшийся археологами пробел в наших знаниях о неолите Восточной Европы. Если о памятниках этой эпохи в Карелии, Волго-Окском бассейне, Прибалтике, Приуралье мы располагаем множеством публикаций и серией серьезных монографий, то о южном неолите до сих пор имелись только небольшие заметки и отрывочные сообщения об отдельных стоянках и могильниках. Между тем неолитические культуры Украины, тесно связанные с высокоразвитыми культурами Балкан и Кавказа, рано перешедшие к производящим формам хозяйства, сыграли в истории Восточной Европы, несомненно, бо́льшую роль чем отсталые племена охотников и рыболовов Севера.

Д. Я. Телегин подвел итоги своих интенсивных пятнадцатилетних полевых исследований на Северном Донце и Днепре и суммировал материалы других археологов, изучавших неолит Украины, но по тем или иным причинам не сумевших довести свои работы до конца (М. Я. Рудинский, А. В. Добровольский, В. Н. Даниленко, А. Д. Столяр). В основе монографии лежат материалы 150 поселений и 18 могильников с 800 погребений. Автор наметил периодизацию и локальные варианты Днепро-Донецкой культуры. Все это делает его исследование весьма полезной сводкой, интересной для всех археологов, которые занимаются первобытной историей Европы и Азии.

[1] Д. Я. Телегин. Дніпро-Донецька культура. До історії населення епохи неоліту — раннього металу Півдня Східної Европи. Київ, 1968, стр. 260.

В то же время книга, написанная на новую и сложную тему, содержит, естественно, и ряд дискуссионных моментов. Наиболее уязвимыми местами ее являются, на наш взгляд, абсолютная хронология и постановка вопроса об историческом месте Днепро-Донецкой культуры. Оставляя первую тему специалистам, разрабатывающим проблемы абсолютной хронологии Старого света, остановимся подробнее на втором вопросе.

По мнению Д. Я. Телегина, Днепро-Донецкая культура входит в круг северных неолитических культур вместе с неолитом Прибалтики, Белоруссии, Верхней Волги и Оки, Карелии, Приуралья и Сибири, резко отличаясь от неолита Балкан, Правобережья Украины, Кавказа и других южных районов. В пользу этого приводятся три аргумента: 1) преобладание в инвентаре Днепро-Донецкой культуры двухсторонне обработанных кремневых тесел и топоров в противоположность южным памятникам со шлифованными топорами; 2) облик керамики, в значительной мере остродонной и чаще всего покрытой штампованным гребенчатым и накольчатым орнаментом, 3) преобладание вытянутых окрашенных погребений над скорченными, что характерно именно для северных, а не для южных областей (стр. 219 и мн. др.).

Эти наблюдения, подкрепленные большим справочным аппаратом и картами, безусловно, заслуживают внимания, но вряд ли три названные черты культуры в отрыве от всех остальных могут доказать основной тезис автора. Своеобразие земледельческих культур эпохи неолита и энеолита с их глинобитной архитектурой, богато украшенной керамикой многих типов, обилием мелкой пластики и т. д. и отличие их от культур охотников, рыболовов и скотоводов, обладавших относительно бедным комплексом орудий труда и посуды, не требует особых доказательств. Однако сомнительно, что по этой причине мы должны взять за одни скобки неолит Карелии и Приуралья, Приазовья и Прибайкалья, культуру ранних скотоводов и племен с пережиточными формами охотничье-рыболовного хозяйства.

Д. Я. Телегин подробно рассматривает только одну категорию каменных орудий — топоры. Но в Днепро-Донецкой культуре есть и другие не менее показательные категории. Таковы в первую очередь весьма многочисленные трапеции. На Оке, в Карелии, в Западной и Восточной Сибири их нет совершенно. Зато они в высшей степени характерны для мезолита и неолита Крыма, Кавказа, Средней Азии. Хотя сейчас установлено проникновение геометрических орудий с юга на Урал и известны трапеции позднего мезолита и неолита в Литве, все же деление мезолитических и неолитических культур на две зоны — с геометрическими орудиями на юге и без них на севере — остается в силе. Принимает его и Д. Я. Телегин. Развивая наблюдения автора этих строк о формировании неолита Левобережья на базе местного мезолита с геометрическими орудиями [2], Д. Я. Телегин невольно впадает в противоречие: Днепро-Донецкая культура возникает у него на основе мезолита южного типа, а принадлежит к тому же кругу памятников, что и культуры, сформировавшиеся на основе северного мезолита (стр. 29—36).

Ряд форм неолитических сосудов с Левобережья действительно похож на посуду северных лесных стоянок. Но процент плоскодонной керамики в Днепро-Донецкой культуре, особенно на Днепре и в Приазовье, достаточно высок. В северном неолите таких горшков мы не найдем. Для этих районов характерна к тому же не столько остродонная, сколько круглодонная посуда. Острые днища типичны для неолитической керамики Крыма [3], Туркмении [4], а не для Волго-Окского бассейна, Урала или Сибири. Что касается гребенчатого орнамента, то, хотя широкое распространение его в северных лесных культурах вне сомнений, далеко не все эти культуры были с ним знакомы (ранние уральские стоянки, неолит Сибири). В то же время в южных земледельческих культурах этот узор тоже спорадически применялся для украшения посуды — в Триполье А (Попов-город, Борисовка) [5], в жилых холмах Колхиды [6] и т. д. Чрезвычайно типичная гребенчатая керамика для степей и пустынь Казахстана и Средней Азии.

Обратимся теперь к могильникам. При анализе их нельзя ограничиваться одной позой погребенных. Огромные могильники из 100—150 строго вытянутых в ряд захоронений, раскопанные на Днепре и в Приазовье, — явление уникальное. Ничего похожего на Севере, Европейском или Азиатском, мы не знаем. Там встречаются чаще всего одиночные могилы на местах поселений. Оленеостровский могильник Онежского озера с большим числом захоронений — единственный на Севере, но он то и не дает почти никаких аналогий могильникам Надпорожья и Приазовья.

---

[2] А. А. Формозов. Древние историко-этнографические области Европейской части СССР. СЭ, 1958, 5, стр. 22, 23, 29.

[3] О. Н. Бадер. Изучение эпипалеолита Крымской Яйлы. СА, V, 1940, рис. 3.

[4] А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. Тр. ЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1954, рис. 62, 64.

[5] Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, 10, 1949, рис. 3, 4, 9.

[6] Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды. II, Тбилиси, 1950, табл. 46, 48, 57.

Принадлежность могильников Мариупольского типа и Днепро-Донецких стоянок к одной культуре нельзя считать твердо доказанной. Типичные для могильников вещи до сих пор не обнаружены на поселениях. Могильники не известны в районе распространения киево-волынского и гомельско-черниговского вариантов Днепро-Донецкой культуры. На Донце обнаружен лишь один могильник — Александрия, но из 33 захоронений его 26 сам Д. Я. Телегин относит к другой культуре — «типа Средний стог 2» и только 7 вытянутых погребений (из них 5 в одной яме) связывает с культурой Мариупольского типа (стр. 101). Вещей при них кроме простых кремневых ножей не было. Думается, что для включения этого единственного вне Приазовья и Надпорожья могильника в ту же группу нужны дополнительные аргументы. С другой стороны, Д. Я. Телегин умалчивает еще о двух могильниках кроме Мариуполя на юге — в Крыму [7] и в низовьях Дона [8]. Следовательно, границы распространения могильников мариупольского типа далеко не совпадают с границами Днепро-Донецких стоянок. В данной связи нас интересует, однако, другой вопрос — об историческом месте этих памятников. Связаны они или нет с Днепро-Донецкой культурой, Д. Я. Телегин все равно включает их в северный круг памятников. Между тем больше всего аналогий Мариупольскому могильнику, отмечено в Нальчикском кургане на Северном Кавказе, что и не удивительно при кавказских типах булав Мариуполя [9]. Общие черты с Мариупольским могильником усматривает А. П. Окладников и в могильнике Кайлю на Красноводском полуострове [10]. Украшения из клыков кабана, гешировые и сердоликовые бусы, булавы, ножи на широких пластинах, особенно характерные для могильников Украины, типичны не для северных, а для южных нео- и энеолитических памятников.

Поза погребенных, конечно, момент немаловажный. Но, во-первых, вытянутые погребения известны и на юге, и не только на Луговом поселении, упомянутом Д. Я. Телегиным, но и на других памятниках. Назовем хотя бы три вытянутых и лежавших в ряд костяка на стоянке Мешоко на р. Белой [11]. Во-вторых, намечаются определенные линии генетических связей между мезолитическими могильниками Надпорожья со скорченными захоронениями и неолитическими могильниками того же района и Приазовья. Эти соответствия разобраны в специальной статье А. Д. Столяра, ни разу не упомянутой в книге Д. Я. Телегина [12]. Признание генетического родства неолитических коллективных могильников Украины с коллективными могильниками Поднепровья, оставленными населением, связанным с Передней Азией, с южным мезолитом, заставит нас иначе, чем Д. Я. Телегин, оценивать историческое место неолита Левобережья.

В числе черт, отличающих северный неолит от культуры земледельцев Правобережья, Балкан и Кавказа, Д. Я. Телегин называет бедность мелкой пластики. Это справедливо в отношении Днепро-Донецкой культуры, но никак нельзя говорить о бедности произведениями искусства неолита Волго-Окского бассейна, Карелии, Прибалтики, Урала, Сибири. Там найдено много статуэток из камня, кости и дерева.

И, наконец, материалы о хозяйстве носителей Днепро-Донской культуры. На четырех стоянках, где сохранились костные остатки, — Игрень 8, Собачки, Средний стог I, Бузьки — встречены кости домашних животных — быка, лошади, овцы или козы, свиньи и собаки. На стоянке Вита Литовская — одной из самых северных, под Киевом, отмечены отпечатки культурного ячменя на керамике. Таким образом, если не все, то, во всяком случае, днепровские племена Днепро-Донецкой культуры перешли уже к производящим формам хозяйства.

Все вместе взятое показывает, что у нас нет оснований резко отделять культуру Надпорожско-Приазовских могильников и Днепро-Донецких стоянок от южных культур и присоединять ее к северной области. Перед нами культура, генетически целиком связанная с югом (геометрические формы орудий мезолитических типов), а в дальнейшем, в период перехода к производящему хозяйству, действительно обособленная от чисто земледельческих культур Балкан, Правобережья и Кавказа, но не в меньшей мере отличавшаяся и от северного охотничье-рыболовецкого неолита. Если на юге преобладала плоскодонная посуда, а на севере круглодонная, то здесь были распространены остродонные, а позднее и плоскодонные горшки. В ту же зону,

---

[7] А. А. Щепинский и Е. Н. Черепанова. Археологические исследования в степном Крыму. «Археологические исследования на Украине 1965—1966 гг.». Киев, 1967, стр. 28.

[8] Я. Яковлев. Плоские могилы каменного века на р. Чир в Донской области. «Труды Харьковского предварительного комитета по устройству XII археологического съезда», I, Харьков, 1902, стр. 143—146.

[9] А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике. МИА, 3, 1941, стр. 106—118.

[10] А. П. Окладников. Изучение памятников каменного века в Туркмении. ИАН ТуркмССР, Ашхабад, 1953, 2, стр. 31—32.

[11] А. Д. Столяр. Мешоко-поселение Майкопской культуры. «Сборник материалов по археологии Адыгеи», II, Майкоп, 1961, рис. 5.

[12] А. Д. Столяр. Об исторических корнях культуры надпорожского неолита. Сб. «Исследования по археологии СССР». Л., 1961, стр. 34—46.

что и Днепро-Донские памятники, входят стоянки кельтеминарского круга в Средней Азии. Они глубоко отличны от земледельческой культуры Анау, но их нельзя объединять и с синхронными культурами охотников и рыболовов Сибири, Урала. И в том и в другом случае мы имеем дело с культурами, сложившимися на базе южного мезолита и проявившими свою специфику в период перехода к скотоводству. Северные соседи оказывали на них какое-то влияние, но развитие трех областей — земледельческой, скотоводческой и охотничье-рыболовецкой — шло разными путями.

Предстоит еще изучить соотношение памятников Днепро-Донецкого и Мариупольского типов с поселениями сурской культуры на Днепре, в Приазовье и в Крыму и с другими культурами Юго-Востока. Д. Я. Телегин упоминает их очень бегло, хотя они во многом сходны с Днепро-Донецкой (остродонная посуда, геометрические орудия, домашние животные). Эта краткость вызвана отчасти тем, что основные материалы по неолиту Приазовья (стоянка у Каменной могилы, Ракушечный яр) до сих пор не опубликованы. Читателю остается неясным, есть ли Днепро-Донецкие памятники в Крыму, к Сурской или Днепро-Донецкой культуре относится поселение у Каменной могилы (оно упомянуто и в том и в другом контексте). Находки могильников Мариупольского типа в Крыму и на Нижнем Дону заслуживают, безусловно, пристального внимания. Кавказские типы вещей в могильниках — навершия булав, золотая подвеска, бусы из гешира и сердолика — свидетельствуют об интенсивных связях с Юго-Востоком. Но с какой же культурой? Очевидно, не с памятниками типа Нижне-Шиловской стоянки, не раз упоминаемой Д. Я Телегиным, где нет ничего похожего, а с культурой майкопского или предмайкопского времени. Если это так, придется пересмотреть даты Днепро-Донецкой культуры и могильников, ибо Майкоп нельзя отнести не только к V, но и IV тысячелетию до н. э. Автор пошел по сложному пути привязки Днепро-Донецкой культуры к Триполью, Триполья к Балканским поселениям, а тех уже к Переднеазиатским. Выбрав другой, более короткий путь — от Днепро-Донецкой культуры к Кавказу, а оттуда к Передней Азии, — он пришел бы и к другим хронологическим выводам. Не предворяя их, отметим все же, что датировка Мариупольского могильника аналогично Нальчикскому 3500 г. до н. э., предложенная в 1950 г. А. А. Иессеном, теперь не может быть принята. Раскопки стоянок майкопской культуры говорят если не об их синхронности, то, во всяком случае, о большой хронологической близости к Нальчику [13].

Точно так же следовало бы более внимательно рассмотреть вопрос о северных соседях Днепро-Донецких племен. Находки черепков с гребенчато-накольчатым орнаментом на дюнах Белоруссии могут указывать лишь на влияние Юга, а не на распространение самой культуры. Неясно, в каком соотношении, хронологическом и культурном, с Днепро-Донецкой культурой находятся памятники Десны типа Песочного рва. Д. Я. Телегин считает, что уже в период расцвета Днепро-Донецкой культуры, т. е. в IV тысячелетии до н. э. она соседила с культурами ямочно-гребенчатой керамики. Но столь ранняя дата этих культур вызывает большие сомнения. Две радиокарбонные датировки для совсем других районов не могут опровергнуть наблюдения, неоднократно подтверждавшие связь этой керамики с III тысячелетием до н. э.

Не будем вдаваться здесь в вопросы, находящиеся в компетенции лингвистов и антропологов, но мимо одного обстоятельства пройти трудно. По Д. Я. Телегину, северному региону — с кремневыми топорами, остродонной керамикой, вытянутыми погребениями, охотой, рыболовством и ранним скотоводством — отвечает кроманьонский тип населения. Южному региону — с полированными топорами, плоскодонной посудой, скорченными погребениями и земледелием — отвечает средиземноморский антропологический тип. Приняв это положение, мы неминуемо придем к тому, что тип хозяйства и культуры был предопределен расовыми особенностями. Это противоречит общетеоретическим установкам советских археологов и антропологов и не согласуется с известными нам фактами. Облик неолитической культуры на Русской равнине определяли, с одной стороны, традиции мезолитического времени, а с другой — характер хозяйства. Расовые отличия в какой-то мере отражали былое расселение отдельных групп первобытного человечества, но ни в коей мере не были связаны с разными типами хозяйства, сложившимися в неолитическую эпоху.

Приведенные соображения и сомнения не должны повлиять на общую оценку весьма полезной книги Д. Я. Телегина. Он проделал огромную работу по полевому исследованию, классификации и систематизации памятников неолита Украины. Сомнения возникают главным образом из-за слабой изученности неолита Юга СССР и совершенно недостаточного знакомства археологов с неопубликованными фондами украинских музеев. Несколько раз на протяжении своей книги автор ссылается, как на что-то известное, на культуру «типа Средний стог». Можно смело сказать, что за исключением двух-трех киевских археологов никто не знает, что это такое. Будем ждать новых исследований по неолиту и энеолиту Украины как Д. Я. Телегина, так и других специалистов по той же проблематике.

А. А. Формозов

[13] А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 146—147.

Inscriptiones Graecae urbis Romae. Curavit L. Moretti. Fasciculus primus (1—263) pp. VII+239 in 4°. Studi publicati dall'Instituto Italiano per la storia antica. Fascicolo diciassettesimo. Romae, MCMLXVIII.

Значение античных греческих надписей, найденных на территории древнего города Рима, слишком хорошо известно. Георгу Кайбелю, посвятившему пятнадцать лет большого и плодотворного труда подготовке издания греческих надписей города Рима, наука обязана публикацией в 1890 г. свода этих надписей в XIV т. Inscriptiones graecae (около 1300 номеров). С тех пор прошло около 80 лет и стали известными еще сотни эпиграфических документов. Появилось немало исследований, посвященных пересмотру чтения ранее изданных надписей и их новой интерпретации. Открытие новых документов требовало не только механического присоединения их к изданным в своде Кайбеля, но и пересмотра интерпретации ранее изданных документов. За десятилетия, истекшие со времени опубликования XIV т. IG, некоторые памятники оказались попорченными, утраченными или перемещенными, что требовало проверки и внесения соответствующих поправок. При всем уважении к труду Г. Кайбеля, следует признать некоторые дефекты его исследования, неизбежные в тех трудных условиях, в которых работал ученый. Не все документы ему удалось публиковать по автопсии и точно установить не только место их хранения, но также их подлинность и автентичность. В издание Г. Кайбеля вкралось немало неточностей и ошибок. Все эти обстоятельства выдвинули настоятельную потребность в издании нового полного свода греческих надписей города Рима, который заменил бы собой устаревший свод Г. Кайбеля. Труд по осуществлению этого издания взял на себя Луиджи Моретти.

Для осуществления этого предприятия ученому пришлось проделать большую и очень трудоемкую работу. Им лично были проверены все фонды музеев и коллекции Рима и других городов Италии; аналогичная работа проведена в ряде больших музеев зарубежных стран, где имеются надписи из Рима, частью им лично, частью путем переписки с директорами этих музеев. Выяснилось при этом, что некоторые памятники, хранившиеся в частных коллекциях, оказались утраченными, с другой стороны, было выявлено много неизданных и ранее неизвестных фрагментов, и найдены некоторые памятники, о хранении которых сведения были утрачены уже свыше двухсот лет. Были учтены все новые публикации и исследования, просмотрены необходимые материалы в архивах. В результате Луиджи Моретти подготовил для нового свода тщательно проверенный и хорошо документированный материал. Для включения в новый свод собраны все греческие надписи языческого Рима, в том числе надписи на греческом языке, начертанные латинскими буквами, и на латинском языке, переданные греческими буквами, греко-латинские билингвы. Исключены из нового издания греческие христианские и иудейские надписи, поскольку они изданы в специальных сводах, но включены те, принадлежность которых к числу христианских или иудейских не вполне ясна.

Что касается пространственных границ, в пределах которых локализуются находки надписей, включенных в свод Л. Моретти, то в этом вопросе издатель следует принципу, зафиксированному в VI т. CIL, и на карте, приложенной к XIV т. этого же корпуса, т. е. публикуются надписи, найденные в пределах древнего города Рима и в его ближайших окрестностях, из которых исключаются Остия Тибур, Тускул и др. В свод включены и надписи, точное место находки которых неизвестно, но лишь те, которые имеют признаки, позволяющие установить их городское происхождение.

Издание корпуса надписей города Рима намечено осуществить в трех томах: I. Все надписи, самого разнообразного содержания, кроме надгробных; II. Все надгробные надписи, кроме метрических; III. Надгробные эпиграммы и мелкие фрагменты метрических текстов. Индексы. Корпус издается на латинском языке.

В 1968 г. вышел в свет I том. В соответствии с современными требованиями документальных изданий, почти все сохранившиеся до настоящего времени памятники, за редкими исключениями, воспроизведены в фотографиях. Это очень важно для проверки предложенного чтения текста, для суждения о характере письма и наконец, избавляет издателя от необходимости давать пространные описания памятника. При пользовании изданием Л. Моретти очень удобно, что воспроизведения памятников не сосредоточены на помещенных в конце книги таблицах, а помещены на страницах рядом с публикацией текста. Публикации текстов утраченных надписей во многих случаях снабжены воспроизведениями старых рукописных копий, за исключением тех случаев, когда точность транскрипции вызывает серьезные сомнения. Если памятник, на котором высечена надпись, украшен рельефом или представляет собой статую, дается сохранившийся рисунок памятника. Воспроизведению рисунка утраченного или фотографии сохранившегося памятника искусства Л. Моретти придает большое значение.

Как леммы, так и комментарии предельно кратки. Текст леммы содержит самые необходимые данные, касающиеся памятника: 1) краткое описание памятника, его размеры (высота, ширина, толщина), высота букв, соображения о датировке письма; графическое воспроизведение основных форм букв, необходимых для понимания особенностей шрифта, прилагается лишь в том случае, когда не воспроизведена фо-

тография; 2) приводятся предшествующие издания надписи и даются ссылки на труды, касающиеся изучения данной надписи. В тех случаях, когда надпись утрачена и публикуется по рукописной традиции, построение леммы варьируется по необходимости. При публикации памятников, сохранившихся и хранящихся там же, где они были впервые описаны, упомянуты лишь наиболее ранние копии надписи. Имеются указания об изменении собственника данного памятника или места его хранения, а также приводится список наиболее важных трудов современных ученых, где этот памятник рассматривается; 3) в лемме указано современное место хранения памятника и упомянута автопсия, или отмечена утрата памятника.

Текст надписи воспроизводится только в минускулах с указанием повреждений и ошибок резчика общепринятыми условными обозначениями [1].

Комментарий к надписям дан более развернутым и подробным, чем в CIL и IG. Во всяком случае он содержит все необходимые данные для исчерпывающего понимания текста надписи, для включения ее в исторический и географический контексты. В то же время комментарий не перегружен излишними подробностями, уместными, быть может, при детальной интерпретации надписи в исследованиях, посвященных тем или иным специальным вопросам, но ненужными при издании надписей в корпусе. В том включено 263 документа. В конце приложена comparatio numerorum: №№ по изданию Г. Кайбеля, отдельно список публикаций надписей в периодических изданиях и надписей, опубликованных в монографиях, и, наконец, список надписей, публикуемых впервые.

По содержанию включенные в I том надписи распределены по следующим разделам: законы и декреты народа римского или других государств (1—4), посвящения государств и царей Азии богине Роме и Юпитеру Капитолийскому (5—20), надписи, относящиеся к императорам или императорскому дому (21—57), прочие почетные надписи (58—77), подворья (stationes) иноземных государств (78—93). Большая группа надписей (94—214) имеет отношение к религиозной жизни. В своде Г. Кайбеля надписи этой категории расположены в алфавитном порядке по именам божеств, которым они посвящены. Л. Моретти построил этот раздел по иному принципу, группируя надписи по святилищам: алтари, установленные на римском форуме согласно оракулу; храм Изиды и Сераписа; храм Асклепия на Эсквилине; святилище Митры у подножья Авентина; святилище сирийских божеств в Яникуле; святилища богов Пальмиры за воротами, ведущими к гавани; святилище фригийских богов; надписи отеческим богам, установленные претарианцами; святилище восточных божеств на 7-м километре Via Appia. Остальные надписи, посвященные различным божествам, расположены в алфавитном порядке по именам божеств. Особые разделы составляют надписи, относящиеся к сценическим делам (215—230), надписи, относящиеся к делам атлетов, и документы синода ксистов (235—262). Такое расположение документов, взамен принятого Г. Кайбелем, следует считать безусловно гораздо более обоснованным как с научной точки зрения, так и в смысле удобства изучения документов.

Опубликованные в рецензируемом томе надписи являются важнейшим источником для истории римской политики на востоке и для истории религиозной и культурной жизни Рима I в. до н. э. — IV в. н. э.

Большой интерес представляет декрет сената 78 г. (№ 1) в честь трех лиц, уроженцев городов Клазьмен, Кариста и Милета, оказавших римлянам существенную помощь в Италийской войне (союзнической войне 90—88 гг. или в гражданской войне 83—82 гг.). Эти лица занесены в почетный список, объявлены «друзьями» народа римского, им предоставлен ряд наследственных фискальных и юридических льгот. Декрет издан и заново интерпретирован с учетом недавно найденных фрагментов и с уточненным чтением. Документ отражает характер римского управления и фискальную политику Рима в городах Малой Азии и Греции.

Ко времени после заключения Дарданского мира с Митридатом Понтийским (84 г. до н. э.) относится серия посвящений богине Роме и Юпитеру Капитолийскому от различных городских общин и царей Малой Азии. Эти посвящения являются отголоском событий, пережитых государствами Малой Азии в период Митридатовых войн и последовавшего после сокрушения его царства установления власти римлян в Малой Азии. Так, объединение ликийских городов, союзных Риму, завоеванных Митридатом и освобожденных Суллой, благодарит народ римский за благодеяние (№ 5); жители Лаодикеи на Лике, те самые, которые, будучи осаждены Мит-

[1] В отдельных, правда, очень редких случаях издателем нарушено применение общепринятого принципа транскрипции текста. Когда речь идет о банальной ошибке (как, например, многочисленные погрешности резчика в № 1, 2 и 3, которые очевидны), то в траскрипции буквы, начертанные ошибочно, издателем исправлены и заключены в скобки ⟨ ⟩. Между тем, например, в № 156,6 на камне ΠΑΥΑΕΙΝΑ: в транскрипции Παυλεινα ошибка резчика не отмечена. В № 160 II A 27: ΠΕΛΟΠΙΟΝΣ ошибочное начертание на камне повторено в транскрипции без всяких исправлений, даже с ударением на о, в то же время в комментарии отмечено, что здесь явная ошибка вместо πελοπιδης. В той же надписи II A6 на камне не ENTICTOC, а скорее ΕΛΙΤΙCΤΟC, где ΛΙΤ вместо ΛΠ.

ридатом, выдали ему римского претора Кв. Оппия, своим посвящением римским богам стремятся загладить свой проступок (№ 6); сохранилось посвящение и от жителей Табы, союзного римлянам города (№ 10), от царя Ариобарзана, сына Ариобарзана, по предположению Л. Моретти — сына Ариобарзана II Каппадокийского (№ 15) и др.

К императорской эпохе, главным образом к II—III вв., относится ряд надписей в честь римских императоров и членов их семей. Это надписи, воздвигнутые городами Малой Азии (киликийскими городами Мопсуестии — № 24 и Аназарбены — № 33, Селевкии в Пиерии — № 28, Лаодикии на р. Лике — № 37 и др.) и Греции (г. Дельфы — № 25, Афинский Совет Ареопага и Совет Пятисот — № 27). Эфесским морякам и навклерам М. Ульпий Доместик построил в 154 г. здание, украшенное статуями, о чем сообщает надпись № 27 в честь императоров Антонина Пия и Марка Аврелия. Отметим также надпись коллегии пеанистов, получивших у императора Севера разрешения отстроить для них здание, резолюцию Каракаллы, подтвердившую рескрипт своего отца (№ 35), и посвящение Транквиллине Августе, жене Гордиана III от азиарха храмов в Эфесе (№ 37).

В числе надписей, установленных в честь различных высокопоставленных лиц, заслуживают особого упоминания № 59 в честь Марка Аврелия Папирия Диониссия. Надпись позволяет проследить его cursus honorum при императорах Марке Аврелии и Коммоде. Надпись № 62 в честь Люция Вестина свидетельствует о том, что этот человек, начавший некогда свою карьеру, судя по другим источникам, очень скромно, стал затем главным жрецом Александрии и всего Египта, руководителем Александрийского Мусея, а позже, приглашенный императором Адрианом в Рим, заведовал там греческой и латинской библиотеками, руководил занятиями самого Адриана и заведовал его перепиской.

Многочисленные и разнообразные сведения о различных религиозных культах греческих, фракийских и восточных божеств дают нам надписи из их святилищ и посвящения преторианцев. Эти надписи позволяют осветить сложную картину религиозной жизни различных слоев населения Рима первых веков нашей эры и влияние древних культур народов Востока на культуру Рима в поздний период античности. Среди надписей, относящихся к религиозной жизни, заслуживает особого внимания надпись дионисического фиаса, воздвигнувшего алтарь в честь своей жрицы Агрипиниллы (№ 60). Членами фиаса были свободные, вольноотпущенники и рабы, по этнической принадлежности — греки, латины и варвары. Надпись содержит список руководящих лиц фиаса и длинный список (много десятков) его членов, мужчин и женщин.

Среди надписей, относящихся к сценической деятельности, одни связаны с представлениями комедий и с авторами древнегреческих комедий V—IV вв. до н. э., другие с трагедиями или сатировскими драмами. Эти надписи следует, по-видимому, сопоставлять с соответствующими аттическими надписями, но какое значение имеют находки их в Риме, пока остается неясным.

Синод ксистов, оставивший ряд надписей, имел в Риме примерно с середины II в. н. э. свое постоянное местопребывание возле терм Траяна. Известно, что еще в I в. н. э. в одном из городов Малой Азии существовал синод, члены которого назывались οἱ ἀπὸ τῆς οἰκουμένης ἱερονῖκαι καὶ στεφανῖται, но уже в первой половине I в. н. э. он был распущен. После 46 г. в Риме сформировался ἡσύνοδος ξυστική. Из надписей этого синода мы узнаем, что руководитель его М. Ульпий Доместик, тот самый, который в 154 г. построил здание для эфесских навклеров, добивался сначала от Адриана, а позже от Антонина Пия разрешения построить для синода здание, которое и было, наконец, построено. Синод просуществовал в Риме примерно до IV в. н. э.

Предпринятое Л. Моретти издание полного свода греческих надписей города Рима, предназначенное заменить собой действительно устаревшее со многих точек зрения издание Георга Кайбеля, будет, несомненно, воспринято с глубоким удовлетворением всеми эпиграфистами и исследователями истории Рима. Уже первый том нового свода включает документы, очень значительные по содержанию, и публикация их выполнена превосходно. Читатель получает точно проверенные данные обо всех памятниках, хорошо выверенные тексты, снабженные хорошими воспроизведениями и необходимыми пояснениями с приведением основной литературы. Издание выдержано на высоком научном уровне с соблюдением всех современных требований, предъявляемых к публикации эпиграфических сводов. Хотелось бы только высказать два пожелания: было бы очень важно приложить к изданию план древнего города Рима, где были бы нанесены основные места находок надписей. Что касается индексов, то к различным указателям казалось бы очень полезным приложить index locorum ubi lapides servantur, а также список надписей утраченных. Такие указатели облегчают работу эпиграфиста, если он пожелает познакомиться с эпиграфическими коллекциями того или иного музея в оригинале.

А. И. Болтунова

О НОВЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ РАБОТАХ ПО ПОДВОДНОЙ АРХЕОЛОГИИ

Подводная археология завоевывает все более прочное место в ряду исторических дисциплин. Каждый год организуются новые экспедиции, проводятся большие разведочные и раскопочные работы. Она вырабатывает свою методику и создает свою специальную технику. Вместе с тем подводная археология не теряет популярности и у людей, не связанных профессионально с археологическими работами. Все это определяет огромное количество литературы, посвященной подводной археологии и выходящей на всех языках. Не пытаясь объять необъятное, мы стремимся показать только некоторые новые тенденции в этой литературе, естественно отражающие изменение самой научной дисциплины, остановиться на некоторых, наиболее интересных работах.

По-прежнему продолжают выходить книги, в которых живо и занимательно рассказывается о подводных археологических работах. Определяемые по своему жанру как «научно-художественные», они в меру способностей и эрудиции автора более приближаются к тому или иному полюсу этого жанра. К сожалению, авторы ни одной из недавно вышедших работ не могут сравняться в умении найти золотую середину с зачинателем этой серии подводноархеологических книг, известным французским популяризатором науки Ф. Диоле [1]. Довольно интересна книга Фалькон-Баркера, в живой, иногда очень увлекательной форме рассказывающая об археологических раскопках у берегов Югославии, в районе Эпидавра Иллирийского [2]. Эта работа, к сожалению, несколько небрежно переведенная на русский язык (довольно часта путаница дат «до нашей» и «нашей» эры, что, конечно, может дезориентировать читателя-неспециалиста), при всех своих достоинствах очень ярко указывает на один существенный недостаток в современном развитии подводной археологии: очень часто к этим работам подходят еще по-дилетантски. За подводные разведки и даже раскопки принимаются любители, имеющие самое смутное понятие об археологии вообще и подводной археологии в частности. Хотя у автора книги нельзя отнять ни огромного энтузиазма, ни преданности делу подводных исследований, ни умения организовать такие работы, все же отсутствие настоящей археологической подготовки явно дает себя знать, и часто автор сам с юмором рассказывает об этом. Не хочется верить автору, что в составе экспедиции был и археолог, настолько резко расходятся с этим некоторые описанные им же сцены. Например, Фалькон-Баркер спокойно рассказывает о том, как участники экспедиции были искренне поражены, узнав об античной черепице, фрагменты которой они во множестве находили на дне моря, не подозревая об их назначении. В тех же принципах выдержана и другая книга того же автора, рассказывающая об исследовании римского корабля у Болеарских островов [3].

Эту серию работ продолжает книга Пабло Буш Ромеро [4] об исследованиях в мексиканских водах. В некоторых главах ее содержится интересный с точки зрения подводной археологии материал (об испанском корабле XVI в., о работах в Чичен-Ица и т. д.). Но не эти места определяют основной характер книги — в ней больше всего места занимают приключения, а не научное исследование.

Книжка болгарского археолога Г. Тончевой [5] также выдержана в развлекательном стиле, мало что прибавляя к тому, что уже было опубликовано в болгарской научной литературе.

Несколько иной характер носит книга П. Трокмортона [6], очень живо рассказывающая о подводных археологических работах у юго-западных берегов Турции, самым ярким результатом которых было открытие остатков затонувшего корабля II тысячелетия до н. э. Успех экспедиции объяснялся не только хорошей технической оснащенностью и организованностью, но и тем, что исследованиями руководил археолог Д. Басс. Не теряя занимательности, книга Трокмортона лишена тех минусов, о которых мы говорили, касаясь книги Фалькон-Баркера, что, конечно, объясняется иным методическим уровнем работ. Мы назвали только несколько произведений этой категории. В действительности их значительно больше. Они играют в общем полезную роль, рассказывая неспециалистам о подводных археологических исследованиях, но в большей или меньшей мере страдают одним недостатком: слишком часто их пишут также неспециалисты.

Однако в последнее время отнюдь не эти книги определяют лицо подводной археологии. Все больше выходит серьезных научных трудов, отражающих качественные изменения в этой отрасли науки. Подводная археология становится все более «академической» дисциплиной, а не занятием для любителей.

---

[1] Ph. Diolé. Promenades d'archéologie sous-marine. Paris, 1952; его же. 4000 Years Under the Sea. Excursions in Undersea Archaeology. London, 1954.

[2] T. Falcon-Barker. 1600 Jears Under the Sea. New York, 1964; русский перевод: Т. Фалькон-Баркер. 1600 лет под водой. М., 1967.

[3] T. Falcon-Barker. Roman Galley Beneath the Sea. Leicester, 1964.

[4] P. Bush Romero. Under the Waters of Mexico. New York, 1964.

[5] Т. Тончева. Потънали пристанища. Варна, 1964.

[6] P. Throckmorton. The Lost Ships. London, 1965.

Самый яркий симптом этих изменений, с нашей точки зрения,— появление первых книг, близких по своему уровню учебникам по подводной археологии.

Может быть, больше всего приближается к роли такого учебника книга Ф. Дюма [7], состоящая из двух больших разделов: первого — «Введение в подводную средиземноморскую археологию», где трактуются общие принципы подводных археологических исследований, и второго — «Остатки корабля у маяка Де ла Кретьен», рассказывающего об одном из примеров подводных археологических работ, исследовании античного корабля.

Книге предпослано введение, в котором Ф. Дюма отмечает, что подводная археология обязана своим возникновением аквалангистам-любителям, но затем все больше переходила под эгиду собственно археологов, ставивших свои цели и добивавшихся выполнения своих задач. По мнению автора, подводная археология еще не стала окончательно сложившейся научной дисциплиной. Она еще только ищет свои пути и методы исследования.

Глава первая — «Классификация мест находок» — посвящена характеру подводных находок, их распределению, особенностям формирования отдельных подводных археологических объектов. Ф. Дюма считает, что в сферу подводной археологии входят объекты, находящиеся на дне как морей и океанов, так и пресноводных водоемов, а с точки зрения типологии они распределяются на порты, затонувшие города, остатки кораблей, места, отмеченные нахождением якорей и фрагментов керамики, что указывает на древние якорные стоянки. Кроме того, он уверен, что будут открыты еще и новые типы их: места морских битв, районы интенсивного рыболовства и т. п.

Автор отмечает, что до сего времени большинство подводных археологических работ сводилось по существу только к подъему на поверхность находок без подлинных археологических наблюдений на дне. Он считает, что по методам к настоящим археологическим исследованиям приближаются только работы у Гелидонии, но они проходили в крайне благоприятных природных условиях, значительно облегчивших научную организацию работ, и эти условия совершенно не типичны для большинства экспедиций.

Ф. Дюма уделяет большое внимание древним якорным стоянкам, выделяя несколько их типов (якорные стоянки — убежища на случай неблагоприятной погоды, стоянки в ожидании благоприятного ветра, стоянки в открытом море у прибрежных поселений, не имеющих гаваней, и т. п.). Весьма ценным разделом этой главы является исследование типов кораблекрушений и вытекающего отсюда различного характера сохранности корабля и груза, их распределения, методов их поисков, перспективности исследования и т. д. Очень специальный, но крайне необходимый раздел посвящен всем аспектам формирования такого специфического археологического объекта, как затонувший корабль. Автор, не будучи археологом, демонстрирует такое понимание задач археологии, которое очень редко встречается в литературе, посвященной подводным археологическим исследованиям.

В главе второй, носящей название «Предварительный осмотр и раскопки», Ф. Дюма прежде всего утверждает, что исследование обычного античного торгового корабля в громадном большинстве случаев многолетний труд. Он отмечает, что работы по изучению корабля у Гран Конлюэ (не законченные) продолжались восемь лет. Учитывая, что обычный римский корабль вместе с грузом весил примерно 200 *т* и его прикрывает песок, весящий примерно 300 *т*, работы, в ходе которых удаляется такое количество грунта и находок (причем каждый килограмм из этих сотен тонн должен быть исследован), естественно, длятся очень долго. Исходя из этого, автор придает большое значение предварительным разведкам для правильного выбора объекта исследования. Ф. Дюма возлагает большие надежды как на установки для подводного бурения, так и на специальные эхолоты, дающие не только линию рельефа дна, но и распределение слоев различной плотности ниже дна моря, сейчас уже успешно применяемые геологами.

Автор большое внимание уделяет первым опытам подводных раскопок, особенно ошибкам, допущенным в ходе их и превратившим раскопки в простой подъем находок на сушу. Ф. Дюма считает, что в будущем будут, возможно, разработаны методы, позволяющие поднять все остатки корабля целиком, с окружающим их грунтом, чтобы затем вести работы на суше по всем правилам археологии. Одним из таких возможных приемов он считает замораживание грунта.

В ходе раскопок, по мнению Ф. Дюма, особо важны стратиграфические наблюдения. Проведение с помощью грунтососа большой траншеи, окружающей остатки корабля, может облегчить раскопки по слоям. Благодаря этому появится возможность раскапывать с соблюдением многих принципов археологической методики остатки корабля, не опасаясь наплыва грунта, сводящего на нет стратиграфические наблюдения.

Много внимания автор уделяет вопросам реконструкции устройства и размеров корабля, указывая, в частности, на значение расположения и конфигурации груза,

---

[7] F. Dumas. Épaves antiques. Introqуction à l'archéologie sous-marine méditerranéene. Paris, 1964.

особенно амфор, для представления не только о тоннаже, но и о длине и ширине корабля.

В главе третьей — «Исследование античных затонувших кораблей» — Ф. Дюма пишет, что в Средиземноморье много древних погибших кораблей, которые известны археологам вот уже в течение 20 лет и тем не менее еще не подверглись исследованиям. Каждый год их вновь находят и грабят ныряльщики-любители. В западном Средиземноморье основная задача состоит не в поисках новых кораблей, а в научном исследовании открытых ранее. Только после того как будет налажена эффективная охрана подводных археологических объектов, можно будет снова приняться за широкие разведки.

В этой главе автор обсуждает многие вопросы подводных разведок, особо выделяя опрос местных рыбаков, скафандровых водолазов-профессионалов, методы использования этих опросных сведений, собственно подводные разведки, опасности, поджидающие в море водолазов, и т. д. Результатом всей этой деятельности должно стать составление полной карты подводных археологических объектов, решение о котором было принято на I Международном конгрессе по подводной археологии в 1958 г.

Завершает первую часть книги глава, посвященная составу и оборудованию подводной археологической экспедиции. Отмечая, что разнообразие подводных археологических объектов и условий, в которых они находятся, диктует каждый раз особый подход к этим вопросам. Ф. Дюма считает возможным дать только самый общий набросок решения этих вопросов. Вот какой примерный состав экспедиции предлагает Ф. Дюма: археолог; эксперт по водолазному делу (он будет одновременно превосходным моряком); художники-чертежники — четверо как минимум, предпочтительнее шесть; фотографы — двое (художники также должны уметь фотографировать под водой), водолазы-профессионалы — шесть или восемь. Автор относится очень сдержанно к участию в экспедиции водолазов-любителей. С нашей точки зрения, он резко занижает число археологов в экспедиции (об этом подробнее ниже).

Обладая огромным опытом проведения подводных работ, Ф. Дюма дает очень обоснованные и резонные указания относительно выбора типа судна, якорных стоянок, оборудования, потребного для работ, методов его использования и т. д. Завершается эта глава библиографическим списком, в котором приводится литература по технике подводных работ.

Второй раздел книги посвящен исследованию одного из античных кораблей, который, по мнению автора, наиболее типичен по условиям своего нахождения и дает наибольший материал для реконструкции устройства корабля.

В целом весьма интересная работа Ф. Дюма действительно отвечает своему заголовку — служит чем-то вроде введения к курсу подводной археологии.

Приближается к учебнику и книга Дж. Басса [8]. Во введении автор дает свое определение подводной археологии. Для него не существует особой, специфической подводной археологии. «Мы не говорим о «горной археологии», когда ведем работы на вершине Нимруддага в Турции, мы не говорим о «джунглиевой археологии», когда раскапываем Тикаль в Гватемале»,— пишет он. Подводная археология — это просто археология, отличающаяся только тем, что работы проводятся в специфической среде и при этом используются некоторые специфические приемы и орудия. В целом такой взгляд вполне можно понять, ибо весь пафос Басса направлен против тех, кто, чрезмерно подчеркивая специфику подводных археологических исследований, по существу отрывает их от археологии, сводя ее к поискам и подъему вещей без археологического осмысления находок. Басс буквально громит дилетантизм в подводной археологии. Но, отмечая эти положительные стороны концепции Басса, мы все же склонны считать, что он в своем полемическом задоре допускает известные крайности. Конечно, подводная археология — это одна из ветвей общей археологической науки, но в пределах ее она имеет некоторые свои особенности. Как в общих рамках археологии мы выделяем славяно-русскую, первобытную или античную археологию, так выделяется и подводная, хотя принцип выделения здесь несколько иной — не территориально-хронологический, а чисто методический. Автор рассматриваемой книги неправ, когда утверждает, что работа в специфических подводных условиях не меняет серьезно методов и приемов исследования. Отличия есть и весьма серьезные. Конечно, в идеале необходимо стремиться к тому, чтобы они совершенно исчезли, но это дело будущего, а сейчас специфика эта еще очень сказывается. Скоропалительное утверждение Басса объясняется, как нам кажется, тем, что его исследования под водой ограничивались только одним видом памятников — кораблями. При подобных работах специфика методов подводных раскопок, естественно, наименьшая. Иное дело раскопки затопленных частей древних городов, где особые условия подводных работ сказываются неизмеримо сильнее и где поэтому необходимо большее видоизменение обычных методических приемов в сторону их приспособления к специфике подводных условий.

Глава II — «Работы в подводных условиях» — посвящена достаточно хорошо известным особенностям водной среды как сферы, в которой развертываются подводные археологические работы (давление, ограниченная видимость, раннее поглоще-

[8] G. F. Bass. Archaeology under Water. London, 1966.

ние теплых частей спектра и т. п.), описанию и выяснению сравнительных достоинств разных видов подводного снаряжения (тяжелые скафандры, акваланги, кислородные аппараты, подводные лодки и т. п.) и некоторым особенностям проведения подводных археологических работ. Автор совершенно справедливо отмечает, что в подводной археологической экспедиции процент археологов по отношению к остальному составу должен быть значительно больше и уровень их подготовки выше, что объясняется лимитированностью времени, которое может пробыть археолог под водой, невозможностью в большинстве случаев быстро получить совет от начальника экспедиции и необходимостью постоянно в силу этого принимать самостоятельные решения. В конце Дж. Басс отмечает, что в условиях подводных работ нагрузка и ответственность начальника экспедиции неизмеримо выше, чем в наземных, и причина здесь не только в обилии техники и специфике работ, но и в их опасности. Автор напоминает, что все большие подводные археологические экспедиции имели жертвы. Иногда дело ограничивалось тяжелыми заболеваниями, но были и смертельные исходы.

Глава, названная «Подводные разведки», посвящена главным образом рассказам о некоторых наиболее интересных подводных находках, сделанных в различных водоемах любителями. Автор почти не касается вопросов методики подводных археологических разведок, сконцентрировав свое внимание только на проблеме взаимоотношения археологов — профессионалов и любителей. Отмечая, что большинство открытий сделано любителями, он считает, что обучение и воспитание их в клубах подводников приносит огромную пользу науке.

В следующих главах Дж. Басс рассказывает о подъеме некоторых крупных судов, представлявших собой археологическую или историческую ценность. Он отмечает, что существует несколько способов таких работ: 1) простой подъем — так был поднят известный шведский корабль XVII в. «Ваза», затонувший в Стокгольмской бухте в день своего спуска на воду; 2) осушение всего или части водоема — работы на озере Неми (Италия), когда, спустив уровень воды на несколько метров, археологи смогли проводить исследования двух римских кораблей I в.; 3) собственно подводные археологические работы, когда все операции проводятся под водой.

Далее автор касается священных озер инков с находками в них культовых приношений и открытий памятников древнегреческого искусства. Он последовательно проводит мысль, что без памятников, поднятых со дна водоемов случайно или во время специальных археологических работ, наши знания истории искусства в его древних фазах были бы значительно меньшими.

Чрезвычайно важна и интересна глава, посвященная подводным планам и картам. Дж. Басс весьма справедливо подчеркивает значение точной фиксации археологического памятника независимо от того, находится он на суше или на дне моря. Он описывает целый ряд методов, использовавшихся подводными археологами, начиная с известных работ Пуадебара в Тире еще в 30-е годы до самых последних. Особенно интересны результаты, полученные самим автором при использовании специальной двухместной подводной лодки «Ашера» с установленными на ней двумя переоборудованными камерами для аэрофотосъемки. Этот метод, названный им фотограмметрическим, в условиях прозрачных вод, конечно, имеет большое будущее, но его применение под силу только немногим экспедициям. Для менее оснащенных экспедиций, видимо, будут наилучшими более простые системы измерений, например система, изобретенная Ф. Дюма.

В главе, посвященной орудиям подводных раскопок, почти нет нового материала. Автор дает описание многократно использовавшихся для подобных работ систем воздушных эжекторов. К сожалению, им совершенно не освещается вопрос о различии типов раскопочных инструментов для исследований кораблей и затопленных частей городищ.

Интересна предпоследняя глава книги — «Полные раскопки». Основную идею этой главы выражают приводимые автором слова одного из известнейших исследователей подводного мира, Ф. Дюма: «Много неверных сообщений о «подводных раскопках» появлялось в печати, но остается фактом, что ни один погибший корабль античного времени не был исследован полностью». Дж. Басс справедливо подчеркивает, что конечной целью всех археологических работ является полное исследование объекта, в данном случае потерпевшего крушение корабля. Он пишет, что первый пример таких полностью завершенных работ — раскопки византийского корабля VII в. у мыса Ясси-Ада, которыми руководил автор.

Странное впечатление производит в этой связи полное забвение Дж. Бассом раскопок затонувших частей городов, отсутствие какого бы то ни было упоминания об этой задаче подводной археологии.

Заканчивает книгу глава, посвященная взглядам Дж. Басса на будущее подводной археологии. Автор видит два пути ее развития: один — это подводный телевизор, сверхчувствительные поисковые приборы, сверхточные манипуляторы; второй — человек, приспособившийся к жизни и работе в глубинах моря. Будущее, по твердому убеждению автора, за вторым путем, и надо сказать, что его мнение, видимо, совершенно справедливо. Опыты Г. Келлера с газовыми дыхательными смесями, подводные дома и лаборатории, испытываемые во многих морях мира, конечно, намечают более перспективные пути для подводной археологии. С другой стороны, автор убеж-

ден в том, что все шире будет распространяться идея об огромных возможностях подводной археологии в деле познания прошлого. Слияние этих двух потоков, по мнению Басса, откроет перед подводной археологией широкие перспективы.

В целом книга Басса весьма интересна. Если она и не смогла стать еще подлинным учебником подводной археологии, то к роли хорошего учебного пособия она приблизилась в очень большой мере. Самый серьезный недостаток работы, с нашей точки зрения,— почти полное игнорирование исследований затонувших частей городов. Конечно, нельзя сказать, что эта тема отсутствует полностью, она довольно часто фигурирует в тексте, но только в иллюстративных частях книги, в проблемных же часях она исчезает почти совершенно. В то же время эта тема важнейшая в подводной археологии, не менее важная, чем исследования кораблей.

Большой интерес представляет сборник по подводной археологии, подготовленный к изданию Дж. Дю Плат Тэйлор и состоящий из ряда перепечаток более ранних работ и нескольких оригинальных статей [9]. Сборнику предпослано предисловие Жак-Ива Кусто. В этой коллективной работе участвует ряд крупнейших специалистов по подводной археологии — Ф. Дюма, Гюи де Фрондевилль, Ф. Тайе, К. Сантамария, Дж. Басс и др.

В кратком предисловии Кусто особо подчеркивает следующий момент: изобретение акваланга не только открыло путь археологу под воду, но и позволило безнаказанно грабить подводные археологические сокровища тысячам любителей. Необходимы экстренные меры, чтобы предотвратить гибель бесценных памятников прошлого. Нужно строгое государственное законодательство, приравнивающее подводные археологические объекты к наземным. Необходимо резкое увеличение ассигнований на подводные археологические работы со стороны государственных и научных учреждений. Нельзя терять ни одного дня — основная идея предисловия, написанного создателем акваланга, человеком, чьи заслуги в исследовании моря неизмеримы.

Вводная статья Ф. Дюма — «Подводные работы и археологические проблемы» — посвящена самым общим вопросам подводных археологических исследований, их методике, целям и т. п. Наиболее важные мысли автора, посвященные методическим приемам археологических работ на дне моря. Ф. Дюма подчеркивает, что развитие методики — это постепенный процесс. В отличие от Дж. Басса он отчетливо сознает, что полное уподобление методик наземной и подводной археологии — это будущее, цель, к которой надо стремиться, но которая, к сожалению, в нынешних условиях еще недостижима. Огромный и разносторонний опыт Ф. Дюма помогает ему избежать тех скоропалительных выводов, которые делает Дж. Басс, склонный генерализировать свой ограниченный опыт работы в условиях более благоприятных, чем условия работы громадного большинства подводных археологических экспедиций. Вместе с тем Ф. Дюма отнюдь не пессимист. Он твердо убежден в том, что многие сложные проблемы подводной археологии будут решены. Одна из таких проблем — крайне лимитированное время пребывания археолога на дне. Решение ее он видит в «подводных домах». С использованием этого приспособления подводные раскопки, по мнению автора, будут в значительной мере проблемой скорее технической, чем экономической.

Ф. Дюма четко определяет цель подводных археологических работ. В этом отношении его взгляды, хотя он профессиональный аквалангист, а не археолог, как Басс, полностью совпадают со взглядами последнего: задача подводных раскопок не подъем на поверхность находок, а полное археологическое исследование объекта, подразумевающее полную реконструкцию корабля и его груза.

Особой проблемой Ф. Дюма считает исследование древних гаваней, для которого он полагает очень желательной предварительную аэрофотосъемку. В связи с этим он ставит вопрос о сложности выделения слоев в подводных археологических раскопках и о совершенствовании современных технических средств, использующихся в этих целях.

Автор особо останавливается на часто встречающихся недостатках в отчетах о подводных археологических работах и подчеркивает, что нередко из отчета выпадают моменты, имеющие огромное значение: 1) геологический анализ места работ и его окружения; 2) общее количество времени, проведенного работниками экспедиции на дне; 3) описание используемой техники; 4) число и вес объектов, поднятых со дна моря (особенно, если это груз корабля). Кроме того, он считает необходимым, чтобы в отчетах обязательно содержалось описание тех трудностей, с которыми столкнулись раскопщики, ибо это неоценимый опыт для последующих работ.

Останавливаясь на проблемах руководства подводными экспедициями, он в отличие от Дж. Басса не склонен совершенно изгонять профессионала-легководолаза из состава руководства экспедиции. По его мнению, наиболее желательно разумное сочетание профессионального археолога с аквалангистом-профессионалом (но ни в коем случае не с любителем).

Следующая статья, написанная Ф. Бенуа, посвящена вопросу о развитии морской торговли в Средиземноморье античного времени на основании подводных находок в Провансе. В первую очередь его интересуют направление торговых путей и конструкции кораблей.

[9] Marine Archaeology. Developments during Sixty Years in the Mediterranean. Английское издание — London, 1965, американское — New York, 1966.

Значительную ее часть составляет сделанное различными авторами описание наиболее известных работ над остатками античных кораблей, затонувших в Средиземном море: «Антикифера», «Махдия», «Альбенга», «Гран Конлюэ», «Титан», «Драмон «А»», «Спаржи», «Гелидония». Собранные вместе, эти описания ясно показывают постепенное развитие методики подводных археологических исследований, процесс все большей профессионализации и соответственно все больших результатов, понимаемых не в смысле той или иной ценности находок (это дело случая), а возможности делать исторические выводы на основании археологических работ.

Глава «Подводные разведки» рассказывает о работах по сплошному обследованию прибрежных частей моря, предпринятых не профессиональными археологами. Как известно, все известнейшие находки античных погибших кораблей сделаны случайно. Сейчас надеяться на случайные находки уже недостаточно, к тому же широкое распространение акваланга и тысячи «охотников за сувенирами» грозят погубить многие подводные объекты. Необходимо одновременно решать две задачи: картографирование всех находок и охрана их от разграбления. Автор рассказывает об опыте работы нескольких французских и итальянских клубов подводников-любителей, которые в сотрудничестве с археологами проводят сплошное обследование прибрежных частей моря и одновременно охраняют подводные объекты от «охотников за сувенирами».

В главе, названной «Порты, гавани и другие затопленные места», говорится о работах по исследованию ряда частично затопленных портов: Александрии, Тира, Сидона еще до изобретения акваланга и Херсонеса, Мохлоса, Псейры (все на Крите), Аполлонии (Северная Африка), Неапольской бухты уже с применением акваланга. Но эта глава очень ярко показывает, что на Западе подводная археология в основном ориентирована на исследование кораблей, а гавани, порты, затопленные части городов представляются объектами второстепенного значения.

В заключительной главе — «Будущее» — авторы отвечают на те пять вопросов, которые были поставлены Нино Ламболья на первой конференции по подводной археологии.

1. Можно ли организовать подводные раскопки с той же самой научной точностью, как наземные раскопки, без чрезмерных денежных затрат и с обычным оборудованием?

2. Что предпочтительнее: скафандровый или легкий водолаз?

3. Где место археолога во время подводных раскопок и каковы должны быть его взаимоотношения с инженерами и водолазами?

4. Возможно ли после фотографирования, составления чертежей и описаний всех деталей под водой поднять корабль полностью, как если бы это было на суше, и возможно ли исследовать стратиграфию?

5. Можно ли в условиях современной техники считать целью работ подъем корабля на поверхность и осуществимо ли это при теперешнем финансовом обеспечении подводных экспедиций?

Авторы считают, что на большинство этих вопросов последующие годы развития подводной археологии дали вполне удовлетворительные ответы. Это касается прежде всего первого и четвертого вопросов. Точно так же огромное большинство подводных археологов безусловно убеждено в полном преимуществе легководолазов над скафандровыми. Относительно третьего вопроса также вряд ли сейчас могут быть сомнения: место археолога прежде всего у раскопа, а успех экспедиции зависит от тесного сотрудничества археологов, инженеров и водолазов.

В настоящее время нельзя еще дать полностью положительного ответа на пятый вопрос, что объясняется как большими техническими сложностями, так и недостаточной разработанностью проблемы консервации дерева. Но все же такое грандиозное предприятие, как подъем «Вазы», намечает очень благоприятные перспективы.

Нам представляется, что авторы не совсем верно дали ответ на третий вопрос Нино Ламболья — о месте археолога. Здесь не может быть половинчатости: археолог должен быть полноправным хозяином экспедиции, число археологов должно быть в такого рода экспедициях весьма значительным, и все операции на раскопе могут происходить только при участии или под наблюдением археолога.

Некоторые интересные материалы содержатся в издании трудов конференции по подводной археологии, организованной историческим обществом штата Миннесота в 1963 г.[10] Хотя по замыслу ее организаторов она должна была иметь чисто местное значение, связанное с изучением подводных находок XVIII в., сделанных в реках штата Миннесота (США) и провинции Онтарио (Канада), некоторые доклады далеко выходят за намеченные рамки. Особо интересны материалы, связанные с исследованиями в области консервации находок, сделанных как в пресной, так и соленой воде (особенно дерева с использованием полиэтиленгликоля).

В последние годы неоднократно обращались и к результатам старых работ подводных археологов. Наиболее интересным с этой точки зрения было исследование части материалов известного корабля, потерпевшего крушение у о. Антикифера[11].

[10] Diving into the Past. Theories, Techniques and Applications of Underwater Archaeology. St. Paul, 1964.

[11] The Antikythera Shipwreck Reconsidered. Philadelphia, 1965 (Transactions of the American Philosophical Society, 55, 3, 1965).

Небольшой сборник предваряется введением, написанным Г. Д. Вайнбергом, в котором дается краткое изложение обстоятельств обнаружения корабля, работ по поднятию находок, краткий очерк исследования их. Автор справедливо отмечает, что при изучении находок основное внимание до сего времени уделялось только скульптурам и некоторым уникальным предметам вроде знаменитой «астролябии». Конечно, исследование этого круга материалов привело к лучшему пониманию целого ряда вопросов истории античного искусства и техники, но в то же время оставались почти неизученными керамика, стекло и сами (хотя и очень скудные) остатки корабля. Так, керамика с этого корабля ни разу не подвергалась исследованию со времени выхода работы Стаиса [12], хотя за эти 60 с лишним лет в изучении античной керамики наблюдается огромный прогресс. Поэтому основная цель данной работы — тщательное исследование «рядового» материала, чтобы на его основании решить долго дискутировавшийся вопрос о дате кораблекрушения у о. Антикифера.

Исследованию амфор посвящена глава, написанная известным специалистом в этой области Вирджинией Грэйс. Статья основывается на первой публикации керамики Антикиферы, сделанной, как отмечает В. Грэйс, на самом высоком для того времени уровне Курунитисом, и самостоятельном изучении тех находок, которые не вошли в нее и до сего времени хранились в Афинском национальном музее. Автор выделяет три группы амфор, находившихся на корабле: родосские, косские и южноиталийские (Тарент или Бриндизи). Все они датируются периодом между 80 и 70 гг. I в. до н. э.

Р. Эдвардс публикует эллинистическую керамику. Под этим заголовком собраны мегарские чаши, лагины, унгвентарии, светильник и т. д. По мнению автора, вся эта керамика может быть помещена в промежуток времени от 75 до 50 г. до н. э. Причем он отмечает, что в условиях использования на корабле время жизни керамики не бывает длительным и, следовательно, дата ее гибели не может разделяться значительным промежутком времени от того момента, когда она была произведена. По наблюдениям автора, вся эта керамика происходит либо из городов центральной части западного побережья Малой Азии, либо с прилежащих островов, что, с его точки зрения, дает известные указания на начальную точку последнего маршрута корабля.

Краснолаковая керамика, входящая в так называемую раннеримскую группу, была объектом исследования Г. С. Робинсона. Численно небольшая, эта категория керамики, по мнению исследователя, происходит из восточного Средиземноморья и может датироваться временем около середины I в. до н. э.

Стеклянные сосуды (11 штук), поднятые со дна моря наряду с другими находками, публикуются Г. Д. Вайнбергом. Если керамика в общем принадлежит к обычным, рядовым типам, достаточно хорошо изученным и поэтому сравнительно легко датируемым, то стеклянные сосуды относятся к числу высокохудожественных произведений, предметов роскоши, встречающихся значительно реже, находившихся в употреблении более длительное время, и поэтому датировка их гораздо менее точна, нежели датировка керамики. Один из сосудов вообще уникален. Поэтому они не могут привлекаться для уточнения даты кораблекрушения. Наоборот, сопутствующий им керамический материал позволяет более правильно решить вопрос о времени производства и бытования этой группы находок. Автор считает и, видимо, совершенно справедливо, что стеклянные сосуды не использовались командой, а входили в состав груза корабля и, следовательно, были произведены незадолго до кораблекрушения. Местом производства их он считает восточное Средиземноморье, возможно Александрию.

Раздел, написанный П. Трокмортоном, посвящен остаткам самого корабля. Ценность этой главы в том, что в ней впервые исследуются поднятые на поверхность части конструкции корабля, найденного у Антикиферы. Автор, сопоставляя весьма скудные остатки, приходит к выводу о значительной конструктивной близости этого корабля к уже исследованным средиземноморским кораблям того же времени (Махдия, Гран Конлюэ, Альбенга).

В очень небольшом приложении (автор Э. К. Ралф) сообщается о результатах радиоуглеродного анализа остатков корабля. Полученные даты таковы: 155 г. до н. э. (±42) и 220 г. до н. э. (±43). Автор считает, что эти даты приблизительно соответствуют результатам других исследований, так как корабль был построен, видимо, задолго до своей гибели, а кроме того, анализу подвергались куски дерева из центра ствола, что также дает значительную разницу во времени.

Ценность всего исследования заключается в том, что оно в общем подтвердило общую датировку корабля I в. до н. э., но одновременно оно и позволило в значительной мере ее уточнить. Теперь вряд ли возможно датировать его, как это часто делали раньше, либо самым началом I в. до н. э., либо 30-ми годами этого же века. Полученные результаты в общем укладываются в сравнительно короткий период — 80—50 гг. до н. э. Нельзя только согласиться с Вайнбергом, который в своем предисловии к сборнику пишет, что при этом предпочтительнее начало этого периода, чем конец. Археологическая датировка не может базироваться на некоем среднем результате, в такого рода комплексах, конечно большее значение имеют предметы с более поздней датой, и поэтому, поскольку среди находок имеются вещи, которые

[12] Σταις. Τα εξ Αντικυθηρα εὑρηματα. Ἐν Ἀθηναις, 1905.

можно отнести к концу этого периода, до уточнения в результатах будущих работ предпочитается конец периода 80—50 гг.

Переизданию находок, поднятых в 1907—1913 гг. с корабля, потерпевшего крушение у Махдии (Северная Африка), посвящена книга Вернера Фукса [13]. Практически это большой, хорошего качества фотоальбом предметов искусства, полученных при упомянутых работах, с краткими аннотациями. Ценность этой публикации, во-первых, в том, что впервые в едином издании собраны все основные находки с этого прославленного корабля, во-вторых, автор, изучив керамический материал, позволяющий более точно, чем произведения искусства, датировать комплекс, предлагает новую дату кораблекрушения — около 100 г. до н. э. Эта передатировка важна не только уточнением времени гибели корабля на 20 лет, но в первую очередь становится ясно, что груз его не является добычей Суллы при разграблении Афин. Благодаря этому уточняется картина экспорта произведений греческого искусства на запад.

Таким образом, современная зарубежная литература по подводной археологии свидетельствует о значительном прогрессе в этой области науки. Вместе с тем очень заметны и некоторые неверные, с нашей точки зрения, тенденции в ее развитии. К числу их относится в первую очередь недооценка исследований затонувших частей города, обращенность прежде всего к затонувшим кораблям. В связи с этим мало разрабатываются вопросы стратиграфии, вернее, они разрабатываются только в применении к такому специфическому комплексу, как затонувший корабль, где, собственно говоря, выделяются не слои, а, пользуясь термином, предложенным В. Д. Блаватским [14], микрослои. Недооценка этой важной стороны подводной археологии приводит к тому, что почти совершенно не разрабатываются вопросы специальной техники подводных раскопочных работ на многослойных памятниках, а это крайне необходимо, ибо обычные эжекторы вряд ли смогут без какой-то специальной переделки использоваться в этих целях.

Точно так же не до конца решен вопрос о месте археолога в ходе подводных исследований. Здесь сталкиваются взгляды Басса и Дюма, и точка зрения Басса, конечно, ближе нашему пониманию этого вопроса. Ни один момент подводных археологических работ не может проходить без участия или наблюдения археолога. Как бы ни был опытен ныряльщик, он всегда может оказаться в незнакомой для него ситуации, и правильное решение может принять только высококвалифицированный археолог. Поэтому процент профессиональных археологов в составе подводной экспедиции должен быть выше, чем это предполагает Дюма, и выше, чем это практикуется в наземных археологических экспедициях.

Слишком мало разрабатываются вопросы консервации подводных археологических находок, особенно дерева. Они достаточно исследованы для средневекового дерева, особенно сохранившегося в пресноводных водоемах и морях с пониженным содержанием солп (Балтийское море), но консервация дерева с античных кораблей, найденных в Средиземноморье, еще очень мало исследованная область.

Г. А. Кошеленко

---

[13] W. Fuchs. Der Schiffsfund von Mahdia. Tübingen, 1963.

[14] В. Д. Блаватский. Античная полевая археология. М., 1967, стр. 46.

В. Б. ВИЛИНБАХОВ

ПО ПОВОДУ НЕКОТОРЫХ ЗАМЕЧАНИЙ П. Н. ТРЕТЬЯКОВА

В своей последней фундаментальной и интересной работе, посвященной этнической истории финно-угров, балтов и славян, П. Н. Третьяков выступил против нашего предположения, что в этногенезе северной группы восточных славян, «новгородских словен», принимали участие балтийские славяне [1]. В связи с этим нам хотелось бы высказать ряд соображений по существу вопроса и позволить себе не согласиться с мнением глубокоуважаемого оппонента.

Вначале укажем на то, что П. Н. Третьяков, высказываясь против нашего предположения, к сожалению, ссылается только на небольшую статью, опубликованную в 1963 г., не упоминая другие наши работы, в которых приводятся дополнительные аргументы в пользу точки зрения, что балтийские славяне участвовали в этнических процессах на территории северо-западной Руси [2].

---

[1] П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 285.

[2] В. Б. Вилинбахов. Балтийские славяне и Русь, «Slavia Occidentalis», XXII, Poznan, 1962, стр. 253—277; его же. Балтийско-Волжский путь., СА, 1963, 3,

Оспаривая наше предположение, П. Н. Третьяков отвергает тот факт, что сопки «группируются вдоль водных систем, непосредственно связанных с Балтийским морем». Он полагает, что «это неверно», поскольку: «сопки группируются вокруг оз. Ильмень. Их территория непосредственно примыкает к области верхнего течения Днепра, Западной Двины и Волги, а не к Балтийскому морю. Их совсем нет на Неве, в среднем и нижнем течениях Луги, на р. Нарве, на берегах Финского залива, на Ладожском озере».

Хочется обратить внимание П. Н. Третьякова на допущенные здесь неточности. Западная Двина является водной системой, непосредственно связанной с Балтийским морем. При этом вблизи устья реки, согласно известиям Генриха Латвийского, еще в начале XIII в. немцы среди местного балтийского населения обнаружили «вендов» [3], этническая принадлежность которых, правда, окончательно не установлена, но имеются большие основания полагать, что это были остатки балтийско-славянского населения, переселившегося сюда задолго до начала германской колонизации [4]. Волга, судя по многочисленным данным, начиная примерно с VII в. составляла одну из составных частей важной международной водной магистрали — Балтийско-Волжского пути, соединявшего до начала XI в. страны Арабского халифата с народами, жившими на берегах Балтийского моря, и, следовательно, также может относиться к водной системе, связанной с этим морем [5].

Кроме того, в разбираемом утверждении имеются и прямые ошибки. Непосредственно на р. Нарве сопок действительно нет, но таковые имеются на берегах р. Великой и Псковского озера, которые через Нарву соединяются с Балтийским морем [6]. Многочисленные сопки обнаружены в южном Приладожье, в частности в районе Старой Ладоги, где они хорошо связываются с древнейшим горизонтом земляного городища [7]. Между прочим, о ладожских сопках писал и сам П. Н. Третьяков в одной из своих прежних работ [8]. Сопки тянутся вдоль всего Волхова, как бы цепочкой соединяя Ладожское и Ильменское озера. Само Ильменское озеро, вокруг которого, по словам П. Н. Третьякова, группируются сопки, представляется входящим в водную систему, связанную с Балтийским морем, поскольку через него проходил путь из Балтики на Верхнюю Волгу и на юг, к верховьям Днепра.

Размещение сопок волховского типа вдоль основных водных магистралей, идущих от Балтийского моря в глубь материка, давно уже обратило на себя внимание исследователей и дало право многим из них, в том числе и известному шведскому археологу Т. Арне, высказать соображение о том, что сопки являются погребальными памятниками скандинавов и тем самым подтверждают основные положения норманской теории [9]. Данная точка зрения до сего времени широко распространена в зарубежной научной литературе [10].

стр. 126—135; его же. Несколько замечаний о легендах Великого Новгорода и древнейших межславянских связях, ВЛГУ, 1963, 14, истор., стр. 31—43; его же. Stara Ladoga. Materialy Zachodnio — Pomorskie, t. X, 1964, стр. 299—323; его же. Где была Индия русских былин? Сб. «Славянский фольклор и историческая действительность». М., 1965, стр. 99—109; его же. Балтийские славяне в русском эпосе и фольклоре. «Slavia Occidentalis», XXV, 1965, стр. 155—191; его же. Frühmittelalterliche Verbindungen der Ostseeslawen fur Rus., Jahrbuch der Geschichte der UdSSR und der volusdemokratischen Länder Europas, 1966, X, стр. 227—243.

[3] Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М., 1938, стр. 106, 128, 134, 193, 219, 245.

[4] Н. Н. Харузин. Обзор доисторической археологии в Эстляндской, а также Лифляндской и Курляндской губерниях по трудам местных исследователей. «Временник Эстляндской губернии», I, 1893, Тр. Эстлянд. губерн. статист. комитета, IX, 1894, стр. 229—231.

[5] В. Б. Вилинбахов. Балтийско-Волжский путь; П. Г. Любомиров. Торговые связи Древней Руси с Востоком в VIII—XI вв. Уч. зап. СГУ, I, 3, 1923; В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927; А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. СПб., 1919; С. В. Бернштейн-Коган. Путь из варяг в греки. «Вопросы географии», 20, 1950, и другие работы.

[6] Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки. МИА, 6, 1941, карта.

[7] Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. МАР, 18, СПб., 1895, стр. 139—140; С. Н. Орлов. Сопки волховского типа около Старой Ладоги. СА, XXII, 1955, стр. 190—211.

[8] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 230.

[9] T. Arne. Svenska vikingakolonier i Ryssland. In T. J. Arne, Det stora Svitjod. Essayer om ganga tiders svenska-ryska kulturförbindelser. Stockholm, 1917, стр. 54—55; его же. Det vikingatida Gnezdovo Smolensk forgangare. «Arkeologiska forskningar och fynd». Stockholm, 1952, и др.

[10] Например: B. Nerman. Die Virbindungen zwischen Skandinavium und dem Ostbaltikum in der junger Eisenzeit. Stockholm, 1929, стр. 160; его же. Svenskarna i ostbaltiska länder och i Ryssland. «Nordisk kultur», I, Oslo, 1936, стр. 80—92; A. M. Tallgren. Les provinces culturelles finnoises de l'âge récent de fer dans la Russie du nord. ESA, III, Helsinki, 1928, стр. 17—19; E. Kivikoski. Studien zu Birkas.

Опровергая наше мнение об участии балтийских славян в этногенезе «новгородских словен», П. Н. Третьяков высказывает соображение, «что наиболее северная группировка летописных славян — словени новгородские — образовалась за счет выходцев из Верхнего Поднепровья...» [11]. В качестве аргумента им используется тот факт, что в Верхнем Поднепровье, прежде всего в районе Смоленска (Гнездовский могильник), встречаются отдельные курганы, во многом схожие с сопками волховского типа. Среди них большой интерес, в частности, представляют захоронения в ладьях [12] и курганы четырехугольной формы [13]. Однако сам П. Н. Третьяков вынужден признать, что число подобных курганов здесь ограничивается считанными единицами [14]. Спрашивается, почему же следует полагать, что оставившее их население продвинулось из Верхнего Приднепровья на север, где число подобных памятников во много раз значительнее, а не наоборот?! Нам кажется, в настоящее время более правильно предполагать, что курганы Гнездова, подобные сопкам волховского типа, являются немыми свидетелями о переселенцах, прибывших на Верхнее Приднепровье с севера, по пути, которым, согласно, летописному рассказу, пользовались многие новгородские князья, включая Олега, перенесшего свою ставку с берегов Волхова в Киев [15]. В связи с этим целесообразно, пожалуй, будет напомнить о том, что известный исследователь Гнездова В. И. Сизов еще в начале нашего века указывал на то, что среди курганных древностей встречаются вещи, дающие право говорить о том, что среди захороненных здесь имелись выходцы с балтийско-славянского Поморья [16].

Подкрепляя свое предположение о верхнеднепровском происхождении «новгородских словен», П. Н. Третьяков ссылается на работу Я. В. Станкевич о древнейшей керамике городища Старая Ладога. Указывая на сходство этой керамики с верхнеднепровской, он при этом, однако, забывает упомянуть о том, что среди ладожской керамики была и такая, которая имеет многочисленные аналогии в западнославянских землях, о чем пишет в этой же работе покойная исследовательница [17]. Не упоминает П. Н. Третьяков и о том, что жилые постройки древнейшего горизонта ладожского земляного городища, большие родовые дома, не имеют ничего общего с жилищами славянского населения Приднепровья. Из этого следует, что использованная в качестве основного аргумента сходная керамика Ладоги и Верхнего Приднепровья не может служить убедительным доказательством в пользу выдвигаемой им точки зрения.

Необходимо обратить внимание и на то, что предположение П. Н. Третьякова о верхнеднепровском происхождении «новгородских словен» совершенно не соответствует той картине славянского расселения и этногенеза на территории Восточной Европы, которую рисует наш уважаемый оппонент. П. Н. Третьяков полностью соглашается с мнением В. В. Седова, что кривичи прибыли в Восточную Европу не с юга, как это полагали раньше, а непосредственно с запада [18]. Допускает он и то, что с запада же пришли вятичи и родимичи [19]. Согласен П. Н. Третьяков и с тем, что в Верхнем Приднепровье сравнительно долго существовал «балтийский язык», ликвидированный в конце концов натиском славян с севера и юга [20]. Тогда спрашивается, каким же образом проникли сквозь эти «заслоны» отдельные группы днепровских славян далеко на север? Какие обстоятельства вынуждали их селиться в негостеприимных дебрях и болотах русского северо-запада? На эти вопросы необходимо ответить, прежде чем можно будет согласиться с высказанным П. Н. Третьяковым предположением.

Происхождение погребальных памятников «новгородских словен» всегда вызывало много вопросов и до сего времени остается неясным [21]. Причина этого одна: соп-

---

Handel in östeichen Ostseegebiet. AAKlh, VIII, 3, Kobenhavn, 1937, стр. 229—250; H. Arbman, Birka. I. Uppsala, 1943, стр. XVIII.

[11] П. Н. Третьяков. Финно-угры..., стр. 284.

[12] Д. А. Авдусин. Гнездовская экспедиция. КСИИМК, 44, 1952, стр. 102; его же. Отчет о раскопках Гнездовских курганов. Материалы по изуч. Смолен. области, 2, Смоленск, 1957, стр. 122.

[13] Его же. Варяжский вопрос по археологическим данным, КСИИМК, 30, 1949, стр. 6.

[14] П. Н. Третьяков. Финно-угры..., стр. 284.

[15] ПВЛ, I. М.— Л., 1950, стр. 20.

[16] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. МАР, XXVIII, СПб., 1902, стр. 18, 39; 102 и 123.

[17] Я. В. Станкевич. Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги. СА, XIV, 1950, стр. 195; ее же. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги. СА, XV, 1951, стр. 235.

[18] В. В. Седов. Кривичи. СА, 1960, 1, стр. 58—59.

[19] П. Н. Третьяков. Финно-угры..., стр. 283—284.

[20] П. Н. Третьяков. Финно-угры..., стр. 280.

[21] И. И. Ляпушкин, например, даже отвергает факт славянского происхождения сопок (И. И. Ляпушкин. Археологические памятники славян лесной зоны Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII—IX вв.). Сб. «Культура Древней Руси», М., 1966, стр. 130—131.

ки волховского типа занимают совершенно исключительное положение среди погребальных сооружений восточных славян. Пока не представляется возможным проследить их генетическую зависимость от каких-либо иных восточнославянских памятников подобного рода. Аналогии для сопок волховского типа гораздо легче найти на берегах Балтийского моря, нежели в глубине Восточноевропейского материка. Шведские археологи справедливо заметили эту особенность и немедленно воспользовались ею для сравнения волховских сопок с погребальными сооружениями древних скандинавов. Отрицая в целом возможность скандинавской колонизации северо-запада Восточной Европы, будь то в формах, высказанных А. Стендер-Петерсеном, или в предположениях Х. Арбмана, нельзя, однако, не согласиться с тем, что вполне вероятно соображение, по которому отдельные сопки, обнаруженные в Приладожье, Михайловском или Гнездове, могли быть захоронениями скандинавов-дружинников, состоявших на службе у восточнославянских князей [22]. Подобную возможность нельзя отрицать для ранней эпохи, зная из источников такие случаи для X—XI вв. [23]

Допуская эту возможность и соглашаясь с тем, что по своему характеру сопки волховского типа ближе к памятникам племен Балтийского моря, чем к погребальным сооружениям восточных славян, мы уже обращали внимание на погребальные сооружения, исследованные в прошлом веке германским археологом фон Гагеном на о. Рюгене (Руяне) [24]. Следует при этом отметить, что определенная аналогичность погребальных сооружений скандинавов и балтийских славян в языческую эпоху вполне объяснима, поскольку тогда между этими народами существовали чрезвычайно тесные политические, экономические и культурные взаимоотношения, которые хорошо прослеживаются по письменным и археологическим материалам [25].

Долгое время вопрос о наличии у балтийских славян курганных захоронений с трупосожжением вызывал сомнения. Многие исследователи прошлого и начала этого века отказывались видеть в обнаруженных на Поморье курганах с трупосожжением славянские погребения, приписывая их викингам. Однако уже в 1929 г. в отношении курганов, вскрытых в районе Волина, эта точка зрения была опровергнута германским археологом К. Шухардтом, доказавшим, что они принадлежали славянам [26]. Позднее это мнение было поддержано польской исследовательницей Х. Шолдрска [27]. При этом указывалось на то, что волинские курганы с трупосожжением гораздо беднее захоронений викингов в Скандинавии (например, Бирка) и в Западной Европе (например, на о. Амрум) [28], подчеркивалось отсутствие скандинавского оружия и явно славянское происхождение керамики. Правда, всегда отмечалась чрезвычайная близость этих курганов к скандинавским захоронениям подобного типа [29]. О. Кункель, например, даже полагал, что совершенно невозможно провести отличительную черту между скандинавскими и балтийско-славянскими курганными захоронениями с трупосожжением [30].

Характерно и то, что сторонники скандинавского происхождения волинских курганов, так же как это имеет место и в отношении сопок волховского типа, в подтверждение своего мнения прежде всего ссылались на то, что в них найдены отдельные вещи бесспорно скандинавского происхождения. Однако это не является аргументом, поскольку такие вещи, скорее всего, попали сюда в результате интенсивного торгового обмена, существовавшего на Балтийском море [31].

Исследованные в районе Волина курганы в основных чертах очень похожи на сопки волховского типа. Они часто имеют каменную обкладку типа магического кру-

---

[22] А. В. Арциховский. Русская дружина по археологическим данным. «Историк-марксист», 1939, 1, стр. 193.

[23] В. Б. Вилинбахов, Л. В. Жигалова. «Королевские саги» Снорри Стурлусона как источник по истории Руси. Тезисы докладов 2-й научной конференции по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии. М., 1965, стр. 39—43.

[24] В. Б. Вилинбахов. Балтийские славяне и Русь, стр. 265—266.

[25] К. Слаский. Экономические отношения зап. славян со Скандинавией и другими прибалтийскими землями в VI—XI вв. «Скандинавский сборник», VI. Таллин, 1963, стр. 61—92.

[26] C. Schuchhardt. Arkona Rhetra, Vineta. Berlin, 1926, стр. 77—79.

[27] H. Szoldrska. Groby wczesnosredniowieczne na Pomorze Zachodnim, jako przyczynek do dziejow zeglugi i korsarstwa slowianskiego. «Z otchleani wickow», 22, 1953, стр. 8—13.

[28] Olshausen. Amrum. Bericht über Hügelgrober auf d. Insel nebst einem Anhange über die Dünen. Ergänzungsband zu Jg. 1915—1916 der Prahistorischen Zeitschrift, Berlin, 1920.

[29] W. Lega. Kultura Pomorza wo wczesnem sredniowieczuna podstawie wykopalisk. Torun, 1930, стр. 360.

[30] O. Kunkel. Ausgrabungen in Wollin, 1935. «Das Bollwerk», 1936, стр. 162, 165.

[31] J. Żak. Studia nad kontaktami handlowymi spoleczenstw zachodnioslowianskich ze skandynawskimi od VI do VIII w. n. e., Warszawa, 1962.

га[32], ровики вокруг насыпи. Высота некоторых из них достигает 3 *м*. Внутри ряда насыпей встречается каменная кладка[33]. В одних случаях курганы насыпались на месте сожжения трупа[34], в других — в стороне от него. Следует обратить внимание и на то, что для волинских курганов свойствен принцип многоярусности, который Н. Н. Третьяков полагает характерным для погребальных памятников «новгородских словен»[35]. В районе Волина вскрыто четыре кургана с парными и три кургана с тройными захоронениями[36]. Хронологически волинские курганы относятся, скорее всего, к периоду, предшествующему 900 г., т. е. примерно к VII—IX вв.[37]

Исключать возможный факт появления балтийских славян в Восточной Европе через Балтийское море нет оснований, поскольку подобные случаи передвижения народов известны в исторической практике. Можно не упоминать хорошо знакомые завоевательные походы и переселения скандинавов-викингов[38], а вспомнить хотя бы плавания и морские переселения находившихся на гораздо более низкой по сравнению со славянами ступени развития племен Полинезии, освоивших громадные пространства Тихого океана[39]. Следовательно, нет ничего невероятного в факте возможного появления балтийских славян в районе устья Волхова и их дальнейшего распространения по рекам вьутрь материка Восточной Европы.

Нам представляется, что все вышеизложенное обязательно должно учитываться при решении вопроса этногенеза славянского населения в Приильменье и что пока нет достаточных оснований для отказа от поисков решения проблемы в данном направлении.

---

[32] A. Götze. Archaeologische Untersuchungen im Urwalde von Bialowes, Beitrage zur Natur — und Kulturgeschichte Lithauens und angrenzender Gebiete, München, 1929. Abhandlungen d. math. naturwiss. Abteilung d. Bayer Akad. d. Wissenschaften Supplement. 11—14, стр. 525, рис. 7; стр. 528, рис. 20; стр. 532, рис. 27.

[33] J. Kostrzewski. Obztadek cialopalny u plemion Polskich i slowian polnocno — zachodnich. Warszawa, 1960, стр. 13. Камни широко использовались уже в курганных погребениях лужицкой культуры (M. Pietrzak. Cmentarzysko kurhanowe kultury luzyckiej w Siemirowicach, pow. Lebork, «Materialy Zachodnio — Pomorskie», V, 1959, стр. 25—42).

[34] Можно в связи с этим вспомнить высказывание А. А. Спицына относительно гнездовских курганов: «В этих насыпях в виде общего правила наблюдается сожжение трупа на месте кургана, что для старых норманских курганов составляет уступку времени и, может быть, русскому обычаю». А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, XV, СПб., 1905, стр. 9.

[35] П. Н. Третьяков. Финно-угры..., стр. 284.

[36] C. Schuchardt. Ук. соч., стр. 74—79; W. Lega. Ук. соч., стр. 357; O. Kunkel. Pommersche Urgeschichte in Bildern. стр. 101, рис. 43—44; табл. 104, *5—6* и *10*; табл. 107.

[37] J. Kostrzewski. Ук. соч., стр. 27.

[38] P. H. Sawyer. The Age of the Vikings. London, 1962; H. Arbman, The Vikings. London, 1961.

[39] Те Ранги Хироа (П. Бак). Мореплаватели солнечного восхода. М., 1959.

Л. С. КЛЕЙН

ПО ПОВОДУ ИНФОРМАЦИИ О МЕТОДИКЕ АМЕРИКАНСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

(Письмо в редакцию)

Журнал «Советская археология» начал хорошее дело, приступив к информации о методических достижениях наших зарубежных коллег. Статья В. А. Башилова о методических приемах, применяемых в американской археологии[1], дает интересную информацию в сжатом виде и безусловно полезна. Однако, несмотря на ценные критические замечания референта о применяемой американскими археологами методике, он все же, вероятно, из-за чрезмерного сужения рамок обзора не сумел объективно оценить и представить место описываемых приемов в науке, несколько преувеличил их значение и степень совершенства. Статья получилась недостаточно критичной, а вместе с тем и недостаточно объективной и, на мой взгляд, нуждается в уточнениях.

Прежде всего неверно ее название. Никаких новых для нас (и даже старых) «принципов относительной хронологии» читатель в ней не найдет. Речь идет лишь о системе понятий и терминов, применяемых при пространственно-временной группировке археологического материала. И это естественно: основные принципы и ме-

---

[1] В. А. Башилов. Принципы построения относительной хронологии в американской археологической науке. СА, 1969, 1, стр. 281—288.

тоды относительной хронологии (вертикальная стратиграфия, горизонтальная стратиграфия, сравнительная стратиграфия, «перекрестная» датировка, правила датировки по импортам, критерии синхронности и пр.) были давно разработаны в археологии Старого Света, а с одним новым приемом, который является американским усовершенствованием сравнительной стратиграфии, советский читатель знаком по статье Дж. Форда [2]. О хронологическом «горизонте» В. А. Башилов пишет: «Впервые это явление было открыто и использовано в перуанской археологии» (следует ссылка на работу М. Уле, 1913 г.) [3]. Можно ли всерьез выступать с таким утверждением, забывая про работы О. Монтелиуса, П. Рейнеке, Ф. Петри, А. Эванса и многих других европейских археологов конца XIX — начала XX в., действительно открывших и использовавших «это явление»? Та же «скифская триада», которую В. А. Башилов упоминает в качестве иллюстрации к понятию «горизонт», уже очень давно исправно служит для приблизительной датировки древностей от Южной Сибири до Дуная. О «традиции», т. е. по сути генетической непрерывности культурных форм, В. А. Башилов пишет: «Она также ведет свое начало от археологии Центральных Анд» [4]. Можно предположить, однако, что О. Монтелиус и Г. Коссина не были знакомы с археологией Центральных Анд и устанавливали, первый — свои типологические ряды, а второй — свои культурно-генетические линии происхождения, абсолютно самостоятельно.

Из обзора В. А. Башилова читатель может вынести представление, что описанная в обзоре система является как бы стандартом американской археологической теории. Автор указывает, что «американские археологи уделяют большое внимание теоретической разработке» рассматриваемых проблем и что «к настоящему времени общие принципы хронологии, выработанные на практике различными учеными, суммированы и сведены в довольно стройную систему Г. Р. Уилли и Ф. Филлипсом» [5], на работах которых В. А. Башилов в основном и построил свой обзор.

На деле же в американской археологии господствует такой разнобой в методах и терминологии, которого, пожалуй, никогда не знал археологии Старого Света. Можно назвать по крайней мере еще несколько влиятельных понятийных «систем», конкурирующих с «концепцией ареальной котрадиции» («concept of area co-tradition») Уилли — Филипса — Беннета: это широко применяемый «среднезападный таксономический метод» («The Mid-Western taxonomic method») У. Мак-Керна; «система генеалогического древа» («family-tree» system) У. и Г. С. Глэдвинов (для культур Юго-Запада); калифорнийская модификация метода Мак-Керна (с иной терминологией) [6] и т. д. Система Уилли — Филипса — Беннета подвергается критике и в американской археологии, применимость этой системы считается ограниченной [7].

Я далек от того, чтобы принижать вклад Г. Р. Уилли и его коллег в конкретное изучение археологических памятников Центральных Анд, но совершенство методики этих работ В. А. Башилов явно преувеличил. «Изложенная выше система,— пишет он,— представляет собой сумму методических достижений американских археологов в области систематизации материала. Она производит впечатление довольно стройного построения, применимого к самым разным археологическим территориям. Здесь удачно сочетаются принципы, почерпнутые из практической работы археологов во многих районах Нового Света и на памятниках разного характера» [8]. На меня эта «сумма» не производит впечатления «применимой». Применять ее, скажем, для археологов, занимающихся европейскими памятниками, означало бы вернуться от богато разработанных методов установления синхронности (по импортам, по аппликации ареалов, по cross-dating Ф. Шахермейра, В. Милойчича, К. Шеффера) к «показателям горизонта» (horizon markers), которые в сущности являются возрождением «руководящих древностей» (Leitantike) европейских археологов середины прошлого века. Отметив сомнительность горизонтальности и кратковременности «горизонтов», В. А. Башилов пишет: «Вряд ли нужно сейчас на этом основании полностью отбрасывать всю концепцию такого единства» [9]. Какого единства? Если «периода», «этапа» или «эпохи», характеризуемых определенными отличительными типами (и не отдельными, а в наборе), или даже «хронологического горизонта» как системы синхронизированных комплексов, то в гораздо менее примитивном варианте

---

[2] Дж. Форд. Количественный метод установления археологической хронологии. СЭ, 1962, 1, стр. 32—43.

[3] В. А. Башилов. Ук. соч., стр. 284.

[4] Там же.

[5] Там же, стр. 281.

[6] Обзор литературы с изложением основ различных систем представлен в работах R. Heizer. A Guide to Archaeological Field Methods. Palo Alto, Calif., 1959, стр. 98—99; R. W. Ehrich. Some Terms and Taxonomic Units of American Archaeology and their Possible Applicability to European Prehistory. Sbornik Narodního Muzea v Praze. R. A., XX, 1966, 1/2, стр. 211—217.

[7] I. Rouse. On the Use of the Concept of Area Co-Tradition. «American Antiquity», 19, 1954, 3, стр. 221—225; его же. On the Correlation of Phases of Culture. «Amer. Anthr.», 57, 1955, стр. 713—722.

[8] В. А. Башилов. Ук. соч., стр. 286.

[9] Там же, стр. 288.

(с осознанием возможной разновременности и различного состава на различных территориях) это понятие существует в европейской археологии, а если речь идет о «горизонте» как постулате одновременности и кратковременности «показателей» на обширной территории, то, я думаю, «такое единство» все-таки придется полностью отбросить. Слишком архаичными мне представляются и концепции «традиций» и «котрадиций». В целом у меня складывается другое впечатление: что американские археологи-американисты отчасти из-за языкового барьера, отчасти по другим причинам (отрыв археологии от истории, однобокая система подготовки археологов и т. п.) попросту плохо знают археологию Старого Света, прошедшую долгий путь развития, и, строя свою более молодую науку, частенько повторяют давно пройденные и оставленные зады европейской археологии. Смешно преподносить эти наивные архаизмы как методические откровения современным европейским археологам.

Примечательно, что англоязычные археологи Старого Света, лучше других знакомые с американской археологической литературой, воздерживаются от восприятия заокеанских понятийных систем и даже не обсуждают их всерьез в трудах по методике (в чем Э. М. Дэвис упрекал Г. Чайлда) [10]. Еще более примечательно, что американские археологи, работающие над исследованием древностей Старого Света, как правило, не применяют к ним ни «концепции котрадиций», ни «среднезападной таксономии» (небольшой эксперимент Р. Эриха [11] остался на уровне чисто литературной иллюстрации).

Признавая слабости системы Уилли — Филипса — Беннета и порочность связанной с нею полевой методики с ее архаичной шурфовкой вместо раскопок, В. А. Башилов лишь упомянает об «этнических и социальных эквивалентах» понятий рассмотренной системы: «Г. Р. Уилли и Ф. Филипс решают эти вопросы с позиций и в терминах современной буржуазной этнографии. Но эта проблема выходит за пределы методики систематизации материала во времени и пространстве, которая здесь рассматривается» [12]. Между тем именно эти «позиции» и «термины» положены в основу рассмотренной системы (locality задумано как участок, занятый простой общиной, region — как территория племени или общества, area — как культурная область этнографии) [13], ими в большой мере обусловлен как ее облик, так и характер полевой методики [14]. Поэтому правильнее было бы рассматривать их в этой связи.

Из того опыта американских археологов, который обобщен в обзоре В. А. Башилова, наиболее поучительно, с моей точки зрения, внимание, которое американские археологи уделяют построению цельной, продуманной и развернутой системы понятий с соответствующей терминологией. Заслуживают обсуждения (но и только) намеченные типы культурных общностей.

Неудачными в обзоре мне представляются некоторые буквальные переводы американских терминов. Site — скорее «местонахождение», чем «памятник»; locality — лучше было бы перевести не как «участок» (в русской археологической терминологии «часть раскопа»), а как «микрорайон», «округа»; phase приходится передавать словом «фаза», хоть в русском языке с этим связан чисто хронологический смысл и надо бы подыскать более нейтральный термин («фейз»? «культурный комплекс»?); climax удобнее было бы переводить как «апогей»; co-tradition — это скорее «комплексная», чем «общая традиция» (последнее передавалось бы как general tradition).

Предлагаемыми уточнениями не снимается высказанное в начале моего письма одобрение инициативы журнала и признание заслуги В. А. Башилова. Публикацию обзоров необходимо продолжить.

---

[10] E. M. Davis. Рец.: G. Child. Piecing together the Past. «Archaeology», X, 1957 4, стр. 297—298.

[11] R. W. Ehrich. Ук. соч.

[12] В. А. Башилов. Ук. соч., стр. 288.

[13] P. Phyllips and G. R. Willey. Method and Theory in American Archaeology... «American antrhopologist», 55, 1953, стр. 615—633.

[14] R. W. Ehrich. Archaeology and Cultural Anthropology: Theory and Methodology among American Archaeologists. «Památky Archaeologické», 52, 1961, стр. 623—630; его же. Further Reflections on Archaeological Interpretations. AmAn, 65, 1963 1, стр. 16—31.

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ»*

В напечатанной в 3-м номере «Советской археологии» за 1968 г. критике моего исследования «Разыскания по армянской архитектуре» (Тбилиси, 1967) А. Л. Якобсон сразу раскрывает ту платформу, с которой он рассматривает названное исследование: Г. Н. Чубинашвили защищает «тезис о приоритете грузинского зодчества во всей художественной культуре Закавказья, и прежде всего Армении» (стр. 263). А между тем во «Введении» моих «Разысканий» четко сказано, как и не раз до этого, о самостоятельности как армянской, так и грузинской архитектуры в противовес распространенному еще и сегодня (что показано на примерах) утверждению о зависимости грузинской архитектуры от армянской. Мною было еще в 20-е годы сформулировано это положение: «Искусство Грузии и искусство Армении являются самостоятельными представителями христианского искусства на Востоке рядом с другими и им равноценны. Оба этих художественных круга развивались, правда, при постоянной взаимной связи, но о тождестве их не может быть и речи» (стр. 3). В книге грузинские памятники упоминаются кое-где как параллельные явления и только один раз в главе о памятниках типа Джвари говорится об использовании грузинской темы в постройке Авана и других того же типа, но тут же демонстрируется полная переработка темы на свой лад, т. е. и тут подтверждается «положение о самобытности каждого из этих двух, ярко национальных искусств» (стр. 5).

Вслед за таким, приписанным автору убеждением, следует второе чудовищное утверждение, которое будто бы красной нитью проходит через работу Чубинашвили: «Почти на каждой странице остро ощущается раздражение автора и его стремление всячески принизить армянскую художественную культуру средних веков» (стр. 265). Тогда как фактически широко дается разбор памятников, естественно, с указанием художественной ценности, а не только недостатков, чего, однако, А. Л. Якобсон не касается в своей «критике». Здание же с кривизной фасадных ниш, с неправильной формой угловых комнат, с криво направленными из них проходами, с выступом и западанием средних частей фасадов, с неправильным контуром всего здания снаружи и с другими дефектами, как это отмечено в отношении церкви Рипсиме,— назвать шедевром я не могу и это учитываю в характеристике и при оценке памятника.

Не имея, очевидно, никаких научных доводов против моих характеристик и передатировок ряда памятников, А. Л. Якобсон сосредоточил свой ответ на перечислении десятка-другого характеризующих недостатки зданий слов и этим прикрывает свое полное умолчание проведенного в книге анализа. А. Л. Якобсон обвиняет меня в «принижении и умалении достижений армянских зодчих, внешне выражающихся в непрерывном и навязчивом напоминании о их средней или слабой одаренности, а то и вовсе бездарности» (стр. 270), создавая впечатление, будто в книге вообще нет положительных оценок, будто в ней не признается значение большой архитектуры армянского народа, ее художественных особенностей, ярких неповторимых деталей.

Весь первый раздел А. Л. Якобсон посвятил выборке из моей книги «порочащих» армянскую архитектуру оборотов, вырванных из контекста и лишенных обоснования, с попутным повторением, что памятники, датируемые мной VIII или IX—X вв., обычно датируются VII. Он использует привлеченные мной кое-где параллели из грузинской архитектуры для подтверждения приписанного им мне тезиса о приоритете грузинского зодчества. Должен отметить, что А. Л. Якобсон ложно толкует привлечение мной таких параллелей; в частности, упоминание Цроми, относительно которого ясно подчеркнут параллелизм: «Аналогичное появление храмов о четырех свободностоящих подкупольных столбах (как в Цроми) имеет место и в Армении этого времени» (стр. 41); или в отношении Одауна, где мной подчеркнуто интереснейшее психологическое явление в творчестве на стыке двух культур — усвоение некоторых грузинских черт и слияние их с основным решением.

Второй раздел по мысли критика должен опровергнуть мою датировку ряда памятников — одних VIII, других IX—X вв. Но нигде нет разбора выдвинутых для этого соображений, приводятся несколько вырванных из контекста оборотов, характеризующих недостатки зданий, а в лучшем случае (Рипсиме, Аруч) делается ссылка на надписи и сообщения историков — доказательство, устаревшее благодаря разысканиям акад. И. А. Орбели, выявившего, что надписи эти сделаны не в VII в. Вместо разбора А. Л. Якобсон ограничивается простым «обычно датируется VII веком». Тогда как в Рипсиме и зависящих от нее памятниках отмечается мной

---

* Публикация на страницах СА письма Г. Н. Чубинашвили не означает, что редколлегия журнала разделяет мнение автора. Однако, учитывая серьезность выдвинутых обвинений, редколлегия считает необходимым представить Г. Н. Чубинашвили возможность изложить свою точку зрения. Тем более, что вслед за рецензией А. Л. Якобсона в СА, 1968, 3 появилась специальная книга, посвященная разбору концепций Г. Н. Чубинашвили: Б. Н. Аракелян, В. М. Арутюнян, С. Х. Мнацаканян. О некоторых вопросах истории армянской архитектуры (по поводу книги Г. Н. Чубинашвили «Разыскания по армянской архитектуре»). Ереван, 1969, 134 стр.

наличие наружных, по всем фасадам, треугольных ниш (против отсутствия их в Аване, Арамусе на восточном фасаде Гаяне и Одауне и др., точно датируемых VII и VIII вв.), купол с большим карнизом-выносом внутри при 16 гранях и при не имеющих определенного назначения четырех наружных башенках, фигурная разделка тромп и другое, что говорит против VII в., если рассматривать развитие архитектурных форм эволюционно, а не как произвольную игру формами. Для примыкающих к Рипсиме церквей учтены различные элементы, заставляющие уточнить время их возведения. А для датировки Авана VII в. и Арамуса VIII в. использованы сообщения историков (для Арамуса единодушное указание четырех авторов на Давида католикоса, как строителя, 728—741 гг.). То же для Одауна — сообщение историка о строителе Иоанне философе (717—728 гг.), с чем согласуется разбор отдельных архитектурных элементов.

Много забот доставляет А. Л. Якобсону моя датировка Аруча и Талина, в которых имеем применение парусов и выдавленный вынос-карниз под куполом, которых нет ни в одной точно датируемой VII или даже VIII вв. купольной церкви как в Армении, так и в Грузии, не говоря о других элементах. Закономерностью развития нельзя пренебрегать. А надпись на восточном фасаде Аруча страдает, согласно разъяснениям акад. И. А. Орбели, непониманием исторической номенклатуры: ссылкой на 29-й год правления византийского императора Константина, убитого на 27-м году правления; «во всяком случае, по внешнему виду надписи ее с уверенностью можно отнести к XI веку» (И. А. Орбели. Избранные труды. Ереван, 1964, стр. 422/3). Сама надпись отличается единством исполнения со всем зданием. Сообщение историка не может быть, таким образом, приурочено к стоящему сейчас зданию купольного зала в Аруче. Ссылка на паруса в Звартноце — ложный ход, так как там найден фрагмент тромпа; как и ссылка на ст. В. М. Арутюняна о дате Аруча (см. мой ему ответ: «Еще к вопросу о датировки Аручского храма». Сообщения АН ГрузССР, 1946, т. 7, № 8).

Передатировка Мастары, Воскепара на IX и Артика на X, а может быть XI в., основана, помимо отдельных элементов, на исследовании эволюции, при наличии двух датированных X в. памятников этого типа в Карсе и в Харидже (а теперь еще третьего в Гюмбет, выявленного д-ром М. Тьерри). Надписи Мастары признаны единодушно всеми специалистами (Л. Лисициан, Н. Марр, И. Орбели) сравнительно поздними (X в.). (Включение в эту группу Багарана совершенно ошибочно сделано А. Л. Якобсоном — это храм о четырех свободно стоящих столбах особого рода.)

Говоря о малых церквах типа простого креста, верный своему предубеждению, А. Л. Якобсон голословно приписывает мне утверждение, будто Армения в развитии этого типа также «значительно отстает» от Грузии (стр. 269), хотя сам отмечает, что церковь этого типа в Аштараке мне представляется памятником VII в.

Так как в конце своей рецензии А. Л. Якобсон пытается сделать как бы общее заключение о методике всей работы и так как А. Л. Якобсон и тут высказывает не отвечающие действительности утверждения, считаю нужным подчеркнуть, что основным методом исследования в каждой искусствоведческой работе, является анализ самих архитектурных форм, конструкций, материала и т. д. Тромпы и паруса являются хронологическими показателями; также как появление треугольных ниш на всех четырех фасадах; восьмигранный, многогранный или круглый барабан купола; появление карниза в основании барабана внутри; орнаментальный декор, его мотивы, построение, характер резьбы и т. д.— все это хронологические показатели для разных периодов развития, их нельзя игнорировать или считать примененными иногда, как исключение, в более раннее время. Конечно, мной привлекаются данные нарративных источников и надписи на самих памятниках, с учетом, однако, той критики, которая имеется в научной литературе (в частности относительно Рипсиме, Мастары и Аруча).

А. Л. Якобсон снабдил свое изложение ошибочными упоминаниями и вымышленными утверждениями о намерениях автора и о «почти сплошной передатировке памятников купольной архитектуры раннесредневековой Армении». Вместо честного признания, что никаких научных доводов в пользу старой датировки он привести не может, А. Л. Якобсон упрямо заявляет, что данный памятник обычно датируется VII в. и переходит к обсуждению сторонних, побочных вопросов.

Г. Н. Чубинашвили

Хроника

Н. Д. ПРАСЛОВ

ВОПРОСЫ ПЕРВОБЫТНОЙ АРХЕОЛОГИИ НА МЕЖДУНАРОДНОМ РАБОЧЕМ СОВЕЩАНИИ ПО ТЕМЕ «ЛЕСС — ПЕРИГЛЯЦИАЛ — ПАЛЕОЛИТ СРЕДНЕЙ ЕВРОПЫ»

Становится все более очевидным, что успешное развитие первобытной археологии немыслимо без детального изучения природной среды, в которой происходило развитие первобытного человечества. Вместе с тем раскопки палеолитических памятников дают большие возможности для палеогеографических реконструкций. Отсюда вытекает глубокая взаимная заинтересованность в тесном содружестве между археологами-первобытниками и палеогеографами разных стран.

В последние годы связь между археологами и географами стала более постоянной и находит свое выражение в решении ряда общих проблем. К числу общих тем следует отнести проблему комплексного изучения трех основных феноменов четвертичного периода: лесса, перигляциала, палеолита. В исследовании каждого из этих явлений имеются большие успехи. Однако их значение и характер нельзя понять для каждого в отдельности без рассмотрения во взаимосвязи и взаимодействии. Обсуждению именно этих вопросов были посвящены Международный симпозиум 1967 г. и Международное рабочее совещание 1968 г., организованные и проведенные по инициативе и под общим руководством академика И. П. Герасимова.

Международный симпозиум 1967 г. проходил в СССР [1]. Участники симпозиума подробно знакомились с условиями залегания палеолитических памятников и с основными опорными геологическими разрезами в бассейне Десны и Днепра. Советским исследователям хорошо известны эти материалы, поэтому нет необходимости в их дополнительном рассмотрении.

В данном сообщении мне хочется поделиться впечатлениями, полученными во время работы Международного рабочего совещания, являвшегося как бы продолжением симпозиума 1967 г. Оно проходило с 5 по 18 июня 1968 г. в ГДР, в Чехословакии и Венгрии. В его работе приняли участие около 50 специалистов из ГДР, Венгрии, Чехословакии и СССР. В состав советской делегации входили академик И. П. Герасимов (руководитель), В. П. Гричук, М. М. Герасимов, А. А. Величко, И. Л. Соколовский, И. Г. Шовкопляс, И. К. Иванова, В. П. Любин, Т. Д. Морозова, Р. П. Зимина, В. Д. Бердников, Т. А. Халчева, Н. Д. Праслов. Делегации остальных стран состояли в основном из ведущих ученых и не были постоянными, изменяясь от страны к стране. Как и на симпозиуме 1967 г., чрезвычайно полезным было активное участие в работе совещания председателя лессовой подкомиссии Международной Ассоциации JNQUA профессора Ю. Финка (Австрия).

Работа совещания проходила главным образом «на колесах». Никаких специальных теоретических докладов не готовилось и не заслушивалось. Основной упор был сделан на рассмотрение конкретных фактов по теме. Для этого под руководством директора Института географии Чехославацкой АН Е. Демека был составлен маршрут через территории ГДР, Чехословакии и Венгрии, включивший в себя основные опорные хорошо изученные разрезы и палеолитические стоянки.

Поскольку полное освещение работы Совещания не входит в мою задачу, укажу лишь, что маршрут был хорошо продуман и подготовлен, в чем несомненная заслуга Е. Демека. Участники совещания начали свое знакомство с разрезами в зоне распространения материковых оледенений на территории ГДР, затем пересекли перигляциальную лессовую зону, предгорья Гарца, лессовые равнины Чехии, Моравии, Словакии и закончили обзор знакомством с травертиновыми палеолитическими стоянка-

[1] J. Demek. Symposium «Spraš — periglaciál — paleolit» v SSSR. Sbornik Československé společnosti zeměpisné. 1968. číslo I, svazek 73, стр. 71—79.

ми и лессовыми разрезами в Дунайской низменности на территории Венгрии. Маршрут был чрезвычайно напряженным, и информация, полученная нами, поистине огромная.

Пользуясь небольшими остановками в различных городах, через которые проходил маршрут, мы, археологи, знакомились с коллекциями из палеолитических памятников, и это дополнило наши представления о палеолите ГДР, ЧССР и Венгрии.

На территории ГДР в настоящее время известно значительное число памятников, начиная от раннего палеолита и кончая поздним. Они располагаются в основном в южной части страны. Это объясняется тем, что северная часть ГДР была длительное время занята материковыми оледенениями. Ф. Топфер полагает, что в раннем и среднем плейстоцене территория ГДР могла заселяться лишь в межледниковые периоды. В эпохи оледенений заселение территории исключается. Следовательно, нельзя говорить о непрерывном развитии палеолитических культур в пределах ГДР [2].

Основные коллекции палеолита сосредоточены в музеях Веймара и Галле. Нам удалось посмотреть коллекции только в Галле. Особого внимания там заслуживают материалы из раннепалеолитических памятников Ванген, Валлендорф, Барлебен, Наумбург, Гервиш, Манхаузен, Хундисбург, Кёнигсауе и др. Барлебен, Наумбург, Гервиш и Манхаузен представлены ручными рубилами ашельского типа. Небольшие коллекции Вангена и Валендорфа состоят из массивных кремневых отщепов с косо расположенными гладкими ударными площадками [3]. Техника расщепления клектонская. Материалы этих местонахождений, относимых к рисскому времени, сильно напоминают отдельные местонахождения на территории Восточной Европы, такие как Хрящи на Северском Донце, Яштух на Кавказе и т. д.

Огромная коллекция раннепалеолитических изделий (около 6000 предметов) происходит из раскопок близ Кёнигсауе на берегу Ашерслебенского озера. Находки залегали на глубине около 15 *м* в разрезе слоистых наносов разрабатывавшегося буроугольного карьера. По озерным осадкам, перекрывавшим культурные остатки, и перегляциальным явлениям здесь удалось проследить все колебания климата от конца эемского (рисс-вюрмского) межледниковья и до голоцена [4].

По мнению исследователей этого замечательного памятника Ф. Топфера и его ученика Д. Мания, который сейчас занят подготовкой монографической работы по Кёнигсауе, здесь выделяется три горизонта культурных остатков, приуроченных к торфянику брёрупского времени. Остатки животных представлены здесь мамонтом, волосатым носорогом, быками, лошадью, оленями, гиеной и волком. Нижний горизонт находок, или «Кёнигсауе А» характеризуется дисковидными ядрищами и большой серией двухстороннеобработанных изделий из черного кремня. Много всевозможных режущих инструментов. Некоторые типы двустороннеобработанных орудий совершенно аналогичны орудиям из мустьерских памятников СССР, таких как Хотылево на Десне и Ильская стоянка.

Второй горизонт, или «Кёнигсауе В», Ф. Топфер и Д. Мания относят к другой фации мустье, а третий — «Кёнигсауе С» имеет много общего с нижним горизонтом. С нашей точки зрения, отнесение среднего горизонта к другой мустьерской фации нельзя считать убедительным, поскольку его коллекция значительно меньше двух остальных горизонтов и к тому же имеет в технике расщепления много общих черт с ними.

В нижнем горизонте Кёнигсауе найдены остатки затвердевшей сосновой смолы с отпечатками пальцев древнего человека и основания какого-то каменного орудия.

Из позднепалеолитических стоянок мы посетили только места раскопок Заалека на низкой террасе близ Бад Кезен и крупной мадленской стоянки Гройч южнее г. Эйленбург близ Мульды. В последней стоянке обнаружено 4 жилых комплекса, давших около 150 000 оббитых кремней и отдельные произведения искусства, в том числе небольшую плоскую полированную пластину из сланца с изображением трех голов диких лошадей.

Общее впечатление от знакомства с палеолитом ГДР и его исследователями таково. Немецкие исследователи, имея геологическое образование, значительно больше внимания уделяют вопросам геологического возраста памятников, чем их исторической интерпретации. Впрочем, такое положение характерно вообще для стран Центральной и Западной Европы. Оно начало меняться в Чехословакии и Венгрии, благодаря влиянию советской археологии.

Палеолит Чехословакии советским археологам известен значительно лучше как по публикациям, так и по знакомству с коллекциями. Многие специалисты по палеолиту из СССР бывали в Чехословакии и основательно изучали археологический материал. Так что нет необходимости в его характеристике. Во время работы совеща-

---

[2] V. Toepfer. Das Altpaläolithikum der unteren Saale und der Mittelelbe «Geologie», 10, 1961, стр. 570—585.

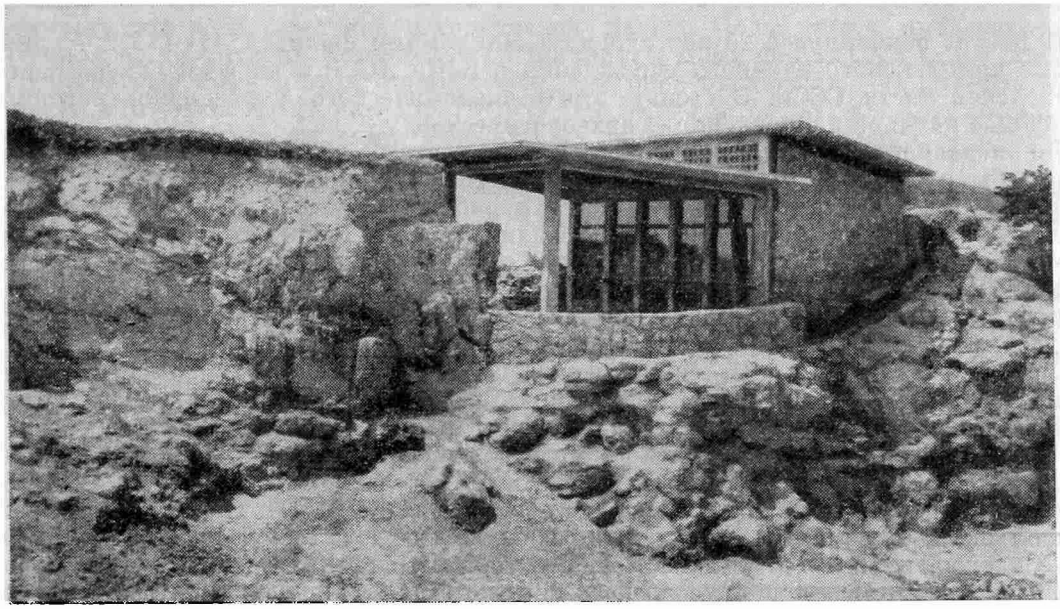
[3] Его же. Das Altpaläolithikum in pleistozänen Schotterablagerungen der unteren Saale und Mittleren Elbe. Report of the VI-th International Congress on Quaternary. Warsaw, 1961, IV. Lódź, 1964, стр. 425—437.

[4] D. Mania. Das Jungquartär aus dem ehemaligen Aschersleb ener See im Nordharzvorland. Petermanns Geographischen Mitteilungen, 1967, 4 Quartalsheft, стр. 257.

ния основное внимание уделялось вопросам геологической приуроченности палеолитических памятников. И это естественно, так как лессовая стратиграфия для всей Центральной и Восточной Европы разработана лучше всего именно в Чехословакии. Из наиболее важных палеолитических памятников мы посетили только раскопки Дольних Вестониц и ряд местонахождений в долине Вага.

Неизгладимое впечатление осталось у нас от посещения травертиновых палеолитических стоянок в бассейне Дуная в Венгрии (Тата, Вертешсоллёш). Раскопки мустьерской стоянки Тата в настоящее время закончены [5]. Исследования Вертешсоллёш продолжаются.

Вертешсоллёш — наиболее выразительный древнепалеолитический памятник во всей Европе. Он открыт в 1962 г. членом-корреспондентом Венгерской Академии



Раннепалеолитический памятник Вертешсоллёш. Центральный павильон

Наук палеогеографом М. Печи и исследовался Л. Вертешом регулярно, начиная с 1963 г. Этот памятник нам демонстрировали его первооткрыватель М. Печи и исследователь Л. Вертеш. Сейчас здесь Венгерским правительством организован превосходный музей-заповедник, на территории которого в течение года сооружено несколько каменных павильонов (рисунок), прикрывших расчищенные участки культурных остатков древнего человека. В процессе раскопок здесь в тонких лессовых прослойках, заключенных в травертиновых осадках, обнаружены многочисленные каменные орудия труда, остатки животных, остатки кострищ и даже самого человека — несколько молочных зубов ребенка и фрагмент теменной кости взрослого человека [6]. По геологическим условиям залегания и по фауне млекопитающих этот памятник датируется внутриминдельским интерстадиалом, т. е. имеет возраст около 400—500 тысяч лет.

Венгерские товарищи подробно ознакомили нас и с новыми мустьерскими материалами из раскопок стоянки Эрд [7]. К сожалению, по ряду причин посетить раскопки этого памятника нам не удалось.

Подводя итоги работы Международного рабочего совещания по лессу, перигляциалу и палеолиту, мне особенно хочется отметить следующее. В настоящее время Международные конгрессы и совещания из-за своих огромных масштабов утратили большую научную эффективность. По-видимому, следует идти по пути организации небольших симпозиумов и совещаний с четко очерченными задачами и с основным упором на дискуссии непосредственно у изучаемых объектов, как это и было на нашем Международном рабочем совещании 1968 г. Непосредственное знакомство с ма-

---

[5] Tata. Eine mittelpalaolithische Travertin — Siedlung in Ungarn. Budapest, 1964.

[6] M. Kzetzoi, L. Vértes. Die Ausgrabungen der Mindel — zeitlichen (Bihari-en-) Urmenschensiedlung in Vertesszollos. Acta geol. Acad. scient. hung., 1964, 8, 1—4; их же. Upper Biharian (Intermindel) Pebble — Industry Occupation Site in Western Hungary. «Current Anthropology», 1965, 6, 1; L. Vértes. Discovery of Homo Erectus in Hungary. «Antiquity», 1965, XXXIX, 156.

[7] V. Gábori-Csánk. Un nouveau site moustérien en Hongrie. AAH, 1967, 19, стр. 201—228.

териалами дает возможность добиваться большего взаимопонимания при решении самых сложных проблем.

Результаты двух совещаний по теме «Лесс — перигляциал — палеолит» будут изложены в многотомной коллективной монографии, подготавливаемой в настоящее время учеными нескольких стран для всей территории Центральной и Восточной Европы. Эта работа, безусловно, принесет огромную пользу нашей науке.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ КОМИ ФИЛИАЛА АН СССР

В 1969 г. исполнилось 25 лет существования Коми филиала АН СССР — единственного комплексного научного учреждения в Коми АССР и на всем Северо-Востоке Европейской части СССР. В стенах этого академического учреждения зародилось важнейшее научное направление — археологическое.

До недавнего времени о древней истории этого обширнейшего края нашей Родины было известно мало. Планомерные и систематические исследования на территории Коми АССР вплоть до советского периода не проводились. До Октябрьской революции в современной Коми АССР были известны лишь отдельные археологические коллекции и предметы, случайно обнаруженные путешественниками или местным населением. Предметом специальных исследований были культовые памятники. Небольшие археологические исследования на Вычегде выполнены усть-сысольским мещанином С. Е. Мельниковым в середине XIX в.

Сразу после Октябрьской социалистической революции начинается оживление краеведческой работы. Было организовано Общество изучения Коми края, которое проводило археологические исследования. Здесь в первую очередь необходимо отметить работы профессора Вологодского пединститута А. Н. Грена. Первые квалифицированные раскопки памятников древности Коми края были проведены в 1925 г. экспедицией Главнауки, работавшей под руководством А. П. Смирнова. Особенно большой вклад в изучение древней и средневековой истории народа коми внес А. С. Сидоров, научная деятельность которого была многогранна. По специальности языковед, он занимался и археологией, и этнографией. Изучением отдельных древних памятников на территории Коми республики занимались также советские ученые М. Е. Фосс, А. В. Збруева, П. Д. Степанов, Г. А. Чернов и др.

В результате совместных усилий ученых-археологов и местных краеведов было открыто и исследовано несколько памятников старины. К наиболее важным археологическим памятникам, изученным в период первых трех десятилетий Советской власти, можно отнести прежде всего Ванвиздинскую стоянку, относящуюся к IV—VIII вв., а также средневековые памятники на Выми и Вычегде, принадлежащие непосредственным предкам коми-зырян. Большинство открытых и исследованных памятников относилось к сравнительно поздним историческим эпохам — раннежелезному веку и средневековью. В целом же вплоть до второй половины 50-х годов археологические исследования проводились эпизодически. Тем не менее собранные материалы представляли собой большую научную ценность. Они дали основу для освещения многих вопросов древней истории не только Коми края, но и всего Северо-Востока Европейской части СССР. Результаты археологических исследований были широко использованы при написании первого тома «Очерков по истории Коми АССР», опубликованного в 1955 г. Коми книжным издательством (г. Сыктывкар). В этом труде затрагивался, в частности, вопрос о времени заселения Коми края и северных широт Европейской части нашей Родины. В нем указывалось: «Памятники палеолитического времени на территории Коми АССР неизвестны. Возможно, что данная область не была заселена палеолитическим человеком». Далее сообщалось, что «обширные пространства Севера», лежащие выше 58° северной широты, первоначально заселялись человеком не раньше эпохи мезолита или неолита и что «заселение Севера происходило главным образом в III и особенно во II тысячелетии до н. э., о чем свидетельствуют многочисленные находки стоянок этого времени в Приуралье, в Архангельской и Вологодской областях» [1]. Данное обобщение базировалось главным образом на археологических материалах, обнаруженных на стоянках приближенных или соседних с Коми республикой областей. Оно соответствовало уровню археологических знаний того времени.

В конце 50-х годов в Коми филиале АН СССР сложилась группа молодых археологов, в которую вошли Г. М. Буров, В. И. Канивец, Э. А. Савельева, В. Е. Лузгин. В 1961 г. был создан отдел этнографии и археологии как самостоятельное научное подразделение филиала. Можно сказать, что с этого времени археологические исследования на территории Коми края приобрели систематический, плановый, целенаправленный характер.

[1] Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1955, стр. 7.

В 1957 г. Г. М. Буровым в бассейне Вычегды было разведано и частично изучено несколько новых археологических памятников, среди которых оказались стоянки мезолитического времени. Уже этот факт позволил по-новому взглянуть на историю заселения Коми края.

В 1960 г. В. И. Канивцом и сотрудником Института геологии Коми филиала АН СССР Б. И. Гуслипером была открыта палеолитическая стоянка в Медвежьей Пещере (верховья Печоры) — одна из наиболее северных, известных к тому времени. Это открытие в то время было оценено научной общественностью как важнейшее среди последних археологических открытий, сделанных советскими археологами на территории нашей страны.

Очевиден тот факт, что в конце 50-х годов произошло не только простое расширение археологических исследований на территории Коми АССР. Археологические открытия по своему значению вышли за пределы локальности и приобрели важную значимость для всей советской исторической науки. После этого археологические изыскания на территории Коми АССР расширились. Коми филиал АН СССР предпринял конкретные шаги в этом направлении, ежегодно организуя 3—4 полевых экспедиционных отряда. За 11 лет (1957—1968 гг.) открыто около 400 археологических памятников и местонахождений, относящихся к различным периодам древней истории. Назовем лишь те из них, которые имеют наибольшую значимость.

Вскоре после исследования палеолитической стоянки в Медвежьей Пещере, в 1963 г., была обнаружена еще одна верхнепалеолитическая стоянка у дер. Бызовая (недалеко от г. Печоры), а четыре года спустя в этом же районе была открыта многослойная стоянка каменного века — Крутая Гора. Раскопки нижнего и среднего слоев этой стоянки дали исключительный по своей выразительности и богатству вещественный материал, позволивший отнести его к культуре эпохи мустье, что убедительно подтверждается стратиграфией четвертичных отложений и палеозоологическими материалами.

Охота на мамонта и других животных была главным видом трудовой деятельности, основным способом добычи средств существования палеолитического человека, обитающего на Северо-Востоке Европейской части СССР. Большие скопления костей мамонта на Бызовой стоянке являлись, по утверждению археологов, остатками разрушившихся каркасов жилищ.

Заслуга в открытии и изучении этих двух последних палеолитических стоянок принадлежит сотруднику Всесоюзного проектного и научно-исследовательского института «Гидропроект» Е. М. Тимофееву, археологу В. И. Канивцу и геологу Б. И. Гуслицеру — сотрудникам Коми филиала АН СССР. Научные выводы исследователей этих памятников подтвердил полевой семинар, состоявшийся на местах раскопок летом 1968 г. В его работе приняли участие видные ученые страны — геологи А. И. Москвитин, В. Л. Яхимович, И. К. Иванова, археологи О. Н. Бадер, И. Г. Шовкопляс, И. И. Борисковский, палеонтолог Н. К. Верещагин и др.

Сейчас доказано, что Европейский Северо-Восток, значительную долю территории которой занимает Коми республика, был заселен около 70 тыс. лет тому назад современниками неандертальского человека.

На территории Коми АССР обнаружены и исследованы десятки стоянок мезолитической и неолитической эпох. Большой научный интерес представляет собой комплекс синдорских многослойных поселений и висских торфяников, открытых и исследованных Г. М. Буровым. Доказано, что в районе Синдорского озера уже в VII тысячелетии до н. э., т. е. в мезолитическое время, существовали поселения относительно оседлого характера. Оседлость синдорского населения прослеживается на всем последующем протяжении истории, вплоть до I тысячелетия н. э.

Мезолитические стоянки и поселения открыты также в верховьях Вычегды, на Выми и в бассейне Печоры. И речь идет не о редко встречающихся стойбищах, а об интенсивной жизни мезолитических охотников и рыболовов Северного Приуралья. Надо полагать, что эти края обживались по мере отступления ледников.

Еще более яркие страницы древней истории можно написать на материалах, собранных во время археологических разведок и раскопок на стоянках и поселениях неолитического времени, а также эпохи раннего металла. Такие поселения и стоянки обнаружены на всей территории Коми края, в Большеземельской тундре, на побережье Ледовитого океана. Раскопки неолитических стоянок, а также памятников раннего металла дали множество изделий из кремня, наконечников стрел, дротиков и копий, скребков и режущих предметов, костяных, медно-бронзовых и железных орудий труда, керамики. К важнейшим результатам можно отнести богатейший материал, собранный при раскопках висских торфяников (район оз. Синдор): масса деревянных изделий (луков, различных рукояток, остатков лыж, полозьев), а также остатки рыболовных сетей и заграждений. Найдены деревянные скульптурные изображения. Можно сказать, что Коми филиал АН СССР в настоящее время располагает одной из самых богатых археологических коллекций деревянных и растительных изделий. Археологические фонды филиала имеют также большое количество выразительных коллекций керамики, относящейся к различным древним эпохам и археологическим культурам. Весь этот материал служит основой для более полного освещения хозяйственной деятельности и мировоззрения племен, обитавших в древ-

ние исторические эпохи. Основным занятием этих племен были охота и рыбная ловля.

Установлено, что жилища неолитического времени синдорского населения представляли собой большие прямоугольные наземные помещения, слегка углубленные в землю, с очагами по углам. В. Е. Лузгиным впервые были обнаружены остатки нескольких долговременных жилищ медно-бронзового века на Ижме. Жилища представляют собой полуземлянки прямоугольной формы с одним или двумя очагами. По форме и облику вещественного материала они аналогичны камским жилищам турбинской культуры.

Археологом филиала Г. М. Буровым разработана методика поисков старичных торфяников с древнейшими деревянными вещами и сооружениями. Используя эту методику, Г. М. Буров открыл еще четыре торфяника (два Мармугинских на р. Юге, Пингишский на Северной Двине и Явроньгинский в бассейне Пинеги), частичные раскопки которых дали уникальные деревянные изделия и остатки рыболовных сооружений, относящиеся к эпохе неолита и более поздним историческим периодам.

Значительный научный интерес представляют материалы раскопок древних святилищ в Каинской и Уньинской пещерах в бассейне Печоры. Исследования этих памятников не только обогатили наши знания о хозяйственной и материальной культуре, но и приоткрыли завесу над миром духовной культуры, искусства и религиозных представлений древнего населения Северного Урала.

Важнейшим достижением исследований археологов Коми филиала является разработка хронологии археологических памятников на основе не только чисто археологических методов, но и данных геологии, радиоуглеродного и пыльцевого анализов.

Естественно считать, что племена, положившие начало освоению северных территорий в последниковый период, сыграли большую роль в формировании этнических общностей коренных жителей Севера.

Оседлый образ жизни древних племен имел, конечно, относительный характер. Местные племена и родо-племенные этнические группы не были изолированы от соседних. Следовательно, происходил постоянный процесс этнокультурных взаимовлияний. Анализ материалов, собранных Г. М. Буровым в бассейне Пинеги, свидетельствует о том, что в древности Пинежский край входил в ту же культурно-этническую область, что и бассейн Вычегды.

Все это нашло свое отражение в развитии материальной и духовной культуры древних обитателей Северо-Востока Европейской части нашей страны, в своеобразии орудий труда, керамики, кремневых изделий, найденных в бассейнах Вычегды, Печоры, Северной Двины, в сравнении с вещественным материалом других территорий.

Большое место в исследованиях филиала занимают проблемы средневековья. Как известно, письменные источники о предках коми крайне скудны. Более или менее подробные сведения о племенах, живших в бассейне Выми и средней Вычегды, дает только «Житие Стефана Пермского», относящееся к концу XIV в. Поэтому важнейшим источником по средневековой истории коми-зырян являются археологические материалы.

За последние годы Э. А. Савельевой и другими археологами открыт и исследован ряд весьма ценных с научной точки зрения памятников средневековья (Веслянский, Кичилькосьский, Ленский, Вильгортский и другие могильники). На основе их изучения намечены новые границы Перми Вычегодской. Они охватывают не только территорию бассейна Выми, но и нижней Вычегды и Удорского края. Это имеет принципиальное значение для выяснения районов обитания предков современного народа коми.

На основе анализа полученных материалов выделены две локальные группы вычегодских пермян — вымская и нижневычегодская. Их культура сложилась из нескольких компонентов: местного ванвиздинского, а также южного и западного. Вместе с этим выявлены четко обозначенные специфические черты вымской культуры по некоторым характерным признакам в обряде погребения, комплексах украшений и керамике.

Таким образом, археологические открытия, сделанные учеными Коми филиала, обогатили знания о материальной и духовной культуре древнего населения, обитавшего на Севере, позволили по-новому поставить многие вопросы этногенеза не только коми, но и других северных народов нашей страны.

Результаты археологических исследований обобщены в десятках опубликованных работ. Среди них можно назвать такие, как «Первая палеолитическая стоянка на Печорском Урале» и «Каинская пещера» В. И. Канивца, монографию «Пещеры Печорского Урала» В. И. Канивца и Б. И. Гуслицера, многочисленные статьи Б. И. Гуслицера, В. Е. Лузгина, Г. М. Бурова, Э. А. Савельевой, В. И. Канивца и Е. М. Тимофеева. Отделом изданы три выпуска «Материалов по археологии Европейского Северо-Востока». Подготовлена к изданию четвертая книга. Ряд работ был помещен на страницах журнала «Советская археология», а также в отдельных зарубежных изданиях.

Все, что сделано в области археологических исследований на территории Коми

АССР, нами рассматривается как начало большой работы, которая ждет археологов. При этом мы имеем в виду следующее. Во-первых, в истекшем периоде главное внимание обращалось на выявление памятников древности, на сбор более доступных материалов для того, чтобы дать археологическую оценку района исследований, определить дальнейшее направление полевых работ. Естественно, многие обнаруженные памятники старины не подвергались раскопкам с целью полного их изучения. Предстоит еще большая работа по расширению раскопок уже выявленных стоянок, поселений, городищ и могильников.

Во-вторых, совершенно не исследовалась большая территория Коми республики: Нижняя Печора, бассейн Усы, южные районы республики. Не изучены еще межбассейновые пути миграций, так называемые волоки.

В-третьих, для выяснения многих вопросов происхождения коми, выявления древних этнокультурных связей большое значение имеют археологические исследования на соседних с Коми АССР территориях, на стыках различных археологических культур. Мы считаем необходимым в ближайшие годы провести разведки в бассейнах Вятки, Юга, Сухоны, Северной Двины.

В-четвертых, практика показала, что раскопки палеолитических стоянок требуют огромной затраты труда. Стало быть, потребуются еще бо́льшие усилия для завершения исследований на выявленных стоянках. Кроме того, археологами выяснены отдельные признаки палеолитических памятников в других районах республики. Отдел ставит задачу расширения исследовательской работы специалистов по палеолиту.

Наш проблемно-тематический план на 1971—1975 гг. учитывает все эти обстоятельства. Наша главная задача по-прежнему заключается в накапливании материалов, выявлении новых памятников древности, предварительном их изучении, подготовке к обобщению всего того, что будет накоплено. В следующем пятилетии будут подготовлены обобщающие труды по древней истории Коми края и, может быть, всего Северо-Востока Европейской части СССР. Особое внимание будет уделяться вопросам этногенеза коми.

Я. Н. Безносиков

ПЕТР ПЕТРОВИЧ ЕФИМЕНКО

Становление советской археологической науки представляло собой сложный и нелегкий процесс, в частности, потому, что дореволюционное археологическое наследство было крайне несовершенным. Речь идет не только о степени изученности памятников древности, о том, что более трех четвертей территории страны составляла полнейшая «археологическая пустыня», но прежде всего о низком методическом и методологическом уровне русской дореволюционной археологии. Недаром, говоря об археологии дореволюционной России, ее называют «дворянско-буржуазной» или просто «дворянской», подчеркивая тем самым ее значительную отсталость.

Но в дореволюционной археологии имелись и прогрессивные демократические течения, особенно заметные в области изучения первобытных древностей. Они пробивали себе дорогу не столько в рамках официальной общественной науки того времени, не в историко-филологической среде, где были особенно сильны реакционные тенденции, а нередко, как спутник естественных наук. Здесь достаточно назвать имена таких исследователей, занимавшихся первобытной археологией, как зоолог И. С. Поляков, геологи А. А. Иностранцев и П. П. Кудрявцев, антропологи Д. Н. Анучин и Ф. К. Волков. Они вносили в археологические исследования методику «точных наук», что было в условиях того времени положительным явлением.

К этой плеяде исследователей примыкал и их младший современник — Петр Петрович Ефименко, начавший свою археологическую деятельность в первом десятилетии XX в. Условия его формирования как ученого были особенно благоприятными. Первобытной археологией он занимался на естественном отделении физико-математического факультета Петербургского университета у Ф. К. Волкова. Вместе с тем, являясь сыном известных исследователей русского народного быта и общественных отношений — П. Е. Ефименко и А. Я. Ефименко, — он еще в молодые годы близко познакомился с прогрессивной общественной мыслью. Поэтому не случайно после Октябрьской социалистической революции Петр Петрович Ефименко стал одним из главных создателей и руководителей советской археологической науки. Его деятельность протекала в стенах ГАИМК—ИИМК — Института археологии АН СССР; много лет он был директором Института археологии Украинской Академии наук, вел большую музейную и педагогическую работу. Повсюду в нашей стране, во всех наших республиках ведут археологические исследования его многочисленные ученики.

Петр Петрович Ефименко скончался 18 апреля 1969 г., на 85 году жизни, в часы, когда археологи Советской страны собрались в Ленинграде на научную сессию, посвященную 50-летию Ленинского декрета об учреждении археологического центра нашей страны — Академии истории материальной культуры, ныне Института археологии Академии наук СССР. Пятьдесят лет преданно и неуклонно служил Петр Петрович Ефименко советской науке, обязанной ему рядом крупных завоеваний.

Область научных интересов П. П. Ефименко была широкой и разнообразной. Главным образом, он известен своими многочисленными открытиями и капитальны-

ми исследованиями в области палеолита. Он признанный создатель школы советского палеолитоведения, достигшей крупных успехов. Другой большой темой исследований П. П. Ефименко была история культуры и этногения волго-окских финно-угров. Ее он рассматривал в широкой исторической перспективе, начиная от глубин эпохи бронзы и кончая данными из этнографии. Одной из тем его научных интересов являлась славянская археология. Далеко не чуждыми П. П. Ефименко были вопросы истории периода неолита и бронзы, особенно на территории Украины.

Вначале в области изучения палеолита П. П. Ефименко выступил как последователь французской эволюционистской школы — в свое время наиболее передового отряда палеолитоведения. Но уже к исходу 20-х годов им были заложены и впоследствии развиты основы марксистской концепции палеолитической эпохи. Была разработана новая методика исследований палеолитических местонахождений, вскоре получившая широкое признание как в СССР, так и за рубежом. В частности, П. П. Ефименко стал одним из пионеров изучения жилищ и других бытовых комплексов палеолитических поселений, что неизмеримо расширило объем информации по истории культуры древнейшего человечества. В итоге впервые в истории науки изучение эпохи палеолита, до этого времени протекавшее преимущественно где-то на периферии четвертичной геологии, заняло прочное место в системе общественных знаний. Созданная П. П. Ефименко социологическая периодизация палеолитической эпохи, в частности его соображения о возникновении родового строя в верхнем палеолите, выдержали проверку временем и должны рассматриваться в ряду важнейших достижений советской археологии, имеющих большое теоретическое и идеологическое значение.

Последующим шагом было изучение палеолитической эпохи не только в социальном и стадиальном, но и в конкретно-историческом плане. Предпосылки этого в последние десятилетия были налицо. Полевые исследования в области палеолита достигли в нашей стране большого размаха, был сделан ряд выдающихся открытий, новая информация шла мощным потоком. Теперь уже не древнее человечество и ступени истории его культуры вообще, а история отдельных группировок, особенностей их жизни и культуры, их передвижений и взаимоотношений, изучение общих закономерностей в многообразии — такие задачи были поставлены П. П. Ефименко в работах 50—60-х годов. Их решение должно еще более обогатить исторические знания и привести к окончательной ликвидации того барьера, который в силу ряда причин так или иначе все еще отделяет историю палеолита от последующих периодов первобытной и древней истории.

В области истории культуры волго-окских финно-угров П. П. Ефименко особенно увлекала перспектива увязать археологические и этнографические данные в единую генетическую цепь, обогатить археологическую информацию материалами этнографии народов Поволжья и проследить историю культуры волго-окской финно-угорской группировки в течение тысячелетий. Финно-угры им рассматривались, как важнейший компонент древнейшего населения Восточной Европы, история культуры которого в отличие от культуры других восточноевропейских этнических группировок протекала по преимуществу самобытно, автохтонно. Следовательно, полагал он, данные по истории и истории культуры финно-угров представляют огромную теоретическую ценность для изучения общих закономерностей исторического процесса в древности. Исследования по финно-угорской тематике вместе с тем преследовали и другую цель. Народности Поволжья, как и все другие возрожденные Октябрем малые и в прошлом отсталые народности нашей страны, неудержимо тянулись к знанию, к культуре. Исследования их истории были для советской науки насущно необходимой и неотложной задачей, в решении которой немалая роль принадлежала археологии.

Вопросам генезиса волго-окских финно-угров были подчинены работы П. П. Ефименко в области культур эпохи бронзы и ананьинского времени в Волго-Камье. Основой анализа истории волго-окских финно-угров в I тысячелетии н. э. стала созданная им в 20-х и 30-х годах хронологическая классификация материала древних могильников, в связи с чем была разработана своеобразная корреляционная методика изучения массового археологического материала, получившая наименование «культурной стратиграфии». Полевые работы по финно-угорской тематике велись П. П. Ефименко преимущественно в 20-х годах. При этом исследовались не только первобытные, но и позднесредневековые древности народов Поволжья, непосредственно увязывающиеся с этнографическими материалами — могильники XVII — начала XIX в. П. П. Ефименко занимался также и сбором этнографических данных. Вероятно, мало кому известно, что в 20-х годах в ГАИМК он был руководителем отдела («разряда») этнографии, одной из центральных задач которого было изучение истории культуры народов Поволжья.

В конце 30-х годов П. П. Ефименко опубликовал основные итоги своих исследований по истории культуры волго-окских финно-угров. Этой тематикой он продолжал заниматься и во время Великой Отечественной войны, находясь в эвакуации в Казани и Елабуге. Однако работы над данной тематикой не были завершены в том объеме, как это первоначально им планировалось. После войны П. П. Ефименко, избранный академиком Украинской Академии наук, встал во главе Института ар-

хеологии АН УССР. На первое место выдвинулась украинская археологическая проблематика. Много сил и времени требовали и исследования в области палеолита, речь о чем уже шла выше.

История волго-окских финно-угров, а именно вопрос об уходе их в конце I тысячелетия н. э. с берегов Средней Оки, о чем свидетельствовали материалы могильников, привели П. П. Ефименко к необходимости исследования славянских древностей указанного времени на восточных окраинах славянского ареала. Он справедливо полагал, что поречье Средней Оки было оставлено финно-угорской мордовской группировкой под давлением славян, расселявшихся на восток из области Поднепровья. В конце 20-х годов под руководством П. П. Ефименко были произведены широкие обследования городищ, поречья р. Оки с целью выявления славяно-мордовских контактов, а вслед за этим осуществлены известные раскопки славянских городищ VIII—X вв. на Дону и р. Воронеже. Результаты этих работ были настолько значительными и интересными, что их первоначальная скромная цель отошла на второй план. По сути дела, работами на воронежских городищах — Боршевском и других были заложены основы всего последующего развития советской славянской археологии «дофеодального» периода.

В рамках небольшой статьи не представляется возможным хотя бы коротко обрисовать многогранную научную и научно-организационную деятельность П. П. Ефименко. Много лет он работал в музеях, сначала в Историческом музее в Москве, затем в Государственном музее этнографии народов СССР в Ленинграде, в Государственном Эрмитаже и Музее антропологии и этнографии АН СССР. Ряд лет он руководил археологическим обследованием Ленинградской области, был одним из основателей «Советской археологии», автором и редактором обобщающих трудов по археологии и древней истории СССР и Украины и мн. др. Но нельзя не сказать особо об одной из сторон деятельности П. П. Ефименко, которой он всегда придавал первостепенное значение, щедро отдавая при этом свои знания, силы и время,— о подготовке и воспитании археологических кадров.

Выше уже было указано, что повсюду в СССР ведут исследования археологи, по праву называющие П. П. Ефименко своим учителем. Их было бы значительно больше, но многих унесла минувшая война. Одни из учеников занимались у П. П. Ефименко в Ленинградском университете, где ряд лет он вел курсы и семинары по палеолиту, по финно-угорской археологии и по славянской археологии. Другие — были его аспирантами. На семинарские занятия, проводимые П. П. Ефименко, постоянно собирались археологи — сотрудники ленинградских музеев и ГАИМК. В ГАИМК в 20-е и 30-е годы он проводил особые занятия, на которых упорно и терпеливо учил молодежь приемам и принципам научного исследования. Каждое явление, каждый археологический факт, пусть на первый взгляд — незначительный, он рассматривал в свете больших исторических задач. При этом П. П. Ефименко являлся исключительно внимательным, требовательным, а подчас и суровым, но всегда справедливым учителем. Таким же он был и во время полевых исследований. Обладая богатейшим опытом археологических раскопок, он щедро делился им с молодежью. На раскопках П. П. Ефименко не избегал черновой работы, в ответственные моменты сам постоянно брался за лопату и нож и того же требовал от своих сотрудников, не терпел белоручек.

Петр Петрович Ефименко — один из наиболее ярких представителей первого поколения советских археологов — прожил долгую и в высшей степени яркую жизнь неутомимого труженика нашей науки. Его вклад в строительство советской археологии трудно переоценить. Мы прощаемся с Петром Петровичем Ефименко, выражая ему чувства глубокой благодарности.

П. Н. Третьяков

В. П. ПЕТРОВ

Скончался В. П. Петров — разносторонний ученый, человек сложной судьбы. В. П. Петров занимался археологическими, этнографическими, литературоведческими и филологическими изысканиями. В каждой из этих областей он оставил заметный след, имеющий значение не только для украинской науки, но и для славяноведения в целом.

В. П. Петров родился 10 октября 1894 г. в Днепропетровске в семье преподавателя и немного не дожил до своего семидесятипятплетия (умер 8 июня 1969 г.). После окончания гимназии в 1913 г. и прохождения полного курса Киевского университета он получил в 1918 г. диплом первой степени и был оставлен при университете на кафедре русского языка и литературы для подготовки к профессуре. За литературоведческое сочинение в 1917 г. В. П. Петров был удостоен медали. В 1918—1920 гг. В. П. Петровым был пройден курс аспирантуры при той же кафедре. С 1920 г. началась пятидесятилетняя научная трудовая деятельность ученого. В. П. Петров преподавал в университете, и тогда же им была выполнена научная работа по истории литературы. Одновременно развивалась активная деятельность В. П. Петрова в качестве научного сотрудника Этнографической комиссии АН УССР (1920—1934 гг.). За этнографические работы в 1928 г. В. П. Петров был награжден серебряной медалью Русского географического общества. В 1930 г. исследователем была защищена диссертация на тему «П. Кулиш в 50-е годы (Жизнь и творчество)».

С момента реорганизации структуры АН УССР и создания Института истории материальной культуры (позже Институт археологии АН УССР) В. П. Петров является его научным сотрудником, затем заведующим Сектором истории феодализма. В. П. Петров активно включается в археологическую работу, участвуя в ряде экспедиций: 1934 г. — Южнокиевская; 1935 г. — Райковецкая; 1936 г. — Полесская: 1937—1938 гг. — Трипольская; 1939 г. — Лубенская; 1940 г. — Плиснесская. В то же время В. П. Петровым и руководимым им коллективом предполагалось осуществить большую исследовательско-издательскую деятельность, связанную с памятниками культуры полей погребений зарубинецкого и черняховского типов.

В канун войны В. П. Петров был назначен директором Института фольклора АН УССР, и кандидатура его была выдвинута в действительные члены АН УССР.

Война призвала В. П. Петрова в ряды Советской Армии. Первоначально он был назначен в состав 41-й Гвардейской дивизии, а затем действует в тылу врага в партизанском отряде Украинского штаба партизанского движения (с 1942 по 1945 г.). Эти страницы жизни В. П. Петрова, потребовавшие напряжения всех сил, ждут специального изучения, как образец бесстрашной деятельности советского человека на благо Родины. В связи с 20-летием победы над Германией В. П. Петров был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

После окончания войны и работы в 1945—1950 гг. во Внешторге В. П. Петров возобновил свою научную деятельность в стенах ИИМК в Москве. В 1956 г. он перешел в ИА АН УССР, где проработал до самой смерти.

В 1966 г. после защиты диссертации «Язык. Этнос. Фольклор» В. П. Петрову была присвоена степень доктора наук.

Наследие В. П. Петрова включает около 150 работ, вышедших из печати или сданных в печать. Оставляя в стороне многие исследования литературно-языковедческого характера [1], мы должны будем выделить два этапа в научно-археологической работе ученого. Первый — довоенный, когда В. П. Петров напечатал по археологии не столь много трудов, но наметил определенный круг интересов и приступил к решению труднейших проблем, связанных с культурой полей погребений. Тут прежде всего следует отметить ненапечатанную монографию В. П. Петрова «Памятники культуры полей погребений последних столетий до н. э. и первых столетий н. э. на территории УССР».

Довоенные, вышедшие из печати работы В. П. Петрова показывают идеологическую направленность его трудов, нацеленных против буржуазных извращений в науке. Так, им написаны статьи, посвященные анализу работ Ф. Энгельса о родовом строе германцев (ТИЭ, 4, 1936; НЗ, 1935, 3—4), критике расовой теории германского фашизма (НЗ, 2, 1934), выступлениям против ревизии учения К. Маркса о родовом строе («Украина», 1932, 1—2; НЗ, 3—4, 1935) и т. д. Кроме того, В. П. Петровым публиковались материалы раскопок в Городске (сб. «Трипольская культура», 1, 1940); в древнем Галиче («Социалистический Киев», 1946, VI) и рецензировались новые книги.

Основная археологическая деятельность В. П. Петрова развернулась в послевоенный период. Теоретические и публикационные работы этого времени связаны с памятниками раннего железного века и вопросами этногенеза славян. Обобщающей работой по проблемам скифоведения явилась монография «Скіфи. Язык и этнос» (Киев, 1968). В ней автор подробно разобрал теории о ираноязычности скифов и пришел к выводу о невозможности ставить знак равенства между иранскими языками и языком скифов. В. П. Петров пришел к выводу, что население южной полосы Восточной Европы в эпоху раннего железа говорило не на иранском и тем более не на праосетинском, а на скифском языке, и скифский язык входит в состав восточной группы индоевропейских языков, тогда как осетинский язык — один из северных диалектов иранского языка. Поиски самобытных истоков местных племен, живших на территории древней Скифии, заставляют исследователя обращаться к материалам городищ Низового Днепра (АН УССР, X, Київ, 1961; КСИА АН УССР, 4, Киев, 1954), латенским и зарубинецким древностям (МИА, 70, 1959; «Археологія», XII, Київ, 1961). Тогда В. П. Петров принял участие в собирании материалов, относящихся к первой фазе культуры полей погребений, с которой и теперь большинство археологов связывает начальные этапы славянского этногенеза. Именно В. П. Петров отметил специфику зарубинецких памятников Среднего Поднепровья по сравнению с верхнеднепровскими.

Последующая стадия развития местных племен на Украине, представленная памятниками черняховского типа, нашла отражение в работах В. П. Петрова в МИА (82, 116) и украинских изданиях. Были опубликованы такие значительные памятники, как Черняховский, Масловский и Лохвицкий могильники и другие материалы. В. П. Петровым была показана несостоятельность мнений об определяющей роли в развитии черняховских племен провинциально-римской культуры и подчеркнута плодотворность исследовательского пути В. В. Хвойки, шедшего от конкретного памятника к понятию культуры (этапы развития: Пруссы — Зарубинцы — Черняхов; см. МИА, 116, 1964, стр 58—59).

Следующий период развития славянской раннесредневековой культуры также привлек пристальное внимание В. П. Петрова, принявшего участие в полевом их изучении (раскопки в Стецовке, см. МИА, 108, 1963) и в осмыслении полученных материалов. Взгляды В. П. Петрова нашли отражение в статьях: «Про зміну археологічних культур на території УРСР у V ст. н. э.» («Археологія», XVIII, Київ, 1965); в подготовленной публикации, долгое время незаслуженно забытой работы С. С. Гамченко, посвященной раннеславянским памятникам типа Корчак (МИА, 108, 1963), а также в других статьях в УІЖ (1963, 4); в «Археологіі» (XIV, Київ, 1962).

Отмечая сдвиги по сравнению с предшествующим этапом развития славян, В. П. Петров подошел к проблеме исторически. Он отметил значение для культурной трансформации общего кризиса позднеантичного времени, который охватывал не только страны, входящие в состав Римской державы, но и страны за пределами римского лимеса. Отличия этнокультурных образований II—V вв. от послечерняховских объясняются не только политическими событиями, нарушением традиционных связей с античным миром, но прежде всего формированием общества, его культуры и экономики в иных исторических условиях. «Общеэтническая стабилизация» раннеславянских племен на раннем этапе развития не могла достигнуть той моно-

[1] Семидесятилетний юбилей ученого нашел отражение в статьях журналов «Советская археология» (1966, 3, стр. 260—261). «Археологія» (XX, Київ, 1966, стр. 3—4), где сообщалось о деятельности ученого в разных научных отраслях и приводились названия главнейших работ. Также см. в автореферате диссертации: В. П. Петров. Язык. Этнос. Фольклор. Киев, 1966, стр. 54—61.

литности в культуре и языке, какая стала возможна в раннем средневековье. Таким образом, утверждал автор, эволюция племен не могла быть прямолинейным развитием, и этнические образования II—V и VI—VII вв. не могут рассматриваться как полностью идентичные. В. П. Петров выступал против тезиса о «нерасчлененности этноса» на «ограниченной территории» (по А. А. Шахматову). Как отмечал В. П. Петров, уже на ранних этапах славянской истории этническая территория венетов—склавинов—антов в пределах Днепра—Дуная—Вислы поражала воображение современников грандиозными размерами. Привлекая археологические источники, В. П. Петров пришел к выводу, что сведения Иордана о землях, занятых в VI в. антами, склавинами и венетами, «поразительно совпадают с тем, что мы знаем на основе археологических данных о границах географического распространения черняховской культуры в ее огромном территориальном размахе от Карпат и Дуная до водораздела Днепра, Дона и верховьев Вислы» (см. В. П. Петров. Язык. Этнос. Фольклор, стр. 36—37).

О более поздних этапах археологии славян исследователь писал в статьях об исторической топографии Киева и археологической карте «матери городов русских». Для занимающихся изучением форм хозяйства или этнографией первоочередной интерес представила одна из последних книг В. П. Петрова «Подсечное земледелие» (Киев, 1968).

Выше приведена только малая часть результатов плодотворной деятельности В. П. Петрова. Работоспособность его была удивительная. Круг интересов и знаний чрезвычайно широкие. Подход к делу — чуждый местнической ограниченности и тенденциозной предвзятости.

В декабре 1967 г. В. П. Петров выступал на совещании по проблемам черняховской культуры во Львове.

На основе анализа письменных источников исследователь отверг мнение о якобы тотальном разгроме местных племен в «скифских» войнах III в. и утверждал преемственное развитие местных племен догуннского и послегуннского времени (см. КСИА АН СССР, 121, 1969).

Товарищеское, деликатное отношение, дружелюбие В. П. Петрова знают все общавшиеся с ним, в том числе многим обязанные почившему исследователю его ученики и диссертанты.

Э. А. Сымонович

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИР — Археологические исследования в РСФСР в 1934—1935 гг.
АКМ — Архангельский областной краеведческий музей
АО — Сб. «Археологические открытия 1966 года»
АП УРСР — Археологічні пам'ятки Української РСР
АС — Археологический сборник
АЭБ — Археология и этнография Башкирии
ВВ — Византийский временник
ВАН СССР — Вестник Академии наук СССР
ВАН БССР — Вестник Академии наук Белорусской ССР
ВАУ — Сб. «Вопросы археологии Урала»
ВДИ — «Вестник древней истории»
ВГМГ — «Вестник Государственного музея Грузии»
ВССА — Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии»
ГИУ — Государственный университет Иркутска
ДА ССР — Дагестанская автономная ССР
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗАО — Записки Археологического общества
Зап. ИОКМ — Записки Иркутского областного краеведческого музея
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАДК — Сб. «История и археология древнего Крыма»
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИА АН — Институт археологии Академии наук
ИАН ТуркмССР — Известия Академии наук Туркменской ССР
ИИАЭ АН ТаджССР — Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР
ИИА АН УзССР — Институт истории и археологии Академии наук Узбекской ССР
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
Изв. Уз ФАН СССР — Известия Узбекского филиала Академии наук СССР
ИИА АН УзССР — Институт истории и археологии Академии наук Узбекской ССР
ИИФФ — Институт истории, философии и филологии (Новосибирск)
ИМКУ — Сб. «История материальной культуры Узбекистана»
ИНВИК — Известия Нижне-Волжского института краеведения
ИООН — Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР
ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук Украинской ССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского государственного музея
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
МАА — Материалы по археологии Абхазии
МАГК — Материалы по археологии Грузии и Кавказа
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МИА ю.-з. СССР и РНР — Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и Румынской Народной Республики
МКДП — Международный конгресс доисторических и протоисторических наук
МЭ — Материалы по этнографии
МЭГ — Материалы по этнографии Грузии
НЗ — Наукові записки. Українська Академия наук
НИИИЯ — Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы (Элиста)
НМ — Новороссийский музей
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ОАМ — Одесский археологический музей
ПВЛ — Повесть временных лет
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ.
ПИСП — Сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху»
РАИМК — Российская Академия истории материальной культуры
САИ — Свод археологических источников
СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа

СОАОК — Соловецкое отделение Архангельского общества краеведения
СОК — Соловецкое общество краеведения
СОНАТ — «Социалистическая наука и техника»
Тр. АИ — Труды Абхазского института языка, литературы и истории
Тр. АН ТаджССР — Труды Академии наук Таджикской ССР
Тр. АС — » Археологического съезда
Тр. ГИМ — » Гос. исторического музея
Тр. ГЭ — » Гос. Эрмитажа
Тр. ИИАН КиргССР — Труды Института истории Академии наук Киргизской ССР
Тр. ИЭ — » Института этнографии
Тр. ИИ УзССР — » Института истории Узбекской ССР
Тр. ККМ — » Калмыцкого музея истории
Тр. КИЧПЕ — » Комиссии по изучению четвертичного периода Европы
Тр. МЭИ — » Московского энергетического института
Тр. ОДЛ — » Отдела древнерусской литературы
Тр. СА РАНИОН — Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
Тр. СГПИ — Труды Сухумского гос. педагогического института
Тр. СОМК — » Саратовского областного музея краеведения
Тр. ТКМ — » Томского краевого музея
Тр. ЮТАКЭ — » Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
УІЖ — Український історичний журнал
Уч. зап. ЛГУ — Ученые записки Ленинградского гос. университета
» ИИЯЛ — » Института истории, языка, литературы
» СГУ — » Саратовского гос. университета
» ТГУ — » Томского гос. университета
» Том ГПИ — » Томского гос. педагогического института
ЦГВИА — Центральный Гос. военно-исторический архив
AAH — Acta archaeologica hungaricae
AAKbh — Acta archaeologica København
AJA — American Journal of Archaeology
AmAn — American Antropologist
ASF — Archaeologica Slovaca Fentes
BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua (Helsinki)
IOSPE — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini
MCA — Materiale si cercetari archeologica
PA — Památky archeologicke
RA — Révue archeologique
SCIV — Studii si cercetari de istorie veche
ZE — Zeitschrift für Ethnologie

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

И. Т. Кругликова (Москва). К 100-летию со дня рождения Б. В. Фармаковского 3

А. П. Черныш (Львов). Хронология мезолитических памятников Поднестровья 9

С. В. Студзицкая (Москва). Изображение человека в искусстве Прибайкалья в эпоху неолита и ранней бронзы (мелкая пластика) 19

А. А. Куратов (Архангельск). О каменных лабиринтах Северной Европы 34

Л. С. Клейн (Ленинград). К проверке оснований гипотезы о генетической связи ямной и катакомбной культур 49

В. А. Фисенко (Саратов). Погребения ямно-катакомбного типа Калмыкии и их место среди памятников бронзовой эпохи северо-западного Прикаспия 58

Н. Е. Урушадзе (Тбилиси). Опыт художественно-образного анализа и реконструкции бронзового пояса из Самтавро 67

Н. Г. Горбунова (Ленинград). О локальных особенностях в культуре древней Ферганы 77

Публикации

С. Н. Орлов (Новгород). Мастерская каменного века в среднем течении реки Мсты 87

В. Ф. Старков (Москва). Кокшарово I — многослойный памятник неолита и бронзы в Среднем Зауралье 97

Н. М. Шмаглий, И. Т. Черняков (Киев). Раскопки курганов эпохи бронзы в Татарбунарском районе Одесской области в 1965 г. 109

М. Д. Хлобыстина (Ленинград). Каменский могильник на Енисее и усть-ербинская группа карасукских памятников 121

Н. А. Онайко (Москва). Разведка античных памятников в районе Новороссийска и Геленджика 130

С. П. Пачкова (Киев). Металлургический центр зарубинецкой культуры у села Лютеж 140

А. Ф. Дубынин (Москва). Городище Кузнечики в Подмосковье 152

И. Г. Розенфельдт (Москва). Керамический комплекс городища Кузнечики 165

Ю. Н. Воронов, А. С. Вознюк, В. А. Юшин (Сухуми). Апуштинский могильник IV—VI вв. н. э. в Абхазии 175

С. А. Изюмова (Москва). Курганы у с. Доброе Тульской области 191

С. О. Хан-Магомедов (Москва). Джума-мечеть в Дербенте 202

Заметки

Л. В. Кольцов (Москва). Первая мезолитическая стоянка в бассейне Клязьмы 221

Ю. В. Титов (Петрозаводск). Об орнаменте керамики типа Сперрингс . 224

Д. С. Цвейбель (Донецк). Древние кремневые выработки у с. Широкое в Донбассе 227

Н. Н. Чередниченко (Киев). Поселение срубной культуры на Луганщине 233

Г. Н. Шендаков (Камышин). О пряслицах срубной культуры 238

И. И. Гущина (Москва). Находки скифского времени из Прикубанья . . . 241

Н. Л. Грач (Ленинград). Мраморная скульптура из Горгиппии 245

Л. А. Чиндина (Томск). Керамика могильника «Релка» на средней Оби . 248

А. Н. Щеглов (Севастополь). Раннесредневековые поселения на Тархан-кутском полуострове Крыма 254

Ю. М. Золотов (Москва). О Трояне «Слова о полку Игореве» 261

А. С. Воскресенский (Москва). Новые данные о поливной архитектурной керамике золотоордынского Поволжья 263

С. С. Савкевич, И. А. Шакс (Ленинград). К вопросу о возможности использования ИК-спектров янтаря для определения его происхождения в археологических объектах 265

О. Ю. Круг (Москва). Определение технологических характеристик сыродутного процесса получения железа по археологическим шлакам 268

В. П. Дудкин (Киев). К вопросу о применении дифференциального магнитометра в археологической разведке 272

Критика и библиография

П. М. Кожин (Москва). A. Niederlender, R. Lacam, J. Arnal. Le gisement neolithique de Roucadour 278

А. А. Формозов (Москва). Об историческом месте неолитической культуры левобережной Украины 280

А. И. Болтунова (Москва). Inscriptiones Graecae urbis Romae. Curavit L. Moretti. Fasciculus primus (1—263) 284
Г. А. Кошеленко (Москва). О новых зарубежных работах по подводной археологии 287
В. Б. Вилинбахов (Ленинград). По поводу некоторых замечаний П. В. Третьякова 294
Л. С. Клейн (Ленинград). По поводу информации о методике американских археологических исследований 298
Г. Н. Чубинашвили (Тбилиси). В редакцию журнала «Советская археология» 301

Хроника

Н. Д. Праслов (Ленинград). Вопросы первобытной археологии на Международном рабочем совещании по теме «Лесс — перигляциал — палеолит Средней Европы» 303
Я. Н. Безносиков (Сыктывкар). Некоторые итоги археологических исследований Коми филиала АН СССР 306
П. П. Ефименко 310
В. П. Петров 313

SOMMAIRE

Articles

I. T. Krouglikova (Moscou). Pour le centème anniversaire de B. V. Formakovsky 3
A. P. Tchernych (Lvov) La chronologie des monuments mésolithiques du bassin du Dniestr 9
S. V. Stoudzitskaïa (Moscou). L'image de l'homme dans l'art de la région du Baïkal à l'époque néolithique et pendant la première période du bronze . . 19
A. A. Kouratov (Arkhanguelsk). A propos des labyrinthes en pierre de l'Europe Nord 34
L. A. Kleïn (Léningrad). Concernant la vérification de l'hypotèse principale sur la liaison génétique de la civilisation de fosses et de celle de catacombes 49
V. A. Fissenko (Saratov). Les sépultures en fosses et catacombes des Kalmouks et leur place parmi les monuments de l'époque du bronze sur le littoral Nord-Ouest de la mer Caspienne 58
N. E. Ourouchadzé (Tbilissi). L'essai de l'analyse artistique des images et de la reconstruction d'une ceinture en bronze de Samtavro 67
N. G. Gorbounova (Léningrad). Sur les particularités locales dans la civilisation de l'ancienne Fergana 77

Publications

S. N. Orlov (Novgorod). Un atelier de l'âge de pierre dans le cours moyen de la riviére de Msta 87
V. F. Starkov (Moscou). Kokcharovo I — un monument du néolithe et du bronze à plusieurs couches en Transouralie Moyenne 97
N. M. Chmagly, I. T. Tcherniakov (Kiev). Les fouilles des tumulus de l'époque du bronze dans le rayon de Tatarbounarsky, région d'Odessa, en 1965 . . 109
M. D. Khlobystina (Léningrad). La sépulture de Kamensky sur le Iénisseï et le groupe d'Oust-Erba de monuments de Karassouk 121
N. A. Onaïko (Moscou). La prospection des monuments antiques dans la région de Novorossijsk et de Guélendjik 130
S. P. Patchkova (Kiev). Le centre métallurgique de la civilisation de Zaroubintsky prés du village de Lutej 140
A. F. Doubynin (Moscou). Les vestiges de la ville de Kouznétchiki aux environs de Moscou 152
I. G. Rosenfeldt (Moscou). L'ensemble de céramique de l'ancienne ville de Kouznétchhiki 165
I. N. Voronov, A. S. Voznіouk, V. A. Iouchina (Soukhoum-Kalé). La nécropole d'Apouchta IV—VI ss. de n. é. en Abkhazie 175
S. A. Izumova (Moscou). Les tumulus situés prés du village de Dobroïé région de Toula 191
S. O. Khan-Magomédov (Moscou). Djoula-mosquée à Derbent 202

Notices

L. V. Koltsov (Moscou). La première station mésolithique dans le bassin de Kliazma 221
I. V. Titov (Pétrozavodsk). Sur l'ornement de la céramique du type Sperrings 224
D. S. Tsveïbel (Donetzk). Les anciennes excavations de silex près du village de Chirokoïé dans le bassin du Donetz 227
N. N. Tchérednitchenko (Kiev). Un village de la civilisation des charpentes . 233
G. N. Chendakov (Kamychin). Sur les plombs à filer de la civilisation des charpentes 238
I. I. Gouchtchina (Moscou). Les trouvailles du temps des Scythes dans le bassin du Kouban 241
N. L. Gratch (Léningrad). La sculpture en marbre de Gorgipia 245
L. A. Tchindina (Tomsk). La céramique de la sépulture de Relka sur l'Obi moyen 248
A. N. Chtchéglov (Sébastopol). Les villages de l'époque primitive du moyen âge sur la presqu'île de Tarkhankoutsky en Crimée 254
I. M. Zolotov (Moscou). A propos de Troïan dans «Le dit du prince Igor» . . 261
A. S. Voskréssensky (Moscou). Les nouvelles données sur la poterie architecturale à la couverte du bassin de la Volga, région de la Horde d'Or . . . 263
S. S. Savkévitch, I. A. Chaks (Léningrad). Sur la question de la possibilité de l'utilisation des IK-spectres de l'ambre jaune pour la définition de son origine dans des objects archéologiques 265
O. I. Kroug (Moscou). La définition des caractéristiques technologiques du procédé de soufflage pour l'obtention du fer d'après les scories archéologiques 268
V. P. Doudkine (Kiev). Sur la question de l'emploi du magnitomètre différentiel dans la prospection archéologique 272

Critique et bibliographie

P. M. Kojine (Moscou). A. Niedelender, R. Lacam, J. Arnal. Le gisement néolilithique de Raucadour 278
A. A. Tormozov (Moscou). A propos de la place historique de la civilisation néolithique de l'Ukraine de la rive gauche 280
A. I. Boltounova (Moscou). Inscriptiones Graecae urbis Romae. Curavit L. Moretti, Fasciculus primus (1—263) 284
G. A. Kochelenko (Moscou). Sur certains nouveaux travaux étrangers concernant l'archéologie sousmarine 287
V. B. Vilinbakhov (Léningrad). A propos de certaines remarques de P. N. Trétiakov 294
L. S. Kleïn (Léningrad). A propos de l'information sur la méthode des recherches archéologiques américaines 298
G. N. Tchoubinachvili (Tbilissi). A la rédaction de la revue «L'archéologie Soviétique» 301

Chronique

N. D. Praslov (Léningrad). Les questions de l'archéologie primitive à la conférence Internationale de travail sur le sujet «Loess — période périglaciale — paléolithe de l'Europe Centrale» 303
I. N. Beznossikov (Syktyvkar). Certains résultats des recherches archéologiques de la Komi — succursale de l'Académie des Sciences de l'URSS . . . 306
P. P. Iéfimenko. 310
V. P. Pétrov 313

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17/X-1969 г. Т-00750 Подписано к печати 21/I-1970 г. Тираж 2650 экз.
Зак. 2930 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл. печ. л. 28,1+1 вкл. Бум. л. 10 Уч.-изд. л. 30,7

2-я типография издательства «Наука». Москва. Шубинский пер., 10

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

В журнале «Советская археология» помещаются научно-исследовательские статьи по вопросам археологии и смежных с нею дисциплин, критические статьи и рецензии на вновь вышедшие книги по археологии, публикации новых археологических материалов.

Присланные статьи рецензируются, после чего утверждаются редколлегией.

При подготовке рукописей просим авторов придерживаться следующих правил:

1. Рукописи следует присылать в 2-х экземплярах, напечатанных на машинке через два интервала на одной стороне листа стандартного размера с полями с левой стороны листа.

2. Сноски помещаются внизу страницы, а не в конце статьи. Нумерация сносок постатейная. Сноски печатаются также через 2 интервала.

3. Последовательность цитирования монографий: автор (инициалы перед фамилией), название работы (без кавычек), место издания, год издания, страница.

4. Последовательность цитирования журнальных статей: автор, название статьи (без кавычек), название журнала, год, номер, страница.

5. К статье прилагается список употребляемых сокращений в 2-х экземплярах и краткое (10—20 строк) резюме на русском языке.

6. Иллюстрации следует давать в пригодном для воспроизведения в печати виде (фото-контрастные и рисунки — тушью). Фотографии следует представлять в 2-х экземплярах. Иллюстрации должны быть пронумерованы соответственно порядку их упоминания в тексте статьи, на обороте каждого рисунка указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. К иллюстрациям необходимо приложить список подписей под рисунками в 2-х экземплярах.

Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского и греческого алфавита, должны быть сдублированы на кальке для изготовления клише.

7. Направляемая в редакцию рукопись должна быть подписана автором, текст ее тщательно проверен, все ссылки выверены. Должны быть указаны дата отправления и полный почтовый адрес автора.

8. Рукописи в основном печатаются в журнале в порядке поступления их в Редакцию. На переработку статьи направляются авторам с отзывом рецензента. Рукописи, присланные после переработки, рассматриваются как вновь поступившие.